

**Отраденское районное общество
историков-архивистов
во имя святого преподобного Нестора Летописца**

**Отраденские
историко-краеведческие
ЧТЕНИЯ**

Выпуск I

Материалы региональной научной конференции,
посвящённой 100-летию со дня рождения
Сергея Даниловича Мастепанова

*Ответственный редактор С.Н. Малахов
Составитель С.Г. Немченко*

Армавир – Отрадная
2013

УДК 947.1/9(470.62)
ББК 63.3 (2Рос-4Кра)
О 80

Научное издание

Редколлегия:

Малахов С.Н. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
Армавирской государственной педагогической академии
(*отв. редактор*)

Немченко С.Г. – краевед, председатель Отраденского районного общества
историков-архивистов (*составитель*)

Плотникова В.А. – начальник Архивного отдела
Администрации муниципального образования «Отраденский район»

Рецензенты:

Голованова С.А. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России
Армавирской государственной педагогической академии

Лоба В.Е. – кандидат юридических наук, начальник Управления научно-исследовательской
деятельностью Армавирской государственной педагогической академии

Малахова А.С. – кандидат исторических наук, специалист отдела магистратуры
Армавирской государственной педагогической академии

Отраденские историко-краеведческие чтения. Вып. I. Материалы региональной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Сергея Даниловича Мастепанова [Текст] / отв. редактор С.Н. Малахов; сост. С.Г. Немченко. - Армавир: Издатель Шурыгин В.Е., 2013. – 314 с., ил.

В сборнике публикуются материалы первых Отраденских историко-краеведческих чтений, посвящённых 100-летию со дня рождения педагога, краеведа, фольклориста и паремиолога, уроженца станицы Отрадной Сергея Даниловича Мастепанова (1913 – 2002). В статьях и исследованиях участников конференции рассматриваются актуальные проблемы археологии, истории, фольклористики, лингвокраеведения, топонимии, исторической географии, этнологии, церковной истории, литературного краеведения Поурупья и Карачаево-Черкесии. В работах участников конференции в научный оборот вводятся новые архивные данные, помогающие более полно представить историю Поурупья и сопредельных территорий с древнейших времён до наших дней.

Впервые в сборнике печатаются ранее неизданные историко-краеведческие работы С.Д. Мастепанова и воспоминания о нём.

Издание представляет интерес для историков, филологов, краеведов, учителей «Кубановедения», студентов, учащихся и всех, кто интересуется историческим прошлым Отраденского района, Карачаево-Черкесии и Кубани.

На первой стороне обложки: станица Отрадная с высоты птичьего полёта. (Фото - Пивкин Б.П.).

На концевой стороне обложки: в Отраденском районном историко-археологическом музее, 1988 год.

Вверху (слева направо): Мастепанов С.Д., краевед; Смирнов Н.П., краевед; Тёр В.В., журналист;

Немченко Г.Л., писатель. Внизу (слева направо): Мастепанов С.Д., краевед; Смирнов Н.П., краевед;

Хатарий С.А., сотрудник музея, краевед; Ложкин М.Н., сотрудник музея, краевед.

(Фото - Жигайлов А.Н.)

*Издание осуществлено за счёт средств авторов
и казака станицы Отрадной С.Г. Немченко*

ISBN 978-5-91153-092-1

© Авторы статей, 2013.
© Оформление. Издатель Шурыгин В.Е., 2013.

Содержание

От редактора6

I. Сергей Данилович Мастепанов – педагог, учёный, человек

<i>Немченко Г.Л.</i> Хранитель.....	9
<i>Темирова Р.Х.</i> Воспоминания о Сергее Даниловиче Мастепанове.....	11
<i>Тёр В.В.</i> Хранитель народной мудрости.....	12
<i>Гедыгушева Т.Х., Карданова А.Х.</i> Формирование ценностных ориентаций молодёжи (на примере жизни и деятельности С.Д. Мастепанова).....	13
<i>Заубидова И.Х.</i> Краевед, археолог, знаток фольклора народов Карачаево-Черкесии – С.Д. Мастепанов.....	16
<i>Шевченко В.В.</i> Через пропасть к вершине, или Жизнь равная подвигу.....	17
<i>Филиппов С.К.</i> Феномен Мастепанова.....	25

II. Фольклор и лингвокраеведение

<i>Хабекирова Х.А.</i> О материнском образе героини нартского эпоса Сатаней.....	36
<i>Шенкао М.Б.</i> К вопросу об абазинской метрологии.....	38
<i>Астежеева А.М.</i> Обряд вызывания дождя у адыгов (черкесов).....	40
<i>Малахова А.С.</i> Народные представления о здоровье, болезни и смерти в русских пословицах XVII – XVIII вв.....	42
<i>Засухин Р.В.</i> Отражение фольклорных традиций кубанского казачества в песнях периода Гражданской войны на Северном Кавказе (1918 – 1920 гг.).....	53
<i>Пелих В.М.</i> Певец земли Отраденской (памяти писателя И.Н. Бойко).....	55
<i>Чумаченко В.К., Строкун Л.М.</i> Бойко Иван Николаевич (1934 – 2013). Биобиблиографический указатель.....	59
<i>Шишканова А.В.</i> Особенности казачьей лексики, бытующей на Верхней Кубани и Зеленчуках.....	66
<i>Власкина Т.Ю.</i> Образ воды в речевой практике населения дельты Дона.....	71

III. Литературное краеведение

<i>Заубидова И.Х.</i> Литературное и историческое краеведение в альманахах Д.И.Суздальцева.....	75
<i>Орёл Л.Г.</i> О создании школьного музея Т.Г. Шевченко в станице Малотенгинской.....	77
<i>Орёл Л.Г.</i> Василий Орёл – Якову Кухаренко. Приложение. Библиография публикаций В.Н. Орла о Я.Г. Кухаренко.....	84
<i>Петрова-Хорина Н.Н.</i> Патриарх кубанской культуры Яков Герасимович Кухаренко (1799 – 1862).....	89
<i>Мамчуева Ф.О.</i> Поэтический текст как отражение культурной картины мира в поэзии народов Карачаево-Черкесии.....	95

IV. Историческая география и топонимия

<i>Ионова С.Х.</i> О русских названиях населенных пунктов (ойконимах) Карачаево-Черкесии.....	101
<i>Темирова Р.Х.</i> Первые русские поселения верховьев Кубани и её левых притоков.....	103
<i>Соловьёва Н.Г.</i> История русских населенных пунктов Карачаево-Черкесии.....	111

V. Археология. Этнография. История

Савенко С.Н., Кравцова С.Л. О роли С.Д. Мастепанова в формировании и изучении

археологических коллекций из памятников Верхнего Прикубанья.....	117
<i>Пелих А.Л.</i> Археологические разведки в округе ст. Каладжинская Лабинского района Краснодарского края.....	121
<i>Голованова С.А.</i> Место и роль ушкуйников в ранней истории гребенского казачества.....	127
<i>Голубев Л.Э.</i> К ранней истории махошевцев.....	129
<i>Байрамкулова А.А.</i> Гостеприимство в истории общественных отношений народов Карачаево-Черкесии.....	132
<i>Хужева Л.К.</i> Одежда как один из важнейших элементов материальной культуры черкесов...137	
<i>Гедыгушева Т.Х., Карданова А.Х.</i> Об исторических связях казаков и черкесов.....	141
<i>Емельянов О.Б., Емельянов Н.О.</i> О командировании служащих чинов Моздокского казачьего полка на Лабинскую линию при наместничестве князя Н.Н.Муравьева в 1855 г.....	145
<i>Матвеев О.В.</i> Первый летописец казачьего Приурупья.....	148
<i>Лукошкина Е.В., Слуцкий А.И.</i> Заметки о полковой библиотеке 5-ой бригады Кубанского казачьего войска.....	159
<i>Русанов К.В.</i> Материалы к истории военного госпиталя в станице Константиновской на Чамлыке (1855 – 1869 гг.).....	166
<i>Пылков О.С.</i> Деятельность российских военнoслужаших как фактор противoэпидемической безопасности на Северном Кавказе (первая половина XIX в.).....	171
<i>Русанов К.В.</i> Эпизод борьбы с дифтерией на Кубани зимой 1895/1896 гг.....	176
<i>Телепень С.В.</i> Кубанские казаки в Польше в XIX в.: проблемы междтнического и межкультурного диалога.....	182
<i>Бондаренко Владимир, иерей.</i> По страницам летописи Екатерино-Лебяжской Свято-Николаевской пустыни.....	184
<i>Ложкина О.А.</i> «Нива Господня невозделанная, паства ещё не образованная...» Особенности формирования духовного сословия в приходах Поурупья XIX – начала XX века.....	189
<i>Самовтор С.В.</i> Сведения о школах в станицах и хуторах современного Отрадненского района Краснодарского края в дореволюционный период (по документам ГАКК).....	195
<i>Тёр В.В.</i> К вопросу о влиянии модернизационных процессов на религиозное состояние кубанских станиц во второй половине XIX в. (на примере отрадненского Приурупья).....	210
<i>Якубов В.В.</i> Скорбная Троица. К истории антибольшевистского восстания казаков ст. Лабинской.....	212
<i>Кратова Н.В.</i> Повстанческое движение на Северо-Западном Кавказе в начале 1920-х годов: проблемы включения в состав Советской России.....	219
<i>Семёнов А.А.</i> Гражданская война на Северном Кавказе: от кризиса традиционного сознания казачества к разрушению его системы ценностей.....	224
<i>Корсакова Н.А.</i> Гвардейский дивизион в эмиграции. Страницы истории.....	228
<i>Коровин А.А.</i> Голод 1932 – 1933 годов в ст. Подгорной Отрадненского района и его последствия.....	231
<i>Бровко А.М., Казанков В.И.</i> Репрессии против казачества как пролог голодомора 1932 – 1933 гг.	234
<i>Дейневич А.В.</i> Рассекреченный голод (к 80-летию начала голодомора 1932 – 1933 гг.).....	236

VI. Краеведение и краеведы Поурупья

<i>Лукаш С.Н., Климушин И.А., Левицкий И.Л.</i> «Учитель, воспитай ученика...» Вспоминая Николая Ивановича Навротского.....	245
<i>Берендюков Б.Н.</i> О.В. Веровенко – армавирский краевед.....	247
<i>Бровко А.М., Казанков В.И.</i> Заметки об истоках краеведческой деятельности в ст. Бесскорбной.....	249
<i>Тёр Е.В.</i> История села Пискуновского в судьбе Н.А. Герасименко.....	254
<i>Андреева О.В.</i> Воспоминания об основателе Отрадненского краеведческого музея П.М. Галушко.....	256
<i>Канарёв В.Н.</i> Воспоминания о П.М. Галушко и его коллегах-учителях.....	262

Петров В.Н. Историческая память: сотворение и жизнь.....271

VIII. Из историко-краеведческого наследия С.Д. Мастепанова

У древних стен.....276

И у нас на Бермамыте.....277

Наш выдающийся земляк (к 110-летию со дня рождения М.И. Бруснева).....278

Николай Григорьевич Петрусевич.....280

Краткий исторический очерк посёлка Шахта №6 (с древнейших времён до настоящего времени).....282

Почему я хочу побывать в Индии.....303

Список сокращений.....310

Сведения об авторах.....311

От редактора

Этим изданием Отрадненское отделение Российского общества историков-архивистов решило почтить память Сергея Даниловича Мастепанова (1913 – 2002) – педагога, краеведа, фольклориста, паремиолога, учёного-самоучки, уроженца станицы Отрадной, человека с неповторимой и трудной судьбой, которая неотделима от истории кубанского казачества и истории всей нашей страны в целом в трагическом и одновременно героическом XX веке. Основные этапы его жизни и деятельности рассмотрены в недавно вышедшем историко-биографическом очерке С.Н. Малахова и С.Г. Немченко «В поисках пословиц. Жизнь и век Сергея Даниловича Мастепанова», к которому мы и отсылаем читателя.

В этом томе историко-краеведческих чтений уникальной судьбе С.Д. Мастепанова посвящён первый, «мемориальный», раздел. Здесь впервые публикуются один из вариантов сценария фильма «Хранитель» Г.Л. Немченко, очерки об Учителе (написанные в конце 80-х годов) В.В. Шевченко и С.К. Филиппова; своими воспоминаниями о Сергее Даниловиче делятся В.В. Тёр и Р.Х. Темирова, значение многолетней педагогической и краеведческой деятельности С.Д. Мастепанова определяется в статьях И.Х. Заубидовой, Т.Х. Гедыгушевой и А.Х. Кардановой.

Все эти работы помогают воссоздать образ нашего земляка и в определённой мере, – особенно тем читателям, кто не знал его лично, – приблизиться к пониманию «феномена» Мастепанова.

Во втором разделе – «Фольклор и лингвокраеведение» – рассматриваются различные аспекты изучения русского фольклора и фольклора народов Северного Кавказа. Известно, что собрание, изучение фольклорного творчества народов Карачаево-Черкесии, а также фольклора казаков Верхней Кубани и Поурупья было одним из основных направлений краеведческой и научной деятельности Сергея Даниловича. В статье Х.А. Хабекировой анализируется образ матери Сатаней в нартовском эпосе, М.Б. Шенкао даёт лексикографический обзор абазинской метрологии; сравнительное

изучение обряда вызывания дождя у адыгов (черкесов) проводит А.М. Астежева. Народные представления о здоровье, болезнях и смерти на материале русских пословиц XVII – XVIII веков изучаются в статье А.С. Малаховой. Бытование и трансформации песенного фольклора в условиях Гражданской войны описывает в своей работе Р.В. Засухин. Особенности казачьего говора и лексики на современном этапе у населения Верхней Кубани посвящена статья А.В. Шишкановой. В работе В.М. Пелих рассматривается проблема использования лексики казачьего говора отрадненцев в литературных произведениях писателя Ивана Николаевича Бойко. Как и С.Д. Мастепанов, И.Н. Бойко долгие годы занимался собиранием песенного и частушечного фольклора населения Приурупья. В.К. Чумаченко и Л.М. Строкун впервые публикуют наиболее полную библиографию этого замечательного писателя.

В третьем разделе – «Литературное краеведение» – поднимаются малоизученные вопросы, касающиеся литературной истории Отрадненского района, Кубани и Карачаево-Черкесии. В статье И.Х. Заубидовой впервые рассказывается об уникальных краеведческих альманахах, вышедших в Карачаево-Черкесии по инициативе краеведа Д.И. Суздальцева, который близко знал Сергея Даниловича, сотрудничал с ним, и в буквальном смысле «открыл» Мастепанова для советской прессы семидесятых годов. «Украинские страницы» литературной истории Отрадненского района рассматриваются в двух работах Л.Г. Орёл: в одной из них рассказывается об опыте создания школьного музея в ст. Малотенгинской, посвящённого творчеству Т.Г. Шевченко, в другой – описывается деятельность историка литературы Василия Николаевича Орла (долгие годы работавшего в Отрадной) по воссозданию творческой биографии Я.Г. Кухаренко. Этот очерк завершается библиографией работ В.Н. Орла о Кухаренко. Роль и значение Якова Герасимовича Кухаренко (1799 – 1862), стоявшего у истоков кубанской литературы, журналистики и издательского дела, показана в статье Н.Н.

Петровой-Хориной. Завершает раздел статья О.Ф. Мамчуевой об отражении культурной картины мира в поэтических текстах современных поэтов Карачаево-Черкесии.

В четвёртом разделе – «Историческая география и топонимия» – рассматриваются различные, в том числе и дискуссионные, проблемы основания и развития русских поселений на Северо-Западном Кавказе, а также межэтнического взаимодействия казачьего и горского населения в XVIII – XIX веках. Этимологию и структуру ойконимов русских населенных пунктов Карачаево-Черкесии рассматривает С.Х. Ионова. Историю создания русских поселений в верховьях Кубани и на её левых притоках в контексте событий Кавказской войны подробно анализирует Р.Х. Темирова. Основание станиц и развитие их административно-политической, социально - экономической и культурной инфраструктуры в XIX – начале XX века изучаются в статье Н.Г. Соловьёвой.

Пятый раздел сборника посвящён проблемам археологии, этнографии и истории. С.Н.Савенко и С.Л. Кравцова рассказывают о роли С.Д. Мастепанова в формировании археологических коллекций краеведческих музеев Ставрополя и Черкесска, об открытии им ряда археологических памятников средневековья в Верхнем Прикубанье. Археологическую карту окрестностей ст. Каладжинской уточняет в своей работе А.Л. Пелих. Различные аспекты ранней этнической истории гребенского казачества, адыгов, отдельные формы материальной культуры, этнокультурные взаимосвязи народов Северного Кавказа, межэтническое взаимодействие черкесов и казачества анализируют в своих обстоятельных статьях С.А. Голованова, Л.Э. Голубев, А.А. Байрамкулова, Л.К. Хужева, Т.Х. Гедыгушева и А.Х. Карданова.

В статье О.Б. Емельянова и О.Н. Емельянова приводятся новые материалы о службе Моздокских казаков на Лабе. В работе С.В. Телепня суммируются данные об основных этапах и формах межкультурного и межэтнического диалога кубанских казаков и поляков в XIX в.

На основании недавно разысканных архивных материалов раскрываются малоизвестные страницы культурной жизни Приурупья и станицы Отрадной во второй

половине XIX. О.В. Матвеев изучает биографию и деятельность первого летописца казачьего Приурупья войскового старшины ККВ М.И. Санькова, автора исторического очерка «Описание поселений 5-й (Урупской) бригады Кубанского казачьего войска и отдельных действий её частей против непокорных горцев». Е.В. Лукошкина и А.И. Слуцкий воссоздают историю полковой библиотеки 5-й бригады ККВ. По документам, сохранившимся в ГАКК, С.В. Самовтор дает обзор штатного состава всех станичных и хуторских школ Приурупья (в границах современного Отраденского района) до начала Первой мировой войны.

О роли военных медиков в развитии медицины на Кубани в XIX в. сообщают в своих работах О.С. Пылков и К.В. Русанов.

Отдельные аспекты приходской и монастырской жизни Русской Православной Церкви на Кубани, в том числе и в Поурупье, рассматриваются в статьях о. Владимира Бондаренко, О.А. Ложкиной. Е.В. Тёр изучает влияние модернизационных процессов на активизацию сектантских общин в Приурупье в начале XX в.

Различные этапы повстанческого движения казачества против большевистского режима, разрушительные последствия Гражданской войны для казачества как социального сословия старой России, исход белого казачества в эмиграцию и другие аспекты «белого движения» подробно рассматриваются в статьях В.Н. Кратовой, Н.А.Корсаковой, А.А. Семёнова, В.В. Якубова.

Печальной годовщине голода на Кубани 1932 – 1933 гг. посвящены работы А.А. Коровина, А.В.Дейневича, А.М. Бровка и В.И.Казанкова. Для анализа антинародной политики большевиков, искусственно создавших условия голода в целях решения политических и классовых задач, привлекаются устные свидетельства тех, кто чудом выжил в период голодомора, собранные краеведами в 1980-е годы.

В шестом разделе – «Краеведение и краеведы Поурупья» – представлены биографические заметки, воспоминания и наблюдения по вопросам развития краеведения в этом регионе Кубани. Краеведение в Поурупье – тема мало исследованная. В советский период краеведение зарождается здесь в конце 1920-начале 1930-х гг., цен-

тром краеведческой деятельности был г. Армавир. Будем надеяться, что этот раздел станет постоянным в Отрадненских историко-краеведческих чтениях. В этом выпуске Чтений рассказывают о судьбе и педагогической деятельности армавирского краеведа и археолога Н.И. Навротского его ученики – С.Н. Лукаш, И.А. Климушин, И.Л. Левицкий.

В небольшой заметке Б.Н. Берендюков знакомит читателя с началом краеведческой деятельности, ныне почти забытого, исследователя истории Армавира О.В. Веровенко. В очерке А.М. Бровко и В.И. Казанкова даны лаконичные портреты любителей старины и жителей станицы Бесскорбной, стоявших у истоков краеведческой работы в этой станице. О встречах с краеведом Н.А. Герасименко из с. Пискуновского пишет в своем эссе Е.В. Тёр. Неравнодушные размышления и наблюдения о возрождении исторической памяти в современном обществе (на примере станицы Отрадной) изложены в статье В.Н. Петрова «Историческая память: сотворение и жизнь». Живыми воспоминаниями об одном из основателей Отрадненского музея и активистов краеведческого движения в Отрадненском районе в послевоенные годы П.М. Галушко делятся О.В. Андреева и В.Н. Канарёв.

В заключительном, седьмом разделе читателю предлагаются малоизвестные опубликованные, а также ранее никогда не публиковавшиеся историко-краеведческие работы Сергея Даниловича Мастепанова. Это далеко не полный перечень его работ. Предназначавшиеся, в основном, для «газетного» чтения, статьи не содержат справочно-библиографического аппарата, что в определённой мере снижает их научную ценность, но написанные литературным, образным и ясным языком они представляют собой образец «краеведческого историописания», характерного для 1960 – 1980-х годов. Особую ценность имеет исторический очерк о посёлке шахты №6, в котором провёл Сергей Данилович добрую половину своей жизни, выучил не одно поколение учеников, исходил в поисках археологических древностей все его окрестности. В написании очерка автор использовал как работы дореволюционных авторов о Карачае, так и фольклорные записи, мест-

ные предания, личные наблюдения над археологическими памятниками, что придает работе в ряде мест ценность исторического источника. В рукописи остаются пока и небольшие заметки по истории поселковской школы, в которой долгие годы работал С.Д. Мастепанов. Можно надеяться, что рукописный архив Сергея Даниловича ещё далеко не исчерпан, будет разыскан и издан. Недюжинную эрудицию, масштабность и стиль мышления фольклориста и краеведа из горного посёлка демонстрирует впервые публикуемый очерк «Почему я хочу побывать в Индии».

Редколлегия выражает надежду, что первый сборник «Отрадненских историко-краеведческих чтений» положит начало доброй традиции по изучению древней и новой истории земли Отрадненской, объединяя интересы археологов и историков, фольклористов и литературоведов, специалистов военного дела и этнографов, историков церкви и культурологов, а также иных ревнителей исторического прошлого Поурупья, живущих на Кубани, в ближнем и дальнем зарубежье.

Настоящее серийное издание инициировано Отрадненским районным обществом историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца (председатель – С.Г. Немченко) и, надеемся, обретёт в ходе последующих выпусков долгую жизнь и широкую аудиторию заинтересованных читателей.

С.Н. Малахов

И. СЕРГЕЙ ДАНИЛОВИЧ МАСТЕПАНОВ – ПЕДАГОГ, УЧЁНЫЙ, ЧЕЛОВЕК

Г.Л. Немченко

Хранитель

Места, в которых Мастепанов живет, – древний перекресток истории, через который прошли многие племена и народы...

Памятником далеким временам остались на этой древней земле тысячелетние храмы – ослепшие теперь от вспышек фотографов снаружи и от костров внутри, оглохшие от туристских транзисторов, от крика компаний, приезжающих сюда не ради духа, как раньше, а ради брюха, на пикники...

Так отреклись мы от старого мира, так отрясли его прах...

А он, Мастепанов, словно остался добровольным смотрителем этих оскверненных, полуразрушенных храмов. Хранителем того, что еще осталось.

Сколько драгоценных для историков реликвий из тех, что могли быть безжалостно разбиты, затоптаны, разграблены, спасено им и передано в музеи страны – в Ставрополь, Орджоникидзе, Ленинград, Москву. К скольким он привлек внимание ученых... При всем притом, что археология – это не главное его увлечение. Побочное занятие, так сказать. Хобби.

А нашел он себя в другой области. Наука, которой он занимается – паремиология.

Теперь-то я хорошо знаю, как доставалась ему его паремиология... Ах, если бы у молодых наших ученых было столько же энтузиазма! Столько же, как в нем, бессребреничества.

Долгие годы ездил в Москву и Ленинград на свои, выкроенные из учительской пенсии, деньги... Ел хлеб, водицей запивал – все это не в переносном, в прямом смысле. Ночевал на вокзалах, а рано утречком спешил в библиотеки – в Ленинскую, в Библиотеку иностранной литературы, и в последнее время – в Фундаментальную библиотеку Института научной информации по общественным наукам при Академии наук.

Библиотекари, которые тоже у нас, прямо скажем, не богачи, давно к Мастепанову привыкли, давно оценили его самоотверженность. Книги, которые нам с вами, как говорится, и не снились, которые и подержать в руках не дадут – ему позволяют на время взять с собой – сделать выписки.

В его московских поездках я уже не представляю его без тяжелого чемодана, набитого книгами, с которым он терпеливо идет по городу, едет в электричке, идет через лес. Без этой сумки с задиристой юношеской надписью – «Чемпион».

Возвращается к себе на Шестую шахту с тысячами карточек, которые пополнят его научный арсенал. С ксерокопиями нужных ему статей или редких книг, на которые уходят остатки пенсии... По мнению односельчан, он занимался совершенно пустым делом – собирал и собирал пословицы и поговорки: карачаевские, черкесские, осетинские, русские. С трудом, добираясь сквозь иностранные тексты, вникал в афоризмы народов мира.

Смотришь на него – невольно думаешь: кто же он, этот добровольный теперь затворник, который никогда ни на что не жалуется, никакой обиды не выскажет... Кто он, щедро раздающий свои уникальные находки, щедро снабжающий историческими материалами многих и многих, ученых званий и степеней жаждущих?.. Добровольный гид, с равной охотой рассказывающий легенды этих мест как русским и карачаевским ребятишкам, так и видным ученым из Болгарии, Венгрии...

На этот раз приехали к нему давний знакомый Мастепанова, его коллега и его, случается, оппонент Михаил Николаевич Ложкин, тоже бывший учитель истории, человек, который много лет подряд тоже бескорыстно помогает историкам, археологам – возле Отрадной он открыл большое аланское городище..., и отец Сергей, священник Рождество-Богородицкой церкви в Отрадной, благочинный по должности и кандидат богословия, который, подумывая о диссертации магистерской, решил поближе познакомиться с древними храмами в

округе – они ведь на сотню лет старше киевских и новгородских: именно отсюда, с юга, продвигалось христианство в русские земли.

Не исключено, что любопытство отца Сергия подогрето недавним обращением церкви, с просьбой передать ей эти беспризорные – хоть они объявлены историческими памятниками – храмы.

Начало свое Сергей Данилыч ведет из старинного казачьего рода Мастепановых. Были в роду и атаманы, и славные удалцы, были и крепкие хозяева, не было только грамотеев... Вспоминаю его рассказ, как он в них, в грамотеи, выбивался. Проявил способности в первом классе, и через два месяца его перевели во второй, еще через пару месяцев – в третий класс, потом – в четвертый. Получил свидетельство и радостный прибежал домой: вот, мол, видите, как я могу учиться – всех обошел! Да я, когда пойду в пятый... "Не пойдешь, – сказала мать. – Хватит с нас. Ты и так теперь самый грамотный. А нынче сено косить пора..."

Хорошо хоть, старые отраденские учителя не отказывали ему в книгах, не ворчали, что в специальной сумке носит их с собой всюду.

Читал он запоем. Всякую минуту, когда взрослые отдыхали от косьбы, от мотыбы, от пахоты.

А в школу он все-таки пришел. Сразу – учителем немецкого. Еще через год стал директором... Что это были за годы для него! Годы бесконечно радостных надежд. Поступил на курсы иностранных языков в Москве. Немецкий, французский, испанский – сразу. Заодно занялся языком эсперанто. Вскоре стал членом Центрального комитета Союза эсперантистов Советских республик и Интернационала пролетарских эсперантистов.

Узнал о финском журнале "Провербиум" – "Пословицы". Написал, что у него есть любопытное собрание, и оттуда немедленно ответили: присылайте!.. И вскоре на почте вручили экземпляр журнала с его статьей. Так стал сотрудничать с финнами. Потом с венграми. Ширилась его международная переписка. Удивляя Шестую шахту, шли письма из Нью-Йорка, из Брюсселя, из Лондона.

В 1974 году в Финляндии намечался международный симпозиум паремииологии. Из оргкомитета пришло письмо: Мастепанову предлагали принять участие в конкурсе. Цель – выявить лучшие доклады, которые могут быть прочитаны в Хельсинки. Конкурс он выдержал. И пришло приглашение на симпозиум. Кроме всего прочего, в приглашении простодушно сообщалось, что господин Мастепанов для начала должен прислать двадцать пять долларов – впоследствии расходы эти будут возмещены.

Представляю, как бился он за возможность поехать – три ответа из Академии наук помечены месяцами: март, май, июнь. Представляю, какие надежды снова в нем пробудились! Хоть немного признания – ради дела. Хоть немного признания! Но от ответов из Москвы веяло поистине академическим, олимпийским спокойствием...

Как тут не вспомнить любимую науку Мастепанова – о поговорках. Скоро сказка сказывается, да не скоро у нас дело делается... Если делается вообще. В Хельсинки он не поехал, как не поехал потом в другие города... Ему осталось коллекционировать открытки его зарубежных корреспондентов, его коллег. Из Рима. Из Парижа. Из Вены.

В прошлое ушел и симпозиум в Самарканде, куда его пригласили и где цитировали его доклад, приготовленный для Хельсинки. Но командировочных снова никто ему не дал, а деньги, отложенные на летнюю поездку в Москву, для дела, тратить он не решился. Дело он предпочел представительству.

Совсем недавно в Нью-Йорке вышел библиографический справочник по паремииологии. Среди двух тысяч ста сорока двух работ всего лишь тридцать три по нашей такой многонациональной стране. Восемнадцать из них – работы зарубежных ученых. Из оставшихся пятнадцати девять – работы Мастепанова.

Когда были теперь в гостях у Сергея Даниловича Мастепанова, размышляли о его житье-бытье, невольно припомнились вдруг печальные афоризмы последнего, не очень веселого времени: "Нас толкнут – упадем, поднимут – дальше пойдем". "Кому много дано, тот сам себе еще больше возьмет..." И подумалось о расточителях на-

родной нравственности, в погоне за материальными благами, начисто позабывшими о душе... А Мастепанов остается хранителем мудрости, а значит, и чистоты... Хранителем старых обычаев, таких корневых понятий, как доброта и правда, хранителем непобедимого в бесконечном своем терпении народного духа.

И сколько их в самых разных концах нашей большой Отчизны: бессребреников, до последнего дыхания оправдывающих звание свое: Учитель. Знаем ли мы их?.. Ищем ли их? Поймем ли?

Рядом с древними храмами в удивительных этих по красоте местах – знаки нашего технического прогресса... На горе Пастухова, в Нижнем Архызе, – обсерватория с шестиметровым зеркалом Большого телескопа – самый большой глаз, устремленный в звездные миры – затем, в конечном итоге, чтобы ясней понять: кто мы, жители Земли? Откуда мы?.. Зачем мы?.. Неподалеку от него день и ночь вслушивается в околоземное пространство, в далекий космос, самое большое не земле металлическое ухо, начиненного электроникой шестисотметрового радиотелескопа – не без надежды избавиться, наконец, от одиночества во Вселенной, услышать сигналы другой цивилизации...

Но как быть с нашим обычным одиночеством?

Слышим ли мы друг друга тут, на нашей многогрешной земле?

1988 г.

Р.Х. Темирова

Воспоминания о Сергее Даниловиче Мастепанове

Мне посчастливилось, будучи в самом начальном пути своей научной деятельности, познакомиться с незабвенным Сергеем Даниловичем. Мы встречались два раза. Случилось это при следующих обстоятельствах. Я часто ездила в аул Хумара, куда меня занесло мое семейное счастье, к родственникам мужа. И всегда старалась узнать у старожилых аула что-нибудь новое для себя и для научной темы – пословицы, слова-архаизмы, названия местности и свя-

занные с ними легенды, записывала черкесские народные песни, а также песни советского периода и военных лет. Особенно нуждалась в помощи знатоков черкесского языка, когда меня включили в число международного авторского коллектива по составлению «Лингвистического атласа Европы» (ЛАЕ). Это была сложная и ответственная работа. Во время многочасовых бесед мои собеседники неоднократно задавали один и тот же вопрос: «А ты встречалась с Даниловичем?» И с упоением, дополняя друг друга, аульчане рассказывали о Сергее Даниловиче, как об очень интересном, духовно богатом человеке, который «все знает» (по-черкесски: *имыцЫху шылэкъым* «нет ничего такого, что он не знает»).

Со слов аульчан я уже знала, что у него большая библиотека, знает много языков, в том числе и черкесский, занимается научной деятельностью, все время что-то пишет, собирает наши пословицы. И самым примечательным для аульчан было то, что Сергей Данилович получает письма из других стран. И жил-то он, такой одаренный, известный на всю округу и даже за границей человек, в обычном поселке Шестая шахта, в южной части аула Хумара, на правом берегу р. Кубань (совр. посёлок Малокурганный), и работал простым учителем в школе. Все сказанное хумаринцами меня настолько заинтересовало, что я решила непременно познакомиться с Сергеем Даниловичем. И каково же было мое удивление, когда я увидела скромность его жилища и огромное количество книг в доме. Всюду, на полках и на полу, по комнате были книги, книги, журналы, газеты... Я долго молча разглядывала раритетные книги, по виду изданные давно. В этом потоке я увидела издание кабардинского (черкесского) фольклора 1936 года. Мы разговорились. Сергей Данилович был спокоен, коммуникабелен. Я в нем не увидела ни тени научного высокомерия, ни обиды на власть за его безвинные страдания в ГУЛАГе. Он лично мне ничего о своей жизни не рассказывал.

Некоторые подробности из его биографии и творчестве я узнала позже. Меня удивило и то, как он доброжелательно встретил меня, незнакомую ему женщину, снабдил литературой из личной библиоте-

ки, проконсультировал по возникшим у меня вопросам. Уезжая, взяла у него на время несколько нужных мне в работе книг. Я с благодарностью возвратила ему книги во второй приезд. И в этот раз мы беседовали с ним на тему черкесских пословиц. Я показала ему несколько пословиц из своего архива, записанных мною во время лингвистических экспедиций по аулам.

Спустя какое-то время я начала интересоваться судьбой Сергея Даниловича, и мне сообщили, что сын увез его из поселка.

К сожалению, мы часто не осознаем величие рядом находящегося человека, не уделяем внимания, не воздаем должное. Так и случилось с Мастепановым Сергеем Даниловичем. Общество не оценило подвижнический труд ученого с мировым именем, творившим подлинную науку на скромную учительскую зарплату.

Я благодарно кланяюсь землякам Сергея Даниловича, которые сегодня делают все, чтобы мы и наши потомки знали имя, труды, тернистый творческий путь выдающегося ученого, самородка и самоучки, признанного мировым научным сообществом.

Уважаемые отрадненцы! Вы можете гордиться своим выдающимся земляком и на его примере воспитывать молодое поколение.

В.В. Тёр

Хранитель народной мудрости

В 1966 – 1967 годах, в составе двух геофизических экспедиций, работал я в Республике Коми. На железнодорожных станциях Кожва, что вблизи города Печоры и Чинья-Ворык, общался с бывшими политзаключёнными, осматривал места бывших лагерей Ухтпечлага. Помнится, необъяснимое чувство тревоги закралось, когда увидел в совхозе «1-я Мая» полуразрушенные бараки, большой, обложенный красным кирпичом колодец с изъеденными донельзя дождями цепью и воротом...

В полуразрушенном бараке
Немой свидетель слёз и грёз
Колодец.
В его чёрном мраке

Глаза – печальный отблеск звёзд.

Деревья строгие, как флаги.
Приспущенные облака.
Не ветерки – гуляют страхи
Кладбищенского уголка.

Латыш, от боли онемевший,
Слепой кобыле травы рвёт.
В глухой тайге он, точно леший,
То горько плачет, то поёт...[1]

То давнее, тревожное чувство ожило в написанных позднее стихах, затрепетало через десятилетия во время первой встречи в музее станицы Отрадной с легендарным человеком – Сергеем Даниловичем Мастепановым, бывшим узником Ухтпечлага. Нас сроднили тогда, в 1990-е годы, не только впечатления о суровом Севере, печальные события сталинского режима. Нас сближало увлечение – собирание песен линейных казаков, пословиц и поговорок Отрадненского предгорья[2]. И тема политических репрессий, ставшая одной из актуальных в период гласности, была общей: в то время, являясь редактором районной газеты «Сельская жизнь», мы с коллегами начали на её страницах, пожалуй, первыми на Кубани публиковать статьи о рассказачивании, голодоморе 1930-х годов в Отрадненском районе.... А Сергей Данилович осенью каждого года, по приглашению бывших узников Ухтпечлага и членов общества «Мемориал», участвовал в мероприятиях «Недели совести» в Ухте, выступал в печати [3].

По приезде на малую родину он охотно делился впечатлениями обо всём, что тронуло его сердце.

В моём архиве сохранилось письмо С. Д. Мастепанова от 20 ноября 1993 года, в котором он просит прислать в посёлок Малокурганский Карачаево-Черкесии экземпляр краевой газеты «Кубанские новости» с опубликованным списком репрессированных в Краснодарском крае. Эту информацию он предполагал использовать в своих новых работах на эту болезную для него тему.

Посещая станицу Отрадную, Сергей Данилович встречался со многими земляками, в частности, с писателем и краеведом Г.Л. Немченко, по сценарию которого был снят документальный фильм «Хранитель», с участием С.Д. Мастепанова, М.Н. Ложкина, С.К. Филиппова. Фильм прошёл по Цен-

тральному телевидению, имел много отзывов со стороны зрителей. Посчастливилось провести не один час за чашкой чая с учёным-паремиологом и мне. Очерк «Свет полуденной звезды» – о жизни и творчестве Сергея Даниловича – опубликовала Отрадненская районная газета, позже я его включил в книгу «Земляки»[4]. Открыв во мне, быть может, ещё одну родственную душу, С.Д. Мастепанов как-то вручил для прочтения собственное собрание отрадненских пословиц и поговорок, написанное аккуратно от руки в четырёх (!) ученических тетрадах.

Работу Сергея Даниловича я вернул, получив разрешение в будущем при написании статьи использовать отдельные пословицы и поговорки из его собрания. И они позднее увидели свет [5].

С возрастом, как мне сейчас кажется, и особенно после кончины жены, Сергей Данилович испытывал острую тоску по родным местам, ему не хватало обычного человеческого общения с близкими по духу людьми. Покидая, бывало, Отрадную, приглашал в гости, рассказывал, как к нему доехать...

Жаль, что у нас так и не нашлось времени посетить его в посёлке Малокурганном!..

Примечания:

1. Тёр В.В. Слепок огня (стихи). Краснодар, 2002. С.35.
2. Тёр В.В., Тёр О.В. Песни казаков Приуралья. Отрадная: Изд-во ОГИ, 2000.-150 с.; Тёр В.В. Слово и образ. Ленинградская, 2006. - 57с.
3. Мастепанов С. Мастепанов выручает Буша, или Путешествие по книге «Мудрость и разум объединённых наций» //Ухта. 1991. 23 июля. №138. С.3.
4. Тёр В. Земляки. Отрадная, 1998.- 62 с.
5. Тёр В.В. Слово и образ. Ленинградская, 2006.- 57 с.

Т.Х. Гедыгушева, А.Х. Карданова

Формирование ценностных ориентаций молодежи (на примере жизни и деятельности С.Д. Мастепанова)

Потребность формирования ценностных ориентаций современной молодежи

вызвана необходимостью выработки у них активной общественно направленной жизненной позиции, стремления к утверждению во всех сферах жизни – в семье, коллективе, обществе – справедливости и добра. Сегодня во всех слоях общества все острее и настойчивее поднимаются вопросы нравственного порядка и социальной справедливости, которые являются одними из факторов в процессе формирования ценностных ориентаций молодежи. Среди других факторов, влияющих на формирование ценностных ориентаций и становление личности, является наша история, история наших народов, жизнь и деятельность лучших представителей этих народов. Нравственное воспитание и становление личности держатся на фундаменте самой жизни как совокупность практических отношений, в которые человек реально включен. В нашем постоянно развивающемся обществе эти отношения различны. К сожалению, среди них встречаются формы поведения, справедливо называемые негативными явлениями и ведущие к деморализации и разрушению личности.

Волнующие молодежь проблемы – поиск смысла жизни и счастья, выбор профессии и жизненного пути, проблемы образования семьи и т. д. – решаются ею нередко самостоятельно. И нашему обществу не безразлично, в какие именно практические отношения включается личность, и что она возьмет в период своего становления в качестве определяющей системы ценностей. В своем моральном самоопределении молодежь должна опираться не на случайные обстоятельства или мнения, а на целостный опыт нравственной жизни.

Соблюдение элементарных норм нравственности, охраняющих общественность актуально, ибо в них заключены важные общественные установления нашего социума. Это решающий инструмент и условие для продвижения нашего общества вперед. Значение формирования ценностных ориентаций сегодня еще больше выросло и пренебрежение ими может крайне негативно отразиться на судьбе будущих поколений.

Каждый человек в процессе своего нравственного становления «поднимается выше» и проходит в своем нравственном развитии ряд ступеней, этапов, уровней.

Четкость нравственных взглядов дает возможность молодому человеку определить достигнутый им уровень и поставить в деле самовоспитания новые задачи. Умение определить уровень нравственного развития по любому вопросу является важным моментом нравственной культуры личности [1].

К сожалению, мы в 80 – 90 годы прошлого столетия начали терять позиции в вопросах формирования ценностных ориентаций молодежи.

И сегодня перед нами стоит задача вернуться не только к несколько потерянным позициям в вопросе формирования ценностных ориентаций молодежи, но и еще больше усилить их, используя положительный опыт пройденного нашим народом исторического пути, отдельных выдающихся его представителей. И в этом смысле примером для воспитания молодежи в лучших традициях наших народов может стать жизнь и деятельность крупнейшего паремиолога, историка, археолога, краеведа Сергея Даниловича Мастепанова.

Сергея Даниловича Мастепанова мы, народы многонациональной Карачаево-Черкесии, по праву считаем своим земляком, который вписал немало прекрасных страниц в историю нашей республики. Многие помнят его как талантливого школьного учителя, долгие годы проработавшего в небольшом поселке Малокурганский. Тогдашние его ученики вспоминают: Сергей Данилович так разнообразил сухую школьную программу, давал такой интересный дополнительный материал почти по каждой теме, что им заслушивались самые непоседливые ученики. Для детей увлеченных никогда не жалел своего времени, мог с ними оставаться в школе, общаться с ними часами, «погружая» их в мир удивительных открытий в такой, казалось, «сухой» дисциплине, как лингвистика. Человек высочайшей эрудиции, полиглот, он был неистощим в пропаганде красоты человеческого языка. Был по-настоящему влюблен во все языки, многими из которых он в совершенстве владел.

Помнят его и как постоянного автора областной газеты «Ленинское знамя» (ныне республиканской газеты «День республики»). Его статьи всегда вызывали неподдельный интерес рядовых читателей газе-

ты, и ни одна из них не прошла незамеченной для специалистов, занимавшихся этнографией, историей, археологией.

Мы не ошибаемся, когда говорим, что в истории России были всего два человека, достигших самых больших высот в науке без всяких аспирантур и докторантур – это академик Мальцев и Сергей Данилович Мастепанов.

Сегодня, когда мы многое знаем о пройденном этим удивительным человеком жизненном и творческом пути, невозможно не задать вопрос: каким величием духа надо было обладать, какой великой верой в справедливость, чтобы, пройдя практически все круги ада, сохранить необыкновенное жизнелюбие, веру в людей. С каким неутомимым трудолюбием он отдавал всего себя своему любимому делу – сбору фольклорного материала не только народов нашей страны, но и многих народов мира.

Из станицы Отрадной Кубанской области молодой Сергей Данилович шагнул в большую жизнь. «Род наш прибыл на Кубань из Запорожской Сечи после её разгрома Екатериной II, а потому и пользовался среди казачьего сословия повышенным авторитетом», – пишет С.Д. Мастепанов ученому-фольклористу Р.А. Ортабаевой и продолжает: «Лично я никакого школьного образования не получил (в школе учился всего-навсего около четырех месяцев). Самоучка. И если я достиг чего-либо в жизни, то только благодаря своему трудолюбию и целеустремленности» [2].

Дорога, по которой шел потомственный кубанский казак, ему преподнесла столько сюрпризов (а они далеко не всегда бывают позитивными), что хватило бы их не на одну человеческую жизнь.

За спиной у молодого Сергея Мастепанова, когда он уезжал из родной станицы, было только три класса Отраденской школы, но эти три класса им были пройдены экстерном. Удивительно способный ребенок, за несколько месяцев освоил программу 3-х лет обучения. Рано ушел из жизни отец Сергея Даниловича и ему пришлось пойти работать, чтобы помогать матери кормить многодетную семью.

Человек необыкновенно целеустремленный, он самостоятельно восполнил недополученные знания. Он блестяще закончил 2 курса Московского заочного институ-

та иностранных языков и получил диплом общественно-политического переводчика, потом окончил заочно курс эсперанто, при Московском же институте иностранных языков окончил несколько отделений научных переводчиков высшей квалификации по отделениям английского, немецкого и итальянского языков. Учась, работая, он никогда не переставал заниматься любимым делом – паремиологией.

Первое приглашение для участия в форуме эсперантистов международного уровня Сергей Данилович получил из Лондона. Как же быстро, по доносу, было сфабриковано дело против Мастепанова, только из-за того, что его пригласили в Англию. Обвинения, предъявленные Мастепанову – контрреволюционная деятельность, шпионаж грозили ему расстрелом. Но, слава Богу, нашлись люди, которые смогли отвести от него эти нелепые обвинения. К сожалению, запущенная против Сергея Даниловича машина не остановилась. Смертный приговор был заменен десятью годами тюрьмы. После тюрьмы Сергей Данилович Мастепанов возвращается к своей прежней работе.

С.Д. Мастепанов был простым школьным учителем, но вместе с тем это был человек известный и за пределами нашей страны, прежде всего как крупнейший специалист в области международной паремиологии, его перу принадлежали многие научные труды. Далеко не каждый специалист имел такой широкий круг любителей пословиц и поговорок, с которыми состоял в переписке С. Д. Мастепанов.

Увлеченность паремиологией становится со временем смыслом его жизни, данному научному направлению он посвящает многие годы, получает мировое признание и известность, но, к сожалению, не в нашей стране. Здесь он остался скромным школьным учителем в затерянном в горах Карачаево-Черкесии поселке Малокурганном.

К сожалению, ни одним приглашением, полученным из-за рубежа С. Д. Мастепанов не смог воспользоваться, ему просто отказывали в визе. Причина отказа была более чем понятна – Мастепанов не был сотрудником научных учреждений системы Академии Наук СССР, а являлся ученым-самоучкой. Тем не менее, на Западе его за

эрудицию и профессионализм считали, и совершенно правильно, доктором, профессором. И действительно, в своем научном направлении – он был доктором наук [3].

С. Д. Мастепановым за многие годы самоотверженного труда собрана уникальная коллекция пословиц и поговорок народов мира, сорок тысяч картотек с названиями источников пословиц и поговорок, звучащих на семистах языках и наречиях мира.

Почему именно краткие афористические жанры народного творчества – пословицы и поговорки стали главным делом его жизни? Об этом он говорил и сам: «Поэзия и мудрость, искусство емкого слова, меткость, проницательность жизненных характеристик – все это заставляет думать о творческом гении народа – языкотворца. Пословица – основной памятник народного фольклора, вот почему мы, паремиологи, призваны сохранить этот памятник, донести его до грядущих поколений».

Как говорил сам С. Д. Мастепанов «эта мудрость, кроме того, является своего рода кодексом народной морали».

Пословицы и поговорки всегда являются выражением некоей безусловной нравственной нормы, господствующей в обществе или по каким-либо причинам утраченной, но без которой жизнь человеческая не может быть нормальной [4].

Сергей Данилович никогда не замыкался только в преподавательской и научной деятельности. Его по праву можно назвать человеком поиска, он увлеченно занимался краеведением. В этом направлении в маленькой Карачаево-Черкесии он находил что-то неизвестное, интересное в ее истории, а затем это щедро отдавал людям. Он был организатором экскурсий по историческим местам, и участники этих мероприятий узнавали насколько богата историческими памятниками Карачаево-Черкесия. Через ее территорию проходило одно из направлений знаменитого Шелкового пути. Северный Кавказ являлся связующим звеном между Востоком и Западом, богатейшим краем по своим полезным ископаемым. По своим природно - климатическим условиям Домбай и Архыз превосходили знаменитые курорты швейцарских Альп. На территории современной Карачаево-Черкесии оставили свои следы многие народы при их великом передвижении.

Все это не уходило от пристального внимания Сергея Даниловича, он старался свои исторические знания передать народам Карачаево-Черкесии через местную печать.

Все грани жизни С. Д. Мастепанова вызывают у почитателей его таланта удивление и восхищение. Он был абсолютно нетребовательным в вопросах быта, обходился самым малым, мог спокойно потратить все свои сбережения и свои отпускные дни для работы в архивах и библиотеках Москвы и Ленинграда.

Светлый жизненный путь Сергея Даниловича будет примером для подражания еще многим поколениям.

Примечания:

1. Чернокозова В.Н., Чернокозов И.И. Этика молодого человека. Ростов н /Д. 1985. С. 4 – 6.

2. Гудимова О. А. Мастепанов С. Д. – ученый-языковед // Вестник. Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. Вып. 3. Черкесск. 2004. С. 308.

3. Ткаченко П. Учитель Мастепанов // День Республики. 24 января 2004 г.

4. Там же.

И.Х. Заубидова

Краевед, археолог, знаток фольклора народов Карачаево-Черкесии – С.Д. Мастепанов

Мастепанов Сергей Данилович, казак из станицы Отрадной, и Суздальцев Дмитрий Иванович, сын тамбовского крестьянина, выросший в казачьей станице Суворовской, – страстные краеведы-энтузиасты – встретились в Карачаево-Черкесии [1].

Учитель Д.И. Суздальцев, будучи уже на пенсии, собирал материалы для литературно-художественных альманахов. К работе по подготовке и изданию альманахов он привлекал ученых писателей, журналистов, учителей, ветеранов войны и труда.

Работы, собранные энтузиастами, превзошли все ожидания – фактически был собран разнообразнейший и богатый материал не только для литературного сборника (на самом деле нескольких). Собранный материал касался всех сфер жизни народов

Карачаево-Черкесии, и из альманахов можно было узнать об исторических памятниках, об участниках и героях Гражданской и Великой Отечественной войн, об ученых, писателях, поэтах, музыкантах, артистах, спортсменах, тружениках сельского хозяйства, фабрик и заводов. Альманахи превратились в своеобразную летопись народов Карачаево-Черкесии, издававшуюся не один год на общественных началах.

Альманах «Кубанское ущелье» оказался самым «многонациональным».

Редколлегия этого альманаха – самая многочисленная, состоит из 16 человек: Д. Суздальцев, А. Байрамкулов, Р. Ортабаева, Т. Яцких, А. Кириченко, М. Дагужиев, М. Мастепанов, Р. Гочияев, Х.-М. Темиров, С. Мастепанов, Н. Баскаев, А. Боташева, Ю. Ливенцов, А. Кубанов, И. Текеев, художники-оформители Н. Кузнецов и А. Калантаевский.

В первый том альманаха вошел очерк «Друг горцев», написанный В.П. Невской и С.Д. Мастепановым о Николае Григорьевиче Петрусевице – начальнике Эльбрусского военного округа, в состав которого входил во второй половине XIX века весь Карачай.

В очерке В.П. Невской и С.Д. Мастепанова мы читаем: «Свободолюбивые идеи, уважение к народу, заботу о его благе принес с собой в Карачай Николай Григорьевич Петрусевиц, резко отличаясь этим от подавляющей массы царских чиновников – проводников колониальной политики на Кавказе»; и далее – «Н. Петрусевиц первым начал возводить дома русского типа, а главное – начал строительство первой больницы и школьных зданий».

Сергей Данилович Мастепанов сотрудничал с учеными-археологами – Е.П. Алексеевой, Т.М. Минаевой, В.А. Кузнецовым.

Разнообразный археологический материал, собранный С.Д. Мастепановым и его учениками в окрестностях посёлка Шахты № 6 Карачаевского района, был в своё время атрибутирован доктором исторических наук Е.П. Алексеевой и передан на хранение в музей.

Глиняные сосуды, пряслица VII – IV вв. до н.э., бронзовые бляшки, нательные кресты, костяные псалии, стеклянные, сердоликовые, пастовые бусины, поясные бляшки, железный меч, датированные VIII –

XII вв. н.э. экспонировались в Карачаево-Черкесском музее-заповеднике наряду с археологическими тканями – находками учителя Курджиновской школы Евгения Андреевича Милованова, сделанными в Урупском районе [2].

В фондах Карачаево-Черкесского музея-заповедника, в мемориальном деле Суздальцева Д.М., сохранились два журнала «Proverbium», изданные в Хельсинки (Финляндия).

На одном из них имеется дарственная надпись Дмитрию Ивановичу Суздальцеву от С.Д. Мастепанова.

На карачаевской земле встретились две родственные души, два краеведа: С.Д. Мастепанов – филолог, полиглот, собиратель пословиц и поговорок, и Суздальцев – учитель-филолог в прошлом, собиратель художественной литературы на языках народов Карачаево-Черкесии (у него была мечта, которую он хотел воплотить в жизнь – создать литературный музей); Суздальцев также собирал пословицы и поговорки, детский фольклор. Неподдельный интерес к культуре и языкам народов, среди которых они жили и работали, объединил их.

Д.И. Суздальцев не мог не ввести Мастепанова в круг своих интересов, поскольку он довольно долго собирал пословицы и поговорки народов Карачаево-Черкесии и даже публиковал их в нескольких альманахах на русском, абазинском, карачаевском и осетинском языках. Возможно, тогда и родилась дарственная надпись на журнале.

В журнале «Proverbium» № 16 (1971 г.) наряду со статьями бельгийского ученого Мориса де Мейера, Анны-Бригитты Рут из Швеции, Димитроса Лукатоса из Греции, Хироко Икеда из Гавайского университета опубликован библиографический обзор Сергея Даниловича Мастепанова «О собирании и публикации пословиц и поговорок Адыгеи»[4]. Его библиографический обзор «О собирании и публикации пословиц и поговорок народов Карачаево-Черкесии», с краткой исторической справкой о Карачаево-Черкесии, был опубликован в журнале «Proverbium» № 8 за 1967 год [3]. В статье дан обзор всех публикаций карачаевских, ногайских, черкесских, абазинских пословиц и поговорок с 1909 по 1962 год.

Уникальную коллекцию пословиц и поговорок – наследие ученого-самоучки

Мастепанова С.Д., итог его многих неустанных трудов – следует не только хранить в виде изданного тома на полках библиотек, но и его биография, его пермиологические и краеведческие работы должны изучаться, их следовало бы включить в школьные программы по краеведению [5].

Примечания:

1. Карачаево-Черкесский музей - заповедник (далее – КЧМЗ). Ф.10 д.411 – С. Д. Мастепанов; Ф.10 д.108 – Д.И. Суздальцев.
2. КЧМЗ. ОФ. 4471-4478 – Книга поступлений № 7: археологический материал.
3. Proverbium. 1967. №8. С.177 – 180.
4. Proverbium. 1971. № 16. С.583 – 587.
5. День Республики. 2004. 24 января.

В.В.Шевченко

Через пропасть к вершине, или Жизнь равная подвигу

Иногда встречаешься с человеком, и с первых же минут общения с ним получаешь истинное удовольствие. Он имеет свою точку зрения на разнообразные события и факты, много расскажет, вызывает острый интерес к различным вопросам. Встреча с таким человеком обогащает тебя, делает лучше, чище, возникает потребность постоянного общения с ним.

Таким человеком является Сергей Данилович Мастепанов – учитель-ветеран и самобытный ученый, – бескорыстие души и пылкость ума, которого удивляют и поражают всех, кому однажды довелось побывать у него в небольшом чистеньком домике на тихой тенистой улице посёлка, протянувшегося вдоль обрыва к пойме Кубани, в горах Карачаево-Черкесии.

Навещающая мать и братьев, я всегда стремлюсь, хотя бы на несколько дней, вырваться из объятий родни, чтобы попасть в этот гостеприимный домик, удовлетворить давнишнюю потребность видеть и слышать человека, занявшего одно из первых мест в моей жизни.

И до боли грустно бывает, когда это моё стремление, по какому-нибудь стечению обстоятельств, вдруг не сбывается.

Не раз мне приходилось испытывать чувство доброй зависти к тем, кому довелось быть учеником С.Д. Мастепанова.

С искренней радостью я читаю любую публикацию, где речь идёт об этом замечательном человеке. Хотя написано о нём немало, больно и обидно делается всегда от того, что нигде не было и нет упоминания о 20-ти годах его жизни, в том числе и о тех, когда он, будучи моим учителем в Петровской СШ №4, испытывая большие трудности (особенно морального порядка), с присущими ему настойчивостью и целеустремленностью, готовил взлётную полосу для своей будущей известности и популярности. Тем не менее, по-хорошему можно завидовать и мне: я счастлив, что судьбе было угодно свести меня с ним, болеть его бедами, радоваться его удачам. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Говоря о С.Д. Мастепанове, не могу не напомнить хотя бы что-то из ранее сказанного о нём на страницах многих центральных и местных (ставропольских) газет, а также некоторых книг и другой специальной литературы.

Это весьма трудолюбивый, и в такой же мере скромный человек, замечательный учитель, для которого главным было – воспитание учеников порядочными людьми, учёный-самородок, бескорыстно преданный науке, свободно владеющий пятью иностранными языками и переводящий со словарём практически все наречия мира.

Главное его богатство – книги на самых разных языках (в его комнате на самодельных деревянных стеллажах - хранилищах их лежит свыше шести тысяч, а некоторым из них более 300 лет), его собственные труды – самое богатое в мире собрание библиографических материалов о пословицах и поговорках (паремиях), насчитывающее более 30 тысяч карточек с названиями источников на 700 языках и диалектах земного шара, публикации по педагогике и паремииологии разных народов, папки с собранными у населения и в центральных библиотеках материалами о жизни и деятельности многих замечательных людей горного края (К.Л. Хетагуров, И.К. Игельстром и др.), материалы по исследованию исторических и археологических памятников Северного Кавказа.

Он давно и плодотворно сотрудничает с паремииологическим обществом при секретариате ООН, с редакцией финского журнала «Провербиум» (в переводе с латинского – «Пословица»), издающимся в Хельсинки научно-литературным обществом.

Он – один из соавторов капитального 50-томного «Словаря русских народных говоров» (издание ещё продолжается), на страницах которого достойное место займёт и его «Словарь говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края».

Ему почти ежедневно приходят письма и бандероли с обратными адресами из самых разных стран мира. И обходится он без переводчика. В этих письмах его довольно часто величают господином профессором или доктором, что вызывает у него сдержанную улыбку («Хорош “профессор”, который дошёл-то до всего самообразованием»).

Мастепанов – единственный обладатель в нашей стране (с 60-х годов), если не считать библиотеку им. В.И.Ленина, книги, изданной паремииологическим обществом ООН под названием «Мудрость и разум объединенных наций» с дарственной надписью неперменного секретаря этого общества и её составителя Виктора Гинзбурга, который занимал высокие посты в ООН и госдепартаменте США. На титульном листе читаем: «Сергею Даниловичу Мастепанову с дружеским приветом от автора». Есть у него и другая книга, которую не найти во всей стране, это тоже дар ООН и посвящена она итальянскому учёному и общественному деятелю Никколе Макиавелли. Эти две книги для Сергея Даниловича – пока что самые ценные награды за его лепту в изучение афористического творчества народов мира.

Его работы опубликованы в Финляндии и Венгрии.

Он оказывает большую помощь в охране памятников природы и древней культуры, выступает с лекциями и докладами, проводит семинары по краеведению и руководит разными экскурсиями по Караево-Черкесии.

Всю жизнь его влекут дороги, и всякий раз он умеет увидеть новое, воскресить прошлое, сохранить золото мудрости народной.... Всё, чем он занимается – дело

общественное. Злата и серебра для себя он не нажил.

Уже этих сжатых строк достаточно, чтобы, развернув их, написать о нём хорошую книгу. А если учесть, что всё это сделано и делается человеком, официальное образование которого всего-навсего четыре скороспешных класса и у которого украдено (по-другому не назовёшь) 20 самых перспективных для становления личности лет биографии, то, пожалуй, эту мою мысль поддержат многие.

Однако для меня эта задача не по плечу. Я могу и хочу лишь передать, насколько это возможно, о С.Д. Мастепанове то, что знаю достоверно, что всегда будоражит и волнует.

Многое хотелось бы рассказать, многое, но время беспощадно... Однако, осталось навсегда в памяти (и об этом нельзя не говорить) главное – то умное и доброе, что он, как бы, между прочим, сеял в наши, открытые всем ветрам души.

Знаю я (если можно так считать...) Сергея Даниловича с того дня, когда он впервые прошагал своей размашистой походкой по моему родному селу Петровское, что в Отрадненском районе. Навсегда запомнилась открытая добрая улыбка, голубые глаза и то, как просто говорил он с нами, босоногими... Мы, сельские мальчишки, не зная тогда, что это наш будущий учитель, даже пожалели, что он быстро ушёл прочь, так мало поговорив с нами, интересный «дядя». Это было в конце августа 1949 года, за неделю до начала занятий в школе.

Потом были шесть лет почти ежедневного общения на уроках, на различных хозяйственных работах, просто на улице села (в центре), и в его удивительной комнате, которую он снимал в одной из крестьянских хат.

Жил он один. Не женился, хотя и пора было, и не одна молодка заглядывалась на него... Одевался более чем скромно: костюм, туфли, демисезонное пальто, никаких галстуков и головных уборов. Всё просто, опрятно, ничего лишнего.

Не помню, чтобы к нему кто-то приезжал. Но он всегда был в окружении то учителей, то учеников, а то и всех скопом. И всегда он с увлечением что-то рассказывал, энергично размахивая руками, а все с

интересом слушали, удивляясь обилию его знаний (иногда его с уважением даже «ходячей энциклопедией» называли).

Уроки он проводил очень интересно, никогда не насаждая знания только «своего» предмета. Наоборот, бывало иногда так, что на его уроках мы усваивали даже то, что не могли почему-то усвоить на других, узнавали такое, что можно было никогда ни от кого не узнать. О нас он знал всё, и никто не мог быть с ним «неискренним» (не в пример мне, но он и сейчас лучше меня помнит почти всех своих петровских учеников). Но все-таки, нехорошо было тем, кто по какой-то причине (или без причины) приходил на урок с невыполненным заданием. Таким он мог устроить молчаливый бойкот, подолгу не замечать потом их стараний. Не раз и мне пришлось пережить такой дефицит внимания. Здесь обиднее всего было то, что наказанный таким образом не мог после уроков попасть в его комнату – мир книг, новых познаний, музыки.

Да, не удивляйтесь, и музыки. Ведь что мы, деревенские мальчишки и девчонки, слышали и видели до того? Гармошку, одни и те же песни, да иногда залётные концерты из района... А тут вдруг патефон и сотни грампластинок с записью всего лучшего, что было на то время. Конечно, хриплый патефон не то, что современные горластые магнитофоны и электропроигрыватели. Зато мы пели вместе с ним, буквально впитывая в себя каждую мелодию. Сейчас эти мелодии иногда только звучат по радио, вызывая интерес у юных: откуда это чудо и почему, мол, у них нет ещё такой записи. Сергей Данилович, хоть и не умел хорошо петь, хорошо чувствовал и понимал музыку. (Патефон этот сейчас на чердаке его домика, а многие пластинки были подарены нашему клубу, когда я в 1956 г. был его заведующим.)

Но главное, что было в его комнате – это книги. Они и теперь вызывают повышенный интерес у всех, кто хотя бы раз увидел их, но тогда для нас это было какое-то царство, реальное и загадочное разом, так как добрая половина их была на непонятных языках. Помнится, была даже одна огромная книга на папирусе, и мы в шутку говорили, что нужен ишак для её перемещения (потом он её подарил какому-то то ли институту, то ли музею). Книги он раз-

решал читать и рассматривать всем, но с одним непременным условием: где взял, туда и положи. И все, не рискуя потерять доверие, строго соблюдали этот порядок.

Особый интерес вызывали пословицы и поговорки, записанные его красивым каллиграфическим почерком на половинках листов из ученических тетрадей (карточках), в каком-то, только ему известном порядке, уложенных в картонных и деревянных коробках. Очень много их было уже тогда, и опять-таки, на чужих языках, как и книг, было не меньше половины. Хотя здесь ручаться нельзя, так как это была запретная зона для всех. Но каждый раз, выпроваживая нас домой, Сергей Данилович вынимал и зачитывал нам несколько пословиц и поговорок (на дорожку, на сон грядущий...) Не раз мы слышали от него, что, если будет жив и здоров, то где-то лет через 40 – 50 эти карточки превратятся в книгу под названием «Мудрость народов мира». Скажу честно: были среди нас и скептики, но некоторые (в том числе и я) завели тогда общие тетради и стали записывать в них пословицы, поговорки, и крылатые выражения, вычитанные в книгах. Но надолго нашего запала не хватило: оказалось, что это требует много сил и терпения, усидчивости и постоянного поиска, что это не баловство, а довольно таки непростой труд.

Но Сергей Данилович трудился, работая днём и вечером в школе, и с нами, а по ночам – над книгами и своими карточками, не делая тайны из того, как и когда успевает «переваривать» поступающую ему корреспонденцию. Ведь, несмотря на то, что комната его от пола до потолка была забита книгами, разом с письмами всё новые и новые бандероли почти ежедневно приходили, казалось, со всего света. Бывало так, что ему одному корреспонденции поступало больше, чем на всё село с хуторами и конторами. И тогда кое-кому «везло» попасть лишний раз в его комнату в качестве «помощников почтальона», полюбопытствовать, что там интересного прислали, заслужить от учителя его «спасибо», да и пластинку одну-другую прокрутить.

Работая у всех на виду, почти никуда не отлучаясь из села и не встречая гостей, вызывал он удивление и неподдельное уважение петровчан. Весьма общительный, он много рассказывал о том, где был, что ви-

дел, всякие интересные случаи из своей жизни, истории, литературы. Но никогда и ничего я не слышал от него о войне, о политике и о том, как ему удалось так много узнать и повидать. Отвечал только, что в основном всё познал из книг, самообразованием. Это обстоятельство создавало вокруг него рядом с уважением какой-то ореол таинственности. Чувствовалось (даже нам, не задумывающимся ещё о жизни), что он постоянно что-то не договаривает, а если кто-то интересовался чем-нибудь из этого недосказанного, он всегда искусно переводил разговор на другую тему.

Никогда не забуду утро 5 марта 1953 года, когда радио сообщило о смерти «отца народов» Сталина. Школа выстроена на линейку вдоль всего коридора. Говорит директор школы. Настроение у всех подавленное, у многих слёзы... И только С.Д. Мастепанов явно не может сдержать выступающую из него радость, старается укрыть её от всех под воротник пиджака или за спины коллег-учителей. Но не смог, не упрятал... Сразу же после линейки меня, – секретаря школьной комсомольской организации, – окружают комсомольцы (и даже пионеры), отводят в сторону, спрашивают, заметил ли я поведение Сергея Даниловича и, получив утвердительный ответ, требуют действий, так как он, наверняка, шпион, диверсант или что-то другое в этом роде.

Хорошо, что мы были спаяны дружбой, в которой к этому времени была немалая заслуга и Сергея Даниловича... И ещё хорошо, что секретарь, влюбленный в учителя, упросил ребят «не поднимать пока шума», не спешить с какими бы то ни было «действиями» (тем более без меня), подождать, присмотреться...

Присмотревшись на следующий день, увидели, что Сергей Данилович всё тот же, только глаза светятся ярче и сам как бы светится какой-то необычной добротой. Начал вникать и помогать в комсомольской работе, в организации школьных вечеров, чего раньше, можно сказать, не было. И вновь подозрения и урезонивания... Вдобавок ко всему, он начал чаще «отлучаться» из села, его чаще стали навещать незнакомые люди и ещё большим потоком пошла адресованная ему корреспонденция. О себе же он, как и раньше, не распространялся...

Только после окончания школы (в 1956 г.) я узнал и понял причины его самоотвода на представление к трудовой медали («Был судим», «Лучше кого-то другого, так как меня всё равно отклонят...»), той сдержанности в рассказах о себе и о жизни, той трудно скрываемой радости при общей подавленности в марте пятьдесят третьего.... И только тогда я понял (а с годами убедился), как хорошо мы поступили, воздержавшись от действий, которые могли доставить ему немало хлопот, причинить ему много боли дополнительно к той, какую он уже много лет носил в себе.

И опять-таки, не от него даже узнал я тогда, что это была за «судимость». Лишь спустя годы (теперь уже из его рассказов и его же документов) узнал я, наконец-то, о чём раньше знал «по слухам» и по интуиции, пережил его трагедию и чётко «зарубил себе на носу», учеником какого человека довелось быть мне целых шесть лет... и остаться навсегда если даже не другом, то хотя бы вхожим к нему в дом.

Как, пожалуй, и большинство детей из бедных семей, Сергей Мастепанов рано познал тяжёлый крестьянский труд. Только в 11 лет (в 1924 г.) за три с половиной месяца ему «повезло» окончить четыре класса в школе родной станицы Отрадной (в четвёртом классе он проучился только один день). Умер отец, и надо было помогать семье. Пахал, сеял, косил, молотил.... В общем, научился (успел научиться) лишь читать, писать и считать.

Но успел еще зажечь в себе страстную любовь к книгам и неугасимую жажду знаний, которые поглотили всё его свободное от работы время (а ведь хотелось и погулять). Книги делаются его спутниками и путеводителями в лабиринтах знаний.

В ту же пору зарождается любовь к пословицам и поговоркам, – к мудрости народной, – которой он скоро подчинит всё (в т.ч. изучение языков) и пронесёт её через всю жизнь. Лишь пять десятилетий спустя Сергей Данилович сам скажет об этом так: «Для меня книги, прежде всего, источник знаний и средства умственного развития. Не получив в детском и юношеском возрасте даже начального образования, я всячески стремился восполнить этот пробел чтением книг. И я страстно полюбил книги. Как только я смог самостоятельно зарабо-

тывать, я большую часть своего заработка тратил на книги. Книги помогли мне, в прошлом малограмотному, стать учёным. Я могу повторить, что всему хорошему в моей жизни я обязан книгам». (См.: Книга и время. М.: Книга, 1980. С. 98).

В 1933 году семья Мастепановых переезжает из ст. Отрадной в аул Кызыл Октябрь Карачаевской автономной области, где Сергей устраивается работать бухгалтером (ведь умел считать) в артель по совместной обработке земли (СОЗ). В 1934 г. (после преобразования СОЗов в колхозы) он уже политпросветработник в этом же ауле, а затем – учитель немецкого языка в Кардоникской школе (к этому времени у него уже было свидетельство об окончании 2-го курса заочного платного московского института иностранных языков и звание общественно-политического переводчика). Для Карачая тех лет это была редкая квалификация учителя.

В 1935 году его назначают директором Кардоникской средней школы, но в том же году (по его инициативе и при одобрении Карачаевского обкома ВЛКСМ) переводится преподавателем немецкого языка в Красногорскую школу, где, кроме основной работы, организует первую в области (а может и вообще первую в стране) опытную вечернюю комсомольскую школу.

Он блестяще справился с порученным делом, обнаружив при этом незаурядные организаторские способности, получив широкую признательность и поддержку. В начале 1937 года его переводят преподавателем в районную Усть-Джегутинскую среднюю школу с условием перенесения красногорского опыта внешкольной работы в районный центр с последующим распространением его на всю область. Но этому не дано было осуществиться...

Одновременно с учительской работой идёт его непрерывное, напряжённое самообразование. С 1934 по 1937 годы С.Д. Мастепанов оканчивает заочные курсы каллиграфии (в Москве), заочный курс языка эсперанто, отделения научных переводчиков высшей квалификации на факультетах немецкого, английского и итальянского языков московского института иностранных языков (заочно). Его избирают членом ЦК Союза эсперантистов Советских Республик (СЭСР) и членом Интернационала

пролетарских эсперантистов (ИПЭ). В 1938 г. он должен был представлять советских эсперантистов на конгрессе ИПЭ в Лондоне. Но и этому не суждено было сбыться...

Живой ум, энергия и настойчивость в достижении поставленных целей, неоспоримые успехи в работе, жажда знаний (особенно лингвистики), зародившаяся переписка с новыми зарубежными друзьями, все вдруг обретают для некоторых начальствующих лиц зловещую окраску. Находясь тёмные завистники, «умудрившиеся» в условиях тех, тяжёлых в жизни страны лет, выдать всё это за контрреволюционную деятельность человека, усиленно готовящегося в...шпионы.

25 декабря 1937 года всё разом обрывается: его – 24-летнего юношу – арестовывают как врага народа.

Главное обвинение, предъявленное ему при следствии, – необычайная активность и письма из заграницы, – как снежный ком, вызвавший сход лавины, разрослось до уничтожающе-фантастических размеров. Дело дошло даже до... организации Мастепановым троцкистско-фашистской партии с целью свержения Советской власти.... В Черкесске его приговаривают к высшей мере. Большая же тройка в Москве, усомнившись в самих возможностях организации подобной антиправительственной партии столь молодым человеком (да ещё в глубинке), смягчила приговор, заменив расстрел на 10 лет заключения в тюрьме строгого режима.

Трудно даже представить, как он (с его чистой верой в людей) пережил этот вероломный удар. Скорее всего, спасли врожденное трудолюбие, общительный нрав и, опять-таки, вера в мудрость и разум. Однако об этом, лучше кого бы то ни было, может рассказать лишь он сам. Скажу только, что в Коми АССР, где он был в заключении, ему было отказано в просьбе «искупить кровью свою вину», или быть более полезным там, где гремела война...

Освободившись в декабре 1947 года, он возвращается в Карачай. Но подозрения не снимаются, о реабилитации Мастепанов даже думать не смел.

По указанию органов МГБ в феврале 1948 года его назначают учителем немецкого языка в с. Правокубанском (аул Сары-

Тюз), а через год («по указанию свыше») увольняют и над ним вновь нависает угроза ареста и заключения без суда и следствия «до особого распоряжения». Следуя совету и при содействии прокурора района (были и такие), ему приходится покинуть пределы «второй родины» и искать убежище, более или менее безопасное, в пределах Краснодарского края. Таким образом, в августе 1949 года, он очутился в селе Петровском Отрадненского района.

Грудь его не украсили награды Родины, хотя заслужил бы он их непременно. И титулованным учителем он не стал. Но его работа в Петровской средней школе (как вся последующая) показала, что это – истинно врожденный учитель, а награды и звания не всегда являются мерилami человеческого достоинства. Не ошибусь, если скажу, что среди учителей моей школы Сергей Данилович и для нас – учеников, и для коллег-учителей, и для всех, кому доводилось иметь с ним пусть даже незначительное дело, был образцом и примером порядочности, интеллигентности, товарищеской надёжности, человечности. И, если такими были все «враги народа», нетрудно представить и понять, что потерял этот выносливый и терпеливый народ, утратив их по злой воле творившего беззакония.

Но он выжил, не растерялся и не растерял лучших своих человеческих качеств, не озлобился и не потерял веру в правоту своих убеждений и дел. Работая в селе Петровском, он с нескрываемой настойчивостью вновь пробивает тропу к тому, за что пострадал – тропу к знаниям. Интересно и квалифицированно работая в школе, он повторно (заочно) заканчивает «ИН-ЯЗ» по всем ранее изучаемым языкам (ведь документы об образовании, как и все другие, были изъяты при аресте). Много делает как краевед Отрадненского районного краеведческого общества, усиленно собирает по крупицам россыпи народной мудрости, работает над сбором материалов и составлением «Словаря говора казачьего населения станицы Отрадной», ведёт другие работы культурно-просветительного характера, возобновляет старые связи и заводит новые знакомства (заочно), ведя большую переписку.

Получив извещение из канцелярии К.Е. Ворошилова о том, что пересмотр его

дела поручен старшему советнику юстиции, С.Д. Мастепанов в 1956 году вновь (и уже навсегда) уезжает из Петровского в Карачай, где жили мать, два брата и сестра (о чём у нас мало кто знал).

На новом месте, как и у нас в Петровском, он еще увлечённое и плодотворнее трудится в школе: создает с учениками в Красногорке первый в Ставропольском крае школьный краеведческий музей. Многие его археологические находки тех лет нашли себе прописку в музеях Ставрополя, Ленинграда, Черкесска, а также нашли своё отражение в соответствующей специальной литературе.

Наконец, через долгие 20 лет с момента трагедии (которые, повторяю, нигде, несмотря на обилие публикаций о нём, не упоминаются) приходит «полная» реабилитация, а с нею – долгожданная полноценная жизнь.

Обретя желанную свободу перемещения во всех направлениях, спешит Сергей Данилович наверстать упущенное, не жалея для этого ни сил, ни средств.

После реабилитации он каждое лето, на 1-2 месяца, выезжает для работы в центральные библиотеки страны, куда раньше не имел даже права появляться.... Работает до изнеможения, переворачивая тысячи книг предшествующих времён и ежегодных современных поступлений. И недюжинная картотека паремий и библиографических сведений о пословично-поговорочных изданиях через несколько лет вырастает в сотни и тысячи раз...

В 1958 году он переводится учителем в посёлок Шахты № 6 (пос. Малокурганский), покупает небольшой домик и только теперь обзаводится красивой дружной семьёй. Вместе с заботливой женой и прекрасной хозяйкой Надеждой Ивановной растит и воспитывает ставшую родной и ему дочь Раю, а затем и сына Колю. С ними и старушка-мать Сергея Даниловича. Много забот связано с домашним хозяйством, везде надо успевать. Но основной труд по домашним делам лежал всё же на Надежде Ивановне, великой труженице, не позволявшей ему отрываться от научного дела. От души радуюсь их прекрасному союзу, вот уже тридцать лет не знающему серьёзных «конфликтных ситуаций».

К этому времени относится начало тесных контактов С.Д. Мастепанова с паремиологическим обществом ООН, Академией наук Финляндии, многими научными учреждениями и учёными нашей страны и за её пределами. Началось осуществление мечты, родившейся в далёкой юности, выжившей в смертельной схватке на «взлётной полосе» села Петровского, полосе, которую сам же подготовил упорным трудом...

Уже 14 лет учитель-ветеран на заслуженном отдыхе. Но отдых ему и не снится. Он весь в работе: библиотеки, книги, письма, бандероли, лекции, экскурсии, издательства, музеи.... Всё так же, как и раньше, но только он намного старше.

Даже за стенами школы он остается Учителем, другом, добрым и верным товарищем для всех, кто «не стесняется» взаимности. К убелённому сединой, всегда общительному и доброжелательному хранителю накопленных человечеством сокровищ разума, к знатоку чудесного края всегда тянутся пионеры, комсомолия, студенты (в т.ч. и иностранные), преподаватели школ и ВУЗов, учёные.... И на всех его хватает, для всех открыты двери его простого уютного домика. Никого не обделит вниманием, дельным советом, помощью, всем интересно и приятно общение с ним.

Однако, до глубины души обидно, что такой человек даже после полной реабилитации, долгое время оставался (да, в сущности, и сейчас ещё остается) вне доверия, где-то подспудно власти его считают если и не «врагом народа» в полном смысле, то, по меньшей мере, каким-то пасынком, которого можно хуже одеть, обуть, накормить, а то и одёрнуть за «шалости» других (пусть беспутных, но «своих» и непорочных). И непонятно порой, что здесь сильнее: стереотип «врага народа», который после стольких выступлений прессы, казалось, должен был бы исчезнуть без следа, или срабатывали пресловутые факторы лжепрестижности и опасения – «как бы чего не вышло».... Вот и становится очевидное невероятным: воплощение «добра, мудрости и разума народов» всю сознательную жизнь ходит с клеймом «врага народа», а подлинные враги, быть может, ухмыляются где-то ехидно, чувствуя себя хозяевами жизни. Ничем другим, пожалуй,

нельзя объяснить, почему С.Д. Мастепанов, трижды приглашённый официально на международные форумы, как достойный представитель нашей науки, не был ни на одном из них (Конгресс фольклористов в Хельсинки, 1974 год; Совещание по фразеологии славянских народов в Самарканде, 1975 год; Конгресс финно-угроведов в Будапеште, 1977 год). Под всякими «соусами», а то и просто «по забывчивости», всё сводилось к тому, чтобы воспрепятствовать личному общению Мастепанова с иностранными коллегами?..

«Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно...» Благо, хоть иностранцы поддерживали моральный дух, публикуя его доклады, высылаемые почтой. Но вот приглашений Мастепанову больше не поступало («Плетью обуха не перешибешь»).

То же самое – с публикацией его работ. Пожалуй, не было случая, чтобы какое-то издательство или институт предложили свои услуги, хотя случаи видимой заботы были. В результате за граница (в частности, Финляндия) печатает и готова издать всё, что дает Мастепанов, а дома у него только «хождения по мукам».

И неудивительно, что карачаевцы, осетины, черкесы, абазины и многие другие народы, не знают и не читают ничего из того фольклорного материала, который, будучи собранным Мастепановым, издан где-то в Хельсинки, Лондоне или Нью-Йорке. Потому-то Сергей Данилович не спешит отдавать всё туда, льстит себя надеждой, что придёт пора «пленительного счастья», когда и дома не будет задержек не только с рецензированием, но и с печатанием. А пока что время идёт, дело печатания стоит (или, в лучшем случае, топчется на месте), много наших соотечественников даже не знают, что это за наука – паремиология.

Часто всё рассказанное видится мне как ужасная живая картина. Толпятся на укатанной горной дороге люди. Их много и все вроде бы, умные, солидные... Слышны их красивые слова и выражения о чём-то таком, без чего человек беден. Взгляды всех устремлены на каменистую тропу среди скал, заросшую тёрном, шиповником и всякой прочей колючей растительностью, все спокойно взирают, как по этой тропе, под-

стрекаемый иногда одобрительными возгласами, одинокий уставший путник, падая и поднимаясь, обдирая колочками лицо и руки, обливаясь потом и сгибаясь в три погибели, тащит для них что-то полезное и, видно, ценное, но очень тяжёлое для него одного. Изредка кто-то из этих людей не выдерживает, пытается рвануться к путнику на помощь, но сильные руки других важно ставят его на место: наше дело, мол, ждать, а его – тащить.... Дотащит ли? Думается, что не дотащит, свалится замертво у самой дороги.

И Мастепанов теперь не дотащит (это уже точно!), если даже за его поклажу возьмутся разом Ставрополь и Черкесск. Однако, около 40 тысяч источников о пословицах и поговорках – это уникальнейшее в мире собрание библиографических материалов – должно по праву стать достоянием народов нашей страны.

В связи с этим думается, что только наша Академия наук СССР может и должна, как можно скорее, сказать в этом деле решающее одобрительное слово, взять его под неусыпную опеку или же, решительно приняв из щедрых рук С. Д. Мастепанова все его сокровища, передать их людям. Честное слово, он должен увидеть дело всей своей жизни в законченном виде, а мы достойны черпать из этой живительной кладези всю без остатка квинтэссенцию народной мудрости.

По понятным причинам С.Д. Мастепанов не стал коммунистом, хотя готовился стать им, будучи активным бойцом тридцатых годов. Но, зная его таким, каким я сумел показать, мне бывает стыдно порой за всё, что случилось с ним 50 лет тому назад, за всю последующую канитель вокруг его доброго имени. Ведь он – истинный интернационалист, чего не найти даже в ином члене КПСС, называющем себя коммунистом. Многим, что есть во мне лучшего, я в большей мере обязан ему и никогда не стыжусь этого. Его рана болит и во мне... Но дело его, вся жизнь и деятельность, думается, должны стать близкими и понятными всем добрым людям. Больше того, не удостоенный наград, он, на мой – отнюдь не наивный взгляд, непременно достоин, всё же, награды, если не высшей, то ордена «Дружбы народов» – наверняка. Дружбой

своей заочной с десятками людей, подвигом научным в мире паремиологии, сближающем людей Земли, С.Д. Мастепанов ещё раз показал, как может быть велик человек, верный мудрости и разуму.

1987 г.

С.К. Филиппов

Феномен Мастепанова

«Не ел, не спал, а богатым не стал», – этой остроумной пословицей Сергей Данилович Мастепанов обычно отвечал тем, кто интересовался, как он живет. Многие принимали такой ответ за удачную шутку, ибо знали, что задают этот вопрос специалисту по пословицам и поговоркам, учёному, известному даже среди зарубежных паремиологов. Они просто и предположить не могли, что он говорит им чистую правду. Ибо, кроме старенького домика, окруженного фруктовым садом в небольшом глубинном ауле Малокурганский, что в Карачаево-Черкесии, из материальных благ, в современном понимании, у этого человека, и, правда, ничего не было.

Он имел другое богатство – тысячи книг на многих языках мира, огромное количество писем, которые приходили ему со всего света и из которых он собрал обширную картотеку библиографических данных о пословицах и поговорках многих народов нашей планеты.

А ещё Сергей Данилович Мастепанов был невероятно богат знаниями в области паремиологии. Что это за наука и чем она занимается, мало кто знает даже из людей образованных.

Так вот, паремиология – это наука о пословицах и поговорках. А пословица, как определяет её В.И. Даль в своем Толковом словаре: «...Это краткое изречение, поученье, более в виде притчи, иносказания, или в виде житейского приговора; пословица есть собь языка, народной речи, не сочиняется, а рождается сама; это ходячий ум народа; она переходит в поговорку или простой оборот речи, а сама о себе говорит: *Пословица не даром молвится. На пословицу ни суда, ни расправы нет. Пословица не судима.*

Да и правда, кто же сможет осудить «ходячий ум народа». Ведь в пословицах сконцентрирован многовековой опыт человечества, это сгусток его мудрости. У каждого народа, с учетом его национальных особенностей, его религии, традиций, жизненного опыта, его языка рождаются свои пословицы и поговорки. Сколько народностей, языков и наречий на земле, таков и необъятный, постоянно пополняемый запас этих самых коротких сотворенных самим народом произведений.

Ну а поскольку столь малоизвестна в народе наука паремиология, то можно быть уверенным, что фамилия Мастепанов и во все мало кому что-то говорит. Ведь у нас нынче на пьедестал известности и славы поднимают тех, у кого кошелек потуже, а не тех, кто за Россию радеет. Судьба Сергея Даниловича Мастепанова, обладавшего удивительным талантом педагога и исследователя, историка и археолога, журналиста и полиглота, паремиолога, собравшего самую большую в мире библиографию пословиц и поговорок славянских, угрофинских и тюркских народов, красноречивый тому пример. Даже люди, хорошо знавшие этого рядового учителя небольшой сельской школы, не могли себе представить, сколь обширные знания, какой огромный кругозор надо было иметь, чтобы изучать историю народов мира, их национальные особенности и традиции, и одновременно вести огромную переписку с людьми из многих стран на их же языках. При этом многие годы он скрупулезно занимался не только сбором, но и изучением, систематизацией и научной обработкой и опубликованием материала, который у него накапливался, способствуя этим взаимопроникновению культур народов, живущих в разных уголках нашей планеты.

Сергей Данилович Мастепанов родился на Кубани, в станице Отрадной, которую казаки начали заселять еще в середине 19 века. Семья была небогатой, но работающей. Маленький Сережа знал отчаянную нужду и тяжелый крестьянский труд, но природа наградила его невероятными способностями к наукам и великим талантом к овладению иностранными языками.

Еще в детстве он самостоятельно научился читать и писать и, что немало удивило взрослых, когда семья переехала в

Карачаево-Черкесию, очень скоро стал свободно говорить с черкесами и карачаевцами на их языках.

Когда в одиннадцать лет он пришел в школу, и учителя, чтобы определить, в какой класс отправить мальчонку, решили проверить его знания, с удивлением нашли, что программу начальной школы он знал более чем на отлично. Его отправили сначала в третий класс, а через три месяца перевели в четвертый. Но и там он пробыл всего один день и вынужден был оставить школу, как оказалось, навсегда. В семью пришла беда – умер его отец. На руках матери осталось четверо детей, и старшему, Сергею, теперь надо было заменить отца, чтобы помогать матери во всех хозяйственных делах. А на селе это значит: паши, сей, коси, ухаживай за скотом, руби дрова, ремонтируй все, что ломается, и строй все, что требуется.

А легкой работы в домашнем хозяйстве на селе нет: как трудишься – так и живешь. Но оказалось, что маленький, смысленный хлопчик, взяв на свои плечи заботы взрослого мужчины, как бы ни было трудно, и тут со всеми делами научился неплохо справляться.

Однако его никогда не покидало стремление к учебе. Сам Сергей Данилович как-то полушутя сказал: «Желание учиться у меня превращалось, порой, в какой-то болезненный зуд. Любую книжку, которая попадалась в руки, хотелось немедленно прочитать. Поэтому со всеми домашними делами я старался разделаться как можно быстрее, чтобы выкроить время для чтения. А уж ночи тогда вообще полностью уходили на это. Часто я так и засыпал, уткнувшись лбом в раскрытую книгу вместо подушки.

У пацанов, которые ходили в школу, я просил на ночь учебники, да так самостоятельно и штудировал их все подряд, не обращая внимания на то, для какого класса они предназначены. Мне просто интересно было их читать». Потому, видно, по уровню знаний Сережа Мастепанов не только не отставал от своих сверстников, которые ходили в школу, а наоборот, обгонял их. И кругозор его был значительно шире. Както, будучи уже подростком, он узнал, что в Москве существуют четырехгодичные заочные курсы по изучению иностранных

языков. Сначала сомневался: «Кто там возьмет меня на курсы, коль за плечами всего 3 класса и коридор, а для поступления надо выполнить 12 контрольных работ!» Но желание испытать себя пересилило сомнения. Он написал в Москву, чтобы ему выслали контрольные задания, а получив их, тут же принялся за выполнение. Однако все контрольные этот четвероклассник выполнить так и не успел. После пятого задания Сергей вдруг получает письмо, что его зачислили на курсы.

Сначала он решил попробовать одолеть немецкий язык, знал, что его преподавали в школе. Но, почувствовав, что дело идет успешно, взялся еще и за английский язык. На удивление, изучение и двух языков большого труда для него не составляло. Тогда он решил попробовать освоить еще и эсперанто. Но и тут все получилось без особых проблем.

Вот так, быстро и успешно окончив курсы, Сергей Мастепанов становится одним из самых образованных людей не только в своем ауле, но и в районе. В 1934 году его принимают учителем немецкого языка в одну из сельских школ, а вскоре, видя явный профессиональный рост молодого преподавателя, назначают директором районной школы в Усть-Джегуте.

Молодой педагог с увлечением работает с детьми, но продолжает постоянно заниматься и самообразованием: изучает историю каллиграфии, постигает графологию, очень много читает иностранной и исторической литературы, при этом постоянно держит связь со столичными эсперантистами. А те, учитывая его активность и успехи в овладении языками, избирают Мастепанова членом ЦК Союза эсперантистов Советских республик (СЭСР). Вскоре он становится членом Интернационала пролетарских эсперантистов (ИПЭ).

Переписка с людьми, связанными с зарубежьем, видимо, возбудила зависть у некоторых «стукачей», и они стали строчить на него «куда следует» доносы. А в конце тридцатых годов достаточно было одного намека на связи с границей, чтобы ночью к тебе в дом постучали люди в черных кожанках.

В своей биографии Сергей Данилович так напишет об этом периоде своей жизни: «...Я, Мастепанов Сергей Данило-

вич, 1913 года рождения, из потомственных казаков станицы Отрадной бывшего Баталпашинского отдела Кубанской области. Преподавал немецкий язык в Усть-Джегутинской районной средней школе Карачаевской автономной области, был даже директором. В возрасте 24 лет, 25 декабря 1937 года меня арестовали, обвинив в активной контрреволюционной деятельности (шпионаж, организация фашистской повстанческой армии). Краевой спецтройкой я был приговорен к расстрелу и четыре месяца ждал своей участи в Черкесской тюрьме усиленного режима (ТУРе). Но, видно, нашелся разумный человек в Верховной тройке, который убедил остальных, что слишком молод подсудимый, чтобы организовывать повстанческую армию, и расстрел заменили на 10 лет заключения в ТУРе, с последующим поражением в правах. Заключение я отбывал в Ухтпечлаге с мая 1938 года по конец декабря 1947 года. За этот период работал грузчиком на пристанях в Княжпогосте, в Усть-Выми, был чернорабочим на строительстве тракта Чибью—Крутая, на лесоповале и на раскорчевке пней. Короткий промежуток времени трудился на административных должностях (нормировщиком, статистиком, плановиком, экономистом), на Водном промысле, начальником канцелярии центральной больницы в Ухте. В лагерях подорвал здоровье и, в общей сложности, более 4 лет провел в лагерных больницах. За год до окончания срока медицинской комиссией ГУЛАГа в отношении меня было официально признано, что «...восстановление здоровья невозможно и дальнейшее пребывание в местах заключения нецелесообразно». Однако 3-й отдел НКВД не посчитался с этой резолюцией, и свой срок я отбывал до конца...»

На свободу Сергей Данилович вышел 5 декабря 1947 года. Его опять взяли работать в школу, он женился, родилась дочь. Казалось, жизнь стала входить в нормальное русло. Но вдруг его снова вызвали в прокуратуру, и прокурор В.И. Виноградов, поплотнее закрыв дверь, сначала заинтересовался, как идет его привыкание к жизни на свободе, а потом вдруг посоветовал быстрее уехать из этих мест куда-нибудь подальше, чтобы снова не оказаться за решеткой...

Видно, не угомонились недруги, которые в свое время писали на него доносы. И еще десять долгих лет Мастепанову пришлось, заботясь о своей безопасности, постоянно менять место жительства, селиться в самых глухих местах, чтобы опять не попасть в какой-нибудь «лаг»...

« И снова, – напишет потом он, – все, что я делал, опять было подчинено стремлению сохранить свою жизнь, хотя и собаачью, постоянно находясь под подозрением и презрением».

Вот тогда решил он вернуться в родные места, на Кубань, в Отраденский район. В школе села Петровского не было учителя немецкого языка, и Мастепанова взяли туда на работу. Его трудовая биография как бы началась заново.

Живя здесь, в кубанской глубинке, постоянно общаясь с сельским населением, слушая разговоры своих односельчан, сдобренные множеством различных образных словечек, пословиц, поговорок, приток, он стал записывать этот «сочный» говор простого народа в школьные тетрадки. Это увлекло, и он начал целенаправленно искать эти образчики народного творчества в газетах, журналах, книгах, делая вырезки, накапливая и систематизируя их.

У него быстро росла и своя личная библиотека, которую он собирал на свое скудное учительское жалованье, а для записи пословиц и поговорок стал делать специальные карточки, в которые заносил их текст и их библиографические данные или другие источники, откуда они получены.

Добровольными помощниками ему в этом стали его коллеги по школе и ученики. Если кто-то вспоминал или от кого-то слышал интересную фразу или незнакомое слово – бежали к Мастепанову, чтобы он записал. Надо было видеть, с какой гордостью, получив благодарность от учителя, уходили от него ребята. Ведь они считали, а он всегда подтверждал, что они помогали ему в очень важном деле.

В селе Петровском Сергей Данилович проработал до середины пятидесятых годов, пока не получил реабилитацию. Оказалось, что он ни в чем не виноват, не был троцкистом, не занимался шпионажем и не создавал «фашистской армии».

Казалось бы, годы, проведенные в заключении, ему следовало напрочь вычеркнуть из памяти. Но Сергей Мастепанов был не тем человеком, который бы сломался под ударами судьбы. Как это ни удивительно, но и самые страшные годы своей жизни, проведенные в лагерях, он смог, насколько это было возможно, использовать для самообразования.

Нам, его землякам, знавшим, что пришлось пережить этому доброму, умному, удивительно талантливому человеку, не верится, что все те изощренные пытки и мучения, которыми истязали людей, сидевших в лагерях, были придуманы тоже людьми.

У Данилыча, как мы все называли Мастепанова, в Отрадной жили родственники, и он периодически появлялся в своей родной станице. Не заметить его было невозможно: высокий, статный, всегда без головного убора, с коротко стриженной сединой на крепко посаженной крупной голове и внимательным, словно изучающим взглядом голубых глаз. Одевался он подчёркнуто просто, но в то же время очень опрятно: из недорогого материала брюки и пиджак и обычная клетчатая рубашка, ворот которой был всегда расстёгнут.

Словом, в одежде он ничем не отличался от всех остальных прохожих на станичной улице, если бы не одна деталь, которая заставляла многих людей невольно оборачиваться ему вслед. Через плечо, на длинном ремне, у него всегда висела темная кожаная сумка. В старину с подобными сумками, только холщовыми, носили свой нехитрый провиант люди, которые отправлялись в дальнюю дорогу. Вот и Сергей Данилович был похож на такого странника, только в сумке у него были не харчи, а ручки, блокноты да книги. Впрочем, это и была его пища, пища для его мыслей, для его души, для того, чему он посвятил всю свою многотрудную жизнь.

Приехав в Отрадную, он обязательно, хоть на несколько минут, старался зайти в станичный историко-археологический музей, где автор этих строк был тогда заведующим.

В то время в музее работал и давний друг Мастепанова, известный на Кавказе краевед Михаил Николаевич Ложкин. Разговоры у них всегда были хоть и не долги-

ми, но очень интересными. Ведь Сергей Данилович в свободное от учительской работы время, на каникулах, часто ездил в столицу работать в архивах и библиотеках, где ему настолько доверяли, что давали на дом редкие издания. Он их нам показывал, иногда разрешал даже полистать. Для нас, музейщиков, это таинство соприкосновения с великим прошлым вызывало душевный трепет. И конечно, одно удовольствие было присутствовать при беседах этих двух знатоков истории. А говорили они, а часто и спорили, о проблемах исторической науки, об археологии, рассказывали о новых находках, поднимали различные вопросы кавказоведения.

Сергей Данилович держал в голове много разнообразной информации и любил удивлять. Однажды говорит: «А вы знаете, что организатором первых в России празднований 1 мая (маёвок) был наш земляк, Михаил Иванович Бруснев? Родился он в 1864 году в семье хорунжего Кубанского казачьего полка. Так что маевки – это, можно сказать, казачье изобретение. Бруснев первый создал самую крупную и очень деятельную марксистскую организацию, которая подготовила почву для создания в 1895 году В.И.Лениным «Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Так что и идеи революции, оказывается, тоже исходили от казака, рожденно-го здесь, на Кавказе, в нашем предгорье.

Ну а дальше судьба М.И. Бруснева чем-то схожа с моей: арест, одиночная камера в Петербургских «Крестах», тюрьма в Иркутске, ссылка в Верхоянск.

Но, вместо уныния, Бруснев там, как мы теперь говорим, на полюсе холода, занялся огородничеством, обучением населения выращиванию овощей, что впоследствии внесло большой вклад в развитие культуры земледелия сибирского крестьянства. А в науке М. И. Бруснев известен как полярный исследователь, его именем даже назван один из островов в море Лаптевых.

Жаль, что плохо мы знаем и помним своих великих предков, не пропагандируем результатов их служения России. Биографии таких людей надо бы вносить в учебники».

В другой приезд Сергей Данилович привез нам показать свою коллекцию древних бронзовых нательных крестиков, кото-

рые были найдены им во время многочисленных путешествий со своими учениками по верховьям рек Кубань, Зеленчук и Теберда, где много средневековых христианских храмов, остатков аланских поселений, захоронений. Раскрыв рот, слушали мы его увлекательный рассказ о загадках Шоанинского храма, построенного еще в XII веке.

Многие годы Мастепанов занимался древней историей Карачаево - Черкесии и Кубани. Может поэтому он и вернулся жить в те места, где начинал учительствовать. Ведь через долину реки Теберды шли когда-то большие торговые пути. Здесь проходили бесчисленные караваны, не минули этих мест и полчища Тимура Тамерлана. Тебердинские долины слышали гиканье погонщиков и воинственные крики сражающихся воинов, звон оружейного булата, проклятья побежденных, угоняемых в неволю, и торжественные песни завоевателей.

Через эти места из Византии, Великие Диоскурии (Сухуми) и Клухорский перевал шли пути в древнюю столицу государства алан – Хумару, а затем вниз по Кубани – на Великий Итиль (Волгу), а дальше – к «русам». Другой путь шел от Черноморья через Аланию на восток, в удивительную и сказочную Индию. О многих событиях эпохи Средневековья Сергей Данилович всегда рассказывал и туристам, своим ученикам, среди которых в большинстве своем были дети из черкесских, осетинских и карачаевских семей, а потом обязательно организовывал экскурсии по историческим местам долины реки Теберды. При этом он всегда обращал внимание детей на тот факт, что какие бы завоеватели ни приходили на нашу землю, как бы ни пытались закрепиться здесь, установить свои порядки, благодаря межнациональному сплочению народов, живущих на Кавказе, она вскоре все равно становилась свободной.

И при этом, находясь с детьми под величественными куполами древних храмов, Сергей Данилович приводил слова русского поэта Александра Пушкина: «Уважение к минувшему – вот что отличает образованность от дикости». Учитель обязательно обращал внимание ребят на то, сколь своеобразен и интересен язык горцев, ведь они используют в нём образы, поза-

имствованные из языков пришлых народов, побывавших здесь.

Всё это когда-то дало пищу и Сергею Даниловичу для размышлений об истории этого горного края, о людях, которые здесь жили и которые проходили через эти горные перевалы. Возможно, именно это побудило его изучать языки и начать сбор пословиц и поговорок не только кавказских народов, но и народов, живущих по всему миру.

Ведь в этих миниатюрных произведениях, созданных мудростью человеческой, на века сохранилась информация об отношении людей к окружающему миру, об их пристрастиях и антипатиях, о неписаных правилах жизни и нравственных ценностях. Только в постоянном общении друг с другом, через слово, через речь, приобретая опыт борьбы с собственными пороками, народы и могли самосовершенствоваться.

Потому, видно, особенно внимательно собирал и изучал Сергей Данилович те из пословиц, в которых говорилось о значении в ней самого слова.

В традициях народов Кавказа и сейчас сохранился обычай: на любом сходе первое слово давать старейшинам, что отражено и в народном творчестве.

В Адыгее вы услышите: «Где нет хороших стариков, там нет и хорошей молодежи», «Кто много жил, тот много знает». Этот же смысл содержится и в лезгинской пословице: «Много натерпишься – многому и научишься». В одной из лакских пословиц говорится: «Одно слово мудреца дороже, чем много богатства». Собственно, у всех кавказских народов есть немало пословиц и поговорок, в смысл которых заложено особое уважение к пожилым людям, к их жизненному опыту. А вот осетинская пословица: «Дерево гнется, пока молодо», Чеченцы же говорят: «Старшего не послушался – в большую яму попал».

Слово, в нужный момент и к месту сказанное, на Кавказе не только уважают, но и приравнивают к острому клинку и разящей пуле: «Ружье убило одного, а язык – тысячу» (Ингушская), «Вырвавшееся слово – выпущенная пуля» (Абхазская), «Доброе слово опускает саблю», «То, чего не достанешь саблей, достанешь добрым словом»

(Лакские), «От сабли рана заживет, от языка нет» (Адыгская).

Памятуя это, будучи уже человеком пожилым, находясь на мизерной учительской пенсии, Мастепанов, зная, насколько высока и крепка стена, которой почему-то отгородились от него не только власти, но и официальные органы, ведающие в стране вопросами культуры, никогда не вступал с ними в перепалку и ничего лично для себя не просил. Никто даже не знал, что на поездки в центральные библиотеки и архивы, на ксерокопирование документов, которые ему, как авторитетнейшему ученому, сотрудники хранилищ давали делать беспрекословно, он тратил последние свои жалкие пенсионные рубли или учительские отпускные. Даже если где-то издавали какую-то из его статей, а гонорара, как это у нас принято, не платили, он и его не требовал, ибо помнил, что еще предки приметили: «Коль тебя не видят, когда ты сидишь, не увидят, и когда встанешь».

Однако он настойчиво бился за создание в России фольклорного журнала. Зная, что за рубежом такие издания выходят в большом количестве, плодотворно сотрудничая с подобными журналами, он никак не мог понять, почему в нашей многонациональной многоязычной стране этому упорно сопротивляются.

Мастепанов постоянно писал свои предложения во все соответствующие высокие инстанции. Но отовсюду получал либо короткие, без объяснений, отказы, либо завуалированные под них намеки, как-то: «Можно надеяться, что Ваши пожелания скоро будут осуществлены». Однажды он узнал, что в Финляндии издается научный журнал о пословицах и поговорках – «Провербиум». Сергей Данилович написал, что может предложить материал по языковому фольклору Карачаево - Черкесии. Доктор Матти Кууси ответил, что непременно хотел бы получить его для своего журнала. И вскоре этот материал был издан, а Мастепанов после этого стал в журнале постоянным корреспондентом.

Сергей Данилович собрал большой и серьезный материал о жизни и творчестве основоположника осетинской литературы Коста Хетагурова, литературное творчество которого постоянно пропагандировал. Писал о нем статьи, выступал перед заинтере-

сованными аудиториями литераторов и педагогов.

Его всегда интересовала и история казачества. Мастепанов, как и пословицы, собирал картотеку жертв политических репрессий с указанием персонально фамилий казаков, подвергнутых гонениям и уничтожению.

Работы его были настолько основательны, что к Сергею Даниловичу за помощью и консультацией по истории народов Кавказа обращались студенты, учителя и научные сотрудники. Тем более что он был великолепным рассказчиком, знал массу всевозможных историй, а уж пословицами, поговорками, всякими шутками да прибаутками сыпал как из рога изобилия.

Когда Мастепанов заходил погостить в Отрадненский музей, сотрудники домой расходиться не торопились. Ну, где мы могли услышать о каких-нибудь необычных традициях других народов? Конечно, только от Мастепанова. Только он мог рассказать об этом красочно, при этом привести примеры где, в каких странах, какие в каждом случае говорят речи, отпускаются шутки или присказки, и какие звучат ответы. Среди этого материала было много доброго юмора, и мы, порой нахохотавшись до слез, просили Сергея Даниловича показать, как одна и та же пословица звучит на разных языках, что он и делал, как мы видели, с превеликим удовольствием.

А как-то мы спросили его, сколько же языков он знает?

– На двадцати могу лекции в академиях читать, а на остальных думаю, как эти лекции написать, – отшутился Сергей Данилович.

А потом вдруг говорит, что хотел бы и язык инопланетян изучить, а то вот встретил однажды троих, но даже и поприветствовать не смог.

Мы посмеялись. А он вдруг стал рассказывать совершенно серьезно:

– Случилось это еще в 1969 году. В тот день я гостил в Карачаевске, у своего бывшего ученика Долхата Кузнецова, и засиделся до сумерек. Он предлагал мне переночевать, но я всё же решил идти домой.

Долхат проводил меня до тебердинского моста, а дальше мне надо было идти еще час-полтора, и я заторопился домой, поскольку уже начинало смеркаться. В од-

ном месте, у дороги, я вдруг увидел в кустах какое-то странное свечение. Хотел подойти посмотреть, не горит ли что. Но мне вдруг преградили дорогу три очень высокие фигуры в каких-то странных одеяниях. Я хотел было подойти к ним поближе, чтобы получше разглядеть, но тут почувствовал острый запах серы и потерял сознание. Очнулся я уже на рассвете и не на дороге, а на берегу реки. Откуда-то по-прежнему шел острый запах серы. Я подошел к реке, умылся, прополоскал рот, но запах не исчез. У меня с собой была пустая походная сумка, и, я хорошо помнил, что было десять пятирублевых купюр в кармане. Я ничего не покупал, но одна пятирублевка исчезла.

Всё, что произошло со мной в ту ночь, я от своих близких и от коллег, конечно, скрыл. Ведь могли подумать, что я перебрал алкоголя, и начали бы потом смеяться. Запах серы меня преследовал постоянно, и я не мог работать. Пришлось уговорить директора школы дать мне недели на две отпуск без содержания. Я поехал в Москву к своим знакомым докторам, рассказал об этом странном случае, попросил осмотреть меня. Но они ничего серьезного у меня не нашли. Запах серы постепенно ушел, а я почувствовал, что исчез донимавший меня, заработанный еще в лагере ревматизм, из-за которого я ежегодно вынужден был ездить на лечение. Отступили и другие, более мелкие хвори.

Так что, друзья мои, хотите смеяться, хотите нет, а получается, что меня избавили от них инопланетяне. Так что занимаюсь я прошлым, а меня, наверно, посетило будущее. Ну что ж, это говорит о том, что наша планета лишь малая частичка безбрежного и пока еще малоизвестного нам мира».

Вот такую историю рассказал нам Сергей Данилович.

Кстати, о своей встрече с инопланетянами он написал в местной газете. Так что, может быть, он, и правда, верил в иные миры. А может, в очередной раз пошутил. Ведь шутка, – как говорится в адыгейской пословице, – гонец правды.

С каждым приездом Мастепанова, мы с Ложкиным после работы, как правило, задерживались в музее или шли к нему (он жил поблизости), чтобы за чаем более откровенно поговорить с Сергеем Данилови-

чем о жизни, о поисках и находках, о связанных с этим проблемах. Ведь, по сути дела, все мы были «поисковиками», каждый, правда, в своей области: Мастепанов собирал пословицы, я истории фронтовиков, Ложкин занимался археологией. Засиживались мы порой до полуночи, спорили, смеялись, говорили и о своих житейских проблемах. Но однажды Сергей Данилович, вдруг стал рассказывать о своей лагерной жизни. Слушал я его, и у меня по спине пошел неприятный холодок:

– После суда, приговорившего меня к расстрелу, – рассказывал Мастепанов, – меня бросили в штрафной изолятор (ШИЗО). Камера была рассчитана на одного осуждённого, но нас туда набивали по нескольку десятков человек. Помещение было с низким потолком, без окон, дверь плотно заперта. Поэтому люди скоро начинали задыхаться. Кто-то терял сознание. Зэки начинали кричать, стучать в дверь, но её подолгу никто не открывал. Снаружи доносились только брань и угрозы. Открыли дверь только тогда, когда надо было вынести труп задохнувшегося бедняги. Так повторялось несколько раз.

И тогда зэки придумали жуткую смертельную рулетку. Бросали жребий, и тот, кому он выпадал, должен был лезть в петлю, которую сделали из ремня и закрепили на оконной решетке. Смертник несколько секунд трепыхался в петле, а когда затихал, зэки стучали в дверь, чтобы забрали очередного «жмурика». Тогда дверь открывали и, пока его выволакивали из камеры, остальные сидельцы могли сделать несколько глотков свежего воздуха.

Людям, приговоренным к расстрелу, не было разницы, как умереть – в петле или от пули. Лишь бы быстрее отмучиться. Однако мы надеялись, что власти все же выяснят правду и, быть может, кого-то выпустят на свободу. Правда, нам, особенно молодёжи, зэки что постарше, рассказывали, что и свободу можно получить такую, что лучше бы в камере срок мотать.

Якобы в некоторых лагерях, что находились в таежной глухомани, куда и нас отправят, если тут не расстреляют, среди болот и бездорожья, особо непокорных отпускают на свободу. То есть, просто выгоняют за ворота лагеря и все. Но, выгоня-

ют без одежды. Оставляют, правда, кой-какие тряпки, чтобы срам прикрыть.

Получившему «волоно» казалось, что его спасение в том, чтобы добраться до ближайшего населенного пункта. Но, пока изможденный голодом, практически голый человек пытался дойти туда, его либо насмерть заедал таежный гнус, либо он становился добычей диких зверей. Но, если даже кому-то и «выпадал козырь», и он доходил до какого-нибудь поселка, там его все равно ловили НКВДэшники и возвращали назад, в тот же лагерь.

Так что уйти на тот свет, если лагерное начальство захочет, можно было в любой момент. Ты никому не нужен. Любой зэк мог поплатиться жизнью только за то, что кому-то он просто не понравился или хотя бы минимально нарушил лагерные правила.

Но я свою беззащитность, униженность, никчемность в этом безжалостном мире почувствовал не тогда, когда сидел четыре месяца в Черкесской тюрьме в ожидании расстрела. И не в ШИзо, где мы бросали жребий, кому из нас быть повешенным, чтобы таким способом вырваться из кошмара штрафного изолятора, а совсем при других, вполне мирных обстоятельствах.

Как-то осенью нас повели на работы в карьер через убранный капустное поле. Конечно, же, как всегда, мы были чудовищно голодны. А в бороздах кое-где соблазнительно белели капустные листья. Шли мы колонной по двое, и вот сосед сзади, из новеньких, выскочил из колонны, чтобы схватить капусту. Он успел сделать два-три шага, не больше. Я даже услышал, как хрустнул капустный лист в его сжатой ладони. Тут же прозвучал выстрел. Пуля попала в затылок, и бездыханный бедняга ткнулся лицом в борозду. Вот тебе и цена человеческой жизни. Тогда я страшно позабавился бездомным псам, которые хоть и вечно голодны, но могут постоять за себя и свободно передвигаться куда вздумается.

Был момент слабости, когда и я хотел отмучиться. От постоянной голодухи, тяжелой работы и жутких условий жизни в лагере я заболел «пеллагрой». Так мы называли болезнь, когда у живого человека мясо отстает от костей. Смерть эта не быстрая, но тихая. Когда я стал терять си-

лы, мой хороший знакомый, тюремный фельдшер П.М. Губенко, зная, что я умею хорошо чертить, попросил, чтобы меня отрядили к нему в больницу поработать чертежником. Там надо было делать какие-то графики. Сколько мог, я чертил, но потом решил совсем отказаться от пищи, и силы стали быстро покидать меня. Кровать, на которой я лежал, стояла в коридоре около кабинета, в котором я и работал. Видя мое, все ухудшающееся состояние здоровья, медики пытались дополнительно подкармливать меня, однако я уже решил уйти из жизни и, чтобы быстрее прекратить мучения, не принимал пищу. Однажды я услышал, как Губенко сказал врачу, что в канцелярии на меня готовят документы на освобождение, поэтому, мол, меня надо подкормить, чтобы я смог хотя бы до дому доехать. Сказано это было при открытой двери, и я услышал этот разговор. «Зачем же помирать, если впереди свобода», – подумал я и прекратил голодовку, что и спасло меня.

Позже выяснилось, что никто, никакие документы не готовил. А Губенко, будучи большим шутником, (ведь это был украинский писатель Остап Вишня, который о себе говорил, что поскольку он здесь сидит, то никакой он не Вишня, а просто незрелая зеленая слива) о моем, якобы, готовящемся освобождении он пошутил, сказал так специально, чтобы у меня появился стимул к жизни.

Когда я снова несколько окреп, вдруг подумалось: «А почему бы и здесь, в лагере, не заняться более основательно совершенствованием тех языков, которые я уже знал, и продолжить изучение других».

Голова была в порядке, память еще не отбили, и народу в лагере было много всякого: турки и черкесы, французы и итальянцы, голландцы и караеэвцы, немцы, украинцы, цыгане, испанцы... Словом, можно сказать, полный интернационал. А это было необъятным полем для изучения языков. Да и время будет идти незаметнее.

На освоении языков своих земляков – кавказцев: черкесов, осетин, караеэвцев – я уже наработал некоторый опыт. Но они-то в большинстве своем двуязычные, знают свой язык и русский. С переводом не было проблем. А вот как быть с другими?

Еще в камере смертников мне помог уяснить некоторые нюансы своего языка карачаевский журналист Ислам Хубиев. Помня его советы, я стал заводить знакомства с представителями то одной языковой группы, то другой и, пока не начинал свободно общаться с людьми на их языке, не отступал.

На освоение одного языка, для разговора на бытовом уровне, уходило несколько месяцев, но бывало, конечно, и значительно больше. Потому что я хотел не просто знать какой-то минимум слов для повседневного общения, хотелось одолеть тонкости произношения, докопаться до многовариантности значения слов. Так что лагерь был для меня в этом смысле хорошей школой, а постоянная моя увлеченность языками несколько скрашивала и мои лагерные будни.

Там я подружился с испанцем – полковником республиканского генштаба Хосе Хиронесом. Он помог мне справиться с трудностями испанского языка. А польский писатель Марьян Чухновский научил говорить по-польски и помог овладеть латынью, которая дала возможность быстрее научиться понимать французский, испанский и итальянский языки.

В лагерной «школе» у меня были хорошие учителя по японскому, турецкому и португальскому языкам. А при постоянном общении с людьми, ими владеющими, у меня была постоянная прекрасная разговорная практика. Как говорится: не было бы счастья, да несчастье помогло».

Когда журналисты спрашивали у Сергея Даниловича о языках, на которых он может свободно общаться, он обычно говорил так: черкесский, карачаевский, осетинский, турецкий, немецкий, английский, французский, испанский, голландский, итальянский, португальский, эсперанто и некоторые другие.

Как-то, еще в середине восьмидесятых годов прошлого столетия, жители села Петровского, узнав, что их учитель Сергей Данилович Мастепанов бывает в Отрадной, позвонили в музей и попросили привезти его к ним на встречу.

Мы связались с Сергеем Даниловичем. Узнав о просьбе хуторян он даже растрогался, думал, что там уж мало кто его помнит, а тут оказалось, что в селе живет

еще много его учеников, которые не только помнят его, но очень хотели бы увидеть и поговорить со своим учителем, вспомнить детство.

В следующий его приезд мы, предварительно позвонив в село, поехали к петровчанам.

В местном Доме культуры собралось столько народу, что многим пришлось толпиться у распахнутых настежь дверей. Оказалось, что даже через полвека жители села, пожилые уже люди, отлично помнили уроки, которые проводил Сергей Данилович, вспоминали даже детали школьной жизни, связанной, как они теперь признавались, с их любимым учителем. Люди помнили, причем в подробностях, их походы на природу и по историческим местам предгорья, интереснейшие рассказы Сергея Даниловича о прошлом этих казачьих мест. Его ученики не забыли даже, что он на уроках показывал найденные им предметы археологии: каменные орудия древних людей, бронзовые наконечники стрел, крестики, монетки.

Но больше всего многих учеников Мастепанова интересовало, куда делись те интересные книги, большое количество которых уже тогда он собрал у себя дома. Ведь многие часто ходили к нему домой, как в библиотеку. До сих пор люди помнили, что, когда они брали у него книгу, он обязательно рассказывал им об авторе, очень коротко о его произведениях и обязательно о том, как надо читать, на что обращать особое внимание. С тех пор у петровчан, хоть и много было домашней работы, но со школьных лет осталась привычка в свободные минутки отдыха читать книги.

На той встрече в селе Петровском Сергей Данилович заверил своих учеников, что вся его домашняя коллекция книг не только сохранена, но за те годы, пока они не виделись, еще и значительно пополнилась. В зале была овалация.

А потом было немало интересных воспоминаний с веселыми и грустными историями. Ученики рассказали учителю, что произошло в селе за время его отсутствия, кто чего достиг в своей жизни. А когда сельяне узнали, что Сергей Данилович стал ученым, который знает много иностранных языков, что он автор многих интересных научных работ по изучению пословиц и

поговорок, что его знают и ценят даже за рубежом, в зале снова раздалась овация. А потом кто-то пытался даже вспомнить какие-то немецкие слова, чтобы показать, что даже тогда, в детстве, учёба в классе у Мастепанова не прошла даром.

После этой встречи некоторые ученики Сергея Даниловича подходили ко мне и спрашивали, о чём пишет их учитель, где можно приобрести или хотя бы взять почитать его книги? Сергей Данилович что-то подарил своим бывшим ученикам, а на правах учителя дал задание писать ему письма, рассказывать о новостях в селе Петровском, а кто знает какие-нибудь шутки-прибаутки, поговорки или пословицы, обязательно присылать их ему, но записывать их так, как их произносят сами люди, пообещав все самое интересное использовать в своих статьях, и, конечно, обязательно с указанием фамилий авторов таких писем.

Словом, встреча получилась теплой и душевной. Видно было, что беседа с людьми, их искренняя заинтересованность в общении с ним придала ему жизненных и творческих сил. Не смогли, все же, тюремные застенки и лагерь огрубить светлую душу этого умного, доброго, сердечного человека.

Кстати, мне посчастливилось увидеть и ценнейшую мастепановскую библиотеку, в которой, как он сам сказал, было более 20 тысяч книг. Меня с Михаилом Николаевичем Ложкиным и местным художником Анатолием Коробковым, у которого была своя машина, Сергей Данилович пригласил приехать к нему в гости на «шестую шахту», так называлось место, где он в то время жил.

Там-то мы и увидели его главное богатство. Одна из комнат, со стеллажами до потолка, была полностью заполнена книгами. Кроме того, они стопками стояли на столе, на подоконниках, на полу. Наверно, были они и в других комнатах, потому что Сергей Данилович откуда-то еще приносил показать нам некоторые издания, свои публикации, папки с вырезками из газет и журналов, картонные ящики с письмами и небольшие длинные ящички со своей знаменитой картотекой. Я еще подумал тогда, что всё это богатство надо бы хранить в специальном сейфе. Ведь, если вдруг, не дай Бог, пожар, погибнет не только дело

всей жизни этого удивительного человека, но и без преувеличения можно сказать, в каком-то смысле, государственное достояние. А как еще можно назвать этот ценнейший архив?!

Я не раз предлагал Сергею Даниловичу сделать большое интервью с ним для районной или краевой газеты. Но все как-то не получалось: то я где-то на выезде, когда он приезжает, то у него время ограничено. Хотя он каждый раз какую-то информацию о себе для меня оставлял. Например, привез несколько различных газет, в которых были опубликованы материалы о нем, интервью с ним или копии его статей.

А как-то он сказал мне по секрету, что начал писать свои воспоминания. И тут же посетовал, что издавать их скорей всего никто не будет, так что копию этой рукописи он обязательно подарит Отрадненскому музею. Вот оттуда, мол, я и смогу взять все, что посчитаю нужным для своих публикаций в местной прессе. Так и договорились. Но, к великому сожалению, краеведческий музей в Отрадной, большим количеством материалов об этом выдающемся ученом, до сих пор не располагает.

Говорят, С.Д. Мастепанова прочили на пост председателя Международного фольклорного общества (МФО). У нас в стране такого общества просто не было. А на форуме в Финляндии, где должны были состояться выборы, процедура требовала обязательного присутствия самого кандидата на пост председателя. Но кто бы в те годы посмел выпустить за границу мало кому известного в стране сельского учителя, непонятно чем занимающегося в каком-то там черкесском ауле, да еще бывшего политзэка.

На 89 году, полная тяжелых потерь и удивительных побед, жизнь этого великого человека закончилась. После себя он оставил ценнейшие материалы, которые показывают наш многообразный мир с глубиной, пока ещё малоизученной стороны жизни. И вот не стало этого талантливейшего ученого, освободилось поле, на котором, как теперь говорят, «он играл». И что же? Той высоты, на которой работал потомок казачьего рода из станицы Отрадной, за эти годы, видно, не достиг никто, поскольку всё это время не было пока и настоящего научного интереса к материа-

лам, собранным этим признанным в мире самородком, так и остающимся для наших чиновников от науки школьным учителем из глубинки. Правда, недавно о научном наследии Сергея Даниловича Мастепанова заговорили на его родине, в станице Отрадной. Работники местного музея хотели бы взять на хранение наиболее ценные для истории материалы своего выдающегося зем-

ляка. Но как бы ни произошло то, что случилось уже многократно. Кто-то из власть предержащих, узнав об этом, может «авторитетно» заявить: «А кто он такой, этот Мастепанов? Простой учитель немецкого языка, который увлекался пословицами. Ну, и что! Таких людей у нас много. На всех музеев не хватит!»

II. ФОЛЬКЛОР И ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЕ

Х.А. Хабекирова

О материнском образе героини нартского эпоса Сатаней

Вопрос о месте и положении женщины у черкесов напрямую связан с различными её ролями в семейной и общественной структуре. В семье она выступает в качестве дочери, жены, матери и т.д. Самая почитаемая – это роль матери. Идеализация материнского образа является характерной чертой общечеловеческой культуры. Она основана на осознании и понимании значения женщины в биологическом и культурном воспроизводстве рода человеческого. Образ матери в своём развитии прошёл через многие эпохи исторического развития черкесов, что наглядно демонстрируют и данные фольклора, в особенности, нартского эпоса. Нам уже приходилось писать о женских персонажах, матерях, в устной традиции и эпосе, которые не соответствуют тому стереотипу образа женщины - матери, сложившемуся в мировоззрении черкесов. Самые известные из них – матери Шауея и Батраза (Нарибгей, Испы-гуаше), которые выполняют только функцию воспроизводства, но пренебрегают другими – кормления, защиты, воспитания.

Тема матери в нартском эпосе наиболее широко и объёмно представлена в образе Сатаней, его центральной женской фигуры. О её роли и значении в жизнедеятельности нартского общества написано множество страниц различными исследователями – этнографами, фольклористами, языковедами. Во всех национальных версиях эпоса она занимает одно из главных мест, именуясь «мать нарт», «наша мать». Степень значимости её образа очень точно охарактеризовал В. И. Абаев, отметивший, что «можно мыслить нарт без любого из героев, даже главнейших, но нельзя мыслить их без Сатаней» [1]. В её многослойном образе сохранились черты женщины-прародительницы, великой матери-богини, ведуньи, хозяек-божеств отдельных природных объектов, явлений и сил. Это те

стадии, которые этот персонаж прошёл в своём историческом развитии. Можно полагать, что последняя из её ипостасей (или просто одна из них) – это мать Сосруко. Сатаней не родила (физически) своего сына, но она самая заботливая, нежная и любящая мать, главная советчица и помощница сына во всех его важнейших делах и свершениях. В обращении к сыну, или когда ведёт речь о нём, Сатаней употребляет слова «*симвьфыкъоу скьо закъу*» (нерождённый мною, единственный мой сын), «*симвьфыкъоу сплугъэ шау*» (нерождённый мною, воспитанный мною молодец), «*сэ си мьльхукъуэ, сэ си къуэ цласэ*» (ты нерождённый мною сын, ты любимый мой сын) [2]. Но чаще всего она выражает свою материнскую любовь, употребляя выражения и обращения типа: «*Саусырыкъоу скьо закъу*», «*Саусырыкъоу си къан, сьдэ хьугъэр, си нэф, тхъэм и нэфыр къызэишьым*» [3] – (Сосруко, мой единственный сын; Сосруко, мой воспитанник, любимец, что случилось, мой любимый?; На тебя пусть обратятся божья благосклонность и любовь). С самых первых шагов вхождения Сосруко в нартское общество, им руководит его мать, Сатаней. Сосруко хочет быть членом нартского «хасэ», так как это почётная роль. Он просит совета матери, спрашивая, не пойти ли ему самому на это собрание. Сатаней приветствует благородные цели сына, но объясняет ему, что по существующим у нартвов порядкам и правилам, на хасу не ходят без приглашения. Она берётся сама пойти туда и походатайствовать за него перед нартами. Сразу после разговора с сыном, Сатаней отправляется на это собрание самых именитых нартвов и перед ними излагает свою просьбу.

Один из своих подвигов – возвращение похищенного Емынежем мешка проса, подаренного нарта на семена Тхаголеджем, божеством плодородия и хлебных злаков, Сосруко совершает с помощью своей матери. Когда просо исчезает из специально построенного для него амбара, никто из нартвов не знает, куда оно делось, и что нужно делать. Не может помочь в поисках похитителя и сам Тхаголедж. Возвратив-

шийся в это время из похода Сосруко, застаёт своих соплеменников-нартов в великом унынии, о причине которого он узнаёт после расспросов. По поводу его дальнейших действий они советуют обратиться к Сатаней. Она называет сыну имя похитителя, указывает направление его поисков, подробно описывает дорогу, препятствия, которые ему предстоит преодолеть, чтобы добраться до жилища похитителя проса и точное место, где оно располагается. Следуя полученным от матери сведениям, нартский герой благополучно добирается до Емынежа, отнимает у него просо и приносит обратно в страну нартов [4]. Сатаней обеспечивает победу своего сына над грозным Тотрешом, которую он не смог бы одержать, так как противник был явно сильнее Сосруко. Это обстоятельство осознаёт и он сам, после происшедшего с тем столкновения. Сосруко сомневается в благоприятном для него исходе назначенного поединка, если не использовать магические знания, хитрость, смекалку, которыми в полной мере обладает Сатаней. Он обращается к ней со словами:

*Мать моя, Сатаней,
Свои колокольцы привяжи,
Свои яды приготовь,
Проводи меня один раз [как подобает,
о горе] [5].*

Только в этой редакции сказаний о нарте Сосруко герой сам называет те способы, приспособления, предметы, которыми должна снабдить его мать, чтобы он смог одолеть и погубить Тотреша. В остальных же – весь упомянутый набор средств придумывает она сама, или иногда вместе с конём Сосруко, Тхожеем. Названные предметы, также туман, сон, которые Сатаней насылает (иногда это делает сам герой) на Тотреша, помогают её сыну выиграть бой и убить опасного противника. Отношение матери к сыну, её постоянная готовность защитить сына, используя хитрость и коварство, как и отношение сына к матери, наиболее выпукло проявляются в диалогах-формулах Сатаней и Сосруко (в повествованиях о встрече Сосруко с Тотрешем). Видя вернувшегося домой сына растерянным и грустным, мать обращается к нему с ласковой речью:

*Саусарук, мой кан,
Саусарук, мой свет,
Чья броня – ника и светлый щит
Чья рубаха – кольчуга....
В лице изменился,
Сердце трепещет –
[Таким] ты вернулся ко мне.*

На вопрос о том, в чём причина его удручённого состояния, Сосруко отвечает ей:

*Сатаней – гуаша,
Не сравнимая с другими гуашами,
Бесподобен сказ о тебе!
Горькая весть губительна,
То, что случилось со мной – обида
Обидой с женщиной не делятся,
Женщин не посылают на хасу.[6]*

Дерзость, пренебрежительное отношение к матери, как существу или представительнице женского пола, слышатся в ответе Сосруко в кабардинском варианте этого же текста:

*Мать моя, Сатаней-гуашэ,
Хоть ты женщина, [но] глупа,
Разве женщина о хасе спрашивает?
Разве к женщине за советом обращаются [7].*

Непочтительность и прямое оскорбление матери видны в бжедугском тексте того же сказания, где Сосруко обращает к матери следующие слова:

*Ей, наша мать старая, серая волчица,
О-орада!
Ей, наша старая мать, творящая
неблаговидные дела.
О-орада!
Погибнет, которая от них же,
О-орада!...[8]*

Только тогда, когда Сатаней грозитя убить себя, если он не скажет о случившемся с ним, Сосруко рассказывает о том, что с ним произошло. Без помощи матери, как уже сказано об этом выше, Сосруко не смог бы победить своими собственными силами Тотреша. Единственный случай, когда он полностью игнорирует советы и предостережения матери, приводит к гибели героя. Обладая даром предвидения, Сатаней пре-

дупреждает Сосруко о грозящей ему смертельной опасности и просит не выезжать в тот день на хасу. Она смотрит на своё чудесное кольцо (варианты – снится плохой сон, гадают на фасоли) и видит, как оно меняет свой цвет, предвещая несчастье. Когда же Сосруко, не вняв просьбам и уговорам матери, отправляется в путь, она даёт ему наставление не подбирать никаких предметов, которые могут лежать на пути его следования. Как известно, Сосруко не выполнил и этой просьбы матери. Последним средством спасти его становится верёвка, которую он видит на дороге. Она, несколько раз сворачиваясь, разворачиваясь и выпрямляясь, преграждает ему путь. Герой не может понять смысл этого предмета, равно как и предыдущих. Разгадку даёт его возлюбленная, которая объясняет ему, что он выехал, не послушав матери, и она преграждает ему путь пуповиной, их соединявшей, до того она беспокоится о нём и хочет, чтобы он повернул назад.

Эпос представляет Сатаней-гуашу, обладающей всеми теми типическими чертами, которыми этническая культура наделяет женщину в этой социальной роли. Её поведение, реакция, во всех ситуациях, связанных с сыном, являет пример безусловной, безграничной любви, милосердия и сострадания. Вместе с тем, в многослойном образе Сатаней, видны осколочные элементы архаических эпох, которые противоречат традиционному стереотипу матери, сложившейся в культуре. Так как объём статьи ограничен, мы не стали касаться этого аспекта образа, сосредоточив внимание только на положительных, типических чертах её, как матери.

Примечания:

1. Абаев В. И. Религия, фольклор, литература // Избранные труды. Владикавказ, 1990. С. 159.
2. Нартхэр. Адыгэ эпос. Майкоп, 1971. Т. 7. С. 229; Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974. С. 63.
3. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т.7.С. 238.
4. Там же. С. 253.
5. Нарты. Адыгский героический эпос. С. 360, 362.
6. Там же. С. 215.
7. Там же. С. 212.
8. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 7. С.231.

М.Б. Шенкао

К вопросу об абазинской метрологии

В настоящее время многие метрологические дефиниции абазин полностью вышли из употребления. Это происходит, как отмечает А.Чикобава, потому, что «изменения в лексическом составе обусловлены, в первую очередь, изменениями в сфере обозначенного: отпадает вещь, выпадает, как правило, и соответствующее слово. Домашний ткацкий станок оказался лишним, исчез из семейного быта. Сходит на нет и терминология ткацкого станка» [1].

Ф. Петрушевский в работе «Общая метрология» писал: «Метрология есть описание всякого рода мер их наименованиям и взаимному отношению» [2]. В ней автор дает четкую классификацию основных метрологических мер: мера длины, мера площади, расстояния, меры для определения жидких и сыпучих тел – вместимая мера, весовые меры, счетные меры, меры времени.

Как и у многих народов, первыми счетными мерами у абазин были части человеческого тела: пальцы, ноги, руки, ширина шага и т.д. В жизни абазин большое значение имела передача жизненного опыта из поколения в поколение путем непосредственного участия подрастающего поколения в хозяйственно-экономической жизни народа. При этом необходимо отметить, что твердо установившихся величин мер не было.

Народные метрологические названия официально никем не были приняты, все измерения проводились на глаз. Тем не менее, они помогали людям в их повседневной жизни, в процессе товарообмена, в ведении домашнего хозяйства.

Наиболее древней мерой был шаг, величину которого определяли по длине шага мужчины среднего роста. Древней единицей определения расстояния было понятие «день пути» – *мицца*. При этом шло четкое разграничение преодоления расстояния пешком – *цаптыла*, верхом на коне – *тшыгIвта*, на воловьей упряжке – *чыуандырла*.

Для определения расстояния прибегали к описательным выражения, таким как, например: *ала аш бжъы уаглауата* – рас-

стояние, на котором слышен лай собаки: *чважва бжъы* – расстояние, на котором слышен крик человека.

Более четко величину длины определяли при помощи пальцев и рук. Самой малой величиной длины являлась *щрыкъ* – пядь – расстояние, равное широко раздвинутыми большим и указательным пальцами.

Расстояние от плечевого сустава одной руки до кончиков пальцев другой руки – называется *дзакли бжакли*.

Расстояние между размахом рук от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой руки – *дзаръвгъва* – соответствует русской маховой сажени. Расстояние от конца пальцев вытянутой руки до пятки ноги называлось – *дзаргъвгъваду*. Эта мера соответствует понятию косая сажень.

Другой мерой длины от руки был локоть – *мачхъвынцI*. Длина локтя определялась расстоянием от кончика среднего пальца до локтя.

Все перечисленные меры длины в прошлом активно использовались абазинами в быту в строительстве, в швейном деле и других видах работ.

В абазинском языке часто встречаются заимствования метрических названий длины: аршин – *аршын*, вершок – *вершкIа*, сажень – *сажна*, верстка – верста, десятина – *дестына*.

К определенной группе мер длины примыкают счетные меры, применявшиеся в домашнем ткачестве. Основным сырьем для домашнего ткачества служила овечья шерсть. В качестве единицы измерения шерсти с одной овцы у абазин употреблялся термин *ласакI*.

Для обозначения размера площади употреблялись разнообразные метрические единицы. Размер площади определяли также количеством земли, вспаханной за день – *мичвагIваракI*.

Более малую площадь определяли как – *чвацIыштIакI* – участок земли, который можно вспахать между двумя отдыхами волов.

Площадь земли могли определять также размером сжатого хлеба. Параметрами служили количество собранных снопов – *кврыс*, *бжын* – суслон по 8-9 снопов, *шаджъ* – скирд необмолоченного зерна. Опытный землевладелец на глаз мог определить, сколько с данной площади можно

было собрать снопов. Размер площади луга, сенокосного угодья измеряли количеством скошенной травы. *АргIына* – валок, ряд скошенной травы, сена. Единицей измерения служил также захват косы – *тибыгкI*.

Амбата – навильник; *хъвынчIвыкла* – *йузыгIацтIыхуа*, т.е. количество снопа, которое мог поднять мужчина средних лет за один прихват вилами.

КIанIна – копна – вмещает в себя 25 навильников. *Чва* – состоит из 5 копен, образует один средний воз сена – *уандыркI*.

ХIаджв – скирда. Пять возов составляли одну скирду. Для перевозки сена вдоль воза клали жердь – *татыргIач* – для крепления.

Самой древней мерой для объема жидкости являлся бурдюк – *гъаша*, в нем обычно хранили кисломолочные напитки, *бахсыму* – национальный хмельной безалкогольный напиток.

Норму расхода воды определяли размером металлического кувшина с узким горлом – *гвагван*. Посудой для измерения масла, сливок, молока была деревянная чаша – *уакъвы*. В нее примерно умещалось около 400 гр. Малой мерой для жидкостей являлась *сольыкъв* – чаша, бокал.

Традиционной мерой для измерения сыпучих тел и жидкостей были деревянные ведра – *хъашI*, кадушки – *бкъвил*. Традиционной мерой для сыпучих тел был *хIфтын* – бурдюк из невыделанной козьей кожи. Он вмещал в себя примерно 4 – 6 пудов.

Мерами для сыпучих тел были различные сумы: *артмакъ* – переметная сумка, *хвырджъын* – сумка.

Сиякъ – чаша, которая служила мерой муки, которой хватало для того, чтобы приготовить две буханки хлеба.

Уахъхъазага – чаша, служила мерой продуктов, достаточной для приготовления ужина для средней семьи. Вмещала в себя примерно 6 кг. *Темырлын* – большая глубокая чаша, емкостью около 16 кг. Она предназначалась для засыпки зерна в закрома. *ПхачIач* – деревянный совок для забора муки. Вместимость составляла примерно 600 гр. Емкостью для замера и хранения зерна служила также *мкъвыба* – кубышка. Свое название получила по сорту тыквы, из которой ее изготавливали.

В значении выражения веса абазины употребляли ряд заимствованных русских метрологических названий. Например: *пуд* – пуд, *безмен* – безмен, *барковец* – барковец.

В прошлом торговля у абазин была обменной, у них отсутствовала денежная форма обмена. М. Пейсонель по этому поводу писал: «Точно определить цены вывозных и ввозных товаров нет никакой возможности, ибо здесь все продается на обмен» [3].

В качестве обмениваемых товаров служило зерно, продукты питания, изделия домашнего производства. Позднее эквивалентом денежной единицы стал выступать скот – *хъа*.

Первые денежные единицы у абазин использовались в качестве украшений. Мелкие монеты назывались – *хъванша*. Самой маленькой денежной единицей была копейка – *кIапIукIа*. Далее *битакъ* – пять копеек, *апасы* – двадцать копеек, *сом* – рубль, *туман* – десять рублей, *швкIы* – сто рублей, *зкъи* – тысяча рублей, *милъуан* – миллион.

Мерами времени были *век* – *сквишш*, *год* – *сквиш*, *час* – *сахIат*, *минута* – *дакъикъа*.

В разговорной речи абазины для выражения быстротечности времени пользовались следующими выражениями – *лахъвгIахъасра* – в мгновение ока; *лагва* – *лачви рбжъара* – не успели ресницы сомкнуться; *чвапсымтакI* – не успев уснуть глубоко; *ахырчIвы мчIвыскIва* – не успело молоко прокиснуть.

Не претендуя на исчерпывающую полноту раскрытия вопроса, мы постарались дать в данной статье некоторые метрологические единицы абазин. Необходимо отметить, что точные, совершенные данные появляются лишь с развитием и усложнением хозяйственной жизни, развитием торговли, ростом культуры.

Примечания:

1. *Чикобава А.* Отраслевая лексика и научная актуальность ее изучения// Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Вып. II. Тбилиси, 1975. С.34.

2. *Петрушевский Ф.М.* Общая метрология. Ч.I. Содержащая описание мер, весов, мо-

нет и времячисления нынешних и древних народов. Спб., 1849. С.4.

3. *Пейсонель М.* Исследования торговли на черкесско-абазинском берегу Черного моря в 1750-1752 гг. (в изложении Е.Д.Фелицына). Краснодар, 1927.С.30.

А.М. Астежова

Обряд вызывания дождя у адыгов (черкесов)

Хъэнцегуаше один из ритуальных комплексов в обрядности адыгов (черкесов). Изначальное значение слова – «*гуащэ*» – *богиня*. Это подтверждается наличием в адыгском пантеоне значительного количества *гуащэ* – *богинь* с разными функциональными обязанностями: *Псыхъуэ-гуащэ* (Богиня рек), *Хадэ-гуащэ* (Богиня садов), *Хы-гуащэ* (богиня моря), *Унэ-гуащэ* (Богиня дома), *Жыг-гуащэ* (Богиня деревьев) и т. д. После празднования первой борозды у адыгов (черкесов), наступало определенное затишье в земледельческих ритуалах и праздниках. И сама жизнь после посевных работ проходила в спокойствии. Это была передышка перед началом прополки и других полевых забот.

Однако суровые условия жизни и быта горцев не всегда благоприятствовали богатому урожаю с полей. Скучные поля, засеянные ценой невероятного труда, были в полной зависимости от погодных условий. В зависимости от того, засуха или обилие дождей было угрозой предстоящему урожаю, проводили обрядовые действия или вызывающие дождь, или способствовавшие прекращению ливневых дождей. Возможно, засуха была частой гостьей в горах, так как обряд вызывания дождя с сопровождающей его поэзией сохранился лучше и в более полном объеме. Более того, почти в каждом селе имеется специальное место, где проводился ритуал обряда вызывания дождя, в котором переплетены, как обычные обряды, так и религиозные начала.

К проведению комплекса обрядовых циклов *ханцэгуащэ* адыги прибегали исключительно во время засухи *Ханцэгуащэ* – это обряд вызывания дождя. Со временем этот обряд из языческого трансформировался в религиозный. И по сей день адыги

(черкесы) традиционно во время продолжительной засухи собирают деньги на покупку жертвенных животных. Например, в ауле Хумара Карачаевского района, Карачаево-Черкесской Республики этот обряд проводится в три этапа. Первая фаза отводится верхней части аула, где объединяются несколько хъэбл (переулок), затем их примеру следуют средняя и нижняя части. Каждой хъабле для ритуального обряда отводится один день. Придя на место заклятия, участники ритуала становятся в ряд, и эфенди, обращаясь к Всевышнему, читает просительные молитвы о ниспослании на землю дождя. После молитвы каждое жертвенное животное связывают, кладут его на землю головой на восток, выкапывают возле головы ямку для стока крови. Шкуру забирает эфенди, а мясо варится и жарится и частью подается собравшимся, частью разбирается по домам.

Нет никакого сомнения в том, что адыги в прошлом связывали этот обряд с именем богини реки *Псыхъуэ-гуащэ*. Одни сказители описывают ее как молодую и необыкновенно красивую русалку, которая своей красотой заводит путников в пучину разбушевавшейся реки, где они погибают. Другие же утверждают, что богиня – отвратительная старуха, во многом напоминающая русскую бабу-ягу. Она костлява, острозуба, уродлива и очень страшна на вид, а по своему характеру безжалостна и свирепа до исступления. Что одна, что другая сходны в одном, во время половодья больших разливов рек кричат людям: «Я еще не наелась, и дети мои не наелись! Несите мне своих детей».

Надо сказать, что обряды «вызывания дождя» существовали у многих народов. А.А. Бестужев-Марлинский вспоминал, что жители Дербента – мусульмане, денно и ночью молились в мечетях, чтобы пошел дождь, молились во чистом поле, и когда Аллах отказал им в этом, – прибегали к последнему средству – исполнению соответствующего языческого обряда. «Мальчики расстилали платки на перекрестках и собирали с проходящих деньги на воск да розовую воду, и потом, обвязав, разукрасив этот пук цветами и лентами, пробегали по улицам, напевая в лад в честь Гюдаля, вероятно, когда-то бога росы и дождей» [1, с.127]. Здесь важно отметить, что вызывание до-

ждя у народов Дагестана обращено, как и у адыгов, к женскому божеству:

*Гюдуль, Гюдуль, добро пожаловать!
Во след тебя дождик идет!
Встань, красавица, на ноги
Пойди пополнить свой ковш.*

В приведенном отрывке обращает на себя внимание, что мальчика наряжают цветами. То же самое сообщает Д. Зеленин в отношении румын, болгар и сербов, у которых в аналогичной процессии принимала участие девочка лет 10 или 13: ее украшали ветвями и периодически обливали водой.

Д.К. Зеленин типологически функционально сближает югославянскую Додолу с адыгской Ханцегуашэ. «У адыгов, – пишет Д. Зеленин, – роль Додолы выполняла ряженая деревянная лопата, украшенная в виде женской фигуры. На лопату надевали при этом полный женский костюм, но никаких растительных элементов на ней не было. Для вызывания дождя водою обливали, как ряженную лопату, так и друг друга» [2, с.54].

Участники обряда, в основном женщины и дети, с пением песни-молитвы о дожде ходят по дворам, собирают различные продукты питания. Затем они собираются у реки, приготавливают еду и угощаются, купаются, обливают друг друга водой. Обряд построен, в основном, на двух видах магии: имитативной и вербальной.

Во время вождения по селу этой богини дети и молодежь сопровождали процессию песнопением. В фольклоре сохранялись десятки вариантов песни, обращенной к богине дождя, но во всех говорится об одном – о ниспослании дождя. Запев во всех этих вариантах совпадает:

*Хьэңцэгуащэ зыдошэрэ,
Хьэңцэгуащэ махуэрэ,
Ялахь уэш къегъэшхи тегъэшхэж
Водим (мы) хьэңцэгуащэ,
Хьэңцэгуащэ на счастье,
Яллах, пошли нам дождь, и дождем
накрой!*

Как утверждает М.С.Туганов: «Подобный <...> обряд абазин именуется «Дзиуара», у абхазов «Дзиуоу». Обряд Ханцегуашэ во многих деталях совпадает с

грузинским обрядом «лазароба», а осетинский ритуал вызывания дождя не только аналогичен адыгскому, но и содержит в своей словесной формуле адыгское наименование лопаты (куклы) – «Хандза Гуаеса»[5, с.15].

Позднее появилась адыгская песня вызывания дождя, которая носит местный характер. В ней упоминаются реки и долины Черкесии. Вместе с традиционными элементами, в песне много шуточных и игровых элементов:

*Инджыдж цыкIу дыкыдокI,
Инджыджышхуи дыныдохэ.
Жылэхэжэр догъэбанэ,
Я нысацIэр кытхукъоплъ,
Я хъыджэбзыр мэдыхэих,
Дэ ихын цхбэкIэ кыдэкIухъ.
Хъэцэгуацэ кыдошэкI,
Ялэхъ уэих кьегъэих!
Псы гъуэгуанэр кытхуифкIут,
Дзэжэм епхъуи цхъэдэпхукI,
Куэ епхъи кытыпхъэт,
Блатхэм еIи кыфIэльэф,
ТIэкIу кыдэфти дыгъэжъэж,
Хъэцэгуацэ кыдошэкI,
Ялэхъ уэих кьегъэих!
Выходим из долины Малого Зеленчука,
Входим в долину Большого Зеленчука,
Заставляя лаять аульских собак,
Их невестка поглядывает на нас,
Их девушка смеется,
Мы ходим собирать еду (из-за еды),
Хъэцэгуаше водим,
Аллах, пусть обильно польется
дождь!
Кушин воды вылейте на нас,
Хватай и сорви бедро,
Хватай и сорви баранью лопатку,
Дайте немножко и отпустите,
Хъэцэгуаше водим,
Аллах, пусть обильно польется
дождь!*

К магическим действиям адыгов (черкесов) по вызыванию дождя относится и заклинание на камнях. Каждый заклинатель складывает перед собой горку из разноцветных камушков и приступает к мольбе о ниспослании дождя. Заговоренные камни поочередно бросаются в реку. Этим занимаются преимущественно дети.

В календарной обрядовой поэзии адыгов (черкесов) отразилась забота о будущем урожае и благополучии семьи, встреча Нового года, попытки уберечь от бед и болезней близких и домашних, скот от падежа, мечта о предстоящем урожае, сохранились обряды-обереги с песнями-заклинаниями.

Календарные песни просты по содержанию, композиции, тематике. Они выражают самые насущные мечты и чаяния народа. В большинстве случаев они обращены к сверхъестественной силе, от милости которой зависит судьба урожая или благополучие семьи и дома. Хотя первоначальные боги, олицетворяющие в эпоху язычества силы природы, и были забыты, осталась и по-прежнему живет вера в могущество стихии, управляющей урожаем и плодородием.

Примечания:

1. *Бестужев-Марлинский А.А.* Аммалат-Бек, Мулла-Нур. Махачкала, 1968. С. 127.
2. *Зеленин Д.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов М.; Л., 1997. С. 54.
3. МэфIэдз С. Адыгэ хабзэ. Налшык., 1994.
4. *Мижгаев М.И.* Мифологическая и обрядовая поэзия адыгов. Черкесск, 1973.
5. *Туганов М.С.* Осетинские народные танцы. Сталинир, 1957. С.15.
6. Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX вв., Нальчик. 1988.

А.С. Малахова

Народные представления о здоровье, болезни и смерти в русских пословицах XVII-XVIII вв.

Пословицы и поговорки принадлежат к малым жанрам фольклора, они в сжатой, лаконичной, и в то же время в образной форме заключают в себе разного рода изречения с назидательным смыслом. В пословицах отражаются не только многие бытовые реалии повседневной жизни народа, часто уже вышедшие из употребления, но и многие морально-нравственные, житейские, ментальные стереотипы, которые могут

служить источником для реконструкции особенностей национального мышления и характера, малоизученных аспектов социальных отношений, особенностей культуры, религиозного мышления и т.д. Изучение пословиц и поговорок как особого исторического источника показано уже в одной из ранних работ по русской паремиологии И. Иллюстрова [1], и великолепно осуществлено в сравнительно недавнем монографическом труде Л.Н. Пушкарева [2]. «Медицинские» пословицы и поговорки западноевропейских народов становятся объектом изучения современных фольклористов, паремиологов и культурологов [3].

Задача этих заметок более чем скромная – выявить и систематизировать на примере русских народных пословиц XVII–XVIII века представления крестьян и горожан о здоровье, болезни, лечении и смерти. Народные представления по этим крайне важным для существования человека вопросам оказываются довольно стереотипны, устойчивы, малоподвижны (в аспекте включения в них элементов новизны), и отражают навыки и модели поведения, сформировавшиеся ещё в эпоху Средневековья, т.е. до семнадцатого столетия. Безусловно, пословичные речения Раннего Нового времени восходят к тем образцам народной мудрости, которые существовали в XV – XVI вв. и даже ранее, но проследить во всей полноте их преемственность в целом не представляется возможным по причине отсутствия систематических паремийных записей в Московской Руси. Как известно, до XVII века пословицы и поговорки, как и другие произведения фольклорного жанра, только изредка появлялись на страницах рукописей и иногда встречались в повествовательных произведениях. С усилением интереса с начала XVIII века к произведениям устной народной поэзии, в частности к пословицам, их начинают собирать, записывать в сборники в алфавитном порядке и издавать. По сути, паремиографией уже занимался видный государственный, общественный деятель и историк В.Н. Татищев [4], который составил сборник пословиц и прислал его в Академию наук, а также А.И. Богданов – первый хранитель рукописей Библиотеки Академии наук [5]. Ещё в XVII в. термин «пословицы» используется в народном эпическом словоупотреблении

как синоним слова «разговор», но с конца этого же столетия слово «пословица» употребляется в современном смысле, и появляются сборники пословиц, собранные по алфавиту. Алфавитный, а теперь чаще тематический – в современных изданиях, принцип собирания пословиц и поговорок сохраняется и по сей день. К анализу рассматриваемой темы привлечены пословицы и поговорки, отложившиеся в алфавитных списках паремий XVII – XVIII вв. [6;7;8], выделенные по тематическому признаку из более чем 13000 просмотренных паремийных единиц.

Основная часть привлекаемых для анализа пословиц и поговорок выделена и цитируется из собрания русских народных пословиц и притч, изданных известным фольклористом и И. Снегирёвым в 1848 году, когда В.И. Даль только ещё готовил своё монументальное издание русских пословиц. Собрание В.И. Даля [9] в данной публикации не используется. В цитируемых паремийных единицах сохраняется орфография источника.

Довольно быстро в алфавитные собрания пословиц входят высказывания об аптеках – в XVII – XVIII вв. учреждениях довольно редких, и доступных преимущественно только городскому жителю. Первые сведения об Аптекарском приказе противоречивы: поэтому возникновение Аптекарской избы (приказа) исследователи относят к разным датам – к концу 1560-х гг., к 1581 г., к первой половине XVII века [10]. На основании Писцовых книг Н.П. Лихачёв существование Аптекарского приказа считал доказанным для 1594 – 1595 гг. [11]. Возникнув как дворцовое ведомство, Аптекарский приказ постепенно расширил свои социальные функции и стал заботиться не только о здоровье царя и его семьи, но и придворных, военачальников, служащих в государственной армии. Служба иностранцев в Аптекарском приказе, вероятно, не всегда способствовала доверию пациентов лечения через аптеки. «Россияне, кроме знатных, не верили Аптекарям: простые люди обыкновенно лечились вином с истертым в нем порошком, луком и чесноком, а после банею. Они не любили выхухоли в лекарствах и никаких пилюль; особенно не терпели промывательного, так что самая крайность не могла победить их упрямства. Кто был отчаянно

болен и соборован маслом, выздоравливал, тот носил уже до смерти черную рясу, подобную монашеской» [12]. В народе были распространены представления, что иноземные доктора и аптекари по большей части шарлатаны: «дохтур совет свой дает и приказывает, а сам тому неискусен; а лекарь прикладывает и лекарством лечит и сам ненаучен; а аптекарь у них у обоих повар» [13].

Обращение в аптеку не могло продлить жизнь, поскольку считалось, что срок жизни человеку предопределен свыше: «Аптека не на два века», более того, «Аптека убавит на полвека» (5) – приведёт к быстрому концу. Лечение аптечными средствами не эффективно: «Аптеками лечат, а больные кричат» [14], вар.: «Аптекари лечат, а хворые кричат» [15], поскольку микстуры и порошки не дают должного результата. По тем временам «аптечное лечение» было дорого – «Аптекам предаться, деньгами не жаться» (5). Было широко распространено представление, что лекарства не могут избавить от недомогания: «Ароматы от муки не избавят» [16]. Богатство тем более не помогает излечить больного: «Больному и золотая кровать не поможет» (12). У народа было устойчивое понимание того, что здоровье и богатство – это своеобразные антиподы, если есть одно, то нет другого, и наоборот: «Дал Бог здоровье, да денег нет» (83). Со временем отношение к аптекам меняется, в алфавитных собраниях пословиц XIX в. «антиаптечные» пословицы встречаются реже, но даже если появлялись хорошие аптеки, к ним у народа всё равно сохранялось недоверие: «И хорошая аптека убавит века!» (159).

В пословицах отразился довольно трезвый взгляд на объяснение различных заболеваний вследствие порчи, от завистливого взгляда, «опризоривания», насылания болезни колдовством или знахарством. Считалось, если человек здоров, то никакие наговоры и магические действия завистников ему не страшны: «Здоровой урока не боится» [17]. Здесь «урок» – *порча, сглаз, ворожба*, особенно при случаях детских заболеваний, родимчике и пр. В целом же, «Здоровому врач не надобен» (141), «Здравы врача не требуют» [18].

Поскольку и в XVIII в. профессиональные врачи были малодоступны для ши-

роких слоев населения, то лечились народными средствами, травами, а в тяжёлых случаях обращались к знахарям и зелейникам-травникам. Однако и лечение знахаря не всегда помогало, оно было сопряжено с малопонятными действиями, которые настораживают и больного и здорового: «Зелие знати, по ночам не спать»; «Зелие собирают, звёзды считают» (141). В этих пословицах находит отражение практика сбора лечебных трав, которые обладают максимальной исцеляющей силой только в определённое время, в период цветения или накануне, в основном ночью. Зелье может угрожать здоровью, с ним надо умело обращаться, оно амбивалентно, «злое зелье» сильнее «здорового зелья»: «Злое зелье не скоро пойдёт в землю» (142), вар.: «Лихое зелье не скоро пойдёт в землю» (205), «Не то зелье, что в землю» (291), «Худое зелье не скоро пойдёт в землю» (442), «Худое зелье хуже болезни» [19]. Если зелье помогало, то это было большое счастье: «Цельбоносное зелие – дарование велие» (446). Считалось, что «На всякую болезнь зелье вырастает» [20].

Недоверие к врачам было широко распространённым предубеждением, и для этого, вероятно, были веские основания. Вполне понятно книжное выражение, часто встречающееся в сборниках пословиц: «Врач! Исцели самого себя» (42). Мнения врачей по поводу болезней не совпадали: «Сколько людей, столько и лекарей» (370). А лечащий, в случае неудачи, всегда находил себе оправдание: «Смерть найдёт к чему приключиться, а лекарь чем отговориться» (376). Разговоры больного и врача часто были без пользы, и в таких случаях говорили: «Толкуй больной с подлекарем» (399). Про неумелого лекаря, усугубившего болезнь, могли сказать: «Чирей вырезал, да болячку вставил» (453); из этой же пословицы очевидно, что применялись для подобного вида заболеваний и хирургические методы. Так что заболевшему приходилось уповать на Бога: «Аще бы не Бог, кто бы нам помог», «Аще Бог с нами, никто же на ны» [21].

Амбивалентность явлений, отношений, предметов, вещей в окружающем мире в пословице рассматривается как природная закономерность, поэтому человек не должен доверять и доверяться только

внешним, явным признакам и характеристикам. Вкус лекарства обманчив, поэтому не следует полагаться только на вкусовые ощущения. В старину говорили: «Вкусен, как мышьяк» [22], «Горесть полыни лечит, а сладость мышейка увечит» [23]. Вообще, чрезмерно сладкое вещество, в том числе и пища, воспринимались как нечто подозрительное и содержащее угрозу здоровью: «Избыточная сладость пусче гордости» [24], «Сладкое сызлишком зделается горким» [25]. Поскольку все лекарства на вкус, как правило, не очень приятны, но полезны, в конечном итоге, – эта взаимосвязь нашла отражение в виде речений: «Противное лекарство приятнее болезни», «Противным лечат, а приятным часто губят» [26].

В народных представлениях было распространено поверье, что подобное лечат подобным, по древнему правилу – *Malum malo medicari*: «Лихое лихим избывают, а доброе добрым наживают» (205). Другое же медицинское правило – *Similia similibus curantur* – часто относили к излечению похмелья и советовали шутя: «Чем ушибся, тем и лечись!» (463). Скорое лечение всегда вызывает подозрение и недоверие: «Скорость нужна, а поспешность вредна», «Скоро не бывает споро, а не скоро, да здорово» (372).

Внешняя среда – лес, поле, луг, – где приходилось трудиться крестьянину, могла представлять угрозу для здоровья, но из всех представителей животного и растительного мира в пословицах как потенциальная угроза рассматривается только змея. Укус змеи и здорового человека мог быстро свести в могилу: «Змия жалит не для корысти, а для болезни», «Змея хоть и умирает, а всё зелье хватает» (144).

Банное дело широко использовалось на Руси как метод лечения, считалось, что баня позволяет человеку как бы заново родиться, снимает все хвори – «Баня – вторая мать» (8). В пословицах и поговорках находится место и для предметов личной гигиены, в частности, мыла: «Мыло серо, да моет бело» (237), применять его надо своевременно, но если болезнь запустить, то и мыло не поможет: «Мыло не мило, коли лицо изгнило» (237). Находят отражение в пословицах и социально-имущественные предпосылки заболеваний. Бедность способствовала разного рода «немошам», в

частности, педикулёзу: «У бедного богатства – блохи, да вши, больше не ищи!» (410).

Место, в котором жил человек, могло также оказывать влияние на здоровье человека, и не всегда там, где было весело, и стояли хоромы, было здорово жить. Пословицы гласят: «Хоть веселы хоромы, да не очень здоровы» (436); в то же время: «Хотя бы изба елова, да сердце здорово» (439). Окуривание в избе, связанное с обеззараживанием в периоды эпидемий, вероятно, не всегда приветствовалось крестьянами: «Лучше мертвого схоронить, чем в избе коптить» (210). Угрозу представляло печное отопление: «С больною головою в чад не суйся» [27] – рекомендовалось пострадавшим от печного угара.

Внешний вид человека также бывает обманчив, и не может свидетельствовать о здоровье: «Хорош, пригож, на лиху болезнь похож» (436). В этой поговорке отразились народные представления о том, что различные заболевания, часто эпидемические, принимают облик странствующих, «странных» людей.

Народная мудрость верно подметила, что продолжительность жизни зависит от доброго нрава человека: «Злому человеку не прибавит Бог веку» (143). В народной терапии было правило: недомогания и различные хвори переносить на ногах, избегая постельного режима: «Тому не надобно ложиться, кто хочет от болезни освободиться» (399), «Псовая болезнь – до поля, а женская – до постели» [28].

Лечебные свойства растений и иных продуктов питания мало отразились в пословицах, отмечаются наиболее значимые: «Лук добро и к бою и во штях» (208). В этой паремии обыгрывается многозначность слова. Особо ценилось в снадобьях и пище для больного коровье масло, что нашло отражение в поговорке: «Масло коровье едят на здоровье» (219), «Кошка (ложка? – А.М.) крупы на здоровье лупи, маслица коровья животу на здоровья» [29]. В то же время переизбыток мог стать причиной кишечных расстройств: «Много яства, да брюха жаль» (226). Считалось, что «Репка животу не укрепа» (359), «Репка себе полюбила чеснок» (359). Лечебными свойствами обладали овощи и корнеплоды, использовавшиеся как приправы: «Сурово

зелье хрен, да редька» (388), «Чеснок да редька, на животе крепко» (452). Было распространено мнение, что простая, и даже аскетическая пища, способствует здоровью и долголетию: «Прадеды кушали просто, да жили на свете лет до ста» (338). Если человек был голоден, а это также рассматривалось как вид недомогания, то лучшим лекарством для него могли быть вода и хлеб: «Цельба голодному – хлеб с водою» (446). Ещё одно выражение: «По тем же ранам, да тем же салом!» (335) восходит к народному обычаю лечить открытые раны, прикладывая сало. Известно, что кусочек соленого сала прикладывался к больному зубу, вероятно, были и другие методики. Но в данном случае значение поговорки не прямое, а переносное: прикладывание сала помогало раскрыться ране, что необходимо было для лечения, замедляло процесс выздоровления (а в ряде случаев могло и ухудшить состояние раны). Эту особенность уточняет следующее речение: «По чужим ранам, да чужим салом мазать не убыточно» (336). Верно подмечено, что недомогание охватывает человека быстро, а выздоровление происходит медленно: «Болезнь входит пудами, а выходит золотниками» [30].

Народная санитария – вспомним о русской бане! – закрепила в поговорках и поговорках особое значение чистоты для сохранения здоровья: «Чистота здоровье сохраняет, а воздержанность разум укрепляет» (453). В то же время такой порок, как пьянство противопоставляется чистоте: «Чистоты не спрашивай, а был бы пьян» (454). Чистота телесная подкрепляется и чистотой духовной, это понятие, охватывающее и физическое и духовное существование человека, не может рассматриваться в разрыве этих двух категорий, потому и говорили, что «Чистота человека к Богу приводит» или «Чистота – половина спасенья» (454).

Здоровье – самая большая ценность в земной жизни: «Здоровье всего дороже», «Здоровье дороже богатства», «Здоровью цены нет», «Здоровье не купишь». Настоящую цену здоровью можно узнать только после перенесённой болезни: «Тот здоровья не знает, кто болен не бывает» [31]. «Береги, внучек, здоровье паче знания» – здесь важно, что ценность здоровья имеет воз-

растное осмысление. Бабушка или дедушка, на основе своего опыта, определяют истинную ценность здоровья. Если здоровья нет, то и знания не помогут. Здоровье – ценность, которая не подвергается возрастной инфляции: «Береги здоровье с молодю, а честь под старость» (12). Если человек сам бережёт свое здоровье, то его и Бог бережёт – «Бережёного Бог бережёт», «Береженье лучше мороженья» (12). У здорового – жизнь долгая: «Дал бы Бог здоровья, а дней много впереди» (83), «Здоровому всё здорово», «Здоровье – всему голова», даже когда не всё есть в хозяйстве: «Здорово проживу, ещё наживу», но без кормилицы коровы эта поговорка произносится не совсем уверенно – «Здорово, да без коровы» (141). Трудовая деятельность была своеобразным залогом здоровья, поскольку лень, безделье, пассивность всегда осуждались и вели к физическим недомоганиям. Эта связь между трудом, который обеспечивал ежедневное пропитание крестьянину, его физическим состоянием и конечным результатом – здоровьем, чётко улавливает поговорка – «Человека лень не кормит, а здоровье только портит» (450). Пожелание здоровья было неременным элементом застольного этикета, что отразилось в ироничной поговорке – «Запила Хавронья про своё здоровье» (135), а также речевого этикета, особенно при обращении с просьбой: «Здравствуй ты, многолетствуй я! Ночевать пусти к своей милости!» (141). Этнические стереотипы поведения, в том числе и отношения к здоровью, часто не совпадали, и получалось, «Что Русскому здорово, то немцу смерть» (458).

Здоровье воспринимается как бесплатный дар Бога, как некая милость высших сил, которой человеку следует распорядиться правильно: «Бог дал здоровье в дань, а деньги сам достань». Здоровье и жизнь в равной мере даруются Богом, и один дар тесно связан с другим, и пока человек живёт, он должен надеяться на здоровье: «Бог дал живот, Бог даст и здоровье». Тем не менее, Бог остается всё-таки высшим распорядителем человеческой жизни, и жизненное начало и неизбежность смерти – всё зависит от него: «Бог дал, Бог и взял» (17). Заболевший человек надеется на выздоровление вплоть до своего смертного часа: «Болящий здоровья уповае до смер-

ти» (20). Но, как правило, а жизнь это демонстрирует часто, – сытый голодного не разумеет, а здоровый не понимает больного: «Больной от могилы бежит, а здоровый к могиле спешит» (20).

Боль является главным вестником болезни, только почувствовав её, больной сразу начинает искать врача: «Боль врача ищет», «Боль без языка, да сказывается». Боль и сам организм человека подсказывают, что и как лечить, поэтому «Больного брюхо умнее докторской головы» (19). Болезненное состояние охватывает человека и его сознание полностью, он весь концентрируется на ощущении своего недомогания, поэтому и говорят: «У кого что болит, тот об том и говорит», а «У кого не болит, у того и не свербит» (414). «Болному въ еже не верь» [32]. Но чужой боли часто не распознают, и получается, что только «Болен зуб у себя во рте» (19), или «Больны раны на своих плечах» (20), или «Всякому своя болячка больна» (48). Всё это оттого, что «Чужая рана не болит» [33]. Действительно, болезнь трудно сопереживаема, и каждый заболевший считает, что его боль и его страдания самые сильные и их не понимают окружающие, ведь у них ничего не болит, поэтому «Каждому своя болезнь тяжка» (160). Эмоциональная отчуждённость больного и здорового, когда здоровый часто не принимал близко к сердцу страданий больного, переживалась в обществе, что нашло отражение в выражении: «Не всякому болезнь чужая по сердцу входит; не всякова печаль чужая в жалость вводит» (266). Но случалось и наоборот, родственники, сидящие над больным переживали по поводу болезни в большей мере, чем сам заболевший, и тогда уже возникала другая ситуация: «Не тот болен, кто лежит, тот болен, кто над болем сидит» (291). Болезни индивидуальны, в зависимости от организма и возраста, поэтому могло быть и так: «Что у тебя болит, то у друга не свербит» (459); свои страдания всегда были ближе: «Больно – жена, земля и холоп» [34].

На место, где ощущается боль, обычно указывают рукой: «Где больно, тут рука; а где мило, тут глаза» (62). Правда, и глазам становилось в иных случаях больно: «У кого в очах порох, тому и боля» (413).

Душевные переживания, отрицательные эмоции, депрессия также могли отри-

цательно влиять на состояние здоровья человека, что подмечено в поговорке: «С радости кудри выются, а с печали секутся» (390), «Всякая болезнь к сердцу» [35]. Изменения во вкусовых ощущениях, сопровождающие заболевания пищеварительной системы, фиксируются в поговорке: «У кого во рту желчь, тому всё горько» (413).

Методом пальпации, ощупывания, ещё у греков устанавливался диагноз, что отразилось в древнегреческой пословице: «Где у кого болит, там и держит руку». Протекание болезни всегда связывается с неприятными соматическими ощущениями: «Как бы не колело, так бы и не болело» (164), «Где наболело, там не тронь» [36].

В крестьянских и посадских семьях тяжёлый труд часто становился причиной возникновения грыжи-килы. Народная поговорка предупреждала – «Тяжело поднимешь, живот надсадишь» (407). Некоторые виды грыжи или опухоли свидетельствовали о скорой вероятности летального исхода: «Знать по киле, что быть в могиле» (146). Внешний вид килы бывает обманчив, и за ней может скрываться серьёзная болезнь: «Не называй килы пузырем, боярских сеней болдырем, а временщика голышём!» (278). Вероятно, при диагностировании опухолей принимали во внимание звуковые проявления недомогания: «Ворчит, как кила» [37]. Недюжинная физическая сила крестьянина часто позволяла избежать, казалось бы, неизбежного заболевания: «Не надеялся бы на силу, присадили бы ему и килу» (278). Но часто человек переоценивал свои возможности, и получалось, что «Хвалится силою, а борется с килою» (427). Правда, получив грыжу, не следовало слишком мудрить при лечении, потому и говорили: «Нечего около килы мозгу искать» (296).

У заболевшего обостряются все чувства, он становится капризен, немощен, беспомощен, превращается в обузу для окружающих, прежде всего семьи: «Больной, что ребенок», «Больному всё горько», «Больного волка с овцу станет». Очень тяжело становится в семье, когда заболевает жена: «Больная жена мужу не мила», «Больная жена мужу на всякую нужу», «Больному в еде не верь» (12). «Болезнь человека не красит» (20). Больной человек должен быть освобождён от всего, ранее исполнявшегося им, не следовало, вероят-

но, и принуждать в лечении, что отразилось в пословице: «Дай болу волю! Полежав, да умрёт!» (82). Больной человек для крестьянской семьи превращался в обузу, мешал в полной мере выполнять хозяйственные работы: «Иноходец в пути не товарищ, а больной не сосед» (157), поэтому и получалось, что «Муж любит жену здоровую, а брат сестру богатую» (235). Ради здоровья жены крестьянин мог отказаться и от главного семейного богатства – коровы, которой посвящены десятки русских пословиц и поговорок: «На что корова, была бы жена здорова!» (253), «Бывала на тебя беда, – умирывала ли жена» [38] – говаривали вдовцы, познавшие всю горечь утраты близкого человека.

Особо тяжело переживалась болезнь детей: «Здоровы были б детки, есть кому лезть в чужие клетки» (141). «Свои дети – болны» [39] – формула жёсткого отказа в повседневном бытовом общении. В состоянии болезни родственные связи, защита со стороны родителей становились бесполезны, что, видимо, всегда остро переживалось: «И отец не поможет, когда сын занеможет» (157). Болезнь была настолько всемогуща, что не считалась с безграничным авторитетом даже отца в патриархальной семье и его всевластием. Склонность к различного рода болезням, проявляющаяся с детства, могла указывать на общее ослабление организма и неспособность его противостоять недугам, но детские болезни, по народным представлениям, должны быть преодолены к моменту совершеннолетия, таким рубежом становилось обычно двадцатилетие. Если человек продолжал и после этого срока часто болеть, это являлось признаком хронического недуга, который мог сопровождать болеющего всю оставшуюся жизнь: «Кто в двадцать лет нездоров, в тридцать не умен, а в сорок небогат, тому век таким не бывать» (185) – таков был крестьянский приговор.

Лечение и болезнь всегда сопряжены с неприятными ощущениями, которые необходимо терпеть: «Больно! Да дело-то невольное», «Больно, что мачихино чесанье» (12); и вот уже кажется, что своя боль больнее чужой: «Своя болячка – велик желвак (больнее чужих)», «Своя голова болит чужой не лечат» (364). Старинные медицинские наблюдения закрепляются в по-

говорке «Язва от стрел глубока, а от меча широка» (474), что предполагало, видимо, различные методы лечения. Распространенная болезнь, оспа, также не остается без верного пословичного определения: «Щедровитый оспы не боится» (468). То есть *щедровитый*, переболевший оспой, которая оставила на коже оспины-шадры. Известно, что оспопрививание в России начинает практиковаться со второй половины XVIII века. Переболевшие оспой, в том числе «коровьей оспой», повторно уже не заболели, приобретая иммунитет на всю оставшуюся жизнь.

Особенно тяжелы были для лечения в условиях примитивной медицины внутренние болезни, поэтому говорили: «Закрытую рану лечить неудобно, а тайную муку лечить не способно» (132). Или, если встречается запущенный случай: «Застарелую болезнь трудно лечить» (137), «Старые немощи трудно лечить» (385). В традиционном аграрном обществе, каким ещё была Россия к началу XX века, всегда была высокая смертность женщин, особенно в послеродовой период. Родовая горячка была причиной почти половины смертей женщин в фертильном возрасте. Подобную ситуацию отражает пословица: «После родов женщина девять дней во гробу стоит» (334). По отношению к болезням конечностей подходили и радикальные приёмы исцеления: «Который член не мощно исцелить, лучше его отрубить» (181). Даже незначительные болячки были мучительны и опасны, например фурункулёз: «Мал чирей, да гною полон» (219). Лечение может оказаться бесполезным делом, если человек после выздоровления принимается за прежний образ жизни и не бережёт себя: «Напрасно тот больной лечится, кто здоровый бесится» (248). Пословица наставляет: «Живи умом, так и лекарств не надобно» [40].

Универсальным лекарством считался сон. В народном сознании сон рядопологается со смертью, являясь своего рода её разновидностью, но без летального последствия, сон позволял заглянуть в потусторонний мир, поскольку «Сон смерти брат» (380). Кроме того, поскольку подобное лечится подобным, то сон, как двойник смерти, помогал избавиться от преждевременной смерти – «Сон лучше всякого лекарства» (380).

В пословицах отражается архаическая картина мира, для которой характерны бинарные оппозиции, одна из которых: здоровье – болезнь.

На здоровье всегда найдутся болезни: «Была бы голова здорова, а в голове вши будут» (24). «Всякая болезнь идёт к сердцу» (45), т.е. захватывает человека изнутри, поражает самое главное в человеке, но на всякую болезнь можно найти лекарство. В народных представлениях о природе болезни сохранились сведения, восходящие к апокрифической письменности, повествующей о том, что в человека болезни проникают через отверстия в теле, и одним из мест, через которое проникают в тело болезни, является рот: «Ртом болезнь входит, а беда выходит» (355). У всякой болезни есть своя причина – «Даром и чирей не сядет» (84). Но пока человек жив, он должен надеяться на выздоровление, поскольку: «Живая кость мясом обростёт» (122).

На скрытые желудочно-кишечные болезни могли указывать и длительные посты: «Зачал говеть, да стало брюхо болеть» (138). Труд помогал забыть недомогания и перетерпеть их: «Когда б взялся за дело, так бы и брюхо не болело» (171).

Переломы конечностей, особенно ног, приводили к длительному обездвижению, что грозило при плохом лечении появлением дополнительных заболеваний, поэтому не случайно говорили: «Излома ногу не играть в треногу», «Излома ногу, молися Богу!» (151). Когда же возникала дилемма быть хромым или лежачим больным, решение было однозначным: «Лучше хромать, чем сиднем сидеть» (212), хотя хромым человек и лишался некоторых радостей общинного и семейного быта: «Ножки больны и к танцу не вольны» (300). Хуже, когда физический недуг человека влиял на душевное и психическое состояние, тогда замечали, что «Ногами хром и душею» (300). Однако не всякая болезнь воспринималась как приговор, и разного рода хвори не всегда приводили к летальному концу: «Не всякий умирает, кто хворает» (266). Заболев, следует лечиться и отказаться от обычного времяпрепровождения: «Зачем в гости, у кого болят кости» (273), не следует кривить душой, общаясь с близкими и соседями, надо быть искренним, в том числе, объясняя и свое болезненное состояние:

«Не лести в болести, больше ляжешь, всё скажешь» (276).

Зависимость заболеваний от местности, наличие эндемических заболеваний подчёркивается поговоркой: «В иной волости лихие болести» (52). У каждой болезни есть своя причина: «Не почесавши, чирей не сядет» (283), «Без притчины тресца не берет» [41]. Холод рассматривался как фактор, способствующий здоровью: «В зимний холод всякий молод», «Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле» [42].

Для народных представлений были малопонятны женские заболевания, поскольку они были внутренние: «Женские немочи догатка лечит» [43]. Роды принимали бабками-повитухами: «Погоди, не роди, дай по бабу сходить» [44]. Мёд считался особо полезным для женщин: «Цвет пчелкам, а мед женкам» [45].

Считалось, что причины заболеваний коренятся в несовершенстве самого человека и его греховной природе, что соответствовало христианской антропологии: «Не может человек безгрешен быть в свой век» (277). Поэтому смерти бояться нечего, она неизбежна и пословица наставляет: «Не надобно смерти бояться, надобно злых дел опасаться» (278), «Не убойся смерти, убойся грехов!» (293) и – самое главное – «Целение грешному – покаяние верно» (446).

Пока человек живет, он нуждается в питании: «Рот болит, а брюхо есть велит» (355); пока он принимает пищу – он подает признаки жизни: «В мёртвые уста кус не пройдёт, а живой как-нибудь проглотит» (53). Умершего лечить бесполезно – «Дурака учить, что мертвого лечить» (105), вар.: «Старого учить, что мёртвого лечить» (383). Если в силу разных причин возникала высокая смертность среди молодых, а в семьях «засиживались» в живых старики – такая демографическая ситуация тоже воспринималась как некое нарушение естественного хода вещей, что находило отражение в следующей мудрости: «Не по старости мрут, не по молодости живут» (283). Признак приближающейся смерти – слабость и немощное состояние: «Придёт старость, будет слабость» (340), «Старость приходит не с радостью, но со слабостью» (384). В старости ничто уже не приносит радости ни удовлетворения: «Приятны утехи во младости, а старость придёт не на ра-

дости» (343). Таким образом, старость и близкая смерть проявляется прежде всего в физической слабости и эмоциональной угнетенности. В пословицах отражается и цветовая символика старости и сопутствующей ей смерти: «Цветёт старость сединою, а овощь ему смерть», «Цвет старости седина, а смерти болезнь» (445).

К смерти в России всегда относились как к фатальной неизбежности, смиренно: «Два раза молодому не быть, а смерти не отбыть» (85), но смерть, как и жизнь, приходит только один раз: «Два раза не умирать» (85). Завершение жизни земной у каждого происходит по своему, как бы по «личному сценарию», но только этого никто не знает когда и как наступит смертный час, но «Придёт время, все лягут в могилку» (340). Конец земной жизни всегда имеет причину: «Без року смерти не будет», «Смерть причину сыщёт» [46]. Однако «Смерть терпеть лехче, нежели ждаты» [47]. Смерть всегда приходит неожиданно: «Ныне на ногах, а завтра в могиле» (304). Тем не менее, человек всё-таки надеется, что смерть придёт к нему позже, чем к другим, поэтому пословица советует: «Думай о смерти, а гроб всякому готовь» (105), потому что «Живому могилы нет» (124), если его час не наступил. Человеку надлежит бороться за жизнь до конца: «Прежде смерти не должно умирать» (339). Но иногда случалось, что и находившийся при смерти человек всё-таки пересиливал болезнь и возвращался к жизни, и в таких случаях говорили: «Из навеи (мёртвых) встают» (154). Болезнь не следует воспринимать как знак неизбежного конца земной жизни: «Не всякая болезнь к смерти» [48]. Народный опыт утверждал, что даже самая плохая жизнь всё-таки лучше смерти – «Как жить не тошно, а умирать ещё тошней» (165). Однако часто в тяжёлые годы, а их было много на Руси, иногда и жизнь казалась хуже смерти: «Горка смерть, а горчае злой живот» [49]. Сама смерть тесно связывается со всем предыдущим образом жизни, зависит от того, был ли праведником или грешником умерший. Поэтому часто говорили: «Как жил, так и умер» (165). Смерть без видимой причины воспринималась как своего рода несправедливость, нарушение естественного порядка вещей в этом мире и вызывала сожаление: «Не горел, не болел, а умер»

(269). Но и этот случай доказывал в народном сознании непреходящую истину, что благополучные люди так же смертны, как и остальные, менее удачливые в этой жизни. Старость сама по себе не воспринималась как причина смерти, возраст подсчитывался всегда примерно, главным признаком завершения жизненного пути было проявление немощи, истощение жизненных сил человека: «Не старой умирает, а кто изнемогает» (289). Завершение жизни земной в народном сознании воспринималась как заболевание с летальным и неизбежным исходом. Можно было вылечиться от всех болезней, но не от смерти: «От всего вылечишься, кроме смерти» (314), потому что «От смерти нет лекарства» (317). Смерть – пример конечности всего живого, некая абсолютная истина: «Сколько ни жить, а смерти не отбыть», «Сколько ни ликовать, а смерти не миновать», «Сколько ни петь, а амином вершить», «Сколько ни живи, а умирать надобно» (371). Перед смертью оказывались все равны, вне зависимости от социального происхождения: «Сегодня в порфире, а завтра в могиле» (365), «Александр храбр, а от худове умре» [50]. Здесь: Александр – Александр Македонский, персонаж античной истории хорошо известный в средневековой Руси, а *худова, худоба* – болезнь, эпидемия [51]. И смерть и жёна predeterminedляются Богом – «Смерть, да жёна Богом суждена», и как бы кто не хотел избежать неизбежного конца «Смерть дорогу сыщёт» (375), или найдёт причину (376). Народной мудростью земная жизнь, не без влияния христианской антропологии, воспринималась как временное состояние. «Счастливым прежде смерти назваться не можно» [52]. После смерти человек вступал в жизнь вечную, ради которой он собственно и испытывал все невзгоды земного существования: «Родился человек на смерть, а умрет на живот» (354).

Не лучшим образом сказывались на здоровье наших предков алкоголь и табак – курение, постепенно входившие всё увереннее в обиход повседневной жизни с XVI – XVII вв. Пьяницы часто в пословицах упоминаются со штофами или склянницами, из которых пьют, а курильщики с «рогом» – трубкой: «Пьяницы к штофу, а табашники к рогу» (347) Чтобы предаваться этим порокам ума много не надо: «Языком не мастер,

а знает, что тютюн, что кнастер» (474). Кнастер – сорт табака, доставлявшийся из Латинской Америки в особых тростниковых корзинах [53]. Отрицательное воздействие табака на здоровье отразилось в пословице – «Изсох, что трясца над куревом» (151).

Особо болезненное пристрастия к алкоголю фиксируют пословицы и поговорки: «Как ни бьётся, а к вечеру пьян напьется» (165). С пьянством были связаны и различные пороки: «Карты хмель любят» (168). Питие становится добровольным приближением своей смерти: «Кто винцо любит, тот сам себя погубит» (185). Общение с пьяницей бесполезно, питие влияет на его интеллект, но даже трезвый дурак всё же лучше пьяницы: «Лучше знаться с дураком, чем с кабаком» (210). Пьяница в конце концов свой ум пропивает и таким советовали: «Не пей много вина, не истеряешь ума!» (281). И редко кто «Пьян бывал, а ума не пропивал» (347), а если случалось наоборот, то такие способности ставились человеку в достоинство: «Пьян да умён, два угодья в нем» (347). Если человек умный, не до конца пропил свой ум, то его способности возвращаются после протрезвления: «Пьян проспится, а дурак никогда» (347). Но даже запойные пьяницы сохраняют сознание и инстинкт самосохранения – «Пьян, пьян, а об стену лбом не ударится» (347). Даже дети понимали, что родитель пристрастился к порочному занятию: «Смыслит и малой, что пьёт пьяной» (377). Питейному зелью противопоставляются «гастрономические радости»: «Лучше пряничать, а не бражничать» (211), что отвечало в большей степени женским вкусам. Женщина, пристрастившаяся к питию, считалась погибшей для семейной жизни. О таких женщинах, да и мужчинах говорили: «Потерял (а) честь хмелем» (335).

Лучшим лекарством при преодолении пьяного состояния является сон: «На пьянство изведено лекарство – спать» (248), «Цельба пьяному спать довольно» (446); после сна похмельный синдром изгоняется всё тем же алкоголем, но в меньшем размере: «Цельба пьянице на столе в стклянице» (446). Пьяный вступает, по народным представлениям, в связь с дьяволом, как и любитель табака: «Не сам пьяной ходить; чорт его носит» (286), «Пьяной, что бешеной»

(347), « Смелым Бог владеет, а пьяным чорт качает» (377).

Если по каким-либо физиологическим причинам, или религиозно-нравственным, человек не мог употреблять вина – «душа не принимала», – то такой считался счастливым: «Щастлив тот, кто вина не пьёт» (467).

Однако со временем появляются пословицы, частично оправдывающие употребление крепкого напитка (вина) в небольшом количестве: «После супу вина выпить, у доктора червонец украсть» (334). Эти представления о пользе умеренного употребления алкоголя постепенно распространяются, вероятно, из дворянской среды, и речь идет, прежде всего, о вине. Приведённое пословичное выражение восходит к французским застольным обычаям и фиксируется в собраниях пословиц в первой трети XIX века. Всеобщая приверженность к употреблению алкоголя в народе оправдывалась лаконочной максимой: «И курица пьёт» [54]. Употребление же пива, древнего народного напитка, в пословицах и поговорках не сопровождается резким осуждением, если оно не становится чрезмерным и не превращается в дурное пристрастие. Слова из «Повести временных лет»: « Руси есть веселие пити, не может без того быти» (357), приписываемые великому князю Владимиру, часто становились оправданием бражничества, и постепенно, с начала Нового времени, злоупотребление алкоголем воспринимается уже как одна из характеристик русского народа, национального характера: «Русский и с горя, и с радости пьёт» (357). Отношение к пьянству в русском обществе было отрицательным, но самих пьяниц жалели, и воспринимали их как своего рода больных, нуждающихся в помощи: «Пьяному угоди, больному помоги, свят будешь человек» (347).

Анализ русских народных пословиц XVII–XVIII вв., лексико-тематически связанных с врачеванием, здоровьем, болезнью, смертью, позволяет сделать несколько предварительных наблюдений. В этот период растёт число пословиц осуждающих пьянство (в меньшей степени курение) как разновидность болезненного пристрастия; усилия государства по организации медицинского (аптечного) обслуживания населения, как и врачи и лекари, доверия народа

не вызывают. Невелико число паремий, связанных с традиционной народной медициной – обращением к зелейникам. Отношение к зелью в народном сознании амбивалентное. Пословицы позволяют представить в общих чертах народные санитарно-гигиенические правила, судить о частоте тех или иных заболеваний и недомоганий, связанных с физическим трудом крестьянина, элементарных способах лечения простых заболеваний. Пословицы верно отражают некоторые приёмы диагностики, терапии и, самое главное, точно описывают эмоциональное состояние больного и межличностные отношения в социуме, в котором присутствует больной. Взгляд на природу болезни и смерть в паремиях остается в основных чертах средневековым (средневековым) и базируется на православном мировосприятии и христианской антропологии.

Примечания:

1. *Иллюстров И.* Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Сборник русских пословиц и поговорок. Изд. 3-е. М., 1915.

2. *Пушкарёв Л.Н.* Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII-XVIII веков. М., 1994.

3. См.: *Mieder W.* “An Apple a Day keeps the Doctor away”: Traditional and modern aspects of English medical proverbs // *Proverbium*. 1991. Т.8. Р.77-106.

4. См.: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII-XX веков. / Изд. подгот. М.Я. Мельц, В.В. Митрофанова, Г.Г. Шаповалова. М.-Л., 1961. С.47-64.

5. См.: Там же. С.65-118.

6. *Снегирев И.* Русские народные пословицы и притчи. М., 1848.

7. См.: Пословицы народные, собранные по алфавиту. Публикация А.И. Германовича // Из истории русской фольклористики / Отв. ред. А.А. Горелов. Л., 1978. С.3-63.

8. Избранные пословицы и поговорки русского народа / Сост. Н.П. Колпакова, М.Я. Мельц, Г.Г. Шаповалова; вступ. Статья В.П. Адрианова-Перетц; под общ. ред. А.А. Прокофьева. М., 1957. С.136-137.

9. См.: *Даль В.И.* Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. М., 1904. Т. I-III.

10. *Мирский М. Б.* Медицина в России XVI-XIX веков. М., 1996. С.13.

11. *Лихачёв Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1988. С.70.

12. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1994. Т. X. С. 386.

13. Цит. по: Мирский М.Б. Указ. соч. С.22.

14. *Снегирев И.* Русские народные пословицы и притчи. М., 1848. С.5. Далее ссылки на пословицы из этого издания даются в тексте в круглых скобках с указанием только страницы.

15. Пословицы народные, собранные по алфавиту. Публикация А.И. Германовича // Из истории русской фольклористики / Отв. ред. А.А. Горелов. Л., 1978. С.8.

16. Там же.

17. Там же. С.25.

18. Там же.

19. Там же. С.57.

20. Там же. С.157.

21. Там же. С.8.

22. Там же. С.13.

23. Там же. С.18.

24. Там же. С.26.

25. Там же. С.50.

26. Там же. С.46.

27. Там же. С.49.

28. Там же. С.47.

29. Там же. С.31.

30. Там же. С.137.

31. Там же. С.136.

32. Там же. С.10.

33. Там же. С.59.

34. Там же. С.10.

35. Там же. С.16.

36. Там же. С.137.

37. Там же. С.14.

38. Там же. С.11.

39. Там же. С.49.

40. Там же. С. 137.

41. Там же. С. 9.

42. Там же. С.136.

43. Там же. С.23.

44. Там же. С.47.

45. Там же. С.58.

46. Там же. С.9,51.

47. Там же. С.51.

48. Там же. С.136.

49. Там же. С. 18.

50. Там же. С.7.

51. О значении слова *худоба* см.: Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием / ав.-сост.: В.М. Грязнова, И.В. Желябова, О.Н. Громакова и др.; отв. ред. В.М. Грязнова. Ставрополь, 2012. С.255.

52. Пословицы народные, собранные по алфавиту. Публикация А.И. Германовича // Из истории русской фольклористики / Отв. ред. А.А. Горелов. Л., 1978. С.52.

53. См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т.2.:Е – Муж. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. М., 2003. С.262.

54. Пословицы народные, собранные по алфавиту. Публикация А.И. Германовича // Из истории русской фольклористики / Отв. ред. А.А. Горелов. Л., 1978. С.27.

Р.В. Засухин

Отражение фольклорных традиций кубанского казачества в песнях периода Гражданской войны на Северном Кавказе (1918 – 1920 гг.)

В период Гражданской войны песенный фольклор на Северном Кавказе имел свои особенности, так как здесь, смешались культурные традиции разных народов. Среди кубанских линейных, а также среди терских казаков, кроме русской, получила распространение горская песенная и танцевальная традиция. Это связано с долгим совместным проживанием представителей казаков и горских народностей, с взаимным проникновением двух разных культур. Вот как описывал казачий офицер Ф.И. Елисеев встречу хопёрского и кавказского полков кубанских казаков: «Со всех сторон двенадцати широко разбросанных сотен полились песни. Грянули два хора полковых трубачей. Рванулся весёлый танец «казачок»... Понеслась классическая кавказская лезгинка. ...После коротких тостов старших до двух десятков хорунжих и сотников, вырвав власть у них, восторженно услаждали всех, после каждого приветствия, кавказскими застольными песнями – «Мраволжамьер» и «Алла-верды». Татарские возгласы «чох-саул» и «якши-йол» неслись как боевые кличи» [1].

Отдельно следует отметить песню «Алла-верды», написанную на стихи Владимира Сологуба, который сочинил их в 1871 году в честь приезда Александра II на Кавказ и ставшую полковой песней хопёрского полка. Воинскому духу казачества отвечали такие строки, как: «Алла верды! – «Господь с тобою!», / Вот слову смысл, и с ним не раз / Готовился отважно к бою / Войной взволнованный Кавказ; / Ходили все мы к схваткам новым, / Не ожидая че-

реды. / Хвала погибшим... а здоровым – Алла верды! Алла верды!» [2]. В годы Гражданской войны эта песня была популярна не только у казаков, но также и в других воинских соединениях сражавшихся на стороне «белых».

В Дроздовском полку Добровольческой армии она исполнялась в следующем варианте: «Поход Румынский, бой Ростовский, / Новочеркасск, как луч звезды. / Там впереди нас шел Дроздовский. / Аллаверды, аллаверды. / Второй поход в дыму пожара, / Под зноем пагубной страды, / Триумф Екатеринодара. / Аллаверды, аллаверды. / И Армавирская сраженья, / И Ставропольский пир победы / Достойны памяти и пеня, / Аллаверды, аллаверды» [3].

В песне перечисляются практически все основные сражения, в которых принимало участие данное воинское соединение, таким образом, она является не только фольклорным, но и военно-историческим источником.

Похожая история у песни «Алла-га, Алла-гу», распространённой на Северном Кавказе в годы Гражданской войны. Эта казачья военная песня была популярна по обе стороны враждующих лагерей и не только у казаков. Именно её пели «красные» бойцы многонациональной Стальной дивизии Д.П. Жлобы отступая с Северного Кавказа: «Алла-га, Алла-гу, / Слава нам, / Смерть врагу! / Плачьте, красавицы, в горных аулах, / Правьте поминки по нас. / Вслед за последнею меткою пулей / Мы покидаем Кавказ. / Алла-га, Алла, / Слава нам, Смерть врагу! / Пойте, красавицы в горных аулах / И вспоминайте чаще о нас. / Любите и верьте, что скоро / Мы возвратимся на свой Кавказ. / Алла-га, Алла-гу, / Слава нам, / Смерть врагу!» [4].

События Гражданской войны на Северном Кавказе оставили глубокий след в исторической памяти, как горцев, так и казаков, но и те и другие интерпретировали их по-разному, исходя из своих традиций, ментальных установок, что нашло отражение в фольклоре.

Командиру «Стальной дивизии» Д.П. Жлобе была посвящена переделка одной из старинных казачьих песен времён Запорожской Сечи: «Ой на горі та жнеці жнуть». По словам бойца-запевалы А. Писарева, воевавшего в кавалерийской бригаде Дмитрия

Жлобы, в ней были такие строки: «Попереды Дмитрий Жлоба, / Попереды Дмитрий Жлоба, / Ведэ свое вийсько, / Вийсько запорожське» [5].

В оригинале этот куплет звучит так: «Попереду Дорошенко, / Попереду Дорошенко / Веде своє вийсько, / Вийсько запорожське» [6]. Дорошенко был гетманом украинского казачества, там же упоминается кошевой атаман Запорожской сечи гетман Сагайдачный. Интерес представляет то, что в песне за бойцами Д.П. Жлобы оставлено название «запорожское войско». Вероятно, это было связано не столько с традициями казачества, сколько с преобладанием украинского элемента в национальном составе дивизии, также ассоциировавшим себя с запорожцами.

В годы Гражданской войны у кубанцев оставалась популярной песня: «Ты, Кубань, Ты наша Родина», являющаяся в настоящее время гимном Краснодарского края. Эта песня была создана в 1914 г. в память боевой славы 1-го Кавказского казачьего полка на слова полкового священника Константина Образцова. Сначала песня исполнялась в небольшом кругу фронтовиков. Через год-два ее запели все кубанские подразделения действующей армии. В период Гражданской войны песня была официальным гимном Кубанской рады, а с 1995 года Законодательное Собрание Краснодарского края утвердило ее в качестве гимна Краснодарского края.

Полковник Ф.И. Елисеев, вспоминал, как в дни Октябрьского переворота песня «Ты, Кубань, Ты наша Родина» стала символом единства кубанских казаков, сражавшихся на фронтах Первой мировой войны. Он писал: «И всю эту трогательную нашу песнь-молитву – полк пропел в воинском положении «смирно» и, как полагается, с последними словами её: Мы, как дань свою покорную / от прославленных знамён – / Шлём тебе, Кубань родимая, / до сырой земли поклон! / Каждый казак снял папаху, и все разом, всем полком, торжественно и молитвенно – поклонились в круг» [7]. Психологическое воздействие этой песни на казаков было таким, что, как пишет Ф.И. Елисеев: «Морально удовлетворённые и ободренные – казаки весело и с гомоном в темноте ночи двинулись в свои казармы, находившиеся наверху. Так встретил наш

полк большевистский переворот в Петрограде» [8]. Позже, когда Гражданская война развела кубанцев по разные стороны враждующих лагерей, эту песню считали «своей», как «белые», так и «красные»: «Красные бойцы 33-й Кубанской дивизии вступили на родную землю. Радости, ликования не было предела. Над подразделениями гремела песня «...Эх, Кубань, ты наша Родина...». И невольно вспоминалось, как под натиском превосходящих белогвардейских частей мы отходили с Кубани. Тогда тоже пели эту песню. Звучала она печально и грустно. У всех тоскливо было на душе, но каждый говорил: «Мы ещё вернёмся к тебе, родная Кубань. Вернёмся освободителями, с великой победой» [9].

Песенный фольклор помогает понять чувства, переживания, мысли воюющих и свидетельствует о том, что через песню можно представить с какими ментальными установками шли противоборствующие стороны друг на друга.

Использование достижений народной музыкальной культуры было традиционным для российской военной песни. Очень популярной в годы Гражданской войны на Северном Кавказе была песня «Вдоль по линии Кавказа», которая начинается с куплета: «Вдоль по линии Кавказа / Молодой орел летал, / Он летал перед войсками, / Наш народный комиссар». Она является переделкой старой казачьей песни, известной, по крайней мере, со времен Кавказской войны XIX века [10]. Изменения, внесённые в песню в период Гражданской войны, проявились только вставкой «народный комиссар». Даже в самом названии песни и в её начале, со слов «Вдоль по линии Кавказа», отражается то, что эта песня появилась задолго до событий междоусобного противоборства. В XVIII – XIX вв. «линиями» назывались приграничные укрепленные районы, отсюда название – линейные казаки. Несмотря на то, что в начале XX вв. никаких «линий» уже не было, название песни осталось без изменений, в чём отразилась роль песенной традиции кубанского казачества, использованная красноармейцами в годы Гражданской войны.

Другая песня, под названием «Прощай Кавказ», также является вариантом старинной казачьей песни, традиционно

исполнявшейся во время проводов казака на службу. Во время Гражданской войны представители «красного» казачества на Кубани и Ставрополье исполняли её в следующем варианте: «Прощай, Кавказ, / Прощай, прекрасный, / Прощай, ты родина моя. / Иду служить всему народу, – / С белым бандитом воевать» [11]. Следует отметить, что в разное время, в зависимости от внутренней и внешней военно - политической обстановки, в последней строке куплета казак шёл биться: «с германцем», «с белым бандитом», «с красным бандитом», «с поляком» и т.д.

Атмосфера Гражданской войны на Северном Кавказе в полной мере передаётся в песнях того времени. Через песню можно проследить начало эскалации конфликта в регионе, воздействие междоусобного конфликта на массовое сознание, психологию отдельных социальных групп, столкнувшихся в смертельном противоборстве.

Песни Гражданской войны на Северном Кавказе являются важным историческим источником, так как по песенному жанру этого региона можно проследить, как разворачивались события междоусобного противоборства. В песнях указывались и описывались места сражений, звучали названия различных воинских соединений и имена их командиров, определялось влияние на психологию бойцов авторитета личности того или иного командира, отношение к нему и даже восприятие самих сражений периода Гражданской войны в регионе. Зачастую в песенно-эпической форме выражалось то, что оставалось за границами страниц дневников, воспоминаний и газетных полос, в поэтической форме отражалось восприятие «своих» и «чужих» в период междоусобного противоборства, отношение к врагу и к своим братьям по оружию.

Примечания:

1. *Елисеев Ф.И.* С хопёрцами // Дневники казачьих офицеров / Сост. П.Н.Стрелянов (Калабухов). М., 2004. С. 404.

2. Антология военной песни / Сост. В. Калугин. М., 2006. С.128.

3. Энциклопедия военной песни. Аллаверды. URL: <http://www.pobeda.ru/content/view/7088/21>.

4. *Саенко Я.* Дмитрий Жлоба. Историко-биографический очерк. Краснодар, 1964. С. 49 – 50.

5. *Варавва И.Ф.* Песни казаков Кубани. Краснодар, 1966. №324.

6. Казачьи песни. Сборник 4/ под ред. П.Н.Краснова. Ростов-н/Д.,1990.

7. *Елисеев Ф.И.* С Корниловским конным /Сост. П.Н.Стрелянов (Кулабухов). М., 2003. С. 140.

8. Там же. С. 141.

9. *Мироненко Г.* Кубань свободна от белогвардейцев // За власть советов. Воспоминания старых большевиков, участников борьбы за установление Советской власти на Кубани. Краснодар, 1957. С. 211 – 212.

10. Фольклорный фонд им. проф. В.Н.Морохина. URL: <http://www.unn.ru/rus/f9/fond/texts/107.html>.

11. *Варавва И.Ф.* Песни казаков Кубани. Краснодар, 1966. №314.

В.М. Пелих

Певец земли Отрадненской (памяти писателя И.Н. Бойко)

Полгода назад не стало писателя и фольклориста-организатора Ивана Николаевича Бойко.

И.Н. Бойко занимает особое место в плеяде кубанских писателей: он не только по рождению кубанец, но и тот, кто в своих произведениях широко пользуется родной кубанской речью. Неслучайно поэтому, что при работе над Словарем кубанских говоров [1] мы использовали в качестве одного из источников повести, рассказы и очерки И.Н. Бойко.

Иван Николаевич Бойко родился 8 августа 1934 г. в кубанском хуторе Новоурупском Отрадненского района (в его произведениях – Труболет) в семье сельских тружеников, его детские и школьные годы прошли в Гулькевичском и Белореченском районах. Во взрослой жизни он многие годы отдал журналистской и редакторской работе на Кубани, в том числе был редактором-радиоорганизатором в родной станице Отрадной. Многочисленные поездки с корреспондентским удостоверением по Краснодарскому краю и Югу России дали И.Н.

Бойко большой жизненный материал для создания таких произведений, как «Стук в калитку», «Хутор Труболет», «Смотрю, слушаю...», «Чистые люди», «Успеть до заката» и др., изданных в Краснодаре и Москве массовыми тиражами [2]. Произведения писателя активно вторгались в жизнь, помогая односельчанам решать свои насущные вопросы: во времена борьбы с «неперспективными деревнями» он пишет повесть «Труболет», благодаря которой удалось не только отстоять родной хутор, но и вдохнуть в него новую жизнь; аналогичная история случилась и с рассказом «Мост», после публикации которого был построен мост через Уруп к его родному хутору.

Фото. Писатель И.Н. Бойко и доцент
В.М. Пелих

Начиная с 80-х годов прошедшего века, И.Н. Бойко активно занялся собиранием устного народного творчества и открыл для кубанцев и для всей культурной России забытый в казачьем крае частушечно-припевочный жанр. В 1984 году он издал первый на Кубани сборник частушек – «Отраденские частушки, припевки, страдания», а в 1993 – уникальный для России сборник «Кубанские плясовые припевки», которые нотировал художественный руко-

водитель Кубанского казачьего хора В. Г. Захарченко. Всего создано им и издано на Кубани 15 уникальных фольклорных книг, на основе которых создавали свой репертуар многие художественные коллективы России и, прежде всего, Государственный академический Кубанский казачий хор, с которым Иван Николаевич сотрудничал много лет. Он даже создал свой фольклорно-творческий центр «Отрада», который вскоре становится Северо-Кавказским творческим центром. Им обнаружено более трехсот уникальных мелодий. За вклад в открытие частушечно-припевочного жанра Ивана Бойко заслуженно нарекли «батькой кубанских частушек». В октябре 2009 г. Кубань и Отраденский район отметили его 75-летний юбилей, выразив глубокую признательность писателю за его любовь к родной земле и безотрывно связанное с ней его творчество.

Нас привлекли произведения И.Н. Бойко тем, что в них более широко, чем у других авторов, используется живая кубанская речь – самобытная, колоритная, отражающая материальную и духовную культуру жителей Отраденского района, в первую очередь его малой родины – хутора Новоурупского (Труболета). Рисую бытовые картины, описывая природу Приурупья или поступки героев, передавая их речь, И. Бойко дает нам примеры диалектных слов разных грамматических разрядов – существительных, прилагательных, глаголов, наречий – и разных семантических групп. Это такие слова, как:

- названия бытовых предметов или их частей: *оклунок* (неполный или наполовину заполненный мешок чего-нибудь), *рогач* (ухват), *цебарка* (ведро), *серники* (спички), *плитка* (низкая прямоугольная печь из кирпичей с двумя конфорками, растапливаемая дровами или углем), *загнетка* (пространство на печи, куда отставляют чугунок или сковороду с приготовленной пищей), *рушка* (приспособление для перемалывания кукурузного зерна в крупу, ручная мельница), *чистилка* (стационарное приспособление для очистки обуви от грязи), *шибка* (стекло в оконной раме) и др. (Ермолаевич положил на землю звякнувший железяками оклунок. Горячев сел на свое место, уставился в чистилку у приступок правленческого крыльца. Зоенька пробежала к окну,

поднималась на цыпочки у каждой шибки, высматривая «бородатенького»);

- названия одежды, обуви: исподники (*нижнее мужское белье*), шкрёбанцы (*старая, изношенная обувь*) и т.д. (В хате, уже у дверей, его перехватил Швец, тоже в исподниках и тоже страшный...);

- названия предметов передвижения – традиционных и новых: *линейка, мажара, легковичка* (Поглядывал то на лежавших под *мажарой* и у стены, в тени, то на примостившегося на подножке *линейки* ... мужчину. На ферму привез на *легковичке* его сын);

- названия животных и птиц: *кочет, кутюк, барашки, кроли, гуска* (Он заглянул к *кролям*. – Как ты тут, Белка? *Барашки*, куры выплескивали в утро свои голоса: «бээ, мээ, ... кукареку». Сжавшись и поднимая ногу, как в холодину *кутюк*, он поглядел вслед, побежал назад... Смел с доски листву крылом *гуски*, лежавшим тут же);

- местные названия растений – деревья, кустарников, трав, комнатных и полевых цветов: *жердела* (абрикос), *зимовка* (сорт яблоны), *вербняк, калинник* (кусты вербы, калины), *бурьяны* (заросли сорной травы), *жигука* (крапива), *ожина* (ежевика), *бурак* (свекла), *опупенок* (завязавшийся огурчик), *калачики, лазорики, панычи, сентябрики, огонёк, повитель* (названия комнатных и полевых цветов) и др. (Никита поднялся, стремительно зашагал вниз по камням, по *лазорикам* и ягоднику. Никита стал в *вербняке*. Тропинка вела, как и раньше, по бузине и *калиннику*, увитым хмелем. *Ожина* переплетала ноги, он отдирает ее, не чувствуя колючек. Но смотрел он на ее овальную нежно-матовую щеку, на ее губы цвета *огонька*, который расцвел дома на подоконнике. Бледный, дрожащий, припал к окну, между горшками с *калачиками*. Дуся ... выбежала из комнаты, насрезала роз, гладиолусов, *панычей*);

- наименования объектов рельефа: *катавалы* (предгорные холмы), *ерик* (ручей, канал), *осовы* (осыпающиеся склоны), *гравийка* (дорога из гравия), *кладка* (мостик через речку, часто из одного-двух бревен) и др. (В фиолетово-зеленом свете приподнялось Приурупье – *катавалы*, степь за рекой, станции. По реке, выше *кладки*, шло стадо. Он

спускался по выбитым копытами тропкам и *осовам* к Урупу);

- прилагательные: *блескучий, болючий* (очень болезненный), *кабаковый* (относящийся к *кабаку* – тыкве), *лопушистый* (похожий на лопух, с крупными листьями), *русявый* (русый), *обтерханный* (потёртый, заношенный), *склизкий* (скользкий), *холстяной* (холщевый), *расхристанный* (раздетый) и др. (Вспомнил, как с Петей Липченком прятался на крыше в *лопушистых* плетях, когда играли в *жмурки*, и никто их не мог «застукать». Вспомнил, как мать искала ему рубашку для школы, исходила все магазины и не нашла, нарядила его в *холстяную*, домотканую. *Расхристанная*, выскочила на улицу, побежала к овчарне);

- глаголы и существительные, передающие звуковую картину: *бухикать, грохнуться, динькнуть, дырчать, засвиринчать, заскорготать, кудкудакать, прописывать, скворчать, сюркнуть, тюкать, цирковать, цыркнуть, цырканье, вжиканье, хрумт, хрумтение* и др. (Платочек вот возьми. И кашне. А то *бухикать* будешь. Взад-вперед ходили куры. Одна *сокорила*. Одна *кудкудакала*. В углу, под лестницей, робко, опробывающе *сюркнул* сверчок. В тупике остро и нетерпеливо *циркнул* сверчок. Никита свернул левее, сквозь *хрумтение* гальки и хлопанье звезд под ногами слышал...);

- разнообразные наречия: *нанизу, посередке, напрямки, внезаметку, вскорости, перегодя, с пупенков/пупенок* (с малых лет), *гуртом* (вместе), *силком, мовчки, с подначкой, покотом, взаправду, погано, шкодливо, трошки, пеши, отседова, на дурнячка* и др. (Емцов шел, поигрывая ключом, и *внезаметку*, не оборачиваясь, рычал на шагающую сзади ... супругу. Справа, на Ставропольском плато, Эстоновка. Слева, *нанизу* огороды. Я ее с *пупенков*, вот таку-сенькая была, наставлял).

В Словаре говоров Кубани нами зафиксированы названия детских игр: *жмурки, хороничка* (игра в прятки), *кляка* (городки). И.Н. Бойко вспомнил еще одно название: *бишки*. Это детская игра на Пасху, заключающаяся в том, что играющие бьют крашеное яйцо о яйцо и выигрывает тот, чьё яйцо крепче (Помнит: проиграл он раз мальчишкой на пасху яички друзьям-казачатам в *бишки*, а есть охота...).

То же самое можно сказать о слове *мальва*, «найденном» И.Н. Бойко: *Никита с особым интересом ... вглядывался в дома, в оплетавшие их виноградники, во дворы, в которых и возле которых копошилась и бегала мальва, наподобие Вовы*. Это существительное образовано по модели, характерной для говора и обозначающей массу живых существ: *крысва, мышва, мушва*.

Широко употребительны в произведениях И.Н. Бойко глаголы с приставкой ПО-, выступающей в усилительно - завершающем значении: *пополоть, повыщипать, понаставить, понаводить, понабраться, повскакивать, понаехать, понасажать, поразъехаться, послетать, поподрожать, потопотеть* и др. (Свой огород *пополоча*, а мой в бурьянах стоит. *Поперестирала* и *повыгладила* все свои лишние платья. Депутаты *повскакивали*. Он и нас катал. *Понасажает* в кабину... хохочем и едем). Такие образования чрезвычайно многочисленны в речи кубанцев.

Почти столь же распространены в текстах И.Н. Бойко глаголы совершенного вида, обозначающие однократное или мгновенное действие: *сбудить, требовать, схилить(ся), сцанать, сгорнуть, садануть, оскользнуться, сигануть, шибануть, угнуться* и др. (Они что, магарыч *требовали*? Она кинулась в Липченков сад, да *оскользнулась*, и нога ее хрустнула меж бревен, как кукурузная *бодылка*. Полина Тихоновна закивала, *схилилась* на палку. Неприн передернулся и *угнулся*.)

Из числа других глаголов привлекают внимание своей семантикой и словообразовательной структурой такие, как: *найтись* (родиться), *отвязнуть* (отстать, перестать надоедать, приставать), *переказывать* (передавать кому-то какую-либо информацию, сообщить что-то), *поддобриться* (сделать какую-либо услугу, высказать комплимент, желая получить льготу), *подхватиться* (вскочить, быстро подняться), *подчепуриться* (привести себя в порядок, принарядиться, подкраситься), *подзуживать* (подстрекать), *подначивать* (подкалывать, подшучивать), *приобнять*, *прижукнуть* (притихнуть, замолчать), *приотстать*, *притилипать* (прийти, добратся), *пошипилить* (быстро пойти), *потёпать* (медленно, с усилием пойти), *поскубтись* (поругаться, поссориться) и многие другие (За внуку

пью! У меня внучка *нашлась*. Беленькая секретарша *подхватилась*, открыла дверь в кабинет Головатого... *Приобнял* Никиту, когда за Тегинем открылись корпуса фермы. Он *потепал* на гору, осторожно неся перед собой капканы. Ну, *отвязни*, Захарка. На греца ты сдался, чтоб я тебя слухал, – отвечал тот же голос).

Особенностью стиля И.Н. Бойко является то, что диалектная лексика, используемая писателем, широко употребляется им не только как средство речевой характеристики героев, но очень широко – в авторской речи. В 4-х проанализированных произведениях «Все живут...», «Стук в калитку», «Чистые люди», «Успеть до заката» нами зафиксировано около 250 слов-диалектизмов (почти 300 употреблений), и только 30% употреблений диалектных слов (85) характеризуют речь станичников – героев этих повестей, а 70% употреблений диалектных слов (210 из 295) встречается в авторской речи. Это делает автора соучастником описываемых событий, ставит его в один ряд с его героями. Диалектные слова органично сочетаются с общелитературной лексикой, ненавязчиво включены в авторский текст и придают особый колорит описываемому. Вот примеры некоторых фраз: К Урупу, почти над головой, чуть правее, сбегали с горы, как приток, *блескучие* провода; Перевел взгляд на хутор, на редкие, как после бомбежки, *хаты*, нащупал свою, с *кабаковыми* плетями на крыше; Возле первой от горы *хаты*, занесенной с *глухой стороны* земель и заросшей польню с улицы, его *перестрел* Липченков; В конуре под сараем *динькнула* цепь; Солнце, точно огненный *кочет*, еще копошилось справа, зарываясь в *посадку*; В нескольких шагах от воды подвода зацепилась за *карчу*; Луна сияла по *катавалам*, по хутору, по всему предгорью...; Тучи шелестели в воздухе, по *катавалам*, лезли в душу; Возле *кладки* Никита упал, запыхавшийся, совсем обессиленный; По пути рвал на обочине конский шавель, подорожник, *щерицу – кролям* – и с грустной улыбкой наблюдал, как какая-то проворная старуха с *кошелкой* поднимала «за *ширку*» с земли, напротив клуба, *косенького* старичка в *черкеске*, подпоясанной *кавказским наборным ремнем*, и в побитой молью, совершенно облезлой *кубанке*; Затем врзался в гущину клевера, ощущая

сладость полноценного, деятельного бытия на земле от каждого взмаха, от стального *вжиканья* и звона косы, от сочного *хрумта* срезаемых стеблей...

Подобную лексику мы обнаруживаем и в собранных И.Н. Бойко частушках, припевках, страданиях. Например:

Ой, играй, играй, гармошечка, / Хорошо высказывай, / Как увидишь миленочка, / Привет *переказывай*.

Я у маменьки своей / Не жила – *кохалася*. / Моя русая коса / Сама *заплеталася*.

У меня коса большая / С лентами - до пояса. / Меня милый узнает / *Издаля* по голосу.

Под окошком вишенка / Низенько согнулась. Меня миленький *сгадал*, - / Легонько *икнулось*[3].

Творчество И.Н. Бойко – кладезь народной мудрости, воплощенной в общерусских и диалектных пословицах и поговорках: *под лежащий камень вода не подтечет, а коряги нацепляются; своя семиряжка не важка; руки да душа, да два голыша* (об очень бедном человеке); *на всякое хотение есть терпение; есть квас, но не для вас; в ночь, в полночь, в любую непогодь; слепой сказал побачимо; таких друзей – за чуба да в музей* (иронич.); *правда всегда верх возьмет; на нашем базаре все сойдет; как бабка пошептала; как бог за плечами стоял* (об удачном завершении дела); *хоть плюй в глаза, скажет: божья роса* (о бессознательном, наглom человеке); *по воде ходить и ног не замочить?* и др.

Представленные наблюдения показывают, что произведения Ивана Николаевича Бойко являются прекрасным источником для исследования кубанской речи и – одновременно – хранилищем ее лексического богатства, завещанным известным писателем своим потомкам.

Примечания:

1. *Пелих В.М., Андриющенко В.И., Иванова Р. Я., Иванова Т. Г.* Словарь кубанских говоров (Краснодарский край: восточный регион) / отв. ред. канд. филол. наук, доцент Пелих В.М. Армавир: РИЦ АГПУ, 2009.

2. *Бойко И.Н.* 1) Стук в калитку. Кубанские повести. М.: Современник, 1977; 2) Успеть до заката: Повести. Краснодар: Кн. изд-во, 1982.

3. *Бойко И.Н., Захарченко В.Г.* Частушки, припевки, страдания, кубанские застольные песни / запись и подгот. текста И.Н.Бойко, нотирование мелодий В.Г. Захарченко. Краснодар: фольклорно-творч. центр народов Северного Кавказа «Отрада»; Раритеты Кубани, 2002.

В.К. Чумаченко, Л.М. Строкун

Бойко Иван Николаевич (1934–2013)

Библиографический указатель

При составлении данного библиографического указателя, посвященного жизни и творчеству кубанского писателя и фольклориста И. Н. Бойко, использованы следующие материалы: справочник «Писатели Кубани» (сост. Л. А. Гуменюк. Краснодар, 1980), сборник «Писатели Кубани: Биографии. Основные издания. Поэзия. Критика» (сост. В. П. Неподоба. Краснодар, 2000), библиографический указатель «Песенная душа кубанского прозаика Ивана Николаевича Бойко. К 75-летию со дня рождения» (сост. С. Ю. Товекалова. Краснодар, 2009), а также документы из личного архива краснодарского литературоведа В. К. Чумаченко. Деятельное участие в подготовке указателя приняла ведущий библиограф информационно-библиографического отдела Краснодарской краевой юношеской библиотеки имени И. Ф. Варавы Л. М. Строкун.

Под общей научной редакцией проф. В. К. Чумаченко

ИВАН НИКОЛАЕВИЧ БОЙКО Краткая биографическая справка

Перебирая страницы истории кубанской писательской организации, Виктор Иванович Лихоносков как-то горестно заметил, что из всей многочисленной когорты лишь двум литераторам удалось передать в своем творчестве кубанский колорит, неповторимый характер нашего удивительного казачьего края. Одним из этих литераторов является Иван Николаевич Бойко. Уже этим редким качеством – чувствовать родное, кровное – определяется его непреходящее значение для истории местной словесности. А если к этому добавить эпический размах видения событий, неподдельный лиризм, тонкое чувство языка, на котором говорят земляки, то и вовсе становится понятным, каким масштабным художником может

гордиться пестовавшее будущего писателя Отрадненское предгорье.

Родился Иван Николаевич Бойко 8 августа 1934 года в хуторе Новоурупском, который он потом, под влиянием Н. В. Гоголя, перекрестил и опозитизировал под именем Труболета. Жила семья бедно, не раз снималась с насиженного места в поисках лучшей доли. Юные годы прошли в хуторе Султановском Кавказского района и станице Пшехской, на белореченском просторе. Но точкой отсчета писатель всегда считал Труболет, где пеленали его в младенчестве удивительные мамины песни, где гремел в весеннее половодье мирный в обычное время Уруп, где зябко хмурилась под шапкой осеннего тумана многократно воспетая им гора Казачья.

После школы кубанец выбрал нелегкую, но почетную тогда специальность – защищать Родину. Три года учебы в Гвардейском Харьковском танковом училище (1953–1956) позади, и вот он, молодой офицер, уже командует танковым взводом в Забайкальском военном округе. Но из-за проблем со здоровьем служба не заладилась. Он возвращается домой и поступает на историко-филологический факультет Краснодарского педагогического института.

Первая книжка рассказов «Разлад» вышла в 1961 году, когда молодой литератор был студентом. Дебют был ярким, многообещающим, но материальных проблем не решал. Работал в газетах «Комсомолец Кубани», «Советская Кубань», а затем – разъездным корреспондентом в журнале «Сельское хозяйство Северного Кавказа и Черноморских областей», литературным консультантом в Союзе писателей, радио-организатором в родной станице Отрадной, редактором в Краснодарском научно-исследовательском институте имени П. П. Лукьяненко. Многочисленные поездки корреспондента И. Бойко по краю дали ему большой жизненный материал для создания новых книг о земляках: «Крестины» (1969), «Хутор Труболет» (1973), «Стук в калитку» (1977), «Гора Казачья» (1979), «Родное» (1989) и др. А небольшой и весьма острый социально-политический роман «Успеть до заката» даже был издан массовым тиражом в престижной когда-то «Ро-

ман-газете» с предисловием одного из патриархов эпохи соцреализма С. Бабаевского.

В писательской судьбе Бойко все неслучайно. Довелось Ивану Николаевичу поработать также методистом в Краснодарском доме народного творчества, курировавшем художественную самодеятельность Кубани. Работа в этом, а потом и в других учреждениях культуры пробудила заложенную в нем с детства любовь к народной песне, помогла углубиться в изучение устного народного творчества, а затем и всерьез заняться собирательной и фольклорной деятельностью, привлечь к этой работе всех своих родственников и друзей-литераторов.

Как фольклорист, И. Бойко открыл для современников забытый и мало пропагандируемый в казачьем крае частушечно-припевочный жанр. В 1984 году он издал первый на Кубани сборник частушек – «Отрадненские частушки, припевки, страдания», а в 1993 – уникальный для России сборник «Кубанские плясовые припевки», которые нотировал художественный руководитель Кубанского казачьего хора В.Г. Захарченко, а записал для сборника народные танцы и пляски художественный руководитель ансамбля «Казачья вольница» А. М. Литовченко. Особняком стоит книжечка «Ставьте ушки на макушки – современные частушки» (1994), вобравшая в себя новейшие образцы жанра, родившиеся в устах народа в перестроечные годы и выразившее критическое отношение простых людей к совершающемуся над ним социальному эксперименту.

Нелегкой выдалась писательская стезя. Для того чтобы полностью отдаться творческой работе, он в какой-то момент жизни ушел со службы, питался одними овощами, «падалицей», собранной до первого снега на полях пригородных хозяйств. Но доказал-таки свое право называться профессиональным литератором. В 1978 году, после десятилетия проволочек и мытарств, он был принят в члены Союза писателей СССР, получил престижную квартиру. Но тут вскоре пришла новая напасть – крушение страны, Советской власти, которая, как он считал, открыла ему в жизни все пути. А новой власти первыми стали не нужны писатели. Чтобы элементарно выжить, пришлось открыть в себе талант бизнесмена. Не оттого ли так и остались неза-

вершенными два последних романа: «Стадион» и большое эпическое повествование о комбриге Б. М. Думенко?

Общественно-политическая позиция писателя была неизменной и радикальной. Он всегда был с народом, всегда поднимал голос за попранное человеческое достоинство. За это его не очень любили власть придержащие, но, надо сказать, это совсем не расстраивало писателя. Гораздо больше он ценил внимание читателя, жителя далекой глубинки.

И. Н. Бойко ушел из жизни 15 февраля 2013 года. На это грустное событие отважились откликнуться лишь немногие кубанские газеты, для которых он много и охотно писал на протяжении полувека.

Библиографический указатель литературы

I. Произведения И. Н. Бойко, изданные отдельными книгами

1.1. Художественные произведения

1. Гора Казачья: повести и рассказы. – М.: Современник, 1984. – 352 с. – Содерж.: Повести: Труболет; Продолжение Родины; Успеть до заката; Рассказы: Гимн хате; Мама; Няня.

2. Крестины: повести и рассказы. – Краснодар: Кн. изд-во, 1969. – 135 с. : ил.

Рецензии и отклики:

Неподоба В. Родная станица // Комсомолец Кубани. 199. 8 окт.;

Селезнев Ю. // Кубань. 1970. № 4. С. 119–120.

3. Разлад: рассказы. – Краснодар : Кн. изд-во, 1961. – 36 с.

4. Родное: рассказы и повести. – М.: Советская Россия, 1989. – 238 с., ил. – Содерж.: Гимн хате; Повести: Труболет; Бог; Рассказы: Мама; Няня; Черт.

5. Смотрю, слушаю...: повесть, рассказы. – Краснодар: Кн. изд-во, 1978. – 286 с.

Рецензии и отклики:

Чумаченко В. Мост на родину // Комсомолец Кубани. – 1979. – 14 февр.;

Александрова Л. О судьбах и характерах людских // Советская Кубань. 1979. 4 апр.

6. Стук в калитку: кубанские повести. – М.: Современник, 1977. – 286 с.

7. Успеть до заката: повесть / И. Н. Бойко; худож. Т. В. Бирюкова. – Краснодар: Кн. изд-во, 1982. – 352 с. : ил.

8. Хутор Труболет: повести / И. Н. Бойко. – М.: Современник, 1973. – 199 с. – (Новинки «Современника»).

Рецензии и отклики:

Быстров Н. В. одном кубанском хуторе // Черноморская здравница. 1974. 27 ноября;

Яхонтов А. Кем быть? Каким быть? // Литературная Россия. –1974. – 26 апр. – С. 20;

Шапошников В. Земляк со стороны // Литературная газета. – 1974. – 30 окт. – С. 4.

1.2. Фольклорные тексты (Песни. Частушки. Припевки. Страндания)

9. Отрадненские частушки, припевки, страндания: запись и подгот. текстов к печати И. Н. Бойко. – Краснодар: Кн. изд-во – 1984. –224 с.

Рецензии и отклики:

Бобров А. Отрадненские частушки // Литературная Россия. – 1984. – 8 марта. – № 10. – С. 15.

10. **Плясовые припевки Кубани** / записал И. Н. Бойко. – Краснодар : Фольклорно-творч. центр «Отрада», 1993. – 288 с.: ил.

11. **Ставьте ушки на макушки – современные частушки** / записал И. Н. Бойко. – Краснодар : Фольклорно-творч. центр «Отрада», 1994. – 80 с., ил.

Рецензии и отклики:

Ставьте ушки на макушки – есть кубанские частушки! / И. Н. Бойко; предисл. В. Г. Комиссинской // Народное творчество. – 2002. – № 4. – С. 49–51.

12. **Частушки, припевки, страндания, кубанские застольные песни** / подгот. И. Н. Бойко; нотирование мелодий В. Г. Захарченко. – Краснодар: Раритеты Кубани, 2002. – 384 с.

Рецензии и отклики:

Чумаченко В. К. «Я весь из маминой песни...». // Культурная жизнь Юга России. – 2002. - № 1. – С. 71–72.

1.3. Документальная проза.

Публицистика

13. Праздник души: Очерки о людях колхозной станицы. Краснодар: Кн. изд-во, 1975. – 112 с., ил. – (Дни нашей жизни).

14. Дай мне, родина, сил!: Очерки. – Краснодар: Красн. кн. изд-во, 1976. – 64 с. – (Дни нашей жизни).

Рецензии и отклики:

Елагин В. Самобытные характеры // Советская Кубань. 1977. 18 окт.;

Канашкин В. Герои и их нравственный мир // Кубань. 1979. № 6. С. 98–100.

II. Произведения, опубликованные в альманахах, антологиях, сборниках, учебных пособиях, журналах и газетах

2.1. Художественные произведения

15. Бог: Повесть // Кубань. 1970. № 9. С. 7–43.

16. Бунт в Краснодаре: отрывки из романа-хроники «Выбираю Россию – народ свой». Часть I. Разлад // Рассвет. – 2005. – 10–16 июня. – С. 3.

17. Воспоминания // Родная Кубань. 2013. № 3. С. 57–76.

18. Гимн хате: рассказ // Литература Кубани: Хрестоматия [для учащихся 6–7 классов]. Краснодар, 2002. С. 131–136. (Биографические сведения – С. 131).

19. Гимн хате: рассказ; Мама // Кубань литературная: Хрестоматия для учащихся средних школ. Т. 3. Краснодар, 1995. С. 70–73; 74–95. (Биографические сведения – с. 69).

20. Гимн хате: рассказ // Кубанская библиотека. Т.1 : Повести и рассказы. – Краснодар: Периодика Кубани. – 2006. – С. 17 – 20. (Биографические сведения – с. 15–16.)

21. Гимн хате: лирическое повествование // Литературная Кубань. – 2007. – 13 окт. – С. 1.

22. Гимн хате: лирическое повествование // Ветеран. – 2008. – № 15. – С. 6.

23. Как Шемигон умирал: Из отрядненских сюжетов // Кубань. – 1979. – № 12. – С. 5–70.

24. Кира; Русская печка; Багульник: Рассказы // Дружба. [Москва–София]. –

1977. – № 1. – С. 118–121. (Журнал на русском и болгарском языках).

25. Крестины: Повесть // Кубань. – 1967. – № 4. – С. 4–74.

26. Кубани: стихи / И. Н. Бойко // Родная Кубань. – 2008. – № 3. – 2-я обл.

27. Кубанские новеллы // Кубань. – 1966. – № 2. – С. 8–14.

28. Мама // Кубань. – 1974. – № 3. – С. 13–24.

29. На свет маяков: Очерк // Кубань. – 1966. – № 4. – С. 6–10.

30. Нужен мост: Повесть // Кубань. – 1978. – № 7. – С. 7–62.

31. Няня // Кубань. 1977. № 9. С. 74–86.

32. Охота пуше неволи...: Юморист. рассказ // Кубань. – 1971. – № 8. – С. 90–92.

33. Первая сабля революции: главы из романа-хроники «Думенко» // Литературная Кубань. – 2006. – № 3, 4 (февр.). – С. 6–7: фот.

34. Перед свадьбой: повесть // Кубань – 19743. – № 9. – С. 4–4; № 10. – С. 14–34.

35. Подбор голосов; Медосбор; Проявил характер // Наш современник. – 1972. – № 3. – С. 126.

36. Праздник души: Рассказы // Кубань. – 1970. – № 12. – С. 2–15.

37. Проводник; Катальпы; Заявление: Рассказы // Кубань. – 1960. – № 3. – С. 59–60.

38. Среди поэзии // Кубань. 1979. № 10. С. 72–75.

39. Русская печка: Рассказ // Кубань. – 1960. – № 4. – С. 22.

40. Сафронов: Повесть // Кубань. – 1973. – № 4. – С. 44–73.

41. Середа: Рассказ // Кубань. – 1960. – № 2. – С. 51–52.

42. Сладкий корень: повесть-хроника // Литературная Кубань. – 2006. – № 20–21 (окт.) – С. 6–7. – Воспоминания.

43. Смотрю, слушаю...: Рассказы // Кубань. – 1972. – № 9. – С. 73–78; – 1976. – № 10. – С. 56 – 60; 1978. – № 9. – С. 51–52.

44. Стадион (отрывок из романа) // Кубанские новости. – 1994. – 5 авг.

45. «Тогда ты будешь чистить мне сапоги!..»: автобиогр. проза // Рассвет. – 2005. – 12–18 авг. – С. 3.

46. Успеть до заката. *Послеслов. С. Бабаевского* // Роман-газета. 1982. № 24. С. 91–126. (Справка об авторе – 2-я стр. обл.)

47. Хутор Труболет: повесть // Наш современник. – 1970. – № 11. – С. 16–50.

48. Черт: Повесть // Кубань. 199. № 5/6. С. 4–84.

2.2. Песни. Частушки. Припевки. Страдания

49. **Отраденские частушки** / записал И. Бойко // Кубань. 1979. № 12. С. 65–70.

50. **Плясовые припевки Кубани** / записал И. Н. Бойко // АСА. [Краснодар]. 2013. № 12. С. 3–4.

51. **Погиб в Дубоссарах казак.** Светлой памяти Александра Берлизова и его друзей / Слова и мотив Ивана Бойко // Кубанские новости. 1992. – 22 августа. – № 159–10. – С. 3.

2.3. Документальная проза. Публицистика

52. Бессмертный Кобзарь: К 150-летию со дня смерти Тараса Шевченко // Кубанский писатель. 2011. Февраль. № 2. С. 3.

53. В поисках светлого // Агроснабсервис. – 1993. – 24 июля. – С. 3.

15 июля 2003 г. кубанскому писателю А. Д. Драгомирову исполнилось 50 лет.

54. Воскресение народной души // Литературная Кубань. – 2002. – 16–31 мая. – С. 2.

Об открытии бюста знаменитого хлебороба Кубани М. И. Клепикова.

55. Животворные корни таланта: 16 июня кубан. поэту В. Бакалдину исполнилось 80 лет // Кубанский писатель. – 2007. – № 6 (июнь). – С. 3–5: фот.

О творчестве поэта В. Бакалдина.

56. Жил музой единения: памяти друга // Литературная Кубань. – 2008. – 3 окт. – С. 4.

Памяти И. А. Петрусенко – уникального кубанского фольклориста и композитора.

57. Казаки-гвардейцы повторили подвиг героев-панфиловцев // Кубанские новости. – 2001. – 11 мая. – С. 14.

58. Казачья шашка не гнется!: к 60-летию кубанского писателя Георгия Ефременкова // Кубанские новости. – 1999. – 6 апр. – С. 3.

59. Казачье сражение // Кубань литературная: альманах. – Краснодар: Раритеты Кубани, 2005. – С. 183–200.

О легендарном сражении под Куцевской 4-го Кубанского кавалерийского корпуса в 1942 г.

60. Казачье сражение под Куцевской // Литературная Кубань. – 2001. – № 7–8 (апр).

61. Когда нет вершин, даже бугорок может мнить себя Эверестом: беседа с кубан. писателем И. Н. Бойко / записал В. Богданов // Новая газета Кубани. – 2007. – 11–15 окт. – С. 19.

62. Кубань помнит своих героев // Кубань сегодня. – 1999. – 8 мая.

О создании во время Великой Отечественной войны 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса.

63. Летучий бомбардир // Краснодарские известия. – 2001. – 8 мая. – С. 4–5.

О С. Т. Чекурде, первом военном команданте Краснодара (1941 г.)

64. «Мои университеты – народная песня...»: беседа с писателем И. Н. Бойко (записал В. П. Неподоба) // Кубанский край. – 1994. – 5–12 сент. – С. 4. – К 60-летию со дня рождения.

65. На краснодарском направлении // Кубанский писатель. – 2007. – № 9 (сент.). – С. 3.

История Краснодарского отделения Союза писателей России.

66. Открытая душа патриота // Кубань сегодня. – 2000. – 15 авг.: фот.

О жизни известного кубанского писателя А. В. Стрыгина.

67. Ошеломляющая казачья атака // Вольная Кубань. – 2002. – 2 авг. – С. 2.

Отрывок из документального очерка писателя И. Н. Бойко «Казачье сражение под Куцевской», описывающего атаку 4-го Кубанского казачьего кавалерийского корпуса 27 августа 1942 г.

68. Предисловие // Драгомиров А. Д. Карасунский перекресток рассказы / А. Д. Драгомиров; предисл. И. Н. Бойко. – Краснодар: Раритеты Кубани, 2003. – 238 с.

69. [Предисловие] // Чернышев В. Высший суд: стихи и поэмы. – Краснодар: Советская Кубань, 1996. – 108 с.

70. С именем отца // Литературная Кубань. – 2005. – 1-15 дек. – С. 5: фот.

О судьбах героя Гражданской войны
Б. М. Думенко уроженце станицы Спокойной.

71. Слово о мастере // И в засуху бессмертники цветут...: к 80-летию писателя Анатолия Знаменского: воспоминания. – Краснодар: Периодика Кубани, 2003. – С. 11–15.

72. Солнечные октавы Валерия Клебанова // Кубань сегодня. – 1998. – 19 дек.

О молодом сочинском поэте В. Клебанове.

73. Солнце над Родиной: памяти первого редактора Петра Ефимовича Придиуса // Кубанские новости. – 2003. – 22 нояб. – С. 4-5.

74. Счастливая судьба: Илье Петрусенко – 55 лет // Вольная Кубань. – 1996. – 1 авг. – С. 2.

75. Уходили девчата на войну... // Кубанские новости. – 1995. – 11 февр.

О Л. Н. Боярчук, участнице Великой Отечественной войны из пос. Холмского.

76. Фролов: очерк // Кубань. – 1975. – № 12. С. 72–86.

77. Холокост на Кубани / И. Н. Бойко, А. Иванченко // Аргументы и факты. – 2005. – № 8 (февр.). – С. 2. – Прил.

О массовых расстрелах евреев во время оккупации Кубани.

78. Четыре заповеди учителя Семке // Педагогический вестник Кубани. – 2000. – № 2. – С. 17–18.

79. «Я...задыхаюсь без Родины!..» // Кубань литературная: – Краснодар: М D production, 2006. – С. 111–113.

III. Литература о жизни и творчестве

И.Н. Бойко

80. Бабаевский С. Что может человек // Роман-газета. – 1982. – № 24. – С. 127–128.

81. «Батьке кубанских частушек» – 75 лет! // Сельская жизнь [ст. Отрадная] – 2009. – 24 октября.

82. Бобров А. А. Песня отважного сердца / А. А. Бобров // Краснодар. – 2004. – 16 – 22 июля.

83. Бобров А. Незгибаемый хуторянин // Литературная Россия. – 1994. – 12 августа. № 32. С. 13.

84. Васильев Игорь. Тризна по писателю // АСА. [Краснодар.] – 2013. – № 12. – С. 2.

85. Собинформ. Вечер памяти Ивана Бойко // Кубанский писатель. – 2013. – № 5. – С. 6.

86. Драгомиров А. Д. Энергия творца: слово о друге-писателе // Литературная Кубань. – 2004. – 1–31 июля. – С. 5, фот.

87. Драгомиров А. Д. Энергия творца: слово о друге-писателе // Литературная Россия. – 2004. – 13 авг. – С. 6.

88. Ивеншев Н. А. Деда подземелья / Н.А. Ивеншев // Литературная газета. – 2008. – 21 мая.

89. Ивеншев Н. Приглашение на вытуривание // Литературная Россия. – 2005. – 24 июня. – № 25.

90. Из архива писателя (Из писем и рецензий писателей, критиков, читателей) // Кубанские новости. – 1994. – 5 авг.

91. Иван Николаевич Бойко // Писатели Кубани: сб.: Биографии. Основные издания. Поэзия. Критика / Краснодар. краев. писат. орг. Союза писателей России ; под ред. В. П. Неподобы. – Краснодар: Северный Кавказ, 2000. – С. 26–31.

92. Издания произведений кубанских писателей за рубежом // Кубань. – 1979. – № 3. – С. 95.

93. Ганичев В. Протяни руку // Литературная Россия. – 1982. – №32. – С. 8

94. Захарченко В. Г. Песни Екатерины Бойко: к 70-летию И. Н. Бойко // Литературная Кубань. – 2004. – 16-31 июля. – С. 5,8.

О матери кубанского писателя и фольклориста И. Н. Бойко; его поэтическом сборнике «Машины песни».

95. Канашкин В. А. Главное – человек // Канашкин В. Постигание современности. – Краснодар, 1979.

96. Канашкин В. А. «И хорошо и грустно...» // Кубань: альманах. – 1973. – № 5. – С. 99–107.

97. Канашкин, В. А. Народа душа родниковая. – Краснодар: Кн. изд-во, 1976. – С. 125–129.

98. Канашкин В. А. Постигание современности // Дон. – 1978. – № 1. – С. 155–166.

99. **Канашкин В. А.** Талант писателя и «выживальческая» литература // Краснодарские известия. – 2004. – 21 янв. – С. 10.
100. **Кириченко Виталий.** Ты в небесах... // Литературная Россия. 2011. 11 февраля. № 6.
101. **Кирчанов М. В.** Кубанская русскоязычная проза как тип региональной литературы (на материале творчества Ивана Бойко) // Донецкий вісник Наукового товариства ім. Шевченка. – Донецьк, 2007. – Т. 18 (Історія). – С. 260–265.
102. **Коновалов Г.** Слово о молодом восприятии мира // Литературная Россия. – 1971. – 24 дек.
103. **Коновалов Г.** Тугие крылья таланта. – М., 1975. – С. 245–246.
104. **Лихоносков В. И.** Пропажа писательской организации // Родная Кубань. – № 2. – С. 29–31.
105. **Макарова С.** Я не помню его равнодушным... // АСА. [Краснодар.] – 2013. – № 12. – С. 7–8.
106. **Максимов А.** Наступление зла // Твоя судьба: ежемесячный альманах для неравнодушных людей. – 2007. – № 4 (110). Спецвыпуск. – С. 6–7,8.
107. **Михайлов Н.** Публицистика – нелегкий жанр // Черноморская здравница [Сочи]. – 1975. – 22 окт.
108. **Михайлов О. Н.** Верность. – М., 1974. С. 244 – 251.
109. **Обойщикова К.** Расскажи мне сегодня...: Ивану Бойко (стих.) // Кубанские новости. – 1994. – 5 авг.
110. **Огрызко В. В.** Русские писатели. Современная эпоха. – М.: Литературная Россия, 2004.
111. **От имени всех кубанских писателей Правление Краснодарского регионального отделения Союза писателей России.** Скончался писатель Иван Николаевич Бойко // Новая газета Кубани. – 2013. – 18 февр.
112. **От имени всех кубанских писателей Правление Краснодарского регионального отделения Союза писателей России.** Тяжелая утрата // Кубанский писатель. 2013. – № 2. – С. 1.
113. **Памяти Ивана Николаевича Бойко** // Сельская жизнь. – 2013. – 19 февр.
114. **Певец малой родины.** Ивану Бойко – 60 лет // Кубанские новости. – 1994. – 5 авг.
115. **Песенная душа кубанского прозаика Ивана Николаевича Бойко.** К 75-летию со дня рождения. Библиографический указатель литературы. *Сост.* С. Ю. Товекалова. / Департамент культуры Краснодарского края; Краснодарская краевая универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина. Отдел краеведения. Краснодар. – 2009. – 20 с.
116. **Петрусенко И. А.** Песенная душа прозаика Ивана Бойко // Кубанские новости. – 1997. – 25 июля.
117. **Бойко Иван Николаевич // Писатели Кубани:** библиографический справочник / сост. Л. А. Гуменюк. – Краснодар : Краснодар. Кн. изд-во, 1980. – С. 26–28.
118. **Премия ежемесячника «Кубань» за 1970 год:** Бойко И. Н. и др. // Кубань. – 1971. - № 1. – С. 112.
119. **Разговор по душам** // Литературная Кубань. 2006. – 1–31 дек. – С. 1, 3.
Письма читателей о газете, в том числе письмо И. Бойко.
120. **Ротов В.** Трудовой народ все видит... // Кубанские новости. – 1994. – 5 августа.
121. **Селезнев Ю. И.** Вечное движение. Искания современной прозы 60-х – начала 70-х гг. – М., 1976. – С. 176–180.
122. **Слепов А. А.** О песенном фольклоре Кубани: заметки / А. А. Слепов. – Краснодар: Эоловы струны, 2000. – 196 с. – Из содерж.: Бойко Иван Николаевич. – С. 161–166.
123. **Словом и делом:** писателю И. Н. Бойко – 70 лет! // Кубань сегодня. – 2004. – 6 авг. – С. 5.
124. **Стрыгин Ю.** На казачьей на Кубани / Ю. Стрыгин // Вольная Кубань. – 1995. – 26 апр.
125. **Стрыгин А.** Слово писателя работает...: Кубанскому писателю Ивану Бойко – 60 лет / А. Стрыгин // Краснодарские известия. – 1994. – 6 августа.
126. **Хранитель народных баек** // Краснодарские известия. – 1995. – 22 окт. – № 185 (4307).
127. **Чечнева Л.** Радость сопричастности // Кубань (Альманах). – 1973. № 6. – С. 99–101.

128. **Чтение без увлечения** // Акцент. – 1997. - № 16. – С. 2.

В Краснодарской библиотеке им. Н. А. Некрасова состоялась встреча кубанского писателя И. Бойко с молодежью города.

129. **Чумаченко В. К.** Мост на родину // Комсомолец Кубани. – 1979. – 14 февраля.

130. **Чумаченко В. К.** Труболетовский житель // Вольная Кубань. – 1994. – 12 августа.

131. **Чумаченко В. К.** Огни Труболета. Ивану Бойко – 50 лет // Кубань. – 1984. – № 8. – С. 74–78.

132. **Чумаченко В. К.** Черпать у народа. *Послесловие* // Бойко И. Н. Кубанские плясовые припевки. – Краснодар, 1993. – С. 283–284.

133. **Чумаченко В. К.** Об ушедшем – печаль... (Некролог И. Н. Бойко) // Культурная жизнь Юга России. – 2013. – № 1. – С. 120.

134. **Чумаченко В. К.** Об ушедшем – печаль... // Аса. [Краснодар]. – 2013. – № 4. – Апрель. – № 12. – С. 7–8.

135. **Ясинский И.** Отрада Ивана Бойко // Новая газета Кубани. – 2009. – 5 ноября. – №82.

А.В. Шишканова

Особенности казачьей лексики, бытующей на Верхней Кубани и Зеленчуках

Данную работу посвящаем памяти С.Д. Мастепанова (1913 – 2002), ученого-самоучки, паремиолога и фольклориста, библиографа, эсперантиста, историка - краеведа, сделанные им записи лексики кубанского казачества, пословиц и поговорок Приурупья являются ценным лингвистическим и этнографическим материалом. Судьба его была трудной, как и судьба страны в целом, когда в жернова ГУЛАГа попадали миллионы честных и самоотверженных людей. По объективному заключению П.И.Ткаченко, «Всею своей творческой судьбой и необыкновенно красивой личностью С.Д. Мастепанов явил классический пример русского интеллигента и его образа жизни среди других народов»[1]. Продол-

жая традиции С.Д. Мастепанова, рассмотрим особенности региональной лексики казаков Верхней Кубани и Зеленчуков.

Как отмечено авторами «Диалектологического атласа русского языка», «...в течение длительного периода феодальной Руси, корнями уходя и в более раннюю эпоху, складывались... основные диалекты русского языка как его устойчивые территориальные разновидности, трансформацией которых и являются современные русские говоры» [2]. К примеру, Р.И. Аванесов исходил «из представления о том, что русский язык в совокупности его говоров (или, по принятой им терминологии, – диалектный язык) представляет собой сложную иерархическую систему» [3]. В диалектологической практике РФ наиболее полно изучена лексика говоров центра Европейской части страны, а также кубанских и донских казаков. Так, к примеру, созданы «Словарь кубанского говора» (автор – П.И. Ткаченко), «Большой толковый словарь донского казачества» [4], но специального изучения региональных особенностей лексики, бытующей на Верхней Кубани и Зеленчуках, не проводилось. Тем не менее, уяснение ее специфики возможно лишь в результате понимания того, как исторически сложился основной костяк казачьего населения верхнекубанских и зеленчукских станиц нынешней Карачаево-Черкесии.

Как установлено исследователями, первые поселения русских на кубанских землях относятся еще к раннему средневековью. Переселение происходило в виде мирной крестьянской колонизации и в форме передвижения дружин [5].

В 1860 году Черномория и часть Кавказского линейного войска были объединены; соединенное казачье войско именовано Кубанским. Первоначально казаки селились в низовьях Кубани, а потом стали расселяться и в других районах Северо-Западного Кавказа – от восточного побережья Черного моря до Верхней Кубани и Зеленчуков. Северо-Восточный Кавказ казаки освоили еще раньше, чем Северо-Западный. Еще в середине XVI века на Тереке и Сунже возникло терское и гребенское казачество. В 1783 году Кубанский край был присоединен к России.

Мы придерживаемся мнения ученых, которые считают, что казаки – субэтнос,

предками которого были представители разных этнических групп: восточных славян (русских, украинцев, белорусов), черкесов (современных адыгейцев, черкесов, кабардинцев), «татар» (так русские именовали ногайцев, карачаевцев и других тюркоязычных жителей Северного Кавказа), греков, армян и иного населения, которые, воссоединившись, стали ядром Запорожского казачества. В 1775 г. Запорожская сечь была разрушена: часть казаков ушла в Турцию, часть – на Кубань и в другие места. «Объединение черноморцев, где преобладали украинцы, и линейцев с русским составом населения в рамках единого казачьего войска способствовало их консолидации на межэтнической основе, формированию субэтнической общности и общего самоназвания — кубанские казаки. В лице кубанских казаков государство получило не только отличных воинов, но и рачительных хозяев-земледельцев» [6]. По Ясскому мирному договору между Россией и Турцией (29 декабря 1791 г.), границей между державами была определена река Кубань. Как было отмечено П.П. Короленко: «В то время на левой стороне этой реки жили черкесы разных племен, считавшиеся подвластными турецкому султану; на правой же, пустынной стороне, в следующем году поселились перешедшие с Днестра черноморские казаки, которым императрица Екатерина II грамотой от 30 июня 1792 года поручила охранять кубанскую границу от нападений врагов» [7].

Манифестом Екатерины II от 8 апреля 1783 г. к России были присоединены Крым, Тамань и часть Кубанская области, выделенные во владение Черноморского казачьего войска. Заселение и освоение северокавказского края принесло много горя и потерь не только горцам, но и казакам. Так, свои ощущения этого периода черноморцы выразили в песне:

*«Идут, идут черноморци – назад
ноги гнутця... Як и вспомнят край
родыны – рикой слезы льютця... Бо дай
тоби, Кухаренко, так лэхко лэжаты, якъ
намъ, биднымъ Черноморцямъ, за Кубанью
жыты...».*

В XIX веке были основаны и заселены казачьи станицы по рекам Кубань, Уруп и Зеленчукам. В 1868 г. в этих местах было разрешено приобретать недвижимую

собственность и лицам неказачьего звания, не спрашивая согласия войскового начальства и станичного общества. С этих пор началась мирная колонизация. «Потянулись отовсюду таборы переселенцев: тут были и земледельцы, ... и искатели приключений, и гонимые судьбой на родине, и торговцы, и промышленники, и чиновники... Каких только народностей не встречается в этом массовом потоке! – отмечает Л.Я. Апостолов. – Тут можно встретить и меланхолического полтавца, и бойкого ярославца, и смышленного рязанца, и неуклюжего тавричанина, и латыша, и поляка, и грека, и армянина, и других, явившихся сюда со своим языком и привычками» [8]. Казачье население Кубанской области постоянно пополнялось пришлыми группами населения из Центральной России, Малороссии, представителями северокавказских этносов, что вело к языковой и этнокультурной миксации, этнодемографическая структура казачьего и иногороднего населения Северного Кавказа отражала эти изменения. К примеру, у ногайцев до сих пор сохранился цикл исторических песен «Казак йырлары», т.е. «казачьи песни», в которых говорится о том, как ногайцы уходили в казаки, и это явление зафиксировалось в ногайском фольклоре.

В те годы в казачьей речи появилась разговорно-бытовая лексика с пренебрежительным оттенком значения типа *кацан* – название малороссийскими казаками русских; *мужик*, *городовык*, *хамселан*, *сиволапый* – пренебрежительное название иногородних, свидетельствующая о первичном антагонизме между казаками и иногородними; *варнак*- бродяга или ссыльный и др., ставшая ныне архаичной.

К 1 января 1896 года население Кубанской области было, в основной массе, русским (92,4%) и православным (91,2 %). По данным Л.Я.Апостолова, в тот период русских насчитывалось 1 593 000 душ, а на долю всех остальных приходилось только 132 672 человека [9].

Уникальность казачества заключалась в том, что им было создано несколько локальных культур (например, у запорожцев, донцов, кубанцев, хопёрцев, терцев, некрасовцев, яицких, оренбургских, забайкальских и других казаков), связанных с обширными зонами проживания казаков в

Российском государстве и за его пределами, историческим добрососедством и контактированием с разноязычными народами.

Первые казачьи поселенцы на территории Верхней Кубани и Зеленчуков – это выходцы из Малороссии (Украины), с берегов Дона, Волги, Хопра, Кубани. В верхнекубанских станицах сохранился фольклор не только русских, но и украинских (запорожских) казаков. Приведем пример из казачьей песни:

«Ой, на, ой, на гори тай жныци жнуть, а по-пид горою, гаем, дольною козакы йдуть. Гэй, дольною, гэй,гэй! Широкою козакы йдуть. А за, а за ными Сагайдачный. А за ными вийско, вийско запорижьске...».

«Переселение из Запорожья на Черноморье, создание казачьего войска, контакты русского и украинского населения с горским, обеспечение их жизнеспособности как общности находились в прямой зависимости от состояния отношений с соседними народами» [10]. Контакты славян с горским населением обусловили специфику в развитии русского языка: появление в нем субстратных явлений. Постепенное смешение разных речевых стихий: русской с ее многочисленными диалектами, малороссийской (украинской), белорусской и длительное в историческом плане взаимодействие с кавказскими и тюркскими народами – сформировало специфику казачьей речи Верхнего Прикубанья и Зеленчуков.

Являясь одной из локальных этнографических групп кубанского субэтноса, верхнекубанские и зеленчукские казаки сохранили основу общеславянской локальной культуры, впитав в себя также традиции культуры других народов (кавказских, тюркских и иных). Наблюдения над речью казаков Верхней Кубани и Зеленчуков позволяют назвать ее основные особенности по сравнению с нормированным русским литературным языком. Верхнекубанское казачество говорит на южнорусском диалекте современного русского языка. Для разговорной речи и фольклора его жителей характерна стилистическая пестрота лексики, использование ее разговорных (нелитературных) и литературных вариантов, исконных и заимствованных лексем, напр.: *шибать, табанить, жахаться, шармицы, бешимет, шарашка, викно, шалаться, ча-*

кать, шалабан, шибко, шворка, шербошить, шастать, шалава, валух, буکان, бузовать, иматок, итурма, бирюк, скрозь, враз, шлендать, кладка, отава, бурдюк, бузивок, будылья, видмидь и т.п. Приведем примеры из казачьих песен: *Казак отъезжае, дивчина пытае: Куда ж ты йидышь, ой, казачек. Мий козак, щей соколык, на, возьмы мэнэ с собою на Вкраину, ой, далэку; Сама встала, его не сбудыла, щей с передней викно затулыла; Ой, ходымо, жинко, ходымо до дому. Тай пидэмо, жинко, бурякы копаты; Пил я воду, пил холодну, пил, не напивався, любил жинку, дивчиночку, аж во сне жахавься и т.п.*

Как и в других многоэтничных регионах РФ, региональная русская речь казаков Верхней Кубани и Зеленчуков содержит заимствования из других национальных языков народов Карачаево-Черкесии. Так, в устной и письменной речи казаков, живущих в КЧР, широко употребительны национальные топонимы типа *Адыге-Хабль, Учкулан, Теберда, Кызыл-Юрт, Псыж, Эльбурган, Домбай, Архыз, Кайдан, Таланта, Джегута, Сары Тюз* и др. О влиянии инонациональной речи на казачью речь жителей КЧР свидетельствует тот факт, что в русскую речь из кавказских и тюркских языков вошли такие, например, лексемы, как: *аркан, черкеска, газыри, айран, хычин, тузлук, сохта, джерме, берек, либжа, гедлибже, катлама, гедгин (геджин), паста, тамада, нагайка, локум, ногай чай, халива, шаровары, кумган, арчак, сакля, товарный, серьга, бикет, буерак* и т.п., связанные с названием предметов быта, местная топонимика, названия блюд, кушаний и украшений. Национальная лексика входит в литературную русскую речь не только из живой разговорной речи нерусских, но и посредством переводов художественных произведений на русский язык, напр.: *Хочалай собирает кизяк или колет дрова, моет казан* или чистит картошку – *Хур-Хур* неизменно где-то рядом (М.Батчаев. Серебряный дед); *Каждый полдень, когда ласковое солнце нависало над аулом, Серебряный дед, совершив обеденный намаз, приходил к нам (там же).*

В устной разговорно-бытовой речи казачьего населения КЧР наблюдаются лексические средства, возникающие под влиянием южно-русского диалекта и силь-

но украинизированной казачьей речи, когда, например, лексема *ныхай* параллельно используется с «пусть», *сернык* и "спички", *вин* и «он», *чаплийка* и «сковородник» (кухонная принадлежность для передвигания сковородок), *чеботарь* (сапожник), *гонобывать* и «приобретать», *гаманець* и «кошелек», *гас* и «керосин», *враз* и «тотчас», *гребовать* и «брезговать», *фатера* и "квартира", *дратувать* и дразнить, *доля* и судьба, *поштарь* и почтальон, *варнакать* и «неумело готовить пищу», *виз* и «воз», *корчия* и «лихорадка», *крыкльвыця* и «плач маленьких детей по ночам», *шлычка* – женский головной убор, *курсак* и живот, *ухандокаць* и «убить», *паска* и «пасха»; *дуля* – фи́га, *шо* – что, *кочет* – петух, *кендюх* – свиной желудок, *узвар* – взвар, компот, *шпундра*, *межыво* – названия блюд, *сокыра* – топор, *кыдать* – кидать, *мабуць* – может быть, *соняшнык* – подсолнух, *кисто* – тесто, *свайба* – свадьба, *морда* – обличие, *байда* – плоскодонная лодка, *курень* – дом в степи, в котором живут в период полевых работ, *мужик* – иногородний, *насиння* – семена подсолнечника, *швидче* и *скориш* – быстрее, *добре* – хорошо, *обчество* – общество, *осклизнуться* – поскользнуться, *пошты* – почти, *пластуны* – пешие казаки, *цибуля* – лук, *парубок* – парень, *жартувать* – рассказывать, *кошель* – плетеный из хвоста закром для зерна, *святковать* – праздновать, *разбишак* – разбойник, *череднык* – пастух, *наймит* – батрак, *кохта* – стеганый халат, длинная кофта, *молодыця* – девушка, *соняшнык* – подсолнух, *балакать* – разговоривать, *спивать* – петь, *сокыра* – топор, *батько* – отец, *яблуко* – яблоко, *куштувать* – пробовать еду, *горище* – чердак, *гличик* – кувшин, *парубок* – юноша, *виз* – воз, телега, *скориш* – быстрее, *молодык* – казак-допризывник, *животына*, *худоба* – скот, *мисяць* – месяц, *шулюм* (суп), *чи* (или), *тарань* (небольшая рыбка семейства карповых), *вьюшка* (заслонка в русской печи), *хорониться* (прятаться), *цыбарка* (ведро) и др. Подобные украинизированные лексемы бытуют не только в устной русской речи жителей казачьих станиц, но их можно заметить и в городском просторечии. Специфика фонетики устной казачьей речи Верхней Кубани и Зеленчуков также проявляется под влиянием южнорусского диалекта русского языка, например, произно-

шение "г" не как взрывного, а как фрикативного заднеязычного звука (в словах типа "голова", "городской", а также в наречиях типа когда, тогда, никогда, всегда, иногда, где, нигде), замена "ф" сочетанием "хв" (*Хведор* вместо *Федор*, *Хвеня* вместо *Феня*, *хвартук* вм. *фартук*), произношение мягкого т' в глаголах третьего лица единственного и множественного числа (*он делаеть*, *читаеть*, *они идуть*), ошибки в употреблении местоимений (*мий*, *твий*) вместо *мой*, *твой*, мягкого и твердого в (*кров* вм. *кровь*), иноязычных слов (*какава*, *цляфан*), *зализо* – вм.железо и т.п.

Речевыми недочетами являются случаи произношения и ненормативного ударения в словах типа *крапива* (вместо *крапива*), *дочка* (вм. дочка), *маляр* (вм.маляр), *хозяева* (вм. хозяева), *блюда* (вм.блюда), *средства* (вм. средства), *досуг* (вм. досуг), *начать* (вм. начать), *протокол* (вм. протокол), *каталог* (вм. каталог), *принять* (вм. принять), *значимость* (вм. значимость), *квартал* (вм. квартал), *заняться* (вм. заняться), *жестоко* (вм. жестоко), *красивее* (вм. красивее), *телевизир* (вм. телевизор) и др.

Невысокий уровень современной речевой культуры связан с низким уровнем филологической культуры в стране в целом, влиянием речевого бескультурья в центральных и региональных средствах массовой информации, влиянием южнорусского говора, отсутствием социального контроля над корректностью русской речи в процессе межнационального общения, неполным знанием норм современного русского литературного языка, разных в каждом функциональном типе русской письменной и устной речи и др. К примеру, в станице Зеленчукской, в русской речи жителей казачьего райцентра КЧР, широко распространены речевые недочеты в употреблении местоимений, к примеру, «*Где* идешь?» (вместо «*Куда* идешь»), *чого* (вм. что), или типичное для разных регионов РФ просторечное смешение словоупотреблений глаголов «одеть» и «надеть» и многие речевые недочеты, связанные со смешением грамматической семантики.

Сегодня мы являемся свидетелями перехода к информационной эпохе. Ее основной чертой являются сети Интернет-среды, связывающие людей, регионы и гос-

ударства. Однако стилистика многих Интернет-текстов не всегда укладывается в систему функциональных типов русской литературной речи. К сожалению, под влиянием живой разговорной речи с избыточными в ней диалектизмами, жаргонизмами, варваризмами, нелитературными и просторечными элементами, а также под влиянием части средств массовой информации (особенно – телевидения, прессы, Интернета, Рунета) русский литературный язык постепенно трансформируется, утрачивая практику использования литературного высшего и среднего стилей. Например, во многих программах центрального телевидения, являющихся эталоном для региональных СМИ, используется только низший стиль русской речи.

Например, лексему *общество* в русскую речь в свое время ввел В. Третьяковский; *верхосытка* успешно заменена *десерт*. Многие иноязычные слова постоянно входят в наш речевой обиход при описании новых иностранных технологий, реалий западного быта, что является нормальным явлением. В результате процесса глобализации и русская речь молодых казаков засоряется «англицизмами - американизмами», т.е. чрезмерным засильем иностранных слов без надобности, когда данное слово уже имеет исконный литературный эквивалент. Писатель А.А. Устинов в публицистических заметках о судьбах нашей Родины заметил, что часть нашей элиты и СМИ намеренно копируют Запад во всем: «...ничего другого, – пишет А.А. Устинов, – как копировать Запад, «они» не могут. Не перенимать и осваивать прогресс, а просто копировать, заменяя квас кока-колой, блин и пирог гамбургером, русскую песню – иностранными хитами, русскую сказку – диснейлендом, школу – колледжем, друга – партнером, любовь – сексом» [12], магазин – супермаркетом, продавца – менеджером по продажам.

Ученых беспокоит толерантное отношение семьи и общества к использованию в речи бранной лексики, стоящей за пределами норм русского литературного языка. С прискорбием мы наблюдаем, как казачья молодежь, а также носители «материнских языков» народов Карачаево-Черкесии используют матерщину, ненормативную лексику, так и не овладев несмет-

ными сокровищами нормированного современного русского литературного языка. Хотелось, чтобы матерное словотворчество изжило себя в повседневной жизни, а тем более на страницах книг, художественных произведений, в Интернет и Рунет-среде.

В казачьей речи Карачаево-Черкесии встречаются лексико-фразеологические недочеты, представляющие собой употребление слов и фразеологизмов в ненормативных значениях, нарушение лексической сочетаемости слов, повторы, тавтологию, напр.: *Осторожно, перекинешь аквариум*) вместо *перевернешь, опрокинешь* (в устной речи). Например, не только в устной речи, но и в письменных работах обучающихся встречаются ошибки такого типа: *В романе хорошо разработана тема нереализованной любви* (нарушение сочетаемости слов в курсовой работе студента). *Фольклорист причащается к духовным сокровищам народа* (неверный выбор глагола "причащается" вместо "приобщается" из-за смешения семантики лексем).

Нередки случаи стилистически неправильного использования слов:

а) наречий, напр., *прочно* поселившиеся, поступить *заочно*;

б) имен прилагательных, напр.: *добротный* очаг культуры, *скоропостижный* приезд;

в) имен существительных, напр.: *герои успеха, до глубины дыхания* памятливы и др.

Итак, в казачьем тезаурусе, бытующем в верховьях Кубани и Зеленчуков, значительную часть занимает общеславянская, русская, а также украинская и региональная кубанская лексика, сформировавшиеся в результате взаимовлияния речи славянских жителей и многоэтничных носителей тюркских, кавказских и других языков региона. Дальнейшее изучение региональных особенностей и субстратных явлений в казачьей речи – одна из актуальных задач, стоящих перед учеными.

Примечания:

1. См.: Сайт *Петра Ткаченко*. Posted on 17. 05.2011 by admin.

2. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып 1. М., 1986. С. 5.

3. Диалектологический атлас... , С. 14.

4. Цит. по: Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004. С. 531 – 532.

5. См.: Большой толковый словарь донского казачества / Ред. Дегтярев В.И., Кудряшова Р.И., Проценко Б.Н., Сердюкова О.К. М., 2003; Словарь русских донских говоров. В 3 томах. / Авторы-сост. Валюсинская З.В., Выгонная М.П., Дибров А.А. и др. Ростов-н/Д, 1975 – 1976; Энциклопедия казачества / Сост. Г.В.Губарев. Редактор-издатель А.И.Скрылов. М., 2008.

6. См. об этом: *Куракеева М.Ф.* Верхнекубанские казаки: быт, культура, традиции (XIX – нач. XX вв.). Черкесск: КЧИГИ, 1999. С.278; *Карданова А.Х.* К вопросу заселения Кубани казаками // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып.8. Майкоп, 2012. С.81 – 86.

7. См.: Сайт *Валерия Ратушняка*.

8. *Короленко П.П.* Горские поселенцы в Черномории // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004. С. 451.

9. *Апостолов Л.Я.* Географический очерк Кубанской области // Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа. Вып. 23. Тифлис, 1929. С. 229; Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. [Серия «Кавказский литературно-исторический Олимп». Раздел «Этнография». Выпуск 9 / Сост. П.А.Кузьминов]. Нальчик: Эль-Фа, 2004.

10. *Гумилев Л.* От Руси до России. Спб., 1992. С.227.

11. См.: *Щербина Ф.А.* История кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т.2.

12. *Устинов А.А.* «Futurum», или О разделении России на «мы» и «они» // Жизнь национальностей. 2004. №2. С.45.

Т.Ю. Власкина

Образ воды в речевой практике населения дельты Дона*

Изучение исторической динамики традиционных представлений, составляющих основу мировоззрения современного населения России, – задача актуальная,

многоаспектная и достаточно сложная. Определенные затруднения связаны, в частности, с тем, что в большинстве случаев исследователь может говорить о неидеологических причинах и четких временных границах частных мировоззренческих трансформаций лишь предположительно. Возможность изучения данной проблемы на материалах культуры, точно локализованной во времени и пространстве и имеющей прозрачные системно-функциональные характеристики, представляется столь же благоприятной, сколь и редкой. Именно такую возможность открывает обращение к особенностям мировоззрения восточнославянского населения дельты Дона [1].

Современная поселенческая система начала формироваться здесь только после присоединения северо-восточного Приазовья к России – в середине XVIII в. Этнический состав поселенцев, их социальный статус и характер правовых отношений между ними определялись Потемкинским планом освоения Новороссии, а также традиционными претензиями Войска Донского на рыбные ловли в донских гирлах и на прилегающем побережье Азовского моря.

В основном жителями вновь образованных поселений стали выходцы из различных районов современной Украины и южнорусских губерний. В связи с малочисленностью донцов после булавинского разгрома казаки «старожильных» низовых станиц составляли в дельте Дона не более 20 %.

Обитатели лесостепного российского юга оказались в условиях поймы большой европейской реки, для которой типичны внезапные перемены погоды, сгонно-нагонные явления, ураганные ветра и высокая влажность при значительной амплитуде годовых температур. Сложный режим ледовых образований, включая оледенения и выход на берег мощных ледовых масс, многометровые сезонные подтопления, необъятные разливы паводковых вод, гнус, заболоченность. Все эти проблемы чрезвычайно осложняли освоение дельты, которое сопровождалось значительным оттоком переселенцев и высокой смертностью.

Положение усугублялось тем, что крестьяне из регионов развитого земледелия и животноводства были вынуждены осваивать новые биоресурсы. Однако именно экономические выгоды рыбной ловли

* Статья подготовлена в рамках проекта «Природно-хозяйственные доминанты формирования культурно-языкового своеобразия населения дельты Дона (XVIII–XXI вв.)». Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях напряженности».

вместе с преимуществами сословного статуса стали прагматической основой приспособления мигрантов к непривычной среде. В процессе адаптации они опирались на опыт донского и запорожского казачества, вырабатывали собственные оригинальные решения.

В результате, менее чем за 300 лет, потомки восточнославянских земледельцев создали самодостаточную промысловую культуру, самобытную систему выживания в прибрежных и островных условиях, освоили новые схемы социального взаимодействия. Глубокие изменения затронули и материальную, и духовную культуру, породили нетривиальные аспекты мировоззрения [2].

Достаточно цельно признаки культурного своеобразия проявляются в традиционной модели мироустройства, которая реконструируется путем анализа этнолингвистических и устноисторических материалов. В наивной картине мира земля и вода как будто меняются местами: их бинарные характеристики, призванные подчеркнуть различия и аксиологически противопоставить одну стихию другой, значительно отличаются от привычных для восточнославянских земледельцев клише. Вода, а не земля дает пропитание, обеспечивает пути сообщения, служит территорией для гуляний, торжищ, проведения обрядов [3].

Особенный статус воды ярко проявляется в тенденции, характерной для местной речевой практики: в материалах, записанных в 2013 г. от жителей с. Кагальник и х. Донского, ВОДА устойчиво выступает в значениях, которые в славянских семиотических системах обычно соотносятся с понятиями БОГ, СУДЬБА, ВРЕМЯ [4].

Приведем ряд выражений, в которых проявляются различные аспекты образного восприятия воды.

Вода уподобляется высшей силе, является выражением непостижимого и неотвратимого Божьего Промысла: *вода дала – вода взяла; с водой пришло – с водой и ушло.*

Вода – носитель высшей мудрости, она обнажает скрытую истину: *вода человека кажет* (показывает); *воду не обманешь; вода не соврет; вода правду видит.*

Вода служит эквивалентом жизненного опыта и качества самой жизни: *моло-*

дой еще (о человеке), *горькой* (соленой, морской) *воды не видел, одну сладкую* (пресную); *вся жизнь прошла – с горькой воды на сладкую перепихались* (гребли на веслах); *ну и жизнь настала – чистой воды не найти.*

Упоминание воды может маркировать образ Родины: *и белуга помнит на какой воде народилась; нет родной воды слаже.*

Вода – источник материальных благ, она связана с представлениями о доле и удаче: *вода придет, рыбой зальет; будет вода – будет и рыбка; вода прибывает, да не всяк рыбку добывает.*

Вода становится мерилем значимых сроков: *доживем до воды – посмотрим; вода придет – увидим.*

Дожить до воды; дождаться воды означает дожить до весны, пережить тяжелое зимнее время. В этом контексте вода даже без специальных определений *горючая, московская* (вешняя) синонимична весне, т.е. выступает обозначением рубежа смены холодного и теплого времен года.

Воды дождем – еще поживем, говорят старики, потому что, согласно поверью, если пожилой человек дожил до нового ледохода и разлива реки, то в этом году еще не пришло его время умирать.

Прийти с воды – буквально ‘сойти на берег’, ‘вернуться с промысла’, а иносказательно – ‘оставить занятие рыбной ловлей’: *До замужества рыбалила, а как замуж вышла, пришла с воды.* Таким образом, вода не только противопоставляется земле, предстает пространством с особыми физическими характеристиками и территорией для специфической деятельности (ср.: *прийти с поля*), но и символизирует определенный образ жизни (ср.: *прийти с войны, выйти на пенсию*).

В целом образ воды в восточнославянской картине мира иной, поскольку большинство его традиционных составляющих связано с символическим статусом чужого иномирного пространства [5].

Нужно сказать, что в современной речевой практике с. Кагальник и х. Донского бытует множество подобных выражений. Однако только некоторые из них фиксируются в качестве готовых воспроизводимых единиц, другие выглядят продуктом продолжающегося осмысления значимости воды и постоянно генерируются в новых со-

четаниях и оттенках смысла. Возможно, именно это доказывает, сколь актуальны данные мировоззренческие поиски, идеи и символы в сознании населения дельты Дона.

Приведенные словосочетания неоднородны по структуре. Одни из них можно отнести к пословицам. Наиболее устойчивые из таких конструкций образованы путем замещения словом *вода* других слов в известных клише:

Бог дал – Бог взял [6] / *вода дала – вода взяла*,

как пришло, так и ушло [7] / *с водой пришло, с водой и ушло*.

Другие представляют собой свободные словосочетания, сформированные вокруг формульного ядра:

молодой еще, горькой воды не видел, одну сладкую.

Зафиксированы серии однотипных высказываний близкого содержания:

воду не обманешь / вода не совет / вода правду видит,

доживем до воды – посмотрим / вода придет – увидим.

Содержание выражений, как правило, многоаспектно или, точнее, многослойно, поскольку на разных уровнях восприятия смысл высказывания может быть акцентирован по-разному. Это связано с тем, что обобщенно-целостное содержание сохраняет связь со значениями отдельных компонентов, образное или реалистичное осмысление которых варьируется в рамках различных знаковых систем. Так, оппозиция *сладкая вода / горькая вода* на самом общем уровне означает для носителя национального языка противопоставление хорошего, легкого – плохому, тяжелому. Местный житель, владеющий диалектом, «услышит», что речь идет о пресной речной и о соленой морской воде, которые могут противопоставляться одна другой как пригодная для питья и непригодная, т.е. плохая и хорошая. Однако и второе аксиологическое значение оппозиции также сохраняется и получает дополнительное реалистическое обоснование: рыбаки дельты знают, что судоходство и рыбная ловля проще и безопаснее – легче – на реке, чем в море.

Обыденное и эмпирическое восприятие высказываний, ядро которых составляет клише *горькая / сладкая вода*, существенно

углубляется, если принять во внимание их символическое значение, свойственное не только каноническому, но и народному православию. Библейские тексты, в которых упоминается сладкая и горькая вода, традиционно истолковываются как призыв к стойкости и верности своим принципам, независимо от внешних обстоятельств [8], а переход от горькой воды к сладкой – как обретение места для жизни, веры и Господнего покровительства после блуждания в неверии по безжизненной пустыне [9].

Приведем еще один пример того, как могут формироваться различные уровни содержания речевой формулы.

Вода дала – вода взяла; с водой пришло, с водой и ушло – говорят об ущербе от наводнений, прозаически подразумевая рыбопромысловое происхождение доходов местного населения.

Стихийность, непредсказуемость и даже некоторая несправедливость подобной экономической опоры более явно акцентирована во втором случае, поскольку в обыденном сознании жителей дельты грань между удачливым и противозаконным ловом довольно прозрачна. Местное реалистическое восприятие усиливается мифологической оценкой богатства, происхождение которого славянские народы нередко считали сверхъестественным и нечистым [10].

В более отвлеченном контексте оба выражения философски утверждают временность земного счастья и материального благополучия.

Фольклорно-этнографическая традиция возводит частные сентенции в ранг мифологических размышлений о происхождении и цикличности человеческой жизни. Согласно местным поверьям, по воде приплывают новорожденные дети, а универсальные представления о мировой реке, разделяющей тот свет и этот, получают развитие в обрядовой практике лодочной переправы погребальных процессов [11].

Таким образом, наиболее очевидными основаниями в механизме порождения смысла, помимо общенациональных культурно-языковых ассоциаций и восточнославянской народно-православной традиции, являются значения диалектной терминологии, местные фольклорные образы и этнографические практики и в особенности спе-

цифический эмпирический опыт. Последняя группа оснований предстает как уточняющая и развивающая более общие универсальные смыслы. Именно поэтому, правомерно рассматривать образ воды, зафиксированный у рыболовов дельты Дона, не в качестве инновации или заимствования, а как закономерный результат развития традиционных представлений в изменившихся природно-хозяйственных условиях. Новое содержание образуется как из прямых диалектных значений слов, отличающихся от общенациональных, так и в результате семантического переосмысления и изменения переносных значений устойчивых словосочетаний. Произвольное тиражирование взаимозаменяемых форм одного смыслового наполнения обнаруживает существование устойчивой мировоззренческой основы и свидетельствует том, насколько мобильными и глубокими могут быть трансформации традиционных образов под воздействием новых реалий.

Примечания:

1. Работа опирается на материалы полевых исследований в дельте Дона, которые проводились диалектологическими, этнолингвистическими и этнографическими экспедициями РГУ (2003 г.), ЮНЦ РАН, ИСЭГИ ЮНЦ РАН и ЮФУ (2009, 2011–2013 гг.), а также на данные стационарных наблюдений БНЭБ ЮНЦ РАН «Кагальник» и НЭС ЮНЦ РАН «Донской» (2012–2013 гг.).

2. Матишов Г.Г., Власкина Т.Ю., Венков А.В., Власкина Н.А. Социально-исторический портрет дельты Дона: казачий хутор Донской. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 216 с.

3. Там же. С. 144–159.

4. ПМДЭЭ ЮФУ (2013 г.), ПМ МКЭиКП ЮНЦ РАН (2013 г.).

5. Виноградова Л.Н. Вода // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. / под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 386–390.

6. Иов.1: 21. Библия.

7. Ср.: «Неправедное – как пришло, так и ушло; а праведная денежка век кормит». Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. Владимира Даля. СПб.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1879. Т. 1. С. 210.

8. Иаков. 3:10–11. Библия.

9. Исх. 15:23–25. Библия.

10. Толстой Н.И. Богатство // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. / под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 204.

11. Матишов Г.Г. и др. Ук. соч. С. 166, 182.

Сокращения

БНЭБ – Береговая научно - экспедиционная база

ИСЭГИ ЮНЦ РАН – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук

НЭС – Научно-экспедиционный стационар

ПМДЭЭ – Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций

ПМ МКЭиКП ЮНЦ РАН – Полевые материалы Музея казачества, этнографии и культуры Приазовья Южного научного центра Российской академии наук

РГУ – Ростовский государственный университет

ЮНЦ РАН – Южный научный центр Российской академии наук

ЮФУ – Южный федеральный университет

III. ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

И.Х. Заубидова

Литературное и историческое краеведение в альманахах Д.И. Суздальцева

В фондах Карачаево-Черкесского музея-заповедника с 1970 годов стало формироваться мемориальное дело Суздальцева Дмитрия Ивановича – учителя и краеведа. Свою автобиографию, копии документов – переписку с госучреждениями о помощи в подготовке и издании альманахов, письма родных и близких героев его очерков и статей Дмитрий Иванович принес в музей в 1975 году.

А в 1976–1977 гг. в музей поступили все литературно-художественные и литературно-этнографические альманахи, изданные с 1964 по 1975 гг. Всего 18 томов.

Вот некоторые страницы из автобиографии Суздальцева Д.И.: «Я, Суздальцев Д.И., родился в 1898 году в селе Нагутском Ставропольской губернии, детство провел в станице Суворовской Кубанской области.

Отец – крестьянин, выходец из Тамбовской губернии, родился в 1868 году. Когда ему было 2 года его родители ушли пешком в лаптях из Тамбовской губернии в Кубанскую область. Шли более двух месяцев. Поселились в станице Суворовской.

Сначала я учился в приходской школе, затем в двухклассной школе, потом в городском училище и в гимназии.

Из 5 класса сбежал и был беспризорником в Москве с 1914 по 1915 год.

В 1917 году был на турецком фронте.

В 1920 году окончил 8 классов трудовой школы и педагогические двухмесячные курсы, где преподавали методику русского языка, арифметики, географии, естествознания, сапожное дело и пчеловодство.

Я начал учительствовать в начальной школе хутора Александро - Михайловского (ныне хутор Новая Деревня, Невинномысского района). Полгода нам вместо зарплаты выдавали по пуду муки в месяц, мне пришлось наряду с педагогической работой

заниматься сапожничеством – чинил хуторянам обувь, за что получал продукты питания».

Фото. Дмитрий Иванович Суздальцев

С 1923 по 1925 год Суздальцев Д.И. работал учителем в школе станицы Кисловодской. В 1926 – 1927 гг. учился на литературном факультете в Горском пединституте во Владикавказе. В 1927 году перевелся в Саратовский университет, где учился на факультете права и хозяйства (юридический). Окончил университет в 1929 году. В 1929 году поступил на работу юрисконсультом в Самарский коммунальный трест, где проработал три года. В 1932 году переехал в г. Микоян-Шахар (ныне г. Карачаевск), где вначале был юрисконсультом в Карачаевском облпотребсоюзе, затем преподавателем русского языка и литературы в педрабфаке, в педучилище, в медтехникуме.

С 1941 по 1944 год был в Красной Армии, служил в саперной части, которая строила противотанковые рвы и другие

военные сооружения. Тяжелый физический труд и плохое питание истощили организм уже немолодого человека, его направили в госпиталь в г. Баку – по болезни и слабости он был совсем освобожден от службы.

В 1944 – 1960 гг. работал в школах Карачаевска и Черкесска.

Жена Д.И.Суздальцева – Яцких Тамара Григорьевна была учительницей литературы, вела большую общественную работу, была руководителем литературного кружка на Черкесском заводе низковольтной аппаратуры.

Тамара Григорьевна помогала мужу в подготовке и издании альманахов, входила в редколлегию нескольких изданий – «Долина Зеленчуков», «Кубанское ущелье», «Завод НВА».

Первый номер литературно - художественного альманаха «Рассвет», о Черкесском заводе холодильного машиностроения – первом заводе Карачаево-Черкесии – вышел в свет в июле 1964 года.

В альманахе дана не только историческая справка о становлении завода, но и редкие фотографии первых рабочих завода: Н.Н. Дубровского, Н.Н. Подгорного, А.И. Литвинова, В.И.Слюсарева, А.И. Федорова, А.И. Хрулова; информация о том, как первые рабочие Н.А. Рончко, В.И. Слюсарев, А.И. Федоров и другие привезли на волах из рудника «Эльбрус» 2 токарных, 2 сверлильных станка и вентилятор для кузнечного горна (один станок из этих станков – экспонат Карачаево-Черкесского музея-заповедника).

В 1923 году мастерские по ремонту сельхозмашин вошли в состав «Батпромкомбината», а в 1927 году комбинат реорганизовался и получил новое название завода «Молот». Были построены литейный, кузнечный и механические цеха. С 1960-х годов – это завод холодильного машиностроения.

В 1966 году изданы 2 тома альманаха «Тебердинское ущелье».

Около двух лет собирал материал для этого сборника Дмитрий Иванович Суздальцев. Ему помогали ученые, журналисты, краеведы. В редколлегию входили Утяков П.А. – краевед, член Географического общества СССР, В. Ткаченко – старший научный сотрудник Тебердинского заповедника, учителя школ.

На двухтомник альманаха «Кубанское ущелье», изданный в ноябре 1967 года, и альманах «Тебердинское ущелье» была дана доброжелательная и поэтическая рецензия писателем Леонидом Соболевым в газете «Литературная Россия». В письме Д.И. Суздальцеву Леонид Соболев советовал продолжать работу по созданию альманахов – «энциклопедии жизни народов Карачаево-Черкесии».

В редколлегию альманаха «Кубанское ущелье» входил и С.Д. Мастепанов – учитель средней школы пос. Шахты №6. В этот альманах вошел его очерк «Друг горцев»: об Н.Г. Петрусевиче – начальнике Эльбрусского военного округа, который строил мосты и дороги, открывал больницы и школы в Карачае, о нем слагались легенды, он был самым авторитетным и справедливым судьей в Карачае.

С.Д. Мастепанов в своём очерке дает живую и обстоятельную картину жизни и деятельности Н.Г. Петрусевича.

Альманахи Дмитрия Ивановича Суздальцева: «Долины Зеленчуков», «Малый Карачай», «Заря» – о заводе резинотехнических изделий, «Химзавод», «Мясокомбинат», «Псыж», «Бесленей», «Кавказ» – о Черкесской обувной фабрике – это летопись, отражающая историю и трудовые будни всех народов многонациональной Карачаево-Черкесии.

По материалам «альманахов Д.И. Суздальцева» (музейные работники так называют эти издания) можно изучать историю Карачаево-Черкесии, можно узнать много интересных фактов из повседневной жизни главных персонажей «альманахов»: ученых, писателей, врачей, учителей, тружеников села, рабочих, об археологических памятниках Карачаево-Черкесии, об участниках и героях Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.

В альманахи включены пословицы и поговорки, собранные Дмитрием Ивановичем в карачаевских, абазинских, осетинских аулах. Возможно, этой информацией он делился с С.Д.Мастепановым – профессиональным собирателем пословиц и поговорок. Известно, что они поддерживали эпистолярные и личные связи долгие годы.

В мемориальном деле (Ф.10. Д.108) Суздальцева Д.И. есть два журнала «Prover-

bium»: № 8 за 1967 г. и № 16 за 1971 г., изданных в Хельсинки (Финляндии).

В журнале № 16 (1971) есть автограф Сергея Даниловича Мастепанова: «Дмитрию Ивановичу Суздальцеву, страстному краеведу, журналисту, в знак своей признательности и уважения. 28.IV-1971г. п. Шахты № 6».

Рукописные альманахи Суздальцева (тексты альманахов не типографские, а машинописные) – коллективный труд ученых, писателей, журналистов, учителей, которых он увлек своим энтузиазмом и любовью к краеведению. Оформляли альманахи художники Н.Г. Кузнецов и А.П. Калантаевский.

Дмитрий Иванович Суздальцев – большой любитель художественной и исторической литературы. Долгие годы он собирал произведения писателей и поэтов многонациональной Карачаево-Черкесии. В фондах Карачаево-Черкесского музея - заповедника хранятся книги с автографами О.Я. Хубиева, А.Н. Охтова, Х.Х. Гашокова., Х.Б. Байрамуковой, М.Х. Батчаева и других, переданные Суздальцевым музею. По его инициативе при Карачаево-Черкесском областном отделении Союза писателей РСФСР была создана народная библиотека, в которой были собраны книги писателей, их рукописи, личные вещи, фотографии. У него была мечта создать литературный музей Карачаево-Черкесии.

Собранный им материал по аулам Хурзук, Икон-Халк, Коста Хетагурова, Баралки, Спарта, Апсуа, по станице Зеленчукской – для отдельных альманахов – так и не увидел свет.

Он пишет в своей автобиографии: «...Собрал очень много интересных материалов, но не мог закончить, заболел гипертонией, плохо стал видеть, но не падаю духом, креплюсь. Хотел включить в альманах по Зеленчукскому району биографию и отрывки из произведений Федосеева Г.А. из станицы Кардоникской (Федосеев Г.А. – автор книг «Тропой испытаний», «Злой дух Ямбуя» – уроженец станицы Кардоникской), хотел включить статьи о памятниках древней культуры».

Далее он пишет: «...Мы много сделали по сбору материалов в осетинском селе им. Коста Хетагурова, село названо именем великого осетинского поэта, я внес

предложение о необходимости одну из улиц г. Черкесска переименовать на улицу Коста Хетагурова. Черкесский горисполком оценил мое предложение, вынес решение о переименовании улицы Дальней в улицу Коста Хетагурова, о чем мне сообщил горисполком своим письмом». В автобиографии есть несколько тёплых слов и о Сергее Даниловиче: «...У нас много замечательных людей, [таких] как учитель-пенсионер Мастепанов Сергей Данилович, собиратель пословиц и поговорок народов Карачаево-Черкесии и Северного Кавказа, который каждое лето ездит в командировку в Москву за свой счет для сбора материалов».

В семье Д.И. Суздальцева и Т.Г. Яцких было трое детей, два сына – инженеры, кандидаты технических наук, дочь Вера Дмитриевна – учительница, работала в школах Черкесска, как и отец – она тоже краевед и энтузиаст. Дочь в конце 1970 годов уехала в г. Набережные Челны, куда затем уехал и Дмитрий Иванович. Оттуда пришло его последнее письмо, датированное 17 марта 1980 г.

В заключение приведём номера фондов Карачаево-Черкесского музея - заповедника (КЧМЗ), содержащих материалы о литературно-краеведческой деятельности С.И. Суздальцева и С.Д. Мастепанова: **А. Личные фонды:** 1) Ф. 10. д. 108 – Суздальцев Д.И.; 2) Ф.10. д.47 – Яцких Т.Г.; 3) Ф.10. д.411 – Мастепанов С.Д.; **Б. Журналы:** 1) Ф.10.д.108 – Журнал «Proverbium» № 8. 1967 г. С. 177 – 180.; 2) Ф.10.Д.108 – Журнал «Proverbium » № 16. 1977 г. С. 583 – 586; **В. Альманахи:** 1) ОФ.6439, 6440 – Альманах «Кубанское ущелье»; 2) ОФ.6442 – Альманах «Тебердинское ущелье»; 3) ОФ 6437/1,2; 6438/1,2 – Альманахи «Долина Зеленчуков»; 4) ОФ 6441/1,2 – Альманах «Малый Карачай»; 5) ОФ 5536, 5537 – Альманах «Аул Бесленей»; 6) ОФ 9070 – Альманах «Псыж»; 7) Альманах «Рассвет», 1964 г., 1965 г., 1966 г., 1972 г.

Л. Г. Орёл

**Об истории создания
школьного музея Т.Г. Шевченко
в станице Малотенгинской**

9 марта 2013 года исполнилось пятьдесят лет с того памятного дня, когда в небольшой сельской школе № 18 станицы Малотенгинской Отрадненского района Краснодарского края открыл двери школьный музей, посвященный украинскому поэту и художнику, великому Кобзарю, Тарасу Григорьевичу Шевченко.

Произошло это событие 9 марта 1963 года в преддверии подготовки к 150-летию со дня рождения поэта.

Музей был создан в невероятно короткий, почти нереальный срок – за полгода.

Организатором и душой будущего музея стал завуч школы, учитель истории, Орел Василий Николаевич. Наверное, благодаря энтузиазму, большим организаторским способностям, кипучей энергии В. Орла и можно было осуществить в столь короткий срок этот грандиозный, как бы сейчас сказали, проект.

Музей был самый настоящий – со всеми атрибутами – вывеской, инвентарной книгой, куда записывали все поступающие экспонаты, их стоимость, откуда поступили, а также книгой отзывов и предложений.

При музее был создан Совет из пяти человек. Председателем Совета была избрана ученица 7 класса Галя Даньшина. Из числа школьников подготовлено 4 экскурсовода. Музей работал один раз в неделю.

Василию Николаевичу удалось увлечь своей идеей педагогов и ребят, для которых участие в подготовке к открытию, сборе материалов, а потом и в работе музея стало настоящей школой интернационального воспитания, привития уважения к культуре не только русского, но и других народов нашей великой многонациональной страны.

Возможно, наш опыт кому-то пригодится при создании музеев или литературных уголков.

Нас иногда спрашивали – почему Шевченко? Он ведь у нас не жил и никогда не был?

Да, он не был на Кубани, но русский и украинский народы – народы-братья, а Шевченко великий поэт этих великих народов.

Тарас Григорьевич Шевченко родился 9 марта 1814 года в селе Моринцы Киевской губернии в семье крепостного в поместье Энгельгардта.

Жила семья в безысходной бедности. Мать будущего поэта умерла в 39 лет, а вскоре умер и отец. Одиннадцати лет Шевченко остался сиротой. Нищета, непосильный труд, истязания рано пробудили в душе мальчика жгучую ненависть к крепостному гнету и деспотизму, что впоследствии отразилось на его творчестве, звучало в его стихах.

Жадность к знаниям, рано пробудившийся интерес к песне и живописи, пытливость, независимость и самостоятельность характера отличали Шевченко с малых лет. В школе, у приходского дьячка, он выучил букварь, научился читать псалтырь.

Позже он попал к другому учителю, горькому пьянице и самодуру Петру Богородскому, но вскоре и от этого «наставника» и истязателя бежал в село Тарасовку, прославленное иконописцами-малярами.

Но и здесь Шевченко не пришлось пройти «науку». Управляющий зачислил пятнадцатилетнего подростка в дворовую челядь.

В 1831 году Шевченко со своим «баринном» попал в Петербург, где талантливое крепостное отдали «в аренду» на четыре года живописных дел мастеру Ширяеву.

В Петербурге Шевченко встретился с украинским художником Сошенко, который принял горячее участие в судьбе одаренного юноши, познакомил его с известными русскими художниками А.Г. Венециановым и К.П. Брюлловым, поэтом В.А. Жуковским.

Новые друзья крепостного художника решили помочь ему поступить учиться в Академию художеств. Для этого нужно было прежде освободить Шевченко от крепостной зависимости. Помещик заломил за талантливого крепостного 2500 руб., по тем временам непомерно огромную сумму.

Тогда Брюллов написал портрет Жуковского, который был разыгран в лотерею. Деньги пошли на освобождение Тараса Григорьевича и 22 апреля 1838 года Энгельгардт подписал Шевченко отпускную.

Шевченко стал учеником Академии художеств по классу Брюллова.

В мастерской Брюллова поэт не только слушал беседы великого художника по предметам, необходимым по специальности, но также знакомится с классиками мировой литературы: Пушкиным, Шекспиром,

Вальтером Скоттом, Шиллером, Державиным и многими другими.

Из мастерской Брюллова он вышел настоящим художником с широким кругозором, поразительной образованностью.

Как вспоминают его современники – Пушкина он знал на память, а Шекспира возил с собой, куда бы ни поехал. В своей повести «Художник» Шевченко называет десятки выдающихся творений мировой литературы и вспоминает о прослушанных лекциях по химии, физике, физиологии.

Чтение Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Лермонтова, Белинского, связь с Брюлловым и Щепкиным помогли Шевченко стать основоположником новой украинской литературы и украинского литературного языка.

Через все стихотворения «Кобзаря» проходил образ родного народа. Шевченко не случайно назвал свой первый сборник стихов именем народного певца – Кобзаря, и этот образ народного певца проходит через все поэмы и стихотворения поэта. В одном из писем Шевченко отмечает свою глубокую связь с народом, с его нуждами и желаниями: «Я по плоти и духу, – писал он незадолго до смерти, – сын и родной брат нашего несчастного народа...»

Колоссальная фигура Шевченко, поэта и художника, сына крепостного, поднявшегося к высотам культуры своего времени, стала национальной гордостью.

Подобно Пушкину в русской литературе, Шевченко явился родоначальником новой украинской литературы. Шевченко жил верой в будущее торжество народа. Стихи его близки всем передовым людям мира.

Василию Николаевичу Орлу тоже был близок этот великий поэт, и он захотел познакомить ребят школы, где работал, с этим поистине народным поэтом и художником братской республики Украины, тем более, что Шевченко был тесно связан с основоположником кубанской литературы – Яковом Герасимовичем Кухаренко (1814 – 1861 гг.).

На протяжении столетий имя Кухаренко стоит рядом с именем Шевченко, который в 1857 году посвятил своему другу поэму «Москалева криница» (Солдатов колодец). Друзья на протяжении двадцати лет вели переписку. Шевченко высоко оценил

пьесу Кухаренко «Черноморский быт на Кубани» и пытался помочь в её публикации, посылал на суд Кухаренко свои произведения. «Я дорожу его мнением чувствующего, благородного человека», – писал он в своем дневнике, который вел на русском языке, находясь в ссылке.

Тарас Григорьевич мечтал побывать на Кубани, своими глазами увидеть этот прекрасный край, где жил его друг, и куда когда-то переселились черноморские казаки, но мечта его не осуществилась.

Творчество великого Кобзаря в одинаковой мере дорого и на Украине, и у нас на Кубани, и в Казахстане, и в Армении. В Ереване, например, одна из школ названа именем Т.Г. Шевченко, хотя он там тоже никогда не бывал.

В 1961 году Советский Союз и все прогрессивное человечество отметили столетие со дня смерти великого украинского поэта. Эта дата широко отмечалась и у нас на Кубани. Газеты «Советская Кубань» и «Комсомолец Кубани» 9 марта 1961 года поместили целые полосы, посвященные Шевченко, рассказали читателям об этом истинно народном поэте и гражданине. А в 1964 году, общественность всего мира готовилась отметить 150-летие со дня рождения Т.Г. Шевченко.

Откровенно говоря, сначала мы думали создать только литературный уголок поэта, но когда собралось довольно много экспонатов, решили, что нам по силам создать музей. Но это будет потом. А пока мы думали, с чего же начинать? Начали с составления плана и писем. Первые письма написали в музей Т.Г. Шевченко. Увы, нас постигло разочарование. Во-первых, ответили не все музеи, а те, которые ответили, тоже не очень порадовали. Киевский музей прислал нам одну выставку – плакаты «Т.Г. Шевченко». Музей Шевченко на его родине предложил продать некоторые экспонаты. Заниматься коммерцией школа не могла себе позволить, да в этом и не было необходимости, ни один экспонат нами не приобретен за школьные деньги.

В некоторых школах первая же неудача охлаждает пыл, дело затухает, у нас этого не произошло.

Я в то время работала в школе старшей пионервожатой и, конечно, вместе с

ребятами принимала в этом большом деле самое непосредственное участие.

Мне пришлось побывать в Отраденском краеведческом музее, в котором был уголок, посвященный поэту. Там я узнала, что большую помощь в организации уголка оказали львовский композитор А. Кос-Анатольский и киевский филолог Ю.И. Назаренко. Вот им то и решили пионеры написать письма. Ответы не замедлили прийти: Анатолий Иосифович прислал книги Шевченко, среди которых и два тома полного собрания сочинений с работами Шевченко – художника, «Малый Кобзарь» для детей Шевченко и др.

Затем ребята познакомились со старейшим собирателем материалов о Шевченко Ю.О. Мерешко.

Экспонаты поступали, и мы стали уже думать о создании не уголка, а музея Тараса Григорьевича Шевченко. Все шевченковские музеи построены по принципу биографичности. Мы от этого отказались. А поставили своей задачей показать Тараса Григорьевича тружеником, гражданином, рассказать о той огромной любви, которой пользовались произведения Шевченко у читателей Кубани и соответственно наметили отделы: «Шевченко в поэзии», «Шевченко в живописи», «Произведения Шевченко, изданные на языках народов СССР и за рубежом», «Шевченко и Кухаренко в их взаимоотношениях» и др. Началась активная переписка, неутомимая работа по сбору материалов.

Малотенгинская школа тогда была небольшая, всего 8 пионерских отрядов, около 280 учащихся. Каждый отряд написал по несколько десятков писем. Всего за полгода было написано более 300 писем.

Решили начинать с отдела «Произведения Т.Г. Шевченко, изданные на языках народов СССР и за рубежом». Написали в Министерства культуры союзных и автономных республик. Ответы были разные. Например, из Казани посоветовали обратиться не в Министерство, а в книжный магазин. Зато из Минска нам прислали прекрасное издание «Кобзаря» на белорусском языке, из Латвии – книгу о Шевченко на латышском языке, из Грузии – на грузинском.

Министерство Молдавии на наше письмо не ответило, а вот доцент из Киши-

нева С.Н. Кузьменко прислал «Кобзарь» на молдавском языке.

Статью о Шевченко на английском языке прислал писатель Степан Хижняк из Киева. Редакция газеты «Наше слово», издающаяся в Варшаве, прислала номер журнала «Наша культура», в котором помещена статья об издании произведений Шевченко в Польше. Из Чехословакии мы получили сообщение об издании произведений поэта на чешском языке, а из Софии – на болгарском, из Берлина – на немецком, из Белграда – на языках народов Югославии.

Таким образом, один из отделов музея вскоре был укомплектован.

Одновременно приступили к сбору материалов для другого отдела – «Книги о Тарасе Григорьевиче Шевченко».

Решили написать в Союзы писателей Союзных республик. Очень обрадовало пионеров письмо из Казахстана: «Дорогие ребята! Правление союза писателей Казахстана принимает ваше приглашение об участии в создании школьного Шевченковского музея в вашей школе и посылает вам две книги произведений Шевченко на казахском языке». Писатели прислали эти книги из библиотеки Союза писателей.

А вот из Союза писателей РСФСР прислали отписку: «Совету дружины имени Татьяны Соломахи.

Уважаемые товарищи! Мы, к сожалению, не располагаем экспонатами, которые желательно было бы включить в создаваемый дружиной Шевченковский музей. Опросить же всех писателей Российской Федерации по этому вопросу не представляется возможным». Подпись – консультант Б. Дьяков. Зато из Государственного литературного музея, из Москвы, мы получили изобразительные материалы по биографии и творчеству Шевченко и теплое письмо в адрес совета дружины за подписью директора музея – А.Д. Тимрот.

Я об этом рассказываю, чтобы не сложилось мнение, будто стоит написать два десятка писем и музей будет готов. Конечно, здесь много трудностей, но перед ними не стоит отступать.

Надо сказать, что, начав создавать музей, мы теперь более тщательно стали следить за прессой. Все, что касалось Шевченко и его творчества, ребята собирали в

специальные папки, которые называли «Школьная Шевченкиана».

Из газет ребята узнали, что объявлен конкурс на лучший памятник поэту, который будет сооружен в городе Москве. Однако жюри конкурса нам не ответило. Но вот в газете «Правда» мы увидели фотовыставку проектов памятника. Ребята написали фотокорреспонденту тов. Мельнику и он откликнулся. Его фотографии десяти проектов памятника составили в нашем музее специальную экспозицию.

Постепенно круг друзей музея рос. М.И. Кутынский из Москвы подарил школе «Кобзарь», изданный в 1884 году. С его помощью был получен бюст Шевченко из Киева. Совет дружины присвоил звание почетного пионера львовскому композитору И. Кос-Анатольскому за активное участие в создании музея. Народный художник СССР, председатель Союза художников Украины Василий Ильич Касиян подарил музею линогравюру «Шевченко».

Создавая музей Т.Г. Шевченко, мы не могли не поставить перед собой задачу рассказать о той любви, которой пользовалось творчество Шевченко у нас на Кубани, а также о дружбе Шевченко с зачинателем Кубанской драматургии, наказным атаманом войска Черноморского Яковом Герасимовичем Кухаренко. Мы стали разыскивать материалы, рассказывающие об этой удивительной дружбе и переписке. Пионеры узнали, что в краевом государственном архиве работает историк-архивист, исследователь этой переписки Г.Т. Чучмай. Написали ему письмо. Он не только любезно согласился участвовать в создании нашего музея, но и вскоре прислал нам фотографию Кухаренко, биографическую справку, фотокопии писем Шевченко к Кухаренко.

С этого момента было положено начало дружбе и переписке двух исследователей жизни и творчества Кухаренко, В. Орла и Г. Чучмая, которая продлилась до конца жизни Василия Николаевича.

В отделе «Кобзарь на Кубани» была помещена фотография улицы им. Тараса Шевченко в г. Краснодаре, фото портрета Шевченко работы учителя из Отрадной Петра Митрофановича Галушко и ряд других материалов. Оказалось, что в Краснодарском крае 11 населенных пунктов носят имя Шевченко. Со всех концов края посту-

пили путеводители, фотографии памятников Шевченко.

Однако собрать экспонаты это еще полдела. Для музея необходимо оборудование: рамки, витрины и т.д. Мы решили в школьной мастерской начать изготовление витрин под руководством учителя труда Г.М. Василенко, но тут выяснилось, что нет нужного леса. Тогда обратились к председателю колхоза «Родина» Н.П. Манохину. Этот вопрос был поставлен на правлении колхоза, и было принято решение – помочь школе. Колхоз не только выделил лес, но и купил для музея за свои средства ящик стекла, которое было использовано для витрин.

Хочется подчеркнуть, что нам не приходилось никого убеждать, добиваться. Председатель колхоза Нил Петрович Манохин загорелся идеей музея так же, как загорелась ею вся школа от октябрят до учителей.

Эта идея всех объединила, мы почти ежедневно получали посылки и бандероли. Еще издали, завидев почтальона, дети бежали навстречу и с неподдельным восторгом извещали о новых экспонатах или письмах с ответами на их письма. В течение полугода было собрано более 200 экспонатов. К тем отделам, которые были названы выше, мы планировали открыть еще два: «Шевченко в музыке» и «Названо именем Шевченко». Всего было создано 9 отделов. Открыть музей было решено в день рождения Тараса Григорьевича – 9 марта 1963 года.

К этой дате готовилась вся школа. Был объявлен конкурс «Умеете ли вы читать стихи великого украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко?».

Специальную программу готовила школьная художественная самодеятельность. Были разучены песни на слова Шевченко. На торжественном открытии присутствовала общественность станицы, родители учащихся, представители колхоза «Родина» и представители из района, корреспонденты районной газеты «Сельская жизнь».

Наши друзья из Киева и Ивано-Франковска прислали Шевченковские значки, которые были вручены гостям.

Получили мы много приветствий и телеграмм по случаю открытия музея – все-

го 26. Вот только некоторые: *«Желаю успехов в добром начинании, значение которого трудно переоценить. Думаю, что этот музей сыграет огромную роль, особенно теперь, когда всё цивилизованное человечество готовится достойно отметить 150-летие со дня рождения великого Кобзаря Украины».* Писатель Олекса Навицкий.

Из редакции газеты «Литературная Украина» поступила телеграмма: *«Уважаемые друзья! Сердечно приветствуем Вас с организацией музея Тараса Шевченко. Пусть этот своеобразный памятник великому Кобзарю будет еще одним свидетельством вечной дружбы русского и украинского народов».*

Из Киевского государственного исторического музея: *«Коллективу учителей и учащихся Мало-Тенгинской школы. Дорогие товарищи! Коллектив Киевского государственного музея горячо от всей души поздравляет учителей и учащихся Вашей школы с открытием музея, посвященного великому украинскому поэту... Созданный Вами музей будет служить делу дальнейшего укрепления дружбы народов нашей любимой Родины – Союза Советских Социалистических Республик. Он будет лучшим памятником великому поэту.*

От всего сердца благодарим Вас за любовь к великому сыну украинского народа, желаем больших успехов в начатом деле.

Директор /В. Ткаченко/

Зам. директора по научной части /И. Дудник/».

Открытие музея широко освещалось в прессе, в т.ч. и в зарубежной.

В Отраденской газете «Сельская жизнь» 26 марта 1963 года вышла большая статья зам. завотделом культуры В. Лобана, посвященная этому событию. Хочу полностью привести текст этой статьи:

«Станица Мало-Тенгинская просторно раскинулась в долине, удобно защищенной от ветров. Летом она утопает в зелени.

На центральной улице – новая двухэтажная школа. Ее на свои средства строит колхоз. Многолюдно у нового здания. Празднично одетые школьники, легковые автомашины. Раздаются сигналы горна, на ветру алеет пионерское знамя.

В четких шеренгах застыли пионеры дружины имени Татьяны Григорьевны Соломахи – славной дочери Кубани, Председатели советов отрядов имени Павла Поповича, Андрияна Николаева, Германа Титова, Юрия Гагарина сдают рапорты. Это необычное торжество. На одной из многочисленных дверей, на втором этаже, вывеска: «Школьный музей Тараса Григорьевича Шевченко».

С приветственным словом к гостям и пионерам обращается председатель совета дружины Алла Смеликова, председатель совета музея Галя Даньшина. Она зачитывает список тех, кто принял непосредственное участие в создании школьного музея великого Кобзаря. Затем Галя и члены совета музея вручают присутствующим памятные шевченковские значки.

Наступает самая торжественная минута: заведующий районным отделом народного образования Михаил Филиппович Елисеев перерезает ленточку.

Музей открыт!

Перед посетителями светлая комната. В ней вместились девять отделов школьного музея. Они рассказывают не только о творческом и жизненном пути поэта, но и о его дружбе с зачинателем кубанской драматургии Яковом Герасимовичем Кухаренко, о той огромной любви, которой пользуются произведения Шевченко на земле потомков запорожских казаков.

Перед самым открытием музея были получены новые экспонаты: подарок композитора Кос-Анатольского – портрет Шевченко, выполненный на дереве; «Кобзарь» – от пионеров школы имени Шевченко из Киева и другие.

Порадовал в этот день ребят и телеграф. Он принес поздравления от Всеукраинского театрального общества, педагогического института, Исторического музея, Союза композиторов Украины, Киевского клуба творческой молодежи, редакций газеты «Зирка» и журнала «Днипро»... Тепло и радость прислали ребятам в конвертах и на разноцветных телеграфных бланках из многих сел и городов Союза.

После осмотра первые посетители музея собрались в сельском клубе. Со сцены в зал задумчиво смотрит великий Кобзарь.

С приветствием к организаторам музея обратились заведующий районо М.Ф. Елисеев, заместитель секретаря парткома Отраденского управления Г.Ю. Щегольков, председатель сельского Совета Я.Г. Варфоломеев, директор школы Ф.И. Избенко.

С интересным докладом о жизни и творчестве Т.Г. Шевченко выступил завуч школы В.Н. Орел. Затем учитель Г.И. Избенко от имени коллектива школы благодарит Василия Николаевича за огромную работу, которую он проделал по созданию музея.

Торжественная часть окончена, начинается концерт школьной художественной самодеятельности. Выступает хор. на украинском языке звучат «Заповит», «Думы мои, думы», «Реве та стогне Днипр широкий»...

Ученица 8 класса А. Гончарова прочла стихи адыгейского поэта Каримизане Жанэ «Канев», а ученица 7 класса Люба Наталенко – стихи армянской поэтессы Сильвы Капутикян – «Прометей».

Во втором отделении концерта ребята исполнили песни «Кубань родная», «Едут казаченьки», песню Плотниченко – «Кубанские синие ночи» и другие произведения.

Опускается тихий вечер над кубанской станицей... Великий украинский поэт мечтал побывать на Кубани. Стихи его шагнули далеко за пределы родной Украины, и нашли самых верных почитателей на земле кубанской».

Комитет ВЛКСМ Отраденского производственного колхозно-совхозного управления наградил похвальным листом Совет дружины имени Татьяны Соломахи и старшую пионервожатую Л.Г. Орел за активное участие в создании школьного музея Т.Г. Шевченко. А президиум Отраденского Р.К. Союза работников просвещения высшей школы и научных учреждений наградил грамотой завуча Малотенгинской восьмилетней школы № 18 Орла Василия Николаевича за проявленную инициативу в создании и открытии школьного музея Т.Г. Шевченко.

Но, к великому сожалению, музей просуществовал недолго. Осенью в школу был назначен новый директор, для которого, видимо, было безразлично творение ре-

бят и всего коллектива. Мы уехали сначала в Отрадную, затем – на Украину, и музей постепенно пришел в упадок. Как писали ребята Василию Николаевичу: «... Витрин осталось мало, но они нам и не нужны. Книг осталось мало, еле-еле хватает и на эти столы. Получаем репродукции для музея от С. Кукурузы, но они пока лежат без дела. На письма отвечаем очень редко...»

«Музей расположен в кирпичном старом здании, в бывшем 8-м классе. Экспонаты расположены не по отделам. Я старалась все-таки расположить по отделам, но меня не везде слушали. Мы теперь ему ума не дадим. Музей никто не посещает, так как там ничего не разберешь...». «Василий Николаевич, Вы писали, что приедете, с надеждой написала Галя Даньшина (председатель Совета музея). Приезжайте, если можете, и Вы, может быть, поможете привести музей в порядок. Мы бы делали, но нами некому руководить». «... Музей у нас не открыт потому, что в нем никто не заинтересован. ...Василий Николаевич, ученики очень жалеют о Вас, такого организатора, как Вы, у нас теперь нет».

Много лет спустя, уже после ухода из жизни Василия Николаевича Орла, я попыталась узнать о судьбе его детища – музея Т.Г. Шевченко.

С Украины, где тогда жила, написала доброе письмо в Малотенгинку:

«Уважаемый директор школы!

В 60-е годы в Вашей школе был создан музей Т.Г. Шевченко.

Большим помощником ребятам в этом деле был завуч школы Орел Василий Николаевич, а я в ту пору работала старшей пионервожатой, а затем в Райкоме комсомола заведующей отделом школ.

В музее было много ценных материалов, экспонатов, подаренных украинскими писателями, художниками, музеями, учащимися и др.

Мы с ребятами вели большую переписку и почти ежедневно получали письма и посылки с подарками для музея.

Музей был самый настоящий, открытый в новом здании школы и служил базой интернационального воспитания учащихся.

Затем мы уехали сначала в ст. Отрадную, а затем на Украину и связь со школой и музеем прервалась.

Немногим более года назад безвременно ушел из жизни Василий Николаевич, большой пропагандист великих идей дружбы народов, дружбы литератур.

В свое время им было написано и опубликовано в периодической печати много статей о создании музея, его значении в культурной жизни школы и станицы.

Хотелось бы узнать существует ли и сейчас музей, пополняется ли экспонатами, есть ли Совет музея и т.д.? В ту пору председателем Совета была Галя Данышина. Где она сейчас, кем стала?

Школа тогда жила интересной жизнью, большими заботами. У ребят была цель, объединяющая их. Витрины, рамки для музея были сделаны руками ребят в школьной мастерской.

Совет музея и школьная дружина, носящая тогда имя Татьяны Соломахи, поддерживала связь и переписывалась с дружинами и отрядами района, края, Львова, Киева и др.

Очень прошу Вас написать мне – помнят ли еще нас в станице и школе, что стало с музеем, есть ли в станице ребята, окончившие школу в 1963–1965 годах (музей был открыт 9 марта 1963 года).

В следующем году исполняется 175 лет со дня рождения Т.Г. Шевченко, и украинские друзья могли бы Вам помочь в пополнении музея экспонатами и книгами.

Передавайте большой привет тем, кто нас помнит. Живу я сейчас в Николаеве (адрес).

Орел Лариса Гавриловна – бывшая пионервожатая Вашей школы.

Буду ждать ответа.

С уважением (ростись) 5.06.1988 года».

Но ответа я тогда не дождалась. С 1990 года живу на Кубани, на своей родине в Краснодаре, поддерживаю связь с Отрадненским районом и, в частности, с обществом историков-архивистов, которое возглавляет энтузиаст многих добрых дел Сергей Гариевич Немченко.

К своей радости узнала, что в канун 50-летия со дня создания музея в Малотенгинской, теперь уже средней школе № 18, в школьном историческом музее вновь создан уголок, посвященный великому поэту и художнику Т.Г. Шевченко.

В школе сохранился бюст Шевченко, который более 50-ти лет назад из Киева прислала в дар музею Вера Ивановна Кутынская; сохранился также ряд книг и документов, в т. ч. подарки от композитора И. Кос-Анатольского – 2-х томник «Шевченко-художник», «Малый Кобзарь» для детей, «Народные песни на слова Шевченко», оригинал справки Краснодарского краевого архива на 5 листах о Я.Г. Кухаренко, любезно подготовленной по просьбе ребят архивистом Г.Т. Чучмаем. Имеются фотокопии переписки Шевченко и Кухаренко, фотографии экспонатов музея, газеты и журналы со статьями о музее и ряд других материалов.

14 марта текущего года Отрадненская газета «Сельская жизнь» опубликовала большую статью Н. Крамчаниновой «Малотенгинский школьный музей Т.Г. Шевченко. К 50-летию со дня создания музея».

Воссозданный уголок Т.Г. Шевченко в школе пополнился книгами и статьями теперь самого Василия Николаевича, организатора музея, ставшего известным краеведом, журналистом, литературоведом, а также материалами о нем.

Стараниями нынешнего руководства школы, учителей и ребят Т.Г. Шевченко вновь с нами, вновь рядом со своим другом, кубанским писателем и драматургом Я.Г. Кухаренко.

Символично, что в литературном уголке рядом с «Кобзарем» Т. Г. Шевченко, расположился томик стихов А.С. Пушкина. По воспоминаниям современников Тарас Григорьевич очень любил русского поэта, и многие его произведения знал наизусть.

Дружба двух великих народов – русского и украинского – продолжается и будет жить в веках, несмотря ни на что. А в небольшой кубанской станице Малотенгинской, где сотни лет живут и трудятся бок о бок, дети и внуки многих народов нашей страны, в т.ч. русского и украинского, снова звучат стихи и песни на слова любимых поэтов А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко.

Л.Г. Орёл

Василий Орёл – Якову Кухаренко

Василий Николаевич Орел – кубанский и украинский литературовед, значительную часть своей жизни посвятил исследованию жизни и творчества первого кубанского писателя, драматурга, историка Якова Герасимовича Кухаренко, о котором великий украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко писал «Замечательное явление между людьми этот истинно благородный человек...»

С Шевченко Яков Герасимович дружил и переписывался на протяжении двадцати лет и это, безусловно, наложило свой отпечаток на творчество и Т. Шевченко, и Я. Кухаренко.

Тарас Григорьевич высоко ценил Кухаренко, и нередко посылал другу на суд свои произведения, посвятил Якову Герасимовичу поэму «Москалева криниця» (Солдатов колодец). «Я дорожу его мнением чувствующего, благородного человека», – читаем мы в его дневнике, который поэт в далекой ссылке вел на русском языке.

В книге В. Орла «В поисках истины», вышедшей из печати в 2006 году, к сожалению, уже после смерти литератора (составитель Л.Г. Орел, научный редактор В.К. Чумаченко), как бы суммируется всё написанное Василием Николаевичем о жизни и творчестве Я. Кухаренко, его дружбе с Т. Шевченко, их переписке и т. д.

«Жизнь распорядилась так, – пишет Василий Николаевич, – что после ссылки друзьям встретиться больше не пришлось. Все последующие годы они будут переписываться, хотя и нерегулярно...»

Для последующих поколений исследователей именно переписка Т.Г. Шевченко и Я.Г. Кухаренко явится основным источником, из которого будут черпать сведения о событиях их жизни. Эпистолярное наследие достаточно изучено, а мне хотелось, – пишет В. Орел, – показать, каким человеком был Я. Кухаренко, чем увлекался, что любил, что ненавидел? Те немногие материалы, какими располагало до недавнего времени литературоведение (к началу 60-х годов прошлого столетия – Л.О.) к сожалению, не давали ответов на эти вопросы. Личность Кухаренко была сокрыта за традиционными фразами: родился, учился, служил, написал, издал.

Не было установлено точной даты и места рождения Кухаренко.

Почти двадцать лет я собирал по архивам крупинцы, чтобы слепить образ человека, которому суждено было стать основоположником кубанской литературы и сыграть немаловажную роль в жизни и творчестве великого певца Украины Т.Г. Шевченко.

Я обращал внимание на каждую мелочь, на самое незначительное упоминание о писателе...»

Василию Орлу принадлежит открытие исторической работы Я.Г. Кухаренко «Исторические записки о войске Черноморском», написанной им со своим помощником А.М. Туренко. Ранее эта работа приписывалась только А. Туренко. В. Орлу, в результате кропотливого поиска и изучения архивных документов, удалось опровергнуть это и установить истину.

Об этом им опубликован ряд статей в периодической печати, в т.ч. в «Украинском историческом журнале» (№ 3 за 1966 год) – «Неизвестная историческая работа Я.Г. Кухаренко», а также в книгах «Атаман Кухаренко и его друзья» (1994) и «В поисках истины» (2006), изданных в Краснодаре, после ухода из жизни исследователя.

Василием Орлом написано и опубликовано в периодической печати более 600 статей на различные темы. Библиография помещена в его книге «В поисках истины» (2006), а также в библиографическом словаре-справочнике Б.А. Трехбрата «Кто есть кто в кубановедении» (2007).

В настоящее время список публикаций В. Орла, а также материалов о нем, значительно расширился как за счет новых публикаций, так и пропущенных ранее.

Для исследователей жизни и творчества Василия Николаевича представляет также интерес перечень статей, очерков, рассказов В. Орла, опубликованных в Отрадненской газете «Советское казачество», после переименования – «Сельская жизнь», где Василий Николаевич в конце 50-х – начале 60-х годов прошлого столетия начал свою журналистскую деятельность, сначала как селькор, а затем штатным корреспондентом.

Заинтересовавшись работой В. Орла в местной газете, историк-архивист Отрадненского района С.Г. Немченко работает в архиве, разыскивает все публикации журналиста и составляет библиографию, в которой представлено почти 200 работ по са-

мому широкому кругу вопросов, поднимаемых на страницах газеты.

Василий Николаевич писал о Героях Гражданской и Великой Отечественной войны, о тружениках села и Героях Труда, о культурной жизни района, в т.ч. о создании историко-археологического музея в Отрадной, о знаменитом оперном певце В.П. Дамаеве, выходеце из Отрадной. Ряд статей и фельетонов посвящено социальным вопросам. Через рецензии он знакомит читателей с новинками книг и т.д.

Подготовленную библиографию публикаций В.Орла в местной прессе, Сергей Немченко передал в дар вдове автора Ларисе Гавриловне Орел на торжественном вечере памяти, посвященном 85-летию со дня рождения В.Н. Орла, проходившем в Краснодаре в Литературном музее Кубани 15 февраля 2013 года.

Назрела необходимость в издании материалов к библиографии В. Орла с дополнениями и уточнениями.

Особое место в творчестве исследователя занимало изучение жизни и творчества Я.Г. Кухаренко, основоположника кубанской литературы.

Как писал сам В. Орел, «начало краеведческой и литературоведческой работы было положено именно в Отрадной», где жил и работал Василий Николаевич.

Именно здесь он начал активно заниматься разысканием материалов о писателе и историке, здесь был организован школьный музей Т.Г. Шевченко в ст. Малогенгинской, где один из отделов музея был посвящен Якову Герасимовичу и помещены материалы о нём.

Представляем библиографию работ Василия Орла, посвященных жизни и деятельности Якова Кухаренко и его взаимоотношениям с великим поэтом и художником Украины Т.Г. Шевченко.

Приложение

Библиография публикаций В.Н. Орла о Я.Г. Кухаренко

1963

1. Шевченкове Слово на Кубані // Вітчизна, 1963. № 1. С. 220. [Школьный музей Шевченко в станице Малотенгинской.]

2. Кубанці шанують // Україна. 1963. № 36.

3. З гаком // Україна. 1963. № 36. С. 12.

4. До села верста с гаком // Трибуна. 1963. 17 декабря. № 125 (Васюринский В. [Орел В.].)

5. Музей Шевченко на Кубані // Зміна. 1963. № 3. С. 2.

6. Шевченко на Кубані // Львівська правда. 1963. 14 сентября.

7. Музей Кобзаря // Літературна Україна. 1963. 15 червня № 48.

8. Кубанці Кобзарю // Київські комсомолець. 1963. 10 берез. № 30.

1964

9. Кубань-ріка // Вітчизна. 1964. № 5. С. 131-136.

10. Не в Одессе ли архив Я. Кухаренко? // Чорноморська комуна. Одесса. 1964. 19 ноября. № 227 [Орел В., Зленко Г.]

11. Слідами есаула Туренка // Друг читача. Киев. 24 жовт. № 40. С. 4.

12. Створено братерскою дружною // Соціалістична культура. 1964. № 3. С. 11.

13. Судьба переписки Кобзаря // Комсомолец Кубани. 1964. 1 января. № 1.

14. У далекій кубанській станиці // Радянська освіта. 1964. 22 січ. № 7 [музей Т. Г. Шевченко в станице Малотенгинской].

15. Певец казачьего края // Знамя коммунизма ст. Каневская. 1964. 14 мая.

16. Память и любовь народа // Черноморская здравница. 1964. 9 февраля. № 29. С. 4.

17. Сюда звал поэта Яков Кухаренко // Приазовские степи. Ейск. 1964. 4 марта [К 150-летию со дня рождения Т.Г. Шевченко].

18. Шевченко на Кубані // Українська мова і література в школі. 1964. № 4. С. 67-69.

19. Школьный музей Т.Г. Шевченко (ст. Отрадная Краснодарского края) // Литература в школе. 1964. № 1. С. 59-60.

1965

20. Відшукаємо рукописи Шевченка // Вітчизна. 1965. № 1. С. 219-220.

21. Судьба переписки Кобзаря // Комсомолец Кубани. 1965. 23 января. № 15.

22. Пошуки тривають // Ленінські заповіді. 1965. 17 серп. № 98. С. 4.

1966

23. Де рукописи Т. Шевченка? // Архіви України. 1966. № 2. С. 99-101.

24. Слово Кобзаря на Кубані // Друг читача. 1966. 5 берез. № 10.

25. Слово Кобзаря на Кубані // Життя і слово. 1966. 2 трав. № 18.

26. Д. і Яворніцький і Кубань // Українській історичний журнал. 1966. № 10.

27. Кубанці в Харькові // Прапор. 1966. № 12. С. 88.

28. Невідома історична праця Я.Г. Кухаренка // Український історичний журнал. 1966. № 3. С. 110-112.

29. Зв'язки літераторів Львова з Кубанню // Наша культура (Варшава, Польша). 1966. № 5. Травень.

1967

30. Друг великого Кобзаря // Наша культура (Варшава, Польша). 1967. № 3. С. 3-4.

31. Зв'язки Т.Г. Шевченка з Кубанню // Український історичний журнал, 1967. № 3. С. 98-100.

32. Пісні козаків Кубані // Прапор. 1967. № 6. С. 100-102.

33. Шевченко і кубанці // Дніпро. 1967. № 3. С. 135-137.

34. Збирач кубанских пісень (Лисенко і Кубань) // Народна творчість і етнографія. 1967. № 2. С. 39.

35. Василь Мова та історія заселення Чорноморцями Кубані (до 125 – річчя з дня народження письменника) // Український історичний журнал. 1967. № 1. С. 128-129.

1969

36. Автопортрет Кобзаря // Культура і життя. 1969. 3 квіт. № 27.

37. Атаман Войска Азовского // Строитель коммунизма. г. Новоазовск. Донецкая область. Украина. 1969. 14 июня. № 69.

38. З біографії та літературних зв'язків Я. Кухаренка // Радянське літературознавство. 1969. № 2. С. 84-87.

39. До 170-річчя з дня народження Якова Кухаренка. Письменник, історик, лінгвіст // Життя і слово (Торонто, Канада). 1969. 19 трав. С. 17, 19.

40. Друг великого Кобзаря // Таганрогская правда. 1969. 7 июня. № 114.

41. К 170-лєтнє со дня рождєннє Я.Г. Кухарєнкo: Друг великого Кобзаря // Строитель коммунизма. 1969. 7 ноября. № 114.

42. Яків Кухаренко – письменник, історик, лінгвіст // Наша культура (Польша, Варшава). 1969. № 8. С. 12-13.

43. Слово Котляревського на Кубані // Народна творчість та етнографія. 1969. Вер. – Жовт. № 5. с. 29-31.

44. Українська прєсса на Кубані // Наша культура (Польша, Варшава). 1969. № 4. с. 6-7.

45. Українські пісні на Кубані // Наша культура (Варшава, Польша). 1969. № 12 (140). С. 5-6.

46. Т.Г. Шевченко і Кавказ // Наша культура (Польша, Варшава). 1969. № 3. С. 4-5.

47. Яків Кухаренко // Життя і слово (Канада, Торонто). 1969. Лїпєнь. № 7.

1970

48. Документальні багатства Краснодарського архіву // Архіви України. 1970. № 5. С. 82-83.

49. Бюст Кобзаря // Чорноморська комуна. 1970. 1 вер. № 171.

50. Два автопортрєти Тараса Шевченка на Кубані // Архіви України. 1970. № 1. С. 26-28.

51. Де ж цей портрєт? // Україна. 1970. № 10. С. 24.

52. Написав Яків Кухаренко // Україна. 1970. № 22. С. 24.

1971

53. Шевченко і кубанці // Дніпро. 1971. № 3. Березєнь. С. 135-137.

54. Кубанські перлини // Культура і життя (Торонто, Канада). 1971. 24 червня. № 49. С. 2.

1972

55. Два автопортрєта Т.Г. Шевченко // Наша культура (Польша, Варшава). 1972. № 2.

56. Бюст Кобзаря // Вітчизна. 1972. № 12. Грудєнь. С. 210-212.

1973

57. Яків Кухаренко у Вознесєнськy // Південна правда. 1973. 2 груд. № 282.

1974

58. «В Одесу я ехал по морю...» // Вечерняя Одесса. 1974. 26 сент. № 226.

59. Друг великого Кобзаря // Уманська зоря. 1974. 20 берез. № 46. (Я. Кухаренко в Вознесенске)

60. Історія однієї знахідки // Вітчизна. 1974. № 3. С. 164-167.

61. Слідами одного автопортрета Тараса Шевченка // Наше слово (Варшава, Польща). 1974. 24 лист. № 8 С. 4.

62. «Назар Стодоля» в репертуарі трупи П. Саксаганського // Перемога. 1974. 9 берез. № 30.

63. «Назар Стодоля» на вознесенській сцені // Радянська правда. 1974. 8 берез. № 29.

64. «Наталка Полтавка» на Кубанській сцені // Наша культура. 1974. № 9. С. 6-7.

65. Жіноча освіта у Вознесенську // Радянська правда. 1974. 12 лист. № 135. С. 4.

1975

66. Т.Г. Шевченко на Николаевщині // Южная правда. 1975. 11 марта. № 58.

67. Друг Кобзаря // Литературная газета. Москва. 1975. 6 августа. № 32. С. 3.

68. Сучасник Т.Г. Шевченка (Я. Г. Кухаренко) // Друг читача. 1975. 25 вер. № 39. С. 7.

1976

69. Чому Я.Г. Кухаренко приїжджав до Вознесенська? // Радянська правда. 1976. 25 серпня. № 135. С. 4.

70. «Назар Стодоля» в Николаеві // Южная правда. 1976. 18 апреля. № 91.

71. «Назар Стодоля» в постановці аматорів // Радянська правда. 1976. 20 берез. № 45.

1979

72. «Назар Стодоля» на Николаївщині // Шляхом комунізму. 1979. 8 бер. № 29.

73. Шевченківські дні на Північному Кавказі // Наше слово (Польща, Варшава). 1979. 18 бер. № 11. С. 3.

74. Т.Г. Шевченко і К.Л. Хетагуров // Чорноморська зірка. г. Очаков. 1979. 8, 10, 15 берез. № 29, 30, 32.

1980

75. Історик казачього краю // Литературная Россия. 1980. 1 февраля. № 5. [Орел В. Чучмай Г.]

1981

76. Друг Т. Шевченка у Вознесенську // Ленінське плем'я. 1981. 12 груд. № 148.

77. Біля витоків українського театру // Ленінське плем'я. 1981. 26 лист. № 141.

78. Т.Г. Шевченко і Я.Г. Кухаренко (XXV ювілейна наукова Шевченківська конференція / Інститут літератури ім. Шевченка Академії наук Укр. РСР та Запорізький державний пед. інститут. Запоріжжє. 1981. 10 березня.

79. Корифеї театру на Миколаївщині // Перемога. 1981. 24 лист. № 140. С. 4 [О «Черноморцах» Кухаренко].

80. Слово про Василя Мову // Архіви України. 1981. № 1 (січень-лютий). С. 42-46.

1982

81. Тарас Шевченко і Коста Хетагуров. До україно-осетинських літературних зв'язків // Вітчизна. 1982. № 12. С. 162-165.

82. Аплодирует Средняя Азия // Знамя труда (Красноводск, Туркменистан). 1982. 24 ноября. № 235. (О постановке пьесы Я. Кухаренко «Черноморцы»).

83. Аплодувала Кубань // Кіровоградська правда. 1982. 2 жовт. № 227. С. 3.

1983

84. «Назар Стодоля» на миколаївській сцені // Зоря. 1983. 8 берез. № 29.

85. Літературний літопис станиці // Наше слово (Варшава, Польща). 1983. 11 серп. № 33. С. 3. (О станице Васюринской Краснодарского края).

1984

86. Бенефіс Заньковецької // Кіровоградська правда. 1984. 4 серп. № 180. С. 3.

87. Музей поета // Адыгейская правда. 1984. 4 апреля [О музее Т.Г. Шевченко в школе № 18 Отрадненского района Краснодарского края].

88. Бюст Кобзаря // Радянська правда. 1984. 6 бер. № 37.

89. За строками писем Тараса Шевченка // Советский Армавир. 1984. 19 июля. № 138.

1985

90. Знаток кубанского края // Советский Армавир. 1985. 6 апреля. № 68.

1993

91. По кухаренковским местам на Кубани // Кухаренковские чтения. Материалы научно-теоретической конференции. Краснодар. 1993. С. 21-23.

1994

92. Атаман Кухаренко и его друзья / Науч. ред. Виктор Чумаченко. Краснодар: Изд-во «Тимпани». 1994. – 79 С.

1995

93. Кухаренко Яків Герасимович (1799-1862) // Українська літературна енциклопедія. Київ. 1995. Т. 3. С. 114-115. [Орел В.Н., Шубравский В.Е.].

1999

94. Судьба писем Кобзаря // Кубань: проблемы культуры и ниформатизации. 1999. № 4. С. 31-32.

95. О судьбе писем Т.Г. Шевченко к Я.Г. Кухаренко // Третий Кухаренковские чтения. Материалы научно-теоретической конференции. Краснодар. 1999. С. 96-102.

2003

96. Кубань-ріка // Вісник Товариства української культури Кубані. 2003 № 1. С. 4-5.

2006

97. Бюст Кобзаря // Вісник Товариства української культури Кубані. 2006. № 2. С. 2-3.

98. Бюст Кобзаря // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар. 2006. С. 178-182.

99. В поисках истины / Под науч. ред. проф. В.К. Чумаченко (составитель Л.Г. Орел). Краснодар, 2006. С. 12, 15, 19, 20, 23, 26-35, 37-38, 60-76, 78-87, 89-101, 103-107, 112, 115, 121, 123, 131-133, 151, 177, 191-202, 205-207, 220, 231, 251, 254, 262-266, 269-272, 278, 279, 282, 291, 292, 294-298, 301, 316-319.

2007

100. Связи Т.Г. Шевченко с Северным Кавказом (Публикация Л.Г. Орел) // До-

нецький Вісник наукового товариства ім. Шевченка. Т. 18. 2007. С. 279-288.

101. Аким Бигдай // Родная Кубань. Краснодар. 2007. № 4. С. 135-141.

2008

102. Штрихи к портрету А.Я. Кухаренко // Тёр В.В. Атаман Ейского отдела Кубанского казачьего войска Кухаренко Александр Яковлевич /Сост. В.К. Чумаченко, В. В. Тёр. Ленинградская, 2008. С. 33-36.

2011

103. Пропаганда творчества Т.Г. Шевченко на Кубани в XIX – начале XX века (публикация Л.Г. Орел) // Кубань-Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. V. Краснодар–Київ: ЭДВИ, 2011. С. 47-55.

104. Кубанская Шевченкиана (материалы к библиографическому указателю 1882-1932 г. (публикация Л.Г. Орел, В.К. Чумаченко) // Кубань-Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. V. Краснодар–Київ: ЭДВИ, 2011. С. 55 – 64.

2013

105. От Армавира до Крымска. Краеведческий очерк. Краснодар, 2013. – 52 с.

Н.Н. Петрова-Хорина

**Патриарх кубанской культуры
Яков Герасимович Кухаренко
(1799 – 1862)**

Замечательное явление между людьми
этот истинно благородный человек.
*Тарас Григорьевич Шевченко,
украинский поэт*

2013-й год – год 150-летия кубанской журналистики, и эта дата вполне обязывает нас вспомнить о человеке, благодаря усилиям которого 11 апреля (30 марта по старому стилю) 1863 года увидел свет первый номер первой кубанской газеты «Кубанские войсковые ведомости».

В 1799 году родился один из самых необычных атаманов Черноморского казачьего войска: Яков Герасимович Кухаренко

(литературный псевдоним – *Кухар Яцько*) – человек, которого потомки уважительно величают «патриархом кубанской культуры». Ученик «просветителя Кубани» К.В. Россинского, Кухаренко укреплял фундамент образования, закладывал основы литературного наследия и печатного дела в крае. Сегодня он стал широко известен благодаря «Кухаренковским чтениям» – научным конференциям в КГУКИ, посвященным его творчеству. Известен атаман и благодаря сохранившемуся дому, в котором он жил (с 1987 года – это Литературный дом-музей Кубани на улице Постовой. Здесь хранится то немногое, что уцелело за полтора столетия, но связано с его жизнью и творчеством. Многие сведения о нем разбросаны в архивах и библиотеках страны и за рубежом. Но чудом уцелевший дом хранит дух времени и память о 10-м наказном атамане Черноморского казачьего войска, генерале периода Большой Кавказской войны, участвовавшем в пяти боевых кампаниях и 44 сражениях, о его дружбе с великим украинским поэтом Тарасом Григорьевичем Шевченко.

Яков Кухаренко – потомственный военный: запорожец дед Роман Кухаренко был офицером, отец Герасим Кухаренко – полковником ЧКВ, удостоившимся быть в 1797 году в числе войсковой депутации при коронации императора Павла I. А он, сын полковника, впитавший мятежный дух запорожских предков, получил достойное по тому времени образование в Екатеринодарском уездном училище (1811 – 1814гг.). Как отмечает один из его современных биографов В.К.Чумаченко, первые литературные опыты Якова Герасимовича относятся еще к годам обучения в училище, к чему настойчиво приучал своих воспитанников его директор К.В. Россинский – сам не только священник и учитель, но писатель и журналист. После окончания училища юный Кухаренко в течение шести лет служил урядником на кордонной линии, первый офицерский чин хорунжего получил только на 25 году жизни. Под командованием героя Отечественной войны с Наполеоном – Наказного атамана А.Д. Безкровного – отличился он храбростью в сражениях при штурме турецкой крепости Анапа и получил там первый свой орден, а благодарности и серебряную медаль – за участие

в турецкой войне 1828 – 1829 годов, в 1831г. ему поручено командовать артиллерийской ротой. В последующие годы он продвигался по службе, проявляя лучшие свои качества руководителя, человека и общественного деятеля. Я.Г.Кухаренко был последним Наказным атаманом ЧКВ (1852 – 1856 гг.), назначенным из местных казаков, из «своих», – далее будут присылаемые из Петербурга. После наветов (якобы злоупотребляет властью) и доносов на его связь и дружбу со ссыльным украинским поэтом Тарасом Шевченко, он сдал свои полномочия новому атаману. До трагической гибели продолжал служить начальником Нижнекубанской кордонной линии. В краевом Госархиве [ГАКК] хранится рапорт, сменившего его Наказного атамана Г.И. Филипсона, командующему войсками Правого крыла Кубанской линии, в котором есть такие строки: «Считаю оба эти доноса, написанные людьми неблагонадежными, имеющие к обвинению личную злобу и ненависть... Генерал Кухаренко коротко мне известен благородным характером, который ставит его выше такой пустой клеветы» (*фонд 254, оп. 1, д. 930*).

Неутомимый краевед В.П. Бардадым на архивных документах показал, что при атамане Кухаренко оживилась работа войсковой гимназии, призванной готовить для осваиваемого края просвещенных людей, как для военной, так и гражданской деятельности. Директору войскового сада он вверил десяток мальчиков-сирот для обучения их премудростям садоводства, выделив на их содержание денежные средства. Заботился о рядовых казаках: хлопотал об уравнении в правах черноморцев с казаками-линейцами по срокам службы и выслуге.

Патриарх кубанской культуры не только создал материально-технические условия для успешного становления и развития печатного дела и прессы в крае, но и заложил основы местной литературно-публицистической сферы. В 1830-е годы он работает в Войсковой канцелярии, знает архивную работу, хорошо знает местную историю, поэтому не вызывает удивления решение войсковой администрации поручить ему составить «Исторические записки о войске Черноморском», а в помощники ему назначают есаула Александра Туренко и урядников Гавриила Венгерова и Евгения

Харсуна. Полтора года эта творческая команда работала над «Записками...». 15 мая 1836 года Я.Г. Кухаренко пишет рапорт в Восковую канцелярию о выполнении задания.

Очерк по истории освоения кубанского края запорожскими казаками основан на архивных документах, на свидетельствах очевидцев, да и сам Кухаренко был участником и свидетелем многих событий. Достоверность рассказов о боевой и хозяйственной деятельности черноморцев подтверждается архивными документами: текстами указов, рескриптов, рапортов, постановлений. Читается текст легко благодаря хорошему стилю, чистому авторскому языку. «...Записки» затрагивают историю появления Запорожской Сечи, наполнены размышлениями о причинах появления казачества за Днепровскими порогами, о политике государей российских, их стремлении сломить свободолюбивый дух сечевиков, не пропускает факты Персидского бунта простых казаков после переселения на «пожалованные земли». Много внимания уделено социально-экономическим преобразованиям в крае, подчеркиваются заслуги в этом атамана Федора Яковлевича Бурсака и протоиерея Кирилла Васильевича Россинского, «ревностного в развитии в сем крае просвещения». Касаясь взаимоотношений черноморцев с закубанскими народами, подчеркивал, что наместники от Оттоманской Порты разжигали недоверие черкесов к черноморцам и России. Кухаренко пишет: «Тогда же некоторые племена начали искать дружбы казаков и правительства России. Предводители пшедухов [бжедугов]... явились к кошевому Чепеге с представлением мира и обещанием прибыть в подданство России. Чепега угощал, ласкал их и, уверив в искренности и своем к ним дружелюбии, расстался с ними по-приятельски и доложил о том Таврическому губернатору. Такие дружеские сношения с черкесами были весьма полезны для черноморцев». По сию пору много споров по поводу авторства работы, поскольку «Исторические записки о войске Черноморском» были опубликованы после смерти Якова Герасимовича только под фамилией есаула Александра Михайловича Туренко (*Туренко А. Исторические записки о войске Черноморском // Киевская старина, 1887*). Один

из исследователей жизни и творчества «зачинателя кубанской словесности» Я.Г. Кухаренко и украинского поэта Т.Г. Шевченко – кубанский филолог, краевед Василий Николаевич Орел (1928 – 1987). Своими исследованиями он доказал, что «Исторические записки...» написал Я.Г. Кухаренко, а есаул А.М. Туренко был его помощником (публикации В.Н. Орла 1964 года – «Сюда звал поэта Яков Кухаренко», «Не в Одессе ли архив Кухаренко»; в 1966 году на Украине в № 3 журнала «Вітчизна» опубликована научная статья «Невідома історична праця Я.Г. Кухаренко»).

Так или иначе, военная служба давала Я.Г. Кухаренко впечатления, факты для размышлений и обобщений, возможность больше сделать для своих современников. «Исторические записки о войске Черноморском» и сегодня остаются ценным источником по истории ЧКВ с момента его появления на кубанских просторах. Для журналистов текст очерка – образец ответственной работы с документальным материалом, образец превосходной публицистики.

Надо полагать, что работа над «Историческими записками...» придала Якову Герасимовичу небывалый заряд творчества. В том же 1836 году он пишет драму «**Черноморский побывт на Кубани**». «Побывт» – быт, повседневность, повседневная жизнь, житье-бытье. Сегодня, в переводе с украинского В.С. Пукиша и В.К. Чумаченко, мы ее знаем как «**Черноморское житье-бытье на Кубани (между 1794-1796 годами)**» (см. журнал «Родная Кубань». 2012, № 4. С. 106-143).

Отрешившись от исторической эпопеи черноморцев, Кухаренко живописует, как изо дня в день протекает казачья жизнь со всеми ее заботами, радостями и горестями в новом краю. Очевидно: Я.Г. Кухаренко – еще и наш первый кубанский оригинальный драматург. О том, что и здесь – талантливая авторская вещь, свидетельствует тот факт, что весь XX век «**Черноморский побывт на Кубани**» был востребован: в переработке М.Старицкого и с музыкой Микола Лысенко драматическая пьеса под названием «**Черноморцы**» вошла в классический репертуар украинских музыкальных театров.

Бывая в Петербурге по службе и личным делам (в Царском Селе, в Алексан-

дровском корпусе, учились его сыновья Степан и Александр), Яков Герасимович знакомился с русскими и украинскими учеными, писателями, деятелями культуры, с Н. Костомаровым, С. Гулак-Артемовским, А. Скалковским, талантливым артистом М. Щепкиным, И. Срезневским. Наиболее известна многолетняя дружба с опальным украинским поэтом Тарасом Григорьевичем Шевченко и их активная переписка. Эти общения оказывали благотворное влияние на осуществление его творческих замыслов. В 1842–1843 гг. у него завязывается дружба с харьковским кружком романтиков - литераторов во главе с И. Срезневским и Н. Костомаровым. И эти яркие личности оказали на впечатлительно-романтическую душу Якова Герасимовича окрыляющее воздействие. Именно в 1840-е годы Кухаренко создает ряд беллетризованных очерков: «**Казак Мамай**», «**Сирота-язык**», «**Вороной конь**», «**Пластуны**». В сентябре 1842 года в письме к Т.Г. Шевченко Яков Герасимович сообщает о своих новых произведениях «**Слепая**» (на великорусском языке) и драме в трех актах «**Данила Рева**».

Специалисты-филологи подметили, что отдельные произведения Я. Кухаренко написаны и под сильным влиянием творчества И. Котляревского и, в первую очередь, поэма «**Харько, запорожский кошевой**». Уже потому, что автор и не скрывает, что основную фабулу своего повествования он копирует с широко известной поэмы И. Котляревского «Энеида». Это самое загадочное и спорное произведение. Несмотря на то, что поэма была обнаружена в архиве редакции журнала «Основа» в одном списке с другими произведениями Я.Г. Кухаренко, напечатанными на страницах журнала в 1861 – 1862 годах, рукопись подписана «**Яков Мишковский**».

Одни авторы считают, что поэма написана неким Мишковским. В частности, В.К. Чумаченко так и пишет: «Кухаренко ошибочно приписывается авторство бурлескно-трагической поэмы «Харько, запорожский кошевой», написанной Я. Мишковским».

Другие авторы утверждают, что наряду с «Кухар Яцько», «Яков Мишковский» – это еще один псевдоним Кухаренко. Во всяком случае, под его фамилией поэма бы-

ла опубликована через сорок лет после смерти Якова Григорьевича, в 1913 году.

В числе замеченных современниками и оцененных потомками произведений Я.Г. Кухаренко беллетризованный очерк «**Калугарь-чернец**», написанный им в 1844 году в форме «жартывливого» (шутливого) послания членам харьковского кружка романтиков, душой которого был историк языка и литератор И.И. Срезневский. До 50-х годов XX столетия этот очерк хранился в петербургском семейном архиве семьи Срезневских, а затем рукопись была передана в институт литературы им. Т.Г. Шевченко Академии наук Украины. Знатоки творчества Я.Г. Кухаренко узнают в «Калугарь - чернец» первоначальный вариант его позднего беллетризованного очерка «**Вороной конь**». Но «Калугарь-чернец» и «Вороной конь» объединяет только фабула. «Вороной конь» – более художественное произведение, несмотря, а может и благодаря, юмористической, а местами саркастически-ироничной стилистической окраске текста. Автор добродушно подсмеивается над казаком Кульбашным, который пошел на поводу у мошенников. Старый казак «на прозвище Кульбашный» продал своего коня, а мошенники уговорили его посмотреть на чудо-скакуна у чумаков. Кульбашный действительно видит удивительного скакуна, покупает его и от счастья еще сверху карбованцев добавляет: «Отъ вамъ, пановечумаство, на магарычъ». Чумаки - мошенники потчуют Кульбашного «горылкою» и тот по дороге назад не замечает, как вороного коня подменяют человеком, одетым чернецом. Чернец рассказывает историю о том, что за свои грехи превращен в коня на семь лет и сегодня срок истек. И добавляет добродушному казаку: «Гэпэр я тоби довстався, поможи мэни, батьку, гришны: я й за сэбе и за тэбе буду Бога молыть...» Расстроганный Кульбашный дает два карбованца «чернецю» и отпускает с миром. В тексте постоянно чувствуется присутствие автора. Он то смеется вместе с Кульбашным, то иронизирует над его добродушием и наивностью: «Чи нэ можа було догадаться, що то бувъ ни чернець, а клятый мошенникъ?»

Автор и не думает выводить Кульбашного из ранга положительных любимых героев и ставит тем самым в один ряд с чу-

маками-мошенниками. Простота, наивность, граничащая иной раз с глупостью – те качества, которые больше всего ценит автор, создавая образ Кульбашного, образ простого казака. И когда Кульбашный вновь видит на ярмарке «киня», которого покупал когда-то, автор спрашивает читателя: «Щожь вы думаете, панове?.. аджесть того продавца съ конэмь заштыть, та и до обахты. Такь нишь бо! Не такь Кульбашный вирывь, щобь усумниться!». И если на протяжении произведения автор мягко посмеивается над Кульбашным, то в последних строках хохочет в полный голос, обрисовав картину: «Пидійшовь до каня, нахыльвсь ему до уха, та й каже мышкомь: а цо, паноче! Че внять оце ты согрэшивь? Кайсь, небоже! ... – и, запрягши волюку у виз, та чей швыдче до дому».

Кроме занимательной истории, читатель видит на страницах произведения красочные описания природы Кубани, смакует вместе с автором каждое слово, описывая казачью ярмарку, видит в сцене покупки Кульбашным коня знаменитый казацкий торг: «пидійшовь до того, що торговался, знявь шанку, перехрыстывся, вдарили по рухатъ».

О жизни и быте казаков многое мы узнаем из другого очерка Я.Г. Кухаренко «**Пластуны**». Сам Кухаренко определял жанр как «повыдание» (повествование), то, что сегодня в теории и практике журналистов называется социально-бытовым (физиологическим) очерком. Прежде чем рассказать непосредственно о «пластунах», автор погружает нас в историю, как казаки жили: «На Днепру пехота сидела Сечи, а конники жили в Великом Лузу». И пешие и конные казаки занимались рыболовством и пластуномством. Кто такие пластуны? Это казаки-охотники, которые чаще «грязь месыли, нежели по суху ходылы». И вот черноморцы пришли на Кубань. Здесь были такие же плавни, как и на реке Днепр. Семейные казаки получали наделы и обживались хозяйством. Холостые становились пластунами. В описании быта, поведения пластунов автор удивляет точностью, необыкновенной подробностью. Мы видим особенности охоты пластунов: «пидпустивши звирия блызка, пластун недаеця ему въ знаки, щобь неспопохабыть, а понявши, яка звирина, стрыля на трискъ иму-

сыть повальгити...». И никогда пластун не приходил домой с пустыми руками. Столько настреляет, что нельзя унести. Приходилось прятать в камышах, ставя опознавательные знаки. И природа кубанская не беднела. Я. Кухаренко не раз повторяет о необыкновенном количестве птиц и зверей в кубанских плавнях. Там и «лысиця, и кабань, и олень, и дыка коза, и дыка собака, и уткъ всякый...». И тут же автор делает отступление: не давали житья казакам черкесы. Зазевавшегося на охоте пластуна могли на месте убить или к себе утащить. Поэтому стали пластуны ходить группами, появились свои хитрости: «Страшній пластун загавка якъ кабань...», «наши пластуны одягаютця въ черкеску одежду и пидь ихчь бармующись, запускают бороди, хто хоче». В «Пластунах» мы не видим конкретный образ казака, как в рассказе «Вороной конь». Здесь документальный рассказ о жизни и быте отдельной прослойки казачества – «пластунах». И хоть автор не выводит какие-либо черты их характера, не делает внешних описаний, видно, что Я.Г. Кухаренко любит ими так же, как и Кульбашным. Если в герое «Вороного коня» автор ценил определенные душевные качества, то в «Пластунах» автор с отеческой любовью восхищается природной твердостью характера этих людей, их приспособленностью к самым тяжелым условиям жизни. На страницах произведения Я.Г. Кухаренко говорит: «Зимою на холоди, а летом на комарахъ та зь голодомь. Не богавшы луччого, думали, що такь на всимь свити... Нас тамь хвалыли, та не знаемь за що, бо мы привыкли ривно тягты службу, якъ той виль, не хыбылы зь роду».

...В конце сентября 1862 года казачью Кубань потрясло злодейское убийство Якова Герасимовича Кухаренко. Он, бывший атаман, генерал-майор и Начальник нижнекубанской кордонной линии ехал по делам службы в Ставрополь. На тракте, за станицей Казанской, попал в засаду, был ранен абадзехами и увезен в закубанский аул, там и скончался от ран. Налетчики за бездыханное тело получили приличный выкуп, а весь Екатеринодар в великой печали провожал в последний путь своего «Кухарэнка». Аким Дмитриевич Бигдай (Бегдаев), собиратель народных песен (1855 – 1909), записал и оставил потомкам народ-

ную песню-балладу, повествующую о трагической смерти Якова Герасимовича «У пятницы на базари»:

У пятницу на базари вси заговорылы,
Шо старого Кухарэнка взялы, полоньлы.
Зазвонылы до раньойи Богу помолыться,
Рознылысь слухи тяжки, люд чогось боиться.
Зыжурылысь стари й мали, народ голосуе,
Пыта один у другого: – Чого люд сумуе?
Чого й страх на всих найшов?
– Чого? Ны нэ знаешь: гэнэрала Кухарэнка
узялы черкэсы – його с зятэм захопылы, поло-
нылы,
а поштаря-козака там же й и убылы.
Пийшов гомин у народи, брат брата пытае,
роспытують, розказують, а нихто нэ знае
чи то правда, чи нэ правда, иншой нэма виры,
щоб старого Кухарэнка взялы бузовиры.
Люд сумуе и гвалтуе: – Взялы, полоньлы
Кухарэнка та шей с зятэм в кайданы забылы.
Затужили чорноморци: – Ой, Боже, наш Боже!
Хто ж у прыгоди нам бидным та йи поможе!?.
Це я чуяв на базари, на улыци ж бачив –
Идуть взрхи тры черкэсы и пытають «Бабчи».*
Пидьыхалы до будынка вэльможного пана –
Из конькив нэ слизають – мабуть така шана.
Я ж дывывсь из крипости як воны стоялы.
Выйшов хлопэц, шось сказав им, воны й по-
скакалы
до будынку Кухарэнка – звистку мабуть даты.
Кажуть диты буцим зналы, та нэ знала маты.
У вивторок прийшла чутка, люды говорылы,
що черкэсы сорок тысяч на выкуп просылы.
(* генерал П.Д. Бабыч)

Незадолго до смерти Кухаренко, в петербургском журнале «Основа» (первом регулярном украинском журнале в России, выходившем с 1861 года) увидели свет его основные произведения. Еще почти через двадцать лет, 1880 году, в Киеве издавался сборник его творений. Утверждают, что книга его произведений выходила в 1918 году в Екатеринодаре. Есть сведения, что сочинения Я. Кухаренко в 1928 году издавались в Праге. К сожалению, до наших дней не дошли многие его произведения: «Слава Черноморская», «Черноморское характерство», «Загадки на немецкий штамп», упоминавшиеся в его письмах к современникам. Это – и вторая часть «Черноморского побыта», намеченная к публикации в журнале «Основа», но журнал вскоре был закрыт.

Сегодня в Краснодаре, Литературном доме-музее им. Я.Г. Кухаренко, на вес золо-

та единичные экземпляры его произведений, о которых посетителям рассказывают. Только в краевой библиотеке им. А.С. Пушкина в отделе редкой книги есть небольшая книжечка «Збирнык творив Я.Г. Кухаренко (наказного атамана). Киевского университета типография. 1880».

Журналистика Кубани обязана Якову Герасимовичу Кухаренко за то, что именно он приложил личные усилия по оснащению войсковой типографии новейшим оборудованием, что дало возможность наладить выпуск первой кубанской газеты и книг. По данному вопросу известны публикации краеведа В.П. Бардадыма. Документы госархива Краснодарского края из фонда № 250, обо всех обстоятельствах переоснащения войсковой типографии, опубликованы исследователем истории книжного дела в крае А.И. Слуцким – «Дело архива войсковой канцелярии № 1374, или Хлопоты Я.Г. Кухаренко о техническом переоснащении типографии (1841-1843)» // Четвертые кухаренковские чтения. Науч. ред. В.К. Чумаченко. Краснодар, 2010. Войсковая типография создавалась с 1819-го. Первые бланки для канцелярских нужд штаба и дирекции екатеринодарских училищ стали печатать с января 1822 года. На двух деревянных станах работали местные казаки-наборщики Осип Великий и Антон Уманцов, обученные Иваном Алексеевичем Шрамковым – специалистом, приглашенным из Харьковской типографии. В феврале 1841 года Я.Г. Кухаренко, выполняя служебные поручения в Москве, консультировался у опытных типографов по вопросам печатного дела, присматривался и приценивался к новейшему типографскому оборудованию. Возвратившись в Екатеринодар, как член войсковой канцелярии, он убедил штабных: чтобы улучшить печатную работу, необходимо приобрести лучший по тем временам американский чугунный типографский станок, который в час делает 250 оттисков! На приобретение американского «коленчатого стана» было выделено 216 рублей серебром. В Москву отправили не только деньги за станок, но и двух молодых казаков Щербину и Казидуба осваивать в типографии Н. Селивановского профессию печатника – изучать наборное дело и устройство разных станков. С тех пор типография стала печатать не только

канцелярские бланки, служебные бумаги, приказы, распоряжения по войску, но и театральные афиши, первую газету, и первые книги. **11 апреля (30 марта по старому стилю) 1863 года** был выпущен первый номер газеты «**Кубанские войсковые ведомости**», с 1873 года – «Памятная книжка Кубанской области», был также налажен выход другой книжной продукции – «Кубанских сборников» и «Кубанских календарей». Таким образом, Якову Герасимовичу удалось наладить печатное дело на Кубани по последнему слову техники. К сожалению, до выхода первого номера «Кубанских войсковых ведомостей» Я.Г.Кухаренко не дожил ровно полгода.

Примечания:

1. *Бардадым В.П.* Войсковая типография // Этюды о Екатеринодаре. Краснодар, 2000.
2. *Бардадым В.П.* Радетели земли кубанской. Краснодар: Советская Кубань, 1998.
3. *Бигдай А.Д.* Песни кубанских казаков. В редакции В.Г.Захарченко. Том I - Песни черноморских казаков. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1992.
- 4.Збірник творивь Я.Г.Кухаренко (наказного атамана). Киевского университета типография, 1880.
5. *Кухаренко Я.Г.* Сказание. Перевод В.К.Чумаченко и В.С.Пукиша // Четвертые кухаренковские чтения /науч. ред. В.К.Чумаченко. Краснодар, 2010.
6. *Кухаренко Я.Г.* Черноморское жительство на Кубани (между 1794-1796 годами). Перевод с украинского В.С.Пукиша под общей редакцией В.К.Чумаченко // Родная Кубань. 2012.№ 4.
7. *Ламосова Н.В.* К истории постановок драмы Я.Г.Кухаренко «Черноморский побывт на Кубани (между 1794 – 1796 годами) // Четвертые кухаренковские чтения /науч. ред. В.К.Чумаченко. Краснодар, 2010.
8. *Матвеев О.В.* Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.). Краснодар: Кубанькино, 2005.
9. *Орел В.Н.* В поисках истины / под науч. ред. В.К. Чумаченко. Краснодар, 2006.
10. *Орел В.Н.* Атаман Кухаренко и его друзья. Краснодар, 1994.
11. Путеводитель по государственным архивам Краснодарского края. Краснодар, 1963.
12. *Скибицкая И.М.* Я.Г. Кухаренко и казачья колонизация Закубанья на заключительном этапе Кавказской войны // Четвертые куха-

ренковские чтения /науч. ред. В.К.Чумаченко. Краснодар, 2010.

13. *Слуцкий А.И.* Дело архива войсковой канцелярии № 1374, или Хлопоты Я.Г. Кухаренко о техническом переоснащении типографии (1841-1843) // Четвертые кухаренковские чтения /науч. ред. В.К.Чумаченко. Краснодар, 2010.

14. *Слуцкий А.И.* Из истории периодической печати на Кубани. Краснодар, 1995.

15. *Чумаченко В.К.* Родное слово греет душу // Родная Кубань. 2012.№ 4.

16. *Чумаченко В.К.* Кухаренко Яков Герасимович //Энциклопедический словарь по истории Кубани /под ред. Трехбратова Б.А. Краснодар, 1997.

Ф.О. Мамчуева

**Поэтический текст
как отражение культурной картины
мира в поэзии народов
Карачаево-Черкесии**

Культура главным образом передается посредством письменной и устной речи. Внутри языка находится остов истории общества и большая часть его культурной идентичности.
Дэвид Кристал.

Трансформационные процессы, захватывающие экономическую, политическую, социальную сферы и решительно изменяющие условия жизни людей в любом социуме весьма активны. Эти трансформации переходят и в сферу культуры, которая существенно преобразуется под влиянием ряда факторов. Поэтический текст дает возможность проанализировать процессы конструирования и реконструкции культурных миров.

Поэтический текст – весьма специфический объект лингвистических исследований, но одновременно – это текст художественный, и обнаруживает ряд подходов. Актуальны в этом плане взгляды известных исследователей в области теории поэтического языка – В.В. Виноградова, В.П. Григорьева, Ю.М. Лотмана, А.А. Потебни, Р.А. Якобсона. «Культура ... – это сложно устроенный текст, распадающийся на

иерархию «текстов в текстах» и образующий сложное переплетение текстов... Слово «текст» включает в себя этимологию переплетения, толкованием которого возвращаем понятию «текст» его исходное значение», – писал М.Ю. Лотман [1]. Действительно, проблемы текста, обсуждаемые философией, культурологией, лингвистикой, литературоведением, психологией, педагогикой, оказываются неразрывно связанными с культурой. Текст вплетен в культурное пространство с одной стороны, а с другой – культурное пространство порождает текст.

Обобщая научный потенциал лингвистов по проблеме организации поэтического текста, что: поэтический текст – особая система, организованная по системным принципам структурности, целостности и связана с действительностью. Такой подход позволяет, во-первых, исследовать динамику текста, механизм его построения и интерпретации, во-вторых, выделить текстовые единицы и способы их смысловой интеграции для создания языковой картины мира.

Окружающая действительность (реальный мир), отражение этой действительности в мозгу человека (культурная картина мира), и выражение результатов этого отражения в языке (языковая картина мира) – эта простая триада, необходимая при исследовании проблемы отражения картины мира в человеческом языке. Культурная картина мира, созданная в художественном произведении, – это представление поэта о мире, то, как художник воспринимает, чувствует и переживает мир по-своему и тем самым создает свой оригинальный и неповторимый образ мира.

Взгляд члена культуры (в данном случае поэта) на внешний мир и есть культурная картина мира, представляющая собой совокупность знаний и представлений о ценностях, нормах, нравах, менталитете собственной культуры и культур других народов. Трансформируясь в художественные образы, эти знания и представления о мире, могут вступать в самые разнообразные отношения с миром реальным.

Изучение менталитета народов Карачаево-Черкесии через интерпретацию стихотворений национальных поэтов, на наш взгляд, может принести особо ценные результаты, выявить забытые истоки и тради-

ции. Поэтому темой своего исследования мы выбрали лирические произведения народов Карачаево-Черкесии. Их творчество – это глубокая энциклопедия жизни народов, основ их существования и национальных особенностей.

В рамках обострившегося интереса к культуре народов Карачаево-Черкесии, национальной литературе, исследование культурной и поэтической картины мира обладает особой актуальностью. Кроме того, несмотря на существование ряда литературоведческих работ, субъективная позиция авторов и их лирическое мировоззрение остается довольно размытым. Исследование культурной картины мира актуально и необходимо, так как «чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, тем богаче концептосфера народа», «тем богаче, чем богаче вся культура нации – её литература, фольклор, наука, изобразительное искусство, она соотносима со всем историческим опытом нации». «Имеет значение, – отмечает учёный, – не только широкая осведомлённость и богатство эмоционального опыта, но и способность быстро извлекать ассоциации из запаса этого опыта и осведомлённости» [2].

Взаимосвязь языка и культуры давно привлекает внимание ученых. Язык является не только важной составной частью и условием культуры, но и продуктом культуры. По своеобразию ментальности, а также по этнической языковой картине можно судить об общей картине мира.

В этом плане примечательно творчество Б. Лайпанова и М. Чикатуева. Пространство национальной жизни и время в его эпическом и реально-историческом выражении – образ мира Билала Лайпанова. Символы, метафоры, индивидуально - авторские образы – средства создания национальной картины мира Б. Лайпанова. Система «Я», «МИР» представлена обобщенными когнитивными стратегиями: Человек, Поэт, Народ. Так как этой системе свойственно множество граней, она представляет следующую схему лирического отражения жизни «Я» – *родная земля*, «Я» – *дерево*, «Я» – *небо*, «Я» – *трава*. Данные стратегии определяют основные параметры взаимодействия субъекта и той среды, в которой он существует, и представляют

различное освоение мира. Поэтический мир формируется именно в рамках перечисленных когнитивных стратегий. Идентификация образа человека связана с личностью художника, творца. В этом плане примечательна поэзия Б. Лайпанова М. Чикатуева. В идеальном воплощении, например, Биалала Лайпанова, Человек – личность самого поэта с его представлениями о далеких легендарных предках, так как центром и сутью поэтического мира является творческая личность, человек-творец. Именно в этом образе человека отражен национальный дух, национальный характер, национальное бытие, так как обращение поэта к мифологическому или историческому прошлому воссоздает картины недавних трагических событий в жизни народа. Поэтому Человек – для Б. Лайпанова – гражданин своей Отчизны, он символ национального духа и хранитель национальных святынь горячо любимого народа, его защитник, в нем – правда и справедливость. Это отражено в творчестве самобытного карачаевского поэта-лирика Биалала Лайпанова, от сборника к сборнику: «Бусакъла» (Тополя) (1986), «Камень и дерево» (1988), «Дунияны сейирлиги» (Удивительный мир) (1990), «Радуга над пропастью» (1992), «Джуртубузда Джангыз Терек» (Одинокое дерево на родине) (1992), поэтический трехтомник «Пространство моего голоса» (1993–1996), «Собрание сочинений в 10-ти томах» (1993–1998) проявлялась яркая творческая индивидуальность поэта.

Поэтические тексты в творчестве Б. Лайпанова создают единую сферу, индивидуальную картину мира: «Дуния сейирлиги» («Чудо мира»), «Пространство моего голоса», «Седьмое небо», «Джан Джурт» («Отечество души»). Итак, обратимся к одному из двух структурных центров поэзии Лайпанова, к образу человека, представляющего в текстах и как поэт, и как «Я», как безымянный, но при этом индивидуально обозначенный представитель национального сообщества, и как некий фольклорно-мифологический или фольклорно-исторический персонаж. Это, по существу, взаимодополняющие сущности: обобщенно-абстрактный человек, творческая индивидуальность, то есть личность самого поэта, и некая национальная идея. Поиск духовных истоков национального бытия связан с

обращением писателя к историческому и фольклорному прошлому: Къадау Гаш, Джангыз Терек, которые являются национальными святынями в народе, обращение к легендарным первопредкам, к эпическим и фольклорным героям – Карча, Трам, Науруз, Адурхай, Боташ, Сосуко, Ерюзбек, Бийнегер, Татаркан.

Представления о далеких легендарных предках (Трам, Карча, Адурхай, Боташ, Науруз), формулирование нравственных законов, воплощенных в конкретных личностях, чаще всего эпических героях – национальные образы мира лирики Биалала Лайпанова.

Джарлы тилим, бай тилим,
Джулдуз тилим, Ай тилим,
Дуния тилим, *Трам* тилим,
Науруз, *Адурхай* тилим
Къарча тилим, *Боташ* тилим,
Тау тилим, таш тилим,
Кюн тилим, гюл тилим,
Къарачай тилим, ана тилим.
Бедный мой язык, богатый мой язык,
Звездный мой язык, Лунный мой язык,
Мира язык мой, *Трама* язык,
Науруза, *Адурхая* язык,
Къарчи, *Боташа* язык мой,
Горный мой язык, каменный язык,
Солнца язык, цветка язык,
Карачаевский язык, родной мой язык [3].

Для Б. Лайпанова язык – высшая ценность, превосходящая ценность веры, приверженность которой поэт демонстрирует достаточно ярко, так как язык является хранителем памяти, истории, национального духа, а значит и самого народа. «...А что нужно человеку? / Хлеб? / Вода? / Слово? / Чтобы жить...» *Слово, язык, родная речь* – ценны для поэта, так как они связаны с поэтическим образом человека, они инструмент поэзии, но и как основная ценность бытия:

...Ты хвалишься, что многое постиг
Что знания умножат силы.
Но ты забыл отца и матери язык,
И славных предков затоптал могилы.
Опомнимся! Вы слышите меня?
нас одна земля под небесами!
*Спасем язык и память из огня-
И будем спасены мы сами* [4].

Вопросы отражения в языке народа особенностей его национального характера, менталитета, культуры, этнический аспект лексики интересуют исследователей в последнее время. В поэтической лексике преломляется представление народа о прекрасном, находят свое выражение эстетически и эмоционально возвышенные чувства. В устойчивых метафорах, народных пословицах и поговорках наиболее отчетливо проглядывается национальное мировоззрение, мирочувствование. Поэзия является целостной системой, отражающая этнический менталитет. Активация национального архаического опыта, культурная и историческая память – концепция единства человека и мира поэта:

Когда вы взглядом обведете
Мой край, всю Родину мою,
Тогда, я думаю, поймете
И то о чем я вам пою.
Оцепененье древних мифов
Стряхнув, подняв траву и снег,
Выходят кони *гуннов, скифов*,
Прервав столетний свой ночлег.
Ахалтекинская порода
И карачаевский скакун.
Здесь кони каждого народа,
И ноги их стройнее струн [5].

Образ родины для поэта – это не только попытка осознать себя в этом мире, но и ощущение сопричастности судьбе отчизны, это обретение через образы родины, труда гражданских идеалов, основанных на традициях, карачаевского этикета и фольклора.

Мой народ – это ветвь
В мощной кроне могучего дерева,
Это хрупкий побег
На огромном стволе
Наш язык – это голос,
Что вместе с другими слагает
Звучанье напева
И звенит много лет на земле [5].

Определяя значимость творческого вклада Б. Лайпанова в развитие карачаево-балкарской духовности, исследователь карачаево-балкарского культурного наследия Ф. Урусбиева пишет: «Большие поэты ма-

лых народов – всегда явление всеобщего порядка из-за напряженности в них идеи национально-культурной идентичности. Они всегда деятели культуры в широком смысле, так как несут в себе весь запас поручений своего народа» [6].

Ярким представителем абазинской литературы является Микаэль Чикатуев. С особенностями образного освоения окружающего мира, с созданием образа человека тесно связано формирование поэтического сознания М. Чикатуева.

Находясь в прямой зависимости и взаимообусловленности, идея и образ в поэзии являет собой неразложимое единство способов отражения и принципов осмысления жизни. Исследуя национальные основы созданных М. Чикатуевым образов, принципы изображения фактов национальной действительности и человека в его связях с окружающим миром, мы опираемся на понятие художественного образа как категории поэтики, нами выявляется взаимосвязь формы выражения того, что изображает поэт и как, с помощью каких образов поэт выражает эстетический идеал. Выдвинутая задача решается с учетом этнохудожественных традиций абазин и литературного опыта, обретенного в процессе эволюции художественного сознания народа.

Новаторские черты поэтического творчества М. Чикатуева связаны с его художественными исканиями.

В этой связи необходимо обратить внимание на широкий круг вопросов, связанных с принципами художественного исследования личности человека, в первую очередь, лирического героя, запечатленного в поэзии М. Чикатуева. «М. Чикатуев один из первых вступил на путь раскрытия и изображения человеческого содержания, процессов, произошедших в обществе, в жизни и судьбе его народа, он попытался осмыслить воздействие этих процессов на судьбы и характеры людей, попытался объяснить происходящее в их связи с национальными традициями, с исторически сложившимися особенностями мировосприятия и мироотношения глазами и сердцем представителя народа. Он показал национальное в индивидуальном выражении, отразил в своей лирике черты исторически

сложившегося психического склада своего народа».

Изображая своего героя, М. Чикатуев, использует образную философию, способствующую раскрытию мира души человека. Объектом философских раздумий и художественного осмысления поэзии М. Чикатуева становится образ человека, поэт показывает его как часть мироздания, выражает его представления о назначении человека, о смысле его жизни на земле, так как его герой – представитель лучших качеств абазинского народа

Формирование поэтического сознания Микаэля Чикатуева тесно связано с особенностями образного освоения окружающего мира, с созданием образа человека. В этом плане примечательны лирические сборники М.Чикатуева «Сердце Абазашты» «Абазинские всадники», «Человек и тысячелетие», «За человека», «Хочу стать хорошим человеком».

Время мое
не ошиблось в юнцах:
мужество выспело
в жарких сердцах.
Норов горячий,
как в ножнах клинок:
землю не выбить
у нас из-под ног.
Наши дороги по жизни
прямые –
всадники,
всадники,
всадники – мы! [7]

Изобразительное и выразительное начало образного мира М. Чикатуева обращено к традиции, к наследию, подчинено авторскому стремлению показать их в органическом единстве. В рамках этого единства предстает художественная концепция лирического героя, философская концепция бытия народа, его прошлое и настоящее.

Ориентируясь на нравственные ценности и идеалы, М. Чикатуев складывает свою сердечную песню об абазинах и Абазаште. Используемый М. Чикатуевым образ символичен, *апхирца* – старинный музыкальный инструмент – скрипка, на котором абазины исполняли свои древние поэмы и песни. Философия творчества М. Чикатуева, лирическая интонация его поэзии – это

осмысление нравственных и этических представлений абазинского народа, осмысление корней и истоков, поэтому его лирический герой – это представитель лучших качеств абазинского народа.

Слышу я звуки апхирцы пастушьей,
Чабана с отарой узнаю...
И любовь
пронзает солнцем душу,
И брожу я вновь в родном краю...
Многим ты неведома пока что
Родина джигитов,
Песен мать...
Лепесток душистый,
Абазашта,
Век тебе цвести –
не умирать! [7]

Устная поэтическая традиция, протекающая из этнических особенностей национально-художественного мышления и восприятия окружающего мира – это национальный мир художественных образов поэзии Микаэля Чикатуева. Предполагая определенный смысл и подтекст, эта ориентация выражена в соответствующих заголовках лирических сборников поэта. Примечательно в этом отношении стихотворение М. Чикатуева «Обычай орлов». Как известно, в многонациональной поэзии народов Кавказа образ этой птицы символизирует высоту орлиного полета. Старшие рода и племени, заслужив это место своими деяниями и поступками, почитаемы и уважаемы. Они учат навыкам мудрости подрастающее поколение. Вот почему в поэзии М. Чикатуева лирический герой, предстающий в образе человека, пропускающего через себя все происходящее вокруг. Это касается как социальных, исторических, так и морально-этических тем и проблем.

Все ближе мне обычаи народа,
где я живу,
где умереть готов,
где ощущение счастья и свободы –
единственный обычай у орлов [7].

Национальная обозначенность, национальная самоидентификация поэтов Карачаево-Черкесии связана с их представлениями о человеке в современном мире. Как представители своих народов и своих национальных культур, входящих в общий

мир, Б. Лайпанов и М. Чикатуев осознают и свою личность, и вообще ценность любой человеческой личности именно в этой системе координат. Находясь в постоянных поисках незыблемых основ жизни и собственной личности, поэты создают свои миры, картины мира в категориях индивидуального и национального сознания.

Ориентируясь на нравственные идеалы и ценности, этические представления народов, поэты Карачаево-Черкесии Б. Лайпанов и М. Чикатуев описывают национальные миры художественных образов, человек пропуская через себя все происходящее вокруг себя, чувствует и осознает себя частью Вселенной, стремящийся достичь небесных высот, поспеть за ритмами жизни и времени.

Таким образом, проведенный нами анализ поэзии Б. Лайпанова и М. Чикатуева дает подрастающему поколению представления о предках, о происхождении народа, о реальных исторических событиях. Именно поэты, на наш взгляд, формируют представления о национальных особенностях, чертах, взглядах. Исследуя глубинные основы нравственности, открывающие корневую связь между философским постижением мира и нормами отношения человека со своим народом и всем человечеством, Билал Лайпанов и Микаэль Чикатуев ориентируются на национальные культурные традиции. А представления о себе, о своем прошлом, настоящем и будущем способствует созданию целостной культурной картины. Все это связано со стремлением поэтов к индивидуальной и национальной самоидентификации, к осознанию роли и места их как человека, поэта и гражданина своей Родины, составляющие их «Я» есть лишь взаимодополняющие стороны их личности, которые не существуют отдельно и не могут рассматриваться в отрыве друг от друга.

Примечания:

1. *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб. Искусство, 2002. С.260.
2. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М.: Academia, 1997. С.282.

3. *Лайпанов Б.А.* Дуния сейирлиги. (Чудо Вселенной). Черкесск, 1990. С.47.

4. *Лайпанов Б.А.* Чыгъармаларыны 10-томлугъу. (Сочинения в 10-ти томах). М.: «Тейри», 1993 – 1998. (на карач-балкар яз.). С.175.

5. *Лайпанов Б.* Пространство моего голоса: Стихи в переводах русских поэтов: в 3 т. М.: Тейри, 1993. Т. 1. С.14, 108.

6. *Урусбиева Ф.А.* Билал Лайпанов – старая юность тюркской поэзии // Лайпанов Б.А. Джашау, елюм да - хакъ. Джашау елюм да – акъ (И жизнь и смерть справедливы). М., 2006. С.414

7. Антология литератур народов Северного Кавказа в 5 т. Т.1.: Поэзия. Часть I. /Сост. А.М. Казиева. Пятигорск, Изд-во ПГЛУ, 2003. С.21,23, 22.

IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И ТОПОНИМИЯ

С.Х. Ионова

О русских названиях населённых пунктов (ойконимах) Карачаево-Черкесии

Для начала укажем на то, что мы выражаем свой низкий поклон всем тем, кто внес хотя бы маленькую лепту в дело сохранения названий многочисленных географических объектов, многие из которых сегодня, к большому сожалению, уничтожены и уничтожаются.

Изучение проблем ономастики остро поставило задачу научной разработки топонимии, антропонимии, гидронимии, космонимии, теонимии как в целом России, так, в частности, и Северного Кавказа.

Значительная работа в этом плане проведена учеными Абхазии, Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Дагестана, Азербайджана, Осетии, Грузии, Чечни, Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Ставропольского и Краснодарского краев, Москвы и Санкт-Петербурга.

Например, в последние годы группа языковедов Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований провела большую работу по сбору и систематизации абазинской, ногайской, черкесской, карачаевской, русской топонимии республики [1].

Исследован значительный фактический материал, собранный путем фронтальной записи топонимов на территории республики, извлечения из источниковедческой литературы, географических карт, фольклора и т.д. Данная статья посвящена лексико-семантическому анализу русских ойконимов республики.

Прежде чем перейти к анализу материала, приведем географические апеллятивы, участвующие в образовании русских топонимов (слова даются в алфавитном порядке):

амбар, балка, башня, бугор, вода, водопад, гора, дорога, камень, клин, коло-

дец, косогор, курган, лес, мельница, местность, низ, озеро, перевал, пещера, поле, поляна, поселок, равнина, река, речка, речка, родник, сад, сенокосное угодье, скала, спуск, станица, урочище, участок, холм, хребет, хутор, язык (анат.).

Сфера их использования различна. Одни из них употребляются в оронимах (*гора: Большой Ужум, Батаря, Триножка*); другие – в гидронимах (*река, родник: Белая, Алычевая, Растофейка; Овечка, Монастырская*); третьи – в ойконимах (*Пристань, Евсеевский, Зеленчукская, Сторожевая*).

Географическими апеллятивами, формирующими наибольшее число русских топонимов, являются следующие:

*речка (Белая, Алычевая, Растофейка);
родник (Овечка, Монастырский,*

Полькина);

гора (хребет, курган) (Большой Ужум, Батаря, Пароход);

местность (Большой Сахалин, Подсиня, Подкраска);

дорога (Третья семиколенка, Трактовая);

спуск (Большой, Убыхов – от этнонима «убыхи»);

поляна (Учуксика, Ясенева, Лунная, Казачья) и т.д.

С помощью этих и им подобных апеллятивов образовано более 800 русских топонимов.

Собранный топонимический материал позволяет выделить следующие лексико-семантические ряды: а) названия, связанные с именами и фамилиями людей (*Агибалова балка, Белоус-гора, Волошино поле, Сорочкины клины, Шведкова курган, Полькина балка*); б) гидронимы (*Горький родник, Баритная, Змейка, Озерцо*); в) топонимы, отражающие растительный мир (*Алычевая – р., Березовый клин – лес, Буково – уроч., Кизилова балка, Липовая речка, Темные чинары – балка, Черемуховая речка*); г) группа топонимов, куда входят названия объектов по самым разнообразным признакам: описательные, образные, по признаку сравне-

ния с другими объектами, а также названия, указывающие на величину географического объекта, цвет, количество, содержание полезных ископаемых, бывших местожительств, исторических событий, военных терминов и др. (*Алебастровая пещера, Амбразура, Батарей, Верблюды, Девичьи косы, Зубастая, Котел, Коришун, Красный рог, Латы – охотничьи угодья, Летовка, Никелевая речка, Одиннадцатая балка, Пьяный курган, Таблица, Рыданька-лес, Сиротский бугор, Тецин язык – поле, Чертова мельница, Шлях* и множество других).

Чуть шире остановимся на ойконимах республики – старых и новых. В Карачаево-Черкесии отмечено более 60 населенных пунктов.

Более старыми названиями русских населенных пунктов в республике следует считать ойконимы *Зеленчукская, Сторожевая, Исправная, Кардоникская, Преградная, Верхняя Ермоловка*. Эти названия станиц возникли в период заселения русскими переселенцами верховьев Зеленчуков.

Ряд населенных пунктов носят имена или фамилии определенного лица: *Валуйский, Николаевский, Нижняя Ермоловка, Пантелеймоновка, Фроловский, Еришов*.

Укажем на то, что антропонимические образования ойконимов чаще подвержены изменениям. Изменения социального строя, отмена частной собственности на землю и т.д. вызвали необходимость переименования многих населенных пунктов, ранее носивших имена их владельцев: *Котляровский* – переименован в поселок *Красивый, Валуйский* – в *Знаменку, Верхне-Николаевская* – в *Красногорскую* и т.д.

Встречаются также ойконимы, сохранившие название прежнего местожительства переселенцев: *Киево-Жураковский* (в быту – *Жураки*), *Марухско-Эстонский* (в быту – *Эстонка*).

Для сравнения укажем и новейшие названия, в которых содержится гидронимическая терминология: *Водораздельный, Заречный, Холодный родник, Водовод*.

Определенное количество ойконимов образовано от названия растений и садов: *Садовый, Дубянский, Грушка*.

В основе некоторых ойконимов республики лежат этнонимы с русскими словообразовательными формантами – *ск, овка, евск*: г. *Черкесск* – этноним «*черкес* –

черкесы» + *ск*, г. *Карачаевск* – этноним «*карачаевец, карачаевцы*» + *-евск, Осетиновка* – этноним «*осетин-осетины*» + *-овка* и т.д.

Среди русских ойконимов встречаются и такие, которые отражают местные географические условия, различные признаки объекта: *Красногорская, Медногорск, Красный Курган, Красивый, Солнечный, Светлый, Счастливое* и др.

Некоторые ойконимы образованы путем противопоставления признаков: *Верхняя Ермоловка – Нижняя Ермоловка* или с определением «верхний» – *Верхний Каменноост, Верхне-Николаевский, Верхняя Пантелеймоновка* и т.п.

Встречаются и такие населенные пункты, названия которых образованы префиксальным способом: *Подскальный, Пригородный, Предгорный*.

Выделяют ойконимы - посвящения: *Чапаевский, Путь Ильича* и др.

Здесь укажем также на то, что русские топонимы республики, как и абазинские, ногайские, черкесские, карачаевские, осетинские и др., находятся в иноязычном окружении, поэтому в их составе встречаются и такие, как *Аджара* – гора в верховьях р. Большая Лаба; слово этимологизируется на материале абазинского и абхазского языков как «осина», *Адзатиц* – перевал, соединяющий бассейны рек *Санчара* и *Бзыбь*, с абаз. «*Красная воды*», *Барануха* – гора в Урупском районе. В названии усматривается абх.-абаз. *БараныхIва* – «жертвоприношение», «святилище». Состоит из *бара* – название какого-то божества (ж.) и – *ныхIва(ра)*, где элемент *-н-* восходит к абх.-абаз. *а-н-чва* «бог» («боги-матери») и – *ахIвара* «говорить, просить». Топоним *БараныхIва* в целом означает «Святилище бога», «Там, где просят бога».

В ашхарском диалекте абазинского языка *ныхIвара* означает «просить бога». Ср. выражение: *Анчва уйныхIватI* – «Пусть бог будет доволен тобой».

До недавнего времени *бараныхIва* бытовало у абазин как обряд вызывания дождя. *НыхIв* – в *Бара-ныхIва* выступает и как официальное мужское имя и т.п.

Как видно из сказанного, взаимовлияние русского и национальных языков, широко проявляющееся вообще в лексике контактирующих языков, проявляется и в топонимии.

Собранный по Карачаево-Черкесии русский топонимический материал позволяет сделать следующие выводы: русские топонимы в основном одно или двухсоставные, они в основном – именные; в основе многих топонимов (и ойконимов) лежат антропонимы; многие ойконимы указывают на характерные приметы местности и включают названия, обозначающие землю, воду, растительность, животный мир, цвет, величину, содержание полезных ископаемых и т.п.

Таким образом, исследование русских топонимов, как и топонимов народов Карачаево-Черкесии, имеет большое научное и практическое значение. Русская топонимия также является источником для изучения многовековой истории республики.

Примечание

1. На основе собранного топонимического материала изданы монографии: «Абазинская топонимия» (С.Х. Ионова), «Ногайская топонимия» (М.А. Булгарова), «Карачаево-балкарская топонимическая система и реконструкция природопользования» (С.А. Хапаев).

Подготовлена к изданию монография «Черкесская топонимия» (Р.Х. Темирова). Ряд научных статей С.Х. Ионовой, М.А. Булгаровой, С.А. Хапаева посвящен анализу русской топонимии. Все русские топонимы войдут в готовящийся к изданию «Словарь географических названий Карачаево-Черкесии».

Р.Х. Темирова

Первые русские поселения верховьев Кубани и её левых притоков

Тема нашего доклада актуальна, хотя, может быть, и неудобна. Проблема взаимоотношений черкесов и русских (казаков) современными историками не осмыслена комплексно. Несмотря на это, у наших народов имеется общая история и нам дорога каждая ее страница.

Наиболее ранние жилища русских на Северном Кавказе появились в виде оборонительных сооружений, таких как редуты, крепости, укрепления, штерн-шанцы, посты, необходимые в условиях военного

времени. Первым укрепленным форпостом России на территории проживания Черкесии была крепость Моздок, заложенная в 1763г. на р. Терек, что в переводе с кабардино-черкесского языка означает «глухой, дремучий лес». Начиная с 1774 г., когда после русско-турецкой войны Турция уступила России восточную часть исторической Черкесии – Кабарду с границей по р. Кубань, строительство оборонительных сооружений, а также закладка станиц с русским населением на территории уже подвластной России принимает военно-стратегический характер [1]. Как видно, на более раннем этапе процесс колонизации проходил с востока на запад. Поэтому первые русские жилища, будь то редуты, крепости и станицы, основанные на правом берегу реки Кубань, а также на реках Кума, Подкумок и на правом берегу Кубани, датируются в основном 1787 – 1825 годами.

В эти же годы была основана Константиногорская крепость. Это первое русское поселение у подножья горы Бештау. А в 1830 г. вместе с этой крепостью и другими русскими поселениями Горячих Вод был образован современный г. Пятигорск. Крепость располагалась на месте нынешней станции Ново-Пятигорск. Вслед за ним в 1803 г. появились: пост «Кислой колодец» (Кислые воды), Кисловодская крепость (впоследствии Кисловодская станица и совр. Кисловодск), Открытый пост, Аликоновский пост (по имени кабардинского узденя владельца аула Али Конова на р. Подкумок), Кабардинский пост, Махуков пост (по имени кабардинского узденя владельца аула), Бугунтинское укрепление (по названию речки, притока р. Подкумок) и др. [2].

В процессе поэтапной колонизации левобережья Кубани ситуация изменилась к 1829 году, когда после очередной русско-турецкой войны, по Адрианопольскому договору между двумя державами, проигравшая войну Турция уступила России западную часть Черкесии от верховьев левобережья Кубани (в литературе чаще употребляются термины Западная Черкесия или Закубанье. – *Авт.*) до Анапы, а также восточный берег Черного моря до границ Абхазии.

На этом пространстве исторической Черкесии с древнейших времен проживал автохтонный (местный) черкесский народ,

известный в исторической науке под несколькими названиями, в зависимости от эпохи, происхождения и языка автора труда, посвященного описанию территории и истории черкесов. Самоназвание черкесского народа – адыга. В отношении этнонима «черкесы» показательное первое монографическое описание страны Черкесии в эпоху средневековья итальянским путешественником, географом и этнографом Джорджио Интериано. Его труд «Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование» был издан в Венеции в 1502 году. Автор пишет: «Зихи – называемые так на языках: просто-народном (итальянском. – *Авт.*), греческом и латинском, татарами и турками именуемые черкесы, сами себя называют – адыга» [3]. Черкесский (адыгский) народ составляли многочисленные субэтноты с названиями: кабардинцы, бесленей, абадзехи, темиргои, жане, натухай, шапсуги и др. По данным на начало XIX в., их было около 18 – от побережья Черного моря до земель современной Кабарды [4]. В этих же границах среди черкесов жили абазины, разделявшиеся на кумских и кубанских. По обе стороны р. Кубань, а также в междуречье Терека и Кумы (в Ногайской степи) кочевали улусы Малой ногайской орды. В истоках р. Кубань с начала XVIII в. поселились караеавцы.

Территория, занимаемая на указанном пространстве каждым из черкесских субэтнот, в историко-этнографической литературе и на географических картах, как правило, обозначалась по наименованию этих же субэтнот, что создает и по сей день для несведущего в истории черкесов определенные трудности в восприятии целостной картины как единой территории черкесского (адыгского) этноса в прошлом. Хотя в многочисленных историко-этнографических трудах русских и зарубежных авторов и на некоторых географических картах, в том числе и иностранных, дается описание страны «Черкесия», а на множестве российских карт имеются надписи: «Черкесы или адыге», «Западная Черкесия», «Карта черкесских берегов», «Черкесия» и др.

Восприятие территории черкесского (адыгского) этноса в единых границах осложняется еще и тем, что территория од-

ного из самых значительных, как по уровню социально-экономического развития, так и по количеству народонаселения среди черкесских субэтнот – кабардинцев, под названием Кабарда, отошла под российское влияние и контроль значительно раньше, чем западная часть территории всех остальных черкесских субэтнот. Условной границей между «обширной страной древнего народа Кабартай» и « Великим пшучо Беснебай» показал реку Уруп еще в середине XVII в. известный турецкий путешественник, религиозный деятель Эвлия Челеби, во время своего путешествия по территории Черкесстан. Как видно, речь идет об условной границе между двумя сопредельными княжествами Кабардей и Бесленей. Он посетил в середине 1666 г. во многом еще христианскую Черкесию, с целью распространения среди них мусульманства [5].

Впервые раздел единой территории исторической Черкесии и появление терминов Восточная Черкесия (Кабарда) и Западная Черкесия (Закубанье) по р. Кубань состоялся, как указано выше, в 1774 г. после русско-турецкой войны. Однако кабардинцы, абазины и ногайцы, остававшиеся в российских границах, беспрестанно нарушали ее, совершая регулярные побеги из Кабарды в Закубанье. Так, бывший российский полковник, владетель аулов Росламбек Мисостов в 1804 г. увел из российской Кабарды за Кубань 275 семей. В этом же году закубанцы перешли границу и разграбили Воровсколесскую станицу. Воспользовавшись неукрепленной границей через Кубань, в 1790 г. Батал-паша беспрепятственно перешел границу с намерением пробраться в Кабарду и вернуть ее под влияние Турции. Известный кабардинский эфенди Исхак Абуков за короткий срок весь кабардинский народ, бывший всего лет 30 тому назад христианским, приобщил к мусульманству и продолжал свою миссию в Закубанье.

Учитывая эти и другие обстоятельства, пристав Кабарды И. П. Дельпоццо предложил учредить по правобережью Кубани кордон от Невинного Мыса (совр. Невинномысск) по Кубани, вверх по реке, до Каменного моста (у слияния р. Теберда с Кубанью). Лично обозрев это расстояние в 144 версты, Дельпоццо наметил и предста-

вил военному руководству список мест для строительства крепостей, укреплений, редутов с указанием необходимого количества казаков. И на всех десяти пунктах кордона вдоль Кубани поселились драгунские казаки [5-а]. Это были первые русские жилища на верхней Кубани. На местах этих постов и укреплений позже образовались станицы Невиномысская (по названию речки Невинка), Баталпашинская (по имени турецкого военачальника Баталпаши) станица Усть-Джегутинская (по названию речки Джегута, правого притока р. Кубань) и др.

Следующим шагом русской администрации было выделение из подвластной территории Кабарды современного района Пятигорья, как будущего административного района, очищение от аулов с местным населением и закладка русских крепостей и укреплений. Военная администрация при этом преследовала реальную цель – обозначить разъединительную кордонную линию между Кабардой и Закубанью и тем самым воспрепятствовать объединению военной мощи всего черкесского народа, уже разделенного между Россией и Турцией. Особенно эта проблема стала актуальной после окончания очередной русско-турецкой войны в 1829 г., когда проигравшая войну Турция уступила России всю территорию Западной Черкесии (Закубанье) и Черноморское побережье. Таким образом, по результатам двух русско-турецких войн (в 1774 и 1829 гг.) к России отходила вся территория исторической Черкесии. Хотя ни сами черкесы, ни международная общественность не признали законность Адрианопольского договора между Россией и Турцией, ибо Турция уступала России то, чем она юридически никогда не владела [6].

С этого периода часть кабардинских и абазинских аулов, располагавшихся на реках Кума, Подкумок и на их притоках в районах Горячеводска, Георгиевска, Лысогорской, Воровсколеской, Бекешевской и др., были перемещены на восток, в «русскую» Кабарду [7]. В эти же годы, не смирившиеся с учреждением в Кабарде административных органов, а в 1830 г. – с передачей России и западной части территории Черкесии, кабардинские и абазинские владельцы с подвластными им крестьянами начали массово переходить к соотечествен-

никам на левобережье реки Кубань и ее притоки: М. и Б. Зеленчук, Уруп, М. и Б. Лаба и др. Исход кабардинских князей и дворян на левобережье Кубани начался еще в конце XVIII в., но массовый характер этот процесс принял в 20 – 30 годах XIX в.

В этих условиях военное руководство во главе с ген. Вельяминовым принимает решение изменить характер военных действий против закубанских народов, отказавшись от экспедиционной системы. Вельяминов первым из военного руководства составил проект (меморию) о способах ускорения покорения закубанских черкесов [8].

Одним из первых пунктов его проекта было уничтожение коневодства у черкесов и абазин и «тем лишить горцев возможности вредить нам с налета конными набегами на пограничную линию» (там же). Была еще идея освобождения территории закубанских и причерноморских черкесов выселением их во внутренние губернии России. Но ее поддерживали лишь некоторые военачальники. Генерал-майор Филипсон, например, предлагал гуманными (кроткими) мерами добиться покорности горцев, иначе, по его мнению, неизбежно вмешательство европейских держав, особенно Англии. Такая позиция резко была отвергнута Н.И. Евдокимовым. Его мнение, прежде поддержанное главнокомандующим императором Александром II, заключалось в том, чтобы «решительно вытеснить из гор туземное население и заставить его или переселяться на открытые равнины, позади казачьих станиц, или уходить в Турцию» [9].

И с 1861 г. началось организованное «бесперывное переселение в Турцию в больших или меньших размерах народов Кубанской области» [10]. Первыми, с кем в Закубанье столкнулись вооруженные отряды, были аулы кабардинских, бесленеевских и абадзехских черкесских субэтносов на реках Уруп и Лаба, а также аулы абхазо-абазинских обществ, располагавшиеся в нагорной полосе в истоках этих рек. Как указано в отчете Евдокимова, «дело началось с бесленеевцев, как с племенем самым вредным и опасным для нас, дававшим всегда отличных вожаков в наши пределы и вообще предводительствовавших набегами на наши границы. На мирный исход дела рассчитывать было нельзя, а потому они

внезапно были окружены нашими войсками и выведены силой на Кубань, отсюда 600 семей отправились под конвоем в Турцию» [10]. В скобках заметим, что оставшиеся на родине бесленеевцы сегодня проживают в четырех аулах. Это аулы Бесленей и Вакожиле в Карачаево-Черкесии, Кургоковский и Каноковский в Краснодарском крае. По неуточненным данным, в 38 турецких областях проживают 721 черкесский аул. Из них бесленеевцы представлены в 121 ауле, абадзехи – в 650 аулах, кабардинцы – в 510 аулах. Имеются данные и по остальным субэтносам.

Методами Евдокимова выполнялся план поэтапного очищения черкесских земель Закубанья и ген. А.А. Вельяминовым. По его плану предлагалось «занять все плоскости земли горцев, особенно изобилующие пастбищными местами, и заселить их казачьими станицами, очистив военной силою пространство между верхней частью Кубани и Урупа, селить там первоначально казачьи станицы, а также и на Лабее, а потом занимать земли горцев по р. Белой и другим рекам, заселяя их тоже станицами казаков» [11].

О том, как выполнялся этот план на последнем этапе войны, в 1861 – 1863 годах, свидетельствует труд крупного русского ученого публициста, авторитетного специалиста по истории Северо-Западного Кавказа М. И. Венюкова. Он прибыл на Кавказ на военную службу в конце 1861 года, как сам писал, «в самый разгар войны, которая, три года спустя, решила окончательно участь этой страны». Вот какую картину увидел Венюков М.И., участник войны в Закубанском крае: «Война шла с неумовимою, беспощадною суровостью. Мы подвигались вперед шаг за шагом, но бесповоротно и очищая от горцев, до последнего человека, всякую землю, на которую раз становилась нога солдата. Горские аулы были выжигаемы целыми сотнями, едва лишь сходил снег, но прежде чем деревья одевались зеленью (в марте и феврале); посевы вытравливались конями или даже вытаптывались. Население аулов, если удавалось захватить его врасплох, немедленно было уводимо под военным конвоем в ближайшиe станицы и оттуда отправляли к берегу Черного моря и далее в Турцию. Целые племена, как бесленеевцы, были высе-

лены облавою в течение одного-двух дней. Аулы баракаевцев, абадзехов на Фюнфте и Фарсе горели дня три, наполняя воздух гарью верст на тридцать, когда в феврале 1862г. начались движения наши для изгнания этих горцев» [12].

Согласно данным доклада переселенческой комиссии от 18 февраля 1865г., из пределов Черкесии на протяжении 1863 – 1864 годов в Османскую империю переселены 470 тысяч 703 человек [13], хотя (по документальным свидетельствам) переселения происходили и задолго до 1863 г. Так, в 1846 г. в Турцию ушли 2507 человек темиргоевцев, в 1859 г. ушло 3000 человек хатукаевцев, 69 семей бжедугов-хамышей, в 1862 г. переселилась основная масса натухайцев, в этом же году из Кабарды выселилось 10343 человека [14]. Подобная картина наблюдалась и после окончания Кавказской войны в 1864 г. Как видно из письма российского консула в Турции от 10 июня 1864 г., на турецких берегах Трапезунд, Самсун, Керасунт и др. скапливались многотысячные переселенцы в ожидании дальнейшего препровождения. Средняя смертность в день из-за голода и инфекционных болезней составляла от 180 до 250 человек [15].

Сохранившиеся на родине, после окончания Кавказской войны, остатки черкесских субэтносов живут в общих границах исторической Черкесии небольшими островками и под различными административными названиями. Это Кабарда (офиц. Кабардино-Балкарская республика), Черкесия (офиц. Карачаево-Черкесская республика), Адыгея (офиц. Адыгейская республика) и бывший Шапсугский район (на Черноморском побережье). Нетрудно заметить, что указанные выше названия административных районов сохраняют термины: *черкес* – бывшее общее этническое название всех 18 субэтносов и их территории, *адыга* – самоназвание всего черкесского этноса, *кабарда* и *шапсуг* – бывшие названия двух самых крупных черкесских субэтносов. При этом Кабарда расположена на востоке, в предгорьях Эльбруса, а бывшая, самая густонаселенная, Шапсугия – по обе стороны Кавказского хребта сохранилась лишь несколькими аулами на Черноморском побережье. Таким образом, очевидно, что указанные современные регионы с черкесским

населением расположены в бывших границах, где они находились задолго до начала Кавказской войны. За пределами указанных районов находятся еще несколько аулов в составе Краснодарского и Ставропольского краев. Выселенные после окончания Кавказской войны 97% от общего числа черкесского народа расселились в 54-х странах мира.

Еще в мае 1862 г., за два года до окончания войны, на основе предложений, представленных атаманом Кубанского казачьего войска Евдокимовым, в Царском Селе император подписал документ: «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» [16], хотя заселение Закубанья (левого берега реки и ее притоков. – Авт.) началось еще в 1841 году.

Первыми казачьими станицами за Кубанью были станицы *Урупская, Чамлыкская, Вознесенская и Лабинская* с населением более 6500 человек. В 1843 г. возникли станицы: *Некрасовская, Тенгинская и Воздвиженская*, после чего общее население за Кубанью выросло до 11 тыс. человек.

Первыми переселенцами были линейные казаки, небольшое количество малороссийских крестьян и женатые солдаты. К 1852 году была заселена Лабинская линия – таким образом, закладывалась новая русская Украина (по выражению М. Венюкова) [17]. С 1852 по 1857 г. заселились станицы: *Темиргоевская, Зассовская, Курганская, Новолабинская, Бесскорбная, Попутная* и в 1857 году – *Родниковская и Отрадная*.

Особое внимание было уделено заселению бассейна р. Уруп, поскольку он еще не был полностью очищен от кабардинцев и бесленеевцев. Ущелье р. Уруп было обозначено командованием как удобный пункт, откуда можно будет действовать наступательно как в горной части, так и в глубоких ущельях. Кроме этого, заселение Урупа и Зеленчуков обеспечивало выход к Кубани.

В результате, в одном лишь 1858 г. возникли станицы: *Спокойная, Удобная, Передовая, Исправная, Сторожевая и Подгорная*; в 1859 году – *Упорная, Отважная, Бесстрашная, Надежная, Преградная, Зеленчукская, Кардоникская*.

В 1861 г. в верховьях р. Лаба и на ее притоках, реках Ходзь и Фарс, (черк. *Хуарз*)

были поселены 9 станиц: *Каладжинская, Ахметовская, Псеменская, Андриюковская, Переправная, Промежуточная, Губская, Кужорская и Нижнефарсская* с общим населением в 9700 человек. Была поставлена задача: в 1862 г. окончательно заселить все пространство – от р. Белой до Кубани. И за один 1862 год 2400 семей в количестве 12500 человек заняли 14 станиц вместо выселенных 90 аулов. Это станицы *Абадзехская, Баговская, Баракаевская, Белореченская, Гуагинская, Даховская, Егерукаевская, Махошевская, Псебайская, Псефирская, Севастопольская, Царская, Хамкетинская и Ханская*. Итак, в течение двадцати одного года, с 1841 по 1862 год между реками Кубань и Белая было поселено 56 станиц с населением 78 тысяч человек [18].

Как видно, к началу 60-х годов все пространство между реками Лаба и Кубань было заселено станицами, в основном, казаками Черноморского и Линейного казачьих войск. В небольшом количестве заселились казаки Терского, Донского, Азовского, Оренбургского и Уральского казачьих войск. Оставались на жительство и отставные солдаты, лица разных сословий. В 1860 г., когда состоялось объединение Черноморского и части Кавказского линейного войска, все казачье войско получило название Кубанское.

Строительство станиц на всей территории Закубанья и Причерноморья продолжалось до 1892 г. О насильственном переселении на первом этапе черноморских казаков на Кубань свидетельствует их песня-плач: «Идут, идут Чорноморци / Назадь ноги гнутця / Якъ и вспомлять край родины-/ Рикой слезы льютця/ Бо дай тоби, Кухаренко, / Так лигко лежаты, / Якъ нам, бидным Чорноморцям / За Кубанью жыты».

Первыми поселенцами, как сказано выше, были казаки Кавказского линейного войска, а с 1847 г. было распоряжение о переселении на Кавказ и малороссийских казаков, дворян, государственных крестьян и исповедующих христианство из ближайших великорусских губерний. В 1849 г. с помощью администрации Кавказ начали заселять и донские казаки. Всем переселенцам предоставлялись в предгорьях Западного Кавказа, богатые дарами природы, земли, пособия и льготы от казны, право покупать в частную собственность участки земли, а

самое главное, в вечную собственность выделяли участок в 20 десятин на семью.

А с 1868 г. было разрешено лицам неказачьего сословия свободно приобретать недвижимую собственность во всех казачьих войсках, не спрашивая согласия войскового начальства. И с этого года начался массовый приток переселенцев на Кубань из российских губерний, а также из других мест. В эти годы в верховьях Кубани и на ее левых притоках образовались, кроме русских, и греческие, эстонский, еврейский, осетинский, армянский и др. селения и хутора: *Георгиевско-Осетинское, Еврейско-Джегонасское, Хасаут-Греческий, Спарта, Эстонско-Марухский, Ермели-хабль (черк. название армянского аула, совр. Армавир) и др.* Тогда же появились немецкая, итальянская, шотландская, польская и др. колонии: *Александрфельц, Вольдемфюрст, Ливонталь, Каррас (совр. Иноземцево) и др.* В эти же годы, кроме традиционных местных названий поселений на Кубани, таких как ногайское – аул (авыл), черкесское – куаже и жиле (къуажэ, жылэ), карачаевское – кабак (къабакъ) и абазинское – кыт (кытI) появились и русские названия – станица, село, деревня и хутор.

В наши дни черкесы живут на своих исторических землях островками. Их аулы расположены начиная от верховьев Кубани до низовья реки, на Черноморском побережье, на территории современной Кабарды и Пятигорья, а также за их пределами. Как отметил знаток истории Кубанской области, уроженец ст. Ладожской, Л. Я Апостолов, «остаткам черкесов была предоставлена в незначительном количестве земля по левому берегу рек Кубани и Лабы, где большинство их живет и поныне» [19]. По его же словам, «при выселении горцев на плоскость заботились, главным образом, о том, чтобы сделать их безвредными, не обращая внимания на этнографические их особенности, так что нынешние черкесские селения представляют замечательную смесь племен» [20].

По данным на 1883 год, собранным скрупулезнейшим образом по всей Кубанской области Е. Д. Фелицыным, все аулы, за исключением лишь нескольких, являются многонациональными [21]. Аул Ходзь в Майкопском уезде, например, на новом месте образовали 17 племен и народов. Из

черкесских субэтносов здесь были представлены кабардинцы, абадзехи, бесленеи, чемгуйцы, махоши, шапсуги, бжедуги-хамыши, а также абазины, ногайцы и одна женщина карачаевка [22]. В ауле Атажукинском на р. М. Зеленчук основное население составили черкесские субэтносы: кабардинцы, бесленеи и абадзехи. В аул были поселены еще карачаевцы, абазины и ногайцы, а также две семьи кумыков [23]. Многонациональными были также абазинские, ногайские и карачаевские аулы.

С такой же тщательностью Е. Д. Фелицын составил Таблицу представительства народов и племен Кубанской области по всем аулам, независимо от национальной принадлежности основного населения. Например, кабардинцы в Майкопском уезде проживали в 13 аулах, в Баталпашинском уезде – в 44-х аулах, бесленеи в Майкопском уезде были размещены в 14 аулах, в Баталпашинском уезде – в 37 черкесских, абазинских, ногайских и одном карачаевском аулах. [24]. Все аулы Кубанской области сформированы таким же образом, без всяческого учета национальной принадлежности.

Для обустройства жителей новых аулов на новых местах в ноябре 1862 г. был разработан специальный документ «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» [25]. Документ предусматривал условия наделения горцев землями в Кубанской области, взамен земель, занимаемых новыми станицам. Предполагалось распределять землю согласно категории лиц, характера почвы и местности [25]. При распределении земель в Урупском и Зеленчукском округах между всеми переселенцами, в т.ч. и четырьмя немецкими колонистами, излишними оказались 140 тыс. десятин из-за того, что оставшееся туземное население было малочисленным. В этой ситуации приняли решение пожаловать эти земли различным лицам за службу на Кавказе. При этом администрация области считала, что большой земельный надел по 20 десятин на душу обеспечит казачьему населению обширное скотоводство, особенно коневодство. А для горцев большой земельный надел, по мнению администрации, положительно будет воспринят. Изобилие земли даст им возмож-

ность пренебрегать ее возделыванием и заниматься усиленным скотоводством, что в них будет поддерживать страсть к хищничеству. Ограниченность земельных угодий заставит горцев заняться их обработкой, и они будут вынуждены отказаться от страсти к наездничеству, которое возможно только при изобилии табунов [26]. Администрация предполагала, что несогласные с таким малым наделом горцы могут уйти в Турцию. «Чем больше окажется таких переселенцев, тем меньше затруднений при устройстве покоренного края», говорится в документе [26].

Немаловажные сведения содержат названия указанных выше закубанских станиц. В них сохранились ныне не существующие имена закубанских черкесских и абазинских племен, живших на левобережье Кубани, названия рек и речушек, сохранившиеся лишь в письменных источниках или на картах, составленных для военных целей, названия гор, собственные имена военачальников, названия мест, откуда переехали на Кавказ переселенцы. Это так называемые в лингвистической науке «говорящие топонимы».

Самое большое количество составляют названия станиц, имеющие эмоционально-экспрессивный характер. Все наименования новых станиц, как правило, предлагали в главном штабе Кавказской армии, и утверждались военным министром, и только после этого император подписывал приказ. Такой документ, например, по наименованию закубанских станиц *Отважная, Бесстрашная, Упорная, Зеленчукская и Кардоникская* подписан 20 июня 1859 года, что является датой основания указанных станиц [27].

Ниже покажем названия станиц, иллюстрирующие вышесказанное:

1) станицы по названию черкесских и абазинских племен: *Бесленевская (бывш. Ирриская, Промежуточная), Абадзехская, Махошевская, Темиргоевская, Егерукаевская, Натухайская, Бжедуховская, Шансугская, Кабардинская*, основанные в 1861 – 1864 годах. Все – по названиям черкесских субэтносов. Станицы *Баракаевская и Баговская*, основанные в 1862 г., названы по именам абазинских обществ в верховьях р. Лаба;

2) станицы по черкесским названиям рек левобережья Кубани и правобережья р. Белая: *Тенгинская, Урупская, Губская, Андрюковская, Псебайская, Кардоникская, Зеленчукская, Чамлыкская, Лабинская, Новолабинская, Псебайская, Псеменская, Псефирская, Гиагинская* и др.;

3) станицы по черкесским названиям гор: *Ахметовская, Каладжинская* и др.;

4) станицы, названные по характеру местности, предназначению, ситуационной характеристике, стратегическому назначению и другими эмоционально - экспрессивными характеристиками: *Курганная, Попутная, Родниковская, Отрадная, Спокойная, Удобная, Бесскорбная, Передовая, Исправная, Сторожевая, Бесстрашная, Упорная, Отважная, Надежная, Преградная* и др.;

5) станицы, названные по собственным именам, в т. ч. и военачальников: *Некрасовская, Михайловская, Константиновская, Верхне-Николаевская, Зассовская, Баталпашинская (на правобережье Кубани), Суворовская (на р. Кума) и село Ермолвка (Верхнее и Нижнее, на р. Большой Зеленчук)* и др.;

б) станица, названная по православному празднику Вознесения: *Вознесенская*.

В процессе административных преобразований Кубанской области был выделен Баталпашинский уезд. В уезд, кроме горских аулов, русских сел, деревень, хуторов, а также иноземных колоний (в литературе – селения государственных крестьян), входили 20 казачьих станиц. Это *Усть - Джегутинская, Баталпашинская, Невинномысская, Барсуковская, Богословская, Николаевская, Суворовская, Воросколеская, Кардоникская, Зеленчукская, Сторожевая, Урупская, Исправная, Преградная, Подгорная, Удобная, Отрадная, Попутная, Бесскорбная и Спокойная*.

О каждой из этих станиц в литературе имеется насыщенное конкретными фактами описание с указанием фамилий первых поселенцев, их образа жизни и хозяйственной деятельности, что является первоисточником по истории всех кубанских станиц. Мы приведем лишь несколько данных о станице Отрадной. Станица поселена на правый берег р. Уруп в 1857 году. По данным на 1885 год, станицу составляли: 385 дворов и 585 домов, жителей было 2463 мужчин и 2182

женщины. В станице имелись: одна церковь, одна мужская школа, одна женская школа, три мануфактурных лавки, три бакалейных лавки, две мелочные лавки, три питейных заведения, восемь водяных мукомольных мельниц, один хлебный магазин, базары по воскресеньям и две ярмарки в год. На землях общинного владения станицы и на частных владениях лиц войскового сословия, а также на частных владельческих участках по рекам Уруп, Большая и Малая Тегинь, при балках Грязной и Капустиной следующие жители станицы и иногородние имели хутора: Черкасов и К°, Башкатов, Шайлов и К°, Баев, Беседин, Саньков, Булгаков, Пасевин, Беломестнов, Макеев, Лоов Ногай, Жандаров и Мазаев. [28].

В заключение следует отметить, что приведенные выше данные о казачьих станицах касаются в основном левобережья Кубани. Обращение к комплексному изучению истории поселений на всем протяжении исторической территории черкесского этноса в прошлом и русского народа будет оправдано памятью тех огромных жертв, которые понесли оба народа в длительной и кровопролитной Кавказской войне. За продолжительный период после войны нашего совместного проживания историческая наука не отмечает сколько-нибудь серьезных противоречий между народами. Наоборот, черкесы следовали и следуют завещаниям своих мудрецов – народного философа Казаноко Джабагы и первого ученого-энциклопедиста просветителя Шоры Ногмова. Джабагы завещал, что «лучше ближний русский сосед, чем дальний родственник». А Шора Ногмов, который одним из первых блестяще усвоил русский язык и работал в русской администрации, оставил потомкам завет о том, что в будущем мы (черкесы-адыга) будем так близки с русскими, «что будем брать друг у друга сито».

Жизнь подтвердила их предсказания множеством примеров, такими как куначество, добрососедство, взаимопомощь, взаимозаимствования орудий труда и быта, одежды и др. Многие прогрессивные деятели ратовали за такой путь развития наших отношений. «Только культурным развитием края можно загладить ряд исторических ошибок, благодаря которым мы сначала оттолкнули родственное нам по религии

население, допустили на своих глазах обратиться его в мусульманство и фанатически вооружить против нас, а потом десятки лет с ним воевали и закончили почти полным истреблением этого населения и уничтожением созданной им культуры», – писал еще в начале XIX в. Л. В. Македонов [29].

Примечания:

1. *Темирова Р. Х.* Названия военных сооружений второй половины XVIII в. как источник топонимического исследования // Вестник КЧИГИ. Вып. 6. Филологические науки. Словесная культура народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 2007. С. 93 – 114.

2. Там же.

3. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 46.

4. *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М. 1967. С. 21.

5. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 78 – 86.

5-а. *Дельпоццо И. П.* Записка о Большой и Малой Кабарде // Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т. 1. Нальчик, 2001. С. 25 – 28.

6. *Сохт А.* Черноморская береговая линия: сущность и функции // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII – XIX в.). Майкоп, 1995. С. 138.

7. Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XIX веков. Сборник документов. Нальчик, 1992. С. 35

8. *Короленко П. П.* Закубанский край // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XIX века. Нальчик, 2004. С. 313.

9. Из воспоминаний начальника штаба Кавказской армии Д. А. Милютин «Моя поездка в Кубанскую область и Черноморский берег» // Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX века. Нальчик, 2000. С. 29

10. Колонизация Северо-Западного Кавказа в 1864 г. и переселение черкесов в Турцию (из отчета Евдокимова) // Архивные материалы о Кавказской войне и выселение черкесов (адыгов) в Турцию (1848 – 1874), часть 2. Нальчик, 2003. С. 210.

11. Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // Кавказский сборник. Тифлис, Т. 7. С. 19.

12. *Венюков М. И.* К истории заселения Западного Кавказ (1861 – 1863) (из статьи) //

Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX века. Сборник документов и материалов. Нальчик, 2000. С.120.

13. *Кумыков Т.Г.* Выселение адыгов в Турцию – последствия Кавказской войны. Нальчик, 1994. С. 46.

14. См.: *Хотко С.Х.* История Черкесии в средние века и новое время. СПб., 2001. С. 366.

15. *Берже Ад. П.* Выселение горцев с Кавказа. //кн.: Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т. 1, Нальчик.2001. С. 305.

16. См.: *Хотко С.Х.* Бесленей – мост Черкесии. Сборник документов и материалов. Майкоп. 2009. С.104.

17. *Венюков М. И.* Исследования и материалы. Очерк пространства между Кубанью и Белой //Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004. С. 158 – 161.

18. Там же. С. 160.

19. *Апостолов Л.Я.* Географический очерк Кубанской области (Извлечения) // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004. С. 551.

20. Там же С.563.

21. *Фелицын Е. Д.* Численность горцев и других мусульманских народов Кубанской области, с распределением их по месту жительства и с показанием племенного состава жителей каждого аула // Сборник сведений о Кавказе. Т.IX. Тифлис, 1885.С. 52 – 69.

22. Там же. С. 53.

23. Там же. С. 61.

24. Там же. С. 70 – 72.

25. Военный сборник.1862. №11. С.262.

26. Там же.

27.ЦГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 93. Л.2.

28. См.: *Фелицын Е. Д.* Списки населенных пунктов Кубанской области // Сборник сведений о Кавказе. Т.VIII, Тифлис,1885.

29. *Македонов Л. В.* В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронеж, 1908.С. 204.

Н.Г. Соловьева

История русских населенных пунктов Карачаево-Черкесии

Исследованию исторических проблем, связанных с вопросами возникновения и развития русских населенных пунктов Карачаево-Черкесии, в последнее время стало уделяться определенное внимание,

однако многие аспекты в должной степени не освещены, что связано, в частности, с отсутствием системного подхода при определении объектов научных исследований. К ним можно отнести следующие вопросы: о национальном составе населения станиц, сел и хуторов; о наличии в станичном юрте пригодной для ведения сельского хозяйства земли; о наличии определенных видов хозяйствования. Современные научные работы по данной проблематике содержат общие сведения и нацелены, в основном, на анализ регионального материала, который подвергается соотношению к статистическим сведениям по всему региону. Осветить историю большинства русских населенных пунктов Карачаево-Черкесии, некоторые аспекты их социально-экономической и духовной жизни – цель данной статьи.

Русские населенные пункты: станицы, села и хутора, на территории современной Карачаево-Черкесии появились в конце XIX – начале XX века.

На территории современной Карачаево-Черкесии, в процессе строительства Кубанской оборонительной линии, появилось 8 станиц. Казачьи станицы вместе с аулами Карачая и Черкесии во второй половине XIX века входили в Баталпашинский уезд, позже – отдел Кубанской области.

В 1804 году на Кубани было заложено Баталпашинское укрепление, которое в 1825 году послужило основанием станицы Баталпашинской (ныне город Черкесск) [1].

Станица Баталпашинская являлась административным центром Баталпашинского отдела Кубанской области. Первые поселенцы появились 15 сентября 1825 года. Северную часть станицы, «где местность была самая лихорадочная, а в окрестностях даже болотные птицы не обитали», заселяли казаки, переселенные в принудительном порядке из станицы Воровсколеской в количестве 70 дворов [2]. В ней находился Никольский каменный собор и самая древняя деревянная казачья походная Покровская церковь досуворовских времен [3]. Покровскую церковь казаки привезли с Хопра. Она была построена из чёрного дуба еще в 1730 году. В 1829 году ее установили в Ставрополе, а затем, при последующем переселении в верховья Кубани, казаки в 1831 году на собственных плечах перенесли церковь в станицу Баталпашинскую. По-

кровскую церковь установили на самом видном месте – в центре станицы. В 1843 году на средства, собранные жителями станицы (тринадцать тысяч серебром), была построена деревянная церковь во имя Николая Чудотворца [4]. При Никольском соборе работали мужская и женская церковно-приходские школы. В приходе также действовали мужская и женская прогимназии, городское шестиклассное училище, 4 начальных двухклассных и одноклассное училища. Всего в приходе по церковным документам числилось 10000 жителей, а по данным статистического комитета – 17746 душ [5].

Всего в Баталпашинской причтовой земли было 225 десятин (в 15 в.). Аренда за землю составляла в 1911 году по 10 рублей за десятину. Для членов причта имелись церковные дома, приобретенные в 1906 году.

Исправная станица была основана в 1858 году и располагалась на правом берегу реки Большой Зеленчук в нагорной и лесистой полосе Закубанского края. Жители станицы занимались хлебопашеством и животноводством. Общественной земли имелось в размере 26730 десятин (леса 4000 десятин). Ближайший врач находился в станице Зеленчукской. Расстояние от Исправной до города Екатеринодара составляло 322 версты, до железной дороги (ст. Невинномысская) – 75 верст, до станиц Сторожевой – 24 версты, Зеленчукской – 25 верст, Береслановского поселка – 16 верст, Хондуковского – 15 верст, Косаевского – 15 верст, станицы Баталпашинской – 45 верст. Корреспонденция доставлялась через Зеленчукское отделение, телеграф располагался в станице Баталпашинской.

В станице Исправной в 1879 году была построена Михаило-Архангельская церковь. Сумма на ее строительство составила 18000 рублей. От Кубанского казачьего войска на эту цель было выделено 9000 рублей. Церковь была деревянной с железной оградой.

В состав причта входили священник и псаломщик. Войсковое жалование священника составляло 200 рублей 70 копеек. Всего причтовой земли было 99 десятин (в 12 верстах), которая «мало удобна» для хлебопашества. Священник имел общественный дом.

В станице действовало несколько учебных заведений, в частности министерское одноклассное училище. Церковно-приходская мужская школа размещалась в собственном удобном здании, рассчитанном на 80 учеников. Она содержалась на средства, поступающие от сдачи в аренду школьного участка, пожертвованного обществом. В Исправной действовала и женская церковно-приходская школа. Жалование учителю в ней выплачивалось в размере 300 рублей, из них половина была от общества и половина от Учительского Совета. Население составляло 6867 душ, 995 дворов.

Сторожевая станица была основана в 1858 году. Она находилась в нагорной полосе Закубанского края при слиянии горных рек Бежгон и Кяфар. Долина Зеленчука в этой местности представляла собой удобное место для земледелия и животноводства. «Сторожевая, – писал протоиерей Д. Успенский, – небольшая станица, но выглядит опрятной, с прекрасной церковной площадью и красивой окрестной местностью. За ней виднеются гряды гор, покрытых зеленью, а по ложбинам и ущельям – лесом» [6].

Общественной земли станица имела 22883 десятин. Из них лес и кустарник составлял 9156 десятин. В станице работал сыроварный завод. Расстояние от Сторожевой до города Екатеринодара составляло 352 версты, до железной дороги (ст. Невинномысская) – 92 версты, до станицы Зеленчукской – 12 верст. Корреспонденция поступала через Зеленчукское почтовое отделение, телеграф находился в станице Баталпашинской.

В Исправной в 1871 году была построена Николаевская церковь за 15000 рублей, из которых 9000 рублей являлись пособием из войсковых сумм. Церковь была деревянной, имела каменную ограду. В состав причта входили священник и псаломщик. Причтовой земли было 99 десятин. Священнику выплачивалось войсковое жалование в 200 рублей 70 копеек. Священнику отводился общественный дом.

В станице действовали: 2 министерских училища – двухклассное и одноклассное женское. Была и церковно-приходская школа. Жалование учителя выплачивалось Учительским Советом – 300 рублей. Население станицы составляло 3986 душ и 625

душ села Пантелеймоновского (в 24 в.), приписного к ней.

В процессе формирования Урупской бригады возник ряд станиц. В 1859 году была основана станица Зеленчукская. Она располагалась на реке Большой Зеленчук. К северо-западу от станицы находилась плодородная земля, пригодная для занятия хлебопашеством. К югу местность была гористой. В этом направлении никаких русских поселений не было, за исключением Александро-Афонского («Зеленчукского») монастыря (в 20 в.).

В 1863 году была открыта небольшая церковь, а в 1877 году на пожертвования прихожан был построен новый храм.

Общественной земли в Зеленчукской имелось 25807 десятин. Из них лес и кустарники составляли 7543 десятины. Размер душевого земельного надела был около 20 десятин.

Население ее состояло из казаков прикубанских станиц и переселенцев из Полтавской губернии. Жители занимались хлебопашеством, животноводством и лесным промыслом. При среднем урожае с десятины получали около 100 пудов пшеницы.

В станице работал участковый врач, имелись приемный покой, сыроварный, поташный и лесопильный заводы, проводились еженедельные животноводческие базары, действовала вальцовая мельница.

Расстояние от станицы Зеленчукской до города Екатеринодара составляло 375 верст, до железной дороги (ст. Невинномысская) – 96 верст, до станиц Исправной – 25 верст, Кардоникской – 10 верст, Сторожевой – 12 верст, до сел Марухского – 11 верст, Хохондуковского – 19 верст, Косаевского – 25 верст, Ермоловки – 16 верст, Алексировского – 17 верст, станицы Баталпашинской – 59 верст. Корреспонденция поступала через местное почтовое отделение, телеграф – в станице Баталпашинской.

В станице Зеленчукской в 1877 году была построена деревянная Петро - Павловская церковь стоимостью (с иконостасом) 18000 рублей. На постройку из войсковых сумм было выдано пособие в размере 9000 рублей. В состав причта входили священник и псаломщик. Всего причтовой земли было 99 десятин (в 10 в.), которая «удобна» для хлебопашества. Священник получал жалование из войсковых сумм – 200 рублей

70 копеек. Для священника предоставлялся церковный дом.

В Зеленчукской были Министерские училища: двухклассное и одноклассное. Церковно-приходская школа находилась в собственном удобном здании, рассчитанном на 60 учеников. Жалование учителя выплачивалось из доходов причта – 300 рублей.

Численность населения станицы составляло 5205 душ, в том числе 37 баптистов. Всего население Зеленчукской по данным статистического комитета – 6545 душ, 931 двор.

Станица Кардоникская была основана в 1859 году. Она располагалась в нагорной, лесистой полосе Закубанского края на реке Аксаут, несколько выше соединения с рекой Марухой и Малым Зеленчуком. Общественной станичной земли было 28050 десятин. Лес и кустарник составлял 3419 десятин. Ближайший медпункт находится в станице Зеленчукской. Расстояние от Кардоникской до города Екатеринодара – 366 верст, до железной дороги (ст. Невинномысская) – 86 верст (по долине реки Малый Зеленчук), до Зеленчукской – 10 верст, Красногорской – 17 верст, Хасаут - Греческого – 16 верст, Марухо-Русского – 13 верст, Марухо-Эстонского – 11 верст, Хумаринского – 17 верст, Баталпашинской – 50 верст. Корреспонденция шла через Георгиевско-Осетинское почтовое отделение, телеграф находился в станице Баталпашинской.

В станице Кардоникской в 1882 году была построена Покровская церковь за 25000 рублей. Размер пособия на ее строительство от войска составил 9000 рублей. Церковь была деревянной с каменной оградой. С 1887 года в состав причта входили священник, диакон и псаломщик. Их войсковое жалование составляло: священнику – 200 рублей 70 копеек, псаломщику – 41 рублей.

Причтовой станичной земли было 100 десятин. Священник жил в церковном доме: деревянном, из 4 комнат, стоимостью 1500 рублей. Диакон имел квартиру при церковно-приходской школе.

В Кардоникской действовало министерское 2-классное училище. Церковно-приходская школа находилась в удобном церковном здании, рассчитанном на 80 уче-

ников, стоимостью 4000 рублей. Жителей в станице было 6107 душ, 910 дворов.

Преградная станица являлась самым южным русским населенным пунктом по течению реки Уруп. Она была основана в 1860 году в гористой местности на границе сплошных лесов.

В Преградской всего имелось общественной земли 24765 десятин. Из них лес и кустарник составляли 2040 десятин. Ближайший врач находился в станице Отрадной (63 в.). Расстояние от Преградской до города Екатеринодара составляло 365 верст, до станицы Баталпашинской – 100 верст, до железной дороги (ст. Невинномысская) – 100 верст, до станицы Передовой – 30 верст. Корреспонденция доставлялась через Зеленчукское почтовое отделение.

Покровская церковь была куплена на войсковые средства в упраздненной станице Псеменовской и перестроена в 1880 году. Это была деревянная церковь с каменной оградой стоимостью 14000 рублей. В состав причта входили священник и псаломщик. Причту полагались общественные дома. Причтовой станичной земли было 200 десятин, которая была не пригодна для хлебопашества. В Преградской было 2 министерских училища: двухклассное и начальное женское, с 4 учителями. Всего населения было 3595 душ, 576 дворов.

Станица Красногорская раньше называлась Верхне-Николаевским поселением. Она находилась в нагорной, лесистой полосе Кубанской области, на реке Кубань, в верхнем ее течении. Рядом со станицей расположены горы кирпично-красного песчаника, от которых станица и получила свое название.

Станица основана в 1861 году. Жители занимались земледелием и животноводством. Общественной земли было 10475 десятин, из них леса – 270 десятин.

Врач находился в станице Баталпашинской (32 в.) и в станице Зеленчукской (27 в.). Расстояние от Красногорской до железной дороги (ст. Невинномысская) составляло 80 верст, до станицы Усть-Джегутинской – 17 верст, Кардоникской – 17 верст. Корреспонденция шла через Георгиевско-Осетинское почтовое отделение. Телеграф находился в станице Баталпашинской.

В станице Красногорской в 1863 году была построена деревянная, с каменной оградой Николаевская церковь. Состав причта включал священника и псаломщика. Причтовой земли было 90 десятин (в 7 в.), которая малопригодна для хлебопашества. Священник и псаломщик жили в общественных домах. Войсковое жалование: священнику – 200 рублей 70 копеек; общественное жалование: священнику – 400 рублей, псаломщику – 120 рублей.

В Красногорской действовали: министерское одноклассное училище, церковно-приходская школа. Жалование учителя составляло 300 рублей от Учительского Совета. Всего населения было 1412 душ, 236 дворов.

Усть-Джегутинская станица была образована в 1861 году. Она находилась на реке Кубани в северной части гористой полосы Кубанской области. Ее жители занимались хлебопашеством и животноводством. Общественной земли было 21438 десятин, в том числе леса и кустарника 2787 десятин.

Ближайший врач находился в станице Баталпашинской (16 в.). Расстояние от Усть-Джегутинской до города Екатеринодара составляло 331 версту, до железной дороги (ст. Невинномысская) – 66 верст, Красногорской – 17 верст, Джегутинского – 15 верст.

Корреспонденция доставлялась через местное почтовое отделение. Телеграф находился в станице Баталпашинской.

В Усть-Джегутинской станице в 1899 году была построена каменная с железной решетчатой оградой Михаило - Архангельская церковь. Это была единственная на территории современной Карачаево - Черкесии каменная церковь. Церковной земли было 200 десятин. Причтовой земли – 100 десятин, которая для хлебопашества была непригодна, а использовалась только для сенокосения.

С 1895 года в состав причта входили священник, диакон и псаломщик. Войсковое жалование священнику составляло 200 рублей 70 копеек. Общественное жалование: священнику – 240 рублей, диакону – 120 рублей, псаломщику – 70 рублей. Священнику предоставлялся общественный дом, диакону - квартира при церковно-приходской школе.

В Усть-Джегутинской действовало министерское двухклассное училище. Жалование законоучителю составляло 150 рублей. Церковно-приходская школа находилась в собственном здании, рассчитанном на 100 учеников.

В причисленном к станице поселении Джегонасском (еврейском) с 1897 году была открыта миссионерская школа. Жалование учителю от миссионерского комитета составляло 360 рублей. Всего населения насчитывалось 4024 души, в том числе на приписных к станице Усть-Джегутинской хуторах проживало: Некрасовском (в 8 в.) – 108 душ, Бочаровском (в 13 в.) – 89 душ. Общая численность населения станицы по данным статистического комитета включала 4364 души, 750 дворов [7].

Следует отметить, что к русским населенным пунктам относили не только пункты со славяноязычным населением, но и другим, не входившим в состав горского населения.

Поселок Хасаут-Греческий располагался в нагорной, лесистой полосе Закубанского края, на реке Аксаут, являющейся притоком реки Малый Зеленчук. Его состав населения был греческим. Общественной земли в Хасаут-Греческом было 3348 десятин. Сюда входили и леса, и кустарники – 550 десятин.

Расстояние от Хасаут-Греческого до города Екатеринодара составляло 318 верст, до железной дороги (ст. Невинномысская) – 102 версты, до станицы Баталпашинской – 65 верст, до станицы Кардоникской – 16 верст, Марухско-Русского – 7 верст, Тебердинского аула – 25 верст, Спасо - Преображенского женского монастыря – 25 верст.

Поступление корреспонденции осуществлялась через Георгиевско-Осетинское почтовое отделение, телеграфное сообщение находилось в станице Баталпашинской.

В Хасаут-Греческом в 1875 году стараниями священника Анастасия Кузьмина была построена Дмитриевская церковь. Она была деревянной. Имелась также колокольня, которая располагалась под отдельным навесом, где колокола размещались на столбах. Строительство Дмитриевской церкви вместе с иконостасом обошлось казне в 2000 рублей. В состав причта входили 1 священник и 1 псаломщик. Ка-

зенное жалование священнику составляло 300 рублей, псаломщику – 100 рублей.

Всего причтовой земли в Хасаут-Греческом было 33 десятины, которая была пригодна для сенокоса, но не для хлебопашества (в 3 в.). Священник имел церковный дом. Здесь действовало министерское одноклассное училище. Церковной школы не было. Население размещалось по дворам – 424 двора. Общая его численность составляла – 596 душ.

Марухское село располагалось в нагорной, лесистой полосе Закубанского края, на реке Марухе – притоке реки Большой Зеленчук. Всего общественной земли было 6306 десятин, в том числе леса и кустарников – 4140 десятин. Население состояло из малороссов. Ближайший медпункт находился в станице Зеленчукской. Расстояние от Марухского до города Екатеринодара составляло 362 версты, до железной дороги (ст. Невинномысская) – 97 верст, до поселка Марухо-Эстонского – 2 версты, до станицы Кардоникской – 13 верст, станицы Зеленчукской – 11 верст, поселка Хасаут – 7 верст, станицы Баталпашинской – 62 версты.

Корреспонденция осуществлялась через Зеленчукское почтовое отделение, телеграфная связь находилась в станице Баталпашинской.

В Марухском в 1889 году была построена Казанская церковь. Часовня появилась на пожертвования станицы Кардоникской. Она была деревянной, без фундамента. Колокольня находилась под особым навесом. Состав причта с 1892 года включал священника и псаломщика. Из казенного фонда под причтовую землю отводилось 100 десятин. Для хлебопашества она была неудобна, так как большая ее часть была покрыта кустарником. В 1909 году осуществлялась и аренда земли. Казенное жалование священнику составляло 300 рублей, псаломщику – 100 рублей. Священник имеет общественный дом, псаломщику отводилась общественная квартира.

В Марухском действовала церковно-приходская школа, которая размещалась в собственном здании, рассчитанном на 60-70 учеников. Жалование учителя от Учительского Совета составляло 300 рублей. Население включало 2226 душ, 340 дворов.

В конце XIX и в начале XX веков шел интенсивный процесс возникновения хуторов. На казенных землях Баталпашинского уезда в 60-х годах были основаны русские селения: Ивановское, Казьминское, Пантелеймоновское, Богословское, Ольгинское, Великокняжеское, Рождественское, Новомихайловское, Кубанское и др.[8]

Хутор Дубянский, расположенный на правом берегу Большого Зеленчука, был основан в 1883 году на землях, арендованных офицером царской армии Дубининым. Население хутора состояло из безземельных украинских крестьян, чьи потомки и сегодня живут в хуторе.

В пойме реки Кубань в 1896 году возник хутор Евсеевский. Основателем хуторского хозяйства стал отставной полковник русской армии Евсеев. За безупречную службу Отечеству ему был пожалован данный участок земли. Первыми хуторянами были Иван Лященко, Логвин Пересыпка, Михаил Ружницкий, которые раньше служили в полку Евсеева [9].

В 1908 – 1911 годах по берегам небольших рек, между станицами Баталпашинской и Бекешевской, возникли более мелкие хутора.

На месте сегодняшнего села Счастливого первый дом построила семья Карамова, так появился хутор Карамовский. В его окрестностях возникли хутора Аленовский, Кучеровский, Косякинский. Население хуторов составляли крестьяне, перебравшиеся на Северный Кавказ из Воронежской губернии и быстро разбогатевшие на плодородных землях [10].

Население сел и хуторов попадало в разряд иногородних. Они не были приписаны к казачьему сословию и не получали земельного надела, а жили на войсковой территории либо постоянно в качестве домовладельцев и квартирантов, либо временно, в качестве пришлых рабочих.

Таким образом, на территории современной Карачаево-Черкесии русские населенные пункты в конце XIX – начале XX века были представлены не только типичными станицами, но и селами, хуторами. В них проживало, в основном, христианское население. В русских населенных пунктах активно строились и действовали многочисленные православные храмы, церковно-приходские школы и училища. Их жители,

в основном, занимались сельским хозяйством, в частности, широко было распространено возделывание зерновых культур (хлебопашество) и животноводство. Миграция населения по территории современной Карачаево-Черкесии на рубеже XIX – XX вв. была затруднена из-за слабой дорожной инфраструктуры. Экономическое развитие русских населенных пунктов тесным образом было связано с развитием торговли, которая осуществлялась посредством розничной торговли, натурального обмена на ярмарках и базарах, которые устраивались именно здесь.

Русские населенные пункты сыграли значительную роль в экономике, социальной сфере Карачаево-Черкесии. Специфика этнического состава русских населенных пунктов, его пестрота, наделила северокавказскую этнографию особым колоритом, во многом определила основные этапы ее развития.

Примечания:

1. ЦДОДП КЧР. Ф.347. Оп.2.Д.310. Л.1.
2. ГАКК.Ф.574.Оп.1.Д.535.Л.44; *Куракева М.Ф.* Из прошлого станицы Баталпашинской (первая половина XIX века) // Культурно-историческая общность народов Северного Кавказа и проблемы гуманизации межнациональных отношений на современном этапе: Материалы международной научно-теоретической конференции. Черкесск, 1999. Ч.1. С.118.
3. *Грушко С.Б.* Сравнительная типология славяно-казачьей архитектуры станиц Верхней Кубани и Зеленчуков с архитектурой прочих станиц Баталпашинского отдела XIX – начала XX в. // Культурно-историческая общность народов Северного Кавказа и проблемы гуманизации межнациональных отношений на современном этапе: Материалы международной научно-теоретической конференции. Черкесск, 1999. Ч.1. С.38.
4. ГАКК.Ф.252.Оп.2.Д.1312.Л.127; *Куракева М.Ф.* Указ. соч. С.119.
5. Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани / Н.Т.Михайлов. Справочник по Ставропольской епархии (обзор городов, сел, станиц и хуторов Ставропольской губернии и Кубанской области). М., 2008. С.781.
6. Епархиальные ведомости. 1899. №21.
7. Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани... С.624.
8. *Невская В.П.* Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964. С.63-64.

9. Михайлов И.В. Территория проживания: Карачаево-Черкесская Республика. Ставрополь, 2004. С.40.

10. Михайлов И.В. Указ. соч. С.101.

V. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ

С.Н. Савенко, С.Л. Кравцова

О роли С.Д. Мастепанова в формировании и изучении археологических коллекций из памятников Верхнего Прикубанья

В этом году, по инициативе руководства Отраденского районного отделения Российского общества историков - архивистов, отмечается столетие со дня рождения Сергея Даниловича Мастепанова (1913 – 2002). Он родился и получил начальное образование в станице Отрадной. Подвергался репрессиям по политическим мотивам [1]. В конце 1950-х годов Сергей Данилович был полностью реабилитирован по факту необоснованного осуждения. После реабилитации жил и работал учителем в поселке Шахта № 6 (пос. Малокурганный) в Карачаево-Черкесии.

С.Д. Мастепанов – краевед, археолог-энтузиаст, человек незаурядных способностей и широкого кругозора, обогативший своим трудом многие области знаний, в том числе археологию и историю региона. В доступных биографических данных о С.Д. Мастепанове отсутствуют сведения о том, когда он стал интересоваться археологией, древней и средневековой историей. Известно, когда его стали привлекать и завораживать древние памятники, которыми так богата земля Верхнего Прикубанья, включая и окрестности станицы Отрадной. Пока мы не можем сказать, что определило или кто повлиял на формирование этого стойкого интереса Сергея Даниловича. Но можем однозначно утверждать, что он, уже в конце пятидесятых годов, работая учителем в школе, уделял много времени посещению археологических памятников, сбору случайных находок и подъемного материала. Это серьезное увлечение являлось одним из основных, до последних лет жизни исследователя, о чем он сообщал, в частности, в

письмах своему издателю и биографу П.И. Ткаченко [2].

На рубеже 1950-х – 1960-х годов С.Д. Мастепанов знакомится с рядом ученых-археологов, работавших в Верхнем Прикубанье. Так, у него складываются добрые и деловые отношения с А.Л. Нечитайло – научным сотрудником-археологом Ставропольского краеведческого музея. Анна Леонидовна Нечитайло (1935 – 2008) училась на историческом отделении Ставропольского государственного педагогического института и занималась археологией под руководством известного российского и ставропольского археолога Т.М. Минаевой (1896 – 1973). В 1961 г. А.Л. Нечитайло и С.Д. Мастепанов совместно обследовали скальный могильник в верховьях балки Шубшурук, к востоку от Кубани, близ аула Новый Карачай и города Карачаевска. Материалы этих работ использовала в своих статьях и монографии по истории алан Верхнего Прикубанья Т.М. Минаева [4]. В последующие годы С.Д. Мастепанов не раз посещал этот интересный археологический объект и находил на нем выразительные находки.

С.Д. Мастепанов был знаком с известным археологом, доктором исторических наук Е.П. Алексеевой (1921 – 1994), которая после окончания аспирантуры в Ленинграде (Санкт-Петербурге) с 1951 года работала в Карачаево-Черкесском научно-исследовательском институте (ныне Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований). В своих работах конца 1960-х – начала 1970-х гг. она неоднократно упоминала имя С.Д. Мастепанова в связи с открытыми или обследованными им археологическими памятниками окрестностей поселка Шахта №6 (Шестая шахта, Малокубанский) и других объектов территории Хумары и Карачаевска [5]. Достаточно подробно данные о вкладе С.Д. Мастепанова в изучении памятников Верхней Кубани были изложены Е.П. Алексеевой в монографии «Археологические памятники Карачае-

во-Черкесии» 1992 г., которая стала комментированной археологической картой республики [6].

Начиная с середины 1970-х годов, с Сергеем Даниловичем встречался старейший ныне археолог-кавказовед В.А. Кузнецов: иногда сам заезжал в гости к учителю из пос. Малокурганного, иногда совместно с отрядненским археологом и краеведом Михаилом Николаевичем Ложкиным (1910 – 1999). Владимир Александрович не раз вспоминал добрым словом в своих работах школьного учителя С.Д. Мастепанова [7]. Особенно часто В.А. Кузнецов упоминал находки предметов культа и памятников, связанных с историей христианства на Северном Кавказе, которые были открыты С.Д. Мастепановым [8 – 10]. На некоторые из открытых археологических памятников он сам водил В.А. Кузнецова, а о других сообщал в переписке.

С Сергеем Даниловичем Мастепановым довелось лично познакомиться одному из соавторов данного сообщения – С.Н. Савенко. Это было весной 1977 года во время проведения в Черкесске VII «Крупновских чтений» – очень авторитетной конференции по археологии Северного Кавказа. Сергей Данилович тогда впервые и единственный раз участвовал в этом научном форуме с докладом о древностях Хумаринского района. Тезисы докладов «Крупновских чтений» обычно публиковались накануне очередной конференции. Но в 1977 г. тезисы по объективным причинам не были опубликованы, и интересный, насыщенный важными деталями доклад С.Д. Мастепанова долгое время оставался только в рукописном варианте. В таком виде на него ссылалась Е.П. Алексеева, в упоминавшейся выше книге 1992 года. И только в 2008 году опубликованные материалы «Крупновских чтений» с I (1971) по XXIV (2006) инициативой и стараниями ГУП «Наследие» министерства культуры Ставропольского края, позволили ввести в научный оборот тезисы С.Д. Мастепанова [11]. Таким образом, была пополнена научная библиография исследователя – единственной, к сожалению, археологической публикацией.

С.Н. Савенко, будучи студентом второго курса исторического факультета Чечено-Ингушского университета им. Л.Н. Толстого, специализировался по археологии и

научно-педагогической Школе профессора В.Б. Виноградова. Став участником «Крупновских чтений», имел возможность прослушать этот яркий и эмоциональный доклад, а затем общаться в течение продолжительного времени с Сергеем Даниловичем в неформальной обстановке.

В докладе были приведены данные о многих памятниках, открытых или обследованных Мастепановым, о его находках в районе от аула Сары-Тюз до города Карачаевска по обоим берегам р. Кубань. Примечательно, что именно этот район оказался в поле зрения участников первой российской военно-академической научной Эльбрусской экспедиции 1829 года. На обратном пути члены экспедиции дошли до Кубани и спустились в долину Хумары, впадавшей в Кубань справа. Интересные детали, в отношении археологических объектов этого района, содержались в полевом дневнике академика А.Я. Купфера. В нём описывалось следующее: «Развалины церкви и старые могилы в долине свидетельствовали, что долина была ранее обитаема... Нас встречали огромные камни, то положенные на землю, то поставленные вертикально, на которых видны следы римского креста... На другом берегу Кубани, обращенном к нашему лагерю, поднимались развалины церкви, сооруженной на отвесной скале, чуть подальше виднелись развалины еще нескольких церквей...» [12].

Таким образом, С.Д. Мастепанов открывал часть памятников описанной выше территории вторично, или более обстоятельно исследовал их, но ряд важных объектов были им зафиксированы впервые. Так, Алексеева Е.П. связывает с исследовательской деятельностью Сергея Даниловича, открытие так называемой «Башни Тамары» на северном отроге Кубранской балки (по соседству с балкой Шубшурук), к югу от Хумаринского городища, и катакомбных захоронений (вероятно, скальных) рядом с ней, а также раннесредневековый скальный могильник в Кубранской балке, обнаруженный им вместе со школьниками поселка Шахты №6 в 1967 г. Кроме того, Алексеева Е.П. считала, что благодаря поисково-спасательной работе С.Д. Мастепанова стали известны археологической науке такие объекты, как:

- оборонительная стена на Каракентском городище, которое расположено к западу от аула Кумыш на левом берегу Кубани;
- грунтовый могильник, на том же берегу Кубани, к северу от с. Коста Хетагурова,
- могильники из каменных ящиков и грунтовых ям, гробницы со сложными надмогильными сооружениями и насыпью возле поселка Шестая шахта и непосредственно в его границах [13].

В.А. Кузнецов считал важным открытием С.Д. Мастепанова обнаружение фундамента древней церкви с апсидой и квадратным наосом (3,85x 3,85 м) на горе у Карачаевска, на правом берегу р. Кубани [14] и скалу с петроглифами в виде крестов в окрестностях Шестой шахты [15].

Краевед многократно бывал на крупнейшем комплексе района – Хумаринском городище, расположенном в трех километрах к северу от поселка Шахта №6. На подступах к городищу с юга им был выявлен широкий и глубокий ров, протянувшийся параллельно горам с юга на север [16]. Кроме того, Сергеем Даниловичем осматривался известный скальный могильник Токмак-кая в верховьях балки Каракент [17].

Наиболее ценные находки С.Д. Мастепанов перечислил в своем докладе 1977 года. Часть из них уже введена в научный оборот – это каменная плита с византийским крестом, найденная возле скального погребения в Кубранской балке [18]. Затем – комплекс воинского погребения конца IV – V вв.н.э. в каменном ящике на территории поселка Шахта №6. Набор погребального инвентаря из захоронения воина включал: длинный обоюдоострый железный меч, в орнаментированной бронзовой с позолотой, оправе; миску, кувшин, несколько малых глиняных кувшинов, бронзовый котел с железной дужкой, разнообразные бусы и дуговидную фибулу [19]. Но назывались и менее известные в научном мире находки. Среди них, например, «мумия женщины с отрубленной головой» с остатками одежды и ковриком в одном из скальных захоронений; подкурганное захоронение сложной конструкции с фрагментами медного гроба в поселке Шахта №6 на участке Д. Евренко (или Еврейко); христианские нательные

кресты и энколпионы из могил на территории поселка; каменные менгиры с изображениями, обнаруженные на территориях поселка, в Кубранской балке, в ауле Хумара. Приводил краевед данные о многих других, разрушенных в ходе хозяйственных работ, памятниках, в частности, в процессе строительства поселка Шахта №6, в котором он проживал [20].

Большинство открытых и обследованных С.Д. Мастепановым объектов относится к эпохе раннего и развитого средневековья в пределах VIII – XIII вв.н.э. Но имеются как более ранние, так и более поздние находки.

Следует указать, что ученый и краевед С.Д. Мастепанов выдвинул ряд оригинальных версий историко-культурного определения археологических памятников. Так, он считал и сообщал в письме к П.И. Ткаченко, что на месте поселка Шахта № 6 и окружавших его черкесского и карачаевского аулов, осетинского селения им. Косты Хетагурова в древности была столица аланского царства, называвшегося по-гречески Схемарис.

С.Д. Мастепанов увязал с конкретным историческим событием крупный менгир с крестом из аула Хумара. В письме к П.И. Ткаченко он писал: *«По моим исследованиям, предыстория этого креста такова: в 933-м году н.э. между Аланией (Осетией) и Хазарским каганатом вспыхнула двухлетняя алано-хазарская война, закончившаяся поражением Алании. После этого поражения Алания полностью попала под власть хазар. Христианство в Хазарии под угрозой смертной казни было запрещено, и Алания была насильственно приведена к иудейской религии, господствующей среди хазар. Для Алании наступили черные дни, которым не видно было конца. Но через 32 года великий русский князь Святослав разгромил и стер с лица земли Хазарский каганат. После разгрома Хазарского каганата Алания стала свободной. И вот в 965 или 966 году в ознаменование восстановления христианства в Алании и воссоединения, ранее захваченных хазарами земель и был поставлен этот крест»* [21].

Исследователю принадлежали многие образные названия природных и историко-культурных объектов в его районе: «скала Прометей», «сфинкс египетского фараона

Рамсеса Великого», «место евангельских проповедей апостола Матфея» и др.

Интересна для нас судьба находок С.Д. Мастепанова. Часть из них, например, комплекс богатого воинского захоронения в каменном ящике эпохи раннего средневековья поступил в Карачаево-Черкесский НИИ, где его изучала Е.П. Алексеева [22]. Дальнейшая судьба комплекса нам не известна. Возможно, были какие-то поступления в Карачаево-Черкесский историко-культурный и природный музей - заповедник. Нательные кресты и энколпионы из могильника на территории поселка Шахта №6, находились в школе, а позже дома у С.Д. Мастепанова, где сохранялись и после его смерти [23]. И, наконец, серия находок, была передана в Ставропольский краеведческий музей, ныне – Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. На этом собрании мы остановимся несколько подробнее.

Приведем перечень предметов и коллекций с фондовыми данными и некоторыми дополнительными сведениями, поступивших в Ставропольский музей:

1. Горшок глиняный и его фрагменты с орнаментом (II тыс. до н.э.);

о.ф. 14073/1-2. Найдены предметы в посёлке Шахта №6 Карачаевского района в 1961 году учителем Мастепановым С.Д.

2. Сосуды глиняные аланского времени, о.ф. 15054/1-2. Найдены предметы в Кубранской балке, напротив лепрозория в 1961 году Мастепановым С.Д.

3. Фрагменты сосудов глиняных, эпохи средневековья; о.ф. 15055/1-15. Найдены фрагменты на городище Кара-Кент в 1967 году, учителем Мастепановым С.Д.

4. Фрагменты бронзовых пластин (по Акту № 84 от 05.05 1967 года - фрагменты обкладки гроба адыгского XIV в.); о.ф. 15057/1. Найдены фрагменты на огороде шахтёра Еврейко Д. (Евренок – у С.Д. Мастепанова) в посёлке Шахта № 6, 21-22 марта 1967 года и переданы в дар музею Мастепановым С.Д.

5. Плита каменная, арочной формы с высеченным крестом в центре (X – XIII вв.); о.ф. 15057/2. Артефакт был обнаружен на огороде шахтёра Еврейко Д. (Евренок – у С.Д. Мастепанова) в посёлке Шахта № 6

(Акт № 84). По научному паспорту – на склонах Кубранской балки 21-22 марта в 1967 г. Размеры: высота – 0,51 м; длина основания – 0,48 м; толщина – 0,1 м.

Из поселка Шахта №6 происходит еще один ценный в научно-культурном отношении предмет. Это створка от бронзового литого энколпиона древнерусского происхождения. Прямая его связь с С.Д. Мастепановым не установлена, так как предмет записан в музейной документации следующим образом: «Энколпион, бронза (XI в.); о.ф. 14072 (по Акту № 184 от 20.06.1962 г.). Предмет найден осенью 1960 года ученицей 7-го класса СШ № 23 посёлка Шахта № 6, Андрушенко Л. на огороде по улице Сенной в посёлке Шахта № 6, Карачаевского района во время закладки фундамента. Размер: 10 x 7,5 см». Но косвенная связь с этой находкой учителя и ученицы школы № 23 поселка Шахты №6 вполне возможна.

Каменная плита с высеченным крестом в центре из Кубранской балки неоднократно публиковалась, выставлялась прежде и украшает сегодня экспозицию зала археологии Ставропольского государственного музея-заповедника. Кроме того, данная плита и энколпион из Шестой шахты, входили в состав предметного ряда для крупного выставочного проекта: «Архыз – как древний центр христианства», который Ставропольский государственный краеведческий музей им. Прозрителева и Г.К. Пправе реализовал совместно с четырьмя другими республиканскими и краевыми музеями региона. Выставка экспонировалась в Москве на базе музея Храма Христа Спасителя в 2005 году [24]. И все же детальное изучение этих экспонатов еще не проведено. Остальные предметы вообще не изучались и ждут своего исследователя.

Наиболее интересными из них являются фрагменты обкладки гроба. По версии музейной документации, они связаны с адыгским погребением XIV в. н.э. И датировка, и культурная принадлежность представляются предварительными. Других материалов, подтверждающих это определение нет. Сама же традиция обивки гробов медными пластинами известна и в более ранних христианских памятниках района. Так, детали подобного гроба обнаружены в богатом захоронении X – XI вв. внутри Сентинского храма [25].

Приведенные данные свидетельствуют о существенном вкладе С. Д. Мастепанова в формирование и изучение археологических материалов Верхнего Прикубанья и особенно участка долины реки Кубань, в районе средневекового Хумаринского городища и современного города Карачаевска. Найденные и переданные в музейные фонды артефакты еще долгое время будут привлекать внимание исследователей и ученых.

Примечания:

1. Немченко С.Г. С.Д. Мастепанов. Страницы автобиографии // Вопросы истории Поурупья. Вып. I. Ильичёвское городище как памятник средневековой археологии и церковной архитектуры. Материалы краевой научной конференции, посвященной 50-летию открытия и изучения Ильичёвского городища (ст. Отрадная, 9 – 10 августа 2012 г.) / под. ред. С.Н. Малахова и С.Г. Немченко. Армавир: Издатель Шурыгин В.Е., 2012. С.106.
2. Ткаченко П.И. Учитель Мастепанов // С. Д. Мастепанов о пословицах и поговорках народов Северного Кавказа. М.: Граница, 1999. С.5 – 8.
3. Пустовалов С.Ж. Аннета Леонидовна Нечитайло. Памяти археолога // РА. 2009. №4. С.184 – 185.
4. Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1971. С.71.
5. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (вопросы этнического и социально-экономического развития). М.: Наука, 1971. С.82 – 83, 90.
6. Алексеева Е.П. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1992. С.28, 102 – 106.
7. Кузнецов В.А. В верховьях Большого Зеленчука. М.: Искусство, 1977. С.43 – 46.
8. Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ: Ир, 2002. С.77.
9. Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Пятигорск: ООО Изд-во «Снег», 2007. С.115.
10. Кузнецов В.А. В верховьях Большого Зеленчука. Пятигорск: ООО Изд-во «Снег», 2008. – С.78-80.
11. Мастепанов С.Д. Древности Хумаринского района // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения. 1971-2006. М.: Памятники исторической мысли, Ставрополь: Наследие, 2008. С.181 – 182.

12. Мизиев И.М. Следы на Эльбрусе (из истории горного туризма и отечественного альпинизма). Карачаевск: КЧГПУ, 2000. С.55 – 56.
13. Алексеева Е.П. Археологические памятники... С.102 – 105.
14. Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ: Ир, 2002. С.77.
15. Кузнецов В.А. В верховьях Большого Зеленчука. М.: Искусство, 1977. С.44.
16. Мастепанов С.Д. Древности Хумаринского района. С.181.
17. Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья... С.77 – 82.
18. Минаева Т.М. Указ соч. Рис.9,3.
19. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая... С.323. Табл. 216.
20. Мастепанов С.Д. Древности Хумаринского района. С.182.
21. Ткаченко П. Учитель Мастепанов // Ресурсы Интернет. Русский сход. Режим доступа: <http://www.russhod.ru/2011/05/mastepanov/>.
22. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. С.83.
23. Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Пятигорск: ООО Изд-во «Снег», 2007. С.115.
24. Савенко С.Н., Пинкин А.Н. Архыз – как древний центр христианства. М.: АНО «Астория», 2005.
25. Марковин В.И. Сентинский храм и его изучение // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Черкесск: КЧНИИИФЭ, 1988. С.25.

А.Л. Пелих

Археологические разведки в округе ст. Каладжинская Лабинского района Краснодарского края

Летом 2004 года в рамках студенческой археологической практики ФГОУ ВПО «Армавирский государственный педагогический институт» были проведены археологические разведки на земельном участке, расположенном между ст. Каладжинская и с. Гофицкое. Работы проводились по Открытому листу А.Л. Пелиха, при активном участии В.И. Басова и Д.С. Крюкова.

На территории Лабинского района Краснодарского края расположено большое количество разновременных и разнотипных

памятников археологии (курганы, селища, городища, грунтовые могильники). Самым ранним из известных является поселение «Ясеновая Поляна» – важный археологический источник эпохи энеолита и культуры накольчатой и жемчужной керамики Предкавказья.

На территории современного Лабинского района проводились интенсивные разведки и раскопки на протяжении более 50 лет, что позволило выявить большое количество разнообразных археологических памятников.

Одними из первых документированных и опубликованных археологических работ на территории района были разведки Н.В. Анфимова, представителя Краснодарского государственного педагогического института, в 1947 г.

В 1963 – 1968, 1975 и 1983 гг. разведки в данном районе проводил П.У. Аутлев (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований).

В 1964 г. П.А. Дитлер (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований) исследовал поселение «Ясеновая Поляна».

В 1965 г. А.Д. Столяр (Ленинградский государственный университет) получил Открытый лист на право проведения работ в Лабинском районе, в Сочи, Адлере и их окрестностях (Краснодарский край) и в районе г. Пятигорска (Ставропольский край).

В 1977 г. разведки в Лабинском районе проводил отряд Армавирского краеведческого музея под руководством Н.И. Навротского.

В 1980 и 1990 гг. здесь осуществлял разведки Е.И. Савченко (Ростовский государственный университет).

В 1986 – 1988 гг. на территории Лабинского района работала экспедиция Адыгейского Национального музея под руководством А.А. Нехаева.

В.Н. Каминский (КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына) провел ряд разведок в данном районе с 1988 по 1990 гг. Он также осуществлял раскопки на территории городища «Куньша» в 1990 г., пяти курганов в Лабинском карьере у ст. Владимирской и селища «Каладжинское» в 1991 г.

Поселение Каменные Столбы в 1990 г. исследовала И.В. Цокур (Каминская)

(КГИАМЗ Е.Д. Фелицына). Она же в 1991 и 1994 гг. проводила раскопки на городище «Куньша».

В 1990 г. разведки в окрестностях ст. Каладжинской осуществлял В.Р. Эрлих (Государственный музей Востока).

В 1992 г. комитетом по охране, реставрации и эксплуатации историко - культурных ценностей (наследия) Краснодарского края проводилась инвентаризация выявленных и известных по архивным данным памятников археологии на территории Лабинского района.

В 1999 г. Южнороссийским институтом мониторинга земель и экосистем, по договору с Комитетом по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края, было выполнено дешифрирование аэрофотоматериалов и нанесение на карту выявленных и известных по архивным данным памятников археологии Лабинского района.

Всего на территории Лабинского района расположено свыше 490 памятников археологии, включенных ныне в список выявленных объектов культурного наследия.

Объектом нашего археологического исследования являлся земельный участок общей площадью 3,5 км², расположенный в Лабинском районе Краснодарского края, между ст. Каладжинская и с. Гофицкое на второй надпойменной террасе правого берега р. Большая Лаба. Территория исследуемого участка вытянута с юго-востока на северо-запад. Рельеф ровный, спокойный. Большая часть территории используется в сельскохозяйственных нуждах (распахивается). Юго-западная окраина исследуемого участка граничит с руслом р. Большая Лаба, с юго-востока – с северной окраиной с. Гофицкое, с северо-востока упирается в предгорья, а северо-запада – с южной окраиной ст. Каладжинская. Течение р. Большой Лабы идет с юго-востока на северо-запад, через описываемые земли в таком же направлении проходит автомобильная дорога на ст. Ахметовскую. Вся территория свободна от застройки и хорошо просматривается.

Визуальное (натурное) обследование территории участка проводилось с линейным (продольным) прохождением намеченного маршрута группой минимум из трех человек, идущей поперечной цепочкой так, чтобы каждый из сотрудников мог осмот-

реть полосу, соприкасающуюся с полосой соседа слева и справа на расстоянии 5 – 7 м (в зависимости от условий обзора). Фотофиксация производилась цифровым фотоаппаратом при помощи масштабной рейки. Обмеры археологических памятников производились с использованием 20-метровой рулетки. Замеры необходимых азимутов производились компасом. Картографический материал, применявшийся в ходе работы – карты Генерального Штаба масштаба 1:25000 и 1:50000 в системе координат Пулково 1942 г.

Для точек привязки использовался центр кургана, координаты которого (в системе WGS 84) определялись с помощью системы глобального позиционирования «Garmin 60С». Топографическая съемка осуществлялась с помощью оптического теодолита ЗТ5КП.

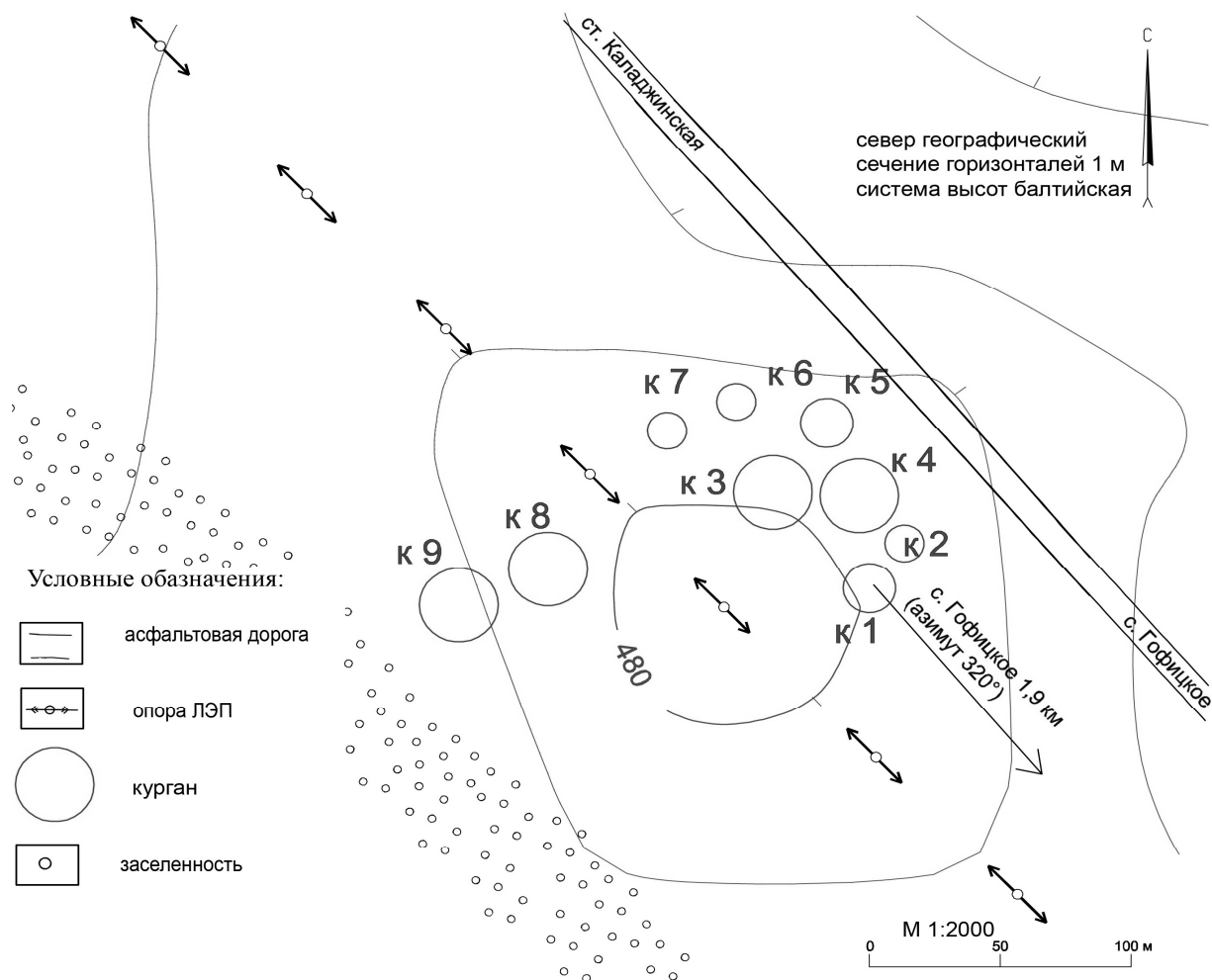
В результате обследования земельного участка были визуально обследованы, зафотофиксированы и картографированы следующие курганные группы:

1. Курганная группа «Каладжинская»

Рис. 1. Курганная группа «Каладжинская». Топоплан.

Объект археологического наследия – курганная группа «Каладжинская» расположен в 1,9 км (азимут 320°) к северо-западу от северо-западной окраины с. Гофицкое (привязка к кургану №1). Могильник выявлен в 1992 г. в ходе инвентаризации памятников археологии на территории Лабинского района. Могильник представлен курганами с каменными насыпями. По архивным данным комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края, в его составе было известно 8 насыпей. В ходе визуального осмотра территории могильника была выявлена еще 1 насыпь. Курганы расположены компактно недалеко друг от друга, через могильник проходит линия электропередач 10 кВ.

- Курган 1. Высота 0,2 м, диаметр 20 м. Координаты в системе WGS 84 N

44°16'45.15" E 40°56'23.63".

- Курган 2. Высота 0,1 м, диаметр 15 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°16'45.75" E 40°56'23.58". Расстояние от центра кургана 1 до центра кургана 2 составляет 19 м (азимут 356°).

- Курган 3. Высота 0,3 м, диаметр 30 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°16'45.96" E 40°56'23.41". Расстояние от центра кургана 1 до центра кургана 3 составляет 45 м (азимут 321°).

- Курган 4. Высота 0,3 м, диаметр 30 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°16'46.27" E 40°56'22.38". Расстояние от центра кургана 1 до центра кургана 4 составляет 25 м (азимут 350°).

- Курган 5. Высота 0,2 м, диаметр 20 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°16'47.07" E 40°56'22.87". Расстояние от центра кургана 1 до центра кургана 5 составляет 62 м (азимут 344°).

- Курган 6. Высота 0,2 м, диаметр 15 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°16'47.36" E 40°56'21.31". Расстояние от центра кургана 1 до центра кургана 6 составляет 87 м (азимут 323°).

- Курган 7. Высота 0,2 м, диаметр 15 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°16'47.01" E 40°56'20.12". Расстояние от центра кургана 1 до центра кургана 7 составляет 97 м (азимут 306°).

- Курган 8. Высота 0,2 м, диаметр 30 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°16'44.99" E 40°56'17.40". Расстояние от центра кургана 1 до центра кургана 8 составляет 139 м (азимут 268°).

- Курган 9. Высота 0,2 м, диаметр 30 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°16'44.78" E 40°56'16.47". Расстояние от центра кургана 1 до центра кургана 9 составляет 160 м (азимут 265°).

2. Курганная группа «Придорожная 1»

Объект археологического наследия – курганная группа «Придорожная 1» – расположен в 600 м (азимут 143°) к юго-востоку от юго-восточной окраины ст. Калладжинская (привязка к кургану №8). Могильник выявлен в 1992 г. в ходе инвентаризации памятников археологии на терри-

тории Лабинского района. Могильник представлен курганами с каменными насыпями. По архивным данным комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края было известно 4 насыпи. В ходе визуального осмотра территории могильника были выявлены еще 4 насыпи. Курган №1 распаивается, курганы №№ 2–8 ранее распаивались, в настоящее время задернованы. По юго-западной поле кургана №2 и юго-восточной поле кургана №8 проходит автомобильная дорога.

- Курган 1. Высота 0,4 м, диаметр 40 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°17'23.21" E 40°55'58.52".

- Курган 2. Высота 0,3 м, диаметр 32 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°17'26.82" E 40°55'53.45". Расстояние от центра кургана 1 до центра кургана 2 составляет 156 м (азимут 315°).

- Курган 3. Высота 0,5 м, диаметр 40 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°17'26.52" E 40°55'48.96". Расстояние от центра кургана 1 до центра кургана 3 составляет 235 м (азимут 295°).

- Курган 4. Высота 0,3 м, диаметр 30 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°17'27.76" E 40°55'48.45". Расстояние от центра кургана 1 до центра кургана 4 составляет 287 м (азимут 389°).

- Курган 5. Высота 0,4 м, диаметр 40 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°17'27.76" E 40°55'48.45". Расстояние от центра кургана 1 до центра кургана 5 составляет 261 м (азимут 302°).

- Курган 6. Высота 0,1 м, диаметр 30 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°17'29.23" E 40°55'45.76". Расстояние от центра кургана 1 до центра кургана 6 составляет 338 м (азимут 303°).

- Курган 7. Высота 1 м, диаметр 30 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°17'33.64" E 40°55'42.46". Расстояние от центра кургана 1 до центра кургана 7 составляет 480 м (азимут 312°).

- Курган 8. Высота 0,3 м, диаметр 30 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°17'35.45" E 40°55'42.21". Расстояние от центра кургана 1 до центра кургана 8 составляет 520 м (азимут 316°).

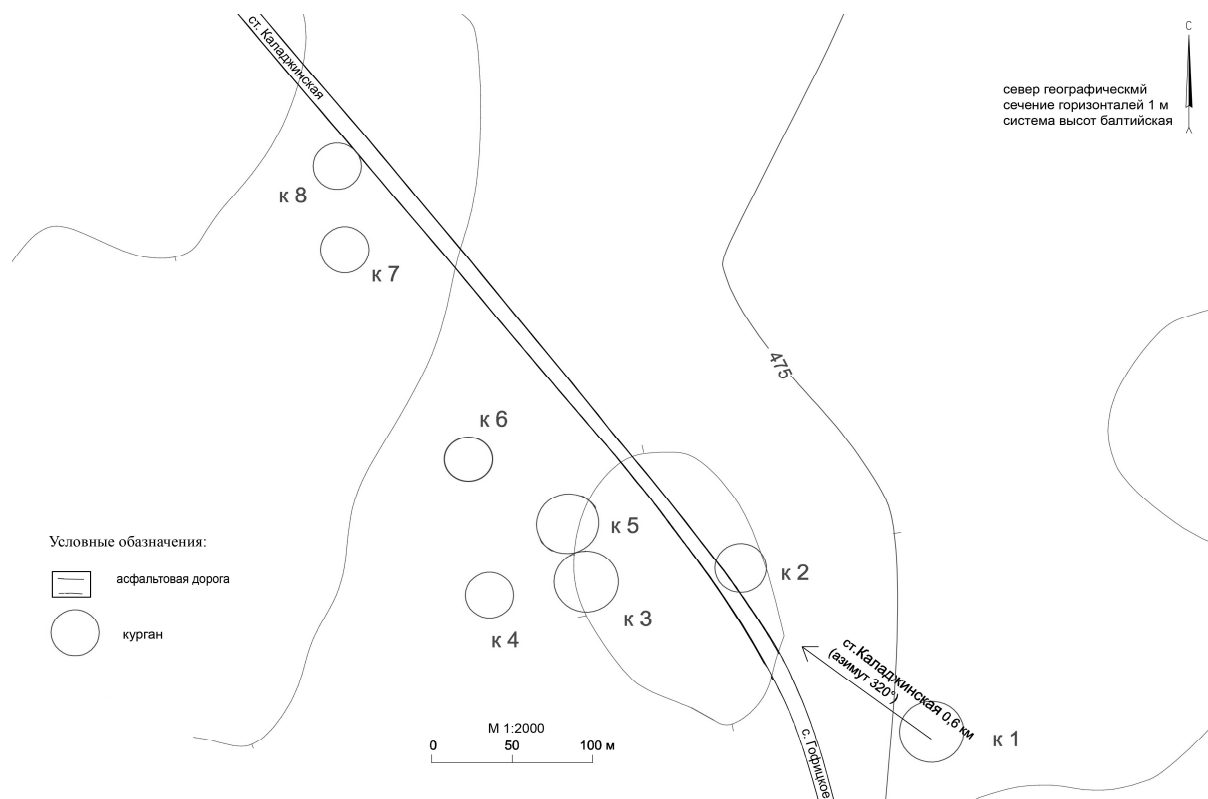

Рис. 2. Курганная группа «Придорожная 1». Топоплан.

3. Курганная группа «Придорожная 2»

Объект археологического наследия – курганная группа «Придорожная 2» – расположен в 2,7 км (азимут 142°) к северо-западу от северо-западной окраины с. Гофицкое (привязка к кургану №1). Могильник выявлен в 1992 г. в ходе инвентаризации памятников археологии на территории Лабинского района. Могильник представлен курганами с каменными насыпями. Курганы вытянуты цепью с юго-востока на северо-запад, вдоль автодороги на ст. Ахметовскую. Через курган №1 проходит полевая дорога. По архивным данным комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края было известно 2 насыпи. В ходе визуального осмотра территории могильника были выявлены еще 4 насыпи. Курганы №№1 – 5 распахиваются, курган №6 задернован.

- Курган 1. Высота 0,6 м, диаметр 40 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°17'9.54" E 40°56'2.53".
- Курган 2. Высота 0,3 м. Насыпь имеет в плане овальную форму размерами 25x40 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°17'11.47" E 40°56'1.00". Расстояние от центра кургана 1 до центра кургана 2 составляет 69 м (азимут 330°).
- Курган 3. Высота 0,2 м, диаметр 20 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°17'13.03" E 40°56'0.18". Расстояние от центра кургана 1 до центра кургана 3 составляет 120 м (азимут 324°).
- Курган 4. Высота 0,1 м, диаметр 20 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°17'15.23" E 40°56'1.05". Расстояние от центра кургана 1 до центра кургана 4 составляет 180 м (азимут 350°).
- Курган 5. Высота 0,2 м, диаметр 30 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°17'16.26" E 40°55'59.39". Расстояние от центра кургана 1 до центра кургана 5 составляет 220 м (азимут 341°).
- Курган 6. Высота 0,2 м, диаметр 20 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°17'18.38" E 40°55'54.77". Расстояние от

центра кургана 1 до центра кургана 6 составляет 324 м (азимут 328°).

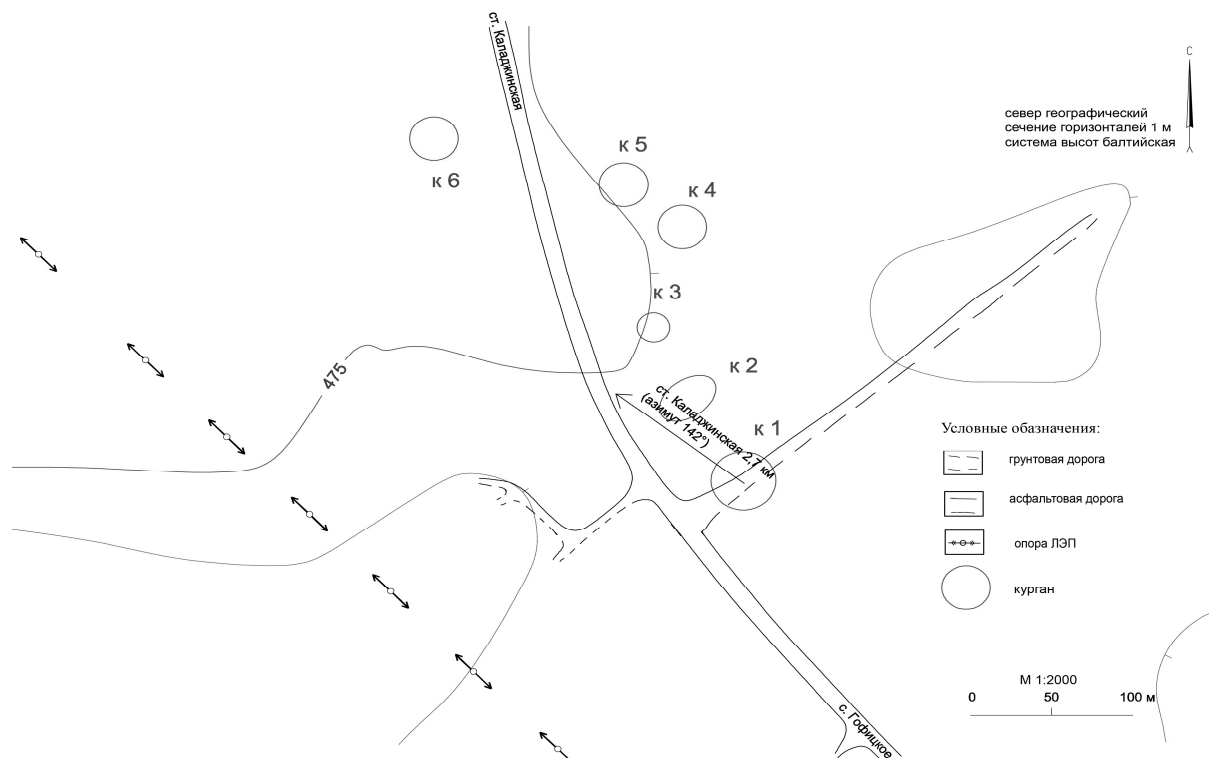

Рис. 3. Курганная группа «Придорожная 2». Топоплан.

4. Курганная группа «Придорожная 3»

Объект археологического наследия – курганная группа «Придорожная 3» (4 насыпи). Памятник ранее не известный, выявлен отрядом Армавирского государственного педагогического института, расположен в 1,5 км (азимут 321°) к северо-западу от северо-западной окраины с. Гофицкое (привязка к кургану №1). Могильник представлен курганами с каменными насыпями в количестве 4 штук. Курганы расположены компактно, в центре второго и юго-западной поле четвертого кургана установлены опоры ЛЭП 10 кВ. Рельеф местности ровный, спокойный. Курганы задернованы.

- Курган 1. Высота 0,6 м, диаметр 50 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°16'35.15 E 40°56'36.18".

- Курган 2. Высота 0,5 м, диаметр 40 м. Координаты в системе WGS 84 N

44°16'35.13"E 40°56'32.94". Расстояние от центра кургана 1 до центра кургана 2 составляет 72 м (азимут 270°).

- Курган 3. Высота 0,5 м, диаметр 40 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°16'35.07"E 40°56'30.70". Расстояние от центра кургана 1 до центра кургана 3 составляет 122 м (азимут 269°).

- Курган 4. Высота 0,4 м, диаметр 30 м. Координаты в системе WGS 84 N 44°16'36.87"E 40°56'31.67". Расстояние от центра кургана 1 до центра кургана 4 составляет 113 м (азимут 298°).

Итак, в результате разведок 2004 г. был выявлен один ранее неизвестный памятник археологии – курганная группа «Придорожная 3» (4 насыпи). Также были обследованы ранее зафиксированные памятники – курганная группа «Каладжинская» (ранее известно 8 насыпей, выявлена еще 1 насыпь); курганная группа «Придорожная 1» (ранее известно 4 насыпи, выявлено еще 4 насыпи); курганная группа «Придорожная 2» (ранее известно 2 насыпи, выявлено еще 6 насыпей). Предположительно сооружение насыпей связано с эпохой ранней бронзы (майкопско - новосвободненской общностью).

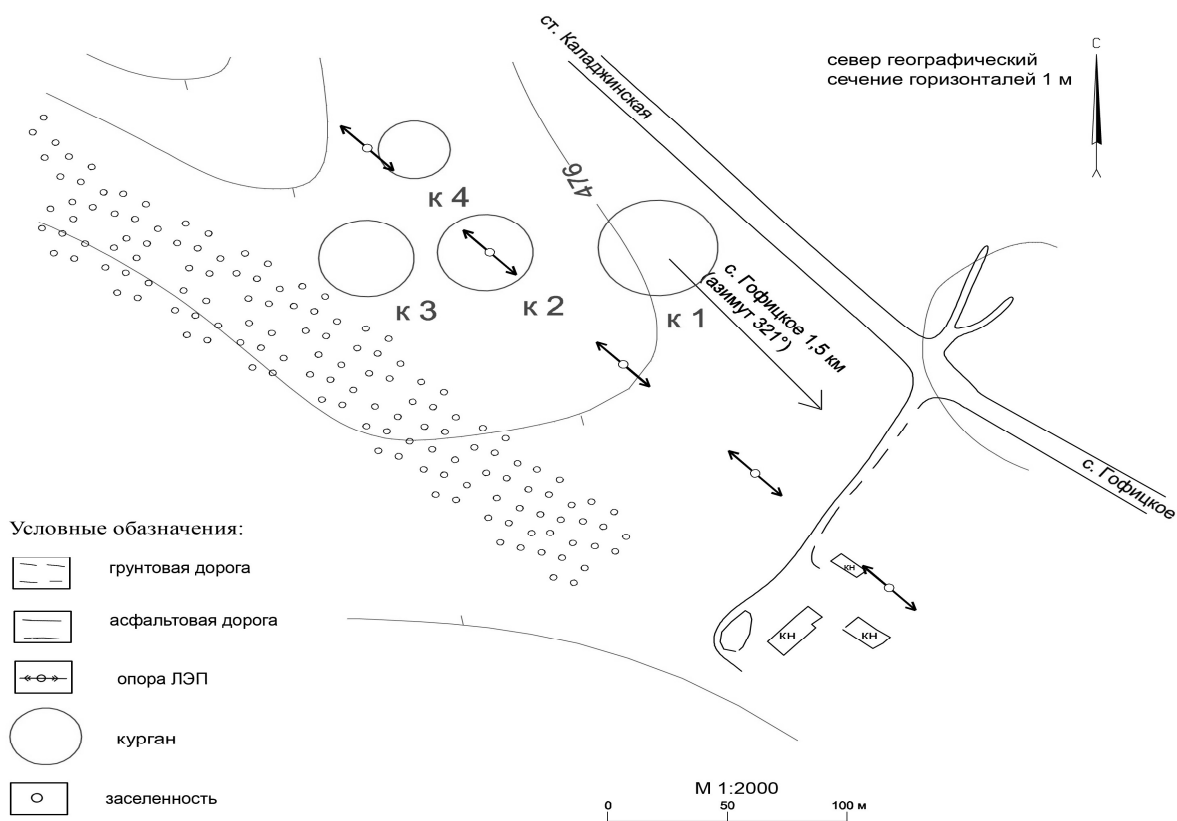

Рис. 4. Курганная группа «Пригородная 3». Топоплан.

С.А.Голованова

Место и роль ушкуйников в ранней истории Гребенского казачества

Исследование времени и механизмов формирования казачества продолжает оставаться актуальным и сегодня. В научной литературе существует множество теорий происхождения казачества, которые условно можно сгруппировать в две: миграционную и автохтонную. Историографический анализ показывает, что они не противоречат друг другу, однако, по разному очерчивают исторические границы взаимообусловленных проблем: временных, территориальных, этнических. Среди сторонников автохтонных теорий наиболее популярно связывать начальную историю казаков со славянским населением Тмутаракани, бродниками, ушкуйниками. На Северном Кавказе на протяжении многих веков (VIII-XV вв.) по письменным, археологическим и фольклор-

ным источникам ощущалось постоянное присутствие славянского элемента. Этот период можно считать началом предыстории вольного казачества Юга России, однако, на наш взгляд, следует отказаться от прямых параллелей между казачеством и славянским населением Тмутаракани, бродниками, ушкуйниками [1]. Вместе с тем, решить вопрос о происхождении вольного казачества без учета роли и места данных, славянских по этническому составу, военизированных групп, сменявших друг друга в письменных источниках в хронологической последовательности, нельзя.

В.Б. Виноградов, изучая историю появления гребенского казачества, наметил динамично развивающийся процесс формирования ранних казачьих сообществ. По его мнению, они представляли собой русские «анклавы», синтезировавшие в себе элементы т.н. бродников, монголо-татарских пленников, бежавших сюда от своих поработителей, выходцев из всех социальных слоев разных земель Руси, новгородских

ушкуйников, а также окраинных рязанских казаков округа Червленого Яра [2].

Интерес к новгородским ушкуйникам был проявлен еще в дореволюционной историографии [3; 4]. П. Юдин с новгородской вольницей связывал, в первую очередь, волжское казачество, которое, в свою очередь, положило начало существованию казаков на Кавказе. В современных исследованиях, как мы уже отметили, также признается взаимосвязь кавказского казачества, прежде всего гребенского, и новгородских ушкуйников. На территории Северного Кавказа увеличивается число археологических материалов новгородского происхождения. Н.Н. Великая отвела ушкуйникам роль первооткрывателей притеречной земли, которые подготовили массовые переселения сюда. Своеобразным воспоминанием о прибытии на Терек переселенцев из новгородских земель она считает ежегодно совершаемый обряд «пускания кораблей», распространенный в гребенских станицах [5]. Таким образом, археологические и фольклорные источники позволяют ставить вопрос об участии в процессе формирования протоказачьих общин на Тереке новгородских ушкуйников. Вместе с тем, без внимания исследователей остались письменные источники, в частности русские летописи, без анализа которых сложно определить степень участия в этом процессе «новгородской вольницы».

Термины «ушкой», «ушкуйник», «ушкуйничество» появились в летописях во второй половине XIV в., а уже к середине XVI в. постепенно исчезли. Ушкуйничество наиболее широкое распространение получило в Новгородской земле, однако летописи этой земли сам термин практически не использовали. В «Толковом словаре живого русского языка В. Даля» записано: «*Ушкуйник м. речной разбойник: новгородские ушкуйники шайки удальцов, пускались открыто на грабежъ, и привозили добычу домой, как товаръ*» [6].

В историографии сложилось два подхода в оценке ушкуйников и ушкуйничества. В.Н. Вернадский и Л.В. Черепнин использовали термин ушкуйничество, под которым рассматривали отряды новгородских дружин, формировавшихся из людей без определенных занятий, разъезжавших с разбойничьими целями по водным путям и

совершавших вооруженные нападения на города и торговые суда в Волжско-Камском бассейне [7]. Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев, В.Н. Татищев, В.Ф. Мамонов в основе этого явления видели традицию организации морских и речных походов за добычей на Руси, как князьями, так и «охочими людьми», появившуюся не позднее IX в. [8; 9; 10]. В XIII в. центром, откуда шли все экспедиции, был Новгород. Новгородская вольница действовала, в основном, в северном и северо-западном направлениях. С середины XIV в., когда русские летописи стали употреблять термин ушкуйники, главное направление их походов сместилось в сторону Волго-Камского бассейна.

Первой крупной операцией ушкуйников было нападение на город Жукотин на реке Каме. В 1365 – 1366 гг. новгородские бояре Есиф Варфломеевич, Василий Федорович, Олександр Обакумович, наняв ватагу удальцов, на ста пятидесяти ушкуях отправились на Волгу. Выйдя на Волгу, «разбойницы-ушкуйницы» напали на Нижний Новгород, перебили там множество татар, не исключая детей и женщин, захватили товары, принадлежавшие купцам, а их суда посекали. Перейдя с Волги на Каму, дошли до Болгар [11; 12]. В русских летописях существуют два очень близких варианта похода 1366 г., мы не будем полемизировать два или один поход состоялся, важно то, что последствия привели к конфликту с Москвой. В ответ на обвинения Дмитрия Ивановича, получившего ярлык на Владимирский стол, новгородцы писали, что ушкуйники «молодые люди» и «без слова новгородского», следовательно, ничего общего с официальным Новгородом не имеющие.

В 1369 г. летописи сообщали о походе десяти новгородских ушкуев на Волгу и Каму, попытка ограбить восточных купцов оказалась неудачной, и под Болгаром они были разбиты [13]. В 1371 г. они совершили походы на Кострому, Нижний Новгород, Ярославль, в 1374 г. – на Вятку и Болгар. Сохранилось известие, что у Болгара они разделились на два отряда: первый, состоявший из пятидесяти ушкуев, спустился вниз по Волге к Сараю, а второй, повернув вверх, дошел по Волге до Обухова. Но самым грандиозным по масштабам и последствиям был поход ушкуйников на Волгу в 1375 г. Отряд насчитывал почти две тысячи

человек из Новгорода и Заволочья, возглавляли его новгородцы Прокоп и Смольянин. Маршрут их выстроился таким образом: Кострома, Болгар, Нижний Новгород, затем Нижнее Поволжье и Астрахань. «Доидоша на усть Вольгы близ моря града некоего именем Хазитороканя», где поход и завершился. Доверившись татарскому князю Салчею, новгородские ушкуйники были все перебиты.

Крупнейшие походы ушкуйников на Волгу прекратились после похода 1409 г. В.Ф. Мамонов отмечал: «Принято считать, что именно в это время ушкуйничество как явление отмирает вообще под влиянием целого ряда факторов, из которых особенно большое значение имело ослабление главного центра ушкуйничества – Новгорода и усиление великого князя Московского, железной рукой подавлявшего разбой ушкуйников» [14]. После похода великого князя московского Дмитрия Ивановича в 1386 г., новгородские власти начали преследовать ушкуйников. Известно, что в 1390 г. был заключен договор между Новгородом и Псковом, по которому последний обязался выдавать ушкуйников «кто в путь ходил на Волги» [15].

Таким образом, письменные источники сохранили известия исключительно о крупных экспедициях по Каме и Волге, причем только в 1375 г. новгородские ушкуйники дошли до «устья Волги близ моря града некоего Хазитороканя». Никаких свидетельств о том, что они выходили в Каспийское море и достигали устья Терека, нет. Это могли быть только небольшие отряды ушкуйников, чудом прорвавшиеся через татарские заслоны. Следовательно, и доля осевших в Притеречных районах была невелика. Иная ситуация сложилась на Волге. В первой половине XV в., когда в русских летописях исчезли упоминания об ушкуйниках, здесь появились артели добытчиков, которые потеряли характер землячеств и представляли объединения людей, пришедших из разных мест. В.Ф. Мамонов обратил внимание, что теперь появились известия о действиях на Волге, Дону и других реках вольных казачьих артелей [16]. Возможно, что именно с волжскими казаками средне-северорусские традиции попали в культуру гребенского казачества, но в более позднее время.

Примечания:

1. Голованова С.А. Формирование ранних казачьих общин на северном Кавказе // Российское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития. Краснодар, 2012. С.145.
2. Виноградов В.Б. Корневая система кубанско-терского казачества (проблемные размышления) // Современные аспекты российского казачеведения (Мозаика новейших публикаций). Москва; Армавир, 2007. С.31 – 35.
3. Юдин П.Л. Терцы и их восточные соседи // ЗТОЛКС. 1914. № 8. С.3.
4. Попко И.Д. Терские казаки с стародавних времен. Вып.1.Гребенское войско. СПб.,1880.С.20 – 22.
5. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001.с.38.
6. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Изд. 2-е. Т.4. СПб.,1998. С.529.
7. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв. М.,1960. С.391.
8. Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства во время удельновечевого уклада (История Новгорода, Пскова и Вятки) // Собрание сочинений.Т.7.СПб., 1903. 297 – 299.
9. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.1.М., 1988. С.375,676.
10. Мамонов В.А. История казачества России. Т.1.Челябинск, 1995. С.45.
11. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т.15. Вып. 1. Пг., 1921. С.81;
12. ПСРЛ. Т.24. СПб., 1863. С.124.
13. Там же. С.66.
14. Мамонов В.Ф. Указ. соч. С.56.
15. Костомаров Н.И. Указ. соч. С.299.
16. Мамонов В.Ф. Указ. соч. С.59.

Л.Э. Голубев

К ранней истории махошевцев

Одной из малоизученных страниц истории Северо-Западного Кавказа является история адыгской субэтнической группы махошевцев – *махошь*. Скупые сведения об этом племени известны из русских источников XIX в., в основном относящихся к событиям Кавказской войны [1]. Те же источники очерчивают границы расселения махошевцев в междуречье Лабы и Фарса. Больше всего сведений о племени оставил

русский офицер князь адыго-татарского происхождения Султан Хан-Гирей в труде «Записки о Черкесии». Он писал что «наименования – Меххош – покрыто баснословием», при этом отмечал храбрость местных князей снискавших уважение соседей и главное ровный – спокойный уклад жизни, отличающийся от других адыгских племен [2]. В современной топонимике региона известна станица Махошевская, расположенная на реке Фарс (Мостовской район Краснодарского края), стоящая на месте обитания племени *махошь* до прихода сюда казаков.

Турецкий путешественник Эвлия Челеби, побывавший в этих местах в 1660 г., находит здесь некое племя *мамшуха* и распложенное неподалеку от него племя *такаку*. Область Такаку управлялась князем, жители отличались от проживающих вокруг черкесов ношением бород и употреблением в пищу свиней и кур, также они не пьют вино и бузу, «они молятся богу, однако не ведают ни воскресенья и возрождения, ни меры весов... Из-за того, что по религии это племя такаку отличается от остальных черкесов, народ черкесский называет его народом *чуфуд* (искажённое от арабского *яхуд* т.е. еврей)» [3]. Область Мамшуха находилась в междуречье Урупа и Лабь: «... Они обитают у подножья Абхазских гор, среди неприступных скал и дремучих лесов. Это народ ремесленный, не воинственный. Их, по крайней мере, десять тысяч, и нет у них вождей и правителей. Только в каждом стойбище имеется по одному-два человека управителей, достойных и отличаемых, [называемых] «такаку», то есть священниками... Они не ведут торговли ни с одним народом [4], а также не смешиваются ни с каким иным племенем, не берут оттуда девушек и [сами] не дают... Они также не едят ни кур, ни свиней...» [5]. Исходя из описаний, становится ясно, что племена *мамшуха* и *такаку* исповедуют иудаизм. В примечании к повествованию Эвлия Челеби о стране Мамшуха отмечается, что горские евреи употребляли курятину, но ее резать могли только священники, которых иноплеменники называли «такаку» (по-тюркски курица будет «такагу»), в дальнейшем, по мнению комментаторов А.П. Григорьева и А.Д. Желтякова, это прозвище распространилось на весь народ.

Также ими резонно замечено, что в рассказе об областях Такаку и Мамшуха речь идет об одной и той же области, и это является «техническим недосмотром» автора «Книги путешествия» [6]. Таким образом, область имела два названия, одно из которых, «Такаку», вероятно, было дано соседями.

Еще в конце XV в. венецианский путешественник и дипломат Иосафат Барбаро в книге «Путешествие в Тану» упоминает область под названием «Татакозци» [7], «татаркосия» [8] или, как во второй части сочинения Барбаро «Путешествие в Персию», «тетаркосия». Безусловно, этнические названия в известиях средневекового автора не избежали транскрипционных искажений. В 1486 г. об этом народе венецианским автором упоминается как о могущественном этнополитическом образовании, сумевшем вместе с племенем *кремук* одержать победу над некими персидскими «сектантами», прошедшими к тому времени «огнем и мечом» весь Северный Кавказ. Барбаро писал: «...они потянулись в сторону Черкесии, проходя около [племени] Киппики и Кабертай, которые оба находятся около Великого моря, и поступили подобным образом в тех местах. Наконец с ними сразились те из [племен] Тетаркосия и Кремук, и нанесли им такое сокрушительное поражение, что не спаслись и двадцать человек на сотню» [9]. Вероятно, в этом рассказе шла речь о походах Сефевидов – мусульман шиитов, считавшимися тогда сектантами, в 1487-1488 гг. Государство Сефевидов находилось в Южном Азербайджане и называлось Кызылбашским, население его было тюркского происхождения. В данных известиях, события происходят на территории Северо-Восточного Кавказа (в Дагестане). В Персидской исторической традиции было принято все население Северного Кавказа называть «черкесами» [10]. Однако, по мнению Е.И. Нарожного, «сектанты» были разбиты на подступах к Северо-Восточному побережью Черного моря на территории Северо-Западного Кавказа [11].

Вне всякого сомнения, под этнонимом «татакозцы» Барбаро подразумевал не татар, которым была посвящена значительная часть первого его сочинения «Путешествия в Тану». В свое время Н.Г. Волкова предприняла попытку идентифицировать данное этническое название, опираясь на

карту Гастальди 1548 г. Она предполагала, что под этником «Tatarcosia» скрывалось одно из ногайских племен, обитавшее к северу от Кубани [12]. На мой взгляд, под этим этнонимом, вероятно, скрываются современные таты – горские евреи [13]. В «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин приводит исторический пассаж, связанный с перечислением народов, находившихся в войске Мамай, где упоминаются *Буртасы* или *Жиды Кавказские*. В примечании Н.М. Карамзин пишет: «Доныне находится много Жидов в земле Черкеской; а Буртасами называются теперь особенный, неизвестного происхождения народ между Кубанью и Актаром, богатый медью, серебром» [14]. О.Б. Бубенок в *буртасах* видит северокавказских алан, исповедующих иудаизм [15]. Этноним «тат» имеет тюркское происхождения, и применялся древними тюрками, как правило, к покоренным оседлым народам, говорящим на каком-либо иранском языке [16]. Иоанн де Галонифонтибус, католический архиепископ, написавший в 1404 г. «Книгу познания мира», в своих сообщениях о Северном Причерноморье писал: «Вдоль и вокруг Черного моря живут два малых народа таты и некоторое число готов. В своей религии они следуют грекам и пользуются греческими буквами» [17]. В титулатуре крымских ханов XVII в. на Северо-Восточном побережье Черного моря упоминаются «татцкие» и «тавкецкие» народы, которые, по мнению Н.Г. Волковой, Е.П. Алексеева ошибочно отнесла к адыгским племенам [18]. На упомянутой выше весьма условной карте Гастальди 1548 г. Тартакосия (Tartacosia) помещена в Прикубанье, между Кремуком, Черкесией и Аланией.

Сейчас трудно с полной уверенностью говорить об идентичности «татакозцев» Барбаро с современными татами – горскими евреями, однако в качестве исторической реконструкции, на мой взгляд, можно предположить следующее, что под этим этнонимом могло скрываться аланское население Северного Кавказа, принявшее иудаизм еще в период Хазарского каганата. В Кембриджском анонимном документе, датированном 900 годом, сообщалось, что во время войны между хазарским царем Иосифом и царями Азии и Турции «только царь алан был подмогою для хазар, так как

часть их тоже соблюдала иудейский закон» [19]. Локализация Татаркосии, несмотря даже на имеющееся картографическое отображение, является сложной задачей. Известные иудейские надгробья с изображением семисвечника на Северо-Западном Кавказе относятся ко времени Хазарского каганата, и сконцентрированы в своем большинстве на Таманском полуострове. Согласно материалам Горского управления (1866 г.), евреи «издавна» проживали среди абазинских племен между верхними течениями Кубани и Лабы [20]. Здесь же, в районе станицы Переправной, в 1987 г. был найден надгробный камень, с еврейской надписью, хранящийся в Краснодарском музее, датировка которой пока остается открытой темой.

Учитывая вышеизложенные сведения, можно предположить, что история *махошевцев* прослеживается с конца XV в., а с учетом того, что до принятия ислама они исповедовали иудаизм, формирование племени могло начаться в период хазарского владычества на Северном Кавказе. К моменту Кавказской войны племя *махошь* было ассимилированное адыгами. Также нельзя исключать изначального адыгского происхождения данного племени.

Примечания:

1. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семёном Броневским. Часть 2. Нальчик, 1999. (Репринт издания 1823 г.). С. 167; *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии / Вступительная статья и подготовка текста к изданию В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. Нальчик, 1978. С. 167; *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания Кавказского офицера. М., 2000. С. 135; *Люлье Л.Я.* Черкесия (Историко-этнографические статьи) // Ланшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004. С. 51; *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказ: Племена, нравы, язык. Нальчик, 2011. С. 95 и др.

2. *Хан-Гирей.* Указ. соч. С.167.

3. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (извлеченная из сочинений турецкого путешественника XVII века). Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М., 1979. С.71 – 72, 227.

4. В другом пассаже Эвлия Челеби, посвященном причерноморской торговле в обла-

сти Садз, автор упоминает, что «черкесы такаку тоже прибывают [сюда] без опаски и торгуют на судах [в этой гавани]» [Эвлия Челеби, Книга путешествия (извлеченная из сочинений турецкого путешественника XVII века). Земли Закавказья, и сопредельных областей Азии и Ирана. М., 1983. С. 50].

5. *Эвлия Челеби*. Книга путешествия. 1979. С.76 – 78.

6. Там же. С.227 – 228.

7. Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 42.

8. *Барбаро И.* Записки Иосафата Барбаро // Барбаро и Кантарини о России. Перевод и Примечания: Е.Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 153.

9. *Волков И.В.* Еще раз о локализации области Кремук и карте Джакомо Гастольдо 1548г. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир, 2003. С. 226, 227; Северный Кавказ в европейской литературе XIII – XVIII веков / Под ред. В.М. Аталикова. Нальчик, 2006. С. 27.

10. История народов Северного Кавказа (с древнейших времён до конца XVIII в.). Т. 1. М. Наука, 1988. С. 258 – 261.

11. *Нарожный Е.И.* О локализации маршрута сефевидов шейха Хайдара на Северном Кавказе (80-е годы XV века) // Вопросы Северокавказской истории. Вып. 6. Часть II. Армавир, 2001. С. 28.

12. *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. с. 50.

13. *Голубев Л.Э.* Татакозцы – таты? // Творчество Леонида Ивановича Лаврова и история этнографических исследований на Кубани (к 100-летию со дня рождения выдающегося российского кавказоведа). Краснодар, 2009. С. 49 – 53.

14. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. 2. т. V – VIII. М., 1992. С. 34, прим. 61.

15. *Бубенок О.Б.* Аланы в Золотой Орде. Киев, 2004. С. 114.

16. *Членов М.* Таты на Кавказе: извилистая судьба одного этнонима // Евразийский еврейский ежегодник. 5768 (2007/2008) год. М., 2008. С. 43.

17. *Галонифонтибус И.* Сведения о народах Кавказа (1404г.). (Из сочинения «Книга познания мира») / Перевод З.М. Бунятова. Баку, 1980. С.13.

18. *Волкова Н.Г.*, Указ. соч. С. 46 – 48; *Алексеева Е.П.* Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI – XVII вв. Черкесск, 1957. С. 27.

19. Аланы в древних и средневековых письменных источниках / Сост. А. Алемань. М., 2003. С. 434.

20. *Колесов В.И., Сень Д.В.* Недолгая история горских евреев Северо-Западного Кавказа // Диаспоры. Вып. 3. М., 2000. С. 199.

А.А. Байрамкулова

Гостеприимство в истории общественных отношений народов Карачаево-Черкесии

Гостеприимство, как известно, – обычай, берущий свое начало в глубокой древности. В разных формах гостеприимство существовало у самых разных народов мира: у древних евреев и германцев, у арабов и австралийцев, у индейцев и, конечно, народов Северного Кавказа.

Народы Карачаево-Черкесии издавна находились в многосторонних связях между собой и шли общим путем социально-экономического и культурного развития. Это обстоятельство, а также одинаковые естественно-географические условия способствовали выработке у них общих черт в хозяйстве и быту, в материальной и духовной культуре, в нравах и обычаях, что сделало Карачаево-Черкесию одной из своеобразных историко-этнографических областей. Однако при значительной общности и сходстве, эти народы имели в прошлом немало и существенных различий, их отличали друг от друга и уровень общественного развития, и отдельные черты материальной и духовной культуры. Господство натурального хозяйства в сочетании с природными условиями горной страны поддерживали до присоединения Кавказа к России изолированность и замкнутость населявших этот край народов. Основой общественного устройства всех народов Северного Кавказа, в том числе и народов Карачаево-Черкесии в XVIII в. – первой половине XIX в. была соседская община. По словам К. Маркса, соседская община была первым социальным объединением людей, не связанных кровными узами [1].

Членами соседской или территориальной общины были все свободные жители селения или нескольких селений, составлявшие одну общину. Внутри соседских общин продолжали существовать пережитки родовых объединений и связей. Так, карачаевское и ногайское общество

подразделялось – на *тукумы*, а черкесское и абазинское общество подразделялись на родовые группы – *ТЛПЭК* (*лIэпкэ*; *тлпакъ*).

Члены одного *тлэпка* или *тукума* считали себя близкими родственниками, происходившими об общего предка. Они оказывали друг другу всевозможную помощь, сообща собирали калым и плату за кровь, помогали сиротам и вдовам.

С появлением частной собственности и разложением родового строя место родовой общины заняла соседская территориальная община, к которой перешли много функций рода. Принадлежность к соседской общине давала человеку право на пользование общинными землями и вместе с тем накладывала на него и целый ряд обязательств по защите аула, земель и скота. Обычай взаимопомощи, существовавший внутри родовой общины, распространялся на все селение. Соседи помогали друг другу при пахоте, уборке, стрижке овец, постройке домов и т.д. Соседская община, как прежде родовая, защищала своих членов от внешних врагов, а, кроме того, помогала общинникам отстаивать свободу, независимость и общинные права от наступления феодальной знати. Таким образом, одной из черт соседской, а потом переформировавшейся родовой общины являлось и гостеприимство, которое по сегодняшний день занимает главное место в жизни и в отношениях современных людей. Гостеприимство, надо полагать, возникло в родовом обществе, однако вопрос о том, когда именно и почему, продолжает уточняться. Поначалу преобладало мнение, что этот обычай сложился на исходе первобытности: торговый обмен между соседними племенами требовал, чтобы была обеспечена безопасность людей, оказавшихся среди чужих. Затем выяснилось, что такая потребность возникла намного раньше, уже у бродячих охотников и собирателей диких растений – их племена нередко сообща пользовались одними и теми же угодьями. Вместе с тем, тогдашнее гостеприимство не было таким, каким оно стало впоследствии. В нем был силен меркантильный дух, расчет на взаимность. Доходило до мелочности: в некоторых племенах угощение гостей бывало обильным только тогда, когда имелась уверенность, что за него будет отплачено тем же. Поэтому, видимо, правильное счи-

тать, что гостеприимство, как бескорыстный прием и защита гостя, восходит все же ко времени вызревания ранних цивилизаций, и было вызвано к жизни, главным образом, потребностями торговли или другого делового общения, политических и обрядовых (в особенности связанных со свадьбой) контактов, получения убежища, обмена информацией, а то и просто проведения досуга. И эти мотивы гостеприимства были настолько значимы, что обычай приобрел огромное общественное звучание. Существует, кроме того, концепция, объявляющая гостеприимство порождением магии, религии. При желании некоторые основания для этого можно найти. У древних индийцев, например, гостеприимство представляют в виде одной из разновидностей жертвоприношения. «Обучение – жертвоприношение Брахме, тарпана – жертвоприношение предкам, хома – богам, причащение боли – духам, гостеприимство – жертвоприношение людям» [2].

Мы находим гостеприимство кавказских народов в том же почти виде, в каком оно зафиксировано у древних евреев, германцев, испанцев, индейцев. Следующее описание гостеприимства у индейцев можно вполне отнести к горцам: «Если кто-нибудь входил в дом индейца в любой индейской деревне, будь то односельчане, соплеменники или чужой, женщины дома обязаны были предложить ему пищу. Пренебрежение этим было бы невежливостью, более того, обидой. Если гость был голоден, он ел, если он был сыт, вежливость требовала, чтобы он попробовал еду и поблагодарил хозяев. Та же картина повторялась в любом доме, когда бы он ни вошел в любое время дня. Обычай этот соблюдался исключительно строго, и то же гостеприимство распространялось на незнакомых людей, принадлежащих к своим племенам, так и к чужим».

Судя по библейским сказаниям, отражающим период XV – XVII века до нашей эры, древние евреи были менее гостеприимны, чем индейцы. Они приглашали в дом странников, давали им умыться, накрывали стол едой, а сами в знак уважения к гостям не садились с ними, «а стояли рядом, пододвигая им еду и питье». Так же точно у них считалось необходимым, всеми

возможными средствами защищать честь и достоинство гостя.

Тех, кто нарушал правила гостеприимства, наказывали самым жестоким образом.

Если проанализировать, то этот институт мы обнаружим в таких же формах и с такой же обязательностью у других народов мира. Довольно меткое и в основном правильное определение института гостеприимства давал Гацыр Шанаев: «гостеприимство существует у всех народов Кавказа, и в основании его лежит общечеловеческая нравственность, которая и придает ему во мнении горцев значение священное. Но обычай этот, собственно говоря, имеет характер правовой и среди горцев является институтом международного права, дающим возможность сноситься одному народу с другим» [3].

Одним словом, значение обычая гостеприимства в жизни людей было особенно велико в ту эпоху, когда племена и народности были еще разобщены территориально, экономически и духовно. Традиция эта, таким образом, сыграла исключительную роль в отношениях между людьми и заняла почетное место в общечеловеческой культуре. И, наконец, не будет преувеличением, если скажем, что в нее заложена высокая нравственная сила народа.

Закон гостеприимства выполнялся настолько неукоснительно, что им мог воспользоваться любой путник, кто бы он ни был – друг или совершенно незнакомый человек.

Законы гостеприимства одинаковые у всех кавказских горцев, распространялись «не только на знакомых и друзей хозяина дома, но и на всякого путника, ищущего ночлега или приюта. Именно право совершенно незнакомого человека остановиться в качестве гостя в любом доме и безусловная обязанность хозяина оказать ему самый радушный прием и предоставить все необходимое – вот что, прежде всего, характеризовало обычай гостеприимства у горцев» [4].

Древнее из самых древних упоминаний о гостеприимстве, фигурирует уже в героическом нартском эпосе, например, в одном из циклов карачаево-балкарского нартского эпоса рассказывается, что одна-

жды к дому Ерюзмека подъехал незнакомец Ногай-коротыш и состоялся такой разговор:

«Здесь гостей принимают?»

«Принимают», – ответил джигит на вопрос.

«Я у вас поживу, погощу целый год...

Каждый день по барану я съем непременно,

А мой конь – по копне золотистого сена».

Принимали и гостей, приезжавших без особой на то нужды, просто, чтобы поделиться новостями или приятно провести время. Такой способ получения информации в прежние времена обычно был ее единственным источником и очень ценился. Широко бытовало, особенно в верхушечных слоях населения, и взаимное гостевание, как форма проведения досуга, тем более что гостей старались всячески развлечь, а заодно развлеклись и сами хозяева.

Одни из этих мотивов гостеприимства в полной мере сохраняли свои архаичные черты, другие с течением времени в той или иной степени приобрели не лишнюю меркантильности сословно-классовую окраску.

Прием хозяевами гостя был для них непростым делом, прежде всего в материальном отношении. Тем более что этот прием во многом различался для двух основных видов гостей – почетных и дорогих. Почетными считались гости, прибывшие издалека, хотя некоторое значение имели также их преклонные лета, сословная принадлежность, воинская или другая слава.

Дорогими гостями были родственники, в особенности кровные, а также люди, живущие относительно недалеко или бывающие в доме сравнительно часто.

А.И. Мусукаев выделял пять категорий гостей, а именно:

а) гости, приехавшие впервые, незнакомые;

б) гости, из дальних краев;

в) гости-кунаки, знакомые, бывшие в этом доме и раньше;

г) родственники;

е) случайные путники.

Важнейшей обязанностью хозяина по отношению к гостю было обеспечение его безопасности. Любой человек, вступавший под крышу кавказского дома, одновременно вступал под защиту его хозяев. Нанести

ущерб гостю - значило нанести оскорбление хозяину, которое в известных случаях смывалось только кровью. В. Швецов, наблюдавший в 20-х годах прошлого века горцев Северо-Западного Кавказа, обратил внимание на то, что больше всего крови проливается за нарушение обычая гостеприимства: «здесь грозит мечь всего аула, и виновный не избежит смерти и разорения».

В XVIII веке грузинский историк Вахушти писал о кавказских народах, что они «уважают гостей и охраняют их, и если потребуется, то вся фамилия положит головы».

Обычай гостеприимства в широком смысле слова означал, что семья и хозяин дома несли полную ответственность за благополучие гостя, его самочувствие, здоровье и успех предпринятой им поездки. В случае преследования или оскорбления гостей того или иного дома, попыток нарушения недоброжелателями обычая гостеприимства на защиту вставала вся фамилия. Оказывали помощь и односельчане.

Многочисленные свидетельства этого содержатся и в произведениях устного народного творчества, и у старых авторов, вышедших из местной среды, и у сторонних наблюдателей.

Существенны и некоторые другие соображения на этот счет, принадлежащие западноевропейским и русским авторам. Как только гость спешивался, он в знак того, что полностью переходит под защиту хозяина, отдавал ему свое оружие, иногда оставляя при себе только кинжал. Эта защита, как и гостеприимство вообще, распространялось даже на кровного врага хозяина. Законы гостеприимства ставились выше законов кровной мести и временно приостанавливали их действие.

Народы Карачаево-Черкесии для гостя строили специальное помещение – кунацкую или выделяли одну из комнат жилища. Сам термин «кунацкая» образован от тюркского слова «конак», «друг», «приятель», которое, таким образом означало как гостя, так и хозяина. «Они любят принимать приезжих в своих домах; так что если случится гость, будь то знатный или купец, то хозяин оказывает ему всякую ласку и почать»[5].

Кунацкая представляла собой либо отдельное от жилья помещение в виде особого строения, либо часть общего жилого дома. В первом случае, кунацкая находилась или на усадьбе или вне ее, за оградой.

Во втором случае кунацкая, согласно ряду показаний, совпадала с той частью жилища, которая обычно именовалась «мужской половиной» или мужским отделением.

Почти каждая семья, писал А.А. Миллер, имела отдельно стоящую постройку для приема гостей, которая часто обносилась особым плетнем и имела особый дворик [6].

У других народов существовали обе формы, т.е. кунацкая в виде отдельного строения, и в виде части общего жилища. Обе формы отмечены, например, у карачаевцев: один автор говорил об отдельной сакле в составе карачаевского большесемейного двора. Другой автор писал, что «всякий карачаевский дом делится на женскую и мужскую половины», причем мужская половина служит также в качестве кунацкой.

В отличие от жилого дома кунацкая не могла рассматриваться как частная собственность. Сельчанин мог воспользоваться, в случае надобности, кунацкой любого из своих соседей, даже не спрашивая на то согласия хозяина.

Убранство кунацкой зависело от возможностей хозяев, но каждая семья старалась обставить ее как можно лучше. Уже первый из современных исследователей гостеприимства В.К. Гарданов правильно подчеркнул, что это было связано не только с престижными соображениями хозяев, но и с их стремлением показать, что все самое ценное в доме принадлежит гостю. И действительно, богатые кунацкие поражали воображение резьбой, увешивались дорогими коврами, снабжались роскошными постельными принадлежностями и драгоценной посудой, рядовые же – украшались орнаментированными камышовыми циновками или войлочными кийзами, в них держали самые лучшие из имевшихся в семье одеяла и подушки, столовые принадлежности и т.п.

То же относится к сосудам для омовения и молитвенным коврикам – намазлыкам. На стенах висели оружие и музы-

кальные инструменты. В кунацких, кроме того, всегда можно было найти несколько палок с железными наконечниками – *мурза*, подобных европейским альпенштокам. Они не только предназначались для практических целей, но и рассматривались как магические обереги талисманы, охранявшие гостей в кунацкой и на трудных горных тропах.

Да и все другое, что предназначалось гостю, – угощение для него самого, корм для его лошадей – было самым лучшим, чем располагали хозяева. Для стола гостей отделяли также часть лучших домашних животных. Все это было «долей гостя».

С конца XIX века кунацкая в виде отдельного помещения уже не встречается, но почти каждый горец в своем доме отводит одну комнату. Двери кунацкой полагалось держать постоянно открытыми, чтобы путник мог войти туда даже в отсутствие хозяев.

Гостеприимство было не просто нравственным долгом, а священным, издревле освященным религией долгом. Об этом прямо говорит карачаево-балкарская пословица: «Къонакъ Тейрини атындан келсе, адам анга къуллукъ этерге керекди» – «Раз гость приходит от имени Тейри, человек обязан ему служить». Та же идея выражена и в адыгской пословице: «Хъэщ Тэр Тхъэм и лтык Туэщ» – «Гость – божий посланник». Поэтому-то у многих народов мира было не принято спрашивать гостя, кто он, откуда и куда направляется по какому делу. Придерживались этой традиции также горцы всего Северного Кавказа. Существует мнение, что гостеприимство вообще порождено древними религиозными представлениями – боязнью навлечь на себя гнев злых духов, снискать расположение добрых божеств. В русской науке его придерживался много сделавший для изучения Кавказа М.М. Ковалевский. Он связывал общераспространенный на Кавказе обычай гостеприимства с культом предков, воплощенным в почитании домашнего очага. Гость под кровом хозяина обязан своими правами тому, что, переступив порог дома и отведав приготовленной на очаге пищи, он приобщается к культу домашнего очага, и тем самым становится временным членом семьи.

Таким образом, на первый взгляд, может показаться, что на протяжении столетий обычай гостеприимства претерпел мало изменений. С конца XIX века институт гостеприимства занимал весьма прочные позиции в общественном быту народов Карачаево-Черкесии, его проявления были ярки и повсеместны на Северном Кавказе, а сохранившиеся описания очевидцев рисуют картину нравов чуть ли не доисторической эпохи.

Однако исследования показывают, что это был уже глубоко трансформированный временем многоплановый институт, сохранявший лишь архаическую оболочку и некоторые прежние функции. Феодализованный обычай гостеприимства во многом утратил свою первоначальную сущность, наполнился новым несвойственным ему содержанием. Именно гибкость и приспособляемость этого социального института к новым условиям обеспечили его функционирование и в феодальном обществе. Слабую трансформацию в годы Советской власти «в период феодального развития народов Кавказа ни один обычай не был так широко использован господствующим классом для обслуживания его интересов, как гостеприимство и тесно связанные с куначеством и патронат», – как справедливо подчеркивал В.К. Гарданов.

Под покровом обычая гостеприимства в дореволюционном периоде развился весьма своеобразный обычай, вошедший в историческую литературу под названием «куначество» (от тюркского *кунак* – гость). Его зарождение относится к периоду усиления феодализации и ухудшения положения крестьян. В этих условиях характерной чертой социальной жизни, стали участвовавшие переходы крестьян от одного феодала к другому. Пользуясь правом свободного перехода, крестьяне, в связи с усиливавшейся феодальной эксплуатацией, уходили от своего владельца под покровительство другого в надежде, что это улучшит их положение. Естественно, принять под покровительство ушедших от другого феодала крестьян мог только весьма влиятельный представитель феодальной верхушки – чаще всего это был кто-либо из родовитых горских князей. Согласно обычаю, явившегося искать покровительства крестьянина князь принимал в качестве своего гостя,

требуя от него, однако, взамен оказываемого покровительства выполнения различных повинностей. Таким образом, обычай гостеприимства в данном случае служил прикрытием феодальной формы патроната.

Октябрьская революция коренным образом преобразовала жизнь народов бывших окраин Российской империей. В процессе переустройства их быта на социалистических основах окончательно ушли в прошлое многие традиции, не совместимые с советским образом жизни. В то же время содержащаяся мораль социалистического общества наполнила новым содержанием те народные традиции, которые, обладая высоким гуманистическим смыслом общечеловеческой культуры, органично вписались в кодекс нравственных ценностей советского человека. В этих условиях древний обычай гостеприимства народов Карачаево-Черкесии продолжал оставаться неотъемлемой частью их быта в XX веке.

И сегодня гостеприимство в широком, общечеловеческом смысле слова является устойчивой чертой поведенческого стереотипа народов Кавказа, в некотором смысле элементом их этнической психологии. Недаром народы Кавказа славятся именно этим своим качеством. Человек, который гостит в каком-нибудь кавказском доме, в полной мере может почувствовать на себе заботу и внимание, оказываемое ему хозяевами.

Уже давно на Кавказе не строят *кунацих*, но гостю обязательно предоставят лучшую и особенно хорошо обставленную комнату дома. Как правило, сами хозяева в ней не живут, но постоянно поддерживают там идеальный порядок специально на случай приезда гостей. Обильное угощение, которое является обязательным элементом современного гостеприимного этикета, сохраняет церемониальный и во многом традиционный характер.

Ныне путешественникам по Кавказу не нужно искать приют в частных или даже общественных *кунацих*: появились гостиницы, дома приезжих, турбазы, кемпинги. У хозяев исчезла надобность в гостях – торговцах и в гостях – почти единственных носителях информации. Стало меньше свободного времени. И все это, вместе взятое, привело к тому, что у гостеприимства отпали некоторые социальные и бытовые корни.

Однако сохранился общий дух гостеприимства в широком смысле, а также его некоторые местные особенности. Как очень точно сформулировал этнограф Ю.Д. Анчабадзе, «обычай гостеприимства исчез в качестве социального института, но остались морально-этические установки, основные на существовавшие когда-то социально-бытовой норме. Поэтому гостеприимство как раннее желательный элемент межличностного общения продолжало и продолжает удерживаться как в быту, так и в психологии народов Кавказа».

Не утрачено и представление об основных нравственных обязанностях хозяина (а также его родственников и соседей) по отношению к гостю. Гостя (теперь все же, как правило, званного) искренне приглашают в дом, радушно угощают, проявляют положенное уважение и заботу.

Думается, что многими представителями народов не только Карачаево - Черкесии, но и всего Кавказа гостеприимство оценивается как исконная национальная традиция. Оказывая кому-нибудь гостеприимство, особенно представителем другого этноса, кавказские горцы, как бы тем самым демонстрируют неотъемлемую черту своей, национальной культуры.

Примечания:

1. Мусукаев А.И. Традиционное гостеприимство кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1990. С.7.
2. Там же. С.9.
3. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1981. С. 117.
4. Там же. С. 120.
5. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 35.
6. Мусукаев А.И. Об адыгах и законах горцев. Нальчик, 1986. С. 46.

Л.К. Хужева

Одежда как один из важных элементов материальной культуры черкесов

Одежда, как один из важных элементов материальной культуры, тесно связана с хозяйственной деятельностью народа, с его образом жизни. Помимо своего основного

назначения – защиты тела человека, одежда становится и выразителем социальной, племенной, национальной принадлежности. Она тесно связана с историей народа, представляя ценный источник для изучения его культуры и художественного вкуса.

О связи одежды с историей народа писал Анатолий Франс: «Если бы я мог выбирать из всего множества книг, которые выйдут через сто лет после моей смерти, угадайте, какую бы я выбрал? Не был бы это ни роман, ни исторический трактат... Я выбрал бы себе журнал мод, чтоб увидеть, как будут одеваться женщины через сто лет после моей смерти. И их одежда сказала бы мне больше о будущем человека, чем все философы, министры, проповедники и ученые» [Мода. Осень – 1979:3].

Являясь одним из древнейших изобретений человека, одежда отражала и природно-климатические особенности мест обитания человека и, приспосабливаясь к условиям жизни и труда, постепенно усложнялась. Шитой одежде у всех народов предшествовали ее прототипы: первобытная шкура вместо плаща, набедренная повязка. От шкуры берет свое начало разного рода плечевая одежда, из которой впоследствии возникает туника, пончо, бурка. От набедренной повязки произошли: передник, юбка, трусы, шорты и т.д. Главное принципиальное значение одежды, в отличие от других предметов общего с ней назначения, заключается не в форме и не в материале, а в характере ее использования, почти всегда связанном с какой-нибудь деятельностью человека, т.е. указывающим на связь одежды с движением и трудом человека.

История и эволюция традиционной одежды черкесов привлекала внимание многих авторов. Более ранние сведения мы встречаем у Интериано, исследования которого датируются концом XV века. С XVI века вопросы одежды отражаются в работах Паласа, С.М. Броневского, Дюбуа дэ Монперэ, Н.Дубровина, Хан-Гирея и многих других.

К исследованиям советского периода, где затрагивалась тема одежды, относятся работы Е.Н. Студенецкой, И.Х. Калмыкова, Г.М. Мамбетова, Б.Х. Мальбахова, М.З. Азаматовой, Л.И. Лаврова и др.

Различные эпохи внесли в конструирование одежды изменения, и понимание

этих изменений необходимо для создания одежды, отвечающей вкусам и привычкам людей. Одежда черкесов определялась способом производства, в связи с чем материалом для одежды служили продукты скотоводства: шерсть, мех, кожа. «Пастуха одевала с ног до головы овца: на нем шапка, черкеска, башлык, бурка, ноговицы, чуваки из овечьей шерсти», – писал М.Ф.Гарданти [3].

Традиционную одежду черкесов, как мужскую, так и женскую, можно разделить на будничную, обрядовую, праздничную. Традиционная одежда черкесов к началу XIX века сложилась в том виде, в каком она дошла до наших дней в качестве парадной одежды. Мужской костюм черкеса-горца складывался на протяжении длительного времени, как костюм воина-всадника и был к этому хорошо приспособлен. «...Одет он (черкес) был просто, но чрезвычайно опрятно. Желтая черкеска без всяких украшений, белая папаха с черным околышем, бешмет тоже из какой-то черной материи – не пристыдили бы хозяина при дворе самого взыскательного князя», – писал А.Г. Кешев.

О великолепии, красоте, изяществе и удобстве черкесской одежды писал и Хан-Гирей, известный просветитель XIX века: «Черкесы, отстав от всех относительно науки, превзошли их в одежде и оружии. Мужская одежда у черкесов красотой и удобностью превосходит все одеяния мне известные не только в Азии, но даже в Европе» [9].

В черкесском мужском костюме основной частью являлся бешмет «кьэптал», который надевался поверх рубашки и считался верхней повседневной одеждой. Бешмет шили из покупного материала черного, коричневого или серого цветов, а в горах – из домотканого сукна. Более зажиточные шили праздничные бешметы из шелка, атласа и других фабричных материалов ярких цветов. Поверх бешмета надевали черкеску «цей». Черкеска имеет широкое распространение на всем Кавказе, но, по словам Ш.Д.Инал-Ипа, «...является национальной мужской одеждой прежде всего абхазо-адыгских племен» [5]. Шилась черкеска из домотканого сукна хорошего качества или из фабричного материала, шилась без отворота с вырезом до талии,

плотно облегла фигуру, расширяясь снизу. Черкеска имела прямые и широкие рукава, которые при ношении были отогнуты, а при танце они отпускались. Газырницы являлись неотъемлемой частью черкески, было их около 24, и нашивались по обе части груди. Е.Н.Студенецкая отмечает, что «...к концу XIX века, с появлением пятизарядной винтовки, газырницы утратили свое значение и сохранились в качестве украшения» [8]. Черкеску носили подпоясанной поясом с бляхами и орнаментом, а бывало и просто застегнутой. Качество пояса говорило о социальном статусе обладателя. Верхней одеждой черкесов также была бурка «*цлаклуэ*» из войлока. Э. Д'Асколи писал о черкесской бурке еще в начале XVII века: «...Плащ из цельного куска материи, узкий около ворота, а внизу широкий, так, что едва обрисовывается стан, им запахиваются со стороны ветра или дождя, но вообще носят на левом плече, освобождая правую руку, чтобы можно было сражаться» [1]. Бурки шили из черной шерсти и имели лохматую поверхность. Летом она защищала от знойного солнца, зимой – от холода, дождя и ветра. Черкесские князья шили бурки из белой шерсти, и они имели большую ценность... Черкесская бурка ценилась и за рубжом: по некоторым данным, ежегодно из Черкесии вывозилось около 200 тыс. бурок (шерстяных плащей). Как писал М. Пейсонель: «...их вывозили в Крым, Валахию, Польшу и Россию» [6].

Теплой верхней одеждой считалась и шуба «*джэдыгу*», которая шилась из овчины. «Лучшие экземпляры из шкуры баранчиков и ягнят;... богатейшие имеют меха куньи, волчьи, лисьи и прочие, покрытые сукном европейского или турецкого изделия или шелковыми материалами...», – писал Хан-Гирей [9]. Такая шуба застегивалась слева направо с помощью тесемочных пуговиц, стальных крючков или петель.

С одеждой черкеса гармонировал головной убор, который снимался только перед сном, и считался олицетворением мужского достоинства. Сбивание его с головы считалось оскорблением, которое смывалось только кровью. Летом носили войлочную шляпу «*уцилэ пылэ*» из высококачественной овечьей шерсти, она хорошо защищала от палящего солнца, зимой заменялась меховой бараньей шапкой белого, се-

рого, или черного цветов на толстой подкладке. Башлык «*бацлыкъ*» являлся дополнением к головному убору, и шили его из белого, черного или коричневого домотканого сукна.

Как отмечал Н.Дубровин, «...вся одежда черкесов отличалась хорошим вкусом, изяществом покроя» [4]. По одежде горца судили о его социальной принадлежности. В конце XIX – начале XX вв. социальное различие проявлялось уже не в расцветке одежды, а в качестве материала и в их количестве, в ношении новых видов одежды (сапоги, галоши, каракулевые шапки и т.д.). Отдельные компоненты традиционной черкесской одежды (мужской) были заимствованы соседними горскими народами. По мнению Е.Н. Студенецкой, «...удобный и изящный костюм, приспособленный к образу жизни горцев, широко распространился за пределами Кабарды и Черкесии. Они были не только наиболее высокими по стадии общественного развития народа, но и образцом в области бытового уклада, обычаев, одежды. Отсюда ясно, почему кабардинский тип костюма получил столь широкое распространение не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье» [8]. У терских и кубанских казаков в качестве официальной формы прижился традиционный мужской (черкесский) костюм. «Все горцы Северного Кавказа, и за ними казаки, – пишет Е.Студенецкая, – заимствовали из Кабарды форму одежды, вооружения, посадку на коне и внимательно следят за всеми изменениями капризной кабардинской моды» [8]. Е.Вейденбаум отмечает, что «...в походном и домашнем быту казаки носят черкесскую одежду, предпочитая ее своей форме за мягкость и удобство покроя, за прочность. Черкесская одежда, оружие, черкесский конь составляют предмет войскового щегольства для урядника и офицера. Вообще все черкесское пользуется уважением и предпочтением между казаками» [2].

К XIX в. сложилась традиционная женская одежда в своем оригинальном варианте. «Черкесский женский костюм чрезвычайно живописен, – писал И. Попко, – в женском костюме ярче, чем в мужском, отражались все возрастные и социальные различия. Так, одежда черкешенки высшего сословия была типичным феодальным

нарядом, подчеркивала происхождение, богатство и праздный образ жизни. Это обстоятельство, а также красота и изящество традиционной женской одежды черкешенки способствовали тому, что она стала основой костюма для феодальной верхушки соседних народов, дополнявших в его покрой и орнамент свои национальные традиционные черты, эстетические идеалы» [7]. Нарядность костюма черкешенки никогда не путалась с пестротой и безвкусицей. Одежда черкешенки состояла из корсета «*куэнишыбэ*», который надевался под рубашку, и обеспечивал гибкость и стройность фигуры. Поверх корсета надевали длинную нижнюю рубашку «*джанэ ццIэгьщIэлъ*», покроем которой напоминал мужскую. Модницы подбирали цвет рубашки под цвет платья, в связи с тем, что воротник, передний разрез рубашки и широкие рукава выглядывали из-под платья. Рубашки отличались по расцветке у женщин старшего, среднего, молодого возраста. Молодые девушки носили рубашки более ярких оттенков, разукрашенные галунами и различными вышивками. Поверх нижней рубашки одевали кафтанчик «*кIэщI гунэидэ*». Богатые шили кафтанчики из дорогих тканей, таких, как тяжелый шелк, атлас, и украшали серебряными и золотыми нитями, так как грудь, воротник и нижняя часть рукава выглядывали из-под платья. К XX в. кафтанчик стал видоизменяться, их стали шить из более простых материалов. Поверх кафтанчика надевалось платье «*босцей, бэхуцей; зэгьальэ*», которое имело покроем черкешки. Платье было распашным до подола, без воротника, с открытой грудью и застежкой у пояса. Высшее сословие носило платья из бархата, шелка, украшая нарукавные подвески, продольные швы, борта, подол и рукава галунами, серебряной или золотой вышивкой, разными орнаментами. Происхождение можно было определить по цвету и украшению платья. К примеру, красный цвет платья носили только девушки княжеского или дворянского родов. Крестьянки носили платья без пояса и без всяких украшений, без грудных нашивок.

На голове черкешенки носили круглую шапочку «с небольшим околышем из смушек, обложенную серебряным галуном, верх шапочки повит белой кисейною чал-

мою с длинными концами, падающими за спину», – писал Н.Дубровин [4]. Он также отмечал качество изготавливаемых черкешенками вещей: «Скорее разорвется и изнашивается само платье, чем лопнет шов, сделанный их рукой, серебряный галун черкешской работы крепок и изящен» [4].

С конца XIX в. стало наблюдаться видоизменение традиционной черкешской одежды в связи с расширением экономических связей с Россией, исторического развития черкешского народа и этнокультурных взаимовлияний разных народов. Трансформация национальной черкешской одежды происходила в сторону сближения с общеевропейской одеждой, и раньше других была воспринята горожанами (интеллигенцией, рабочими, ремесленниками и др.). Из русской одежды черкешы заимствовали сапоги, которые неплохо сочетались с национальным головным убором. Появилось много мужской одежды фабричного производства, расширился ассортимент тканей (бархат, шелк, ситец, сатин, бумазая и др.). В обиход вошли женские шали, шарфы, платки, чулки. Вместо платьев с цельной спинкой стали шить платья отрезные в талии, юбка в платье стала в складку. В быт черкешов более медленно стали входить элементы мужской городской одежды (пиджаки, шляпы, кепки, брюки-галифе и др.). В 20-х годах XX в. начинается вытеснение бешмета кавказской рубахой, которая напоминала бешмет, но в отличие от него имела накладные и внутренние карманы. С развитием сельской кооперации уже в 30-е годы XX в. стали приобретаться промышленные товары, мануфактура, готовое платье, брюки, обувь, и стали видны более явные изменения в одежде черкешов.

«Вторая половина 30-х годов (XX в.) характеризуется усиленным вниманием к истории своего народа, к его национальной культуре, достижениям народного искусства. Интерес к фольклору, народным танцам и музыке, появление национальных театров, профессиональных и самодеятельных хоров и ансамблей были неразрывно связаны с возобновлением интереса к национальной форме одежды», – писала Е.Студенецкая [8]. Именно в 30-е годы все большее распространение получила городская одежда, и вместе с тем происходило

возрождение традиционной национальной одежды в ее классическом варианте, которая и стала праздничной одеждой.

Многие виды национальной одежды, к сожалению, стали этнографическими раритетами, исчезающими остатками старого ремесленного производства и прикладного искусства, а некоторые элементы ее давно потеряли свое первоначальное значение и сохраняются сегодня всего лишь в качестве украшений.

Одежда не только материальная вещь, но и показатель духовной культуры, морального развития личности, одно из проявлений ее нравственного самосознания. Она тесно связана с историей народа и является ценнейшим источником для изучения не только его культуры, но и большого пласта лексики кабардино-черкесского языка.

Примечания:

1. Д'Асколи Э.Д. Описание Черного моря и Татарии // ЗООИД. Т. XXIV. Одесса, 1902.
2. Вейденбаум Е. Черкесы-кабардинцы // Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888.-С.157.
3. Гардант М.Ф. Социально - экономические очерки.- Владикавказ, 1908. С.53.
4. Дубровин Н. Черкесы // Военный сборник. СПб, 1870. №3.
5. Инал-Ипа Ш.Д. Об абхазо-адыгских этнических параллелях // УЗАНИИ. Т. IV. Краснодар, 1965. С. 231.
6. Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря. 1750 – 1752 гг. Краснодар, 1927.
7. Попко И. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Петербург, 1858. С.199.
8. Студенецкая Е.Н. Одежда, культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 153, 170, 162, 175.
9. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.

Т.Х. Гедыгушева, А.Х. Карданова

Об исторических связях казаков и черкесов

Историю можно отнести к точным наукам. Так же, как одна ошибка, допущенная в математике, влечёт за собой неразрешимые затем задачи, фальсификация исто-

рических фактов влечет за собой искажение исторической правды, что всегда было чревато во взаимоотношениях между народами.

Сегодняшняя действительность позволяет нам писать историю такой, какой она была в действительности, без прикрас, без ретуши, говорить правду, какой горькой бы она не была.

Великий русский поэт П.А. Чаадаев писал: «Прекрасная вещь любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное – это любовь к истине... не через родину, а через истину ведет путь к небу».

В истории народов есть события, которыми нельзя гордиться, нет в ней и совершенно счастливых страниц. И здесь важна реальная оценка прошлого, как относительно далекого, так и недавнего. Сказанное имеет прямое отношение к истории Кавказа и его Северо-Западной части, где формировались русско-черкесские отношения. Исторические документы, относящиеся к периоду формирования этих отношений, свидетельствуют, что изначально они носили исключительно позитивный характер.

«Казаки издавна поддерживали оживленные связи с горцами, и чем отдаленнее историческое время, тем они видятся более прочными. Факты подтверждают, что история установления дружеских связей адыгов со славянами уходит своими корнями в глубь веков, временам Киевской Руси и Тмутараканского княжества. Татаро - монгольское нашествие, прервав их, на время отрезало народы Северного Кавказа от Руси» [1].

Первые поселения на кубанских землях относятся к раннему средневековью. Переселение происходило в виде мирной крестьянской колонизации и в форме передвижения русских дружин.

В период образования Российского централизованного многонационального государства проникновение русских людей на Северный Кавказ принимает несколько более широкие масштабы.

Черкесские (адыгские) племена вступали в дружеские отношения с Московской Русью еще до расселения донских казаков по Тереку. Этому способствовало то, что с середины XV в. у черкесов и других северокавказских народов появились грозные

враги – Турция и ее вассалы – крымские ханы. На берегу Черного моря и на Тамани возникают турецкие крепости. Турки и крымчаки неоднократно предпринимали грабительские походы в историческую Черкесию с целью захвата имущества и пленных, но главной целью этих набегов было стремление Турции прочно закрепиться на Северном Кавказе. Черкесские и абазинские племена искали защиты у Москвы. В середине XVI в. несколько посольств от черкесов (адыгов) и абазин побывало в Москве. В 1557 г. в Москву прибыло посольство из Кабарды. Послы просили, чтобы царь Иван IV принял черкесские племена «под свою руку». Иван IV удовлетворил просьбу послов. Это был военно-политический союз. В 1561 г. этот союз был скреплен династическим браком – царь Иван IV женился на дочери кабардинского князя Темрюка – Гощаней, получившей в крещении имя Мария. Русские летописи рассказывают, что Мария была хорошей женой Ивану Грозному и заменила мать двум его сыновьям от первой жены Анастасии.

«Став союзниками России, черкесы принимали активное участие в военных действиях на стороне русских. В 1558 году в Москву на постоянную службу отправился князь Салнук со своими воинами... Усиление натиска со стороны Крыма заставило западных черкесов обратиться в 1559 году к России с просьбой дать им «на государство» Дмитрия Вишневецкого – известного полководца. Просьба была удовлетворена. Совместные действия черкесов и отрядов во главе с Вишневецким создали серьезную угрозу туркам и татарам на Северо-Западном Кавказе. Действуя совместно с черкесами, он дважды осаждал Азов, планируя нанести удар по Крыму и центру Османского присутствия в нем – Кафе. В начале 1561 года объединенная русско-черкесская рать достигла Кафы, заставив встревоженных турок направить в регион флот. Турки не сумели тогда высадиться в незнакомом месте и отступили» [2].

Черкесско-русские связи окрепли в годы Ливонской войны и переросли в боевое содружество. Многолюдные конные дружины черкесских князей участвовали в походе на Ливонию в составе 40-тысячной русской армии. В свою очередь, русские войска не раз оказывали помощь народам

Северного Кавказа в их борьбе против войск крымских ханов и других завоевателей, как сказано выше.

Численность появившихся на рубеже XV – XVI вв. на Северном Кавказе русских поселенцев – казаков увеличивается в XVII в. Первоначально казаки селились в низовьях Кубани, а потом стали расселяться и в других районах Северо-Западного Кавказа – от Восточного побережья Черного моря до Верхней Кубани.

Взаимоотношения между черкесами и казаками складывались дружественные. Черкесы делились с казаками продуктами сельского хозяйства, некоторые из них менялись на соль, некоторые приносились в дар. Кубанские старшины считали за честь жениться на черкесских княжнах. Казаки заимствовали у черкесов мужской костюм, а черкесы и другие местные жители со временем стали делать в своих домах русские печи, использовать мебель, изготовленную по русскому образцу.

Происходили заимствования и в фольклоре. Так, в фольклоре казаков Северо-Западного Кавказа (в том числе и в фольклоре казаков современной Карачаево-Черкесии) отчетливо видны следы горской поэтической фантазии.

Казаки заимствовали у адыгов арбу, запряженную быками, горский плуг, молотильную доску, «седелечко черкесское», методы поливного земледелия, садоводство. В свою очередь, черкесы (адыги) многое переняли у казаков. Под их влиянием черкесы освоили выращивание неизвестных им ранее видов овощей.

На протяжении XVI – XVIII вв. на службе в Москве находился целый ряд черкесских князей, влившись в ряды русского феодального класса и нередко занимавших видное положение в русском правительстве и при царском дворе. Среди них особенно выделялись потомки князя Темрюка и его старшего брата князя Касбулата. Дмитрий (Каншао) Мамстрюкович Черкасский, внук Темрюка, был одним из видных деятелей земского освободительного движения в Смутное время. Вот как описывается въезд в Москву 22 октября 1612 г. отрядов победителей: «Впереди всей рати находился Дмитрий Михайлович Пожарский, по правую руку его – князь Черкасский на лихом закубанском коне, с левой стороны – граж-

данин Минин и другие». Дмитрий Черкасский был одним из кандидатов Земщины на царский престол в 1613 г. Но после долгих споров перевес оказался на стороне тех бояр, которые считали, что «негоже ставить басурмана царем Руси», и царь был избран из дома Романовых. Именно Дмитрий Черкасский был удостоен чести возложить Шапку Мономаха на голову царя при его венчании на трон. Черкесский народ в лице лучших представителей внес значительный вклад в укрепление российской государственности.

С усилением феодально - крепостнических порядков внутри России, осложнявшихся развитием капиталистических отношений, меняется политика царизма, который стал ограничивать свободу соседних народов, захватывая земли и воздвигая военные крепости и укрепления, устанавливая жесткое военно-феодалное управление.

Ответом на колониальную экспансию явились антиколониальные выступления, которые жестоко подавлялись. Наибольшую остроту эта борьба приняла в XVIII – XIX вв., получив в те времена официальное название «Кавказская война». Особый трагизм этой войны был обусловлен и тем, что Кавказ стал ареной противоборства амбиций сильнейших сопредельных империй того времени – Российской, Османской, Персидской, а также Великобритании и Франции.

Это было драматическое время для народов Северного Кавказа. Черкесы, создавшие уникальный нравственно - философский кодекс чести – Адыгэ Хабзэ, высочайшую культуру земледелия, садоводства и скотоводства, заложившие основы своеобразной демократии, оказались в то время в полном смысле между молотом и наковальней. Участь их разделили и абазины, и ногайцы.

Об уровне развития Черкесии того исторического периода свидетельствует немало фактов. Позволю себе привести данные из книги Н. Раенко. В XVI веке, пишет он, адыги добывали железо, варили мыло, готовили порох, выделывали сукна и кожу, занимались кузнечным и плотничьим ремеслом. Была развита народная медицина, ценилась отделка золота и серебра. Черкесия ежегодно продавала до 100 тыс.

центнеров шерсти, сотни тысяч мужского платья грубой ткани, шерстяных бурок, более 6 тысяч центнеров превосходного меда, сотни тысяч шкур лисьих и т.д.[3]

Неизменной территорией черкесов являлось пространство от реки Терека на востоке до побережья Черного моря на западе. На юге земли Черкесии упирались в Кавказский хребет, а на севере – в устье Кубани и Азовское море. Опубликованные карты Черкесии XV – XVI вв. дают представление о расселении черкесов на этой обширной территории, осознаваемой ими как своей исторической родины, а народ, носителем единой духовной культуры.

В истории народов есть события, которые нельзя оценивать однозначно. Таким событием была Кавказская война, главный смысл которой, по определению известного исследователя истории Кавказской войны Р. А. Фадеева, заключался «в изгнании горцев и колониального заселения Кавказа» [4].

Никакими государственными интересами нельзя оправдать те жертвы, которые понесли в этой войне, как народы Северного Кавказа, так и российский народ. Ни одна русская мать не хотела, чтобы её сын погиб в далекой, чуждой ей стране.

В Кавказской войне черкесам и другим народам Северного Кавказа противостояла регулярная русская армия, вооруженная самой передовой для своего времени военной техникой. Эта мощная военная машина была направлена против разрозненных и не имеющих своей регулярной армии и вооруженных только шашками и саблями княжеских дружин и крестьянских ополченцев. Царизм завоевал Северный Кавказ поэтапно, чем значительно облегчил его задачи во время военных действий. У горцев не было единства, тем не менее, их не могли подчинить в течение века. Царские офицеры и генералы ломали голову: откуда такая сила и отвага у горцев? Силу и отвагу давала справедливая борьба за свою родину, за землю своих предков, за родной очаг, за свою свободу, которую они ценили больше собственной жизни [5].

Несмотря на мужество и героизм горцев, ценой своей жизни защищавших свою родину, сломать мощь русской армии они не смогли.

По мере продвижения царских войск создавались военные линии, укрепления, станицы, заселявшиеся казаками и крестьянами из внутренних губерний России. Переселение казачества на земли черкесов было составной частью плана окончательного покорения Северо-Западного Кавказа. Такие переселения состоялись поэтапно в первой половине XIX в. За это время было переселено на Кубань более 100 тыс. человек [6].

В 1824 году по ходатайству главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом генерала А.П. Евдокимова правительство приняло решение перевести на Кубань хоперских казаков. Хоперцы начали переселение с 1824 г. и окончательно осели на новом месте осенью 1827 г. Они основали станицы Баталпашинскую, Беломечетскую, Невинномысскую, Барсуковскую (на р. Кубань), Бекешевскую, Суворовскую (бывшую Карантинную) на реке Куме. Долгое время казачьи полки, поселенные на Кавказской линии, не имели общей организации и лишь в 1832 г. были объединены в Кавказское линейное казачье войско. Именно линейные казаки осуществляли такую крупномасштабную военно-колонизационную меру, как освоение Новой, или Лабинской линии. В 1858 г. были основаны станицы Спокойная, Подгорная, Удобная, Исправная, Сторожевая и Передовая, в 1859 г. – Отважная, Бесстрашная, Упорная, Зеленчукская, Кардоникская [7].

С образованием Кубанского казачьего войска и Кубанской области проводились новые и еще более обширные мероприятия по заселению закубанских земель. По плану графа Н. И. Евдокимова было решено переселить на Кубань в 1861 г. шесть станиц хоперского полка и две черноморские станицы из Ейского округа. Но этот проект встретил серьезное сопротивление в казачьей среде. Ни линейцы, ни черноморцы не желали переселяться целыми станицами, так как это было крайне разорительно для них. Казаки разом лишались всего нажитого многолетним трудом недвижимого имущества. При выселении целых станиц его некому было продать, но зато предусматривалось вознаграждение за недвижимое имущество, оставляемое на старых местах жительства. Несмотря на это, многие казаки протестовали против переселения. Однако Евдокимов продолжал настаивать на ис-

полнении проектируемых мер. Дело крайне обострилось и шло к кровавой развязке. Среди казаков начались волнения. В конце концов, неудачная попытка колонизации Закубанья целыми станицами была заменена системой вызова «охотников» (т. е. желающих) и порядком назначения недостающего количества людей по жребию. Заселение Закубанья проводилось энергично и в широких масштабах. За четыре года было основано 80 крупных казачьих поселений.

Именно в этот период возникают станицы Усть-Джегутинская, Николаевская, Калладжинская, Ахметовская, Ходзская и др.

Царское правительство отдавало себе отчет в том, что перед переселившимися казаками возникнет необходимость защищать с оружием в руках свои новые земли, недавно принадлежавшие черкесам. С точки зрения царизма это должно было непрерывно поддерживать воинственный дух в казаках, в чем он был крайне заинтересован.

Итак, казачеству суждено было стать авангардом колониальных устремлений самодержавия. Таково понимание роли казачества царизмом. Таким образом, казачество было лишено всякой возможности самому определить свое предназначение, строить по-своему свою жизнь.

Да, казаки делали попытки изменить свое положение «вечного воина», в массе своей хотели мирной трудовой жизни. Иначе, например, чем объяснить восстание двух казачьих полков после возвращения из персидского похода. История сохранила (и сохранила с уважением) имена руководителей восстания – Дикуна, Шмалько, Собоко-ря, Полового и другие.

А вот и итог царского суда над казаками: 55 из них умерли от истощения и пыток еще до суда. , 165 – приговорены к повешению, двух, которым было всего по 15 лет – к приговору сквозь строй в тысячу человек.

Вот так самодержавие расправлялось с теми казаками, которые выражали свое несогласие с его неукротимой жадной агрессии.

«Чем же все-таки объяснить то, что, несмотря на тяжелые, суровые испытания, которые пришлось выдержать казакам и адыгам в течение многих лет, в том числе и во время Кавказской войны, удалось сохра-

нить взаимное уважение, доброжелательность друг к другу, стремление к миру, теплые добрососедские отношения? Думается, что одной из причин такого положения являются выработанные годами казаками и адыгами правила поведения в обществе, нормы регулирования отношений между людьми, старшими и младшими, мужчинами и женщинами, родителями и детьми. Эти нормы во многом похожи. Они, выдержав испытание временем, являются неписанными адыгскими и казачьими законами и по праву считаются общечеловеческими ценностями. Это – и уважительное отношение к старшим, рыцарское отношение к женщине, гостеприимство, благотворительность. У адыгов они составляют основу адыгэ-хабзэ – кодекс чести адыгов, у казаков – казачьи заповеди – кодекс казачьей чести» [8].

Пусть трагические последствия для всех народов, втянутых в Кавказскую войну, останутся на совести царского самодержавия. Народы всегда мудрее своих правителей. Между казаками новых станиц и местными жителями – черкесами, абазинами, ногайцами и карачаевцами стали устанавливаться дружественные, добрососедские отношения, возник обмен местными товарами, скотом и продуктами земледелия.

«Сегодня, – пишет И. Я. Куценко, – русские и адыги живут добрососедски. Их отношения являют образец современного общежития народов, достойный для подражания не только повсюду в России, но и в мире. Однако память о Кавказской войне, затуманенная, сглаженная полуправда описаний наносит ущерб взаимоотношениям между людьми. Чтобы полностью и навсегда исключить даже тень недоверия, обязательно нужно рассказать всю правду о горестных событиях без утайки и прикрас, какой бы страшной она ни была. И не только рассказать, но совместно дать общую нравственную оценку давним событиям. Лишь это в состоянии снять остатки подозрительности и недоверия, способствовать укреплению дружественных отношений в многонациональном населении» [9].

Примечания:

1. *Варельджан К. С.* Герои и войны в исторической памяти казаков и адыгов // Вопросы

казачьей истории и культуры. Выпуск 8. Майкоп, 2012. С. 28, 29.

2. *Старков Н. Н.* Казакам и адыгам суждено жить вместе // Вопросы казачьей истории и культуры. Выпуск 8. Майкоп, 2012. С. 197.

3. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Документы и материалы: В 2. тт. М., 1957. т. 1.

4. Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – нач. XX вв. Нальчик, 2000.

5. *Гордин Я.* Кавказ, земля и кровь. СПб., 2000.

6. Дон и степное Предкавказье XVIII – первой половине XIX вв. (Заселение и хозяйство). Ростов-н/Д., 1977.

7. Архивные материалы о Кавказской войне и выселение черкесов (адыгов) в Турцию (1848 – 1874 гг.) Ч. П. Нальчик, 2003.

8. *Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Ставрополь, 1993. Т. 1-П.

9. *Куценко И. Я.* Кубанское казачество. Краснодар, 1990.

О.Б. Емельянов, Н.О. Емельянов

О командировании служащих чинов Моздокского казачьего полка на Лабинскую линию при наместничестве князя Н.Н. Муравьева в 1855 году

Начало второй половины XIX в. ознаменовалось для российского государства целым рядом внешнеполитических неудач и потрясений. Пресловутый “Восточный вопрос”, т.е. борьба за преобладание в ближневосточном регионе, до предела обострили взаимоотношения России с ведущими европейскими державами и дряхлеющим государством османов. Все участники конфликта стремились осуществить свои собственные, далеко идущие планы, что и вылилось в открытый вооруженный конфликт, называемый отечественной историографией – Крымской войной. Политическая изоляция страны поставила перед правящим кабинетом в Санкт-Петербурге труднейшую задачу обеспечения безопасности южных регионов страны, в том числе и на кавказском театре военных действий. Категорический отказ от предоставления дополнительных воинских контингентов

вынудил правительство Николая I искать следующего главнокомандующего на Кавказе, взамен заболевшего князя М.С. Воронцова. Выбор пал на опытного военачальника – Н.Н. Муравьева, который хоть и не без колебаний, но согласился [1].

Новый Наместник вступил в управление беспокойным краем в сложный период, когда война на Кавказе и в Крыму находилась в полном разгаре, военные действия и русская армия и флот находились в затруднительной ситуации. Военно-политическое положение осложнялось еще и тем, что пришло неожиданное известие о кончине российского императора в феврале 1855 г. Вместе с тем, в начале того же месяца Николай Николаевич Муравьев прибыл на Северный Кавказ в город Ставрополь, откуда и начал детальное знакомство с обширным регионом. Уже 15 февраля он отправился на Левый фланг Кавказской линии, где посетил передовые крепости – Грозную и Внезапную, эти важнейшие в то время стратегические оплоты против воинственного мюридизма, хорошо ему знакомые со времени первого служения на Кавказе под командованием известного генерала А.П. Ермолова [2].

При дальнейшем объезде края главнокомандующий вскоре убедился, что бросать занимаемые передовые позиции на Кавказской линии, и в первую очередь в Дагестане, как предлагало командование Отдельного Кавказского корпуса до его приезда на новое место службы, не было особой необходимости. Напротив, существовала возможность действовать успешно с имеющимся воинским контингентом и даже продвигаться вперед на обоих флангах протяженной Линии. Но для решения этих насущных планов необходимо было как можно скорее упразднить стародавний обычай, существовавший в войсках – отвлекать от службы военнослужащих на различные работы, вследствие чего в строю не хватало людей [3]. Месяц, проведенный новым Наместником на Кавказской линии, не прошел напрасно. Остановившись в армейских и казачьих штаб-квартирах, он пересматривал списки личного состава, чтобы по ним собрать всех рассеянных на хозяйственных работах. В результате чего, ему удалось собрать до 16000 человек и вернуть

их в части для выполнения своих прямых обязанностей [4].

В числе одной из важных задач Н.Н. Муравьев считал необходимым принять неотложные меры, чтобы не допустить объединения турецкой многотысячной анатолийской армии с хорошо организованными отрядами горского владыки Шамиля. Новый Наместник намеревался, насколько это было возможным в сложившихся обстоятельствах, приостановить ход военных действий на Северном Кавказе, пока Россия была занята в войне с коалицией сильных государств. Вот где пригодился дипломатический опыт и талант Николая Николаевича. Используя хорошие отношения генерала Л.П. Николаи и Джемал-ад-Дина, старшего сына имама Шамиля, он сумел добиться приостановления военных действий горцев против русских войск в 1855 г., дислоцированных на Левом фланге Кавказской линии [5]. В то же время рубка просторных просек в дремучих ичкерийских лесах продолжалась, а в случае необходимости предпринимались хорошо подготовленные военные экспедиции [6].

Существует мнение, что генерал Н.Н. Муравьев пообещал наладить широкую торговлю в приграничных городах и, главное – мир в обмен на признание независимости горного имамата под протекторатом российского императора [7]. Вместе с тем, имам Шамиль видел чрезвычайную бдительность нового Наместника по всему протяженному фронту, введение повсюду строгого порядка, что затрудняло возможность безнаказанного нападения на российские пределы, что могло привести к печальным для воюющих горцев последствиям, поэтому в течение всего 1855 г. серьезных военных действий практически не происходило [8]. В то же время, сложившееся положение дел на Левом фланге не означало, что казачьи части не несли потери, в том числе и невозвратные [9].

В совокупности, принятые эффективные меры привели к тому, что во время ведения военных действий на нескольких фронтах одновременно, новый главнокомандующий смог не только сохранить все занимаемые позиции и стабилизировать обстановку на границах Чечни и Дагестана, но и направить казачий отряд с Терского побережья на Правый фланг Кавказской

линии. Так, в послужном списке есаула Моздокского казачьего полка П.И. Бирюлкина, составленного в завершающий год «Кавказской войны», сохранилась запись о его командировке на Лабинскую линию в 1855 г., тогда еще в чине сотника, следующего содержания: «На правом фланге Кавказской линии сбор отряда для устройства новой станицы на реке Уруп. Стычка и перестрелка с горцами 1 апреля на Джалти-месских высотах и на левой стороне реки Лаба против станицы Лабинской. 7 апреля между станицами Лабинскою и Владимирскою. 12 апреля близ поста Деревянного. 13 апреля на реке Лаба в окрестностях станицы Владимирской. 19 апреля на реке Чамлык, близ станицы Новозоловской и в окрестностях поста Родниковского.

3 мая на реке Чамлык в окрестностях станицы Темиргоевской между станицей Владимирскою и постом Промежуточным. 6 мая близ укрепления Колодчинского. С 7 по 18 мая рубка отрядом леса для Колодчинского укрепления и перестрелкой с неприятелем. 25 и 26 мая в Нижне - Кубанском участке и в окрестностях бывшего Темиргоевского аула. 27 мая на реке Лаба ниже станицы Курганской.

6 июня между станицами Владимирскою и Новозоловскою и на реке Лаба близ впадения в нее Ардшинники. 12 июня в окрестностях станицы Новозассовской. С 16 июня по 16 июля сбор отряда для устройства на реке Лаба. Ниже станицы Зассовской стычка, перестрелка с горцами. 19 июня между постами Родниковским и станицей Константиновскою. 22 июня близ Белореченского укрепления. 7 июля на реке Синюхе.

4 августа близ станицы Тенгинской. С 8 по 14 июля расположение отряда на реке Геагл для рубки леса. С 7 августа по 22 сентября расположение отряда за рекой Лабою против поста Меридгиевского для наблюдения за неприятелем, стычки и перестрелки с горцами. 7 августа около станицы Тенгинской. 8 августа близ Белореченского укрепления. В ночь на 20 августа близ станицы Курганной и в ночь на 21 августа на реку Чамлык ниже станицы Константиновской. С 25 по 31 августа движение отряда к северу для отрезания пути отступления Магомет-Амина, уходившего из Карачая и

возвращение отряда к реке Уруп, стычка и перестрелка с неприятелем.

13 сентября на реке Лаба выше поста Родниковского. 15 сентября в Грушевом лесу. В ночь на 16 сентября на реке Лаба близ станицы Григориполисской. 25 сентября в верховьях реки Козмы. 26 сентября за рекою Лабою в окрестностях станицы Зассовской и между постом Кубанским и станицей Тенгинскою.

2 октября в окрестностях упраздненного Жистомирского поста. С 6 по 7 октября близ поста Прязитого. 7 октября близ поста Невиномысского. 12 октября при Лабинском лесу. 13 октября на реке Лаба близ станицы Темиргоевской. 16 октября в окрестностях станицы Григориполисской. 17 октября на реке Лаба между Колодчинским укреплением и Промежуточным постом между станицами Лабинскою и Владимирскою.

С 20 октября по 10 ноября сосредоточие по реке Лабе отрядов для наблюдения за неприятелем. Стычки и перестрелки с горцами в ночь на 24 октября в Темном лесу. 24 октября на реке Чофрог. 1 ноября на реке Чамлык между станицами Петропавловскою и Темиргоевскою. 3 ноября вновь строящегося поста ниже станицы Зассовской и у этой последней станицы в ночь на 9 ноября близ станицы Кубанской. 22 ноября близ поста Родниковского вверх по реке Лаба.

С 13 по 29 ноября расположение двух отрядов для рубки у станицы Курганной и третьего против станицы Тенгинской. С 23 по 29 ноября движение первого отряда от реки Ходза и реки Песереир и рубка там леса. 23 ноября перестрелка этого отряда с неприятелем на реке Песереир и рубка там леса. 29 ноября роспуск всех отрядов на зимовые квартиры. 1855 ноябрь 18» [10].

Из вышеприведенного архивного документа (орфография сохранена, в том числе и географических названий) видно, что действия правительственных войск начались с наступлением хорошей весенней погоды и завершились только поздней осенью. Разделение на отдельные отряды, регулярные стычки с неприятелем в различных пунктах, свидетельствуют о напряженной обстановке в приграничном районе и о постоянном перемещении войск в наиболее взрывоопасные места. Будничная боевая

служба казачества позволяла окончательно закрепиться на Лабинской линии, продолжать наблюдение за передвижением и нейтрализацией неприятельской конницы, вырубать просеки в густом лесу и прокладывать новые военные маршруты, заготавливать древесину для вновь строящихся укреплений, блокировать наиболее удобные пути сообщения и др.

По всей видимости, казачий офицер из Моздокского полка находился на берегах Кубани не в единственном числе, а командовал отдельным подразделением, влившимся в действующие части на Правом фланге Кавказской линии. Обычно подобные прикомандированные отряды от отдельных полков были сводными, состояли от 50 до 300 служащих чинов [11] и выполняли привычные для них задачи, но в данном случае, ввиду ряда причин, их должно было быть не более 100 человек.

Таким образом, приехав в начале 1855 г. на Кавказ, Н.Н. Муравьев навел должный порядок и строгую дисциплину в действующих войсках, не потребовав дополнительно от правительства ни солдат, ни оружия, ни денег, ни пороха, довольствуясь тем, что было в наличии. Волевыми и дипломатическими решениями он удержал имама Шамиля от широкомасштабных военных действий и вынудил воинственных горцев пребывать в относительном спокойствии во все время Крымской войны. Тем самым, позволив высвободить необходимые роты и сотни не только для переброски в азиатскую Турцию, под сильную крепость Карс, но и на Правый фланг Кавказской линии, где казацкие подразделения с Терского левобережья внесли и свой вклад в победы русского оружия.

Примечания:

1. Ковалевский Н.Ф. История государства Российского. Жизнеописания знаменитых военных деятелей XVIII – начале XX века. М. 1997. С. 303.
2. Берже А.П. Николай Николаевич Муравьев во время его наместничества на Кавказе. 1854 – 1856. // Русская старина. СПб., 1873. Т. VIII. №.10. С. 600.
3. Ореус И.И. Штурм, блокада и взятие Карса в 1855 году // Русская старина. СПб., 1877. Т. XIX. № 8. С. 563.

4. “Любитель Кавказа и Закавказья” Николай Николаевич Муравьев // Русская старина. СПб., 1874. Т. X. Вып. 1. С. 143.

5. Алхазов Г.Д. Генерал Муравьев-Карский // Гатчинская правда, 28 июня 2011. № 72. С. 5.

6. Богуславский Л.А. История Апшеронского полка. 1700-1892. В 3 томах. СПб., 1892. Т. II. С. 239 – 240; Хронологический указатель военных действий Русской армии и флота. 1855-1894. В 5 томах. СПб., 1911. Т. IV. С. 1 – 2.

7. Магомедов М.Б. Особенности и уроки Закавказского похода Шамиля // Борьба народов Северо-Восточного Кавказа 20-50 гг. XIX в.: спорные вопросы и новые дискуссии. Материалы международной научно-практической конференции. Дербент, 2009. С. 210.

8. “Любитель Кавказа и Закавказья” Указ. соч. С. 143 - 144; Ореус И.И. Указ. соч. С. 580.

9. Гизетти А.Л. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. Тифлис, 1901. С. 106 – 107.

10. ЦГА РСО-А. Ф. 53. Оп. 1 Д. 2039. ЛЛ. 86 – 87 об.

11. ЦГА РСО-А. Ф. 3. Оп. 1 Д. 58. Л. 17 об.; ЦГА РСО-А. Ф. 3. Оп. 1 Д. 69. Л. 82 об.

О.В. Матвеев

Первый летописец казачьего Приурупья

В изучении исторического прошлого и духовного наследия кубанского казачества важное место принадлежит исследованиям его локальных особенностей. В этом отношении Закубанье, и, в частности, казацкие станицы Приурупья, представляют собой во многом целинную, благодатную почву для краеведов, историков, этнографов, фольклористов, лингвистов. Уникальная территория, где происходило взаимопроникновение миров линейных казаков Кубани и Дона, крестьян-переселенцев из украинских, западных и южнороссийских губерний, встречные взаимопользные контакты с кавказскими народами – адыгами-бесленевцами, карачаевцами, абазинами, выступила весьма своеобразным локусом единого этнокультурного пространства Кубанского края.

При этом весьма востребованными становятся первые опыты описаний заку-

банских станиц, предпринятые кубанскими офицерами после окончания Кавказской войны. О содержании этих первых проб пера на ниве полковой историографии позволяют судить сохранившиеся в Государственном архиве Краснодарского края рукописи А.А. Пяновского, К.И. Раковского, С.Г. Захарова, Г.Ф. Судакова и др. [1] В некотором сокращении эти работы были опубликованы в «Кубанских войсковых ведомостях» [2]. К числу подобных сочинений относится «Описание поселений 5-й (Урупской) бригады Кубанского казачьего войска и отдельных действий ея частей против непокорных горцев», опубликованное в двух номерах войскового органа печати за 1868 год за подписью «Есаул Саньков». «Описание <...> Урупской бригады» содержит немало ярких деталей, связанных как с завершающим этапом вхождения Северного Кавказа в состав России, так и с особенностями формирования состава населения своеобразной локальной историко-культурной зоны.

Фото. О.В. Матвеев в х. Саньков

28 февраля 1865 г. командующий войсками Кубанской области получил отзыв начальника Главного штаба Кавказской армии, в котором, в частности, отмечалось: «Его Императорское высочество Главнокомандующий армиею, желая сохранить для

потомства по возможности полное и подробное повествование тех подвигов, которые совершены были частями войск и отдельными лицами в течение продолжавшейся шестьдесят лет непрерывной войны с горцами, приказал мне просить Ваше Сиятельство объявить по вверенной Вам области: 1) чтобы во всех полках и отдельных батальонах была составлена история их действий и всей жизни на Кавказе. Офицеров, которые будут избраны для составления сего описания, Его Высочество разрешает освободить от некоторых служебных обязанностей и увольнять для занятия в тех архивах, где хранятся старые дела и документы; 2) пригласить всех военных и других звания лиц, у кого окажутся какие-либо записки и воспоминания, имеющие какое либо отношение к событиям минувшей войны, или записанные ими частные рассказы и случаи, доставить всё это в Главный штаб армии, с тем, что желающим записки их будут возвращены в тот срок, какой они сами назначат» [3]. Соответствующее распоряжение вскоре поступило из штаба Кубанского войска в бригады и полки, в том числе, в Урупскую бригаду. Полки этой бригады имели небольшой, но весьма значимый опыт участия в Кавказской войне с конца 50-х г. XIX в., ею командовал прославленный командир полковник Евпл Филиппович Семенкин, награждённый Золотой шашкой на Георгиевской ленте с надписью «За храбрость», кавалер многих орденов [4]. 18 августа 1865 г. Е.Ф. Семенкин сообщал в Войсковое дежурство Кубанского казачьего войска: «Относительно составления истории действий воинских частей № 18 и 19-го казачьих полков вверенной мне бригады, мною предписано командующим этими полками, но от них доселе ещё не получено донесений об окончании этих описаний, а потому мною внесено повторно о скорейшем составлении» [5]. Лишь 29 августа подполковник Могуков представил «Описания о действиях на Кавказе урупских казаков» [6]. Но, ознакомившись с ними, начальник штаба в конце октября известил Е.Ф. Семенкина: «Командующий 18-м конным полком подполковник Могуков, 29 августа за № 1027, доставил в Войсковое дежурство копии с представленных в штаб Кавказской

армии 10-ти записок о некоторых подвигах урупских казаков в последнюю войну с горцами. Записки эти не подписаны никем, неизвестно кем составлены, и они заключают случаи боевой жизни урупцев только с 1858 года. Во всяком случае, эти сведения не могут не иметь своей особенности, переданные одним только офицером, они не могут быть достаточным материалом для истории о службе и военных подвигах строевых частей и отдельных лиц 5-й бригады, так недавно образованной, а, следовательно, все случаи военных событий урупцев в свежей памяти» [7]. Начальник штаба передал приказ Наказного атамана «о непременно составлении» описания истории бригады [8].

Тогда, видимо, и было поручено составление истории Урупской бригады бригадному адъютанту сотнику Санькову. Возможно, что он только обработал упоминаемые выше записки, придал им завершенность и целостность, подписал своей фамилией, как того требовало начальство.

Согласно послужного списка на 31 октября 1864 г., сохранившегося в Государственном архиве Краснодарского края, Матвей Иванович Саньков родился 9 августа 1827 г., происходил «из однодворцев Ставропольской губернии» [9]. В.А. Колесников установил, что М.И. Саньков появился на свет в ст. Михайловской (ныне г. Михайловск Ставропольского края) [10]. Образование получил «в частном учебном заведении», в службу вступил казаком в 1-й Ставропольский казачий полк Кавказского Линейного казачьего войска 1 января 1845 г. 19 декабря 1845 г. обнаружив, по видимому, у образованного казака склонности «к письменным занятиям», начальство переводит его в штат писарей Войскового дежурства Кавказского Линейного казачьего войска. 19 апреля 1846 г. М.И. Саньков был удостоен чина урядника, а 22 сентября 1858 г. – хорунжего [11]. В ноябре 1858 г. хорунжий Саньков был прикомандирован к 3-й бригаде, где стал вскоре исправлять должность бригадного адъютанта. 14 июня 1859 г. Матвей Иванович участвовал «в жарком деле под начальством полковника Семенкина при отражении сильной неприятельской партии у станицы Передовой» [12]. Этот бой потом будет воспроизведён

М.И. Саньковым в «Описании...» Урупской бригады: «14 июня, после утреннего разъезда, часов в 8, было выпущено из ст. Передовой стадо житейского скота на подножный корм, под прикрытием в ведении подпрапорщика Короводина с 50 рядовыми 22 роты 6 резервного батальона Лейб-Гренадерского Эриванского Его Величества полка, 30 казаками при одном уряднике и двух станках ракетной команды 2 (ныне 15) Ставропольского казачьего полка. Здесь необходимо пояснить, что станица Передовая поселена как бы в дефиле, шириною не более как в полторы версты, с обеих же сторон лежат большие горы с огромными оврагами, покрытые лесом; левую сторону ее омывает Уруп, покрытый почти до ограды станицы лесом; поэтому-то хищники, в числе до 1000 человек, незаметно переправившись через р. Уруп ниже станицы и пройдя вдоль берега лесом, вышли под самую станицу, в момент смяли прикрытия и заняли весь рогатый скот, который одна часть сборища погнала к лесам, произрастающим в верховьях Урупа, другая же часть вступила в перестрелку с выбежавшим из станицы гарнизоном, состоявшим из двух неполных рот пехоты и полуторы сотни казаков.

В это время бывший военный начальник ст. Передовой сотник Штейн фон Норденштейн, отправившийся было по служебной надобности на пост Кубанский с 50 солдатами 6 резервного батальона и частью казаков, слышав произведённые по тревоге в станице орудийные выстрелы, хотя и бросился на неприятеля с целью отбить скотину, но как превышавшим его численностью в несколько раз более, был им отброшен. Пехота хотя быстро выскочила по тревоге, но, отставая, не могла оказать большой помощи кавалерии. При преследовании горцев далее, к Штейну собрались казаки: с фуражировки, с окрестных постов и из ст. Удобной команды: донского № 14 и местная. Штейн, хотя и водил казаков в атаку и сбивал неприятеля, но тот, отскакав от скотины, из прикрытия которого всякий раз поддерживали бегущего новые силы, успел, однако же, прогнать скот чрез глубокую теснину, по которой пробивается р. Кува, оставив наши немногочисленные войска в горах и лесах, в самый жаркий день. Дело можно было считать проигран-

ным. Оставалась одна надежда на помощь из станиц или Исправной, или Сторожевой, где было три сотни казаков и Ставропольский резервный батальон. Между тем оказалась и другая партия горцев не менее 500 человек, оставшаяся в лесу в том месте, откуда сборище первоначально выскочило к скотине» [13].

В этот отчаянный момент на помощь пришёл командир 5-й бригады Е.Ф. Семенкин с двумя сотнями казаков, в числе которых находился, по-видимому, и бригадный адъютант хорунжий Саньков. После жаркой схватки, казаки заставили горцев отступить. Подоспело подкрепление под командованием подполковника Венеровского. «Несмотря на крепкую позицию неприятеля и его отчаянное сопротивление, – писал М.И. Саньков, – казаки, предводимые храбрыми командирами, наступали бойко и заставили его большую часть скота бросить живьём, кроме порубленного по ущелью. Хотя нашими отважными натисками неприятель был выбит на выгодную для нас позицию, но, к сожалению, наступившая ночь заставила прекратить дальнейшее преследование неприятеля, тем более, что в кавалерии нашей, проскакавшей к месту происшествия 45 вёрст, в жаркий день, много лошадей пало, а остальные изнемогали от сильной усталости» [14]. Горцы, «кроме ими оставленных в наших руках 15 убитых, понесли значительную потерю». Потери русских в этом 12-ти часовом бою: 25 убитых, 39 раненых, 4 контуженных. М.И. Саньков был «за отличие, оказанное в этом деле, награждён орденом Св. Анны с надписью «За храбрость»» [15].

25 сентября 1859 г. Матвей Иванович находился «при отражении сильной партии горцев близ станицы Удобной»; с 25 апреля по 1 ноября 1860г. – «в отряде при устройстве вновь поселённых станиц в верховьях р. Зеленчука и на р. Кордоник»; затем до конца года – в составе войск Мало-Тенгинского и Урупского отрядов [16]. 6 июня 1861 г. хорунжий Саньков принял участие «в жаркой перестрелке с горцами, нападшими на разъезд сотни при укр. Хамкетах». Этот бой он также описал в истории Урупской бригады: «6-го июня 1861 года из укр. Хамкетинского для разъезда и расставления пикетов была прислана Урупская

сотня № 18 полка в числе 115 человек. Командовавший оною хорунжий Саньков, осмотрев окрестности западной стороны укрепления, перешёл на южную, и только что выехал на довольно узкую поляну, образованную с двух сторон глубокими балками, заросшими густым лесом, как вдруг, не более как в 150 сажнях из балки с правой стороны, выскочило до 200 человек конных горцев, имея ружья наготове. Верно сообразив все невыгоды своей позиции, Саньков в две-три минуты перешёл с сотею на карьере на небольшую возвышенность, за которую спешившиеся казаки, моментально укрыв своих лошадей, приготовились к бою и, окружённые с трёх сторон, геройски устояли против самых близких двух ружейных залпов горцев, которым, ответив тем же, с криком ура ... перешли в наступательное положение, и смелым и настойчивым преследованием гнали горцев по поляне до лесу, на протяжении двух вёрст, отбив притом несколько огнестрельного оружия и три шашки. Неприятель был прогнан в сплошной лес. В деле этом потери Урупских казаков заключались: в раненых трёх казаках и пяти лошадях. Сотенный значок был пробит в трёх частях» [17].

С 20 февраля по 8 марта 1862 г. М.И. Саньков состоял «при главном отряде, собранном у Ханского брода», участвовал в обеспечении работ «по проложению просеки и устройству дороги по направлению к р. Пшехе». При этом приходилось отбивать яростные атаки горцев. В послужном списке офицера отмечается, что он присутствовал 24 февраля «при отражении нападения партии горцев на войска, прикрывавшие рубку леса против центра лагеря, 27-го – при отбитии неприятельских скопищ, нападавших вторично на войска, охраняющие работы» [18]. 3 августа Саньков принимал участие в перестрелке с партией горцев, настигнутых в верховьях рр. Кифаро и Бежген, 7 августа – «при рекогносцировке пространства между истоками Большого Зеленчука и Урупа по 1862 августа 11», 28 августа «при рекогносцировке долины Эричз и местности, прилегающей к долине Загдан, причём отбита неприятельская банта 1862 сентября 1» [19]. Эта рекогносцировка, за которую М.И. Саньков был награждён орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (о чём было объяв-

лено в приказе по Кавказской армии № 431 12 октября 1863 г.), также нашёл освещение в «Описании <...> Урупской бригады». «В последних числах августа 1862 года, – рассказывал М.И. Саньков, – летучий отряд двинулся для осмотра верховьев р. Зеленчука и его окрестностей. 30 числа близ Загдана, на р. Пхэ, нами услышан был крик овец, и когда двинулись к тому месту, то увидели, что горцы быстро угоняют скотину и овец к р. Пхэ, в сплошной лес. Для отбития этого скота Семенкин послал сотника Санькова – с сотнею казаков. По труднодоступным оврагам Саньков повёл сотню наперерез горцам, и как конным положительно нельзя было следовать, казаки бежали спешившимися. Несмотря, однако же на это, горцы успели уже перегнать свой скот через реку, а сами для встречи казаков засели по ту сторону у обрывистого берега. Только что казаки успели подбежать к берегу, как из опушки густого леса неприятелем был сделан залп из ружей. По крику Санькова ура казаки бросились через реку, сбили неприятеля, который бежал врассыпную, и скот был отбит. Всей добычи нам досталось 22 штуки рогатой скотины, 400 овец и одна лошадь, кроме того, взяты некоторые вещи, найденные в кошу неприятеля. Добыча эта поступила: половинная часть в пользу жителей ст. Псеменской, потерпевшей разорение от нападения неприятеля, а другая часть – в пользу всего отряда» [20]. В июне 1863 г. М.И. Саньков вместе с Урупским летучим отрядом был задействован в рекогносцировке верховьев рек Кубани и Большой Лабы, 27 июля 1863 г. принимает участие в перестрелке отрядом горцев вблизи станицы Сторожевой, 2 августа в рекогносцировке Урупским отрядом долины Загдан, затем в преследовании партии горцев по долине р. Эргиз. С 20 августа по 22 сентября 1863 г. сотник Саньков с Урупским отрядом из станицы Сторожевой совершил поход через Главный хребет до укрепления Цебельдинского и обратно [21].

3 декабря 1865 г. М.И. Саньков «за отличие противу горцев Высочайшим приказом произведён в есаулы с оставлением в настоящей должности бригадным адъютантом» [22].

С выходом в отставку в чине войскового старшины М.И. Саньков обосновался в станице Отрадной. Здесь он некоторое вре-

мя служит смотрителем местной тюрьмы. В Государственном архиве Краснодарского края сохранилась переписка 1871–1872 гг., вызванная жалобой урядника Бугаева и казаков Калабухова и Ковалья на войскового старшину М.И. Санькова в связи с порционным довольствием караульной команды Отраденской тюрьмы. Однако атаман Баталпашинского отдела быстро разобрался в ситуации и пришёл к выводу, что недоразумения возникли не по вине смотрителя. «Из порционных денег, подлежащих нижним чинам караульной команды, – сообщал атаман Баталпашинского отдела Наказному атаману Кубанского казачьего войска 25 мая 1872 г., – было высчитано на заведение артельных книжек, хотя и по приказанию Смотрителя, но не им самим, а артельщиками, так как казакам деньги эти не выдавались на руки ввиду того, что они должны были довольствоваться во избежание неудобств продовольствия, из общего артельного котла. Показание урядника Бугаева, что Смотритель тюрьмы не выдал деньги полностью, хотя он Бугаев расписался в получении всех порционных денег, ничем не подтверждается, и, как заявили казаки, Бугаев никому об этом не объявлял, хотя и удержал из порционных денег по несколько копеек, но куда эти деньги поступили, они не знают» [23]. Произведённое отдельным атаманом дознание показало, что «урядник Бугаев, продовольствуя команду, действительно купил один раз дурного луку, а по некоторым купленным продуктам показал стоимость их выше действительности, в чём тогда же был замечен». Казаки Коваль и Калабухов показали, что покупка недоброкачественных продуктов производилась «будто бы по распоряжению Смотрителя тюрьмы Войскового Старшины Санькова». Атаман объяснил недоразумение следующим образом: «По усвоившемуся обычаю в бывших бригадах казаки, находящиеся в карауле при тюрьмах, были поочерёдно отпускаемы в домовые отпуска для взятия провианта и приварка. С упразднением бригад, порядок этот был отменён и во избежание неудобства продовольствия казаков мною было предписано всем Смотрителям учредить в командах артели и порционные деньги выдать артельщикам, выбранным по желанию самих казаков из среды своей, а для проверки в правильном израсходовании

артельщиками порционных денег на продовольствие чинов завести на те же деньги артельные книжки» [24]. Однако заведующий судной частью сотник Суржиков не сделал копии этого приказа для Смотрителя Отрадной тюрьмы. Инцидент был исчерпан. Сведения о должностных лицах за 1876 г. говорят, что в этом году М.И. Саньков ещё занимал должность смотрителя, в данных следующей «Памятной книжки Кубанской области» за 1883 г. присутствует уже другая фамилия [25].

М.И. Саньков был женат первым браком «на казачьей дочери Екатерине Макаровой Сухоруковой» [26]. От этого брака у него, по-видимому, было двое детей. В метрической книге за 1890 год Рождество-Богородицкой церкви ст. Отрадной при рождении сына унтер-офицера Лейб-гвардии Кубанского эскадрона М.П. Белякова восприемниками значатся «сын Войскового старшины Сергей Матвеевич Саньков и дочь его же Серафима Матвеевна Санькова» [27]. Очевидно, после смерти супруги, М.И. Саньков женился вторично. В метрической книге за 1890 г. Рождество-Богородицкой церкви ст. Отрадной имеется запись о рождении у войскового старшины М.И. Санькова и «законной его жены Марии Михайловой» сына Дмитрия: рождён 14 октября 1890 г., крещён 20 октября. Восприемниками стали священник Максим Иванович Сапежко и жена урядника Лейб-Гвардии Кавказского казачьего эскадрона Раиса Михайловна Белякова [28].

Из примечаний дореволюционного собирателя и фольклориста А.Д. Бигдая к составленному им сборнику песен кубанских казаков следует, что Матвей Иванович был прекрасным исполнителем (а возможно, и автором) полковых песен урупцев: от него в станице Отрадной были записаны песни «Вознесенская станица» об отбитии нападения горцев начальником Лабинской кордонной линии полковником П.А. Волковым, и «Мы стояли на горе» – о доблестном командире Урупской бригады Е.Ф. Семенкине [29].

О дальнейшей жизни М.И. Санькова в отставке дают представление лишь некоторые архивные данные. Изучение документов показывает, что, по-видимому, деятельная и предприимчивая натура М.И. Санько-

ва не всегда вписывалась в ценностные установки казачьего служилого сословия. В начале 1893 г. мещанин станицы Передовой Михаил Забашта донёс атаману Баталпашинского отдела о том, что Саньков «слышит за ростовщика, который громадными % составил изрядный капитал и в то же время тайно занимается пропагандою хлыстовской ереси». Произведённое адъютантом атамана Баталпашинского отдела есаулом Бесединым расследование в 1893 г. выявило следующие факты. При оставлении службы в начале 1870-х гг. М.И. Саньков, «не имея никакого хозяйства, занялся более лёгким и выгодным трудом, это отдачею в рост капитала, скопленного им на службе, по неимоверно высокой уплате. Но чтобы не быть ответственным перед законом и придать сделке законную форму, возможные проценты прибавлял к капиталу и на эту сумму брал векселя, писанные его рукою. Такие сделки он имел не только с жителями ст. Отрадной, из коих в настоящее время 2/3 состоят и состояли должными, но и в соседних станицах и селениях, как напр. в ст. Надёжной, Удобной, Передовой, Спокойной, селениях Кунлинском, Ивановском, Ливентель и других» [30]. Отставной казак Фёдор Фисенко показал, что он, «имея крайность по хозяйству, вынужден был занимать деньги у войскового старшины Санькова несколько раз по 100–200 р. с платою за 8-9 месяцев по 40 р. В настоящее время он взял у него ещё 40 р. на 5 месяцев и вексель вновь на 50 р.». Проживающий в ст. Отрадной колонист Фридрих Эйфлер показал, что занимаясь производством и продажей колбас и окороков, он занимал у Санькова 100 р. на 6 месяцев за проценты 45 руб. Такие займы делал ежегодно, «да и в настоящее время ещё состоит должником». Отставной казак Роман Долженко занимал у Санькова по 50 руб. на полгода и всегда платил по 15 руб. процентов, «но если случалось не отдать к сроку какой-либо части денег, то он требовал другой вексель и, прибавивши наложенные им проценты, по своему усмотрению и старого векселя до окончательного расчёта не возвращал». Среди должников М.И. Санькова в архивном деле фигурируют также отставные урядники Пётр Черенков и Пётр Караченцев, казаки Алексей Караченцев и Моисей Макаренко, крестьянин Яков Захаров.

П. Караченцев также заявил, что М.И. Саньков «помимо ростовщичества занимался ещё распространением между жителями хлыстовской секты, что может подтвердить вся станица». Казак неслужилого разряда Дмитрий Маньшин показал, что лет пятнадцать назад Санькова «совратил в хлыстовскую секту проживающий в г. Георгиевске отставной солдат Пётр Данилович Лордучин. С того времени г. Саньков занимается распространением среди жителей ст. Отрадной и окрестных станиц по рр. Уруп и Лабе хлыстовской секты, в которую совратил и его, Маньшина». В этой секте Маньшин состоял около десяти лет, но «убедившись в ложности учения, отказался от хлыстовства и принёс повинную отрадненскому священнику Сапежко, заявив ему письменно о всех действиях войскового старшины Санькова, указал поставленных им по станицам проповедников, к которым ему приходилось ездить с г. Саньковым». Однако священник, связанный узами тесного общения с семьёй отставного офицера более 30 лет, хода делу не дал. Казак Алексей Караченцев свидетельствовал: М.И. Саньков распространяет учение хлыстов «с левой стороны р. Кубани, как это делает по правой стороне Кубани отставной есаул ст. Баталпашинской Уклеин».

По свидетельству Д. Маньшина, Саньков «при отдаче в рост денег совращённым им лицам не брал процентов, но за то все сектанты в летнее время косят сено, убирают хлеб, возят дрова и всё это бесплатно». Отставной урядник Георгий Шмайлов подтвердил, что М.И. Саньков «действительно принадлежит к секте хлыстов, часто посещает дом бывшего когда-то у него вестовым казака Васильева, где и развращает народ» [31]. О том, что Саньков ходит в дом известного в станице хлыста Васильева «для проповедования ложного учения», заявил и казак Моисей Макаренко.

Правда, отставной офицер решительно отверг все обвинения. 12 июля 1893 г. М.И. Саньков пишет рапорт на имя наказного атамана Кубанского казачьего войска Я.Д. Маламы с просьбой оградить его «от весьма обидных придинок и подозрений». «Может быть, я не нравлюсь начальству Баталпашинского отдела потому, что по наклонности моей к религиозности я уже давно перестал посещать клубы, ночные и

дневные оргии, танцы, картёжные игры и вообще стал удаляться разгульной и антихристианской жизни, – писал Матвей Иванович, – все же христианские догматы, изложенные в символе веры, все правила и уставы нашей святой православной церкви я признаю и исповедую за истинные, спасительные и искренно желал бы пробыть в ней до конца моей жизни. У исповеди и Святого причастия я бываю своевременно. Я не только не отступился от православия, но даже ревнитель, что подтверждается тем обстоятельством, что моими убеждениями и стараниями семейство станицы Отрадной урядника Тимофея Щербакова из секты баптистов обращено и присоединено к православной церкви в конце минувшего 1892 года» [32]. Автор обращения отмечал, что старается жить «согласно Евангельского учения Господа нашего Иисуса Христа и постановлениям Святой и Апостольской церкви, многократно очищенной от различных ересей на семи вселенских соборах». К обращению было приложено свидетельство приходского священника станицы Отрадной Максима Сапежко. Последний свидетельствовал, что всё семейство М.И. Санькова «неуклонно исполняет все обязанности православного христианина, именно: ежегодно говеет, исповедывается и причащается Святых тайн Христовых; Церковь Православную чтит и почитает в Воскресные и праздничные дни, когда бывает дома и относится с благоговением. Вообще, всё семейство Санькова Матвея Ивановича во главе с ним ведёт себя в жизни домашней и общественной так, как подобает это благочестивому члену Православной Церкви Христовой» [33]. Из дела сложно однозначно судить, был ли это заговор обиженных Саньковым должников, или Матвей Иванович действительно увлёкся учением хлыстов. Ведущий специалист в области истории линейных станиц Кубани В.А. Колесников указывает на значительную роль сектантства в религиозной жизни казачества второй половины XIX в. [34] По крайней мере, член Ставропольской духовной консистории священник Пётр Овсянников в обращении от имени консистории к начальнику Кубанской области 17 февраля 1894 г. пишет, что Саньков «изобличается в принадлежности к сектантству и распространению лжеучения между православными»

[35]. То есть консистория, проведя, по-видимому, собственное расследование, говорит о сектантстве Санькова как об установленном факте, просит начальника Кубанской области учредить за ним полицейский надзор и одновременно обращается к прокурору Екатеринодарского окружного суда с привлечением отставного войскового старшины к суду. 23 марта 1894 г. замещающий атамана Баталпашинского отдела войсковой старшина Захаров сообщал Я.Д. Маламе, что «вследствие предписания Вашего Превосходительства от 10 февраля за № 1691 полицейский надзор за войсковым старшиной Саньковым учрежден» [36]. С другой стороны, Матвею Ивановичу, видимо, удалось выйти из этой щекотливой для него ситуации. В деле есть запись: «Сенат признал жалобу Забашты не заслуживающей уважения. Оставить без последствий» [37]. Во всяком случае, свой земной путь М.И. Саньков завершил по православному обряду. В метрической книге за 1898 г. Рождество-Богородицкой церкви ст. Отрадной значится, что умер отставной войсковой старшина Матвей Иванович Саньков «от катара желудка и кишек» 14 апреля 1898 года, погребён 16 апреля 1898 года в возрасте 72 лет. Офицер был похоронен «на общем кладбище, погребение совершал протоиерей Максим Сапежко с псаломщиком Михаилом Курдюмовым» [38]. В Приурупье и поныне существует хутор Саньков, основанный, по-видимому, на пожалованном войсковому старшине личном участке и носящий его имя. Очевидно одно: реальная повседневная жизнь казачьих офицеров не всегда совпадает с идеальными моделями поведения и ценностными категориями, которые порой выстраиваются в современной литературе о казачестве. Поэтому изучение архивных источников приобретает для подобного рода работ первостепенный характер.

Вернёмся к очерку М.И. Санькова об Урупской бригаде. В примечании редакции «Кубанских войсковых ведомостей» сказано, что «Описание...» есаула Санькова было напечатано «в извлечениях, с сокращением подробностей». Тем не менее, ценность этой работе придают сведения по истории заселения её станиц. Офицер отметил, что первыми станицами, основанными

в 1856 г. на р. Уруп, были Бесскорбная и Попутная. В следующем году возле этих станиц была поселена Отрадная, затем, в 1858 г.: Удобная и Передовая вверх по р. Уруп, Исправная по р. Большой Зеленчук (бывшее Каменноостское укрепление), Сторожевая у Надёжинского укрепления, при слиянии рек Псефира и Бежгожа, Спокойная на р. Большой Тегень. «При присоединении к этим 9-ти станицам 3-х старых посёлённых ещё в 40-х годах на р. Чамлык и Уруп (Вознесенской, Чамлыкской и Урупской) из этих 12 станиц в 1858 г. составлена бригада, которой дано название Урупская в составе 2-х полков 1-го и 2-го Урупских (ныне № 18 и 19)», – писал М.И. Саньков [39]. Затем, в 1869 г. в верховьях р. Кубани на р. Зеленчук была основана станица Зеленчукская, а между реками Аксаут и Кордоник – Кордоникская. В 1860 г. в верховьях Малого Тегиня обосновалась станица Надёжная, а в верховьях р. Уруп – Преградная. На каждую станицу были определены по 300 семей переселенцев. По переформировании в 1861 г. бригад нового Кубанского казачьего войска две старые станицы – Вознесенская и Чамлыкская отошли 6-й бригаде, а две новых – Преградная и Подгорная – к 7-й. Представляет интерес приведённый М.И. Саньковым на основании документов бригадного архива социальный и этнический состав семей 12 станиц, оставшихся в 5-й (Урупской) бригаде: офицерских 46, урядничьих и казачьих 3687, а всего 3728. «Число этих семейств, – отмечал историк, – образовалось из разных элементов: линейных 1988, донских 296, малороссийских казаков и государственных крестьян 359, анапских поселян 495, и армейских женатых – 590, всего в числе душ: мужского 11734 и женского 9983» [40]. Эти данные важны сегодня при реконструкции облика традиционной культуры станиц современного Отраденского района Краснодарского края, Урупского и Зеленчукского районов Карачаево - Черкесской республики, поскольку позволяют прояснить особенности функционирования многих аспектов духовного наследия казачества этого региона.

После упразднения в конце 1866 г. 7-й бригады, по словам М.И. Санькова, к 5-й бригаде были причислены 6 станиц: Подгорная, Бесстрашная. Отважная, Ахметов-

ская, Псеменская и Преградная, а от 5-й бригады отчислена в 6-ю бригаду станица Урупская [41]. Переселенцам на каждую душу обоего пола выдавался провиант: бывшим линейным казакам в течение 5 лет, прочим в течение 4 лет. М.И. Саньков сообщает, что «в единовременное пособие отпускалось на каждое урядничье и казачье семейство: линейным по 71 руб. 42 6/7 коп., а прочим по 107 руб. 2/7 коп.; на вооружение выдавалось: первым по 10, а последним по 15 руб. Офицерам отпускалось в пособие единовременно по 285 руб. 71 3/7 коп., а жалованье им производилось по окладам армейской легкой кавалерии – в течении 6 лет. Сверх того, на непредвидимые случаи и общественные постройки на каждую станицу производилось по 15000 руб.» [42].

Рассказал М.И. Саньков и о системе обороны станиц Урупской бригады. Места под станицы были приготовлены войсками Кавказской армии по одному типу: четырёхугольником вокруг выкапывались рвы глубиной и шириной 3 аршина, по брустверу ставился двойной плетень, набиваемый землёй и засаживаемый колючим кустарником. Такое укрепление имело на фасах 4–6 артиллерийских орудий. После предварительного осмотра разездом казаков мест возможных засад и укрытий горцев жители станиц выходили на полевые работы только днём, с вооружённым прикрытием. Скот выгонялся на пастьбу не далее версты от станицы под прикрытием солдатских и казачьих пикетов. Между станицами, в зависимости от расстояния, учреждалось по 1–2 постам на 25 человек с земляным укреплением, вышкой для часового и 1–2 артиллерийскими орудиями. После утреннего объезда окрестностей ставились наблюдательные конные пикеты. В наиболее опасных местах казаки занимали по ночам секреты. В случае появления горцев из орудий делались сигнальные выстрелы. «Если неприятель шёл на станицу, – писал М.И. Саньков, – жители и местный гарнизон спешили с оружием к станичной канаве для отражения; а ежели неприятель нападал на кого-либо в поле, то бежали туда для преследования. По орудийным выстрелам окрестные станицы обязаны были принимать сигнальные выстрелы для оповещения других станиц о тревоге, а казаки должны были скакать оттуда на помощь к месту происше-

ствия» [43]. В первый год поселения Урупской бригады «для защиты своих жилищ» было разрешено сформировать по полусотне казаков в каждой станице, «а на следующий затем год весною, вторую полусотню, первой и последней с производством следуемого от казны и войска полного довольствия». В течение трёх лет эти сотни занимали только посты и выделяли резервы, затем стали высылаться на службу уже вне территории бригады.

Образы соседей казаков в «Описании<...>Урупской бригады» определяется войной и борьбой с участниками набегов на станицы, ответными акциями казачьих отрядов против горских аулов. Поэтому противостоящие урупским станицам абазины однозначно называются Саньковым «хищниками». «Поселение бригады, отмечал историк, – производилось в самое тревожное время – с 1858 года, в близком соседстве с хищными и непокорными племенами Тамовским и Кызыльбековским, которые делали частые хищнические набеги» [44]. Более подробных сведений об абазинском племени Там, которое обитало в 1858 г. в двух больших селениях на правом и левом берегах Большой Лабы, а в 1861 г. выселилось за Главный Кавказский хребет и в Турцию, мы в очерке М.И. Санькова не найдём. Кызыльбековцы, получившие своё наименование от княжеской фамилии, жили шестью селениями и также большей частью выселились в 1861 г. в Турцию [45], также не удостоились более подробного рассказа. Тем не менее, автор отдаёт должное своим противникам, не раз говорит об их «отчаянной храбрости», умелой тактике нападения и защиты, устройства засад. «По случаю неудобной местности у Тенгинской теснины для поселения станицы Подгорной, согласно просьбы жителей, было избрано другое место вниз по р. Тегеню на три версты, – сообщал М.И. Саньков. – 31-го мая (1858 г. – *О.М.*), когда было приступлено к разбивке нового места и перевозке переселенцев, сборище горцев, более 500 человек, выскочило из леса, и, разделяясь на две партии, бросились: одна на транспорт с имуществом, другая на житейский скот. И как горцы напали неожиданно, то первоначально перевес был на их стороне» [46]. Сама доблесть казаков раскрывается в

очерке М.И. Санькова через описание «отчаянной храбрости» абазин. Рассказывая о противостоянии команды казаков, возглавляемого полковником Е.Ф. Семенкиным в 40 человек и превосходящего её в 5 раз отряда горцев 17 мая 1858 г., автор отмечал: «Тут неприятель, спешившись наполовину, снова отчаянно бросался на команду, но с тою же храбростью, с которою казаки дрались уже более часа, был опрокинут, оставив в руках казаков одного из самых отчаянных горцев с полным вооружением. За это дело Семенкин награждён орденом Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом, а казаки знаками отличия военного ордена 4 ст., и в память этого молодецкого дела, посту, устроенному на горе, где происходил бой, – дано высшим начальством наименование "Непобедимого"» [47].

Казачий офицер, для которого Кавказская война стала судьбой, главным содержанием жизни, не сомневается в необходимости и справедливости дела, которому посвятил свои молодые годы, в которое вложил свою физическую и душевную энергию. Историческое самосознание М.И. Санькова определялось твёрдой уверенностью в необходимости умиротворения края: практически все описанные в очерке военные действия казаков Урупской бригады носят оборонительный характер, а там, где рассказывается об экспедициях в глубь гор, причины движения «летучего» отряда объясняются необходимостью оказать «нравственное влияние» на горцев [48]. Таким образом, если говорить о каких-то элементах методологии истории в труде М.И. Санькова, то он явно выполнен в русле концепции «самосохранения России», сформулированной в наиболее сконцентрированном виде в трудах военных историков первой половины XIX в. Я.П. Гавердовского, Г.Ф. Гейнса, М.И. Венюкова и др. Исторической миссией Российского государства признавалось с позиции этой теории создание надёжной гарантии защиты «цивилизованного мира» от возможного вторжения воинственных кочевых орд, постоянно находившихся в состоянии динамического передвижения и, как считали эти авторы, способных возобновить «ужасы Батыева нашествия». Из этой посылки выводилось заключение, что внешняя политика России преследовала главную цель – обезопасить

свои рубежи от вторжений извне посредством сооружения военных линий и их продвижения вглубь вражеской территории до естественных пределов – гор, рек морей – которые рассматривались в качестве надёжного заслона от враждебных происков соседей. Мало кому из авторов с подобным мировоззрением, по словам В.В. Дегоева, приходило в голову называть образ жизни горцев уникальной культурой: Россия несла с собой цивилизацию, прогресс, которые должны были вытеснить «необузданные страсти» и «первобытные нравы» горцев [49]. Поэтому работа М.И. Санькова мало что даёт в плане концептуального видения событий, она ценна своим фактографическим материалом, направлена на создание прочной источниковой базы, без которой сегодня не может обойтись ни один серьёзный исследователь Кавказской войны. То обстоятельство, что архив Урупской бригады не сохранился, позволяет считать очерк, составленный бригадным адъютантом уникальным текстом. Правда, сам автор оговаривает ограниченные возможности штабных документов: «О тех делах Урупских сотен с горцами, о которых доступно было собрать сведения, излагается ниже сего; об участии же Урупских казаков в делах при нападении горцев на укр. Хамкеты и другие пункты, где они доблестно поддержали славу казаков, в бригадном архиве, к сожалению, нет письменных сведений» [50].

Особая роль в «Описании <...> Урупской бригады» принадлежит такому «противнику», как природа Западного Кавказа. При этом упор делается на монументальности свершаемого: покорение горных хребтов, описание трудностей борьбы с природой лишней раз подчёркивают жертвенность казаков, принесённых на алтарь Отечества: «30 августа (1863 г. – *О.М.*) отряд под начальством полковника Семенкина выступил из ст. Сторожевой; это был первый отряд, которому предстояло перейти с северного на южный склон, поэтому он чрезвычайно заинтересовал участников. 2 сентября, с 5 часов утра, отряд двинулся к Марухскому перевалу, пройдя с величайшим трудом около 3 вёрст по ледникам, которые образовались из лежащего там в огромной массе снега, и примыкают к весьма крутому каменистому подъёму, по

к нему пролегает в скале довольно узкая тропа. На этом льду, а в особенности на обрывистом гранитном подъеме, многие лошади падали и получали значительные ушибы и раны, а некоторые убивались в смерть» [51].

Таким образом «Описание поселений 5-й (Урупской) бригады» есаула М.И. Санькова явилось незаурядным сочинением, написанным в русле первых опытов полковых историй Кубанского казачьего войска. Несмотря на то, что автор не имел никакого опыта научной и литературной деятельности, набив руку, в лучшем случае, на составлении штабных бумаг, входивших в компетенции батальонного адъютанта, его очерк явился уникальным рассказом о боевой жизни урупцев на завершающем этапе Кавказской войны. Поскольку «Описание» было опубликовано в официальных «Кубанских войсковых ведомостях», оно несло идеи героики и жертвенности казаков при умиротворении края и обороне родных станиц в общественное сознание, закрепляя военно-служилый подход к явлению казачества и имперский взгляд на покорение Кавказа. Жизненный путь офицера-урупца показывает, что М.И. Саньков не всегда следовал декларируемым ценностям служилого сословия на фоне быстро модернизирующейся действительности, но свои сомнения и искания он больше бумаге не доверил. Однако его летопись обустройства и боевых будней урупских станиц явилась важным подспорьем для последующих поколений исследователей казачьего Приуралья.

Примечания:

1. См.: *Матвеев О.В.* Из исторического и военно-культурного наследия казачества Кубани. Краснодар, 2011. С. 8–39, 56–61.

2. *Захаров С.* О населении 27 (ныне 25) конного полка Кубанского казачьего войска // Кубанские войсковые ведомости (КВВ). 1867. № 42; *Раковский*, есаул. История 25-го (ныне 23-го) конного полка Кубанского казачьего войска // КВВ. 1867. № 44; *Пяновский*. Исторические заметки о 3-й бригаде Кубанского казачьего войска // КВВ. 1868. № 15 и др.

3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 2.

4. *Шкуро В.И.* Генерал-майор Е.Ф. Семенкин – воин и администратор (штрихи к био-

графии) // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Армавир, 2002. С. 70

5. ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 29.

6. Там же. Л. 35.

7. Там же. Л. 35–36 об.

8. Там же. Л. 36 об.

9. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 220. Л. 1156.

10. *Колесников В.А.* Проблемы нобилитации однодворцев Кавказской линии в конце XVIII – начале XX вв. (противоречия, инициативы, последствия) // *Дворяне Северного Кавказа в историко-культурном и экономическом развитии региона.* Краснодар, 2002. С. 113–114

11. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 220. Л. 1156.

12. Там же. Л. 1159 об.

13. *Саньков*, есаул. Описание поселений 5-й (Урупской) бригады Кубанского казачьего войска и отдельных действий ее частей против непокорных горцев // *Кубанские войсковые ведомости.* 1868. № 11. С. 50.

14. Там же.

15. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 220. Л. 1159 об.

16. Там же.

17. *Саньков*. Указ. соч. № 12. С. 52.

18. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 220. Л. 1160.

19. Там же.

20. *Саньков*, есаул. Указ. соч. № 12. С. 52.

21. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 220. Л. 1161.

22. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 236. Л. 23 об.

23. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 856. Л. 9–9 об.

24. Там же. Л. 9 об.–10.

25. *Марков В.Н.* История в истории: тюремное ведомство Кубанской области. Майкоп, 2012. С. 104.

26. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 220. Л. 1159 об.

27. Архивный отдел Администрации муниципального образования Отрадненский район (АОАМООР). Ф. 303. Оп. 1. Д. 76. Л. 57 об.–58. Документ любезно предоставлен в наше распоряжение Председателем Отрадненской районной организации Краснодарского краевого отделения Российской организации историков-архивистов С.Г. Немченко.

28. Там же. Л. 76 об.–77. Документ любезно предоставлен в наше распоряжение С.Г. Немченко.

29. *Бигдай А.Д.* Песни кубанских казаков. В редакции В.Г. Захарченко. Т. II. Песни линейных казаков. Краснодар, 1995. С. 48–51, 491.

30. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 2407. Л. 15.

31. Там же. 7 об.

32. Там же. Л. 19–19 об.

33. Там же. Л. 23.

34. Дело мира и любви: очерки истории и культуры православия на Кубани / Научн. ред. *О.В. Матвеев.* Краснодар, 2009. С. 99.

35. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 2407. Л. 26.
 36. Там же. Л. 27.
 37. Там же. Л. 33.
 38. АОАМООР. Ф. 303. Оп. 1. Д. 83. Л. 193 об.–194. Документ любезно предоставлен в наше распоряжение С.Г. Немченко.
 39. Саньков, есаул. Указ. соч. № 11. С. 49.
 40. Там же.
 41. Там же.
 42. Там же.
 43. Там же.
 44. Там же.
 45. Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.). М., 2006. С.298–299
 46. Саньков, есаул. Указ. соч. № 11. С. 49.
 47. Там же.
 48. Саньков, есаул. Указ. соч. № 12. С. 52.
 49. Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны: историографические итоги // Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. 2-е изд., расш. и дополн. М., 2003. С. 257.
 50. Саньков, есаул. Указ. соч. № 11. С. 49.
 51. Там же. № 12. С. 52.

Е. В. Лукошкина, А.И. Слуцкий

**Заметки о полковой библиотеке
 5-ой бригады
 Кубанского казачьего войска**

В Кубанском казачьем войске библиотеки начали организовываться в 1863 году при округах, бригадах, полках. Про существовали они недолго – всего семь лет (до 1870 года). Их истории посвящено несколько статей [1]. Настоящие заметки рассказывают об одной из библиотек – библиотеке 5-й бригады Кубанского казачьего войска.

Административное устройство и характер управления Кубани в конце 50-х – 60-х годах XIX века постоянно реформировались. Заселялись новые территории, строились новые станицы. «Ежегодно на передовых линиях возводилось по десять и более станиц» [2]. В военно - административном и территориальном отношении Кубань была организована по принципу «полкового устройства», делилась на округа, бригады, полки. Для Кубани тех лет понятия «полк», «бригада» терминологически означали не только самостоятельную вой-

сковую единицу или объединение, но и самостоятельную административную территорию. Не было ни уездов, ни волостей. Военная, судебная и гражданская власть была сосредоточена в руках полкового правления во главе с командиром полка [3]. Правление ведало всеми вопросами социальной жизни – вопросами землеустройства, расселения, здравоохранения, образования, культуры, церковным строительством, осуществляло контроль и руководство станичными управлениями [4]. В каждую административную единицу входили от 10 до 15 станиц. «Распределение станиц между полками и бригадами и нумерация полков постоянно менялись, однако принцип полкового устройства <...> в Кубанской области до 1871 года сохранялся неизменным» [5].

Эти особенности сказывались и на судьбах библиотек. Когда мы в кубанском контексте употребляем понятия «полковая, бригадная, окружная библиотека», нам не следует торопиться соотносить их с понятиями «полковая библиотека» в регулярной армии. Полковая библиотека Кубанского казачьего войска по принципам организации, по регламенту работы, по характеру обслуживания читателей, по универсальности фонда была, скорее, сродни уездным библиотекам центральных губерний России. Именно 60-е годы XIX века ознаменовались в России второй волной открытия губернских и уездных библиотек [6].

5-я бригада Кубанского казачьего войска (переименованная из 3-й Урупской бригады Кавказского казачьего линейного войска [7]) располагалась в предгорьях западной части Кавказского хребта. В бригаду входили 12 станиц [8]. «...Из подведомственных станиц бригада комплектовала два полка шестисотенного состава каждый»[9]. Правление бригады располагалось в станице Отрадной. Основание станиц, входящих в 5-ю бригаду, в большинстве своем приходится на вторую половину 50-х годов XIX века. Датой основания самой Отрадной называют 1857 год. В 1858 года году командиром 5-й бригады Кубанского казачьего войска был назначен подполковник Евпл Филиппович Семенкин [10]. Один из формируемых бригадой полков (18-й) квартировал непосредственно в станице Отрадной, второй (19-й) – в станице Сторожевой. К 1863 году (к моменту, когда

Наказной атаман Ф.Н. Сумароков-Эльстон предложил открыть бригадную библиотеку) станица практически только начинала обустраиваться. Всего население пятой бригады на начало 1864 года составляло 21566 человек [11]. Жителей в самой станице Отрадной проживало 2213 человек «обоего пола». И вопрос о создании библиотеки, о строительстве для нее специального здания звучал, по крайней мере, преждевременно.

Впрочем, по отношению к историческому времени понятие «преждевременно» едва ли правомерно. Ни органы власти, ни открывающиеся храмы и училища в новой станице без книг обойтись не могли. Естественно, общедоступных библиотек не было, и быть не могло. Но уже в 1859 году в бригаде открылись два полковых училища (18 конного полка в станице Отрадной и 19 конного полка в станице Сторожевой). К 1864 году на территории бригады действовали 11 церквей [12], были организованы еще 5 станичных училищ. Небольшие функциональные собрания законодательных и нормативных изданий хранились в полковых правлениях и станичных управлениях. Храмы были укомплектованы минимальным комплектом (кругом) богослужбных книг. В каждом училище была небольшая учебная библиотека (50 – 70 экземпляров книг). То есть практически одновременно с основанием станицы начал формироваться ее книжный фонд. Бригадное (полковое) правление заботилось о его пополнении. Ежегодно из войсковых сумм на библиотеку каждого училища отпускались 25 рублей серебром. Учебники и учебные пособия приобретались в Ставропольской губернской гимназии. Естественно, приобретаемые учебники соответствовали преподаваемым предметам: «чтение, письмо по-русски, Закон Божий, священная история, грамматика, арифметика и география». Сохранились списки книг в училищных учебниках: «4 книги Русской истории Устрялова [13]», «3 части истории соч. Шульгина», полные комплекты Всеобщей истории Вебера (3 выпуска), Всеобщая история Богданова, Священная история Нового Завета, учебники Маркова и Буссе по арифметике, Русская грамматика Греча, Всеобщая географии Ободовского, географические карты России, Европы, Азии, Африки, Америки и Австралии, всевозмож-

ные задачки и сборники упражнений. И обязательно, рекомендованные ученикам для чтения, басни Ивана Андреевича Крылова [14]. Из Министерства народного просвещения для каждой библиотеке прислали по 20 экземпляров «книг для народного чтения».

К сожалению, характер сохранившихся документов делает библиографическую реконструкцию фондов училищных библиотек практически невозможной и очень трудоемкой. Но важно подчеркнуть, что уже к 1863 году в станице Отрадной книга не была явлением исключительным, указать на обеспеченность школ учебниками, различными наглядными пособиями и географическими картами. Вполне реальна гипотеза о небольших личных библиотеках офицеров бригады.

Ситуация изменилась в октябре 1863 года. Наказной атаман граф Ф.Н. Сумароковым-Эльстоном разослал по области циркуляр об открытии библиотек. Было принято решение открыть в войске 18 библиотек: три окружные (в Ейском, Екатеринодарском, Таманском военных округах), семь бригадных (в станицах Ладожская, Прочно-окопская, Николаевская, Баталпашинская, Отрадная, Лабинская и Каладжинская), восемь полковых (в станицах Царская, Ханская, Апшеронская, Хадыжинская, Ключевая, Хабльская, Джубгская, в поселке Анапском).

Вслед первому циркуляру было отправлено письмо, в котором Наказной атаман просил начальников округов, командиров бригад и полков высказать свои соображения, по вопросам организации библиотек, их финансового содержания, размещения, комплектования, просил указать, какие книги офицеры полка хотели бы видеть в своих библиотеках.

Работа по организации библиотек шла хлопотно, затянулась на год – полтора. Только в 1865 году в «Кубанских войсковых ведомостях» за подписью Наказного атамана были опубликованы «Правила общественных библиотек Кубанского казачьего войска: окружных, бригадных и полковых» [15]. В самом названии документа слышалось некоторое противоречие. С одной стороны, «общественные», с другой – «окружные, бригадные, полковые» (то есть военные, офицерские, ведомственные).

Впрочем, такими противоречиями (формулировками) полны многочисленные циркуляры, предшествовавшие появлению «Правил...». Например, «... с начала предстоящего <1864> года в каждом округе и бригаде, пишет Ф.Н. Сумароков-Эльстон, <предписываю> открыть общественные библиотеки под названием окружных и бригадных» [16]. Что хотел сказать Наказной атаман формулировкой «под названием»? Вообще в переписке по поводу открытия библиотек он постоянно повторяет термин «общественная», всячески подчеркивает общедоступность задумываемых библиотек, определяет их социальные общественные функции не по отношению к войску, а по отношению к территории. «...Всем желающим <дать> возможность читать периодические издания и произведения лучших русских авторов, <...> удовлетворить необходимой потребности образованного общества, <содействовать> развитию в низших слоях общества стремления к грамотности...» [17].

Согласно правилам работы этими библиотеками могло пользоваться все станичные жители (естественно, за установленную плату). Фонды библиотек тяготели к универсальности, в них была представлена не только военная, специальная литература, но и книги исторического, научного содержания, беллетристика (словесность), издания для детей. То есть можно предположить, что администрация Кубанской области, организовывая полковые, бригадные, окружные библиотеки, стремилась создать в области инфраструктуру «общедоступных» библиотек.

В рапортах «о готовности» к открытию библиотек прошла информация и о том, что ряд полков и бригад свои библиотеки уже имеют. Были библиотеки в 1-й бригаде (штаб в ст-це Ладожской), 4-й бригаде (в ст-це Баталпашинске), 5-й бригаде (в ст-це Отрадной), в 6-й бригаде (в ст-це Лабинской), в 7 бригаде (в укр. Каладжи), в 1-м конном полку (лагерь при ст. Ключевой). Действительно, уже второй половине 50-х годов XIX века в Черноморском казачьем и Кавказском линейном казачьем войсках начали возникать полковые библиотеки. Инициировали их открытие командиры полков, обслуживали библиотеки (за редким исключением) офицеры полков, назы-

вались «офицерскими», содержались за счет вычета 1% из офицерского жалования.

В рапорте от 16 декабря 1863 года, отвечая на циркуляр Наказного атамана, командир 5-й бригады полковник [18] Е. Ф. Семенкин писал:

«В вверенной мне бригаде была бригадная библиотека <организованная в 1859 году> на деньги вычитаемые у офицеров из жалования, с рубля по одной копейке <...> В сентябре месяце 1862 года, по желанию офицеров, <библиотека> была разделена по полкам.<...>

Если же Вашему Сиятельству угодно будет <вновь> учредить в 5-ой бригаде бригадную библиотеку, то полковые следует уже упразднить и для бригадной библиотеки я полагаю устроить дом хозяйственными средствами бригады.

Командир бригады полковник Семенкин» [19].

14 января 1864 года из Канцелярии Наказного атамана пришел отзыв: «После разделения бригадной библиотеки на полковые Наказной атаман не изволил полагать особенной необходимости в соединении сих последних по-прежнему в одну бригадную, для которой как Вы изволите показать, необходимо будет строить новое помещение.

<...> Уведомляя об этом, <...> прошу, в непродолжительное время, представить Его Сиятельству реестр сочинений, имеющимся уже отдельно в каждой полковой библиотеке, и тех, которые бы Вы <и г.г. офицеры> изволили полагать к выписке вновь на капитал, жертвуемый Графом Феликсом Николаевичем [20] <...>, тоже отдельно для каждой полковой библиотеки.

Подписал старший адъютант есаул Прага» [21].

В том, как разыскивается или теряется архивный документ, всегда есть степень вероятности. В 5-й бригаде библиотека была организована в 1859 году. Можно сокрушаться, что ни в 249, ни в 254, ни в 355, ни в 396 фондах Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), в которых отложились документы по истории библиотеки 5-й бригады, не сохранилось каталогов библиотек 18-го и 19-го полков. У нас нет возможности проанализировать, какие же книги были собраны в бригадной и полковых библиотеках к 1863 году. Впрочем, ар-

хивные разыскания всегда оставляют надежду, что документ еще может найтись. Даже сохранившиеся фрагментарные свидетельства позволяют судить, что книг в библиотеке по меркам того времени было не мало. Офицерский корпус бригады составлял 64 офицера [22]. На выписку книг «было издержано 555 рублей 38 $\frac{3}{4}$ коп. серебром». Сумма для библиотеки вполне достаточная. Можно добавить, что о книгах заботились, что, например, однажды в переплет было отдано сразу 128 библиотечных книги. Иногда книги терялись, и с виновников обязательно взыскивали стоимость утерянных книг.

Если до 1863 года создание полковых библиотек было делом сугубо добровольным, то после циркуляра Наказного атамана – стало обязательным. До 1863 года каждый командир полка или бригады сам списывался с петербургскими и московскими книготорговцами и заказывал книги исходя из собственных вкусов и пожеланий офицеров. Подобное комплектование войску обходилось дорого. Как только прозвучало решение об одновременной организации 18-ти библиотек, сразу задумались и о необходимости централизованного комплектования. Оно бы позволило, во-первых, сократить расходы, во-вторых – упростило бы контроль над составом библиотечных фондов. С этой целью 31 марта 1864 года был заключен договор с петербургским книготорговцем Н.Г. Овсянниковым, по которому последний брался укомплектовать книгами все 18 библиотек. Был утвержден единый «образцовый типовой каталог для полковой (бригадной) библиотеки», в который было включено 298 описаний книг [23]. Каталог отправили Овсянникову и округа, бригады, полки стали ожидать «тюков» (такое определение доминирует в сохранившихся документах) с книгами. По условиям договора Н.Г. Овсянников должен был доставить книги непосредственно по адресам. В том числе, и в Отрадную. Но транспортные конторы этого условия не выполнили. Книги для всех 18 организуемых библиотек доставили в Ейск, Екатеринодар и Ставрополь, а уж оттуда командированные из полков офицеры развозили их по полкам. Библиотеку 5-й бригады в Отрадную привезли из Ставрополя. Тюки с присланными книгами сопровождались

обязательными описями, счетами, каталогами. Эти документы частично сохранились, и благодаря им, мы сегодня имеем (едва ли не исчерпывающее) представление о том, что из себя представляли полковые и бригадные библиотеки, в том числе библиотека 5-й бригады.

Формат настоящих заметок не позволяет подробно характеризовать книжный фонд библиотеки. Сохранилось несколько редакций рукописных каталогов. В одной структура библиотечного фонда расписана подробно: богословие, языкознание; история; география и путешествия; философия и психология; правоведение и политические науки; технология и сельское хозяйство; математика и механика; медицинские книги; естественные науки; искусство и смесь; словесность. В других случаях охарактеризована несколькими разделами: богословие; учебники; история; путешествия; естествознание, словесность [24].

Можно перечислить конкретных авторов. По документам 5 бригады в фондах его библиотеки наличествуют «полные собрания сочинений» (так по каталогу!?) А. С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.А. Крылова, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, отдельные произведения А.Ф. Писемского, И.А. Гончарова, Д.В. Григоровича, Ф.М. Достоевского, Н.И. Костомарова, П.А. Кулиша, И.П. Котляревского («на малороссийском языке»), «Кобзарь» Тараса Григорьевича Шевченко на русском и на украинском языке, отдельные издания драматических произведений У. Шекспира, несколько романов А. Дюма, сборников поэм А. Мицкевича и так далее. В отдел «Истории» включены труды Н.М. Карамзина, С. М. Соловьева («История России»), М. И. Богдановича («История Отечественной войны 1812 года»), Ф.И. Буслаева («Исторические очерки <русской народной словесности и искусства>»), А. С. Норова («Путешествие <к семи церквям, упоминаемым в Апокалипсисе>»), несколько исследований Н.Г. Устрялова. Сравнительно много в библиотеке книг по истории Кавказа и Кавказской войны (А. П. Берже, Р. А. Фадеев, Д.И. Романовский, А. И. Руновский), Украины (Н.И. Бантыш-Каменский, А.А. Скальковский, Н.И. Костомаров, П. А. Кулиш, Н.М. Семеновский и т. д.), по истории Западной Европы «История Англии» Т. Маколяе,

«Исторические и политические тайны Франции» [25], «История девятнадцатого века от времен Венского конгресса» Г. Гервенуса, «История цивилизации в Европе от падения Римской империи до французской революции» (СПб., 1864) Ф. Гизо, «Политическая и военная жизнь Наполеона» (СПб., 1844) Г. Жомини и так далее. Кроме того, в фондах библиотеки было большое количество различных учебников, книг по сельскому хозяйству. Из периодической печати обязательны издания военного министерства «Русский инвалид», «Военный сборник», «Артиллерийский журнал». Традиционна подписка на официальные Правительственный и Судебный вестники.

Получала библиотека несколько литературно-общественных журналов, тифлисскую, а после 1863 года и кубанскую периодику («Отечественные записки», «Современник», «Сын Отечества», «Вестник Европы», «Всемирный путешественник», «Иллюстрированная газета», «Кавказ», «Кавказский календарь», «Кубанские войсковые ведомости»). Из-за газеты «Искра» даже затеялось судебное следствие. Петербургский книготорговец Алексей Иванович Давыдов не оформил вовремя подписки на газету для бригадной библиотеки. Жалоба в Санкт-Петербургскую управу благочиния с просьбой заставить Давыдова прислать в Отрадную комплект «Искры», положительно решена не была. Пришлось бригадному правлению удовлетвориться возвращением денег за подписку [26]. В целом централизованное комплектование всех библиотек приводило к похожести (если не одинаковости) всех полковых, бригадных, окружных библиотек.

Начиная с 1866 года, полки и бригады начали у Овсянникова выписывать книги самостоятельно. Примечательно, что Е. Семенкин даже расширил (сравнительно с другими командирами бригад и полков) область сотрудничества с петербургским книготорговцем. В 1866 году из магазина Овсянникова были выписаны учебники для училища 18 полка и училища станицы Исправной и др. (Священная история Богданова, изд. 1864 года 5 экземпляров; 2) руководство к географии. Соч. Ободовского, изд. 1863 года, в 5 экземплярах; 3) Руководство к русской истории. Соч. Иловайского.

15 экземпляров; Басни Крылова в 10 экземплярах) [27].

После 1868 года связи бригадной библиотеки с книготорговыми центрами становятся намного шире. В делах 355 фонда ГАКК (Полковое правление 5-й бригады Кубанского казачьего войска) сохранилась переписка полкового правления с книжными магазинами Черкасова, Баумана, Анисимова, А. И. Давыдова, А.Ф. Базунова, С. Мухина, с редакциями «Военного сборника», «Русского Инвалида», «Кубанских войсковых ведомостей», журналов «Дело», «Северной почты», с Военной типографией Генерального штаба.

Понятное дело, всякое плановое комплектование, не исключало попадания в фонды случайных книг. У книгопродавца Дениса Ивановича Преснова (магазин в Петербурге, близ Казанского собора) просят прислать «книгу о 26 московских юродивых, лжепророках, дурах и дураках».

Иногда книги приобретались по «настоятельным» рекомендациям начальства. Из Генерального штаба регулярно приходили предписания с требованием приобрести для правления и библиотеки бригады ту или иную книгу. В военную типографию Генерального штаба отправлены деньги за «Военно-статистический сборник на 1869 год», за «Описание войны в Европейской Турции». Причем, один экземпляр «Описание войны в Европейской Турции» выписали для бригадной библиотеки, другой – для командира полка, полковника Семенкина. Из редакции «Артиллерийского журнала» выписали «Сравнительные таблицы десятичных и русских мер». Иногда (по распоряжению командира бригады) отправляли деньги за книги непосредственно автору (например, генерал-майору Махотину для покупки в библиотеку его труда «Справочная книжка для русских офицеров») [28].

Иногда «библиотечных сумм» на подписку не хватало. В 1868 году Е. Семенкин предлагает выписать «Военный сборник» на «офицерскую сумму, хранящуюся в бригадном денежном ящике» [29]. Все почтовые операции по комплектованию библиотеки, пересылка денег шла через Прочноокопскую и Лабинскую почтовые конторы.

* * *

Вообще архив не только сохраняет для нас память о тех или иных исторических событиях, но и (в зависимости от содержания сохранившихся документов, от существовавших делопроизводственных норм) придает исторической реальности определенную архитектуру. Тот факт, что в архивном фонде полкового правления 5-й бригады сохранились преимущественно документы хозяйственной части («х. ч.»), может создать иллюзию, что вся деятельность библиотеки заключалась в оформлении «шнуровых книг», взыскании казначаем процента из жалования офицеров, отправки денег за выписанные журналы, бесконечные хлопоты по штрафам за потерянные книги.

Как это ни грустно, расписки читателей за взятые в библиотеке книги уничтожались (согласно правилам) сразу после их возвращения. Документов учета чтения и читателей не сохранилось. Мы не можем проанализировать, что же больше всего читали, что было популярно, насколько активны были читатели? Но есть другая группа документов. «Хорунжий Цуревский в бытность в карауле при бригадной гауптвахте 17 июня 1861 года взял за распискою из бригадной библиотеки 5-й бригады книжку «О производстве следствия» [30]. Затем хорунжий был переведен на службу в 7 бригаду (в 26-й вновь сформированный полк). Книжка осталась у него. Правление 5-й бригады обращается к правлению 7-й бригады и требует «понудить» хорунжего либо вернуть книгу, либо вернуть деньги – 1 рубль серебром. Не будем вдаваться в «производство следствия», это деталь, но, судя по датам начала и завершения архивного дела, оно продолжалось с ноября 1862 года по октябрь 1866.

Важнее другое. Требования о возвращении взятых книг, штрафы за утерянные книги (при отсутствии читательских формуляров) позволяют судить (пусть, косвенно) о книжных интересах казачьих офицеров. Если книги терялись, задерживались, значит, они брались из библиотеки, читались. Хорунжего Бентковского просят вернуть в библиотеку два тома сочинений Лермонтова, сотника Синьковича – книгу Фаддея Булгарина, хорунжего Рябцев – три тома сочинений Марлинского, поручика

Желкиновского – Фаддея Булгарина, сотника Иноземцева – сочинения Пушкина, командира 6-го резервного батальона подполковника Разумихина просят вернуть Фаддея Булгарина, сотника Щекина – две книги сочинений Кукольника, командира полка Пистелькорса просят вернуть книгу Александра Гумбольта «Космос» и четыре тома «Современника» за 1862 год [31]. Иногда книги все-таки пропадали без следа. В шеститомнике Н.В. Гоголя не хватало 4-го тома. На запрос «где, когда, кому выдано?», прозвучал ответ: «на месте тома не оказалось и кому выдано неизвестно».

Пытались организовать чтение казаков и в станицах, где библиотеки учреждены не были. В середине 1865 году полковое правление 5-й бригады приняло решение обязать все станичные управления (в том числе и библиотеки 18 и 19 полков) подписаться на «народный журнал «Грамотей» [32]. В 1863 – 1864 годах станичным управлениям рекомендовалось выписать издание трех сказок для народа, изданных по инициативе придворной конторы двора Великой Княгини Елены Павловны: «Сказку о двух Иванах: Иване работнике и Иване пустодоме»; «Сказку о трех братьях: Семене, Пахоме и Иване и о том, как дедушка Наум их уму разуму учил» и сказку «Суд людской и божий». В сопроводительном письме инспекторский департамент пояснял, «что означенные книжки по своему содержанию и образу изложения могут быть весьма полезны для чтения нижних чинов».

Сегодня достаточно сложно говорить о библиографической культуре тех офицеров 5-й бригады, которые занимались книжными заказами, комплектованием фонда. В отдельных случаях они пользовались издательскими и книготорговыми списками, иногда всевозможными рекламными листовками предлагающими купить отдельное издание [33]. Сегодня было бы интересно попытаться (по сохранившимся реестрам, каталогам, архивным материалам) библиографически реконструировать фонд первой общедоступной библиотеки станицы Отрадной. Не меньший интерес представляет изучение личной библиотеки и книжных интересов командира полка Евпла Филипповича Семенкина [34]. Семенкин выписывает для себя журнал «Рус-

ская старина». В одном из сохранившихся документов Семенкин выписывает для себя из книжного магазина Н.Т. Лисенкова (Петербург) издание: «Илиада» Гомера в 2 томах с 25 рисунками, с приложением жизнеописаний Гомера и Гнедича, с их портретами в красивом и прочном переплете разных цветов»[35]. В другом случае выписывает «Басни И. Крылова, изящное издание с 26 хромолитографированными картинками, в 9 книгах с биографией сочиненной Плетневым на веленовой бумаге и в английском переплете (1863 г.» [36]. И приписка: адресовать «в Кубанскую область, в станицу Отрадную на р. Уруп полковнику Е. Семенкину». В самой этой фразе, в том, какое издание заказывается, чувствуется не только забота командира о вверенной ему библиотеке, но и отношение к книге. Отношение, я бы сказал, даже библиофильское.

По Высочайшему Указу от 30 декабря 1869 года снова поменялся порядок управления Кубанской областью и Кубанским Казачьим войском [37], произошли очередные административно-территориальные реформы. Полки и бригады, существовавшие в Кубанской области как административно-территориальные образования, должны были быть расформированы. В гражданском отношении область делилась на 5 уездов (Екатеринодарский, Ейский, Темрюкский, Майкопский, Баталпашинский). В военном отношении, соответственно, – на пять военных отделов. В связи с этим 10 декабря 1870 года последовал приказ Наказного атамана, в котором предписывалось объединить полковые библиотека и создать библиотеки при управлениях отделами. Эта судьба постигла и библиотеку 5-й бригады. Сама бригада была расформирована. Евпл Филиппович Семенкин был произведен в чин генерал-майора и назначен атаманом Майкопского военного отдела. Бригадная библиотека была передана в управление Баталпашинского отдела. Атаман Баталпашинского отдела официально потребовал от правления 5-й бригады составить подробную опись всем имеющимся в бригадной библиотеке книгам (включая книги библиотек 18 и 19 полков) и вместе с приходными, расходными, шнуровыми отчетными документами и оставшимися деньгами прислать в управление

Баталпашинского отдела. Но это уже другая история.

Примечания:

1. *Слуцкий А.И.* К истории организации полковых библиотек в Кубанском казачьем войске // *Вопр. регионоведения* : сб. ст. Краснодар, 2002. Вып. 1. С. 23–34; *Сулиева А.В.* Полковые библиотеки Кубанского казачьего войска (вторая половина XIX века) // *Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследований.* Сб. статей. Краснодар, 2010. Вып. 6. С. 255 – 270 и т.д.
2. ГАКК (Государственный архив Краснодарского края). Ф. Р – 980. Оп. 1. Д. 75. Л. 216 – 217.
3. Электронный ресурс: <http://www.gkgazeta.ru/ArticleSection/Details/129/1>.
4. ГАКК. Ф. 355. Оп. 1. Предисловие к фонду. Л. 1 - 2.
5. Основные административно - территориальные преобразования на Кубани (1793 – 1985 гг.) Краснодар, 1986. С. 22.
6. *Абрамов К.И.* Городские публичные библиотеки: России: история становления (1830 – 1860-х гг.). М., 2001. С. 80 – 82.
7. Ф. 396. Оп. 2. Д. 217. Л. 1446 об.
8. По другим источникам в бригаду входило 15 станиц (Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793 – 1985 гг.). Краснодар, 1986. С. 22)
9. ГАКК. Ф. 355. Оп. 1. Предисловие к фонду. Л. 1 - 2.
10. ГАКК.Ф. 396. Оп. 2. Д. 217. Л. 1444 – 1461; *Шкуро В.И.* Генерал-майор Е.Ф. Семенкин – воин и администратор (штрихи к биографии) // *Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа.* Армавир, 2002. С. 68 – 71.
11. ГАКК. Ф. 355. Оп. 1. Д. 88. Сведения о народонаселении 5 бригады за 1864 год. 6 ноября – 6 ноября 1864 года. 8 л.
12. ГАКК. Ф. 355. Оп. 1. Д. 19. О предоставлении церковных книг на ревизию за 1863 год. Л. 2.
13. *Устрялов Н.Г.* Руководство к первоначальному изучению русской истории (СПб., 1840). Было рекомендовано Министерством народного просвещения в качестве учебника для уездных училищ.
14. Ф. 355. Оп. 1. Д. 56. О покупке книг для школы 18 полка. 28 июля 1864 – 25 января 1865 года. 16 л.
15. Правила для общественных библиотек Кубанского казачьего войска: окружных, бригадных и полковых, утвержденные Наказным атаманом // *Кубанские войсковые ведомости.* 1865.№13. (14 марта 1865 года)

16. ГАКК. Ф. 259. Оп. 1. Д. 133. Циркуляры Наказного атамана Кубанского казачьего войска и рапорты начальника Таманского округа об открытии окружных и полковых библиотек. 21 окт. 1863 – 21 сентября 1866 г. Л.1.

17. ГАКК. Ф. 259. Оп. 1. Д. 133. Л.1.

18. В чин полковника Е. Ф. Семенкин был произведен в 1862 году. ГАКК.Ф. 396. Оп. 2. Д. 217. Л. 1444 – 1461;

19. ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 533. Об открытии в бригадных и полковых <правлениях> общественных библиотек. Л. Л. 32, 32 об. 33.

20. При открытии библиотек Наказной атаман граф Ф.Н. Сумароков-Эльстон подарил каждой организуемой библиотеке по 100 рублей серебром.

21. ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 533. Л. Л. 39, 39 об.

22. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 236. Алфавитные и полные послужные списки гг. штаб- и обер-офицеров 5-й бригады Кубанского казачьего войска. Л.1 – 2.

23. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2330а Об открытии и комплектовании полковых, окружных и бригадных библиотек. 14.02.1864 – 07. 09. 1866. Ч.1 Л. 203 – 213.

24. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2330а. Ч. 2. Л. 1155 – 1169.

25. *Сансон А.* Записки палача, или Политические и исторические тайны Франции. СПб., 1863.

26. ГАКК. Ф. 355. Оп. 2. Д. 402. О выписке книг для бригадной библиотеки. 25 янв. 1868 – 15 июля 1869 гг. Л. 14 – 17.

27. ГАКК. Ф. 355. Оп. 2. Д. 242. О выписке книжек для школ от купца Овсянникова. 22 января – 1 сентября 1866 г. 16 л

28. ГАКК. Ф. 355. Оп. 2. Д. 402. Л. 80 – 81. .

29. ГАКК. Ф. 355. Оп. 2. Д. 402. Л. 48.

30. ГАКК. Ф. 355. Оп. 1. Д. 187. О взыскании с хорунжего Цуревского книжки, взятой из бригадной библиотеки 5 бригады. Правила производства следствия. Начато 14 ноября 1862 года. 24 л.

31. ГАКК. Ф. 355. Оп. 2. Д. 32. О выписке книг и газет для бригадной библиотеки. 14 дек. 1862 – 30 апр. 1864 гг. 124 л.

32. ГАКК, Ф. 355. Оп. 1. Д. 163. О выписке журнала «Грамотей» для станиц. 16 л.

33. Например, ГАКК. Ф. 355. Оп. 2. Д. 32. 124 л. Дело богато рекламными объявлениями и проспектами.

34. К теме изучения личных библиотек командиров полков Кубанского казачьего войска обращался А.И. Слуцкий, характеризую библиотеку командира Псекупского полка Ивана Диомидовича Попки [*Слуцкий А.И.* Библиотека генерал-лейтенанта Ивана Диомидовича

Попко // Книга: Исслед. и материалы. М.: Наука, 2009. Сб. 90. С. 183–192].

35. ГАКК. Ф. 355. Оп. 2. Д. 402. Л. 20

36. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2330 а. Ч.2. Л. 1163 об.

37. *Манукало А.Н.* Кубанское казачье войско в 1860 – 1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар, 2003. 215 с.

К.В. Русанов

Материалы к истории военного госпиталя в станице Константиновской на Чамлыке (1855 – 1869 гг.)

Имеющиеся в современной литературе сведения о Константиновском военном госпитале (далее – КВГ) на Кубани немногочисленны и противоречивы. Так, А. Б. Герасименко и С.А. Санеев [1] считают, что КВГ находился в Константиновском укреплении, построенном в 1858 г. на месте разрушенного Новороссийска. Однако есть данные, что КВГ был открыт не позднее 1855 г в станице Константиновской Лабинской линии.

Автор отчета [2] врач П.Е.Попов описал медицинское обеспечение войск и населения линии, достигнувшего к 1853 г. 15 тыс. человек:

«Пространство Лабинской линии определяется к северо-западу левым берегом Кубани, к северо-востоку – землей, отведенною для аулов мирных черкесов и р. Урупом, к востоку и югу – верховьями рек Синюхи, Чамлыка, уступами предгорий северного склона Кавказского хребта, почти по прямой от Урупа до Шолоховского поста, и к западу – правым берегом Лабы от Шолоховского поста и до впадения ее в Кубань вблизи станицы Усть-Лабинской. <...>

На Лабинской линии лазаретов находится три: в Зассовском укреплении – от Кавказского линейного №3 батальона, на Каладжинских высотах – от Кубанского егерского полка, в станице Тенгинской – от Ставропольского егерского полка. На линии находится и два военных госпиталя: Темиргоевский временный 1-го класса на 150 чел. и Лабинский 2-го класса усиленный на 400 чел. Если в них происходит

стеснение, то больные отправляются в соседние госпитали: из Темиргоевского в Усть-Лабинский, а из Лабинского – в Ставропольский».

Особый интерес представляют сведения П.Е.Попова о положении в поселениях вдоль р. Чамлыка – правого притока Лабы:

«По течению реки Чамлыка находятся: станица Вознесенская, станица Чамлыкская, пост Константиновский, станицы Константиновская и Михайловская, пост Михайловский и станица Петропавловская <...>.

По давнему уже предположению местного начальства, хотя в настоящее время соединить каналами Лабу с Чамлыком у станицы Константиновской, где возведены теперь капитальные госпитальные здания. Константиновский госпиталь предполагается открыть к лету 1854 г. (курсив здесь и далее наш. – К.Р.) Без соединения Лабы с Чамлыком госпиталь этот будет затрудняться в добывании хорошей воды и даже, при тревожном времени, вовсе оставаться без нее».

Примечание редакции: «в 1855 г. в станице Лабинской открыт бригадный лазарет вместо существовавшего там госпиталя, который переведен в станицу Константиновскую».

Таким образом, КВГ открылся в 1854 – 1855 годах за счет перевода в станицу Константиновскую части Лабинского госпиталя. То, что потребность в лечебном заведении была здесь очень большой, особенно в первые годы строительства, видно из следующего фрагмента того же отчета П.Е.Попова. Хотя автор не называет станицу Константиновскую, можно не сомневаться – здесь все происходило в 1847 г. так же, как при устройстве других станиц:

«Фактически дознано, – пишет П.Е. Попов, – что перемежающиеся лихорадки (малярия. – К.Р.) составляют господствующую болезнь на Лабинской линии. Стоит прожить здесь год, чтобы убедиться, что линия эта есть страна эндемических лихорадок, зависящих от болотных испарений, обусловливаемых геологией местности и наводнениями. <...>

Каждогодно мы видим огромную заболеваемость людей в отрядах при устройстве станиц и укреплений, и сильную болезненность жителей-переселенцев. В 1846 г. при постройке станицы Михайловской

почти весь отряд перехворал перемежающейся лихорадкой, и бывший в то время военно-временный Михайловский госпиталь наполнил больными все ближайшие госпитали – Лабинский, Усть-Лабинский и Ставропольский. В 1851 г. то же самое было при устройстве Белореченского укрепления: больные этого отряда не только стеснили местные лазареты и госпитали, но и наполнили попутные госпитали, начиная от Екатеринодарского, по Кубанской линии до самого Ставрополя и оттуда до Пятигорска. В 1853 г. подобная же болезненность была при устройстве Новозасосовской станицы и укрепления на Каладжинских высотах. <...>

Донской казачий №15 полк, расположенный в станице Лабинской и ее окрестностях, в три года своего пребывания здесь не досчитывает 120 человек, умерших от климатических болезней, из 875 казаков».

Сведения, сообщенные П.Е.Поповым (1818 – после 1879 г.), заслуживают доверия: Петр Егорович, сын дьякона, после окончания медицинского факультета Московского университета 15 лет прослужил в самых разных местностях Кавказа и Закавказья (Средний Егорлык, Ардон, Грозный, Екатеринодар и т. д.), начав с батальонного лекаря и завершив кавказскую карьеру главным врачом Эриванского военного госпиталя [3]. С 1856 г. начинается столичный период деятельности П.Е.Попова, вышедшего в отставку по военной части, но продолжавшего служить начальником 1-го отделения Медицинского департамента Военного министерства. Попов дослужился до генеральского чина действительного статского советника; напечатал ряд научных трудов по медицине. И что более существенно – обеспечивал «Военно - медицинский журнал» (далее – ВМЖ) официальной информацией о переменах в личном составе медицинской части, которой мы сегодня пользуемся (см. ниже).

Но вернемся в станицу Константиновскую. В такой малярийной местности огромна и потребность в медикаментах, поэтому учреждение здесь в 1858 г. запасной военной аптеки было логичным решением:

«Согласно отзыву Наместника Кавказского, Министр внутренних дел входил в Кавказский комитет с представлением об упразднении Новороссийской запасной ап-

теки, полагая предоставить Наместнику учредить запасные военные аптеки при *Екатеринодарском войсковом и Константиновском военном госпиталях, при каждом на 300 человек больных в годовой пропорции*, на том же основании, на каком существуют запасные аптеки при некоторых военных госпиталях Кавказского края <...>.

Ныне Комитет выпискою из журнала от 25 апреля сего года положил: заключение сие утвердить, и Государь Император на журнале Комитета в 19-й день апреля сего года Высочайше соизволил написать собственноручно: «Исполнить»»[4].

Здесь необходимо сделать два замечания. Во-первых, запасная аптека (склад медикаментов, перевязочных средств и пр.) и учреждалась дополнительно к штатной госпитальной аптеке с лабораторией, изготовлявшей лекарства для собственных больных. Во-вторых, согласно Высочайше утвержденному 21 марта 1828 г. «Уставу о неперменных военных госпиталях» [5], действовавшему до 1869 г., 300 больных соответствовали госпиталю 2-го класса (250 мест штатных, 50 запасных и 10 офицерских); по-видимому, к этому классу и относился в то время КВГ. Класс госпиталя и штат медицинского/хозяйственного персонала зависели «от числа войск, в окрестности расположенных».

Правда, о том, какими были крепость у станицы Константиновской и укрепления самой станицы, какие армейские подразделения в ней дислоцировались, сколько казачьего населения проживало здесь в годы продолжающейся Кавказской войны, известно пока очень мало. Местные историко-краеведческие источники [6] говорят, что станица при р. Чамлыке, расположенная на покатости ее правого возвышенного берега, была огорожена кругом плетнем с колючим кустарником, окопана рвом.

Чамлык прежде был чрезвычайно беден водою и наполнялся только весной. Летом же он представлял из себя ряд луж с испортившейся водой, так что многолюдные станицы по реке очень страдали от недостатка воды. Неоднократные попытки прокопать канал из Лабы, чтобы обводнить Чамлык, завершились окончательным успехом лишь в 1870-е гг.

На юго-восточной окраине станицы, на самом высоком месте, располагалась

крепость, видимая будто бы даже из Армавира. Крепость была обнесена высокой кирпичной (по другим данным – каменной) стеной с четырьмя коваными воротами и глубоким широким рвом. Ее территория представляла собой прямоугольник размерами 300 на 250 м; наружу вели подземные ходы. С южной стороны находился сторожевой пост. На вышке, которая была установлена на кургане, находилась пушка.

Сегодня остаточные фрагменты крепости сохранились на поселенческом кладбище. Внутри ее стен находился и КВГ. Однако сведения о его капитальных строениях в исторической памяти местного населения не сохранились.

Однако сведения о персонале КВГ сегодня доступны анализу в ежегодных «Кавказских календарях» и в разделе ВМЖ «Официальная часть. Перемены в личном составе военно-медицинской части». В каждом номере журнала сообщалось о перемещении, награждении, повышении в чине, увольнении и, наконец, смерти военных врачей. Согласно этим источникам, КВГ непрерывно существовал с 1855 по 1869 гг., не понижаясь в статусе до полугоспиталя или лазарета.

Первым главным врачом КВГ стал надворный советник **Феоктист Михайлович Бокевич-Щуковский**, прослуживший здесь 10 лет – до мая 1865 г., когда получил отставку по болезни. За это время он был произведен за выслугу лет в коллежские советники (1858 г.), Всемилостивейше пожалован орденами св. Станислава 2-й степени с Императорскою короною (1858 г.), св. Анны 2-й степени с Императорскою короною (1861 г.) и св. Владимира 3-й степени (1865 г.). Кроме того, Ф.М.Бокевичу-Щуковскому были назначены за выслугу лет прибавочное жалованье (250 руб. в год) и пенсия на службе сверх жалованья (300 руб.).

Его сменил в должности главного врача КВГ коллежский советник **Август Людвигович Бергау**, до того возглавлявший Александропольский военный госпиталь. Спустя три года А.Л.Бергау был переведен на аналогичную должность в Усть-Лабинский военный госпиталь, а госпиталь в станице Константиновской ненадолго возглавил надворный советник, доктор медицины **Альберт Федорович Шислер**, ра-

нее служивший старшим лекарем 75-го пехотного Севастопольского полка.

Ему и выпала участь стать последним руководителем КВГ: 14 сентября 1869 г., в связи с упразднением последнего, А.Ф. Шислер был назначен главным врачом Гагринского военного госпиталя.

Старшим ординатором КВГ с момента образования и до конца служил **Алексей Павлович Богословский**; его, как и говорилось в отчете П.Е.Попова, перевели в станицу Константиновскую вместе с частью Лабинского военного госпиталя. Уже в 1856 г. А.П.Богословского произвели из коллежских асессоров в надворные советники. За время службы он был пожалован орденом св. Станислава 2-й степени (1864); стал получать прибавочное жалованье за выслугу 15 лет (310 руб.). После решения об упразднении КВГ А.П.Богословский был переведен 16 июля 1869 г. старшим врачом в 18-й Кавказский линейный батальон.

Младшие ординаторы КВГ менялись чаще. Сначала эти должности занимали молодой лекарь **Игнатий Иванович Вейтко** и пожилой врач, служивший на Кавказе еще с 1830-х г., – надворный советник **Василий Афанасьевич Уколов** (род. в 1814 г.). Последний умер 4 сентября 1860 г. от изнурительной лихорадки, не покидавшей окрестности станицы Константиновской. И.И. Вейтко перешел в Кавказский линейный №12 батальон (1859); вместо него в КВГ назначили младшего ординатора Хасав-Юртовского военного госпиталя коллежского асессора **Ратушного**.

Недолго прослужил здесь коллежский асессор **Павел Петрович Лугарев**, бывший до того батальонным лекарем Ставропольского пехотного полка: всего год спустя он вернулся в полк, но уже в Виленский пехотный (1859). На его место в станицу Константиновскую прибыл из Литовского пехотного полка батальонный лекарь **Н.А. Каллистов**, но через два года он был переведен батальонным лекарем в 4-й резервный батальон Якутского пехотного полка (1861).

Новый комплект младших ординаторов КВГ составили сверхкомплектный лекарь Кавказской армии **Вановский** и батальонный лекарь Севастопольского пехотного полка коллежский асессор **Ляхницкий** (оба с 1861 г.). В помощь им вскоре были

присланы выпускник столичной Императорской медико-хирургической академии **Добровольский** и лекарь Кавказского линейного №22 батальона **Михаил Казимирович Новик** (оба в 1862 г.) – вероятно, Ратушный и Ляхницкий по каким-то причинам уже покинули госпиталь.

Вановский прослужил младшим ординатором в КВГ до самого конца; он удостоился производства в чины титулярного советника (1863) и коллежского асессора (1864). В том же 1864 г. Вановский был награжден орденом св. Станислава 3-й степени с мечами «в воздаяние отличий, оказанных при перевязке раненых под выстрелами неприятеля во время военных действий против горцев в Кубанской области». Вскоре Кавказская война окончилась, но младший ординатор продолжал служить, пока не был уволен по болезни 30 марта 1869 г.

Сходная судьба была и у М.К.Новика: повышения в чине в те же годы, что и у Вановского; награждение орденом св. Анны 3-й степени (1864). Разница в том, что в 1867 г. Новик поменялся местами с полковым лекарем 17-го конного полка Кубанского казачьего войска **Будным**.

Добровольский и Будный, тоже поднявшиеся в чине до коллежского асессора, стали последними младшими ординаторами КВГ. Армейские части постепенно выводились с Кубани, и параллельно сокращалась сеть военно-врачебных заведений. Дошла очередь и до госпиталя в станице Константиновской. Приказом от 16 июля 1869 г. Добровольский был переведен в Грозненский военный госпиталь младшим же ординатором, а Будный – младшим врачом в 150-й пехотный Таманский полк.

Из среднего медицинского персонала КВГ сохранились имена фельдшеров **Игнатьев**, **Новицкого** и **Безвехнюка**, упомянутые в связи с производством их за выслугу

Более 10 лет госпитальной аптекой КВГ управлял аптекарский помощник (фармацевтическое звание на ступень ниже провизора) **Николай Максимович Иванов**. Начиная карьеру в станице Константиновской, он не имел чина, и прошел долгий путь по ступеням «Табели о рангах»: коллежский регистратор – губернский секретарь – коллежский секретарь – титулярный советник – коллежский асессор (1864). В

этом чине Н.М.Иванов и был уволен от службы по болезни с мундиром 22 января 1867 г. За 12 лет управляющий аптекой получил прибавку к жалованью (97 руб.) и орден св. Станислава 3-й степени (1862).

После этого несколько месяцев 1867 г. аптекой КВГ управлял провизор надворный советник **Михельсон**, однако уже в июле его перевели в Грозненский военный госпиталь, а должность занял провизор надворный советник **Маврикий Иванович Молилари**. По-видимому, М.И.Молилари остался в станице Константиновской навсегда: ВМЖ сообщил, что управлявший аптекою упраздненного КВГ исключен из службы как умерший с 17-го июня 1870 г. Лихорадка сделала свое дело...

Права и обязанности госпитальных смотрителей (офицеров) Устав 1828 г. определял так:

«Смотритель есть начальник хозяйственной в госпитале части. Он должен иметь в виду все, что служит к поддержанию воинского порядка, соответствующего цели заведения, к охранению казенного имущества и к сокращению излишества в издержках. Все чиновники и служители, составляющие штат госпиталя, исключая медицинских, состоят в его команде и подчинении. Смотритель состоит под ведомством комиссии Комиссариатского депо, попечению коей поручено содержание госпиталя, и под команду местного военного начальства. Обо всех надобностях по госпиталю, как-то: о поправке строений, о благовременном заключении новых контрактов, о неисправности поставщиков, о перемене и пополнении госпитальных вещей, об отпуске денежной суммы представляет он комиссии через контору и руководствуется ее разрешениями. Из сего исключаются однако же принадлежащие к аптеке вещи, инструменты и машины, назначенные для медицинского применения и состоящие под ведением старшего врача»[7].

Смотрителем КВГ с декабря 1855 г. по 1859 г. был штабс-капитан **Петр Алексеевич Мисостов** (ок. 1810 г. – после 1876 г.) - личность, известная в истории Кавказа [8]. Крещеный кабардинский князь, обучавшийся в Ставропольском уездном училище, сражался в рядах русской армии с 1827 г., отличился в войнах с Персией и Турцией, в экспедициях Засса и Граббе, за-

служил немало орденов и медалей. С 1846 г. П.А.Мисостов был полицмейстером Пятигорска и одним из инициаторов строительства в городе Спасского собора. Его двухэтажный особняк и сегодня служит городским отделом ЗАГС.

Назначение Мисостова смотрителем вновь организованного КВГ свидетельствует о большой важности госпиталя для командования. С 1859 по 1865 гг. эту должность занимал капитан, затем майор **Михаил Ефимович Андреев**. Последним эту должность исправлял штабс-капитан **Александр Александрович Сакен**.

Согласно Уставу 1828 г., должность комиссара и бухгалтера занимали чиновники гражданского ведомства:

«Комиссар есть приемщик, хранитель и расходчик денежной казны, жизненных и материальных припасов и госпитальных вещей. На записку прихода и расхода ему выдаются шнуровые книги, засвидетельствованные в Комиссариатской комиссии. Всякий приход и расход он вносит в оные по предписаниям, которые и хранятся при книгах документами. Ответствует за целостность, надлежащее сбережение вещей и припасов. По делам своим ведет у себя журналы бумагам входящим и исходящим» [9].

Комиссаром КВГ был сначала коллежский секретарь **Козьма Кириллович Федоров**, но его быстро сменил и «комиссарил» до начала 1860-х гг. коллежский секретарь **Аким Захарович Осиповский**. А довел госпиталь до конца коллежский асессор **Иван Михайлович Авчинников**.

В 1850-е гг. бухгалтерию КВГ вел коллежский регистратор, а затем губернский секретарь **Александр Осипович Яковичский**, в 1860-е гг. – губернский секретарь **Гавриил Захарович Федоренко**.

Всего для истории станицы Константиновской возвращены 28 имен медиков и чиновников, служивших в 1855-1869 гг. в местном военном госпитале. А это не так уж мало.

Примечания:

1. Герасименко А.Б., Санеев С.А. Новороссийск – от укрепления к губернскому городу. Краснодар, 1998. С.122, 133.

2. Попов П. Лабинские перемежающиеся лихорадки с геологическим и медикотопографическим очерком Лабинской линии // Военно-медицинский журнал. 1856. Часть 68. №2. Отдел VII. С.71-136.

3. Русский биографический словарь. СПб.: Изд. А.А.Половцова, 1910. Т.14. С.567.

4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIII (1858 г.). Часть первая. №33034. С.487.

5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе.- Т. III (1828 г.). Часть первая. №1889. С.273.

6. <http://курганские-известия.рф/index.php/nash-raion/nash-raion/poseleniya/1139-2012-06-26-06-37-18>; <http://курганскиеизвестия.рф/index.php/jizn/jizn/istoriya-pamyat/1942-2013-01-16-10-54-09>; http://adm-konstpos.ru/shabl/48/istoricheskaya_spravka:kurganinsk.uzoz.net/index/arkheologija/0-37; http://www.dg-yug.ru/a/2012/12/29/Konstantinovskaja_slavilas.

7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. III (1828 г.). Часть первая. №1889. С.283-285.

8. Бекулов Х.М., Нафадзокова А.А. Князь Петр Мисостов – полицмейстер Пятигорска и меценат // Архивы и общество. 2011. №3; Мисостов Петр Алексеевич // Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы, офицеры. Середина XVI - начало XX в. Биографический справочник. Нальчик, 2006. С.122.

9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. III (1828 г.). Часть первая. №1889. С.285-286.

О.С. Пылков

**Деятельность
российских военнослужащих
как фактор противоэпидемической
безопасности на Северном Кавказе
(первая половина XIX в.)**

В первой половине XIX в. эпидемии чумы, холеры, оспы, тифа и др. «повальных» инфекционных заболеваний свирепствовали не только в Центральной России, но и на Северном Кавказе. Этому способствовали антисанитарное состояние населенных пунктов, плохое питание и другие факторы. Известно, что в конце XVIII — начале XIX в. в результате эпидемии чумы погибли тысячи горцев Северного Кавказа, в частности, почти за 20 лет было уничто-

жено почти все население Малой Кабарды и произведено опустошение в Большой Кабарде [7, с. 149]. Таким образом, инфекционные болезни, перед которыми традиционная медицина была бессильна, угрожали самому существованию горских народов. Солдаты российской армии также несли потери от чумы, дизентерии, тифа, холеры и т.п. [4, с. 283; 29, лл. 92-93]. Даже в экспедициях, как отмечал в 1836 г. унтер-офицер С. Рябов, солдаты погибали не столько «от сабель и пуль вражских, сколько от холода и других невзгод» [27, с. 342].

В начале XIX в. отмечалось проникновение эпидемических заболеваний на Кавказ из Азии, в частности, из Ирана и Турции. В 1823 г. вспышки холеры были отмечены именно на этом «маршруте», сначала в Закавказье, затем в Кавказской области и далее в Астраханской губернии. В 1829 – 1830 гг. холеру вновь занесли через российско-иранскую границу в те же районы.

Вследствие этого наряду с организацией лечебных учреждений и подготовкой медиков, государство вынуждено было уделять внимание открытию карантинных пунктов и проведению противоэпидемических мероприятий, для чего привлекались в первую очередь подразделения Кавказского корпуса. Например, военные несли службу на карантинных пунктах, противоэпидемических кордонах, эвакуировали жителей из эпидемических очагов [20, с. 33].

Первые карантинные пункты на Северном Кавказе открылись в 1804 г. В то же время имеются сведения о карантинных пунктах на южной границе России, в середине XVIII в. устроенных лейб-медиком и главным директором медицинской канцелярии П.З. Кондини [6, с. 49]. Из пораженных чумой областей людей выводили, подвергая двухразовому 14-дневному карантину. Карантинные мероприятия, во время которых запрещались собрания, богослужения, закрывались рынки, сжигались зараженные вещи, а товары очищались соляной кислотой, серой и др., позволяли справляться с широкомасштабными эпидемиями. Военачальникам в местностях, уже зараженных болезнью, предоставлялось действовать по собственному усмотрению [19, лл. 30-30 об.]. Трудности при устройстве карантинных пунктов в регионе были различными. Например, на первоначальное

обзаведение карантинных средств, отсутствовала карантинная и больничная одежда и другие вещи [18, л. 277].

В условиях эпидемий коренное население не всегда действовало осмотрительно. В 1806 г. Кавказский вице-губернатор Рожнов сообщал гр. Гудовичу, что «в Андреевской и Аксаевской деревнях... в Малой Кабарде заразительная болезнь и теперь свирепствует... и... дошла до Ингушевской деревни, в коей также народу часть вымерла, а прочие разбежались, да и в Карабулаке тоже самое сделалось». При этом чеченцы ездили в зараженные деревни, брали «оставшиеся имения после умерших заразительною болезнию» и продавали их в Андреевской и Аксаевской деревнях. В этой связи карантинным заставам (Моздокской, Прохладненской и Червленской) предписывалось строго соблюдать «предохранительные меры», удвоить сроки «для очищения людей с их пожитками и товарами», а также следить, чтобы «ни под каким предлогом с тех мест люди мимо карантинных застав пропускаемы не были, да и вещей никаких подаваемо и выменяемо не было» [2, с. 52]. Власти старались действовать оперативно. Так, в 1807 г. при появлении «заразительной болезни» в Тагаурском ущелье, «тотчас по дороге, с Линии Кавказской в Грузию идущей» были учреждены карантинные пункты. При этом недостаток медиков здесь должны были восполнять лекари, состоящие при войсках. Широкую известность в борьбе с чумой получили полковой врач Казанского полка доктор Геер и врач Нижегородского драгунского полка Гинафельд (Гринфельд), которые «безбоязненно дни и ночи проводили в карантинных и зачумленных домах; подымали больных на улицах, ободряли население своим мужественным спокойствием» [21, с. 340].

Порой из-за боязни занести эпидемические заболевания в регион, властями давался запрет на торговлю и переход границы, в том числе и при преследовании хищнических партий. Для предотвращения торговых контактов с эпидемически опасными районами, военные доставляли соль на приграничную территорию и продавали ее горцам «с надлежащею предосторожностью». В 1807 г. военные полевые госпитали и лазареты были наполнены зараженными.

«Пламень язвы» распространился от Екатеринограда до Усть-Лабы на 450 верст и поразил около 20-ти русских селений, множество «жилищ азиатского народа» и «ногайского племени» [2, с. 54, 56-57].

Командующим войсками Кавказской линии генералом Гудовичем при помощи медиков были составлены правила для борьбы с эпидемиями, которые жестко соблюдались. В частности, предусматривалась такая мера, как сжигание зараженных вещей. При этом за сжигаемые пожитки хозяевам платили деньги, чтобы они не закапывали и не прятали их. Вся ответственность за упущения или непредусмотрительность в деле обеспечения санитарной безопасности края лежала на военном начальстве. К 1808 г. болезнь на Кавказской Линии начала «ощутительно уже умягаться». Однако в тех местах, откуда войска отбывали и где отменялись карантинные меры, болезнь «вновь возникла во многих местах» [2, с. 5-56].

В мае 1808 г. среди ногайского и абазинского народов в пределах Кавказской губернии началась вспышка чумы. Для локализации болезни Александр I приказал изолировать абазин «от сношений с окрестным населением, а для пресечения сообщений с закубанцами поселить их внутри кордона от поста Яманжангинского до Невиномысского укрепления». Это распоряжение и попытки медицинского осмотра мужчин и женщин, вызвали у абазин «неповиновение и дух возмущения... они взяли за оружие, желая чтобы были сняты военные цепи их окружающие и меры к прекращению язвы были предоставлены им самим» [32, с. 60]. Потребовались немалые усилия военных, чтобы предотвратить серьезные выступления.

Меновая торговля с горцами во многом определялась карантинными правилами. В начале XIX в. по всей Кавказской линии были открыты карантинные пункты на меновых дворах (Темиргоевский, Махошевский, Усть-Лабинский, Прочноокопский, Баталпашинский, Боргустанский, Известнобродский, Солдатский, Екатериноградский, Червленный и Амир-Аджиуртовский). На отдаленные от Линии торговые пункты, например, на Ставропольскую ярмарку, ногайцы и другие народы проезжали обычно

через Невинномысскую карантинную заставу [26, с. 101].

Горцы привозили на меновые дворы продукты сельского хозяйства и ремесленные изделия, лес, пригоняли скот. Здесь же производилось карантинное очищение товаров, чтобы воспрепятствовать заносу инфекции. Согласно карантинным правилам предписывалось, чтобы в чистой и выбеленной комнате, на подвешенной в двух аршинах от пола сетке, были разложены вещи, подлежащие окуриванию газами соляной кислоты. Само окуривание должно было производиться в плотно закупоренной комнате или шкафу в течение 24 часов. Затем три дня окуренные вещи проветривались, и только после этого они считались безопасными и пускались в обращение [33, с. 87]. Наряду с окуриванием парами соляной кислоты использовались и другие способы очищения. Так, бронза, серебро и золото только обмывались водой с мылом, а тонкие цветные материи, золототканые изделия и пр. очищались «повышенной искусственной теплотой».

После назначения, командующий войсками в Грузии и на Кавказской линии генерал А.П. Ермолов был вынужден решать сложные вопросы санитарно - эпидемиологической защиты населения края [22, с. 302-303]. Необходимость уменьшить санитарные потери заставляла командование предпринимать меры, направленные на улучшение медицинского обеспечения войск. Как убедился Алексей Петрович после своей инспекционной поездки, некоторые карантинные представляли собой жалкое зрелище. Например, Моздокский карантин имел ветхие и тесные строения. Постройка зданий карантинных возлагалась на инженерных чиновников и военно-рабочих с полковыми мастеровыми. Работников для карантинных чаще всего набирали из числа инвалидов [3, с. 202, 584]. Врачи и фельдшеры в карантинные прикомандировывались из ближайших военных частей. Комиссарами были офицеры, командированные на время из полков.

Начальники отделов Кавказской линии для предупреждения возможных столкновений между русскими и горцами назначали на меновые дворы так называемые «охранные стражи» [15, л. 59 об.]. Поперек менового двора устанавливались две

решетки на расстоянии шага или двух одна от другой, в промежутке между которыми ходили вооруженные солдаты как для наблюдения за порядком, так и затем, чтобы все покупаемые у горцев товары прошли соответствующее карантинное «очищение» и не привели бы к распространению заразных болезней [33, с. 88].

Ермолов хотел по возможности обезопасить и более северные российские территории. В этой связи предусматривалось строительство внутренней карантинной Линии (по Среднему Егорлыку), которая как бы отделяла Кавказ от других российских губерний. 21 августа 1818 г. генерал утвердил новый проект карантинного устава, где содержалось требование очищать товары парами соляной кислоты и серой [4, с. 205, 446-447.]. Проезжавших опрашивали, имеют ли они сведения о наличии различных заболеваний в сопредельных территориях. При этом их показания письменно фиксировались. Выждав определенный срок и подвергнув одежду и товары соответствующей обработке, люди покидали карантинные и отправлялись по своим делам [10, лл. 84-85].

Сообразуясь с положением края, генерал предписывал несение службы и «стражу по карантинной линии поручить войскам». А.П. Ермолов также считал, что во время нормализации эпидемической обстановки карантинные на Линии не должны препятствовать торговле и контактам, но в случае обнаружения малейшей опасности необходимо возвращаться к строгому контролю. Карантинные обсервации подвергались и военные, прежде всего, части двигавшиеся из Закавказья. Военские команды и курьеры регулярно проходили медицинское освидетельствование. Очищались и одежда военнослужащих (через 30 минут ее возвращали) [3, с. 211, 214, 583; 5, с. 368].

Меры, предпринимаемые Ермоловым по борьбе с инфекционными болезнями, были вполне своевременны и эффективны [30, л. 12]. Реконструкция карантинных позволила избежать разрастания эпидемий. Однако в начале 1820-х гг. на Кавказе открылась холера. Смертность от нее учесть было сложно, но, как считал А.П. Ермолов, из числа заболевающих умирал каждый пятый человек [8, с. 39]. Исследователь Ю.Ю. Клычников отмечает, что «последствия бы-

ли бы еще страшнее, если бы генерал столь серьезно не занялся профилактикой массовых заболеваний». А сам А.П. Ермолов писал, что «при всей потере нашей мы еще счастливы в сравнении с соседями нашими персиянами, у коих в Эриванской области не собрано половины с полей хлеба за болезнью поселян...» [22, с. 403; 25, с. 53].

В 1825 г. в Екатеринодаре было учреждено Центральное карантинное управление [31, л. 27 об.]. Внимание к карантинам со стороны Ермолова, было вызвано не только угрозой чумы, холеры и прочих эпидемических заболеваний, но и тем, что они часто затрудняли свободную торговлю, как с зарубежными странами, так и с горцами. Длительные простои, достигавшие порой 42 дней, с которыми, впрочем, генерал всячески боролся, приводили к значительным убыткам для купцов, отбивая у них охоту торговать в регионе [3, с. 212, 214; 16, л. 6]. А между тем торговля рассматривалась российской администрацией как важный элемент по налаживанию мирных отношений с горскими племенами. По этому поводу генерал Ермолов писал, что «торговля есть единственное средство сближения с горскими народами, – средство впоследствии времени могущее доставить величайшие выгоды, в пользу коих можно потерпеть некоторое отступление от принятых правил таможенных. Свободное обращение торговли, облегчение самого порядка, здешним народам весьма еще неизвестного, может приохотить к изделиям и к самому земледелию и выгодам от них снижаемыми удовлетворять новые нужды и потребности, с которыми также свободная торговля их сделает знакомыми. Теперь уже весьма приметно...» [4, с. 203-204].

Эта линия была продолжена начальником Кавказской области генерал-лейтенантом Емануелем, который предписывал хорошо обращаться и поощрять к торговле «проходящих через карантин и бывающих на меновых дворах, магометанских народов» [12, лл. 1 об.-2 об.].

В 30-е гг. началось устройство карантинных на Черноморском побережье. В 1839 г. генерал-лейтенант Граббе устроил карантинные заставы в Геленджике, Пицунде, Бомборах и Гаграх. Для этого из Государственного казначейства было отпущено 40200 руб. и на ежегодное содержание по

3800 руб. серебром [35, с. 5]. Начальники укреплений должны были не только следить за здоровьем своих подчиненных (например, при появлении холеры нижним чинам «для сбережения здоровья» ежедневно выдавалась винная порция), но и рапортовать о наличии заболевания среди горцев. В случае обнаружения заразы укрепления на побережье принимали меры карантинной предосторожности, прекращая сообщение с местными жителями. А содержащиеся в карантинах во время очищения товаров «черкесы и прочие азиатцы» продовольствовались за счет казны. Очищению окуриванием подлежали все товары и вещи [11, л. 50; 9, л. 2 об.].

Хотя заболевшие чумой и другими инфекционными болезнями регистрировались в регионе в 1828, в 1830–1831 и в 1840-е гг., но прежнего размаха эпидемии уже не получали. В начале июля 1855 г. в Черномории вновь появились больные холерой. На основании заявления Главного военно-медицинского инспектора были проведены соответствующие мероприятия. Расчистка зарослей, осушение болот способствовали постепенному снижению числа заболевших малярией. Власти старались внимательно отслеживать эпидемиологическую ситуацию в крае, для чего давались специальные задания офицерам. Подобные изыскания, зачастую, были сопряжены с опасностью для жизни самих военнослужащих [24, с. 507].

Русские военные врачи в крае проводили исследования по борьбе с инфекционными заболеваниями. Так, в Дагестане работал врач Э.С. Андреевский, познакомивший горцев с применением хинина для лечения малярии. Изучая симптомы холеры, появившейся на Кавказской линии в 1848 г., он, не зная возбудителя, тем не менее, высказал мысль о материальной природе «холерного яда» и считал, что «яд» поражает организм через пищеварительный тракт [34, с. 62].

В середине XIX в. на Кавказской линии и в Черномории действовал ряд карантинных пунктов: Екатериноградский, Екатеринодарский и Кизлярский карантин, и карантинные заставы: 1) Амир-Аджи-Юртовская; 2) Червленная; 3) Моздокская; 4) Солдатско-Малковская; 5) Известнобродская; 6) Баталпашинская; 7) Невинномыс-

ская; 8) Прочно-Окопская; 9) Усть - Лабинская; 10) Ольгинская и Шандруковский постоянный карантинно-таможенный пост [23, с. 212-213]. Открывались они только тогда, когда получали известие о появлении болезней в Закавказском крае, в другое же время на них никого не задерживали.

В первой половине XIX в. среди населения региона начинает вводиться практика профилактических прививок, что также повлияло на снижение заболеваемости и смертности. В это время на Северном Кавказе проводили вакцинацию только против одного заболевания – оспы. Оспопрививание велось не только среди русского населения, но и среди северокавказцев, в том числе детей. Прививались военнослужащие и солдатские дети (8-10 лет). При этом для привития употреблялась «оспа коровья» [1, с. 254; 13, л. 43; 17, лл. 1-2]. Как правило, «оспенная материя» высылалась из соседних губерний. Для распространения практики оспопрививания среди местных народов, северокавказцев специально обучали этому. Так, в 1858 г. в Екатериноградский военный госпиталь был отправлен для обучения оспопрививанию кабардинец Ахмед Кумыков. Это явилось началом подготовки местных оспопрививателей – Талиба Гоова, Тластана Шаова, Хаджи Кунижева, которые сыграли важную роль в борьбе с натуральной оспой [7, с. 149-150; 28, с. 12].

В целом противозидемические и иные мероприятия, характерные для Центральной России, постепенно распространялись и на ее окраины. При появлении эпидемий устраивались заставы, карантинны, временные лазареты, для того, чтобы не допустить распространения болезней. Российские военнослужащие принимали непосредственное участие в работе карантиннов. В «карантинную службу» зачислялись как рядовые солдаты (в том числе и женатые), так и их взрослые дети (например, канцелярскими служащими), жившие с родителями при карантине [13, лл. 28-28 об.; 14, лл. 3-4].

Таким образом, в первой половине XIX в., деятельность российских военнослужащих на Северном Кавказе способствовала поддержанию противозидемической безопасности. Представители российской армии в крае принимали активное участие в борьбе с различными эпидемическими

заболеваниями, создании карантиннов, эвакуации населения из эпидемических очагов, пропаганде гигиенических знаний, проведении профилактических прививок среди военных и гражданских лиц (русских и северокавказцев). Итогом подобных усилий становилось прекращение свирепствования в регионе инфекционных болезней, развитие региональной системы здравоохранения и медицинского обслуживания, укрепление межнациональных связей и интеграция региона в состав России.

Примечания:

1. Акты Кавказской Археографической Комиссии (АКАК). Т. II. Тифлис, 1868.
2. АКАК. Т. III. Тифлис, 1869.
3. АКАК. Т. VI. Ч. 1. Тифлис, 1874.
4. АКАК. Т. VI. Ч. 2. Тифлис, 1875.
5. Ван-Гален Х. Два года в России // Кавказская война: истоки и начало. 1770 – 1820 годы. СПб., 2002.
6. Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (1800 – 1940 гг.). Армавир, 2006.
7. Василенко В.Г. Распространение российской системы здравоохранения на Северном Кавказе в дореволюционный период // Мир славян Северного Кавказа. 2007. № 3.
8. Виноградов П.Б., Клычников Ю.Ю. Военно-санитарная деятельность А.П. Ермолова на Кавказе // Вопросы Северо-Кавказской истории. Вып. 2. Армавир, 1997.
9. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 1043.
10. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 114.
11. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 333.
12. ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 46.
13. ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 549.
14. ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 964.
15. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 20. Оп. 1. Д. 1.
16. ГАСК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 9.
17. ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 268.
18. ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 116.
19. ГАСК. Ф. 128. Оп. 1. Д. 2006.
20. Герман Р.Э. Установление Россией демографического контроля в Кавказском регионе в последней четверти XVIII – начале 60-х гг. XIX в. // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе (8-я Всероссийская конференция). Армавир, 2001.
21. Желиховская В. Княжна Цхени // Повести и рассказы русских писателей XIX века. Нальчик, 1996.

22. Записки А.П. Ермолова. 1798 – 1826 гг. М., 1991.
23. Исторический обзор Терека, Ставрополья и Кубани. М., 2008.
24. *Клинггер И.* Два с половиной года в плену у чеченцев. 1847 – 1850. // *Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века.* СПб., 2000.
25. *Клычников Ю.Ю.* Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827). *Ессентуки*, 1999.
26. *Край наш Ставрополье: очерки истории / Научные редакторы проф. Д.В. Кочура и проф. В.П. Невская.* Ставрополь, 1999.
27. *Лопин В.В.* Воспоминания солдата: Рассказ бывшего у.-о. Апшеронского полка Самойлы Рябова о своей боевой службе на Кавказе // *Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения.* СПб., 2001.
28. *Маслов А.А., Карданов А.Б., Шоматов А.О., Беров М.Л.* История медицины Кабардинского округа: События и лица. *Нальчик*, 2005.
29. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13454. Оп. 1. Д. 77.
30. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 18.
31. РГВИА. Ф. 14719. Оп. 1. Д. 61.
32. *Скиба К.В.* Из истории «Малой Кавказской войны» на Кубанской линии. *Армавир*, 2005.
33. *Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А.* «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...» Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). *Ставрополь*, 2011.
34. *Толстой Л.Н.* Хаджи-Мурат // *Собр. соч.: В 22-х т.Т. 14.* М., 1979.
35. *Фелицын Е.Д.* Описание Восточного берега Черного моря. *Екатеринодар*, б/г.

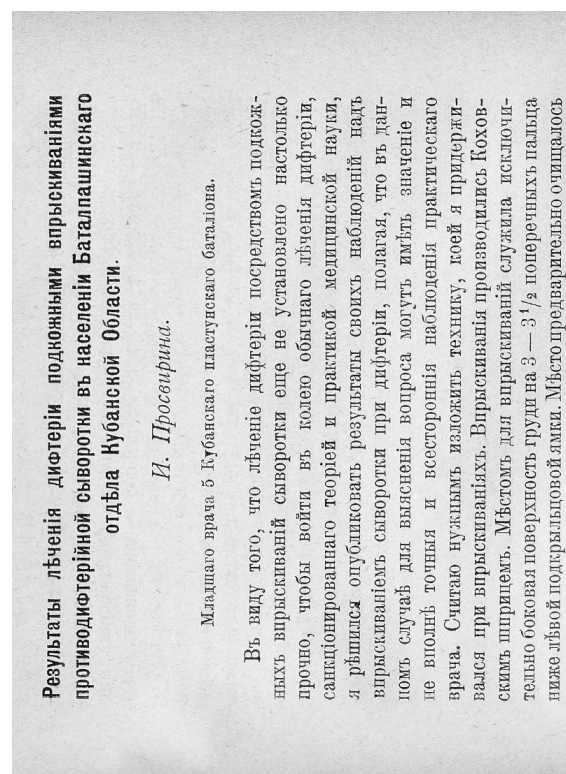
К.В. Русанов

Эпизод борьбы с дифтерией на Кубани зимой 1895/1896 гг.

Осенью 1896 г. авторитетный петербургский «Военно-медицинский журнал» напечатал статью кубанского военного врача о лечении и профилактике дифтерии в станицах Невинномысской и Отрадной, селениях Богословском и Казьминском [1].

О биографии её автора известно немного. Из ежегодных справочников «Российский медицинский список» можно

узнать, что Иван Денисович (или Денисьевич) Просвирин родился в 1864 г., звание лекаря по специальности «хирургия» получил в 1890 г. Он служил в Майкопе младшим врачом в недавно (1892 г.) сформированном пластунском батальоне Кубанского казачьего войска. К концу столетия И.Д.Просвирин переместился в Закавказье, где занял должность младшего врача Кавказского резервного обозного батальона в Мухроване (следует отметить, что в штаб-квартире Кавказской гренадерской артиллерийской бригады в 1852 г. сдавал экзамены на фейерверкера Л.Н.Толстой). В 1900-е гг. И.Д.Просвирин достиг вершины своей карьеры – стал старшим врачом лазарета в Ахалкалаки, где и работал до войны 1914 г. После начала войны, он, отслужив 25 лет, вышел в отставку в чине действительного статского советника.

Ил.1. Начало статьи И. Просвирин о результатах применения противодифтерийной сыворотки.

Ивану Денисовичу Просвирину повезло уцелеть в Гражданскую войну, и в «Российском медицинском списке» на 1925 г. он значился проживающим в Кубано-Черноморской области (возможно, –

из справочника это не вполне ясно, – в станции Григорополисской. Думается, кубанским историкам по силам выяснить происхождение и участь при большевиках этого врача, одним из первых применивших против дифтерии – «беспощадной душильницы молодой, начинающейся жизни» – новое оружие, притом сделанное в России.

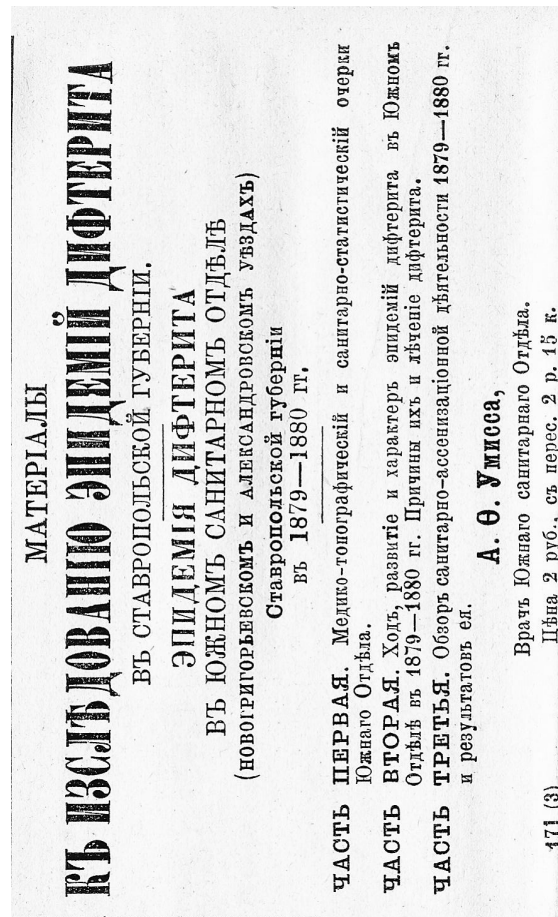
Во второй половине XIX в. эпидемии дифтерии были частыми гостями многих губерний юга страны, всякий раз унося души половины и более заболевших детей. По данным, приведённым М.В. Семенцовым [2], в том же 1895 г. на Кубани заболело дифтерией 4998 человек, из которых умерло 2732 (55%). Но бывало, что число заболевших достигало здесь до 20 тыс. человек.

Коварный недуг убивал фибриновой пленкой, перекрывавшей дыхательное горло, и токсином, вызывавшим параличи и остановку сердца. Медикаментозная терапия – прижигания, полоскания и смазывания горла – помогала мало. Тифлиские врачи с сожалением констатировали: «В большинстве случаев дифтеритические бляшки увеличиваются в объеме, появляются новые; они сливаются между собою так, что слизистая оболочка зева представляется покрытою сплошным плотным наложением. Когда болезнь распространяется на гортань, дыхание становится затрудненным, свистящим, присоединяется сухой, лающий кашель, свойственный крупу (воспалительное сужение гортани или трахеи. – К.Р.), который скоро оканчивается смертью от задушения» [3].

Не желая оставаться бессильными наблюдателями, врачи пытались пробить путь воздуху, вставив металлическую трубку через рот (интубация), или через разрез (трахеотомия) и, рискуя своей жизнью, отсосать пленки. Но нередко и те дети, кого дифтерия не задушила, впадали в зловещую апатию: «Гнилостные продукты распада дифтеритических наслоений всасываются в кровь и отравляют весь организм. Смерть наступает при полном упадке сил от паралича сердца, весьма часто встречающегося при дифтерии.

Дифтерия – болезнь весьма грозная и опасная: благодаря своей высокой заразительности она часто принимает поистине ужасающие размеры, и нередко в течение немногих дней вымирают все дети боль-

ших, многолюдных семейств. Дети бедного класса заболевают чаще и мрут больше, но дифтерия не щадит и богатых, поставленных в весьма удовлетворительные гигиенические условия».

Ил.2. Аннотация исследования А.Ф. Умиссы по изучению эпидемии дифтерита в Ставропольской губернии в 1879 – 1880 гг.

О борьбе с дифтерией много писали; среди публикаций были и такие капитальные, как книга о дифтерии у ближайших соседей Баталпашинского отдела Кубанской области – Новогригорьевского и Александровского уездов Ставропольской губернии [4], с описанием «повсеместного, поистине бешеного свирепствования дифтерийных эпидемий и повсеместной отчаянной, но бесплодной в громадном большинстве случаев борьбы с ними». Не вдаваясь в подробности, приведем итоговые цифры: дифтерией у соседей заболело за зиму 2117 человек (0,84% населения двух уездов Ставропольской губернии), из них 1096 умерло (51,7% числа заболевших).

Так, бесспорно, случилось бы и в Баталпашинском отделе 16 лет спустя, не окажись там И.Д.Просвирин с противодифтерийной сывороткой (ПДС). На вышеописанном мрачном фоне медицинской статистики, его результаты стали настоящим лучом света. Из 43 больных, получивших ПДС, умерло только 6, причем во всех этих случаях впрыскивания пришлось начать слишком поздно – на 4 – 6-й день болезни. 15 детей с дифтерией в тех же семьях лечил лишь фельдшер традиционными средствами, и 13 (!) из них умерли. Из 10 детей, живших под одной крышей с больными, к приезду врача еще оставшихся здоровыми, получили профилактическую дозу сыворотки – в итоге из них заболел всего один, да и тот быстро выздоровел.

В станице Невинномысской (11 – 30 декабря 1895 г.) из 8 пролеченных Просвириным больных выздоровело 7, в селении Казьминском (20 января – 1 февраля 1896 г.) – 10 из 11, а в станице Отрадной (7 февраля – 3 марта того же года) результат был стопроцентный – 10 выживших из 10 получивших лечебную дозу ПДС!

Однако в Отрадной случился и огорчивший врача казус: заболевшая дифтерией девочка так и не получила инъекции ПДС – кто-то из взрослых сказал ей, что-де доктор заколет насмерть. «При моем появлении, – писал И.Д.Просвирин, – больная 5 лет вся так трепетала от страха, что впрыскивание было невозможно произвести». Исход оказался, понятное дело, летальным.

Даже неудача, постигшая борца с дифтерией в селении Богословском (3-15 января 1896 г.), лежавшем в стороне от основного маршрута, была лишь относительной: здесь умерли, несмотря на впрыскивания, 4 ребенка, но еще 4 выздоровели – обычная прежде пропорция. Тем не менее, пошли разговоры, что, мол, «раньше били скот (в 1892 г. в Кубанской области были волнения и даже бунты при избиении чумного скота), а теперь принялись за людей», и жители стали настолько косо смотреть на лечение и дезинфекцию, что И. Д. Просвирин уехал в Казьминское: он не забыл недавнюю эпидемию холеры, когда жертвами «разрушительных инстинктов разъяренной и невежественной народной толпы» пали несколько медиков.

Но как в руках у И.Д.Просвирина оказалась ПДС, совершившая прорыв в

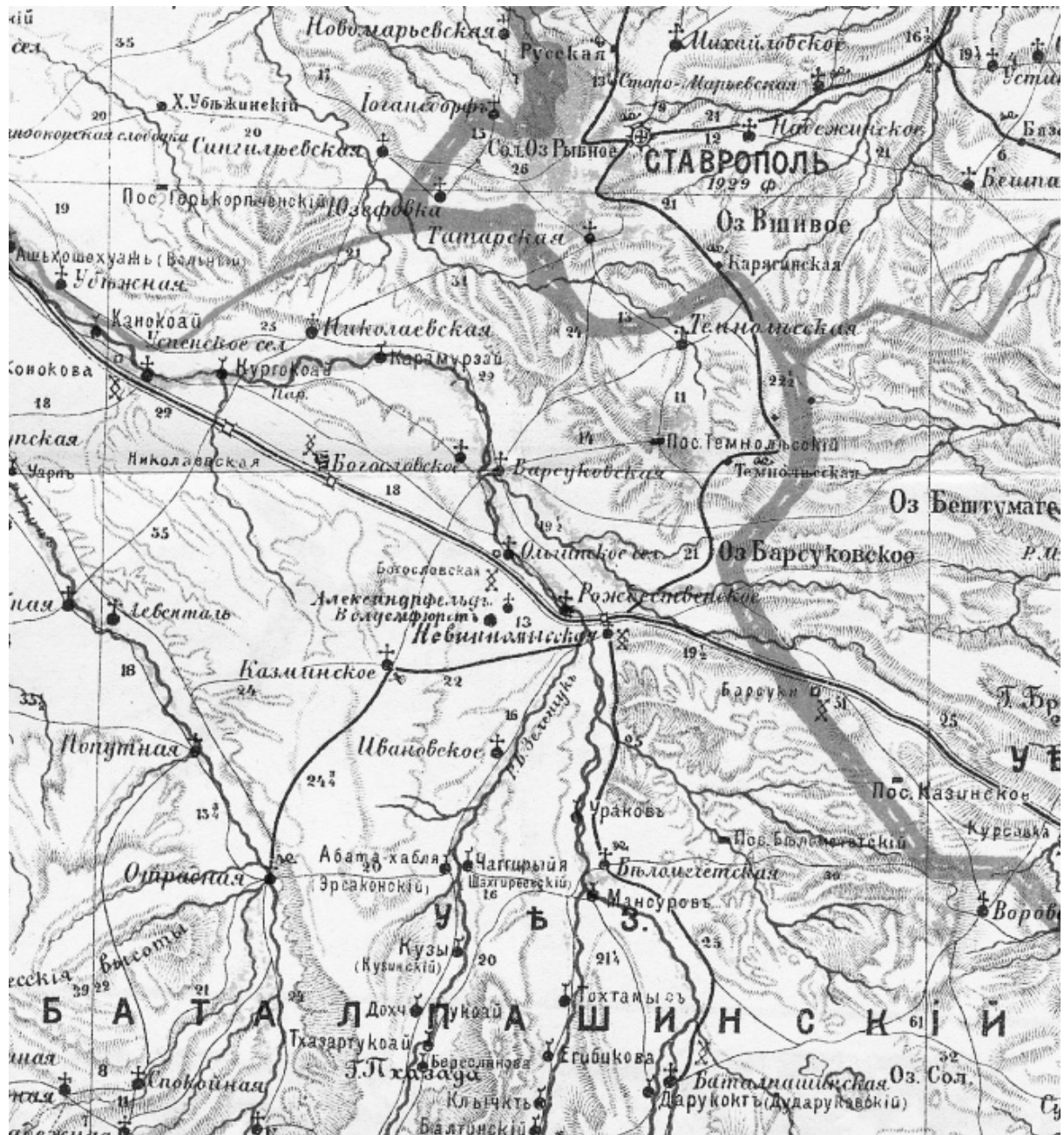
борьбе с дифтерией? Ведь её массовое применение в Европе началось только в 1894 г.

ПДС была получена Эмилем Берингом (E.Behring) и с конца 1891 г. использовалась в ограниченных масштабах при лечении детей; спустя 10 лет немца наградили за это первой Нобелевской премией по медицине. Были отработаны технологии выращивания культуры возбудителя дифтерии (открытого в 1884 г. Ф.Леффлером) и выделения из неё токсина, но для промышленного получения сыворотки требовались десятки литров крови. В итоге стали иммунизировать токсином лошадей, у которых кровь забирали литрами, и мощность производства оценивалась тогда в... лошадях.

С начала 1894 г. развернулся массовый выпуск ПДС в Германии (под маркой Э.Беринга её производили фабрики Шеринга в Берлине – 74 лошади, а также Луциуса и Брюнинга в Хехсте – 72 лошади) и во Франции, в Институте Пастера, в Париже, производство организовал Эмиль Ру (Roux) – 125 лошадей [5].

Во второй половине 1894 г. антидифтерийную сыворотку стали ввозить в Россию и лечить дифтерию. В Петербурге её применял К.А.Раухфус, в Москве – Н.Ф.Филатов. О первых случаях применения ПДС в Харькове было сообщено на заседании Харьковского медицинского общества (ХМО) 21.01.1895 г. Столичный Институт экспериментальной медицины (ИЭМ), где работы по серотерапии дифтерии возглавил С.К.Дзержговский, ввозили сыворотку Behring, в Москву (Г.Н. Габричевский) и Харьков (В.К. Высокович) – ПДС Roux.

В конце 1894 г. импортная сыворотка пришла и в провинцию, о чём свидетельствует статья В.В. Краснова [6]. Её автор военный врач Владимир Васильевич Краснов проводил отпуск в Царицыне, где в декабре и январе свирепствовала эпидемия, и принял участие в лечении дифтерийных больных с применением немецкой ПДС, небольшой партией поступившей в этот крупный и богатый торговый центр из ИЭМ. В статье В.В.Краснова приведены истории болезни 14 детей, леченных сывороткой; из них выздоровело 11. В то же время из 14 других больных дифтерией, получавших только старые средства, выжило только семеро.

Ил. 3. Территория распространения дифтерии в 1895 / 1896 гг.

Убедившись в эффективности ПДС и решив не довольствоваться ролью торговых посредников, русские ученые-медики уже в 1895 г. развернули собственное производство дифтерийного антитоксина в Петербурге, Москве и Харькове. Заметим, что столь быстрое внедрение важнейшей медицинской инновации не вписывается в базовую концепцию советской истории об отсталости отечественной науки и технологий

при монархическом режиме.

Институт экспериментальной медицины – детище принца А.П. Ольденбургского – имел привилегированные условия, и уже в 1895 г. у С.К.Держговского давала сыворотку 41 лошади (у Г.Н.Габричевского – 16). Более наглядно демонстрирует работу частной инициативы хроника событий в Харькове [7].

Здесь уже существовала бактериологическая станция, производившая антирабическую вакцину. На экстренном заседа-

нии ХМО 20.10.1894 г. был доложен бизнес-проект создания Антидифтерийного института (АДИ) на 100 лошадей, призванного обеспечить антитоксином весь юг России, наиболее поражаемый дифтерией, и сделать лечение ПДС народным, общедоступным. Инвестиционная емкость проекта – 100 тыс. руб.; на бюджетные деньги не рассчитывали – упор делался на привлечение средств потенциальных заказчиков (запросы от некоторых уже поступили) и на собственные средства.

Вскоре ряд земств и городов стали соучредителями АДИ: Екатеринославская губернская земская управа внесла единовременно 8000 руб.; при ежегодном взносе в 1200 руб. она должна была получать 75 л сыворотки. Ставропольской губернии за первоначальный взнос 5000 руб. и ежегодный 500 руб. причиталось 100 л ПДС по цене 1 коп за 1 мл. Учредителями были также города Екатеринослав и Таганрог: за единовременный взнос 1000 руб. и ежегодный 150 руб. они получали по 25 л сыворотки по той же льготной цене.

Некоторые организации и частные лица вошли в бизнес как абоненты: внося вперед годовую плату, они получали ПДС по цене 1 руб. за 10 мл (в свободной продаже харьковская сыворотка стоила 1 руб. 25 коп.). Среди них были управления Курско-Харьковско-Азовской, Харьковско - Николаевской, Екатерининской и Владикавказской железных дорог, Владикавказская городская управа и даже провизор М. Файнгольд – владелец аптеки с химико - бактериологической лабораторией в Ростове-на-Дону. Правда, Кубанской области среди первых учредителей и абонентов не оказалось.

На привлеченные средства в 1894 г. были куплены первые 3 лошади, снято помещение для них и начата иммунизация. В начале 1895 г. АДИ уже имел сыворотку своего приготовления; в марте отпечатали «Наставление к употреблению ПДС», а в мае продукция пошла к потребителю.

До конца года отправили около 9 тыс. доз по 10 мл: 4306 собственного изготовления и 4618 – французского (сыворотки Roux было куплено на 5986 руб., а продано на 6927 руб.: перепродажа дала прибыль почти 1000 руб.). Учредителям и абонентам пошло 2900 флаконов, 6107 – в свобод-

ную продажу, но запросы на 4500 доз остались не удовлетворенными: французы задерживали поставки, и спрос обгонял предложение (мечта любого бизнесмена!).

Поэтому харьковчане интенсивно расширяли свое производство: за 1895 г. число лошадей было доведено до 20 (хотя они погибали от эксплуатации); во Франции закупили партию технологического оборудования, строили новые здания, приобретали земельные участки. В 1896 г. АДИ произвел 30355 флаконов, в 1897 г. – 60159, и т. д. Нужда в импорте отпала. Росла и выручка: 1895 г. – 10,2 тыс. руб.; 1896 г. – 20,5 тыс. руб.; 1897 г. – 39,9 тыс. руб.; 1898 г. – 47,4 тыс. руб.; в новом столетии счет пошел на сотни тысяч флаконов и рублей.

Поначалу Ставропольская губерния покупала у ХМО больше флаконов ПДС, чем Кубанская (в 1897 г. – 1506 и 245; в 1898 г. – 1421 и 518; в 1899 г. – 1820 и 663), однако затем кубанцы обошли соседей (в 1900 г. Ставрополье купило 1022 флакона, Кубань – 1172; в 1901 г. – 892 и 1853; всего по 1911 г. Кубань приобрела в Харькове 108530 доз, Ставрополье – 61081).

И.Д.Просвирин использовал еще по большей части импортную сыворотку (29 флаконов ПДС Behring, 7 флаконов от Roux), но в его распоряжении уже были и препараты отечественного производства: пять флаконов сыворотки ИЭМ и два – ХМО. По эффективности все они не отличались друг от друга – ПДС любого производителя одинаково благоприятно влияла на исход болезни, если впрыскивалась не слишком поздно: «Сыворотка, примененная вовремя и в достаточной дозе, действует благотворно: температура на другой или на третий день обязательно понижается; общее самочувствие улучшается; ребенок становится спокойнее и веселее; пленки более не развиваются, а отпадают через 3 – 5 дней. Уверен, что при упрочении показаний к ее применению и точной дозировке она поможет нам в значительной степени сократить опустошительное действие дифтерии».

Пророчество И.Д.Просвирова исполнилось очень скоро: уже в начале XX ст. средняя смертность от дифтерии упала до 12 – 15%, то есть в 3 – 4 раза. Но он был прав и когда предупреждал: поскольку наибольшее спасительное действие ПДС оказывает в первые 3 дня болезни, приме-

нение ее будет иметь наибольший успех в интеллигентной среде, рано обращающейся к врачебной помощи. В среде же простонародной дифтерия не потеряет своего грозного значения, доколе там не станут относиться к этой болезни с полным сознанием.

Будучи далеко не первой публикацией о применении ПДС в стране, статья И.Д.Просвирина стала первой (во всяком случае, в центральных журналах) для Кубани, где научные работы о дифтерии тогда писали крайне неохотно. Так, в книге А.Ф.Умиссы 13 страниц занимал список литературы о борьбе с дифтерией в губерниях России – но не в Кубанской области.

Но кто поручил Просвирину провести первую прививочную кампанию против дифтерии в станицах Баталпашинского отдела? Где он обучился производству прививок, от кого получил ПДС и кто за неё заплатил?

Иван Денисович, хирург по образованию, ни до, ни после того не имел касательства к эпидемиологии и бактериологии. Мы выяснили, что Просвирин не учился ни в Петербурге, ни Харькове; он не приезжал, как другие иногородние врачи, на бактериологические курсы при ХМО (где побывал в 1892 г. А.А.Крикливый, старший врач того же Баталпашинского отдела, затем заведовавший первым на Кубани Холмским лепрозорием) – то есть, вряд ли имел личные связи в городах, откуда ему приходила сыворотка. В освоении прививок дифтерийного антитоксина врачу 5-го пластунского батальона не могли помочь на бактериологических станциях медицинских Обществ в Ставрополе (открыта в 1885 г.), и в Екатеринодаре (открыта в 1893 г.): здесь занимались выявлением возбудителей инфекционных болезней в воде, пище и, как тогда писали, в извержениях больных, а не специфической серотерапией, о которой знали главным образом понаслышке. Даже в Тифлисе, где работала Военно-медицинская лаборатория Кавказского военного округа, только изучали свойства возбудителя дифтерии [8].

Скорее всего, И.Д.Просвирин пользовался, помимо вложенного в упаковки с ПДС «Наставления», богатым набором публикаций в «Военно-медицинском журнале», оперативно дававших адекватное представление о происходившем за рубе-

жом по этой остро актуальной теме; плюс к тому – в начале 1895 г. в виде приложения была переведена и издана книга Т.Эшериха (имя которого получила кишечная палочка) «Дифтерия, круп и серотерапия» объемом почти в 200 страниц. Кстати, в вышеупомянутой статье В.В.Краснова, работавшего ближе к университетским центрам России, были очень подробно описаны как методика прививок ПДС, так и самые недавние достижения зарубежных корифеев медицины. Снова заметим: такая скорость подачи информации не вяжется с устоявшимся представлением о косности чиновничьего аппарата при царизме, тормозившем внедрение инноваций.

Кубанский врач получил 34 флакона ПДС из Петербурга и 9 из Харькова, по-видимому, по железной дороге. Сыворотка требовала хранения на холоде, так что зима была оптимальна для прививок еще и по этим соображениям. На борьбу с эпидемией в Баталпашинский отдел И.Д.Просвирин могло бросить командование, сидевшее в Екатеринодаре или в Тифлисе. Иван Денисович мог заняться этим и по личной инициативе, получив отпуск. В любом случае, он спас тогда несколько десятков детских жизней. Но ответ на вопрос, кто организовал ту прививочную кампанию, привлек Просвирину, дал ему сыворотку, надо искать, вероятно, в архивах.

Цель этого сообщения состоит в том, чтобы привлечь внимание историков-профессионалов и краеведов к небольшому, но важному эпизоду из истории медицины на Кубани. Описанный эпизод интересен тем, что факт успешного лечения дифтерии у детей в кубанской глубинке новейшим средством, которое менее двух лет как было внедрено в Западной Европе, опровергает распространенный тезис о плохом состоянии медицины в России и о полном равнодушии официальных властей к высокой детской смертности от инфекций.

Примечания:

1. *Просвирин И.Д.* Результаты лечения дифтерии подкожными впрыскиваниями противодифтерийной сыворотки в населении Баталпашинского отдела Кубанской области // Военно-медицинский журнал. 1896. Часть 187. №10 (октябрь). С.619 – 642.

2. Семенцов М.В. Материалы по историческому природопользованию кубанских казаков (II половина XIX - начало XX в.) // Кубанский сборник. 2008. Т.3. Часть I (<http://www.gipanis.ru/?level=1304&type=page&lid=1299>).

3. Умисса А.Ф., Ушаков Н.Н. О дифтерите или злокачественной (гнилой) жабе. Тифлис, 1879. – 39 с.

4. Умисса А.Ф. Материалы к исследованию эпидемий дифтерита в Ставропольской губернии. Эпидемия дифтерита в Южном санитарном отделе (Новогригорьевском и Александровском уездах) Ставропольской губернии в 1879 – 1880 г. Тифлис, 1881. – 150 с.

5. Высокович В.К. Краткий отчет о заграничной командировке летом 1895 г. по поручению Харьковского медицинского общества // Труды Харьковского медицинского общества. 1896. Вып. 2. С.293 – 302; Недригайлов В.И. Отчет Харьковскому медицинскому обществу о заграничной командировке летом 1896 г. // Там же. С.319 – 342.

6. Краснов В.В. О лечении дифтерии противодифтерийною кровяною сывороткою профессора Behringa // Военно-медицинский журнал. 1895. Часть 183. №5 (май). С.122 – 158.

7. Недригайлов В.И. Бактериологический институт Харьковского медицинского общества // Харьковское медицинское общество (1861 – 1911 гг.). Очерки его пятидесятилетней деятельности. Харьков, 1913. С.348 – 390; Недригайлов В.И. Отчет по Антидифтерийному институту и лаборатории Бактериологической станции // Отчет о деятельности Харьковского медицинского общества за 1895 г. Харьков, 1896. С.65 – 71.

8. Головкин А.И. К вопросу о жизнеспособности на различных тканях дифтерийной палочки Klebs-Löffler'a // Военно-медицинский журнал. 1895. Часть 184. №9 (сентябрь). С.1 – 11.

С.В. Телень

Кубанские казаки в Польше в XIX в.: проблемы межэтнического и межкультурного диалога

Отношения между Россией и Польшей являются одной из неизменно актуальных тем историко-культурных исследований как отечественных, так и польских историков. Намного менее изучены отношения между представителями различных групп кавказского населения и, собственно,

поляками. Между тем представляется вполне очевидным деятельное участие, в частности, казаков Кубани в военно-политических событиях Польши на протяжении главным образом XIX в. Присутствие казаков здесь определялось интересами польской политики Российской империи. Иначе говоря, кубанцы действовали здесь, будучи включенными в систему военно-политических мер русского правительства. В качестве элемента военной силы России казаки Кубани принимают участие в ряде акций, направленных против польских повстанцев, главным образом местной шляхты – этого основного субъекта политической истории Польши в указанный период.

Как известно, главной целью мятежной польской шляхты было восстановление государственности Речи Посполитой. Соответственно, действия черноморцев и линейцев объективно способствовали ликвидации польской государственности, сдерживанию темпов ее восстановления. Это обстоятельство не снимается фактом участия черноморцев в защите таможенной самостоятельности Королевства Польского в 1819 – 1830 гг.[1] Казаки Кубани задействовались русским правительством против польского повстанческого движения: до 1832 г., главным образом в ходе инициированных его лидерами внешних войн, а затем посредством участия в пацификаторских действиях.

Вновь мероприятия по сдерживанию сепаратистских сил Польши принимают у кубанцев характер внешней войны лишь в 1914 – 1916 гг., когда наметился еще больший, чем когда бы то ни было отрыв польского повстанческого движения от социально-политической организации Царства Польского.

Таким образом, функции казаков Кубани в отношении Польши указанного периода были в разное время военными, полицейскими, но всегда политически окрашенными. В отношении же России данные функции черноморцев, линейцев, собственно кубанцев, означали участие казаков в защите национальных интересов Отечества, так как польские политические деятели в своих неперенных чаяниях восстановления Речи Посполитой «от моря до моря» (т.е. в границах 1772 г.) [2] создавали по-

стоянную угрозу единству восточного славянства, объединенного Российской империей.

В ходе реализации указанных функций казаки Кубани вступали в разнообразные отношения с населением Польши и западных губерний. Начальный этап взаимоотношений приходится на то время, когда казаки (черноморцы) еще не успели растерять стереотипы восприятия Польши и поляков, сложившиеся у украинских выходцев до переселения на Кубань. Отсюда дифференцированность во взаимоотношениях черноморцев конца XVIII в. с представителями различных групп польского общества. Однако и в этом случае наблюдается постепенная эволюция отношений. К 1830 г. Черноморцы в Королевстве Польском уже ничем не напоминают участников польского похода 1795 г., ущемлявших евреев и шляхту, хотя и весьма лояльно относившихся к крестьянам [3].

Другую картину мы наблюдаем в 1831 г. у линейцев. Их появление на арене польской политической истории сопровождалось действиями в отношении шляхты и евреев, напугавшей инсургентов своей «жестокостью» [4]. Причиной было отсутствие у линейных казаков опыта тесного общения с европейским населением при наличии опыта взаимоотношений с горцами и степняками. Но и здесь мы видим, как с течением времени линейные казаки постепенно «цивилизуются» под влиянием европейских условий. В ходе ликвидации волнений первой половины 60-х XIX в. Кубанский дивизион не проявляет в отношении польского населения никакой агрессивности. Более того, сближение с населением Польши зашло так далеко, что позволило обеспечить поддержку повстанцев 1863 года некоторыми казаками дивизиона.

Еще более позитивно окрашенными становятся взаимоотношения кубанцев и поляков в период Первой мировой войны. В это время со стороны казаков не только не наблюдается мародерства, но более того, в источниках появляются восторженные отзывы со стороны мирных жителей Привисленского края в адрес казаков [5]. Причина – нормализация взаимоотношений кубанцев с обывателями, интеграция как тех, так и других в единое социальное пространство Российской империи.

Можно предположить, что на протяжении периода от конца XVIII и до начала XX в. включительно наблюдается постепенное сближение казаков Кубани и мирных жителей Царства Польского, чему, как выясняется, умирительные функции кубанцев в отношении польского повстанческого движения польской шляхты препятствовали не всегда, и даже чем дальше, тем менее.

Данный характер взаимоотношений с национальным движением и населением Польши обеспечивал известное факторное влияние казаков Кубани на процессы внутренней политической жизни Польши. Однако долгое время оно осуществлялось лишь в контексте общего факторного влияния России на внутренние процессы Польши. И лишь в период Первой мировой войны ситуация существенно меняется. Этому способствовало сочетание объективных и субъективных обстоятельств. В числе первых – расширение масштабов участия кубанских казаков в военных действиях; вторые – это то, что немногочисленные, в принципе, польские формирования в составе австрийских войск оказались в ходе боев сражающимися против кубанцев. По нашей версии, именно благодаря тому, что кубанские части в конце 1914 – начале 1915 г. разбили 2-ю польскую бригаду [6], возросло военное, а значит и политическое влияние 1-й бригады Ю.Пилсудского, что предопределило приход к власти этого националистического деятеля и политических сил, им представлявшихся.

Если брать в целом, направление факторного влияния, оказанного действиями казаков Кубани на внутренние процессы в Польше, определялось польской политикой России (поскольку ее агентами были кубанцы), а интенсивность данного воздействия степенью (масштабом) участия казаков в военно-политических мероприятиях в отношении Польши.

Деятельность казаков Кубани в рамках польского исторического пространства имела и обратное воздействие на самих казаков. У них отмечается постепенное изживание неконструктивных форм взаимоотношений с местным населением, а в некоторых случаях – и с властями Королевства Польского. С другой стороны, практика «выкомандирования» казачьих частей на внешнюю службу в Польшу способствова-

ла, особенно на ранних этапах (в конце XVIII – первой трети XIX в.), приданию строевым частям казаков Кубани более регулярного характера и облика, «цивилизации» самих казаков. Наконец, специфические условия служебной деятельности «Варшавского дивизиона» способствовали формированию у кубанцев еще одной фактически гвардейской части [7], делавшей кубанских казаков более приметной категорией как в глазах властей Российской империи, так и польского населения.

Итак, мы должны сделать общий вывод об определенной значимости как для кубанской, так и для польской истории участия казаков Кубани в событиях Польши конца XVIII – начала XX в. При всей неоднозначности польско-кубанских исторических контактов, сопровождавшихся на протяжении более чем столетия вооруженными столкновениями, можно уверенно говорить, что данные контакты в ряде случаев имели характер межэтнического и межкультурного диалога, серьезно сказавшегося не только на истории всего кубанского казачества, но также и Польши.

Примечания:

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф.249. Оп.1. Д.746. Л.1 и об. – 2.
2. Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т.3. С.157.
3. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.311 (Т.1). Л.242 – 243об.
4. [A.Z.] *Wojna na Litwie w roku 1831*. Kraków, 1913. S.18.
5. *Glinka W.* Pamiętnik z wielkiej wojny. Narew-Berezyna. W., 1922. S.13 – 18.
6. *Holzer J., Molenda J.* Polska w pierwszej wojnie światowej. W., 1973. S.104.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собр.2. Т.XXXV (1860 г.). СПб., 1862. Ст.3627.

иерей Владимир Бондаренко

По страницам летописи Екатерино-Лебяжской Свято-Николаевской пустыни

Первым казачьим монастырем на Кубани стала основанная не ранее 1794 года

Екатерино-Лебяжская Свято-Николаевская пустынь. В XX веке обитель разделила горькую судьбу большинства российских монастырей: в 20-е годы она была разрушена, а ее насельники изгнаны или уничтожены. В настоящее время монастырь начал восстанавливаться, и тем ценнее становятся летописные своды о жизни пустыни в дореволюционное время.

Материалы для представленной главы черпались из статей, подписанных архимандритом Самуилом (Сардовским), настоятелем этого монастыря в с 1870 по 1783 годы, и Алексеем Воскресенским. Первый писал ее в 1878 году, а второй в 1909. Оригинальных архивных материалов по интересующей нас теме в Ставропольском и Краснодарском архивах за этот период не сохранилось.

Кубанское казачье войско явилось преемником Запорожского войска, прославленного в веках своими ратными подвигами на страже рубежей Родины. Казаки отличались своей любовью и преданностью Православной вере. Ведя брань с видимым врагом, они не забывали и о невидимом. Отважные воины, усердные в бою, были не менее усердны в молитве. С ней на устах они шли в бой, ею заканчивали победное сражение, благодаря Творца за помощь в одолении разбойников и поработителей. Эти воины воплотили в себе православный идеал защитника Народа и Веры. Не могли они не любить и равноангельское служение Богу – монашество. Как следствие такой любви к монашеству, явилось горячее желание видеть в этом образе своих престарелых собратьев, в особенности одиноких. Вот так и появилась первая казачья обитель в Запорожской сечи – колыбели свободного, храброго и верного сына отчизны – Межигорский Николаевский монастырь, в котором принимали на себя иноческие подвиги старые сечевики. Монастырь этот после расформирования Сечи в 1786 году был закрыт. В 1787 году было создано «Войско Верных Запорожцев», ставшее впоследствии Черноморским казачьим войском, а в 1792 году им на вечное пользование была пожалована Кубань. В очередной раз, доказывая свою любовь к Богу, не успев еще толком обжиться на новой земле, казаки задумывают постройку монастыря вместо Межигорского. Видимо, казаки не мыслили

войско без монастыря: как тело живо, пока в нем есть душа, так и войско существовало, пока существовал монастырь.

Для обители был избран остров, омываемый водами лебяжьего лимана, куда впадают две реки – Бейсуг и Бейсужек. В длину остров простирается чуть больше километра, а в ширину – чуть меньше километра. Интересно описание этой местности, составленное настоятелем этого монастыря архимандритом Самуилом (Сардовским): «Окрестности его совершенно пустыньны: здесь, кроме густорастущих камышей, не имеется никаких других растений, а потому это место очень удобно для помещения отшельников и духовных подвижников. При уединенности, местность эта лишена и многих других удобств для мирных жителей: так, здесь по временам ощущается недостаток в пресной воде, и для питья и кушания употребляется дождевая вода, собираемая с кровель, а при бездождей подспорьем служат запасы льду, из коего оттаивается вода. Здесь же в летнее время кишат мириады мошек и комаров. При все том, местность эта представляет и выгодную сторону для питания монашествующих по обилию в лимане рыбы (судака, сазана, леща и др.). В лимане прежде водилось множество лебедей, вследствие чего он и называется Лебяжьим, ибо теперь их можно видеть весьма редко» [1]. Стало ясно, откуда у обители появилось такое редкое и поэтическое название – «лебяжья», или «лебяжская».

Казачи обратились с просьбой к императрице об учреждении на этом острове монастыря. И вот, указом Екатерины II от 24 июля 1794 г. был основан монастырь, «согласно положению о Саровской пустыни», а это значило, что штат насельников «Лебяжской пустыни» и устав ее должны были соответствовать штату и уставу Саровской пустыни. В самой же Саровской пустыни в этом же году еще никому не известный иеромонах Серафим ушел в лес, где стал жить в келии в пяти километрах от монастыря, умножая свои иноческие подвиги, а в это время первые иноки на Кубанской земле устраивали новую обитель среди камыша, мошек и комаров. Так промысл Божий связал две обители незримыми духовными узами. Святейший синод 7 августа 1794 г. своим указом предписал устроить

церковь с колокольной и келиями на 30 человек монашествующих и 10 больничных коек. Было разрешено устроить и больничный храм. Поскольку войско видело в указе императрицы особую монаршую милость, то и решено было назвать пустынь по имени небесной покровительницы императрицы – святой великомученицы Екатерины, и в память же о Межигорском монастыре – Николаевской пустыню.

На основание обители казаки выделили из казачьих воинских источников тридцать тысяч рублей ассигнациями. История сохранила и имена первых ктиторов¹ святой обители: это были «незабвенные для черноморского казачьяго войска войсковой атаман, генерал-майор Захарий Яковлевич Чепига и знаменитый ходатай за войско пред лицом императрицы, войсковой судья, бригадир Антон Андреевич Головатый. Ими испрошено Высочайшее повеление на устройство пустыни, по их содействию совершилось это дело, и по их же указанию отпущено войсковых денег 30 000 рублей» [2]. В то же время собрали добровольных пожертвований от своих же казаков десять тысяч рублей, и двадцать тысяч голландскими червонцами.

Итак, возникновение Екатерино-Лебяжской Николаевской пустыни тесно связано с казачьим Межигорским монастырем и переселением казаков на Кубань. По замыслу, Екатерино-Лебяжская пустынь должна была стать преемницей Свято-Никольского Межигорского монастыря, как об этом свидетельствует архимандрит Самуил (Сардовский), первым предпринявший попытку исторического описания обители.

Численность, состав обитателей монастыря и их нравственное состояние. Первые послушники, в количестве двадцати человек, были казаками Черноморского казачьего войска. Настоятелем обители стал иеромонах Феофан², исполнявший до этого

¹ *Ктитор* — в Византии и на Руси лицо, построившее на свои средства православный храм или сменившее его внутреннее убранство. К. приобрели право распоряжаться частью доходов от храма и даже передавать это право по наследству. С XVII—XVIII вв. ктиторами стали называть церковных старост, в обязанности которых входили сбор средств для церкви, забота о ее благоустройстве и др.

² Фамилии некоторых настоятелей монастыря в документах не сохранились.

послушание начальника в самарском Николаевском монастыре. На казачьей раде казаки решили попросить его у Екатеринославского викария – преосвященного Иова, епископа Феодосийского. По указу Святейшего синода от 24 ноября 1795 года, иеромонах Феофан был возведен в сан архимандрита тем же епископом Иовом. Было ему тогда 57 лет. К месту своего служения архимандрит Феофан прибыл в начале 1796 года, взяв с собой из самарского Николаевского монастыря одного иеромонаха и одного иеродиакона.

Архимандрит Иннокентий. Настоятель в 1838 – 1840 гг. В архивах сохранилась ведомость о числе братии монастыря во время его настоятельства:

	Положено по штату	В наличии
Итого	41	59

Нужно заметить, что к тому времени в монастырь отправляли по приговору церковного суда провинившихся лиц духовного звания, что, как справедливо замечает архимандрит Самуил, оказало свое разлагающее действие на братию.

Спустя 5 лет после этой ведомости о количестве насельников монастыря, вновь встречаем подобную ведомость за 1844 год:

	По штату	В наличии
Итого	41	57

В монастыре появились схимонахи и рясофорные послушники. Монастырь укреплялся, а появление схимонахов свидетельствует о том, что монастырская духовная жизнь идет правильным путем.

Спустя 18 лет после последней известной нам ведомости читаем:

	По штату	В наличии
Итого	41	30

В сравнении с 1844 годом видно, что количество братии с 57 человек уменьшилось до 30, это почти в два раза за 18 лет! Период упадка пустыни был заметен, к сожалению, не только в количестве насельников.

После отъезда архимандрита Никона в Киево-Печерскую Лавру, обязанности настоятеля исполнял белый священник протоиерей Димитрий Иванович Гремяченский, который приложил немало усилий в деле нравственного воспитания братии, и через год передал дела архимандриту Амвросию.

Хозяйственная деятельность и материальное положение монастыря.

Первые послушники поселились в шалашах, сооруженных, по-видимому, из камыша, которого было в изобилии. Там же в шалашах зазвучали и первые молитвенные правила.

Получив деньги от казаков, архимандрит Феофан начал строительство «без плана и технического руководства» – «счастливым дарованиями в деле строительства», как об этом повествует архим. Самуил.

Первой монастырской постройкой был деревянный храм с колокольной в честь святой великомученицы Екатерины высотой в 35,5 аршин. Сооружена и освящена была церковь за один год. После окончания строительства храма, архимандрит Феофан взялся за постройку братских корпусов и настоятельских покоев, постройку которых завершил за 3 года. В это же время вся обитель была окружена деревянным забором.

Положив начало обители, архимандрит Феофан в возрасте 63 лет по болезни и немощи удалился в 1801 году обратно в самарскую Николаевскую пустынь. Оставшуюся сумму в 10486 руб. он передал поставленному от войска эконому, капитану Эрку.

Не все последующие настоятели этого монастыря потрудились в равной степени плодотворно или достойно. Но все же большинство из них заслуживает самых теплых слов молитвенной благодарности от потомков.

Третьим настоятелем (с 1802 по 1816 гг.) стал архимандрит Товия (Трубачевский). В его настоятельство был построен храм в честь святителя Николая Чудотворца. Задумав строительство каменного храма, настоятель обратился с просьбой к войсковому начальству, чтобы оно послало в Киево-Печерскую Лавру людей, способных скопировать план главного Лаврского собора. Что и было исполнено. Средства в раз-

мере 3000 руб. на начало строительства были отпущены, конечно же, из войсковой казны. Также, войсковое начальство выдало архимандриту Товии «просительную книгу» для сбора пожертвований, с которой настоятель сам объезжал казачьи станицы, принимая обильные подаяния от казаков.

Каменный храм был не случайно задуман из кирпича. Кроме явных его преимуществ по степени прочности, был еще один аргумент в его пользу. Дело в том, что деревянные постройки, дешевые в центральной лесной России, были не такими уж дешевыми на менее лесистом юге, куда строительная древесина доставлялась по речным артериям из богатых лесом регионов. Вот и задумал настоятель для нужд монастыря соорудить кирпичный завод.

Для осуществления задуманного он отправился в Новочеркасск, пригласив от туда мастеров. В 1803 году был заложен 4-х престольный храм в честь святителя и чудотворца Николая. Правый его придел был определен в честь Рождества Пресвятой Богородицы, левый в честь Александра Невского, и на хорах – в честь Преображения Господня. Ввиду прочности постройки, строители давали годы на осадку здания, вследствие чего строительство окончательно было завершено в 1816 году.

Описание храма поражает воображение: его украшали 9 больших куполов, 4 малых. Длина церкви была 17 сажень³, без колокольни; в ширину 11,5 сажень; в высоту 15,5 сажень. Окон в церкви было 127 [3].

В том же году, по благословению архиепископа Новочеркасского Афанасия, храм был освящен самим настоятелем. Этот ревностный монах старался быть примером для братии. Первый в трудах и молитве, он снискал себе уважение братии и богомольцев. Сохранились свидетельства о том, что настоятель с лопатой в руках заходил по колена в лиман и выбрасывал на берег необходимый для строительства песок; или же сам носил камни на стены храма.

³ Сажень – дореволюционная единица измерения расстояния. В XVII в. основной мерой была казённая сажень, равная 2,16 м. С 11 октября 1835 года, согласно указанию Николая I «О системе российских мер и весов», длина сажени была приравнена к длине 7 английских футов, то есть ровно к 2,1336 м.

Следующим настоятелем, при котором заметно оживилась вся хозяйственная деятельность, и храмы украшались, стал архимандрит Никон (Конобеевский). Десять лет он управлял монастырем. Одним из самых острых вопросов, решенных этим настоятелем, стал пункт о землевладениях обители.

В июне 1857 года указом №6641 войсковое правительство согласно статье №383 «положения о межевании» (1847 г.) отводило монастырю 30 десятин земли. Хотя статья эта допускала выделение монастырям земель от 100 до 150 десятин. На основании этого, вскоре в рапорте на имя Епископа Кавказского и Черноморского Игнатия (Брянчанинова) архимандрит Никон пишет об ущемлении имущественных прав обители. Ссылаясь на указ императрицы Екатерины II, которая предписала содержать обитель за счет войска Черноморского, он сетует о том, что войсковое правительство, не выделявшее ежегодных сумм на содержание обители, теперь лишает ее и земель, необходимых для существования пустыни: из 150 десятин земли за обителью оставляют 30. Настоятель обеспокоен тем, что обитель, лишённая сенокосных, скотоводческих и хлебопашных угодий, не сможет прокормить положенных по штату 42 человека, не говоря об присылаемых по указу консистории подсудных священно- и церковнослужителей.

Святитель Игнатий, сам некогда отстаивавший земельные интересы вверенной ему пустыни, принял самое живое участие в разрешении насущной проблемы, о чем свидетельствует надпись на рапорте: «Канцелярии немедленно рассмотреть и доложить мне».

После отъезда архимандрита Никона в Киево-Печерскую Лавру, обязанности настоятеля исполнял белый священник протоиерей Димитрий Иванович Гремяченский, который немало потрудился для обители: при нем была закончена выплавка нового колокола из меди, выделенной кубанским войском по просьбе архимандрита Никона. Он приложил немало усилий в деле нравственного воспитания братии, и через год передал дела архимандриту Амвросию.

Через некоторое время управлял обителью человек, чье время настоятельства бытописатель Архимандрит Самуил харак-

теризует не иначе как периодом застоя. Архимандрит Доримедонт (Сичкарев) до назначения его в 1863 году настоятелем Екатерино-Лебяжской пустыни, успел побывать настоятелем еще в нескольких монастырях, причем не задерживался в них надолго. Он же и называет вероятную причину: «вся беда сложилась от неправильно усвоенного им понятия о своих правах в отношении к войсковым властям» [4]. Привыкший к безраздельной власти отец Доримедонт не мог смириться с наличием комитета при монастыре, где заседали два человека от войска. Он писал много бумаг на имя войсковых властей и требовал выделения значительной суммы на ремонт монастырских зданий; к своим требованиям он прилагал заключение технической комиссии. Начиналась долгая переписка по инстанциям, а настоятель, желая ускорить процесс, пересылал всё новые бумаги войсковым начальникам, чем раздражал их до крайней степени. В результате этой бумажной войны, взаимных притязаний и упреков, корнем которых была человеческая гордость, более всего страдала несчастная обитель. Эгоизм и властолюбие довели и без того аварийные сооружения до разрушения. Так, из-за сгнившей крыши рухнула трапезная церковь, от неосторожной топки сгорел настоятельский дом с теплой Покровской церковью, крыша собора протекала в верхних куполах. Архимандрит Самуил, опираясь на слова очевидцев, свидетельствует, что в то время монастырь совсем запустел и не располагал к себе добрых богомольцев.

По ходатайству преосвященного Феофилакта, епископа Кавказского, перед Святейшим синодом, настоятелем пустыни был назначен архимандрит Антоний, переведенный сюда из Кизлярского монастыря. Господь судил этому деятельному настоятелю недолго управлять обителью, как, впрочем, и жить. Началось его настоятельство с первых чисел февраля, а оборвалось 14 сентября 1870 года смертью от холеры. За семь месяцев своего управления он многое успел сделать. По его ходатайству войсковое правление выделило 5000 рублей на ремонт крыш и штукатурки соборного храма. Собрав достаточную сумму пожертвованиями, он восстановил обгоревший настоятельский корпус с Покровской цер-

ковью, переделал братскую кухню, пекарню, просфорню и трапезу. Все это он успел с мая по август перестроить и оштукатурить, покрасить железные крыши. В планах настоятеля была дальнейшая реконструкция ветхих и полуразрушившихся построек, но Господь призвал его к Себе.

Архимандрит Самуил (Сардовский). Этот настоятель был не только хорошим хозяйственным деятелем, но и талантливым писателем. Именно его труд мы не однократно цитировали выше. Он был первым, кто предпринял попытку написания истории обители. Несмотря на занятость хозяйственными делами, он находил время знакомиться с архивами монастыря. До него предпринимались попытки описания обители, но они писались по указу сверху и касались большей частью экономического состояния обители. Заканчивая перечислять настоятелей обители, он как бы от третьего лица называет и себя.

Промыслом Божиим он стал возродителем и восстановителем пустыни. Следуя стопами своего предшественника, он научился у него правилу общения с войсковым начальством на благо обители. Сохранился документ, датируемый ноябрем 1873 года, в котором настоятель испрашивает благословения правящего архиерея на постройку больничного корпуса и церкви на средства старшины Кубанского войска Дометия Федоровича Герко. Этот корпус должен был вмещать 20 человек больных – как монашествующих, так и казачьего звания. Отец Самуил сообщает и пожелания жертвователя о том, чтобы в больничном храме ежедневно совершалась ранняя заупокойная литургия, а затем в течение дня читалась «неусыпаемая псалтирь». По желанию благотворителя, больничную церковь с корпусом предполагалось построить, с сохранением имени в честь святой великомученицы Екатерины, на месте прежней трапезной церкви, которая по ветхости была разобрана.

Дометий Герко пообещал взять половину расходов по строительству на себя, а другую половину внести со временем, в случае, если раньше не найдется жертвователя на это благое дело. О том, что эта идея найдет поддержку в кубанском войске, отец Самуил не сомневается. Напоминая, что по просьбе казаков указом императрицы об

основании обители была разрешена такая постройка, которой суждено было начаться ровно 80 лет спустя, – летом 1874 года.

Приобретать лекарства предполагалось на средства пустыни; поступающие в больницу люди без документов могли находиться не более двух суток; для содержания больницы учреждалась особая кружка для пожертвований, опечатаваемая уполномоченным лицом от пустыни, в которую могли вносить пожертвования как простые богомольцы, так и родственники находящихся на лечении. На случай смерти больных пустынь брала на себя все расходы по погребению, возмещение которых ставилось в зависимость от усердия и возможности родственников. Для учета больных с историей болезни предлагалось завести особую книгу, в которой больные могли оставлять также свои отзывы и предложения. Женский пол в больницу не принимался, однако при острой необходимости страждущим давалось лекарство. Также в §14 устанавливалось правило служения Литургии по средам и пятницам, а также постоянное ежедневное чтение Псалтири. Согласно §15, в больницу не принимались бесноватые и умалишенные, а также «сбившиеся с рассудка от пьянства». Жертвователи могли взять на свое содержание одно или несколько больничных мест, после чего на кроватях прикреплялись таблички с указанием имени жертвователя, на деньги которого содержится это место. В §20 настоятель предлагал назвать больницу именем святой великомученицы Екатерины.

В проекте правил касательно богадельни, предлагалось принимать одиноких престарелых священно- и церковнослужителей, а также детей-сирот любого возраста и звания, но по преимуществу детей священно- и церковнослужителей, представители которых должны были предоставлять метрические свидетельства о рождении, удостоверение о бедности и круглом сиротстве, а также свидетельство о прививке от оспы.

Больничная церковь была освящена 12 сентября 1876 года архимандритом Самуилом в сослужении старших иеромонахов. При архимандрите Самуиле обитель достигла небывалого экономического развития. В архивах находим ведомость за 1879 год о банковских билетах, принадлежащих пустыни. Согласно этой ведомости,

по состоянию на январь 1879 года обитель владела банковскими билетами на сумму 99285 рублей! В пересчете на современные деньги это более ста миллионов рублей. Это при том, что до его настоятельства каких-нибудь девять лет назад в казне обители не находилось суммы в остатке более чем на тысячу рублей.

Мы исследуем прошлое для того, чтобы не повторять ошибок в настоящем и сделать лучше в будущем. Екатерино-Лебяжская пустынь словно полевой цветок, за время своего существования пережила и расцвет, и увядание. Безбожная рука пыталась выкорчевать ее из политой кровью казачьей земли, вырвать ее из народного сердца, выжечь саму память о ней. Но силен Бог Воскресший, воскресить былую святыню Кубанской земли.

13 июня 2012 года исполняющим обязанности настоятеля пустыни назначен архимандрит Трифон (Плотников). Опытный строитель и талантливый организатор, личным примером побуждающий пока не многочисленную братию к молитве и труду. Возрождение началось.

Примечания:

1. *Архимандрит Самуил*. Екатерино-Лебяжская Николаевская общежительная пустынь, Кубанской области // Ставропольские Епархиальные ведомости за 1878 год. С. 383.
2. Там же. С. 386.
3. Там же. С. 421.
4. Там же. С. 457.

О.А. Ложкина

«Нива Господня невозделанная, паства еще не образованная...» Особенности формирования духовного сословия в приходах Поурупья XIX – начала XX века

История христианства в регионе имеет своеобразный рисунок во времени. Начавшись еще в апостольское время, на заре христианства, достигнув расцвета тогда, когда Киевская Русь была еще молодым христианским государственным образованием, она затем на много веков внешне прекращается.

И вот начинается новая ступень развития. С конца XVIII века Кубань и большинство народов северокавказского региона Божиим Промыслом и государственной необходимостью, вновь становятся христианскими. Возникают новые поселения вдоль границ с горцами и внутри этой территории. И, естественно, сразу же в казачьих куренях, станицах, селах прихожане начинают строить церкви – зримое воплощение своей веры в Бога.

Казачи-черноморцы прибыли на Кубань без духовенства, и руководство Черноморского войска еще в конце XVIII – начале XIX в. добилось того, чтобы войсковые священники готовились из числа самих казаков. Сначала такая практика встретила недовольство со стороны епархиальных властей, но потом это стало системой. Кошевой атаман направлял кандидатов епархиальному владыке для испытания и посвящения. Духовенство из казачьей среды отличалось тем, что оставалось в казачьем сословии и получало землю наравне с другими казаками.

В середине века, в связи с интенсивным заселением Закубанского края, в течение нескольких лет возникали десятки новых станиц. Это привело к бурному развитию церковного строительства на Северном Кавказе. Военные власти принимали в расчет и угрозу активизации фанатически настроенных приверженцев сектантства и старообрядчества среди жителей новых казачьих станиц. Это было особенно вероятно в случае длительного отсутствия в них православных священников и церквей. Данное обстоятельство заставило новое начальство позаботиться, чтобы в каждой новой станице был священник, который, кроме совершения треб, следил бы за упрочением нравственности среди жителей и наблюдал за устройством молитвенного дома.

Но схема формирования священства, как полвека назад в Черномории, уже не могла обеспечить духовенством новые приходы. Нехватка священников в епархии вплоть до 1870-х годов вынуждала Духовную консисторию публиковать по России вызовы диаконов из других епархий, обещая им предоставить священническую должность и рукоположить в сан священника.

«Охотников», т.е. священников-добровольцев, ехать за Кубань из России

оказалось мало, и в новые станицы были назначены священники и причетники из других епархий. Но на Кубани они попали в такие тяжелые условия из-за недостатка материальных средств, болезней и военных опасностей, что вскоре стали бежать обратно в Россию. Грозил и прежняя опасность от горцев. Скоро в некоторых закубанских станицах совсем не оказалось священников. Население, страдавшее от эпидемических болезней, пагубного климата и недоедания, часто умирало без исповеди и последнего Причастия. Картина, описанная выше, была характерна для молодой Кавказской епархии в целом.

А в целом по России, на рубеже XIX – XX веков, из-за нехватки выпускников в некоторых епархиях приходилось половину священнических мест заменить «лицами, исключенными из низших классов семинарии, окончившими курс в духовных училищах и второклассных школах, городских училищах и сельских семинариях...». Бывало и так, что за неимением кандидатов с семинарским образованием, там принимали всякого, кто стучался в двери священства: малограмотных и развращенных диаконов, проворовавшихся волостных писарей, отданных под суд полицейских урядников, бездельников-учителей начальных школ... О каком тут призвании можно было думать!».

Нам предстоит подтвердить или опровергнуть это горькое утверждение авторитетного священника, протопресвитера Георгия Шавельского – в локальном масштабе: на примере духовенства приходов территории нынешнего Отрадненского благочиния, на рубеже XIX – XX веков.

Многие станицы и села, возникавшие в XIX веке по берегам рек Уруп и Кубань, сейчас входят в два соседних района Краснодарского края – Отрадненский и Успенский. Приходы, расположенные здесь, составляют территориальную принадлежность Отрадненского благочиннического округа Екатеринодарской и Кубанской епархии РПЦ (МП).

Мы рассмотрим, каковы были особенности формирования духовного сословия здесь полтора века назад. В рассматриваемый нами период – с середины XIX до 1910-х гг., в приходах на территории нынешнего Отрадненского благочиния служи-

ло более тридцати священнослужителей⁴. О двадцати девяти из них найдены, благодаря клировым ведомостям, довольно полные сведения. Пятнадцать священников начали свое служение здесь в XIX веке, и четырнадцать человек – в XX веке. Вот их имена и даты их служения⁵:

Село Коноково Успенского района: Иерей Косма Бочкарев (с 1912 г.).

Село Маламино Успенского района: Иерей Николай Кислов (с 1915 г.).

Станица Надежная Отрадненского района: Иерей Арсений Ключанский (с 1861 г.), иерей Петр Тутов (с 1888 по 1914 гг.⁶).

Станица Николаевская Успенского района: Иерей Димитрий Польский (с 1881 г.), иерей Александр Махровский (1895 – 1915 гг.), иерей Петр Федоренко (1910 – 1917 гг.).

Станица Отрадная: Протоиерей Максим Сапежко (1858 – 1917 гг.), иерей Иоанн Бибилов (1912 – 1916⁷ гг.).

Станица Передовая Отрадненского района: Иерей Георгий Лукьянов (1899 – 1916 гг.).

Станица Подгорная Отрадненского района: Иерей Григорий Полчанинов (с 1872 г.); иерей Григорий Рождественский (с 1912 г.).

Станица Попутная Отрадненского района: Иерей Николай Шрамков (с 1874 г.), иерей Павел Иванов (с 1895 г.), иерей Леонид Вишневецкий (с 1907/1909 по 1916 гг.).

Станица Спокойная Отрадненского района: Иерей Василий Мальский (с 1870 г.), иерей Александр Бубнов (с 1910 г.), иерей Николай Рудников (с 1914 г.).

Станица Убеженская Успенского района: Иерей Николай Станиславский (с 1878 г.), иерей Григорий Быковский (с 1910 г.).

Станица Удобная Отрадненского района: Иерей Александр Остриков (с 1897 г.), иерей Феодор Березовский (с 1911 г. – в первые годы советской власти убит большевиками).

Село Успенское: Иерей Илия Зиневич (1870 – 1888⁸ гг.), иерей Иоанн Богоявлен-

ский (1888 – 1899 гг.), иерей Сергей Батшев (1899 – 1901 гг.), иерей Александр Самоваров (1901 – 1907 гг.), иерей Павел Протасов (1907 – 1913 гг.), иерей Николай Терновский (с 1913 г.), иерей Николай Яковлев (с 1914 г.).

Еще о пятерых священнослужителях сведения очень краткие. К примеру, в 1881 г. умер настоятель прихода ст. Николаевской Симеон Алексеевич Павлицкий. В «ведомостях» об остальных священниках отмечен лишь факт их перемещения: священник Петр Безсонов в 1899 г. был переведен в с. Успенское; иерей Василий Булатов в 1916 г. – в ст. Передовую; иерей Иоанн Костромин в 1917 г. – в с. Маламино; иерей Владимир Курдюмов в 1917 г. – в ст. Николаевскую.

Из двадцати девяти священников подавляющее большинство – двадцать человек – были выходцами из духовного сословия. Остальные – из других сословий. Согласно новому уставу духовных семинарий (1859 г.), в духовные учебные заведения было дозволено принимать детей из всех сословий, в том числе и податных. В то же время, и выпускникам семинарий разрешался выход из духовного сословия. Нужно было переломить тенденцию сословной предопределенности. Эта мера, упразднявшая сословную закрытость духовенства, была направлена на то, чтобы священническое служение избиралось ими не только по факту рождения, но по велению души.

В итоге, в рассматриваемых приходах мы видим имена протоиерея Максима Сапежко (ст. Отрадная) – он был сыном чиновника; иерей Сергей Батшев (с. Успенское) – сыном инженера путей сообщения; иерей Александр Самоваров (с. Успенское) – сыном отставного писаря; иерей Александр Махровский (ст. Николаевская) – сыном титулярного советника; иерей Косма Бочкарев (с. Коноково) был единственным представителем казачества; иерей Николай Кислов (ст. Маламино) – единственным выходцем из крестьян; иерей Петр Тутов (ст. Надежная) – купеческий сын; иерей Александр Бубнов (ст. Спокойная) – из семьи военных; а иерей Феодор Березовский (ст. Удобная) – из мещанского сословия.

Откуда родом были священники, служившие на приходах нынешнего Отрадненского округа? К сожалению, лишь у 9 человек в клировых ведомостях были ука-

⁴ Не считая диаконов.

⁵ В скобках поставлены даты двух видов: либо оба года известны, и тогда они оба проставлены; либо известен только год начала служения священника.

⁶ Или даже дольше

⁷ Или даже дольше.

⁸ Предположительно

заны точные сведения о месте рождения. В это число вошли настоятель прихода ст. Отрадной прот. Максим Сапежко – он родился в Витебске; иерей Иоанн Богоявленский (с. Успенское) – уроженец Тверской губернии; иерей Сергей Батшев (с. Успенское) родился в Санкт-Петербурге; иерей Павел Протасов (с. Успенское) и иерей Александр Остриков (ст.Удобная) родились в Тульской губернии; иерей Леонид Вишневский (ст. Попутная) – в Ярославской губернии; иерей Григорий Быковский (ст. Убеженская) прибыл из Воронежской губернии. География, как видим, довольно обширная. Но неужели здесь не было ни одного священника, местного по происхождению? Был Иерей Павел Иванов, служивший в приходе ст. Попутной, родился на Кубани, в ст. Зассовской.

Впрочем, родившихся в Кубанской области или на Ставрополье священников, возможно, было больше. На это косвенно указывает их обучение в Ставропольской духовной семинарии.

Подходя к рассмотрению вопроса духовного образования будущих священнослужителей в то время, скажем, что практически в каждой епархии во второй половине XIX века уже действовала своя духовная семинария. В 1846 году открылась духовная семинария и в Ставрополе. Первоначально она носила название Кавказской, а в 1885 г., в связи с разделением епархии, получила нынешнее наименование – Ставропольская.

К началу XX века существовало 55 духовных семинарий, в которых учились около 18 тысяч человек. В непростое время обучались семинаристы. Политические события начала XX века отразились и на духовных учебных заведениях. В 1905 году из-за волнений и беспорядков было временно закрыто 44 духовные семинарии по всей России. Известные революционные волнения 1905 – 1906 годов пронеслись и по нашей епархии. Известно, что Ставропольской семинарии из-за поведения воспитанников тоже грозило закрытие. И лишь авторитет и личное поручительство епископа Ставропольского и Екатеринодарского Агафодора (Преображенского) спасли семинарию от решения Св.Синода.

Ставропольскую семинарию окончили тринадцать будущих священников. Можно поэтому предположить, что они ро-

дились или в Кубанской области, или на Ставрополье. Десять же священников были выпускниками других российских семинарий⁹: о. Максим Сапежко – Могилевской; о. Иоанн Бибилов – Рязанской; о. Илия Зиневич и о. Александр Махровский – Тифлисской; о. Иоанн Богоявленский – Тверской; о. Павел Протасов и о. Александр Остриков – Тульской; о. Петр Федоренко – Кутаисской; о. Арсений Ключанский и о. Григорий Быковский – Воронежской.

Пятеро священнослужителей – т.е. шестая часть – либо не поступали в духовные семинарии, либо же не доучились в них: о. Леонид Вишневский окончил духовное училище в Ярославле. О. Николай Терновский не доучился в ДС, был выпущен из 2 класса в звании городского приходского учителя. О. Феодор Березовский также не доучился в ДС, был уволен из 1 класса. О. Сергей Батшев – слушатель курсов Московской Духовной Академии. О. Александр Бубнов обучался богословию самостоятельно, и перед рукоположением в священники успешно выдержал экзамен по богословским наукам.

Лучшие выпускники духовных семинарий зачислялись в списки первого разряда, а *primus inter pares* получали почетное звание студента. Четверо наших священников – протоиерей Максим Сапежко, иерей Павел Протасов, иерей Николай Кислов и иерей Николай Рудников – отлично прошли поприще семинарского обучения и стали выпускниками первого разряда. Отметим, что двое из них были выходцами из духовного сословия, а двое – нет. О. Павел Протасов и о. Николай Рудников – это они были выходцами из духовного сословия – получили титулы студентов.

Успешно окончившие семинарию и имеющие намерение рукополагаться, увольнялись в епархиальное ведомство. Закубанское духовенство находилось в подчинении главного священника Кавказской армии, протоиерея Стефана Гумилевского.

Семнадцать из двадцати девяти священников были рукоположены в духовный сан рано, в течение первого года после окончания духовной семинарии. Сюда же

⁹ Иерей Николай Яковлев – его семинария не была указана.

можно отнести и иерея Александра Бубнова, который изучал духовные науки самостоятельно, и успешно сдал экзамен по богословию. Иерей Феодор Березовский, хотя и не доучился в семинарии, был рукоположен в двадцатилетнем возрасте.

Назовем имена пятерых пастырей, для кого приходы нынешнего Отрадненского округа стали самым первым (а, возможно, и единственным) местом священнического служения. Отучившись в Ставропольской семинарии, определяются настоятелями: иерей Петр Тутов – в ст. Надежную (1888 г.), иерей Георгий Лукьянов – в ст. Передовую (1899 г.). Сразу же после рукоположения, из Санкт-Петербурга на Кубань переезжает иерей Сергей Батшев, и назначается на приход с. Успенского (1899 г.). Иерей Александр Бубнов, выдержавший экзамен по богословским наукам, получает указ о назначении в приход ст. Спокойной (1910 г.). Через четыре года после окончания учебы в Воронежской духовной семинарии, после учительства в г. Харькове, на Кубань переезжает Григорий Быковский, и определяется в Михаило-Архангельский храм ст. Убеженской (1910 г.).

Такой же сравнительно небольшой временной отрезок – от двух до четырех лет – между окончанием учебы и рукоположением, был еще у восьми будущих пастырей. В ожидании назначения и рукоположения они преподавали Закон Божий и (или) несли послушания псаломщиков. А Николай Шрамков четыре года исполнял службу чиновника консистории¹⁰.

Трое будущих священников имели несколько больший период – Леонид Вишневский после окончания Ярославского духовного училища в течение шести лет был псаломщиком и иподиаконом. Столько же лет Иоанн Бибиков, окончивший Рязанскую семинарию, был учителем Закона Божия и псаломщиком. И только об одном священнике, иерее Григории Полчанинове, имеющего самый большой «перерыв» (семь лет), к сожалению, в клировых ведомостях ни слова не сказано, чем он занимался эти годы.

Иерей Арсений Ключанский до назначения в ст. Надежную шесть лет служил в Воронежской епархии. Но подавля-

ющее большинство священников, назначаемых на приходы нынешнего Отрадненского округа – девятнадцать человек, – до своего перевода успели послужить в священном сане уже здесь – на Кубани, либо на Ставрополье или в Терской области.

Приехавший на место священник, в самое ближайшее время брал обязанности Законоучителя во всех школах на своем приходе. Это и церковно-приходская школа, и Министерская школа, и школа грамоты. Многие клирики за поистине подвижную деятельность на благо просвещения народа Божия удостоивались множества наград и благодарностей.

Прот. Георгий Шавельский, современник описываемых событий, говорил, что селу русскому в это время – может быть, как никогда на протяжении всей русской истории – требовался идейный, вдохновенный, понимающий его нужды и пользующийся авторитетом деятель, который защитил бы души крестьян от религиозно-нравственного разложения. Нужно было в то же время, чтобы он помог бы селу двинуться вперед по пути экономического прогресса. Таким лицом мог быть только сельский священник – его духовный отец.

Но рассмотреть весь спектр миссионерской, просветительской, катехизаторской и общественной работы священников в рамках данной работы, мы не можем. Скажем лишь, что все общины нынешнего Отрадненского благочиния были типичными провинциальными сельскими приходами, где пастырю приходилось быть не только священником, но и миссионером, преподавателем Закона Божия, проповедником, богословом, борцом с пьянством, строителем, и трудно даже перечислить – даже кем еще – в одном лице.

Конечно же, подлинным лицом священника была его семья. У священнослужителей на момент составления последних клировых ведомостей по их приходам, было от одного до одиннадцати детей¹¹. По одному ребенку было в семьях семерых священников, по двое – в семьях четверых¹²; троих детей в семье имели семеро батюшек,

¹¹ Про детей двух священников нет данных

¹² Впрочем, половина священнослужителей на момент составления последних клировых ведомостей были весьма молодыми, и, вероятно, в их семьях впоследствии еще рождались дети.

¹⁰ Вероятнее всего, Ставропольской, т.к. окончил он Кавказскую духовную семинарию.

четверых – четверо; семь детей на тот момент родилось в семьях двоих священнослужителей. Были и весьма многодетные семьи: у Зиневичей – о. Илии и м. Дарии – было девять детей; у Тутовых – о. Петра и м. Пелагии – десять, а о. Александр и м. Евгения Махровские родили одиннадцать детей. В XIX – начале XX века такой многочисленный состав семьи был не исключением, а нормой.

Кто из детей продолжал идти по духовной линии? Первенец иерея Александра Бубнова служил диаконом (по данным 1915 года, он находился за штатом). Старший сын иерея Николая Яковлева нес послушание псаломщика в Екатеринодаре. Добавим, что две старшие дочери иерея Павла Иванова стали женами священников.

В семьях восьми священников дети обучались в духовных учебных заведениях. Почти все они учились в Ставрополе: в духовном или епархиальном училищах, а также в духовной семинарии. Дочь иерея Иоанна Бибикова окончила курс в Екатеринодарском епархиальном училище.

В Ставропольском духовном училище в разные годы обучались сыновья иерея Илии Зиневича и иерея Димитрия Польского. В ставропольской духовной семинарии проходили обучение сыновья троих священников, их учебу оплачивали родители. Это Григорий, старший сын иерея Павла Протасова; средний сын иерея Александра Махровского Николай; Димитрий, средний сын иерея Петра Тутова (тоже учившегося в свое время в Ставропольской семинарии).

И, наконец, как и где получали образование дочери священников? «Епархиалками» (ученицами открывшегося в 1875 г. Ставропольского епархиального училища) были дочери семерых священников. По одной дочери отдали в обучение иереи Димитрий Польский, Павел Протасов, Георгий Лукьянов, Александр Бубнов; иерей Феодор Березовский обучал двоих дочерей. Трое дочерей иерея Петра Тутова также были «епархиалками», причем если старшая из них обучалась на средства семьи, то уже средняя состояла на полуказенном обеспечении, а третья – на казенном. Трех дочерей отдал в учение иерей Александр Махровский. В их случае ситуация с оплатой учебы была несколько иная, чем в семье Тутовых. О старшей дочери не сказано

на сей счет ничего, а две младшие девочки учились за счет отца.

Но не все дети этих священников шли по стопам отцов, что ясно говорит о тенденциях времени. Некоторые из них выбрали светские профессии. Так, сын о. Симеона Павлицкого Алексей, окончивший Московский университет, в 1881 году работал врачом за пределами Кубани. Старший сын иерея Иоанна Бибикова на момент Первой мировой войны обучался в Московском Императорском университете; средний сын иерея Александра Махровского в это же время также обучался в университете¹³.

Завершая рассмотрение путей формирования духовного сословия в приходах Поурупья XIX – начала XX века, мы видим ряд особенностей, отличавших процессы, проходившие здесь, от совершавшегося как в других епархиях России, так и в Черномории начала XIX века. То, что епархия была недавно созданной, молодой, а также то, что духовная жизнь и храмовое строительство в ней совершались в условиях еще не остывшей межнациональной и религиозной напряженности, вызвало специфические моменты формирования духовного сословия. При стремительном расширении Кавказской епархии, священников не хватало. Обстановка, в которой происходило заселение и христианизация края, была очень сложной. Поэтому здесь значимую роль играл Главный священник Кавказской армии. Многие пастыри, особенно настоятели храмов пограничных станиц, разделяли суровые условия быта казаков.

Принцип наследования мест – от отца к сыну – здесь не мог быть реализован, поскольку приходы только открывались. Поэтому все приходилось начинать «с нуля». Десять священников приехали из других российских епархий – это были те самые «охотники», которые откликнулись на призыв духовных и военных властей, чтобы влиться в ряды священнослужителей Кавказской епархии.

Критические слова протопресвитера Георгия Шавельского о случайных и неподобающих людях среди священства, в нашем случае не подтвердились: кандидатов «со стороны» не было. Батюшки глядят

¹³ Не уточняется, в каком.

со страниц клировых ведомостей, в подавляющем числе, как очень достойные люди.

Все двадцать девять священников получили духовное образование – хотя бы начальное. А большинство из них прошли полный курс обучения в семинариях: согласно клировым ведомостям, – шестнадцать человек; и, скорее всего, еще восемь священников можно причислить к таковым¹⁴. Принимая во внимание тот факт, что священнических вакансий в епархии было очень много, можно предположить, что некоторые из священников до поры до времени не торопились рукополагаться.

В каких семьях удалось проследить сословную преемственность хотя бы на уровне 2–3 поколений? Таких семей оказалось четыре: Зиневичи, Польские, Протасовы, Яковлевы. Ввиду такой малочисленности, говорить о полной сословной преемственности в нашем случае было бы некорректно.

Как бы то ни было, в 1917 году произошел трагический перелом в жизни Российского государства, начались небывалые гонения на веру, и весьма вероятно, что среди священнослужителей или членов их семей мы вскоре обнаружим имена новомучеников Российских, своей кровью и жизнью засвидетельствовавших верность Господу и Его Святой Церкви.

С.В. Самовтор

Сведения о школах в станицах и хуторах современного Отраденского района Краснодарского края в дореволюционный период (по документам Государственного архива Краснодарского края)

История народного образования в линейных станицах, вошедших в состав Кубанской области в 1860 году, началась в первой половине XIX века, когда в них были открыты первые школы.

Важным этапом в развитии народного образования на Кубани стало утверждение 18 декабря 1848 года «Положения о Кавказ-

ском учебном округе и учебных заведениях, одному подведомственных» [1]. Училища Кавказского линейного казачьего войска находились по распорядительной и хозяйственной части в полном подчинении войскового начальства, но по учебным вопросам и по вопросам преподавательских кадров входили в юрисдикцию Кавказского учебного округа [2].

Всего до начала 1860-х годов в линейных станицах было открыто около 30 школ [3].

Быстрый рост числа школ наблюдался в период 1863-1867 гг., когда по инициативе наказного атамана Кубанского казачьего войска генерал-адъютанта графа Ф.Н. Сумарокова-Эльстона в Кубанской области было открыто более 100 станичных школ [4]. Но эти школы еще не имели правильной организации. Находились они в непосредственной зависимости командиров бригад и полков, которые в отношении к школам руководствовались не какими-либо общими обязательными правилами, а личным усмотрением [5].

Согласно высочайше утвержденному положению Кавказского комитета от 20 ноября 1870 года, в Кубанской области учреждалась должность инспектора станичных училищ. Инспектору станичных училищ производилось содержание по 1500 рублей в год, в том числе 900 рублей жалованья и 600 рублей на наем квартиры и канцелярские издержки и, сверх того, на разъезды по 500 рублей в год. Он состоял в VI классе, что соответствовало чину коллежского советника, и утверждался в этой должности Наместником Кавказским [6].

Ко времени учреждения должности инспектора станичных училищ в Кубанской области насчитывалось 179 станичных училищ [7], а в 1881 году число их возросло до 260 [8].

Как писал в 1878 году известный кубанский исследователь народного образования Ф.Ф. Арканников: «в настоящее время в Кубанской области, кажется, нет станицы, в которой не было бы школы... При таком количестве школ, очевидно, не было возможности одному лицу реализовать их с успехом, вот почему и учреждена была дирекция народных училищ, к директору назначены два помощника и письмоводитель» [9].

¹⁴ В клировые ведомости вносились сведения о датах выпуска из семинарии.

Основу народного образования на Кубани составляли одноклассные, станичные и сельские училища с трехлетним циклом обучения, и двухклассные – с пятилетним. В одноклассных училищах преподавались, согласно статье 3 «Положения о начальных народных училищах», следующие учебные предметы: а) Закон Божий; б) чтение русское; в) чтение церковно-славянское; г) письмо; д) первые четыре действия арифметики; е) церковное пение, «там, где преподавание будет возможно» [10]. В двухклассных училищах, создаваемых по инструкции 1875 года, вводился более широкий курс обучения с преподаванием основ ряда наук.

Общая тенденция в развитии начального образования заключалась в том, что наряду с открытием новых школ шло преобразование существующих. Одноклассные, станичные и сельские училища постепенно преобразовывались в двухклассные училища. Если по данным 1881 года число двухклассных училищ в области составляло 1/19 общего числа школ, то по данным 1906 года двухклассные училища составляют уже более 1/5 всего количества школ [11].

Начальные училища делились на мужские, женские и смешанные. Как правило, преподавательский состав типичного одноклассного училища в этот период состоял из заведующего училищем (он же 1-й учитель), законоучителя (т.е. преподавателя Закона Божьего, обычно местного священника или диакона) и 2-го учителя. Кроме того, в этот состав могли входить (необязательно) учитель пения, инструктор (в его функции входило преподавание гимнастики и начальной военной подготовки для мальчиков), учительница рукоделия (для девочек). В двухклассном училище количество учителей возрастает до 5 – 6 и более человек.

Денежное содержание учителя состояло из собственно жалованья, квартирных денег, «прислужных» денег (т.е. на наем прислуги), денег на отопление и освещение. В 1913 году рядовой учитель получал в год 360 рублей жалованья, заведующий одноклассным училищем и 2-й учитель в двухклассном училище – 420 рублей, заведующий двухклассным училищем – 600 рублей в год. Кроме того, все эти лица получали 120 рублей в год «квартирных» (если не

имели своего жилья или станичное общество не предоставляло им квартиру «натурой»), 60 рублей в год на наем прислуги и 84 рубля в год на отопление и освещение (если общество не предоставляло отопление и освещение «натурой»). Законоучитель, учитель пения, инструктор гимнастики и учительница рукоделия получали жалованья, в зависимости от нагрузки от 60 до 210 рублей в год. Квартирные, «прислужные» деньги, а также деньги на отопление и освещение им не полагались.

Заведующие училищами по учебным и административным вопросам подчинялись непосредственно инспектору народных училищ соответствующего инспекторского района.

Во всех училищах, как правило, выбирался почетный блюститель. Обычно это был кто-то из наиболее уважаемых местных жителей, вносящий пожертвования для училища деньгами, учебными пособиями, вещами или как-то иначе помогающий училищу.

Кубанская область в вопросах управления народным образованием делилась на особые учебные (инспекторские) районы, возглавляемые инспекторами. В разное время в Кубанской области насчитывалось разное количество районов. Так, например, в 1900 году в Кубанской области было 2 района, во главе с инспекторами народных училищ, в 1910 году – 6 районов, в 1913 и в последующие годы – 10 районов. Границы инспекторских районов были условными и не всегда совпадали с основным административным устройством Кубанской области, разделенной на 7 отделов.

В данном сообщении приводятся сведения по состоянию на 1 января 1913 года о начальных училищах Министерства Народного Просвещения (так называемых «министерских училищах») в населенных пунктах, ныне находящихся на территории Отраденского района Краснодарского края. В административном отношении эти станицы и хутора входили в состав Баталпашинского и Лабинского отделов Кубанской области, в учебном отношении – в состав 3-го и 5-го инспекторских районов Дирекции народных училищ Кубанской области. Помимо «министерских училищ» в кубанских станицах в этот период имелись в значительном количестве церковно-приходские шко-

лы, частные учебные заведения, а также все более широкое распространение получало среднее образование – не только в городах, но и в крупных станицах стали открываться гимназии, прогимназии, реальные училища, учительские семинарии и т.д. Многие из этих учебных заведений были созданы на базе начальных училищ Министерства Народного Просвещения.

Училища приводятся здесь в алфавитном порядке названий населенных пунктов.

Бесстрашное двухклассное смешанное начальное училище 5-го инспекторского района, станица Бесстрашная, Лабинского отдела, Кубанской области [12].

Открыто в 1864 году как одноклассное училище. В 1912 году преобразовано в двухклассное. В 1908 году открыто школьное попечительство.

Всего обучающихся в данном училище – 140 мальчиков и 3 девочки.

Училище имело 4 собственные классные комнаты.

С 1912 года почетным блюстителем этого училища состоял урядник Филипп Митрофанович Харламов. Пожертвований на нужды училища он не делал, наград по должности почетного блюстителя не получал.

На 1 января 1913 года в Бесстрашном двухклассном смешанном училище преподавали:

Мужелевский Александр Тарасович – казак, заведующий училищем. Окончил Баталпашинское городское училище. На службе учителем состоял с 1 сентября 1897 года, на последнем месте – с 1 сентября 1911 года. В 1899 г. был на сельскохозяйственных курсах в ст. Вознесенской, а 1901 г. – на педагогических курсах в г. Екатеринодаре. Преподавал в 1 и 5 отделениях (классах), где обучалось 30 мальчиков.

Мужелевскому А.Т. на 01.01. 1913 было 35 лет, его жене – 29 лет. Имел сыновей 12 и 7 лет и дочь 2 лет.

Крестилевский Сергей Александрович – священник, законоучитель. Окончил Ставропольскую учительскую семинарию. На службе законоучителем с 1 сентября 1872 года, на последнем месте – с 1 сентября 1872 года. Преподавал Закон Божий во всех 5 отделениях училища, где обучалось 140 мальчиков и 3 девочки.

Крестилевскому С.А. на 01.01.1913 было 64 года, жене – 58 лет. Имел сына 32 лет и дочерей 35 лет и 21 года.

Комиссаров Николай Федорович – казак, 2-й учитель. Окончил Кубанскую учительскую семинарию. На службе учителем с 1 сентября 1904 года, на последнем месте – с 1 сентября 1912 года. Преподавал в 4 отделении (9 мальчиков и 1 девочка) и в 3 отделении (13 мальчиков и 1 девочка).

Комиссарову Н.Ф. на 01.01.1913 было 31 год, жене – 25 лет. Детей не было.

Бульба Василий Николаевич – казак, 3-й учитель. Окончил Лабинское городское училище. На службе учителем с 1 ноября 1908 года, на последнем месте – с 1 сентября 1912 года. Преподавал в 1 отделении (55 мальчиков и 1 девочка). Бульбе В.Н. на 01.01.1913 было 22 года. Холост.

Семенова Феодосия Наумовна – мешанка, 4-й учитель. Окончила 4 класса Лабинской женской гимназии. На службе учительницей с 1 января 1911 года, на последнем месте – с 1 сентября 1911 года. Преподавала во 2 отделении, где обучалось 33 мальчика.

Семеновой Ф.Н. на 01.01.1913 был 21 год. Не замужем.

Сумцов Иван Евфимович – вахмистр, инструктор военной гимнастики. Окончил Бесстрашное станичное училище. Преподавал военную гимнастику для мальчиков во всех 5 отделениях училища (140 мальчиков).

Сумцову И.Е. на 01.01.1913 было 36 лет, его жене – 34 года. Имел сына 10 лет и дочерей 13 и 7 лет.

Гусаровское сельское одноклассное смешанное училище 3-го инспекторского района, село Гусаровское, Баталпашинского отдела, Кубанской области [13].

Открыто в 1912 году. В этом училище обучалось 44 мальчика и 16 девочек. Училище имело 2 собственных классных комнаты. Почетного блюстителя не имелось. На 1 января 1913 года в Гусаровском одноклассном смешанном училище преподавали:

Калюжин Иван Михайлович – казак, заведующий училищем. Окончил педагогический класс Баталпашинского городского училища. На службе учителем с 1 сентября 1905 года, на последнем месте – с 1 сентября 1912 года. В 1909 году был на общеобразовательных курсах в г. Ставрополе. Пре-

подавал в 3 отделении училища, где обучалось 13 учащихся.

Калюжину И.М. на 01.01.1913 было 27 лет, жене – 27 лет. Имел 3 дочерей 4 лет и двух по 1 году (близнецы).

Назаренко Дионисий Андреевич – священник, законоучитель. Окончил Белгородскую учительскую семинарию. На службе законоучителем – с 1 сентября 1889 года, на последнем месте – с 1 сентября 1912 года. В 1890 году был на общеобразовательных, церковного пения и военной гимнастики курсах в г. Новочеркасске. Преподавал Закон Божий в обоих отделениях – 1 и 3 (60 учащихся).

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Калюжина Пелагия Ивановна – казачка, 2-й учитель. Окончила 8 классов Ставропольской женской гимназии. На службе учительницей на последнем месте – с 1 сентября 1912 года. Преподавала в 1 отделении, где обучалось 47 учащихся. Калюжиной П.И. на 01.01.1913 было 27 лет, мужу – 27 лет. Имела 3 дочерей – одну 4 лет и двух по 1 году (близнецы).

Малотенгинское хуторское одноклассное смешанное начальное училище 5-го инспекторского района, хутор Малотенгинский, Лабинского отдела, Кубанской области [14].

Открыто в 1912 году. В этом училище обучалось 28 мальчиков и 22 девочки. Собственных классных комнат училище не имело, было 2 классных комнаты наемных. Почетного блюстителя не имелось.

На 1 января 1913 года в Малотенгинском хуторском одноклассном смешанном училище преподавали:

Малыхина Екатерина Фридриховна – казачка, лютеранка, заведующая училищем. Окончила 8 классов Армавирской женской гимназии. На службе учительницей – с 1 сентября 1909 года, на последнем месте – с 1 сентября 1912 года. Преподавала в 1 отделении (на 01.01.1913 – единственном) училища, в котором обучалось 28 мальчиков и 22 девочки.

Малыхиной Е.Ф. на 01.01.1913 было 24 года, мужу – 26 лет. Детей не было.

Малыхин Сергей Яковлевич – урядник, инструктор военной гимнастики. Выдержал экзамены за 4 класса гимназии. На службе инструктором – с 1 декабря 1912

года. Преподавал мальчикам военную гимнастику в 1 отделении (28 мальчиков).

С.Я. Малыхин являлся мужем учительницы Е.Ф. Малыхиной.

Надежное станичное двухклассное смешанное начальное училище 5-го инспекторского района, станица Надежная, Лабинского отдела, Кубанской области [15].

Открыто в 1876 году как одноклассное училище. В 1907 году преобразовано в двухклассное.

В училище обучалось 159 мальчиков и 7 девочек. Имелось 5 собственных классных комнат.

С 1908 года почетным блюстителем этого училища состоял казак Андрей Иванович Артельнов. Пожертвований на нужды училища он не делал, наград по должности почетного блюстителя не получал.

На 1 января 1913 года в Надежном станичном двухклассном смешанном начальном училище преподавали:

Железковский Василий Георгиевич – коллежский регистратор, заведующий училищем. Образование – сдал экзамен во Владикавказской мужской прогимназии. На службе учителем – с 1893 года, на последнем месте – с 1907 года. Преподавал в 3 отделении (19 мальчиков и 3 девочки).

Железковскому В.Г. на 01.01.1913 было 45 лет, жене – 38 лет. Имел сыновей 13, 11 и 6 лет и дочерей 19, 9 и 4 лет.

Тутов Петр Дмитриевич – священник, законоучитель. Окончил Кавказскую духовную семинарию. На службе законоучителем – с 1888 года, на последнем месте – с 1907 года. Преподавал Закон Божий во всех 5 отделениях училища (159 мальчиков, 7 девочек).

Тутову П.Д. 01.01.1913 было 48 лет, его жене – 47 лет.

Спесивцев Яков Федорович – казак, 2-й учитель. Окончил педагогический класс Баталпашинского городского училища. На службе учителем – с 1902 года, на последнем месте – с 1907 года. Преподавал в 1 отделении, где обучалось 52 мальчика.

Спесивцеву Я.Ф. на 01.01.1913 было 29 лет, его жене – 25 лет. Имел сыновей 5, 3 и 1 лет.

Мамонтов Стефан Иванович – иногородний, 3-й учитель. Окончил Баталпашинское городское училище. На службе

учителем – с 1903 года, на последнем месте с 1909 года.

Мамонтову С.И. на 01.01.1913 г. было 30 лет, жене – 24 года. Имел сыновей 5, 3 и 1 лет.

Очаповский Николай Владимирович – иногородний, 4-й учитель. Окончил 8 классов СПб. мужской гимназии. На службе учителем – с 1910 года, на последнем месте – с 1912 года. Преподавал во 2 отделении (38 мальчиков и 4 девочки).

Очаповскому Н.В. на 01.01.1913 был 31 год. Холост.

Никулин Александр Никонорович – казак, 5-й учитель. Окончил педагогический класс Баталпашинского городского училища. На службе учителем – с 1912 года, на последнем месте – с 1912 года. Преподавал в 1 отделении (40 мальчиков).

Никулину А.Н. на 01.01.1913 был 21 год. Холост.

Саньков Антон Прокофьевич – казак, инструктор военной гимнастики. Окончил станичное училище.

Санькову А.П. на 01.01.1913 был 31 год. Сведений о семье не имеется.

Надежное станичное одноклассное женское начальное училище 5-го инспекторского района, станица Надежная, Лабинского отдела, Кубанской области [16].

Открыто в 1903 году. В училище обучала 41 девочка. Имелась 1 собственная классная комната. С 1910 года почетным блюстителем училища состояла Прасковья Романовна Спесивцева, казачка ст. Надежной, жена учителя. В 1912 году пожертвовала на нужды училища 50 рублей и устроила елку для учениц. По должности почетного блюстителя наград не имела.

На 1 января 1913 года в Надежном станичном одноклассном женском начальном училище преподавали:

Зубенко Анна Михайловна – дочь купца, русская, православная, заведующая училищем. Окончила Ейскую женскую прогимназию. На службе учительницей – с 15 ноября 1884 года, на последнем месте – с 1 сентября 1912 года. Преподавала в 1 и 2 отделениях (41 девочка)

Зубенко А.М. на 01.01.1913 было 44 года. Жила вместе с матерью 89 лет.

Тутов Петр Дмитриевич, благочинный священник, законоучитель. Окончил Ставропольскую духовную семинарию.

На последнем месте законоучителем – с 1903 года. Преподавал Закон Божий в 1 и 2 отделениях (41 девочка).

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Отрадное Николаевское двухклассное смешанное начальное училище 5-го инспекторского района, станица Отрадная, Баталпашинского отдела, Кубанской области [17].

Открыто в 1862 году как одноклассное училище. В 1898 году преобразовано в двухклассное. В училище обучалось 305 мальчиков и 15 девочек. Имелось 7 собственных классных комнат.

С 1905 года почетным блюстителем этого училища состоял есаул Петр Константинович Беломестный. Пожертвований на нужды училища он не делал, наград по должности почетного блюстителя не получал.

На 1 января 1913 года в Отрадном Николаевском двухклассном смешанном начальном училище преподавали:

Шелегеда Козьма Федорович – крестьянин, православный, заведующий училищем. Образование домашнее. На службе учителем – с 1 сентября 1897 года, на последнем месте – с 1 сентября 1912 года. В 1907 году был на общеобразовательных курсах в г. Москве, в 1908 и 1910 гг. – на сельскохозяйственных курсах в г. Анапе. Преподавал русский язык и историю в 4 (37 мальчиков и 10 девочек) и 5 (30 мальчиков и 4 девочки) отделениях.

Шелегеде К.Ф. на 01.01.1913 было 35 лет, жене – 35 лет, дочери – 7 лет.

Бибиков Иоанн Георгиевич – священник, 1-й законоучитель. Окончил Рязанскую духовную семинарию. На службе законоучителем – с 1 сентября 1887 года, на последнем месте, с 4 сентября 1912 года. Преподавал Закон Божий в 1, 2, 3, 4 и 5 основных отделениях.

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Троицкий Леонид Иосифович – псаломщик, 2-й законоучитель. Окончил 3 класса Ставропольской духовной семинарии. На службе законоучителем – с 1 сентября 1909 года, с этого же времени на последнем месте. Преподавал Закон Божий в 1 и 2 параллельных отделениях.

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Борисенко Иван Павлович – казак, православный, 2-й учитель, он же учитель пения. Окончил Ставропольскую учительскую семинарию. На службе учителем – с 1 сентября 1910 года, на последнем месте – с 1 сентября 1912 года. Преподавал во 2 основном отделении (50 мальчиков).

Борисенко И.П. на 01.01.1913 года было 22 года. Холост.

Гуренко Василий Абрамович – казак, православный, 3-й учитель. Окончил Армавирское городское училище. На службе учителем с 1 сентября 1905 года, с этого же времени на последнем месте. Преподавал математику, географию и естествознание в 4 (37 мальчиков и 10 девочек) и 5 (4 девочки) отделениях.

Гуренко В.А. на 01.01.1913 было 26 лет, жене – 28 лет, сыновьям – 5 и 3 года, дочерям 1 год и полгода.

Посевина Наталия Митрофановна – дворянка, православная, 4-й учитель. Окончила 8 классов Ставропольской женской гимназии. На службе учительницей – с 1 сентября 1882 года, на последнем месте – с 1 сентября 1890 года. Преподавала в 3 отделении (50 мальчиков).

Посевиной Н.М. на 01.01.1913 было 47 лет, дочери (удочеренной) 6 лет.

Зверяев Иван Митрофанович – казак, православный, 5-й учитель. Окончил 2 класса Майкопского технического училища. На службе учителем – с 1 сентября 1906 года, на последнем месте – с 30 сентября 1907 года. В 1911 году был на сельскохозяйственных курсах в г. Анапе. Преподавал в 1 основном отделении (56 мальчиков).

Зверяеву И.М. на 01.01.1913 было 27 лет, жене – 28 лет, сыну – 2 года.

Матюцкий Иван Петрович – крестьянин, православный, 6-й учитель. Окончил Баталпашинские одногодичные педагогические курсы. На службе учителем – с 1 сентября 1907 года, на последнем месте – с 1 сентября 1910 года. Преподавал в 1 параллельном отделении (41 мальчик).

Матюцкому И.П. на 01.01.1913 было 27 лет, матери – 50 лет, сестрам – 14, 11, 8, 6, 2 года.

Борисенко Игнат Еремеевич – казак, православный, 7-й учитель. Окончил Баталпашинские одногодичные педагогиче-

ские курсы. На службе учителем – с 1 сентября 1910 года, с этого же времени на последнем месте. Преподавал во 2 параллельном отделении (42 мальчика).

Борисенко И.Е. на 01.01.1913 было 20 лет. Холост.

Байдин Емельян Григорьевич – вахмистр, православный, инструктор военной гимнастики. Окончил начальное училище. На службе инструктором с 1 октября 1912 года.

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Отраденское одноклассное женское начальное училище 5-го инспекторского района, станица Отрадная, Баталпашинского отдела, Кубанской области [18].

Открыто в 1887 году. В училище обучалось 163 девочки. Имелось 3 собственные классные комнаты.

С 1905 года почетным блюстителем этого училища состоял есаул Петр Константинович Беломестный. Пожертвований на нужды училища он не делал, наград по должности почетного блюстителя не получал.

На 1 января 1913 года в Отрадном одноклассном женском начальном училище преподавали:

Гуренко Наталия Михайловна – казачка, заведующая. Окончила Мариинский институт. На службе учительницей – с 1 января 1901 года, на последнем месте – с 1 января 1902 года. Преподавала в 1 отделении (62 девочки).

Гуренко Н.М. на 01.01.1913 было 28 лет, мужу – 26 лет, сыновьям, 5 и 3 года, дочерям 1 год и полгода.

Бибиков Иоанн Георгиевич – священник, 1-й законоучитель. Окончил Рязанскую духовную семинарию. На службе законоучителем – с 1 сентября 1887 года, на последнем месте, с 22 сентября 1912 года. Преподавал Закон Божий во всех 3 отделениях училища.

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Дегтярева Прасковья Абрамовна – казачка, 2-й учитель. Окончила 5 классов Ставропольской женской гимназии. На службе учительницей – с 4 сентября 1910 года, с этого же времени на последнем месте. Преподавала во 2 отделении (55 девочек).

Дегтяревой П.А. на 01.01.1913 было 20 лет. Не замужем.

Шелегеда Елена Васильевна – иногородняя, 3-я учительница. Окончила Ставропольское епархиальное училище. На службе учительницей – с 15 ноября 1905 года, на последнем месте – с 1 сентября 1912 года. Преподавала во 2 и 3 отделениях (46 девочек).

Шелегеда Е.В. на 01.01.1913 было 34 года, мужу – 35 лет, дочери – 10 лет.

Отрадное иногороднее одноклассное мужское начальное училище 5-го инспекторского района, станица Отрадная, Баталпашинского отдела, Кубанской области [19].

Открыто в 1907 году. В училище обучалось 46 мальчиков. Имелась 1 наемная классная комната.

С 1907 года почетным блюстителем этого училища состоял мещанин Иван Николаевич Немков. В 1911 году он пожертвовал на нужды училища 7 рублей, а за все годы им пожертвовано на нужды училища 70 рублей. Наград по должности почетного блюстителя не получал.

На 1 января 1913 года в Отрадном иногороднем одноклассном мужском начальном училище преподавали:

Жуков Мирон Федорович – казак, заведующий училищем. Окончил педагогические курсы при Баталпашинском городском училище. На службе учителем – с 26 сентября 1910 года, с этого же времени на последнем месте. Преподавал во всех 3 отделениях училища (46 мальчиков).

Жукову М.Ф. на 01.01.1913 было 24 года, жене – 21 год, дочери – 2 года, матери – 66 лет.

Троицкий Леонид Иосифович – псаломщик, 2-й законоучитель. Окончил 3 класса Ставропольской духовной семинарии. На службе законоучителем – с 1 сентября 1909 года, на последнем месте – с сентября 1910 года. Преподавал Закон Божий во всех 3 отделениях училища (46 мальчиков).

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Передовое Алексеевское двухклассное смешанное начальное училище 5-го инспекторского района, станица Передовая, Баталпашинского отдела, Кубанской области [20].

Открыто в 1904 году как одноклассное училище. В 1911 году преобразовано в двухклассное училище. В училище обучалось 177 мальчиков и 3 девочки. Имелось 3 собственных и 1 наемная классная комната.

С 1912 года почетным блюстителем училища состоял казак Иван Гаврилович Шурупов. В 1912 году он пожертвовал 15 рублей на устройство елки для детей. Наград по должности почетного блюстителя не получал.

На 1 января 1913 года в Передовом Алексеевском двухклассном смешанном начальном училище преподавали:

Ветков Антон Сергеевич – казак, заведующий училищем. Окончил первую Кубанскую учительскую семинарию. На службе учителем – с 1 сентября 1903 года, на последнем месте – с 1 сентября 1911 года. В 1911 году был на сельскохозяйственных курсах в г. Анапе. Преподавал в 4 (15 мальчиков и 2 девочки) и 5 (10 мальчиков и 1 девочка) отделениях.

Веткову А.С. на 01.01.1913 было 29 лет, жене – 30 лет. Имел дочерей 6, 4 и 2 лет.

Лукьянов Георгий Лукич – священник, иногородний, грузин, законоучитель. Окончил Ставропольскую духовную семинарию. На службе законоучителем – с 1 сентября 1901 года, с этого же времени на последнем месте. Преподавал Закон Божий во всех 5 отделениях училища.

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Ярошенко Евдоким Александрович – казак, 2-й учитель. Образование – держал экзамен на звание учителя. На службе учителем – с 1 сентября 1901 года, на последнем месте – с 1 сентября 1904 года. Преподавал в 1 и 3 отделениях (40 и 16 мальчиков соответственно, девочек нет).

Ярошенко Е.А. на 01.01.1913 был 31 год, жене – 26 лет, дочери – 2 года.

Веткова Любовь Ивановна – казачка, 3-й учитель. Окончила Кубанское Мариинское училище. На службе учительницей – с 1 сентября 1902 года, на последнем месте – с 1 сентября 1911 года. Преподавала во 2 отделениях (55 мальчиков).

Жена учителя А.С. Веткова.

Фенев Григорий Петрович – казак, 4-й учитель. Окончил педагогический класс Баталпашинского городского училища. На

службе учителем – с 1 октября 1910 года, на последнем месте – с 1 сентября 1911 года. Преподавал в 1 отделении (40 мальчиков).

Феневу Г.П. на 01.01.1913 было 22 года. Холост.

Борисенко Никифор Степанович (Семенович?) – регент, казак, учитель пения. Окончил двухклассное училище. На службе учителем – с 1 марта 1912 года, на последнем месте – с 1 сентября 1912 года.

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Куликов Дмитрий Петрович – казак, инструктор военной гимнастики. Окончил начальное училище. На службе инструктором – с 1 сентября 1910 года.

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Передовое одноклассное женское начальное училище 5-го инспекторского района, станица Передовая, Баталпашинского отдела, Кубанской области [21].

Открыто в 1877 году. В училище обучаются 55 девочек. Имелась 1 собственная комната.

Почетным блюстителем с 1900 года состоял казак Сергей Фирсович Салгалов. В 1912 году пожертвовал на 20 рублей следующими вещами: книгами, пальцами и сластями для детей. По должности почетного блюстителя имел награды: «две малые серебряные медали на Станиславской ленте», последняя медаль была дана 18 апреля 1910 года.

На 1 января 1913 года в Передовом одноклассном женском начальном училище преподавали:

Проскурина Надежда Ивановна – иногородняя, заведующая училищем. Окончила 5 классов гимназии принца Петра Георгиевича Ольденбургского в Санкт-Петербурге. На службе учительницей – с 1 сентября 1901 года. Преподавала во 2 и 3 отделениях (55 девочек).

Проскуриной Н.И. на 01.01.1913 было 24 года, мужу – 30 лет, матери – 66 лет. Имела сына 5 лет и дочь 1 год.

Лукьянов Георгий Лукич – священник, иногородний, грузин, законоучитель. Окончил Ставропольскую духовную семинарию. См. выше.

Борисенко Никифор Степанович (Семенович?) – регент, казак, учитель пения. Окончил двухклассное училище. На

службе учителем – с 1 марта 1912 года, на последнем месте – с 1 сентября 1912 года.

Подгорное станичное двухклассное смешанное начальное училище 5-го инспекторского района, станица Подгорная, Лабинского отдела, Кубанской области [22].

Открыто в 1876 году как одноклассное училище. В 1906 году преобразовано в двухклассное. В училище обучалось 147 мальчиков и 56 девочек, имелось 6 собственных классных комнат.

С 1904 года почетным блюстителем училища состоял урядник Пантелеймон Диомидович Краснов. Пожертвований на нужды училища он не делал, наград по должности почетного блюстителя не получал.

На 1 января 1913 года в Подгорном станичном двухклассном смешанном начальном училище преподавали:

Удовенко Петр Иванович – казак, русский, православный, заведующий училищем. Окончил педагогические курсы при Баталпашинском городском училище. На службе учителем – с 16 сентября 1902 года, на последнем месте – с 1 октября 1910 года. В 1908 и 1912 годах был на сельскохозяйственных курсах в г. Анапе. Преподавал в 3 отделениях (20 мальчиков и 8 девочек).

Возраст Удовенко П.И. на 01.01.1913 не указан, его жене было 26 лет, матери – 64 года.

Рождественский Григорий Алексеевич – священник, русский, православный, законоучитель. Окончил Ставропольскую духовную семинарию. На службе законоучителем с 1 ноября 1912 года, с этого же времени на последнем месте. Преподавал Закон Божий во всех 5 отделениях училища.

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Хвостов Иван Дмитриевич – казак, русский, православный, 2-й учитель. Окончил Темрюкское городское училище. На службе учителем – с 1 сентября 1906 года, на последнем месте – с 1 сентября 1912 года. В 1908 году был на сельскохозяйственных курсах в г. Анапе. Преподавал в 4 отделениях (15 мальчиков).

Возраст Хвостова И.Д. на 01.01.1913 не указан, его жене было 30 лет, сыновьям 3 года и 1 год, дочери 5 лет.

Проценко Александр Иванович – крестьянин, русский, православный, 3-й учитель. Окончил Ставропольскую учительскую семинарию. На службе учителем – с 1 сентября 1906 года, на последнем месте – с 1 сентября 1912 года. Преподавал в 5 отделении (9 мальчиков).

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Оленева Серафима Александровна – мещанка, русская, православная, 4-й учитель. Окончила 7 классов Армавирской женской гимназии. На службе учительницей – с 1 сентября 1912 года, с этого же времени на последнем месте. Преподавала в 1 основном отделении (25 мальчиков, 21 девочка).

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Грекова Александра Георгиевна – дворянка, русская, православная, 5-й учитель. Окончила 8 классов Армавирской женской гимназии. На службе учительницей – с 1 сентября 1912 года, с этого же времени на последнем месте. Преподавала в 1 параллельном отделении (35 мальчиков, 17 девочек).

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Удовенко Мария Александровна – казачка, русская, православная, 6-й учитель. Окончила Ейскую женскую гимназию. На службе учительницей – с 1 ноября 1912 года, на последнем месте – с 1 сентября 1912 года. Преподавала во 2 отделении (43 мальчика, 10 девочек).

Жена П.И. Удовенко. Другие сведения о составе семьи отсутствуют.

Сумцов Петр Ефимович – казак, русский, православный, учитель пения. На службе учителем – с 1 сентября 1911 года, с этого же времени на последнем месте.

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Найда Трофим Исаевич – урядник, русский, православный, инструктор военной гимнастики. На службе инструктором – с 1 сентября 1911 года, с этого же времени на последнем месте.

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Попутное двухклассное смешанное начальное училище 3-го инспекторского

района, станица Попутная, Лабинского отдела, Кубанской области [23].

Открыто в 1882 году как одноклассное училище. В 1903 году преобразовано в двухклассное. В училище обучалось 294 мальчика и 113 девочек, имелось 9 собственных классных комнат.

С 1905 года почетным блюстителем училища состоял урядник Никита Павлович Михайлец. Пожертвований на нужды училища он не делал, наград по должности почетного блюстителя не получал. На 1.01.1913 ему было 44 года, жене – 40 лет, дочерям – 20 и 13 лет.

На 1 января 1913 года в Попутном двухклассном смешанном начальном училище преподавали:

Соломаха Григорий Григорьевич – коллежский регистратор, дворянин, заведующий училищем. Окончил 4 класса Прилукской прогимназии. На службе учителем – с 1 сентября 1881 года, на последнем месте – с 27 ноября 1897 года. В 1904 году был на педагогических курсах в г. Екатеринодаре. Преподавал в 4 и 5 отделениях (32 мальчика и 4 девочки). Он же вел и уроки пения.

Соломахе Г.Г. на 01.01.1913 было 49 лет, жене – 47 лет. Имел дочерей 19, 18, 16, 14, 11 и 9 лет.

Иванов Павел Васильевич – священник, 1-й законоучитель. Окончил Ставропольскую духовную семинарию. На службе законоучителем – с 1 августа 1883 года, на последнем месте – с 1 августа 1885 года. Преподавал Закон Божий в 1, 2, 3, 4 и 5 отделениях (207 учащихся).

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Вишневский Леонид Петрович – священник, 2-й законоучитель. Окончил духовное училище. На службе законоучителем – с 1 сентября 1907 года, с этого же времени на последнем месте. Преподавал Закон Божий в трех параллелях 1 отделения и двух параллелях 2 отделения (200 учащихся).

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Васьков Григорий Андреевич – коллежский регистратор, казак, 2-й учитель. Образование домашнее. На службе учителем – с 23 октября 1896 года, на последнем

месте – с сентября 1903 года. Преподавал в 3 отделении (48 мальчиков, 10 девочек).

Васькову Г.А. на 01.01.1913 было 36 лет, жене – 31 год, дети – 12 и 10 лет.

Татарка Алексей Петрович – казак, 3-й учитель. Образование домашнее. На службе учителем – с 14 ноября 1901 года, на последнем месте – с 4 октября 1903 года. Был на педагогических курсах в г. Владикавказе. Преподавал в 1 отделении (55 мальчиков).

Татарке А.П. на 01.01.1913 было 33 года, жене – 31 год. Имел детей 9, 7 и 5 лет.

Сокольская Мария Александровна – духовного звания, 4-я учительница. Окончила Ставропольское епархиальное училище. На службе учительницей – с 1 сентября 1902 года, на последнем месте – с 1 сентября 1905 года. Преподавала в 1 отделении (38 девочек).

Сокольской М.А. на 01.01.1913 было 27 лет. Не замужем.

Иванова Надежда Павловна – духовного звания, 5-я учительница. Окончила Ставропольское епархиальное училище. На службе учительницей – с 1 сентября 1899 года, на последнем месте – с 1 сентября 1908 года. Преподавала во 2 отделении (42 мальчика и 14 девочек).

Ивановой Н.П. на 01.01.1913 было 29 лет. Не замужем.

Марченко Петр Иванович – крестьянин, 6-й учитель. Окончил учительскую семинарию в сел. Хони (близ Кутаиси). На службе учителем – с 24 сентября 1908 года, на последнем месте с 18 сентября 1909 года. Преподавал во 2 отделении (27 мальчиков и 15 девочек).

Марченко П.И. на 01.01.1913 было 26 лет. Холост.

Мельников Владимир Павлович – казак, 7-й учитель. Окончил 7 классов Ставропольской мужской гимназии. На службе учителем – 20 октября 1912 года, с этого же времени на последнем месте. Преподавал в 1 отделении (30 мальчиков и 10 девочек).

Мельникову В.П. на 01.01.1913 было 27 лет, жене – 27 лет, детям – 2 года и 1 год.

Щербанев Василий Иванович – казак, 8-й учитель. Окончил педагогические курсы в Петровске. На службе учителем – с 2 октября 1907 года, на последнем месте – с

1 сентября 1910 года. Преподавал во 2 отделении (24 мальчика, 8 девочек).

Щербаневу В.И. на 01.01.1913 было 25 лет, жене – 20 лет.

Костюченко Семен Иванович – урядник, инструктор военной гимнастики. Окончил начальное училище. На службе инструктором – с 1900 года, с этого же времени на последнем месте.

Костюченко С.И. на 01.01.1913 было 33 года, жене – 31 год, сыну – 14 лет.

Попутное первое одноклассное смешанное начальное училище 3-го инспекторского района, станица Попутная, Лабинского отдела, Кубанской области [24].

Открыто в 1911 году. В училище обучалось 62 мальчика и 30 девочек. Имелись 2 собственные классные комнаты.

С 1912 года почетным блюстителем училища состоял урядник Никита Павлович Михайлец. Пожертвований на нужды училища он не делал, наград по должности почетного блюстителя не получал.

На 1 января 1913 года в Попутном первом одноклассном смешанном начальном училище преподавали:

Марченко Петр Иванович – крестьянин, заведующий училищем. Окончил учительскую семинарию в сел. Хони (близ Кутаиси). На службе учителем – с 24 сентября 1908 года, на последнем месте с 1 сентября 1912 года. Преподавал во 2 отделении (27 мальчиков и 15 девочек).

Марченко П.И. на 01.01.1913 было 26 лет. Холост.

Вишневский Леонид Петрович – священник, законоучитель. Окончил духовное училище. На службе законоучителем – с 1 сентября 1907 года, на последнем месте – с 1912 года. Преподавал Закон Божий в 1 и 2 отделениях (62 мальчика и 30 девочек).

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Мельников Владимир Павлович – казак, 2-й учитель. Окончил 7 классов Ставропольской мужской гимназии. На службе учителем – 20 октября 1912 года, с этого же времени на последнем месте. Преподавал в 1 отделении (35 мальчиков и 15 девочек).

Мельникову В.П. на 01.01.1913 было 27 лет, жене – 27 лет, детям – 2 года и 1 год.

Костюченко Семен Иванович – урядник, инструктор военной гимнастики. Окончил начальное училище. На службе инструктором – с 1900 года. Костюченко С.И. на 01.01.1913 было 33 года, жене – 31 год, сыну – 14 лет.

Попутное второе одноклассное смешанное начальное училище 3-го инспекторского района, станица Попутная, Лабинского отдела, Кубанской области [25].

Открыто в 1911 году. В училище обучалось 49 мальчиков и 34 девочки. Имелось 2 собственные классные комнаты.

С 1912 года Почетным Блюстителем училища состоял урядник Никита Павлович Михайлец. Пожертвований на нужды училища он не делал, наград по должности Почетного Блюстителя не получал.

На 1 января 1913 года в Попутном втором одноклассном смешанном начальном училище преподавали:

Щербанев Василий Иванович – казак, заведующий училищем. Окончил педагогические курсы в Петровске. На службе учителем – с 2 октября 1907 года, на последнем месте – с 1 сентября 1912 года. Преподавал во 2 отделении (24 мальчика, 8 девочек).

Щербаневу В.И. на 01.01.1913 было 25 лет, жене – 20 лет.

Вишневский Леонид Петрович – священник, законоучитель. Окончил духовное училище. На службе законоучителем – с 1 сентября 1907 года, на последнем месте – с 1912 года. Преподавал Закон Божий в 1 и 2 отделениях (49 мальчиков и 34 девочки).

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Соломаха Татьяна Григорьевна – дворянка, 2-й учитель. Окончила 4 класса Армавирской женской гимназии. На службе учительницей – с 1 сентября 1912 года, с этого же времени на последнем месте. Преподавала в 1 отделении (25 мальчиков, 16 девочек).

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Костюченко Семен Иванович – урядник, инструктор военной гимнастики. Окончил начальное училище. На службе инструктором – с 1900 года. Костюченко

С.И. на 01.01.1913 было 33 года, жене – 31 год, сыну – 14 лет.

Спокойное двухклассное смешанное начальное училище 5-го инспекторского района, станица Спокойная, Баталпашинского отдела, Кубанской области [26].

Открыто в 1864 году как одноклассное училище. В 1905 году преобразовано в двухклассное. В училище обучалось 152 мальчика и 3 девочки. Имелось 4 собственных классных комнаты.

С 1908 года почетным блюстителем училища состоял казак Емельян Данилович Ромащук. В 1910 году пожертвовал на нужды училища 10 рублей. Наград по должности почетного блюстителя не получал.

На 1 января 1913 года в Спокойном двухклассном смешанном начальном училище преподавали:

Запорожец Иван Федорович – крестьянин, заведующий училищем. Окончил Баталпашинское уездное училище и педагогические курсы при нем, а также 4 класса Ставропольской мужской гимназии. На службе учителем – с 1 декабря 1901 года, на последнем месте – с 1 сентября 1907 года. В 1907 году был на сельскохозяйственных курсах в г. Анапе. Преподавал в 5 отделении (12 мальчиков и 1 девочка).

Запорожцу И.Ф. на 01.01.1913 было 28 лет, жене – 35 лет, сыну – 5 лет.

Бубнов Александр Иванович – священник, законоучитель. Закончил 5 классов Ставропольской мужской гимназии. На службе законоучителем – с 5 февраля 1883 года, на последнем месте – с 1 сентября 1900 года.

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Кучеренко Михаил Иванович – крестьянин, 2-й учитель. Окончил педагогические курсы при Баталпашинском городском училище. На службе учителем – с 1 октября 1903 года, на последнем месте – с 1 сентября 1906 года. Преподавал во 2 отделении (51 мальчик), а также вел уроки пения.

Кучеренко М.И. на 01.01.1913 было 27 лет, жене – 25 лет. Имел сыновей 3 лет и 1 года.

Кучеренко Анна Михайловна – 3-й учитель. Окончила Ставропольское епархиальное училище. На службе учительницей – с 1 января 1906 года, с этого же времени на

последнем месте. Преподавала в 1 отделении (58 мальчиков).

Жена учителя М.И. Кучеренко.

Жилин Петр Евдокимович – крестьянин, 3-й учитель. Окончил педагогические курсы при Баталпащинском городском училище. На службе учителем – с 1 октября 1908 года, с этого же времени на последнем месте. Преподавал в 3 и 4 отделениях (31 мальчик и 2 девочки).

Жилину П.Е. на 01.01.1913 было 25 лет, жене – 29 лет.

Палий Савва Епифанович – урядник, инструктор военной гимнастики. Окончил учебную команду.

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Спокойное станичное одноклассное смешанное начальное училище 5-го инспекторского района, станица Спокойная, Баталпащинского отдела, Кубанской области [27].

Открыто в 1911 году. В училище обучалось 56 мальчиков и 33 девочки. Имелось 2 собственных классных комнаты.

С 1911 года почетным блюстителем училища состоял урядник Иван Яковлевич Бородин. Пожертвований на нужды училища он не делал, наград по должности почетного блюстителя не получал.

На 1 января 1913 года в Спокойном станичном одноклассном смешанном начальном училище преподавали:

Шептухин Иван Лаврентьевич – казак, православный, заведующий училищем. Окончил Баталпащинское шестиклассное училище. На службе учителем – с 1 ноября 1910 года. В 1908 году был на педагогических курсах в ст. Баталпащинской. Преподавал во 2 и 3 отделениях (27 мальчиков и 15 девочек).

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Бубнов Александр Иванович – священник, законоучитель. Закончил 5 классов Ставропольской мужской гимназии. На службе законоучителем – с 5 февраля 1883 года, на последнем месте – с 19 сентября 1911 года. Преподавал Закон Божий во всех 3 отделениях училища (56 мальчиков и 33 девочки).

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Харин Андриан Ильич – казак, православный, 2-й учитель. Окончил Баталпащинское шестиклассное училище. На службе учителем – с 20 октября 1912 года. Преподавал в 1 отделении (29 мальчиков и 18 девочек).

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Спокойно-Синюхинское одноклассное смешанное начальное училище 5-го инспекторского района, хутор Спокойная Синюха, Баталпащинского отдела, Кубанской области [28].

Открыто в 1911 году. В училище обучалось 30 мальчиков и 14 девочек. Имелось 2 наемных классных комнаты.

С 1912 года почетным блюстителем училища состоял урядник Назар Иванович Найдено. Пожертвований на нужды училища он не делал, наград по должности почетного блюстителя не получал.

На 1 января 1913 года в Спокойно-Синюхинском одноклассном смешанном начальном училище преподавал:

Лазюк Афанасий Андреевич – крестьянин, православный, заведующий училищем. Окончил второклассную учительскую школу. На службе учителем – с 1 сентября 1906 года. На последнем месте – с 20 сентября 1911 года. Преподавал в 1 и 2 отделениях (30 мальчиков и 14 девочек). Также вел уроки Закона Божьего.

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Удобное одноклассное мужское начальное училище 5-го инспекторского района, станица Удобная, Баталпащинского отдела, Кубанской области [29].

Открыто в 1862 году. В училище обучалось 190 мальчиков. Имелось 4 собственных классных комнаты.

С 1911 года почетным блюстителем училища состоял казак Иван Филиппович Дмитриев. Пожертвований на нужды училища он не делал, наград по должности почетного блюстителя не получал.

На 1 января 1913 года в Удобном одноклассном мужском начальном училище преподавали:

Иваненко Никанор Сергеевич – заведующий училищем. Окончил Баталпащинское городское училище. На службе учителем – с 15 января 1908 года, на последнем месте – с 1 сентября 1909 года. В

1901 году был на педагогических курсах в г. Екатеринодаре, в 1909 г. – на сельскохозяйственных курсах в г. Анапе. Преподавал в 1 основном отделении (59 мальчиков).

Иваненко Н.С. на 01.01.1913 было 33 года, жене – 32 года. Имел сыновей 11, 8 и 6 лет и дочь 9 лет.

Остриков Александр Михайлович – законоучитель. Окончил Тульскую духовную семинарию. На службе законоучителем – с 20 октября 1888 года, на последнем месте – с 29 августа 1898 года. Преподавал Закон Божий во всех отделениях училища.

Острикову А.М. на 01.01.1913 было 45 лет, его жене – 43 года.

Колесниченко Федор Михайлович – 2-й учитель. Окончил педагогический класс Баталпашинского городского училища. На службе учителем – с 1 сентября 1907 года, с этого же времени на последнем месте. В 1911 году был на сельскохозяйственных курсах в г. Анапе. Преподавал в 1 (20 мальчиков) и 3 отделениях (22 мальчиков).

Колесниченко Ф.М. на 01.01.1913 было 24 года, жене – 21 год, дочери – 2 года.

Свидина Евдокия Георгиевна – 3-й учитель. Окончила Суворовское двухклассное училище. На службе учителем – с 1 сентября 1907 года, с этого же времени на последнем месте. Преподавала во 2 отделениях (40 мальчиков).

Свидиной Е.Г. на 01.01.1913 было 19 лет. Не замужем.

Макаров Андрей Константинович – 4-й учитель. Обучался в Баталпашинском городском училище, курса не окончил. На службе учителем – с 1 октября 1909 года, с этого же времени на последнем месте. Преподавал в 1 параллельном отделении (49 мальчиков).

Макарову А.К. на 01.01.1913 было 25 лет, жене – 20 лет.

Чулков Михаил Павлович – учитель пения. Обучался в Ставропольской духовной семинарии, курса не окончил. На службе учителем – с 1 января 1912 года, с этого же времени на последнем месте.

Чулкову М.П. на 01.01.1913 было 30 лет, жене – 19 лет.

Белухов Алексей Дмитриевич, инструктор военной гимнастики. На службе

инструктором – с 15 сентября 1911 года, с этого же времени на последнем месте.

Белухову А.Д. на 01.01.1913 было 27 лет, жене – 21 год.

Удобное Екатеринодарского женского благотворительного общества одноклассное женское училище 5-го инспекторского района, станица Удобная, Баталпашинского отдела, Кубанской области [30].

Открыто в 1903 году. В училище обучалась 80 девочек. Имелись 1 собственная и 1 наемная классные комнаты.

С 1910 года почетным блюстителем училища состоял казак Иван Филиппович Дмитриев. Пожертвований на нужды училища он не делал, наград по должности почетного блюстителя не получал.

На 1 января 1913 года в Удобном Екатеринодарского женского благотворительного общества начальном училище преподавали:

Скиба Антонина Митрофановна – казачка, заведующая. Окончила Мариинское Кубанское женское училище. На службе учительницей – с 1889 года, на последнем месте – с 1912 года. Преподавала в 1 и 3 отделениях (50 девочек).

Скиба А.М. на 01.01.1913 было 35 лет, дочери – 14 лет.

Березовский Федор Акимович – священник, законоучитель. Окончил 1 класс Ставропольской духовной семинарии. На службе законоучителем – с 1889 года, на последнем месте – с 1911 года.

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Алещенко Анастасия Кондратьевна – казачка, 2-й учитель. Окончила 5 классов Темрюкского Мариинского училища. На службе учительницей – с 1 января 1912 года, на последнем месте – с 1 октября 1912 года. Преподавала в 1 и 2 отделениях (30 девочек)

Алещенко А.К. на 01.01.1913 было 23 года. Не замужем.

В период с 1913 по 1917 год в вышерассмотренных населенных пунктах количество обучающихся в начальных «министерских училищах» значительно возросло. Это происходило как за счет преобразования одноклассных училищ в двухклассные, так и за счет открытия новых училищ. Так, например, в станице Отрадной в 1913 году

было открыто сразу два начальных училища – Южное и Северное. Одно из этих училищ впоследствии стало основой для образования старейшей из ныне существующих школ станицы Отрадной – средней школы № 1, столетний юбилей которой отмечается в этом году.

Отрадное Южное одноклассное смешанное начальное училище 5-го инспекторского района, станица Отрадная, Баталпашинского района, Кубанской области [31].

Открыто в 1913 году. В училище обучалось 60 мальчиков и 12 девочек. Имелись 1 собственная и 1 наемная классные комнаты.

Почетного блюстителя не имелось.

На 1 января 1915 года в Отрадном Южном одноклассном смешанном училище преподавали:

Матюцкий Иван Петрович – крестьянин, заведующий училищем. Окончил педагогические курсы при Баталпашинском городском училище. На службе учителем – с 1 сентября 1907 года, на последнем месте – с 1 сентября 1913 года. Преподавал в 1 отделении училища (32 мальчика и 2 девочки).

Матюцкому И.П. на 01.01.1915 было 29 лет. Холост. Проживал с матерью 56 лет и сестрами 16, 13, 10, 7 и 5 лет.

Сапежко Максим Иоаннович – протоиерей, законоучитель. Окончил Могилевскую духовную семинарию. На службе законоучителем – с 1859 года, на последнем месте – с 1 сентября 1914 года. Преподавал Закон Божий в 1 отделении училища (60 мальчиков и 12 девочек).

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Котляров Степан Иванович – казак, 2-й учитель. Окончил педагогические курсы при Баталпашинском городском училище. На службе учителем – с 1 сентября 1913 года, на последнем месте – с 1 сентября 1913 года. Преподавал в 1 отделении училища (32 мальчика и 2 девочки).

Котлярову С.И. на 01.01.1915 был 21 год. Холост.

Сергеенко Антон Ильич – крестьянин, учитель пения. Образование начальное. На службе учителем с 1902 года, на последнем месте – с 1 сентября 1914 года.

Преподавал пение в 1 отделении (60 мальчиков и 12 девочек).

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Отрадное Северное одноклассное смешанное начальное училище 5-го инспекторского района, станица Отрадная, Баталпашинского района, Кубанской области [32].

Открыто в 1913 году. В училище обучалось 66 мальчиков и 20 девочек. Имелись 1 собственная и 1 наемная классные комнаты.

Почетного блюстителя не имелось.

На 1 января 1915 года в Отрадном Северном одноклассном смешанном училище преподавали:

Борисенко Игнат Еремеевич – казак, заведующий училищем. Окончил Баталпашинские одногодичные педагогические курсы. На службе учителем – с 1 сентября 1910 года, на последнем месте с 1 сентября 1913 года. Преподавал во 2 отделении училища (39 мальчиков и 9 девочек).

Борисенко И.Е. на 01.01.1915 было 23 года. Холост.

Сапежко Максим Иоаннович – протоиерей, законоучитель. Окончил Могилевскую духовную семинарию. На службе законоучителем – с 1859 года, на последнем месте – с 1 сентября 1914 года. Преподавал Закон Божий в 1 и 2 отделениях училища (66 мальчиков и 20 девочек).

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Головащенко Владимир Викторович – казак, 2-й учитель. Окончил педагогические курсы при Баталпашинском городском училище. На службе учителем с 1913 года, с этого же времени на последнем месте. Преподавал в 1 отделении училища (27 мальчиков и 11 девочек).

Головащенко В.В. на 01.01.1915 было 22 года, жене – 20 лет. Детей не было.

Сергеенко Антон Ильич – крестьянин, учитель пения. Образование начальное. На службе учителем с 1902 года, на последнем месте – с 1 сентября 1914 года. Преподавал пение в 1 и 2 отделениях (66 мальчиков и 20 девочек).

Сведения о составе семьи отсутствуют.

Здесь приведены далеко не полные сведения о школах и их преподавательском

составе в предреволюционный период в населенных пунктах нынешнего Отрадненского района. Сделать «фотографию застывшего исторического момента» для такого динамичного и постоянно меняющегося процесса, как развитие народного образования на Кубани в начале XX века, – практически невозможно. Даже в течение одного учебного года изменения были значительны. Одни училища открывались, другие преобразовывались, в школу приходили молодые учителя, учителя с большим педагогическим опытом получали новые назначения. Начавшаяся Первая мировая война внесла свои нерадостные коррективы в учительский состав кубанских (да и не только кубанских) народных училищ. Учителя-мужчины призывного возраста, а таких было немало, были призваны на фронт. На их место заступили учительницы-женщины, героически выполнявшие нелегкую педагогическую работу за себя и за учителя-фронтовика. Так, на место ушедшего на войну заведующего Отрадным Северным училищем Игната Еремеевича Борисенко пришла Антонина Григорьевна Бородина (урожд. Аносова), на место 2-го учителя того же училища Владимира Виктора Головащенко – Александра Ивановна Харламова [33].

История – наука, призванная не только собирать, систематизировать и изучать исторические факты и сведения, но и сохранять память народную. Пока люди помнят о жизни и делах своих славных предков – надежны будут скрепы, соединяющие связь времен. Народ, помнящий и любящий свою историю – непобедим, ибо в одном строю стоят поколение нынешнее и поколения прошлые, давно ушедшие. И есть в этом строю место для грядущих, еще не родивших поколений. Человек, потерявший связь поколений, превращается в «Ивана, не помнящего родства», в «материал» для самых ужасных исторических экспериментов.

Учитель в России – во все времена был человеком самоотверженного, подвижнического труда. Профессия учителя была не самой прибыльной, но одной из самых уважаемых в народе. Сохранить память об этих людях является важной и благородной миссией историка. И если приведенные выше имена преподавателей станичных и

хуторских школ не останутся «пустым звуком», а найдут живой отклик в умах и сердцах кубанцев, то цель и задачи настоящего сообщения можно считать достигнутыми.

Примечания:

1. Полное собрание законов Российской Империи (далее – ПСЗ). Собр. 2. Т. 23 (1848). СПб., 1849. Ст. 22838.
2. Там же. § 11.
3. *Зажжаев П.А.* Прошлое и настоящее кубанской начальной школы. Екатеринодар, 1907. С. 2.
4. Там же. С. 2.
5. Там же. С. 2-3.
6. ПСЗ. Собр. 2. Т. 45 (1870). СПб., 1874. Ст. 48937.
7. *Зажжаев П.А.* Указ. соч. С. 3.
8. Там же. С. 12.
9. *Арканников Ф.* Краткий очерк развития народного образования в Кубанской области // Кубанские областные ведомости. 16 декабря 1878 г. № 49.
10. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 470. Оп. 2. Д. 707. Л. 66.
11. *Зажжаев П.А.* Указ. соч. С. 17.
12. ГАКК. Ф. 472. Оп. 1. Д. 15. Л. 41-42 об.
13. ГАКК. Ф. 472. Оп. 1. Д. 16. Л. 42-43 об.
14. ГАКК. Ф. 472. Оп. 1. Д. 15. Л. 155-156 об.
15. Там же. Л. 169-170 об.
16. Там же. Л. 171-172 об.
17. ГАКК. Ф. 472. Оп. 1. Д. 16. Л. 128-129 об.
18. Там же. Л. 130-131 об.
19. Там же. Л. 132-133 об.
20. Там же. Л. 135-136 об.
21. Там же. Л. 136-137 об.
22. ГАКК. Ф. 472. Оп.1. Д. 15. Л. 211-212 об.
23. Там же. Л. 215-216 об.
24. Там же. Л. 217-218 об.
25. Там же. Л. 219-220 об.
26. ГАКК. Ф. 472. Оп. 1. Д. 16. Л. 150-151 об.
27. Там же. Л. 152-153 об.
28. Там же. Л. 148-149 об.
29. Там же. Л. 174-175 об.
30. Там же. Л. 176-177 об.
31. ГАКК. Ф. 472. Оп.1. Д. 27. Л. 143-144 об.
32. Там же. Л. 145-146 об.
33. Там же. Л. 146 об.

Е.В. Тёр

**К вопросу о влиянии
модернизационных процессов
на религиозное состояние
кубанских станиц
во второй половине XIX – нач. XX в.
(на примере отрадненского Приурупья)**

После отмены крепостного права в 1861 года Российская империя вступает на путь модернизации – переходу от аграрного общества к индустриальному. Этот процесс привёл к изменениям не только в политической, экономической, социальной, но и духовной сферах. В своём исследовании мы рассматриваем изменения в религиозном состоянии казачьего и иногороднего населения станиц Приурупья.

Как известно, 29 апреля 1868 г. вышло постановление о «О дозволении русским подданным невоинского сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск» [1]. Вместе с переселенцами в Приурупье приходят и сектантские идеи, популярные на юге Украины и России – молоканство, штундизм, хлыстовство и многие другие. Если на Старой и Новой линиях ранее присутствовало помимо официального православия и старообрядчества, то теперь уже появляются различные религиозные секты и группы. После закона 1868 г. на Кубань хлынули потоки иногородних – переселенцев из губерний центрального Чернозёмного центра (Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской, Рязанской) и Украины (Харьковской, Полтавской, Черниговской губерний и др.), т.е. из мест возникновения и наибольшей концентрации сектантства [2].

Д. Иванов, учитель Отрадненского мужского училища, опубликовал данные по станице Отрадной за 1888 год. Он пишет, что «по вероисповеданию население разделяется так, православных – 5432 д[уш], молокан – 31 д., армяно-григориан – 4 д.»[3].

Вместе с тем автор выделяет отдельно и значительную группу хлыстов, численность которой установить не смог. Он пишет об особенностях хлыстовского учения, считает причиной его появления среди станичного населения неустойчивость религиозных понятий у отрадненцев, стрем-

ление последних к новаторству. «...Православные жители станицы относятся к ним не то с завистью, не то с ненавистью. С одной стороны, видно довольство сектантов, с другой – неприятны их толкования Евангелия» [4]. Сектантство распространялось и в близлежащих населённых пунктах Приурупья.

Так, в селе Казьминском Баталпашинского отдела, основанном в 1867 году крестьянами переселенцами из внутренних губерний империи, в 1888 году появляется группа сектантов. Это объяснялось современниками соседством Тамбовского молоканского хутора (на расстоянии 1 версты) и немецкой колонии Великокняжеской, населённой баптистами, меннонитами, штундистами и адвентистами. Из 6000 душ общей численности адвентистов насчитывалось – 31 чел., молокан – 81 чел., баптистов – 185 чел. [5]

В последующем сектантство распространилось и в других станицах Приурупья. Согласно данным, опубликованным исследователями О.В. Ложкиной и А.А. Бондаренко, Н.Т. Михайлова [6], к началу XX века картина религиозной жизни выглядела следующим образом.

Таблица 1

*Инославные, иноверцы, раскольники
и сектанты станиц Приурупья*

Наименование станицы	Религиозное направление	Численность
Спокойная (1914 год)	<i>По О.В. Ложкиной и А.А. Бондаренко:</i>	4
	Иноверцев (католиков и лютеран)	14
	Инославных (армяно-григориан)	9
	Раскольников (поповцев)	4
	Сектантов («Новый Иерусалим»)	10
	<i>По Михайлову Н.Т., на 1910г.:</i>	28
	Поповцев	
Удобная (1914г.)	Баптистов, хлыстов, новоизраильцев	
	<i>По О.В. Ложкиной и А.А. Бондаренко</i>	53
	Хлыстов	62
	Баптистов	29
	«Новый Израиль»	2
	Адвентистов	
<i>По Михайлову Н.Т., на 1910г.:</i>	Хлыстов	80
		9
		75

	«Новый Израиль» Баптистов Поморцев	1
Надёжная (1915г.)	<i>По О.В. Ложкиной и А.А. Бондаренко:</i> Инославных	2
	Сектантов	5
Подгорная (1915г.)	<i>По О.В. Ложкиной и А.А. Бондаренко:</i> «Новый Израиль»	6
	<i>По Михайлову Н.Т., на 1910г.:</i> «Новый Израиль»	7
Попутная (1915г.)	<i>По О.В. Ложкиной и А.А. Бондаренко:</i> Армяно-григориан	15
	Раскольников ав-	3
	стрийского толка	36
	Баптистов	51
	Адвентистов	5
	<i>По Михайлову Н.Т., на 1910г.:</i>	40
	Поповцев	28
	Адвентистов	18
	Субботников	12
	Штундо-баптистов Новоизраильцев	
Отрадная	Баптистов	30
	«Новый Израиль» <i>По Михайлову Н.Т., на 1910г.</i>	84
Бесстрашная	Поповцев <i>По Михайлову Н.Т., на 1910г.</i>	23

Как показывают эти сведения, явно заметен рост влияния баптистов, особенно в тех станицах, которые расположены по берегам Урупа – в Попутной, Удобной, Отрадной. Связано это с тем, что здесь находились земли известного в России овцевода Дея Ивановича Мазаева (1855 – 1922). Помещик Мазаев возглавил Русскую баптистскую церковь после Первого съезда баптистов в 1884 году. Перешедшие из молоканства братья Д. и Г. Мазаевы – лидеры «Союза русских баптистов» – имели большое влияние в среде единоверцев [7]. Достаточно обратиться на интернет-сайты, посвящённые баптизму, в них везде подчёркивается значительная роль Дея и Гавриила Мазаевых как лидеров баптистского движения.

Возрастает численность адептов, вышедшей из хлыстовства секты «Новый Израиль». «После 1905 года «новоизраильские» общины вышли из подполья и в остальной России, а сделавшаяся возмож-

ной пропаганда увеличила ряды секты организацией ряда общин также и в городах и станицах, особенно в Кубанской области», – пишет известный исследователь религиозной жизни Н.М. Никольский [8].

Тем не менее, среди последователей сектантства к началу XX столетия необходимо выделить две наиболее крупные группы – хлыстовского (хлысты, «Новый Израиль») и протестантского направлений (баптисты, адвентисты, штундо-баптисты). «Штундизм и баптизм, инкорпорировавшие в себя значительную долю духоборчества и молоканства, являлись руководящими сектами пореформенной эпохи, наиболее соответствовавшими тенденциям расслоения деревни и потребностям мелкобуржуазных капиталистиков города», – пишет Никольский [9].

Развитие и формирование новых религиозных групп было далеко не таким безоблачным. В конце XIX в. они подвергались преследованиям. Так, на страницах «Ставропольских епархиальных ведомостей» (№9 за 1895 год) была опубликована статья «Суд над штундистами Кубанской области (ст-ца Отрадная)» [10]. Не менее интересны события, описанные кубанским историком О.В. Матвеевым, о судьбе войскового старшины Матвея Ивановича Санькова, заподозренного в увлечении хлыстовскими идеями [11].

В заключение следует сказать, что в обозначенной теме ещё много пробелов и неясностей. Так, например, слабо изучена судьба молоканства в Приурупье, достаточно влиятельного в 1870 – 1890-х годах. Несмотря на переход части молокан в баптизм, какая-то их группа продолжала оставаться в станицах Новой Линии. Об этом говорят непроверенные сведения. Поэтому, тему истории сектантства пореформенного периода станиц юго-восточной части Кубани важно изучать в целях более полного осознания влияния модернизационных процессов на религиозное состояние казачьего и иногороднего населения станиц.

Примечания:

1. Постановление Государственного Совета «О дозволении русским подданным невоинского сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск» (29 апреля

1868г.). Док. №75 // Хрестоматия по истории Кубани. Документы и материалы. Часть I. Краснодар, 1975. С.134 – 137.

2. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. Изд. Наука. М.1967. С.250.

3. *Иванов Д.* Станица Отрадная Кубанской области, Баталпашинского уезда. Отрадная / сост. М.Н. Ложкин, ред. В.В. Тёр.1992. С. 13.

4. Там же. С.14 – 15.

5. *Михайлов Н.Т.* Справочник по Ставропольской епархии (обзор городов, сёл, станиц и хуторов Ставропольской губернии и Кубанской области). М., 2008. С. 609 – 610.

6. *Ложкина О.А., Бондаренко А.А.* Историческое описание Отрадненского благочиния. Краснодар, 2011. С. 126 – 129; *Михайлов Н.Т.* Указ. соч. С. 612 – 614, 624, 637; *Крюков А.В.* Баптизм на Кубани (60-е гг. XIX века –1917г.) // Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы IX краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции / под. ред. В.Б. Виноградова, И.И. Марченко. Армавир-Краснодар, 2001. С.15 – 16.

8. *Никольский Н.М.* История русской церкви. 3 –е изд. М., 1983. С. 401.

9. *Никольский Н.М.* Указ. соч. С. 383.

10. Кубань в «Ставропольских [Кавказских] епархиальных ведомостях. Библиографический указатель / сост. С.А. Слуцкая. Краснодар, 2009. С. 104.

11. *Матвеев О.В.* Из жизни и наследия офицера Урупской бригады // Вопросы истории Поурупья. Вып.1.: Ильичёвское городище как памятник средневековой археологии и церковной архитектуры. Материалы краевой научной конференции, посвящённой 50-летию открытия и изучения Ильичёвского городища. Отрадная, 2012.С. 158 – 165.

В.В. Якубов

Скорбная Троица. К истории антибольшевистского восстания казаков станицы Лабинской

Произошедшее на обломках Великой России антибольшевистское выступление коренного населения Лабинского отдела оставило о себе немного документальных свидетельств или личных воспоминаний. На фоне драмы огромной страны оно, быть может, воспринималось скромным, несчастным фрагментом общего ряда. Но

сейчас, по прошествии практически ста лет, переживается по-другому. Теперь бесценна каждая крупинка правды, вынуждая на Божий свет и дающая возможность осмыслить произошедшее в те годы, с современных позиций. Тем более, как выяснилось в ходе подготовки предлагаемой публикации, выступление то до сих пор имеет недосказанный, недооцененный и недоисследованный шлейф. Речь идёт о Троицком восстании казаков 1918 года в станице Лабинской и немного о делах, предварявших и последовавших ему.

Восемнадцатый год в станице стал продолжением хаоса предыдущего, 1917 года. Январь и почти весь февраль продлили состояние неопределённости, а точнее – полного паралича местного административного руководства. По станице то там, то здесь непрерывной чередой шли заседания, собрания и митинги бесчисленных революционных комитетов и фракций. Анархистские налеты на частные дома, эпизодические разграбления имущества промышленного и торгового капитала, полное обесценивание человеческой жизни стали приметой времени. Смена власти произошла незаметно: 3-го февраля 1918 г. в Лабинской была провозглашена советская власть.

В первое время приход ее был встречен обывателем скорее безразлично. Как замечали в народе, «пусть *такая* власть, только бы власть и порядок». Надо отдать должное революционным активистам, порядок был установлен на редкость скоро и жестко. Но характер «порядка» и особенно методы, которыми была достигнута стабильность, привели в оцепенение станичное общество. Первоначально станичным казачеством предпринимались робкие попытки найти с большевистским активом некое согласие, относительно сохранения за коренным населением сословных и земельных привелегий. Но согласия на этой почве не получилось. К середине весны 1918 года станицы забурлили глухим недовольством, пролившемся кровавой июньской вакханалией. Троицкое восстание – стало точкой отсчёта нового периода в истории станицы Лабинской. В ходе восстания родилась, а в дальнейшем только крепла, действенная вооруженная, антибольшевистская оппозиция, державшая в напряжении местные ревкомы до прихода армии А.И. Деникина. В

середине октября в Лабинскую пришли добровольцы.

Едва лишь исключительно вооруженными событиями запомнился восемнадцатый год станичникам. Немало казаков-домохозяев и местных обывателей, как говорили тогда «достаточных средствами», впервые услышали и испытали на себе тяжелый смысл новых слов, которые на первых порах неискушенные жители и выговорить правильно не могли: контрибуция, экспроприация, реквизиция, трибунал, революционный террор. Претерпеть за короткий срок все эти напасти в торговой, зажиточной, вольной станице, которая отроду «ни нужды, ни прижиму» не знала, было нелегко. По этой причине, с приходом добровольцев, дни «мыканья горя в большевистском раю» воспринимались населением как кошмар. Смена властей и сумятица административной структуры, общая расшатанность жизни никак не способствовали сохранению в станицах документальной базы эпохи. В период правления Кубанского правительства и Рады были предприняты начальные шаги для сохранения в летописях фактов бесчеловечных деяний большевизма. Но, двадцатимесячный срок, отпущенный им, оказался лишь передышкой, абсолютно недостаточной для собирания и сбережения исторических документов. В «царстве социализма», свидетельствам, обличавшим первоначальные деяния красной диктатуры, как и бумагам, дорогим вековому казачеству, места не было.

Целью предпринятого нами исследования было желание установить цифру потерь казачьего населения станиц, находящихся в границах современного Лабинского района в этот период: с 5 по 30 июня 1918 года.

В сущности, тема Троицкого восстания так и остается белым пятном не только местной истории, но и в истории Кубани. Если в недавнем прошлом проблематика участия коренного населения Кубани в антибольшевистских выступлениях (в нашем случае станицы Лабинской и бывшей её округи) была под запретом, и оценивалась однозначно – мракобесие, контрреволюция, бандитизм, то в последнее время предмет внимания прозябает в тени по другой причине – якобы ее локальности и мнимой исчезновенности. При этом, до настоящего вре-

мени, ни в Лабинске, ни в станицах района, нет достоверных списков пострадавших казаков, как нет четкой реконструкции происходившего, не исследована степень вовлеченности казаков Лабинской и других станиц в стихию повстанческого процесса, полузабыты места трагических событий, неведомы и не почитаемы имена погибших, которые могли бы стать нравственными ориентирами для современной молодежи. Поэтому, в пору «возрождения казачества», будет не лишним, как минимум, в рамках предлагаемого исследования, вернуться к вопросу красного террора в июне 1918 года. Не претендуя на глубокие аналитические выводы, попробуем уточнить статистику жертв и внести некоторые уточняющие коррективы.

Предваряя наше изложение, еще раз отметим, что весьма скромной оказалась документальная база и круг доступных источников, на которые приходилось опираться. Пара-тройка заслуживающих внимания, но, нередко сбивчивых и противоречивых статей «красных партизан», выходящих в районной газете к очередным годовщинам «великого октября». Ко всему, предания эти неоднократно лакировались в интересах «краснопартизанской репутации», да так, что со временем, стали восприниматься как сказки. Не секрет, что некоторые «бойцы» революции, изо всех сил стараясь попасть на скрижали истории, весь свой остаток жизни сочиняли пафосные биографии, присваивая каждый себе одни и те же победы, придумывая небывалые истории, или в угоду властям подгоняя факты под советский идеологический шаблон. Таким образом, запутывалась и без того невнятная картина событий. Ввиду этого, разобраться, где в краснопартизанском «наследии» правда, а где художественный образ стоит немалого труда.

Иной пласт свидетельств – воспоминания белых повстанцев; что такие существуют и даже в изрядном количестве (однако, в столичных архивах и библиотеках) известно доподлинно. Белое движение, ушедшее в эмиграцию, оставило свой взгляд на события. Но еще совсем недавно путь этому взгляду через границу был заказан по идеологическим соображениям, а теперь из-за другой напасти – «столичной недоступности» (прежде всего фи-

нансовой) для провинциального специалиста. Впрочем, несколько книжных страниц, воспроизводящих, по памяти, хронологию дня и действия белых сопротивленцев в работе были использованы.

Еще один бесценный источник информации – акты расследования злодеяний большевиков, собранные Особой следственной комиссией, изучавшей «красный террор», что называется, по горячим следам. Возникшая при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России в апреле 1919г., ОСК, согласно Положению, была создана «для выявления перед лицом всего культурного мира разрушительной деятельности организаторов большевизма»[1]. В своей деятельности комиссия руководствовалась Уставом уголовного судопроизводства Российской империи 1914 года. Чтение ледящих душу подробностей её работы до сих пор не могут оставить никого равнодушным. Однако здесь страницы «актов», относившихся к событиям в станице Лабинской, привлекаться не будут. Они есть в открытом доступе в сети Интернет, поэтому, пересказывать их не имеет смысла.

По ходу разработки темы, немало интересного, (как часто бывает, и всегда на удивление!), дали живые воспоминания лабинцев, хранимые в семьях. Эмоциональная наполненность от встреч с потомками фигурантов Троицкой драмы, помогла острее прочувствовать то время и оценить аргументы противоборствовавших лагерей. При этом учитывались доводы и той и другой стороны. Неожиданной помехой делу стала административная заковыка, запрещающая до истечения столетнего срока разглашать личные данные без разрешения родственников. Что и говорить, досадный запрет, однако чтобы дополнить акты Особой комиссии некоторыми местными, недавно открытыми фактами, придётся ожидать векового юбилея.

Единственными документальными памятниками, из доступных на сегодняшний день, стали Метрические книги станичных церквей, отложившиеся в Лабинском районном архиве. В них поименно зафиксированы жертвы «черного» года; возраст, сословное положение, обстоятельства и дата гибели, место и день захоронения. Таких источников сохранилось не-

много, но при скрупулезном изучении информация, отображенная в «метриках», дала пищу для анализа, сопоставления и размышления.

Во время работы предпринимались попытки привлечь документы Мостовского и Курганинского архивов. По сведениям участников междоусобицы, казаки из станиц, оказавшихся теперь в сопредельных районах приняли посильное участие в «июньской эпопее». Но и здесь возникают препятствия: например, в Курганинском архиве нет метрических книг станиц Константиновской и Родниковской за восемнадцатый год, а в Мостовском архиве (при наличии «метрик» станиц Ярославской и Костромской) не сохранились страницы "о смерти", где фиксировались имена убитых. Вследствие этого, приступая к обзору событий, ограничимся территориально только Лабинской и станицами, ныне входящими в одноименный район. Известно, что в ней разворачивались основные, можно сказать, кульминационные события лета 1918.

К концу мая, недовольные двухмесячным хозяйничаньем «революционеров», казаки ближайших к Лабинской станиц были готовы восстановить привычный уклад жизни и освободить родные хаты от красного ига. Поднимали дух и вселяли уверенность в организаторов, планировавшегося восстания (в большинстве, то были промонархически настроенные офицеры), время от времени загоравшиеся по станицам вспышки недовольства действиями «коммунистов-большевиков», а также «вести с Дона» где, по слухам, «атаман Каледин и добровольцы готовили поход на Кубань». В течение весны робкие попытки вооруженного противостояния небольших групп казаков были жестко подавлены, на тот период революционная власть еще имела в станицах убедительный идеологический и вооруженный перевес сил. Воспоминания красного казака Спесивцева, почерпнутые из беседы с его потомками, передают нестройной фразой атмосферу «контрреволюционных брожений» февраля-марта 1918 г: «... реакционно настроенные офицеры и часть казаков вынужденны были разойтись по домам, но, это было, своего рода, их подпольем». В приведенной выдержке из беседы шла речь о времени воз-

вращения в станицу 1-го Лабинского полка. Вспоминая «годы славных побед», местный большевик из «иногородних» так описывал «предтроицкие» настроения казаков-лабинцев: «...контрреволюционеры не хотели добровольно сдаваться. Казачья верхушка шла за атаманом области Филимоновым»[2]. В середине 1960-х, через газету, ему вторил персональный пенсионер Т. Алифанов: «Апрель-июнь 1918 г. ознаменовался грозными событиями. Подняли восстание кулаки, в районе шныряли различных мастей банды, появились денкинцы...»[3].

Главное действие дня «скорбной Троицы» развернулось на центральных улицах и площадях Лабинской. Задачей наступавших был захват арсеналов Лабинского революционного гарнизона, а также батареи из 8 пушек и 20 пулеметов. Восставшие имели жгучее желание наказать коммунаров-обидчиков за жертвы и унижения казачества. По словам Чамлыкского казака З. Кобызева, в случае успеха, противленцы планировали: «развивать наступление в двух направлениях – на Курганную и на Армавир. Таким образом, в случае удачного исхода выступления, центр боевых действий был бы под Армавиром...»[4]. В случае успеха, захватив столицу отдела – Армавир, повстанцы освобождали от большевиков стратегическую торгово - промышленную зону Кубани. Создавая тем самым наступательный плацдарм и прочный тыл для последующего похода на Москву.

Глубокой ночью (или ранним утром, как считать время между 3-мя и 4-мя часами) 5 июня (18 по новому стилю) 1918 года начался штурм станицы. Спустя годы, ветераны «лабинской революции» вспоминали, что костяк вдохновителей выступления в самой станице составили: вахмистр А.С. Алименьев – бывший станичный атаман, войсковой старшина В.М. Бобрышов, до революции – начальник гарнизона, и есаул А. Н. Жуков, долгое время «исполнявший должность» начальника местной команды. Последний, на этапе наступления и последовавшего за тем (более чем шестичасового) боя, находился в авангарде атакующих. Для наступления наличные боевые силы распределили следующим образом. Со стороны ж/д станции (по современным улицам Октябрьской и

Константинова) – с Жуковым в авангарде – кулак главного удара, включавший и чамлычан. С «воробьевки» (южной окраины Лабинской. — В.Я.) – другой отряд (в основном состоявший из владимирцев). Есть свидетельства старожилов-очевидцев о продвижении по улицам вооруженных групп казаков со стороны ст. Константиновской и с. Вольного (с севера и юго-запада. — В.Я.). Таким образом, стягивая кольцо, повстанцы стремительно продвигались к Тюремной площади. Лабинцы, как лучше знавшие местность, рассредоточились тогда по всем наступавшим отрядам. По мере продвижения групп «своих и соседей» вглубь Лабинской ряды повстанцев пополняли окрыленные атакой новые силы – конные и пешие казаки – жители окраин и улиц, по которым шло наступление. Одновременно с этим, казаки, кто как, спешили поквитаться с особо истовыми революционерами прямо на их же квартирах. На рассвете, без особых потерь, повстанцам удалось захватить батарею и полностью овладеть Тюремной площадью. Все подумали, что успех дела где-то близко. Однако быстрая победа обернулась в итоге горьким разочарованием: замков у пушек не оказалось, вывезти орудия было нечем. Накануне вечером красные артиллеристы, встревоженные разговорами о готовящейся атаке (может быть и предупрежденные!?), спрятали замки. Без них, взятые пушки оказались бесполезной грудой металла.

Красный гарнизон, застигнутый почти врасплох, скоро опомнился, и схватка вошла в решительную фазу. Исход её определил поднятый по тревоге пулеметный взвод. Очевидцы утверждали, что первые жертвы восстания пали от огня пулемета, зачистившего из окна, возвышавшегося на площади дома. Сейчас, по прошествии времени, уверенно можно сказать, что к 6 – 7 часам утра исход сражения был фактически предрешен. Но в тот переломный момент восставшие, к сожалению, не оценили всей фатальности положения. Между тем, придя в себя, большевистские массы все прирастали. На завершающем этапе, под прикрытием стволов деревьев, стоявших по периметру площади, и со стороны Войсковой тюрьмы, велся шквальный ружейно-пулеметный огонь. В станице тревожно звонили колокола церковей. Краснопарти-

занский натиск усиливался, в итоге – группе державших оборону повстанцев пронзила клином большевистская конница. Она рассекла до того спянный кулак повстанцев на две части, начав вытеснять их с Тюремной площади. С того момента, конных и пеших «белопогонников» уже на улицах Лабинской преследовали и ликвидировали, ошалевшие от крови революционные мстители.

Восстание захлебнулось, и анализировать причины его поражения теперь не так просто. В мемуарах повстанцев, да и по устным уверениям лабинцев, хранящих в семьях память о событиях тех дней, среди прочих мотивов неуспеха, чаще назывались следующие: чрезвычайно поспешная организация выступления, отсюда – нескоординированность действий, пренебрежение условиями конспирации и «гиковое» шапкозакидательство молодых офицеров – соседей. Их желание геройским наскоком взять укрепленный гарнизон, недооценив (как показал исход дела) силы противника. Не исключалась версия измены. Среди косвенных причин упоминался, например, и бытовавший в ту пору предрассудок казаков-лабинцев в отношении чамлычан. Земельный спор, тянувшийся с давних времен, сильно повлиял на степень вовлеченности коренных жителей Лабинской в повстанческий процесс.

Комментируя итоги восстания, через двенадцать лет после его разгрома, красный партизан В.С. Гавриш с удовлетворением констатировал: «... банда была выгнана из станицы, оставив на улицах половину родовитых казаков»[5].

Сохранились некоторые подробности последних часов выступления. Чамлыкская группа отходила в направлении железнодорожного вокзала и далее, на родную станицу. Там, на выгоне, за полотном железной дороги, ею были предприняты последние отчаянные попытки переломить ситуацию. Немного спустя на том месте был поставлен заключительный аккорд в судьбе всей группы и её руководителей. При реконструкции событий выступления сослужили службу воспоминания потомков большевика Золотухина. При случае, он любил повествовать: «...мы заняли позиции по всей территории насыпи железной дороги, враг бросался неоднократно в атаку, но

мы его не допускали до линии железной дороги. Не давая противнику организовать, обстреливая его из орудий, винтовок и пулеметов». Через южную окраину Лабинской, цепляясь за каждый квартал; владимирцы, зассовцы, каладжинцы и упоренцы уходили в сторону гор, в свои станицы. За ними по пятам гнался отряд под командованием М.П. Штыркина – начальника Лабинского революционного гарнизона. Свидетели событий вспоминали, что по ходу преследования «красные отряды арестовывали всех, кто не успел убежать в леса и горы»[6]. Действия штыркинской карательной команды – исключительно кровавая глава в истории предгорных станиц.

Пятого июня, после полудня, для победившей стороны, пробил желанный час расправы над казаками. Центр «революционной мести» переместился с Тюремной, на Церковную площадь, к зданию станичного Правления (сейчас – старое помещение отдела полиции на Советской улице). В ту пору в бывшем станичном присутственном доме, под предводительством «учителя»(!) из Закавказья и секретаря местной фракции большевиков Т.П. Данильяна действовал «мозговой центр» большевистского произвола. Собственно, революционер Данильян, вкупе с подельниками из местного Военно-революционного комитета (ВРК) несут основную ответственность за события марта-октября 1918 года в Лабинской и округе. По моральным соображениям имена членов комитета не приводим. Потомки их до сих пор проживают в Лабинске и к кровавым деяниям предков не причастны.

Как через годы вспоминал устроитель советской власти Самсоненко, сам происходивший из станичных казаков: «в подавлении контрреволюционного казачьего выступления участвовал не только революционный гарнизон станицы Лабинской, но и верные революции ревкомы соседних станиц». Например, на помощь Лабинскому красному гарнизону вскоре пришли, вызванные морзянкой по телеграфу (телефонная связь в округе была повреждена), революционные отряды станиц Ярославской и Чамлыкской. Известно, что Ярославский отряд возглавлял унароковский «мужик» Г. Гузенко, а Чамлыкский, – как он сам себя называл, «казак-большевик» А.

Богданов. Каждый отряд имел на вооружении не менее тысячи штыков. Есть показания устных источников, что красных отрядов, из соседних станиц, участвовавших в подавлении восстания, было несколько. Например, точно известно о существовании фанатично преданных «делу революции» отрядов из станиц Вознесенской и Каладжинской, много страшных дел натворивших впоследствии в родных станицах. Первый действовал под водительством матроса И. Чепцова, а второй под руководством солдата А. Шутко. Но пока документальных или не оставляющих сомнений словесных подтверждений их действий в станице Лабинской не обнаружено.

Согласно записям метрических книг лабинских церквей, в результате вооруженного сопротивления в день Святой Троицы и до 30 июня 1918 года, насильственной смертью погибли 27 коренных жителей станицы. Из этого числа пятого июня – в первый день – пали 7 повстанцев. На остальных участников, как тогда писали, «казацких банд», остервенело охотились до 10 июня включительно. Именно в течение первой недели после восстания в Лабинской, как явствует из воспоминаний старожилов, происходили самые кровавые сцены расправы. В последовавшие до конца месяца дни накал мести понемногу утих, и облавы проводились лишь на не успевших скрыться, а нередко и явно непричастных казаков, как разъясняли местному населению красные партизаны – за принадлежность (пусть гипотетическую!) к «реакционному казачьему элементу».

Проведя анализ источников можно констатировать, что когорту поддержавших июньское выступление составили, в основном, станичные офицеры и казаки-старики, оставшиеся верные воинскому долгу. По данным «метрик», средний возраст жертв восстания около или немногим за сорок лет.

В советское время стыдливо не писали, что смертный список Троицкого выступления пополнили не только мужчины, но и две женщины 47 и 50 лет, а также девица 21 года – матери и сестра восставших казаков. Две казачки – мать и дочь Пахомовы, были умерщвлены безвинно, (как не кощунственно звучит – «за компанию»), в порыве «революционного гнева». Не комментируя картину гибели других фигуран-

тов, приведем подробности трагедии только одной семьи. «...Когда мать (Антонина Павловна Пахомова. — В.Я.) пошла в станичное Правление разыскать трупы убитых, ей ответили сначала грубостью, а затем застрелили за то, что рыдала по сыну и дочери»[7]. Позднее, в местной газете красные партизаны на все лады гвоздили «пособниц контрреволюции», «озлобленных старух» и «белогвардейских волчиц»... Казалось бы, за что? За проявление родственных чувств! Непостижимая дикость с современных позиций, а в ту пору, проявление классовой ненависти.

В последовавшие за восстанием недели, вплоть до начала июля, смерть собирала печальную дань с не успевших уйти казаков, как оказалось, без разделения на «правых и виноватых». Говоря о потерях лабинцев, надо отдать должное и самоотверженной доблести соседей. Беспрецедентные по фанатизму, изощренные в способах исполнения, невиданные по размаху расправы испытали на себе жители станиц Владимирской, Зассовской, Чамлыкской, Каладжинской и Упорной. Между прочим, об изуверской изобретательности при выборе способов наказания «белопогонников», как о проявлении сугубого революционного рвения, лет тридцать назад, без тени смущения, писала местная пресса. А в личных воспоминаниях «партизан» с удовольствием живописалось, как «по станичным улицам катились головы родовитых казаков». До настоящего времени отсутствует даже приблизительная цифра потерь, понесенных коренным населением этих станиц, хотя из нравственных и воспитательных соображений сделать это давно необходимо. Со значительной долей допущений предложим уточненные, почерпнутые из Метрических книг, данные о жертвах Троицкого восстания в июне 1918 года.

- Станица Владимирская, убиты большевиками – 196 казаков.
- Станица Упорная, убиты большевиками – 94 казака.
- Станица Зассовская, убиты большевиками – 80 казаков.
- Станица Чамлыкская, убиты большевиками – 53 казака.
- Станица Каладжинская, убиты большевиками – 17 казаков.

Приведенные данные будут звучать рельефнее, если учесть численность коренного мужского населения перечисленных станиц, а также то, что собранные цифры учитывают потери одного месяца. Увы, не сохранились записи «о смерти» за июнь 1918 г в таких станицах, как: Отважная, Ахметовская, Ереминская. Утрачена Метрическая книга Покровской церкви Чамлыкской. Казаки этой станицы (в количестве 41 человека) были погребены на лабинских «глинищах», в одних братских могилах с лабинцами. Представленные сведения не рассматривают потери коренного женского населения. По ходу нашлись (пусть и в единичном числе), имена казненных казаков станиц Константиновской, Костромской, Вознесенской, Спокойной, Бесстрашной, Попутной (всего 6 человек) которые были погребены на чужих погостах и занесены в «церковные метрики», отложившиеся в Лабинском архиве.

В целом, с 5 по 30 июня 1918 года, с учетом всех возможных допущений и поправок на обстоятельства, документально зафиксированными, (если в этом случае применим такой оборот), жертвами Троицкого выступления в шести станицах современного Лабинского района (включая саму Лабинскую) стали 473 казака. Кровавый июньский покос унес тогда в станицах жизнь и 16-летних мальчишек и 87-летних старцев. Общее число погибших казаков за весь период властвования совдепа еще предстоит установить. Что такие исследования стоит продолжать нет никаких сомнений.

К середине осени восстановленная в станицах казачья власть, для сбережения памяти, провела ревизию всего, что случилось в период с марта по октябрь. Имена казненных были (задним числом) внесены в церковные книги, что ранее, по причинам, не нуждающимся в пояснении, абсолютно невозможно было сделать. Братские погребения, а кое-где и места истязаний, отмечены временными памятниками и крестами. Активные сопротивленцы поощрены наградами и внеочередными званиями. Вот, например, показательный документ эпохи. В приказе от 4 февраля 1919 года Войсковой атаман А. П. Филимонов отмечал лабинцев: «За сохранение в период господства большевиков знамен 1-го, 2-го, и 3-го

Лабинских полков и икон 2-го и 3-го Лабинских полков по личной инициативе церковного старосты Николаевской церкви станицы Лабинской старшего урядника Федора (Сергеевича – В.Я.) Пожаренко и диакона той же церкви (Петра Михайловича — В.Я.) Петрова, благодаря чему знамена и иконы были спасены от растерзания, а также и за то, что, несмотря на неоднократные обыски и требования большевиков выдать знамена и иконы, указать, где таковые находятся, ни старший урядник Пожаренко, ни диакон Петров их не выдали, объявляю названным казакам благодарность, а старшего урядника Пожаренко, кроме того, произвожу в вахмистра...»[8].

В Лабинской, жертвы «скорбной Троицы» обрели место последнего пристанища на «глинищах» – такое стародавнее название участка, где «с поконца веку» местные жители брали глину для личных нужд. Позднее, «в том углу станицы» хоронили «тифозных да чумных», а в революцию и Гражданскую «глинищные могилки» пополнились братскими захоронениями «белоказаков» и «пламенных борцов за дело революции». Символично, что еще в ту пору общая могила соединила всех непримирившихся при жизни – в одном месте. Так бы и существовать мемориальному некрополю, да не тут-то было! В 1970-е на пространстве разоренного и забытого погоста построили многоэтажные жилые дома. На торцевой стене одного из них случайно или по беспамятству написали слова: «Пусть всегда будет солнце!» Старикостарожилы говорили, что сделали это «точно в насмешку над костями убиенных».

Близится вековой юбилей восстания! И пусть давно отошли в вечность, участники гражданской междоусобицы. Память о тех днях до нашего времени живет в домах лабинцев. Поразительно, что через три поколения, она хранит обиды и упреки, наводя тень на соседские и семейные отношения. Не раз приходилось быть свидетелем ситуации, что как только речь заходит о событиях Гражданской войны, здесь же вспыхивает словесная перепалка. Острота притупилась, но боль, кажется, не угасла. Хорошо бы, объединив усилия заинтересованных сторон, и, как видится, в большей степени возрождающегося казачества из Лабинского и соседних районов, подойти к

грядущей дате с достойным памяти предков приношением – созданием мартиролога казачьих жертв скорбного июня 1918 года. А для начала, по-христиански, или по-человечески (кому как привычнее) увековечить места трагедии... При написании статьи были использованы семейные воспоминания Фирсовых, Ковалевых, Овечкиных, Спесивцевых, Звездуновых, Золотухиных, Самсоненко, хранящихся в личном архиве автора.

Примечания:

1. Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / под ред. док-ров ист. наук Ю. Фильштинского и Г. Чернявского. М., 2004. С. 5.
2. Ленинское знамя. 1966. №180.
3. Ленинское знамя. 1967. №119.
4. Линейцы. Очерки по истории станицы Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области / А. К.Басханов, М.К. Басханов, Н. Д. Егоров. Никосия, 1996. С.231.
5. Ленинское знамя.1967. №132.
6. Ленинское знамя.1992. №87.
7. Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. С. 171.
8. Летопись Кубанского казачьего войска / под ред. проф. В. Н. Ратушняка. Краснодар, 2006. С. 244 – 245.

Н.В. Кратова

Повстанческое движение на Северо-Западном Кавказе в начале 1920-х годов: проблемы включения территории в состав Советской России

Северный Кавказ в силу своего геополитического положения всегда являлся центром пересечения интересов различных государств и политических сил. Это обстоятельство вкупе с традиционнопестрой этноконфессиональной структурой, делает высоким риск возникновения различных форм конфликта. Эти риски значительно усиливаются в период ослабления интегрирующих факторов, прежде всего, сильной централизованной государственной

власти. Политическими силами, заинтересованными в установлении контроля над регионом, в такие периоды иницируется разработка и внедрение в массовое сознание различных политических проектов, целью которых является объединение и мобилизация этносов Северного Кавказа, направление их энергии и активности в нужном для данной политической силы направлении. В полной мере с этими проблемами мы столкнулись в нашем недавнем прошлом, когда крах СССР вновь привел к ослаблению государственной власти и позволил активизироваться различным силам, заинтересованным в отторжении региона из состава Российского государства. Осмыслению сложившейся ситуации может помочь обращение к историческому опыту.

После Октября 1917 года Северо-Кавказский регион оказался в схожей ситуации. Гибель Российской империи поставила Северный Кавказ, как и другие Российские регионы, перед необходимостью государственного самоопределения. После большевистской революции, учитывая присутствовавшие на Северном Кавказе интересы политических сил, для региона были актуальны три вектора развития. Интересы большевиков предполагали включение в этой территории состав Советской России, антибольшевистские белогвардейские силы боролись за восстановление единой и неделимой Российской империи. Внутри самого региона были силы, выступившие за независимость Кавказа. Сепаратистские настроения получали поддержку со стороны ряда иностранных государств, заинтересованных в ослаблении России. Понятно, что выбор пути развития Северного Кавказа напрямую зависел бы от победителя.

Первоначально основная борьба на Северном Кавказе развернулась между большевиками и регулярными частями Белой гвардии. И революционная советская, и реставрационная белогвардейская модели государственного развития, по сути, были централизаторскими. Исход борьбы во многом зависел от того, чью сторону примет местное население. В этой обстановке большевики умело использовали всплеск автономистских требований, провозгласив право наций на самоопределение и актуализировав возможность обретения отдельными этносами политической независимости и

создания собственной государственности. В многонациональном Северо-Кавказском регионе эта проблема имела особую остроту. Идеи независимости были весьма значимыми как для казачьего, так и для горского населения региона.

Однако автономистские устремления местного населения большевики поддерживали и активно использовали в своей пропаганде до того времени, пока шла борьба с Деникиным. Казаки и горцы наивно ожидали, что после поражения Добровольческой армии советская власть действительно поддержит их самостоятельные чаяния. Однако после разгрома деникинской армии и восстановления советской власти весной 1920 года, большевики взяли курс на подавление местного сепаратизма.

Утвердившись, новая власть заняла достаточно жесткую позицию по отношению к казачеству. На основании резолюции Первого Всероссийского съезда трудового казачества, где говорилось, что "казачество отнюдь не является особой народностью или нацией, а составляет неотъемлемую часть русского народа" делался вывод: "Ни о каком отделении казачьих областей от остальной Советской России ... не может быть и речи" [1, с.18]. Декретом Совнаркома "О строительстве советской власти в казачьих областях" от 25 марта 1920 г. предусматривалось создание органов власти, предусмотренных Конституцией РСФСР и положением ВЦИК о сельских советах и волостных исполкомах. Отдельные советы казачьих депутатов не создавались. Допускалось лишь создание при местных советах казачьих секций, носивших пропагандистско-агитационный и информационный характер [1, с.19]. Таким образом, "большевики ... с одной стороны, как бы приглашали казаков к сотрудничеству с властью, с другой, - окончательно упраздняли остатки определенной политической автономии казачества... Практически, это была политика расказачивания мирными средствами" [1, с.19-20]. Идея автономии казачьих областей поднималась и была отвергнута на Первом съезде рабочих, трудящихся казаков, крестьян и горцев Кубано-Черноморской области, состоявшемся 20-24 мая 1920 года [2, с.134-135].

Горцы также неоднократно поднимали перед советской властью вопрос о

предоставлении им автономий. Заявка на государственное самоопределение неславянских национальностей была сделана в августе 1920 г. на Первом съезде трудовых горцев Кубани и Черноморья [3, с.206]. Однако автономистские требования горцев вначале также не поддерживались. Идея Горской республики, поднятая на съезде, вызвала резкую реакцию Кубано - Черноморского ревкома, принявшего решение "о признании нежелательности, в виду особенностей горского племени, выделения последнего в самостоятельную административную единицу на правах отдела, с подчинением во всех отношениях Кубчерревкому" [4, с.111].

Таким образом, до осени 1920 года, обращения как казаков, так и горцев новая власть игнорировала, проводя последовательную интеграционную политику.

В таких условиях вспыхнувшие повсеместно антибольшевистские выступления выглядят вполне закономерным явлением. Теперь идеи независимости активно использовались для подъема населения на борьбу с большевиками. В июне 1920 года в Баталпашинском, Лабинском, Майкопском, Краснодарском отделах Кубано - Черноморской области возникали первые повстанческие отряды. Общая численность повстанцев составляла около 13 тысяч человек (подсчет автора). Ряд формирований Баталпашинского и Лабинского отделов объединились в мощное соединение Армию Возрождения России (порядка 11 тысяч человек – подсчет автора) под руководством генерал-майора М.А. Фостикова, которая уже к августу 1920 года контролировала значительную часть Баталпашинского и Лабинского отделов и готовилась к прорыву для соединения с десантом Улагая. В августе 1920 года общее количество повстанцев в Кубано-Черноморской области достигло рекордной отметки – более 32 тысяч человек (подсчет автора) [5, с.71-72].

Осенью 1920 года явственно обозначилась угроза присоединения горцев к антибольшевистскому движению: в Дагестане поднялось восстание Н. Гоцинского, в верховьях Кубани генерал Султан Клыч-Гирей и полковник М. Крымшамхалов подняли местных горцев (карачаевцев, осетин) на борьбу с Советами, образовав из них Горско-Кубанский отряд, вошедший в состав

Войск Северо-Кавказского фронта, численностью порядка 2000 человек [6, л.173].

Идеи об автономии начали использоваться в борьбе с советами крупными антибольшевистскими центрами. Особую активность проявили самостийнические организации, располагавшиеся в Тифлисе – Кубанская Краевая Рада во главе с Тимошенко, Терское правительство генералов Вдовенко и Бухановского, Горское правительство во главе с Гази Магомет-Сеид-Беком – внуком Шамиля. Кроме Горского правительства, пропагандой идеи независимой Горской республики занималась крупная организация Коцева, Джабагиева и Цаликова, издававшая газету "Вольный горец" (позднее – "Независимый горец") [7, л.25-об]. Эти антисоветские центры оказывали значительное влияние на повстанческое движение Северного Кавказа, помогая повстанцам оружием, деньгами, осуществляя идеологическую и политическую поддержку. В своей пропаганде они активно критиковали большевиков за проведение централизаторской политики. Газета "Вольный горец" писала 15 сентября 1920 г.: "Русский империализм барона Врангеля и Русский империализм Ленина и Троцкого одинаково неприемлем для Горской демократии". [6, л.186-об.]. Одновременно среди горского населения активно пропагандируется идея создания независимого от России государства, построенного на принципах шариата. Даже сторонники единой и неделимой России – П.Н. Врангель (главнокомандующий Русской Армией) и М.А.Фостиков (главком Армии Возрождения России) чтобы не оттолкнуть местное население заявляли в своих программных документах, что вопрос о статусе территорий после освобождения от большевиков должно решать Учредительное собрание.

Большевики делали все возможное, чтобы предотвратить антисоветскую коалицию казаков и горцев, не останавливаясь перед откровенным разжиганием межнациональной розни. В докладе инструктора И. Мануилова от 20 сентября 1920 года прямо говорилось, что для укрепления советской власти в горных районах Кубано - Черноморской области "карачаевцев в настоящее время определенно нужно направить против казаков и безработных проходимцев" [8, л.144-об.]. Горцев убеждали, что сосед-

ние народы, осуществляя колонизаторскую политику царизма, всегда являлись угнетателями горского населения, а за участие в карательных походах на мятежные станицы им обещали земельные угодья. Уполномоченный РВС 9 Кубармии в обращении к карачаевскому народу не стеснялся в выражениях: "Народ Карачая уже ограблен осетинами и вытеснен казаками-богатеями из плодородных долин в каменистые... горы... Вы... как один должны восстать и стереть с лица земли своих вековых врагов осетин и казаков и, прежде всего, тех, кто оттеснил Вас от Кубани в каменистые горы, ежеминутно угрожая вашему благополучию. Земли станицы Кардоникской и хутора Осетино-Георгиевского и земли, прилегающие к ним народных врагов со скотом и имуществом должны быть Ваши. От имени Советской власти разрешаю Вам уничтожить названную станицу и хутора осетин, стереть с лица земли Ваших вековых врагов, занять принадлежащие им земли и считать их навеки Вам принадлежащими" [9, л.45].

Важной частью проводимой большевиками политики стала игра на автономистских настроениях горцев.

15 ноября 1920 г. на Втором съезде народов Терской области под руководством Наркомнаца И.В. Сталина было объявлено об автономии горских народов в составе РСФСР. Сталин подчеркнул, что "автономия означает не отделение, а союз самоуправляющихся горских народов, с народами России. Этот союз – есть основа горской советской автономии" [4, с.89]. Постановлением ВЦИК от 20 января 1921 года была образована Горская Автономная Советская Социалистическая Республика (ГАССР) в составе 6 округов: Чеченского, Назрановского, Владикавказского, Кабардинского, Балкарского и Карачаевского [10, с.189]. Этот шаг имел важное политическое значение: антисоветское Горское правительство лишилось основного стержня своей агитации, на массовое сознание было оказано огромное эмоциональное воздействие – местное население получило надежду, что новый режим сможет удовлетворить политические и экономические чаяния горцев. Таким образом, создание ГА ССР являлось попыткой советской власти решить, с одной стороны, проблему национальной государственности горских народов, а с другой, –

объединить горцев Северного Кавказа, не допустив дробления по этническому принципу.

В отношении казачества проводилась диаметрально противоположная политика. По мере того, как силы Врангеля в Крыму слабели, на Кубани советская власть, наоборот, укрепляла свои позиции, приступая ко все более активным действиям, направленным против казачества Кубани. 18 ноября 1920 года - практически одновременно с провозглашением Горской республики - вышел Декрет ВЦИК и СНК РСФСР об упразднении казачьих областей и уравнительном переделе земель "нетрудового фонда" [11, с.234-236]. Казачество было вытеснено из органов управления во время выборов в декабре 1920 г. городских, станичных, хуторских, сельских и аульских советов и исполкомов. На Первом областном съезде советов Кубано-Черноморской области в январе 1921 г. казаки составляли лишь пятую часть [1, с.33-34]. Логичным продолжением антиказачьей политики стало упразднение в январе 1921 года Казачьего отдела ВЦИК и Казачьей секции при Кубано-Черноморском облревкоме. Секретарь Кубано-Черноморского обкома М.С. Эпштейн мог открыто заявить о расказачивании, как одной из приоритетных задач, стоявших перед советской властью [12, л.12].

Проведение по отношению к горскому и казачьему населению дифференцированной политики привело к нужному для большевиков результату. Горцы Северо-Западного Кавказа заняли достаточно просоветскую ориентацию. Войска Северо-Кавказского фронта генерал-майора Султан Клыч-Гирея и полковника М. Крымшамхалова покинули территорию Баталпашинского отдела, уйдя через Клухорский перевал в Грузию. Казачество, напротив, было вычеркнуто из списков союзников советской власти. Лишенные всего – земли, власти, даже права называться народом, казаки были обречены на борьбу с большевиками до победного конца, выиграть которую у них не было ни единого шанса.

Вследствие этого, в 1921 году Кубань и Пятигорье продолжало лихорадить. Создание повстанческих отрядов в 1921 году происходило, пожалуй, более организованно и целенаправленно, чем в 1920. Руковод-

дителями повстанцев велась активная работа по разжиганию восстаний в станицах и созданию повстанческой армии. Было создано значительное количество формирований от Пятигорья до Ейского отдела Кубано-Черноморской области: "Группа войск Кубанского полкового округа" есаула Арканникова, "Народные войска Северного Кавказа" полковника Серебрякова (Даутокова), "Дивизия помощи Русской Армии генерала Врангеля" полковника Жукова, "Горно-Лабинский партизанский отряд" полковника Трубачева. Самым крупным формированием, ратовавшим за независимость, являлась "Кубанская повстанческая армия" генерала Пржевальского (Марченко). Горцы в этом движении участия почти не принимали. Снизилось и количество восставших. На протяжении весны – лета 1921 года численность колебалась от 7,5 тысяч человек до 9 тысяч (подсчет автора) [5, с.72]. Несмотря на то, что в 1921 году доминировали идеи самостийности, территория предполагаемой независимой республики значительно уменьшилась. Если в 1920 году самостийники всерьез рассматривали объединение Украины, Дона, Кубани и Террека, то теперь территориальные интересы ограничивались исключительно Кубанью.

В ходе антиповстанческих военных кампаний 1921 – 1922 года выступления были подавлены. В 1922 году какие-либо серьезные политические проекты уже не создавались. Осколки казачьих повстанческих формирований вырождались.

Вопрос о казачьей автономии был окончательно снят с повестки дня, а территории целого ряда отделов Кубанского казачьего войска и Терской области, в которых происходили наиболее мощные антибольшевистские выступления (Краснодарский, Майкопский, Баталпашинский, Пятигорский) были переданы новообразованным национальным округам в составе Горской АССР.

Горское население, тем не менее, не было удовлетворено проведенным национально-территориальным делением, так как оно не предполагало создание национальных моноэтнических государственных образований. По сути, ГАСР оказалась политической химерой, решавшей сугубо тактические, временные, задачи. В результате уже весной 1921 года Кабарда, Балкария,

Карачай поставили вопрос о выходе из состава Горской АССР и получении самостоятельной автономии.

Советская власть приступила к удовлетворению автономистских устремлений горцев, как только подавила основные очаги казачьего повстанческого движения.

Просьбы западно-кавказских горцев об автономии были удовлетворены. Территории, где проходили наиболее активные казачьи выступления были включены в состав национальных автономий. 12 января 1922 года была образована Карачаево-Черкесская автономная область, в которую вошло 6 станиц Баталпашинского отдела Кубано-Черноморской области. 16 января образована Кабардино-Балкарская автономная область с включенным в состав Пятигорским отделом бывшей Терской области. Кроме того, из состава Кубано-Черноморской области 27 июля 1922 года была выделена Черкесская (Адыгейская) АО, куда вошли части Краснодарского, Майкопского отделов Кубано-Черноморской области. Процесс распада Горской АССР на составные части завершился 7 июля 1924 года, когда было принято постановление ВЦИК об упразднении Горской АССР.

Административные преобразования завершились образованием 26 января 1925 года Северо-Кавказского края, в состав которого вошли и новообразованные национальные республики.

Таким образом, соперничество альтернативных векторов развития Северного Кавказа завершилось безусловной победой большевистского варианта.

Следует признать, что, и большевики, и их противники, учитывая популярность среди населения сепаратистских и автономистских идей, использовали их для ослабления друг друга. В качестве самостоятельного политического фактора идея самостоятельности фигурировала лишь в 1921, когда казачье население, оказавшись без поддержки каких-либо внешних сил, поднялось на борьбу с Советами. Создание собственного независимого государства или полноценной автономии являлось для казаков единственной возможностью выжить.

Самостийная модель в виде Горской республики показала свою нежизнеспособность как в проектах антибольшевистских

сил, которые не смогли с ее помощью мобилизовать население на борьбу с большевиками, ни в форме автономной советской республики, основной целью которой был раскол антибольшевистского казачьего альянса. Наиболее устойчивой формой оказалась национальная микроавтономия в составе крупного централизованного образования, которым постепенно становилась РСФСР. Именно такие небольшие республики смогли удовлетворить политические амбиции местной национальной элиты, а включенность в состав крупного государства позволила обеспечить безопасность и позитивное развитие экономики и культуры горских народов.

Казачество, надорвавшее силы в неравной борьбе, не смогло отстоять ни самостоятельный вариант независимой казачьей республики, ни автономистский вариант вхождения в состав РСФСР на правах полноценного субъекта. В результате казачество на долгие годы лишилось возможности выступать в качестве полноценного участника политических отношений, сохранять свою самобытность и культуру, оказалось обреченным на растворение в составе великорусского этноса.

Примечания:

1. *Перехов Я.А.* Власть и казачество: поиск согласия. (1920-1926). Ростов-на-Дону, 1997.
2. *Баранов А.В.* Социальное и политическое развитие Северного Кавказа (1921-1922). СПб., 1996.
3. *Гютюнина Е.С.* Административно-территориальное строительство Северного Кавказа.//Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917-1941 гг.). Майкоп, 1995.
4. *Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х.* Народы и власть: "Социалистический эксперимент" (20-е годы). Майкоп, 1994.
5. *Кратова Н.В.* Повстанческое движение в Северо-Западной части Кавказа и Предкавказья (1920-1922 гг.) Дисс.канд.ист.наук. Ростов-на-Дону, 2004.
6. РГВА. Ф.25896. Оп.3. Д.44.
7. РГВА. Ф.25896. Оп.9. Д.436.
8. РГВА. Ф.192. Оп.2. Д.372.
9. РГВА. Ф.192. Оп.3. Д.21.
10. *Алиев У.* Карачай. Черкесск, 1991.
11. Декреты Советской власти. Т.ХI. Октябрь-ноябрь 1920 г. М., 1983.
12. ГА КЧР. Ф.114. Оп.1. Д.16.

А.А. Семёнов

**Гражданская война
на Северном Кавказе:
от кризиса традиционного сознания
казачества
к разрушению его системы ценностей**

Кризис традиционного сознания казачества наиболее ярко проявился в годы гражданской войны в России, хотя его постепенное разрушение происходило на протяжении длительного исторического периода, предшествующего революционным потрясениям 1917 г. С началом революционных событий и гражданской войны в регионе стала наблюдаться массовая политизация казачьего населения. В различные периоды истории одной из важнейших черт практически всех разновидностей казачества на Северном Кавказе была аполитичность. Большинство казачьего населения ранее не только не участвовало в политической жизни, в борьбе различных партий и идеологических течений, но и вообще не имело хоть какого-нибудь осмысленного представления о политике, ее роли и месте в системе общественных отношений. Казачество в своем подавляющем большинстве, в своей повседневной жизни не только не интересовалось политикой и не имело никакой ярко выраженной политической позиции, но и всячески вполне сознательно ее избегало, считая, что политическая деятельность – это удел высших сословий, образованных классов, к которым оно не имеет никакого отношения.

Кроме того, в регионе были всегда сильны традиционалистские, консервативные и верноподданнические настроения, поскольку в нем, в своем большинстве, не существовало тех проблем и противоречий социального, политического свойства, которые были характерны для страны в целом, или, во всяком случае, здесь они носили весьма специфический характер. Все это послужило причиной того, что с началом революционных преобразований большинство представителей охранительного течения в российской политической мысли видело данный регион в качестве возможной социальной базы консервативных сил и течений, целью которых являлось недопуще-

ние революционных перемен на остальной территории России. Казачество представлялось им надежной опорой в деле сохранения традиционной государственности и тех традиционных ценностей, которые доминировали в прошлом. Так, генерал Деникин в своем письме генералу Алексееву отмечал «наличие в политической среде региона неопределенного процесса самообразования, естественно продолжающегося периода благоприятного для возникновения новых политических комбинаций» [1].

Однако данным надеждам не суждено было осуществиться, по крайней мере, в такой форме, как об этом мечтали консервативно настроенные круги бывшей российской элиты и офицерства. По мере стремительного распада традиционного русского общества и государства после февраля 1917 г. процесс социально-политической трансформации стал набирать силу и в казачьей среде. Здесь также происходило разрушение традиционной общественной организации и институтов, устоявшейся системы социальных взаимоотношений. Наблюдалась массовая политизация казаков. Постепенно традиционные ценности, представления и ориентиры казачества все больше размывались и на смену им приходили новые, модернизационного плана, основанные на пропагандируемых различными политическими партиями и силами идеях и концепциях.

С началом революционных преобразований политика и различного рода идеологические концепции стали проникать в широкие массы казачьего населения края. Массовая политизация стала характерным признаком того времени. Так, сильное влияние на казаков оказала опубликованная центральным правительством «Декларация прав народов России»; казачество в соответствии с ней видело себя в качестве особой этнической общности, претендующей на культурную и политическую самостоятельность [2]. В это время поступки и деятельность казаков во многом стали определяться политическими мотивами и предпочтениями. Новые политические взгляды и идеи распространились во всех казачьих сообществах Юга России, окончательно разрушая прежние ценности и ориентиры традиционного сознания. «Так население

некоторых станиц выступило за упразднение всякой частной собственности и надевание всех неимущих земель» [3].

Следствием этого стало возникновение новых разделительных линий и противоречий в северокавказском социуме, между различными составляющими его группами и социальными слоями. В атмосфере ниспровержения ценностей прошлого в казачьей среде все чаще стало возникать стремление разрешить назревшие социальные проблемы и противоречия силовым путем. Так, в качестве предварительных мероприятий казачьим населением Кубани предусматривалось «выселить... всех бывших помещиков и нетрудовых арендаторов из имений и взять последние в свои руки» [4].

Больше того, поскольку казахи общества в регионе обладали достаточно сильными традиционалистскими характеристиками, процесс общественной и политической модернизации в них происходил наиболее болезненно, с большими социальными издержками, чем в других региональных социальных группах. Кроме того, в казачьей среде на протяжении всего периода гражданской войны в крае были достаточно сильны позиции неоконсерваторов, традиционалистов, желающих и далее сохранять устоявшийся общественный социально-экономический уклад и образ жизни казачества в неизменном виде. Наряду с этим в казачьей среде были и свои этнореволюционеры, желавшие проведения в казачьих областях таких же преобразований, как и на остальной территории страны. Исходя из этого, в условиях гражданской войны раскол в казачьей среде достиг значительного масштаба и стал причиной острых конфликтов между различными группами казаков.

Значительную роль в наступлении полномасштабного кризиса традиционного сознания казачества сыграла деятельность тех политических сил и течений, которые сформировались за пределами территории его проживания, но которые вместе с тем оказывали значительное воздействие на региональную политическую среду. Нередко в своей деятельности они опирались исключительно на насилие. Так, Циркулярная инструкция (имеется в виду директива Оргбюро ЦК от 24 января 1919 г.) партор-

ганизациям и телеграмма Колегаева (член РВС и председатель Особой продовольственной комиссии Южного фронта, бывший член ЦК партии левых эсеров, нарком земледелия) о необходимости террора по отношению к казакам и беспощадном их уничтожении распространялись казаками в качестве агитационного воззвания. Трифонов отмечал, что лучшего материала против коммунистов трудно придумать [5].

В скором времени те кризисные тенденции деградации традиционного общества и государства, которые господствовали в центральной России, проникли и на территорию края, а политическая борьба, начавшаяся в центре страны, стала все больше проявляться и в его пределах. Общероссийские военно-политические силы в лице различных партий, движений, а позже и военно-политических лагерей во многом использовали территорию и казачье население края для разрешения главного общероссийского вопроса – вопроса о характере политической власти в стране. Как следствие, в регионе начались политические чистки и репрессии. Так, в ходе карательных акций развязанного секретарем Донбюро РКП(б) Сырцовым террора только в Вешенском районе было расстреляно 600 человек. Не отставали и другие ревкомы [6]. Кроме того, было принято решение о переселении крестьян из Центральной России на земли казаков. Так, по декрету Совнаркома от 24 апреля на Дон переселялась беднота северных губерний: Петроградской, Олонецкой, Вологодской, Череповецкой, Псковской и Новгородской. Первые сотни переселенцев Петроградской губернии прибыли в мае. Предполагалось их расселение в Котельниковском и Усть - Медведицком районах. Переселенцы были вырезаны казаками [7].

Учитывая важность казачьих областей Северного Кавказа в экономическом и политическом отношении, различные военно-политические группировки развернули здесь полномасштабную борьбу. Так, А.В. Туркул вспоминал: «Все ожесточели. Все знали, что в плен нас не берут, что нам нет пощады...» [8]. Все это оказывало мощное воздействие на всю систему социальных связей, на настроение и политические ориентиры казачьего населения. Следствием этого стало фундаментальное изме-

нение представлений и ориентиров традиционного сознания казачества, нашедшее выражение в крайней степени его милитаризации и политизации. Оно выступало за самостоятельность, против вмешательства в региональные дела любых внешних сил. Так, в воззваниях казаков Дона и Кубани тех лет говорилось: «Временное правительство через своих комиссаров, а потом приходившие к нам первые большевики захватывали власть на Кубани и делали с нами, что хотели, опять-таки хозяевами были пришлые, а не мы — кубанцы, и понятно — нам не могло житься хорошо. Пришли генералы: Корнилов, Деникин, Алексеев и другие и также постарались сделаться хозяевами нашего края и делали с нами и нашим добром, что хотели. Были унесены пришельцами во имя чуждых нам интересов десятки тысяч лучших кубанских жизней и расхищено несметное количество Кубанских богатств, и все это только потому, что хозяевами края были не мы — кубанцы, а пришельцы» [9].

Вскоре, казачество даже в самых обыденных проявлениях социальной жизни, в своей повседневности начинает руководствоваться социально-политическими мотивами и целями. Казачьи сообщества в годы гражданской войны вступают в состояние полномасштабной аномии и тотального распада, связанного с разрушением прежней общественно-политической реальности и формированием новой, в которой политическим образам традиционного сознания уже не было места.

Важным аспектом кризиса традиционного сознания казачества было разрушение правовых представлений и норм, ранее существовавших в казачьей среде. В отличие от других аспектов распада традиционного мировосприятия и миропонимания, трансформация правовых представлений казаков имела далеко идущие последствия для всей системы социальных связей казачьего мира. Она видоизменяла традиционные, существовавшие на протяжении веков нормы общежития казаков и характер отношений в казачьем сообществе. Этому обстоятельству способствовало в том числе и широкое участие казачества в военных действиях на фронтах как еще Первой мировой, так и гражданской войн. Так, к октябрю 1917 г. из сельской местности Се-

верного Кавказа в армию было призвано 377 100 человек, из них в Кубанской области 159 000, в Терской 55 400, Ставропольской 154 700 и Черноморской 7 200 человек» [10]. То, что на протяжении целых исторических эпох считалось общепринятыми нормами, в данный период оказалось отброшенным. В 1917 г. в регионе распространились новые правовые представления, которые теперь определяли поведение казачества в стремительно меняющемся мире, в мире, в котором деградировала прежняя система ценностей, представления о праве, обязанностях и своем гражданском и профессиональном долге.

Значительное влияние на данную метаморфозу оказала сама реальность вооруженного противостояния, в рамках которого были утрачены все существующие ранее представления о морали и нравственности. Как отмечал в своих воспоминаниях Н. Сегеда, «власть, как таковая, находилась в руках любого взявшего себе право казнить и миловать по своему усмотрению» [11]. В это время произошла эвокация самых древних архетипов массового сознания, связанных с борьбой за выживание в неблагоприятной социальной среде, с практикой всеобъемлющего социального насилия, межсословной, классовой борьбы, с глубокой ненавистью ко всему тому, что не соответствовало представлению общества о правильном и понятном.

Масштабный кризис, развивающийся в социуме, перевернул всю систему ценностей, правовых координат южно - российского казачества. То, что считалось раньше невозможным, аморальным, преступным, теперь стало не только допустимым, но и превратилось в составную часть существующей общественно-политической реальности, в рамках которой реализовывались самые древние рудиментарные инстинкты. Само восприятие массовым сознанием казаков происходящих в окружающем мире перемен рождало социальную дихотомию — «мы и они», закрепленную в лозунге, распространенном в период гражданской войны: «кто не с нами, тот против нас». «Война... враг со всех сторон. Кто друг, кто недруг не известно. От родных далеко и тыла нет. Нет милости к побежденным... Воздух насыщен злобой и ненавистью» [12]. Все это по существу

означало войну внутри самого казачьего сообщества, его саморазрушение, войну всех против всех, в которой, не было победенных и победителей и от которой страдали все, а разрушению и деградации подвергались все существующие общественные структуры и все сложившиеся веками формы традиционного общественного бытия казаков. «Много времени тянется война, многие успели уже позабыть про ее начало, не знают даже, из-за чего без устали льется человеческая кровь, зачем грабят села и города, почему уничтожается добро и обрекается народ на голод и холод...» [13].

В этот период у казачества, возникли новые правовые представления и образы общественного сознания, в соответствии с которыми насилие в собственной социальной среде превратилось из чего-то чрезвычайного, экстремального и недопустимого в непреходящий атрибут общественной жизни, повседневной реальности, с помощью которого решались существующие общественные проблемы и противоречия, обеспечивалась защита своей семьи, клана, социальной общности. «...Если в прошлом и занимался грабежами, то исключительно грабил только богатых» [14]. Данные изменения в сознании казаков Северного Кавказа отражали те правовые нормы и положения, которые были приняты на территориях, контролируемых различными правительствами и системами власти. Отличаясь друг от друга по форме, они были абсолютно идентичны по содержанию. Повсеместно они включали в себя элементы, не совместимые с традиционным правом и традиционной общественной моралью, являясь порождением периода всеобщего хаоса.

Действующие в регионе военно - политические силы наряду с кризисными реалиями повседневной человеческой жизни сами формировали такую правовую среду в обществе, в которой действия, считавшиеся ранее с точки зрения традиционного сознания преступными и аморальными, становились обыденными. Один из командиров действующей на Кубани Зеленой армии, Макаров, отмечал: «И вот на глазах у жителей, вожди той Зеленой армии, в которую так горячо верили граждане, стали открыто заниматься убийствами, грабежами, налетами и т. п.» [15]. В крае

распространялась ненависть к своим политическим и социальным противникам, регламентировалось и одобрялось применение различного рода насилия против них. Новые юридические и правовые формулы, которые с трудом можно назвать таковыми, поскольку они формировались в горниле гражданской войны, обуславливали возможность совершения преступлений на вполне легальной, правовой основе.

Они не только закрепляли основывавшийся на насилии порядок, но и требовали его неукоснительного повсеместного применения. Исходя из этого, на смену прежним моральным и нравственным нормам приходили принципы политической, идеологической, социальной целесообразности. Они-то и определяли характер новых правовых представлений в казачьем сообществе и всю систему этико-правовых отношений в нем, а также характер повседневного взаимодействия и взаимоотношений в его рамках.

В регионе Северного Кавказа в силу особой остроты гражданского вооруженного конфликта, существования здесь самых различных военно-политических сил и лагерей, размывание традиционных правовых представлений и ориентиров происходило значительно более быстрыми темпами и захватывало практически все казачьи сообщества. С началом гражданской войны в крае здесь набирала силу классовая и социальная рознь в казачьей среде, имущественные противоречия, этнические и межобщинные конфликты. Позднее они вылились в вакханалию насилия в казачьем социуме и в постоянную борьбу составляющих его отдельных индивидов и отдельных социальных слоев за доминирование в системе социальных связей. Все это, вместе с использованием практики масштабного насилия, приводило к многочисленным эксцессам и катаклизмам регионального масштаба, превращая региональное противостояние в конфликт криминализированных миров, в котором каждый отстаивал свои цели и интересы любыми средствами, мало заботясь о благе окружающих. Так, в письме, направленном из действующей в регионе армии в штаб А.И. Деникина, есть такие строки: «Некоторые войсковые части не останавливаются перед грабежом частного достояния мирного населения, захватыва-

ют вагоны, груженные товарами торговых фирм, грабят склады и магазины, врываются в частные квартиры, отбирают у обывателей дорогие и другие вещи, и даже нательное и постельное белье. При таких условиях, войска, вступающие на освобожденную ими от большевиков территорию..., вместо восстановления порядка и законности, несут новые ужасы, ... сказанное в достаточной степени рисует ту беспросветную картину грандиозных грабежей и хищений, ту вакханалию стихийного произвола и самоуправства, которые неизменно стоят на всей прифронтовой полосе...» [16]. В ходе гражданского противостояния не было предусмотрено никаких компромиссов, и принятые в это время новые правила игры носили на себе отпечаток деградации и дегуманизации общественных отношений.

Таким образом, повсеместное разрушение существовавших ранее традиционных норм и представлений повлекло за собой трансформацию общественного сознания и всей системы ценностей казачьих сообществ. Она нашла выражение в самых неадаптивных, насильственных проявлениях, в реальности гражданского вооруженного конфликта, в том числе и в собственной, казачьей среде. Итогом данного процесса стало масштабное социальное и военно-политическое противостояние в крае, которое привело не только к физическому уничтожению значительного числа политических и социальных оппонентов казачества, но и к фактической ликвидации его самого как особой этнокультурной общности, основанной на традиционных ценностях.

Примечания:

1. Первый Кубанский поход. Февраль 1918г.// Часовой [Париж].1933. № 101. С.25 –26.
2. ГАКК. Ф.Р – 742. Оп.1. Д.1. Л. 182об.
3. ГАКК. Ф.Р – 11. Оп.2. Д. 307. Л. 5.
4. ГАКК.Ф.Р – 411.Оп.2.Д. 291. Л. 82.
5. ГАРФ.Ф.130.Оп.3.Д.363.Л.77 – 81.
6. ГАРФ.Ф. 130.Оп.3. Д.313. Л.48 – 49.
7. ГАРФ.Ф. 130.Оп.3. Д.313. Л.49.
8. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Мюнхен, 1948. С.9.
9. ГАКК. Ф. Р – 104. Оп. 1. Д. 673. Л. 186.
10. Россия в Мировой войне 1914 –1918 гг. М.,1925. С.49.

11. Сегеда Н. Наши агенты от милиционера до наркома. Воспоминания белого разведчика // Родина.1990. № 10 С.65.

12. Первый Кубанский поход. Февраль 1918г.// Часовой [Париж].1933. № 101. С.25 –26.

13. ГАКК. Ф.1019. Оп. 1. Д.63. Л. 22.

14. ГАКК. Ф. Р–411. Оп.2. Д.207. Л.3.

15. ГАКК. Ф. Р–411. Оп. 2. Д.207. Л.22.

16. РГАСПИ. Ф.17. Оп.66. Д.64. Л.132.

Н.А. Корсакова

Гвардейский дивизион в эмиграции. Страницы истории

Собственный Его Императорского Величества Конвой занимал особое положение среди гвардейских частей Русской Армии, исполняя почетную службу по охране российских государей и членов их семей.

Конвой также принимал участие в государственных торжествах, приемах иностранных гостей и церемониалах. С 1811 года в его эскадронах состояли казаки, горцы Кавказа, грузины, крымские татары и другие народы Российской империи. Части Конвоя участвовали во многих военных сражениях XIX века и Великой войне 1914 года.

История Конвоя документально отражена в книге Николая Васильевича Галушкина (1893 – 1964), казака станицы Темнолесской, служившего в Конвое в 1916 – 1917 гг. Книга издана в эмиграции, в США в 1961 году к 150-летию юбилея Конвоя [1]. В книге дается история Конвоя с 1811 по 1917 год. История Конвоя продолжена и после 1917 года, в годы Гражданской войны и эмиграции.

Кубанский гвардейский дивизион был сформирован в Добровольческой армии в 1918 году на базе лейб-гвардии кубанских и терских сотен [2]. Дивизион принял участие в первом и втором Кубанских походах в 1918 году, потеряв командира дивизионного полковника Г.А. Рашпиля (1877 – 1918) при штурме Екатеринодара.

В годы Гражданской войны дивизион претерпел несколько реформирований. Как преемнику старого Конвоя, ему был оставлен исторический штандарт, с которым он прошёл Гражданскую войну и эва-

куировался из Крыма в 1920 году на остров Лемнос (Эгейское море).

Около семидесяти лет Гвардейский дивизион сохранял свои исторические традиции в эмиграции. В судьбе Гвардейского дивизиона в эмиграции можно выделить следующие вехи:

- гвардейцы на острове Лемнос (1920 – 1921 гг.);
- жизнь в Сербии и сохранение историко-культурных традиций (1921 – 1941 гг.);
- Русский Корпус (1941 – 1949 гг.);
- объединения гвардейцев в США и странах Европы (1952 – 1986 гг.).

Мы более подробно рассматриваем один аспект – сохранение историко - культурных традиций Гвардейского дивизиона в эмиграции. О судьбе гвардейцев в эмиграции издано исследование П.Н. Стрелянова (Калабухова) «Гвардейский дивизион» с уникальными, ранее не известными сведениями, документами и фотографиями [3].

Этот труд был издан в 2008 году вместе переизданной книгой конвойца Н.В. Галушкина. В исследовании П.Н. Стрелянова (Калабухова) впервые опубликованы материалы о деятельности Гвардейского дивизиона с 1917 по 1986 год. Приложения содержат сведения об офицерах Собственного Е.И.В. Конвое с 1811 по 1914 гг., также списки чинов в 1917 – 1986 гг.

В июне 1921 года дивизион под командованием генерал-майора Виктора Эрастовича Зборовского (1889 – 1944), казака станицы Ладожской, в составе Кубанской казачьей дивизии отбыл с острова Лемнос в Сербию. По прибытию дивизиона сербским правительством ему была поручена почетная служба в пограничной страже по охране государственной границы. В этот период части Русской армии еще жили военной жизнью, носили военную форму, проводили учебные занятия и соблюдали дисциплину. В 1922 – 1928 гг. гвардейцы были направлены на постройку шоссейных и железных дорог Сербии и работы по установлению телефонной связи.

В 1924 году в командование дивизиона вступил полковник Константин Федорович Зерщиков (1887 – 1949), казак станицы Бороздинской Терского казачьего войска. В должности командира дивизиона он находился до 1937 года. Зерщиков собирал материалы по истории дивизиона в эмигра-

ции, о судьбах конвойцев, но они не были опубликованы и считаются утраченными.

В русской прессе конца 1920-х – середины 1930-х годов публикуются заметки о деятельности генерала А.Г. Шкуро по организации строительных работ для гвардейцев и русских военных частей [4]. Строительные работы укрепляли экономику Сербии. Посещали дивизион и оказывали ему помощь и поддержку известные деятели русской эмиграции П.Н. Врангель, атаман Кубанского казачьего войска В.Г. Науменко, генералы А.П. Кутепов, Е.К. Миллер, Топорков и другие [5].

Атаман В.Г. Науменко в 1933 году начал печатать «Скорбную книгу», которая, по его словам, «должна сохранить на века имена кубанцев, умерших в лихолетье на чужбине» [6]. Сведения об умерших казаках, в том числе и гвардейцах, печатались в журнале «Кавказский казак», издаваемом Кубанской канцелярией в г. Белграде.

Пребывание и жизнь русских, в том числе Гвардейского дивизиона в странах Европы, Северной и Южной Америки – это яркий пример сохранения историко - культурных традиций России, сохранения чести и достоинства. В 1920 году с коллекцией регалий ККВ в эмиграцию были вывезены архив и имущество Гвардейского дивизиона – наградное и подарочное серебро, приветственные адреса, 12 труб, столовое серебро.

В апреле 1941 года во время бомбардировки Белграда немцами, бомба попала в здание Военного музея, серебро дивизиона было утрачено [7]. Часть реликвий всегда были при дивизионе, это: штандарт, полковые знамена, икона св. Мефодия, покровителя Конвоя. При Дивизионе в Сербии была создана музейная комната с небольшой церковью и библиотека.

Отдавая долг гостеприимству сербов, гвардейцы принимали участие в государственных праздниках, военных парадах, паломничествах в городе Оплеац к храму – усыпальнице убитого в Марселе короля Югославии Александра I.

Сохранение российских военно - исторических традиций было неотъемлемой частью жизни гвардейцев. В Дивизионе был организован хор певчих, группа трубачей, ансамбль мандолинистов. Концерты проводились в зале Общественного собрания, в офицерских клубах, в Белграде на стадионе.

Хор и трубачи выезжали на гастроли по Сербии. Генерал А.П. Кутепов, посетивший дивизион в 1929 году, писал: «Я увидел, как жива и неистребима сила казачьего духа. Не скрою, у меня дрогнуло сердце при звуках фанфар и при виде стройной военной части, осколка той славной Армии, которая создавала славу и величие Российского государства... Не только в своих песнях, но и во всем своем быте эта семья хранит отцовские обычаи и любовь к родным краям» [8].

В эмиграции казаки отметили 125 и 150 лет Конвою. В августе 1936 года состоялись в Белишче. В исторической переключке были названы имена погибших, проведен молебен с многолетием Собственного Его Императорского Величества Конвоя.

В 1937 году в командование дивизионом вступил полковник Анатолий Иванович Рогожин (1893 – 1972), казак станицы Червленной терского казачьего войска. Постоянными в жизни дивизиона стали занятия спортом: гимнастикой, велосипедной ездой, футболом, борьбой. С успехом гвардейцы выступали на стадионах Белграда и принимали участие в олимпиадах. В 1952 году полковник Рогожин с остатками Русского корпуса прибыл США. В Америке дивизион проживал компактно в районе Нью-Йорка и в Калифорнии. Не теряя связи, они по-прежнему отмечали дни конвоя, исторические даты, писали свои воспоминания.

В сентябре 1961 года в Нью-Йорке был отмечен 150-летний юбилей. В Знаменском кафедральном соборе Русской зарубежной церкви митрополитом Анастасием был проведена панихида, на которой присутствовали чины Дивизиона, представители русской эмиграции и княжна Вера Константиновна Романова, известная своей общественной и благотворительной деятельностью. К юбилею была подготовлена красочная программа. Один экземпляр программы сейчас экспонируется в экспозиции Краснодарского музея-заповедника [9].

Этот редкий документ был подарен дочерью атамана В.Г.Науменко Наталией Вячеславовной Назаренко. На программе имеются подлинные автографы княжны Веры Константиновны Романовой, командира дивизиона А.И.Рогожина и автора труда по истории Конвоя к его юбилею Н.В. Галуш-

кина. В программе представлены редкие исторические снимки, изображение юбилейного знака и стихотворение «Живи дорогой Конвой». В 1986 очередном юбилейном году согласно приказу по Гвардейскому дивизиону Конвой прекратил свое существование.

В эмиграции в Дании жизнь императрицы Марии Федоровны достойно охранял старший урядник императорского Конвоя, казак станицы Новоминской Тимофей Ксенофонтович Ящик (1878 – 1946). О своей почетной службе он написал воспоминания, которые публиковались в европейских изданиях и в России [10].

Недавно Краснодарскому музею-заповеднику был подарен акварельный этюд портрета Тимофея Ящика в парадной конвойской форме с легендой о том, что это работа художника И.Е. Репина. На этюде есть надписи на русском и английском языках: «Портрет Конвойца Тимофея Ящика». Возможно, этот портрет написан самой императрицей или Великой княжной Ольгой Александровной. Известно, что императрица и Ольга Александровна писали картины, делали зарисовки пейзажей во время пребывания в 1918 году в станице Новоминской.

В Краснодарском музее-заповеднике в зале, возвращенных в 2007 – 2011 гг. казачьих войсковых регалий экспонируются уникальные экспонаты по истории Императорского конвоя: мундир императора Александра II, мундиры конвойцев периода царствования императоров Александра II и Александра III, конвойские серебряные и фарфоровые бокалы, именные часы, знаки конвоя, папка для приветственного адреса к 100-летию конвоя, изготовленная в мастерской знаменитого ювелира К.Фаберже, и грамота на пожалование конвою Георгиевского штандарта.

Современная историография пополняется исследованиями о жизни и деятельности казачьей эмиграции. Было бы неплохо историкам, краеведам и станичным музеям составить списки конвойцев по каждой кубанской станице, записать воспоминания об их судьбах, судьбе их семей, попытаться разыскать фотографии.

Примечания:

1. Галушкин Н.В. Собственный Е.И.В. Конвой. Сан-Франциско, 1961.

2. Волков С.В. Энциклопедия гражданской войны. Белое движение. М., 2003 г. С. 282.
3. Галушкин Н.В. Собственный Е.И.В. Конвой..., П.Н.Стрелянов (Калабухов). Гвардейский дивизион. М., 2008.
4. Казаки за Дунаем на работах у генерала А.Г.Шкуро // Журнал «Кавказский казак» [Белград]. 1934. № 1. С.8 – 12.
5. Стрелянов (Калабухов) П.Н. Указ. соч. С. 395 – 397.
6. Журнал «Кавказский казак» [Белград]. 1932 – 1935 гг.
7. Дневник В.Г.Науменко. 26-28 июня 1941 г. Архив автора.
8. Журнал «Часовой» [Париж]. 1936. Ноябрь. С. 178.
9. Фонды КГИАМЗ. КМ 11164-9.
10. Ящик Т.К. От Царского двора до Вольбу // Родная Кубань. 2000. № 3. С. 80 – 102.

А.А. Коровин

**Голод 1932 – 1933 годов
в ст. Подгорной Отрадненского района
и его последствия**

Голод в станице Подгорной в 1932 – 1933 гг. стал составной частью трагических событий, затронувших население на огромной территории СССР (Кубань, Ставрополье, Украина, Южная Сибирь, Урал, Поволжье, Казахстан, Центральная европейская часть страны). В основе этих событий лежит ситуация, связанная с недостаточной обеспеченностью населения этих регионов продовольствием. 7 января 1933 года Генеральный секретарь ЦК ВКП (б) И.В. Сталин на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) заявил, что «теперь крестьянин – обеспеченный хозяин, член колхоза, имеющего в своем распоряжении тракторы, сельхозмашины, семенные фонды, запасные фонды», и только заклятые враги советской власти сомневаются в реальном улучшении материального положения крестьян и рабочих [1]. После этого заявления обсуждение темы голода на долгие годы в СССР оказалась под запретом. Лишь в 1990-е – начале 2000-х гг. в нашей стране появились работы, посвящённые голоду и государственной аграрной политике начала 30-х годов XX в [2].

События, связанные с голодом ещё требуют глубокого и всестороннего изучения. Определённый вклад в осмысление

произошедшего может дать рассмотрение проблемы на примере станицы Подгорной, входившей в тот период в Северо - Кавказский край. До настоящего времени нет полного ответа на вопрос о причинах голода 1932 – 1933 гг. Однако совершенно очевидно, что определённые действия властей способствовали массовой гибели населения от голода. Осенью 1932 года И.В. Сталин направляет в Северо-Кавказский край комиссию, в которую вошли высшие партийно-советские чиновники (А.И. Микоян, Г.Г. Ягода, М.А. Чернов и др.) во главе с секретарём ЦК ВКП(б) Л.М.Когановичем. Комиссия должна была разобраться с причинами невыполнения колхозами заданий по сдаче зерна и продовольствия государству [3]. Вводится практика занесения колхозов, нарушавших планы сдачи зерна и продовольствия на «чёрные доски» и организации в отношении них репрессивных мер (запрещение торговли, запрет на выезд из станицы, чистка партийного и советского аппарата, закрытие магазинов и базаров) [4].

Колхозы станицы Подгорной не попали в «чёрнодосочный» список. В станице было два колхоза, которые в 1932 году образовались из разделившегося на две части колхоза «Восход солнца»: западная часть с районом Карачай отошла к колхозу «Новый путь», осточная осталась в старом колхозе. Весной 1932 года в станицу прибыли специалисты-ветеринары, осуществившие осмотр всех станичных лошадей. По итогам осмотра были признаны больными (сап) более тысячи отборных и племенных лошадей. Все они были застрелены или умерщвлены уколами за станицей, а затем сброшены в подготовленные ямы. Массовое уничтожение лошадей жители станицы считали ошибочным, т.к. не верили в их болезнь [5]. Если посмотреть на последующие события в станице, связанные с нехваткой продовольствия и возникшим голодом, то уничтожение лошадей можно считать запланированной и целенаправленной акцией.

Лето 1932 года показало, что станичные колхозы вырастили неплохой урожай кукурузы, пшеницы, картофеля. Для уборки урожая не хватало лошадей и подвод. В кратчайшие сроки по требованию районных властей из станицы был вывезен весь собранный в колхозах урожай. Затем у насе-

ления стали собирать натуральные налоговые платежи. Их сбором занималась особая комиссия – комсод (комиссия содействия хлебозаготовкам) состоявшая из комсомольцев, бывших красноармейцев и активистов из бедноты. Было создано несколько комсодовских отрядов по четыре-пять человек. После первой волны сбора платежей в середине осени комсод стал повторно требовать их уплаты, посещая дворы станичников и насильственно изымая продовольствие. Следует учесть, что полагающиеся начисления на трудодни колхозникам так и не были выплачены. Население стало прятать остатки продовольствия. Наступившая зима 1933 года показала, что продовольствия катастрофически не хватает. Люди стали умирать от недоедания. Население станицы съело всех станичных собак и кошек. Весной люди стали есть набухшие на деревьях почки (верба, ива, берёза). После того как растаял снег, тела умерших станичников стали собирать и отвозить на кладбище, сбрасывая в общие могилы. Выжившие жители станицы были измождёнными и больными, с распухшими руками и ногами [6].

Похожая обстановка была и в соседних станицах. Сохранились воспоминания Петренко А.Н., жителя станицы Надёжной, 1908 года рождения: «Повальный был голод. Хоронили так, траншею выкопали. Заполнили мёртвыми, засыпают. Другую копают.... Такие были случаи, што человек ещё жив, а подвода ходит мёртвых забирает. Живова берут, а всё равно ему помирать, берут и кидают. Вот такие страсти были». А вот, что говорит Красников И.Г., житель станицы Передовой, 1910 года рождения: «Много людей умерло. Забирали всё съестное.... В голоде виновата советская власть». Гордиенко В.М., житель станицы Удобной, 1913 года рождения рассказывал, что «у тридцать третьем году человек пятнадцать-шестнадцать с железными костылями ходят, хлеб ищут. Сперва были «красные обозы», зерна было много. Ну, подъезжают и всё чисто позабирали зерно. Ну, а в голод кое-кто в ямы позакапывал, вот они ходят и ищут. Забирали, как вроде Сталин приказал, шо где-то зерно надо было достать, а ево нету, так вот забрать это зерно...» Житель хутора Кисловодский Колесников П.Г., 1924 года рождения вспоминает: «В голод

единоличников облагали госпоставками. Опять и опять. Пока всё не отберут. Потом ищут, что припрятали. Люди стали пухнуть и умирать. Мёртвых собирали в бричку и везли на кладбище. В бричку кидали и умирающих. Никто никому не был нужен. Мёртвые валялись везде. Их хоронили в огородах» [7]. Кохановский В.М., житель станицы Спокойной вспоминал: «...Ловили лягушек, мышей, ежей. Собак и кошек уже съели... Ели почки вербы, акации. Сушили бурьян, растирали, пекли из него лепёшки и ели...»[8]. Многие жители были доведены до отчаяния. Так, в станице Подгорной один отец зарезал умирающих от голода детей и жену, а сам повесился [9].

Совершенно очевидно, что процесс изъятия продовольствия у населения отрядами комсода был направлен на полную и тотальную его конфискацию. Забирались не только найденные продовольственные запасы, но и даже приготовленная в печах пища, отдельные зерна, гнилой картофель и т.д. Сохранившееся постановление бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП (б), принятое совместно с представителями комиссии Л.М. Кагановича, от 13 ноября 1932 года свидетельствует о мерах, которые необходимо было предпринять органам власти на местах по сбору продовольствия: каждой станице устанавливался план хлебозаготовок; вводился запрет на выдачу натуроплаты в колхозах; во всех сельских советах создавались комиссии по выявлению нескошенных и необмолоченных посевов зерновых; устанавливался трехдневный срок на вывоз зерна из колхозных амбаров [10]. Данные мероприятия предписывалось осуществлять в отношении колхозов, не выполнявших план по сдаче продовольствия и занесённых на «чёрную доску». Подгорненские колхозы, как уже отмечалось, не вошли в число «чернодосочников». Однако, действия местных властей в период голода, вызывают удивление и не могут быть объяснимы, если не прийти к выводу об искусственном характере голода [11]. Зерно, собранное в станице Подгорной в октябре 1932 – марте 1933 гг., было отправлено в станицу Спокойную и высыпано в ямы-траншеи, где оно сгнило (730 центнеров или 146 подвод). Собранный в октябре-декабре 1932 года картофель был зарыт в центре станицы Подгорной (более 5 тыс.

центнеров). В январе-апреле 1933 года в подвалы домов раскулаченных Зарецкого, Колядина и Краснова было ещё засыпано 210 подвод картофеля (более 100 центнеров). Зимой 1933 года подгорненцы пытались достать сгнивший картофель из ям, но представители сельского совета запрещали собирать даже его. Тем, кому удавалось достать хоть что-то, поедали гнилой картофель здесь же, на месте [12].

В 1933 году Подгорненский совет возглавил С. Грицай, а его заместителем был переселенец из Ставрополя И. Стеженко. Не все поддерживали действия местных станичных властей. При сборе продовольствия у населения погибли два активиста – Артёменко и Рудаков. Вернувшийся после службы в Красной Армии Сербин отказался войти в состав комсодовцев. В семье Сербиных были изъяты все продукты, что привело к смерти демобилизованного солдата от голода [13].

Наступившее лето 1933 года стало спасением для станичников. На колхозных полях появилась молодая картошка и новый урожай зерновых культур. В огородах спели фрукты и овощи. На один трудодень после уборки урожая было выдано по 3,5 кг. зерна, что в 2,2 раза больше чем в 1932 году [14]. В станице продолжалась коллективизация. В 1934 году образуется новый колхоз имени И.В. Сталина.

Трагические события тех лет навсегда остались в памяти станичников. Был ли голод 1932–1933 гг. «искусственно задуманной акцией окончательного подавления, удушения областей Юга России», или это стало следствием завышенных планов государственной заготовки продовольствия [15], которые пытались любой ценой выполнить ретивые представители советской власти – неясно. Окончательный вывод о событиях тех лет еще предстоит сделать, опираясь на исследования новых документов и материалов.

Примечания:

1. *Сталин И.В.* Итоги первой пятилетки. Доклад на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) 7 января 1933 г. // Сталин И.В. Сочинения: В 18 т.М., 1946-2006.Т 13. [М., 1951]. С. 200.

2. *Осколков Е.Н.* Голод 1932-1933 гг. Хлебозаготовки и голод 1932-1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991; *Ивницкий Н.А.* Голод 1932-1933 годов: кто виноват? // Судьба российского крестьянства. М., 1995.С. 333 – 363; *Кондрашин В.В., Пеннер Д.* Голод: 1932 – 1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона, Кубани). Самара; Пенза, 2002; *Кандрашин В.В.* Голод 1932 – 1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.

3. *Скорик А.П.* Депортация населения «чёрнодосочных» станиц как антиказачья акция: причины и последствия // Историческая память населения Юга России о голоде 1932 –1933 г. Материалы научно-практической конференции / Под редакцией Н.И. Бондаря, О.В. Матвеева. Краснодар, 2009. С.60.

4. *Бондарь И.Ю.* Архивные документы о голоде на Кубани 1932-1933 гг. // Историческая память населения Юга России о голоде 1932-1933 г. Материалы научно-практической конференции. / Под редакцией Н.И. Бондаря, О.В. Матвеева. Краснодар, 2009. С. 97.

5. *Илющенко Н.Н.* История станицы Подгорной Краснодарского края. Волгоград, 1998. С.154.

6. *Илющенко Н.Н.* Указ. соч. С.158.

7. Голод на Кубани: 1932 – 1933 гг. Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции научно - исследовательского центра традиционной культуры ГНТУ «Кубанский казачий хор» // Историческая память населения Юга России о голоде 1932 – 1933 г. Материалы научно-практической конференции / Под редакцией Н.И. Бондаря, О.В. Матвеева. Краснодар, 2009. С. 381 – 386.

8. Цит. по: *Пятаков В.А.* Наша малая Родина – Отрадненский район Краснодарского края (страницы истории). Отрадная, 2009. С. 56.

9. *Пятаков В.А.* Указ соч. С. 55.

10. ЦДНИКК. Ф. 1361. Оп.1.Д. 130. Л. 80-81.

11. *Корсакова Н.А.* Голод 1932 – 1933 гг. на Кубани в воспоминаниях старожилов // Историческая память населения Юга России о голоде 1932 – 1933 г. Материалы научно - практической конференции / Под редакцией Н.И. Бондаря, О.В. Матвеева. Краснодар, 2009. С. 209.

12. *Илющенко Н.Н.* Указ. соч. С.159, 161.

13. Там же. С.160.

14. *Пятаков В.А.* Указ соч. С. 56.

15. *Кокунько Г.В.* «Чёрные доски» // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края / Под ред. О.В. Матвеева – Краснодар, 2006. Т.1 (22). С.216; *Скорик А.П., Бондарев В.А.* Голод как результат стихии и политики: «продовольственные затруднения» в сёлах и станицах юга России в 1930-х гг.// Историческая память населения Юга России о голоде 1932 –

1933 г. Материалы научно-практической конференции / Под редакцией Н.И. Бондаря, О.В. Матвеева. Краснодар, 2009.

А. М. Бровко, В.И. Казанков

Репрессии против казачества как пролог голодомора 1932-1933 годов

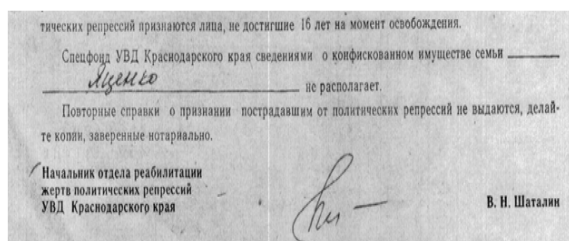
Многие из взрослого поколения, вспоминая своё далёкое детство, прекрасно помнят настольную игру – лото, которая собирала вечерами взрослых и детей, обычно родственников, соседей. Все, и взрослые и дети, еле умещались в небольшой комнатке, доставались карточки и холщёвый мешочек с бочонками, на которых были выжжены цифры; ведущий, не глядя, «тянул» бочонки из мешка и «кричал»: «Дед», «Туда-сюда», «Барабанные палочки», «Гопорики» и т.д. С названиями всех бочонков было более или менее понятно, только вот один бочонок, под №33 – «Голодовка» вызывал вопросы, – какая голодовка? почему голодовка? Детскому уму, видя каждый день на столе хлеб, тогда сложно было понять, что такое голод и, тем более, представить муки голодной смерти. Взрослые, под обещания, что этого нельзя распространять в школе, всё равно не сильно распространялись о тех страшных временах. Десятки лет об этой трагедии говорили только шёпотом, со страхом и отчаянием. Ещё в 80-х, перед самой перестройкой, вспоминать о голоде было небезопасно. В школьных учебниках истории о голоде практически тоже ничего написано не было: «Засуха, недород в 1932 году, а кулаки прятали зерно...» И ещё: «голодали все» – так учили нас в школе. Коммунистическая пропаганда до конца своих дней толковала, что на Кубани не было голода, а был неурожай, сообщения в зарубежной прессе о голоде называли «грязной клеветой». Нас приучали, что это выдумка, и старательно скрывали правду. К сожалению, и до сих пор настойчиво раздаются призывы обнулить историю и жить сегодняшним днем, находятся люди, которые призывают не ворошить прошлого, изобретаются обтекаемые формулировки для этого: мол, преступление – да, геноцид – нет.

Тема голода неразрывно связывается с форсированной «сплошной» коллективизацией, с попыткой советской власти в одночасье построить колхозный строй. Судьбоносное решение для 120 миллионов крестьян было принято на XV съезде ВКП (б) в декабре 1927 года. Его резолюция «О работе в деревне» гласила: «В настоящий период задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне». Именно с этого момента начался отсчёт в реализации этой безумной коммунистической идеи. Одним из самых драматических сюжетов в истории коллективизации стала борьба с кулачеством. В январе 1930 г. в передовой статье газеты «Правда» прозвучал призыв: «Объявить войну не на жизнь, а на смерть кулаку, и, в конце концов, смести его с лица земли!».

Казаки стали первоочередным объектом «раскулачивания», репрессий, депортаций. 8 января 1930 г. на бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП (б), в проекте специального постановления о коллективизации и раскулачивании, среди подлежащих административному выселению из края «кулаков», в первую очередь, были названы «казачьи идеологи и авторитеты», «бывшие белые офицеры», «каратели», «репатрианты», «бывшие бело-зеленые бандиты, имеющие в эмиграции сыновей-офицеров» и др. В информационных сводках ОГПУ, обвинительных заключениях практически всегда подчеркивается принадлежность тех или иных «контрреволюционеров» к казачьему сословию. Причем, почти всегда документы ОГПУ составлены были таким образом, что уже сам факт принадлежности обвиняемого или подозреваемого к казачеству является обвинением или доказательством вины, то есть казаков опять считали сословием «реакционеров», наиболее опасным для «дела социализма».

Доблестные «борцы с врагами коллективизации» в ст. Бесскорбной не ели хлеб даром, днём и ночью, в поте лица, неустанно и неутомимо искали кулаков и вредителей среди станичников. И таковых находили. Под удар ОГПУ попали все родственники бывшего атамана С.К. Яценко; действия большевиков всегда отличались

какой-то патологической мстительностью. 31 января 1930 года в Бесскорбной был арестован младший брат Степана Кузьмича – Фёдор. Его обвинили в «контрреволюционной агитации и распространении провокационных слухов с целью подрыва советской власти и срыва мероприятий советской власти по сельскому хозяйству» по ст. 58.10 УК РСФСР. По постановлению тройки СКК ОГПУ, от 19 марта 1930 года, приговорили Яценко Фёдора Кузьмича к высшей мере социальной защиты – в советском уголовном праве это обозначает расстрел. В связи с этим имущество полностью подлежало конфискации, а семья, в составе пяти человек, была выслана первоначально в с. Гуревка Ростовской области, затем в с. Дивное Ставропольского края. Сгинул бесследно и другой брат атамана – Стефан. Сын Фёдора Кузьмича потом, в начале 90-х, добился реабилитации отца и себя; хотя потом в сердцах как-то сказал: «Чё теперь эта бумажка, и так все знали, что мы ни в чём не виновны!» А вот и фрагмент этой справки, с уточнением, что повторно справки не выдаются (мол, и без вас дел хватает КГБ-ФСБ, не успеваем в протоколах допросов заклеивать белыми полосками бумаги фамилии следователей, не дай Бог мстить начнут...)

Поражает своей циничностью и бездушием последний абзац в этой справке – «Спецфонд УВД Краснодарского края сведениями о конфискованном имуществе семьи Яценко не располагает». Интересное дело – государство не знает, куда оно дело награбленное «кулацкое добро»! Напомним, в Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года, «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», в пункте III, доходчиво всё расписано – куда пошли лошади, коровы, дома, амбары, сеялки и веялки ограбленных и разорённых кре-

стьян. Отметим, многое из того имущества не включалось в отчётность, то есть попросту разворовывалось «неутомимыми борцами за колхозное строительство».

Статья 58-10 – это «пропаганда или агитация» – каралась лишением свободы на срок не ниже шести месяцев. Но, те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекли за собой «меры социальной защиты», указанные в ст.58-2 настоящего кодекса – расстрел [6 июня 1927 г. (СУ №49, ст.330)]. А вообще 58-я статья имела 14 пунктов и за каждым если не шпионаж, то помощь мировой буржуазии, на простом языке это означает – сломал случайно колхозный плуг, значит ты японский шпион. Долгие тридцать четыре года 58-я статья будет преследовать практически любого человека, даже не предполагающего, что любое его действие или бездействие, в конечном итоге, могло быть подведено под эту статью.

Миф-обманка, придуманный коммунистами, о том, что Сталин не знал всей правды о коллективизации и своей знаменитой статьёй о «головокружениях», в марте 1930 года, одёрнул своих «нерадивых» подопечных опровергается судьбой отдельной семьи из станицы Бесскорбной – бывшего атамана Яценко. На примере с Фёдором Яценко чётко видно, что всё это большевистские сказки. «Головокружение» вышло 2-го марта 1930 года, 10 марта было принято секретное постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении», 14 марта его огласили всем партийным организациям страны. Вот цитата из этого постановления; «немедленно прекратить в какой-бы то не было форме насильственную коллективизацию. Решительно бороться с применением каких бы то не было репрессий по отношению к крестьянам... Немедленно проверить списки раскулаченных и исправить допущенные ошибки...». Но ошибки никто исправлять и не собирался – 19 марта 1930 года Фёдора Яценко расстреляли...

А.В. Дейневич

**Рассекреченный голод
(К 80-летию начала голодомора
1932 – 1933 гг.)**

*Вставай, Ленин, подывись,
Як селяны розжились.
Ой, на хаті серп та молот,
А у хаті смерть та голод.
Ні корови, ні свині, -
Тільки Сталин на стіні*

Из народного фольклора 1930-х гг.

Весной 2009 года в Краснодарском государственном историко - археологическом музее-заповеднике им. Е.Д. Фелицына открылась выставка «Рассекреченная трагедия: голод на Кубани в 1932 – 1933 гг.». «Публично упоминать об этой трагедии было строго запрещено в течение нескольких десятилетий», – сообщала пресс-служба музея. И только после того, как тему голодомора стали активно поднимать на Украине, российские власти решились публично признать факт невиданного голода, охватившего осенью 1932 – весной 1933 гг. Украину, Северный Кавказ, Поволжье, Казахстан, Западную Сибирь, юг Центрально-Черноземной области и Урала – территорию с населением около 50 миллионов человек. Изооряясь в прислуживании перед режимом единоличной власти, спровоцировавшим массовую гибель людей непомерными хлебозаготовками и жестоким подавлением сопротивления коллективизации села, Северо-Кавказский крайком ВКП(б) ввёл в качестве наказания непокорных казаков систему «черных досок», на которые заносились станицы, «позорно провалившие» план хлебозаготовок.

С ноября 1932 по январь 1933 гг. на «черную доску» были занесены 2 донские станицы и 13 кубанских (Новорождественская, Темиргоевская, Медведовская, Полтавская, Незамаевская, Уманская, Ладожская, Урупская, Новодеревянковская, Стародеревянковская, Старокорсунская, Старощербиновская и Платнировская). «Чернодосочные» станицы окружались войсками с запрещением выезда и с единственным выходом – в ямы скотомогильников и глиняных карьеров. Вывозились все товары и

прекращалась всякая торговля. Советская власть упразднялась, управление переходило к военному коменданту. Люди гибли тысячами, в сохранившихся отчетах сообщается о многочисленных случаях людоедства, а директивы райкомов ВКП(б), не сеявших и не пахавших, но получавших продовольственные пайки, требовали одного – увеличения хлебозаготовок и изъятия зерна любой ценой. О дикости происшедшего свидетельствует такой факт: в станицах, где оставались собаки, коммунисты требовали проведения дополнительных проверок: «Если собаки остались в живых, значит, саботажники прячут продовольствие...».

Представленные на выставке рассекреченные документы из фондов Центра документации новейшей истории Краснодарского края и редкие фотографии из собрания музея-заповедника, показали страшную картину раскулачивания, репрессий, искорененных человеческих судеб, выселяемых с Кубани. Всего от голодомора 1932 – 1933 гг. в СССР погибло от 7 до 8 миллионов человек, по Северо-Кавказскому региону – 620 тысяч человек. Только за один 1933 год по официальным данным, численность населения страны сократилась на 6 миллионов 115 тысяч человек, причем, самые большие потери пришлось именно на Кубань. По мнению большинства историков, реальная цифра погибших в разы больше задокументированной. Страшным катком прокатился 80 лет назад голодомор по станице и хуторам Новодеревянковского сельсовета. В последние, постсоветские годы, уже много сказано и написано о тех страшных годах и, несомненно, доказано главное – преднамеренная организация голода с целью удержать людей в коллективных хозяйствах, сломить их волю к сопротивлению после начавшегося разброда, вызванного статьей Сталина «Головокружение от успехов» и первых неудач совместного труда. Голод был не следствием климатических условий – засухи, недорода, а результатом социальных катаклизмов – сталинской политики принудительных хлебозаготовок, превратившихся в настоящую войну с крестьянами и казачеством.

Урожай 1932 года из-за сева озимых осенью 1931 года по нераспаханной стерне и затянувшегося сева яровых весной, а так-

же засухи и дождей в период уборочных работ, оказался в два раза меньше планировавшегося, и меньше, чем до коллективизации. В ходе уборки стало ясно, что задание по хлебозаготовкам колхозами, ввиду объективных причин, выполнено не будет. Но не тут-то было. Экономической неудаче был придан политический поворот. Была организована целая кампания по обвинению крестьян в плохой работе, в разворовывании зерна, в том, что они попали под влияние кулаков, хотя тех уже не было. 7 августа 1932 года ЦИК и Совнарком приняли написанное Сталиным постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной социалистической собственности», получивший в народе названия «закон о пяти колосках» и «закон от седьмого-восьмого». Этот невиданный ранее по дикости и жестокости закон, устанавливал за любое, даже самое малое хищение колхозной собственности наказание 10 лет тюрьмы или расстрел. Грабительская политика государства привела к падению заинтересованности рядовых тружеников в результатах работы, пагубным образом сказавшись на трудовой дисциплине. Значительная часть урожая 1932 года осталась на полях, необранной и необмолоченной. Почувствовав угрозу голода, крестьяне стали прятать зерно в потайных местах. В целях «усиления хлебозаготовок» ЦК ВКП(б) направляет на Кубань чрезвычайную комиссию во главе с Л.М. Кагановичем. Разработанные ею меры по слову «саботажа хлебохозяинов» стали основным механизмом возникновения рукотворного массового голода. 4 ноября 1932 года при активной работе комиссии Северо-Кавказский крайком ВКП(б) принимает постановление «О ходе хлебозаготовок и сева по районам Кубани», которое говорило о «позорном провале плана хлебозаготовок» и вытекавшей отсюда боевой задаче партийных органов – сломать саботаж и уничтожить сопротивление. Были голодные годы и в царской России, но никогда еще в отечественной истории не доходили власти в издевательстве над собственным народом до того, чтобы окружать голодающие станицы войсками, отбирать все съестные припасы, превращая их в закрытые резервации с единственным выходом – на могильник. Физические стра-

дания, переживаемые людьми, дополнились и страданиями нравственными – по инициативе Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) впервые, как мера морального воздействия на «саботажников», вводится система «черных досок» позора, на которые заносились станицы, не выполнившие обязательный план хлебопоставок государству.

26 декабря 1932 года была занесена на «черную доску» и станица Новодеревянковская Староминского района, население которой составляло 12481 человек, подавляющее большинство которых (10507 человек) по происхождению считали себя украинцами. (Для сравнения: в станице Стародеревянковской, входившей тогда в Каневской район и в тот же день занесенной также на «черную доску», проживало 7230 человек, в том числе 6529 украинцев. – А.Д.). Сельский Совет был распущен, его председатель Яков Степанович Зайченко был арестован и расстрелян, власть в станице перешла к коменданту Ярошенко. Чтобы не допустить развала колхозов и разбегания людей, станица была окружена войсками и заградотрядами, запрещался выезд, всякая торговля, собрания. Массовое бегство отчаявшихся от голода людей из колхозно-коммунистического «рая» преподносилось райкомом партии как происки врагов: «В последнее время классовый враг применил новый метод борьбы с мероприятиями партии – организацию массового бегства колхозников из станиц...» Для борьбы с этим явлением коммунистические бонзы, сидящие на продовольственных и промтоварных пайках, приказывали создавать «заслоны на выходах из станиц», в помощь работникам ОГПУ и милиции организовывать патрулирование «из проверенного беспартийного актива, партийцев и комсомольцев» по станице и хуторам, «не допуская ни одного случая бегства». Выявленные в других колхозах, совхозах и МТМ беглецы «подлежали возвращению к прежнему месту жительства» и предупреждались, что повторная попытка побега будет «жестокое караться, вплоть до РАССТРЕЛА».

Постановление Староминского райкома ВКП(б) от 30 декабря 1932 г.

СЛУШАЛИ: О ходе хлебозаготовок по станице Новодеревянковской (Соломоненко, Битте).

ПОСТАНОВИЛИ: В связи с занесением на черную доску Крайкомом ст. Новодеревянковской за контрреволюционный саботаж, позорно срывающий выполнение плана хлебозаготовок – это подтверждает, что Новодеревянковский партколлектив и в отдельности каждый коммунист и комсомолец, с/Совет, не сделали политических выводов из решения крайкома от 4/XI-32 г. не сломали контрреволюционный саботаж, организованный кулачеством в деле хлебозаготовок, не вели большевистской борьбы за хлеб, не сумели на деле обеспечить выполнение решений Крайкома.

Бюро райкома – п о с т а н о в л я е т:

1. Принять к неуклонному исполнению решение бюро Крайкома от 26 декабря и в отношении занесенной на черную доску станицы Новодеревянковской провести следующие мероприятия, вытекающие из решения бюро Крайкома от 4/XI-32 г.:

а) немедленное прекращение подвоза товаров и полное прекращение кооперативной и государственной торговли на месте и вывоз из кооперативных лавок всех наличных товаров;

б) полное запрещение колхозной торговли, как для колхозов, колхозников, так и единоличников;

в) прекращение всякого рода кредитования и досрочное взыскание кредитов и других финансовых обязательств,

г) проверку и чистку органами РКИ колхозных; кооперативных и государственных аппаратов от всякого рода чуждых и враждебных элементов.

Предупредить жителей ст. Новодеревянковской, занесенной на черную доску, что в случае продолжения саботажа хлебозаготовок, краевыми организациями будет поставлен вопрос перед Правительством об их выселении из пределов края в северные области и заселение этой станицы добросовестными колхозниками, работающими в условиях малоземелья и на неудобных землях в других краях.

2. Для слома кулацкого контрреволюционного саботажа и обеспечения выполнения полностью годового плана хлебозаготовок, командировать представителей райкома в колхозы Новодеревянковского Совета товарищей: Колхоз «Молот» - Ливенцев, Антоненко, Колхоз «Шлях до социализма» - Педан, Гольшина, Колхоз «Новый

Восход» - Грибенюк, Апостолов, Колхоз «Правда» - Демченко, Мирошниченко, Колхоз «Заветы Ильича» - Хатыхов, Краснов, Амилов, Колхоз «Верный Путь» - Гнездилов, Квасов. Возложить на них персональную ответственность за выполнение полностью плана хлебозаготовок по колхозу в ранее установленные сроки.

3. Предложить Новодеревянковскому партколлективу и Совету немедленно мобилизовать всех коммунистов, комсомольцев и членов Совета прикрепить к бригадам, дать дневные задания по вывозу на элеватор и требовать выполнения. Коммунистов, комсомольцев, членов Совета, не обеспечивающих выполнение дневных заданий по вывозу хлеба на элеватор, немедленно исключать из партии, комсомола, отводить из членов Совета и предавать суду.

4. Напомнить колхозникам и единоличникам ст. Новодеревянковской, что единственным средством, при котором станица может быть снята с черной доски – является выполнение полностью годового плана хлебозаготовок, найти во что бы то ни стало расхищенный колхозный хлеб и сдать государству.

5. Предложить всем парткомам, коллективам, ячейкам и уполномоченным райкома решение Крайкома от 26/XII с.г. проработать на партсобраниях и собраниях колхозников и единоличников, сделав из этого решения политические выводы в деле выполнения плана хлебозаготовок каждым колхозом и в целом Советом в установленные сроки». Группы комсомольцев, организованные в комитеты содействия сбору продналога, отрабатывая специальные продовольственные пайки, денно и ночью рыскали по станице, разыскивая при помощи металлических щупов запрятанное, как утверждала партийная пропаганда, зерно и, прислушиваясь, не заскрипит ли где «камень» – примитивная ручная мельница. Подводя итоги выполнения годового плана хлебозаготовок 31 декабря 1932 года бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) постановило:

«Считать, что меры, вытекающие из занесения на черную доску в отношении ст. Уманской (Павловского района), Урупской (Армавирского района), Ладожской (Усть-Лабинского района), Стародеревянковской (Каневского района), Старокорсун-

ской (Краснодарского района), Новодеревянской (Староминского района) и Мешковской (Верхнедонского района), проводятся недостаточно. Обязать советские и партийные организации немедленно провести со всей строгостью все меры, вытекающие из занесения их на черную доску».

Для усиления партийного руководства сельским хозяйством и политической работы с массами в сложившихся условиях, в январе 1933 г. при Новодеревянской МТС был открыт политотдел – «глаза и уши партии», который возглавил Зайцев, в короткое время заслуживший репутацию настоящего душегуба. При политотделе позже стала издаваться и своя газета с претенциозным названием «Социалистическое переустройство». 9 января 1933 года бюро Староминского райкома ВКП(б) отметив, что, несмотря на предупреждения и наложенные взыскания, в деле выполнения плана хлебозаготовок по станице Новодеревянской никаких сдвигов не произошло, саботаж хлебозаготовок не сломлен, приняло секретное постановление: просить крайком ВКП(б) о выселении жителей чернodosочной станицы Новодеревянской за пределы края. Не получив команду, на очередном заседании 20 января 1933 г., протоколировав, что вместо увеличения поступления хлеба отмечается значительное снижение, по предложению коменданта станицы Ярошенко, бюро райкома приняло постановление о применении к новодеревянковским «саботажникам» такой «меры воздействия», как «изъятие всех продуктов питания». Комсомольцы и активисты зимой вытаскивали из погребов бочки с солениями, разбивали, выливали содержимое на землю, топтали все ногами. У голодающих людей отнимали даже возможность самих себя прокормить. У обессиленных от голода «саботажников» отбиралось все, что могло поддержать жизнь: кабаки, бураки, семечки подсолнуха, фасоль, горох, макуха... Люди ели кошек, собак, крыс, лягушек, ловили ворон, воробьев. В пищу шли корни трав, почки деревьев и кора, водоросли, улитки, черви. Голод привел к всплеску преступности – росту краж, убийств, грабежей, разбойных нападений, имели место случаи людоедства и трупоедства. Перед лицом голодной смерти человек цеплялся за жизнь всеми доступными спо-

собами. Сохранившиеся в архивах документы нельзя спокойно читать и сегодня. Вот только несколько выдержек из пространныго «Спецсообщения секретно - политического отдела ОГПУ о продзатруднениях в отдельных районах Северо - Кавказского края» начальника СПО ОГПУ Г. Молчанова (начало 1933 года):

«...Колхозница Г., имеющая до 500 трудодней, питается древесными опилками. Единоличник Д. питается собачьим мясом и крысами, семья его в 6 человек (жена и дети) умерли от голода.

... гр. Г. употребляла в пищу труп своей умершей сестры. Г. заявила, что на протяжении месяца она питалась различными отбросами, не имея даже овощей, и что употребление в пищу человеческого трупа было вызвано голодом.

... На кладбище обнаружено до 30 трупов, выброшенных за ночь, часть трупов изгрызаны собаками. Труп колхозника Р. был перерезан пополам, без ног, там же обнаружено несколько гробов, из которых трупы исчезли.

... На квартире обнаружен труп девочки с отрезанными ногами и найдено вареное мясо.

...26.И член сельсовета А. увидела Р.Н., выходящую из погребца со следами крови на платье. Об этом А. сообщила председателю сельсовета. Проверкой факта установлено, что Р.Н. вырезала у трупа сына М. мясо с бедер обеих ног. На вопрос – зачем это сделала – Р. ответила: «Это не ваше дело, я резала мясо со своего ребенка, но его еще не ела...»

Десятилетие пропаганды безбожия, натравливание одного человека на другого, культивирование и поощрение ненависти, отменили всякие моральные принципы. Воровство приняло массовый характер. «Свою кормилицу – корову, мы держали здесь же, в хате, где жили, – вспоминала Дарья Константиновна Бут. – Если бы не она, мы бы не выжили».

Рассекреченные сейчас документы того времени показывают нам, что среди начальствующих коммунистов Новодеревянской партийной организации нередко были случаи пьянства, разврата, издевательств над людьми, взяточничества: «пьянствует, лодырничает», «целые недели подряд играл в карты»... В колхозе «Жи-

вотновод им. «Правды» группа «руководящих работников колхоза совершила ряд фактов избиений и факт пытки колхозников и единоличников»... Уполномоченный по хлебозаготовкам в Новодеревянковской С.М. Амилов незаконно описал имущество и отобрал дом у беднячки-колхозницы Кононенко, которая для выживания делала бумажные цветы и продавала, после чего женщина умерла. Точно также он поступил с другой бедняцкой семьей, где колхозница пыталась продать свою юбку. Сам же коммунист, отобрав у колхозников зерно, якобы ими расхищенное, вместо элеватора, отвез его к себе домой, «купил гуся и начал его откармливать для своих личных надобностей». Решением краевой комиссии по чистке, он был исключен из партии и снят с работы, но не за смерть людей, а за то, что «допустил покупку гуся в станице, занесенной на черную доску, на что не имел никакого права, т.к. в станице всякая торговля прекращена». Анастасия Яковлевна Новикова (1916-1989) свидетельствует: « В 1933 году я возвратилась в станицу из г. Ставрополя, где училась в педтехникуме, по ул. Гимназической, 8. Отец прислал 10 рублей денег и письмо, в котором написал: «Продали машинку швейную за 20 рублей и высылаем тебе 10 рублей и Марусе (старшей сестре, которая училась в г. Ейске) 10 рублей.... Приезжайте, умирать будем вместе».

Голод был страшный. На второй день после моего приезда приходит к нам председатель нашего колхоза и говорит мне:

-Ты в техникуме ела хлеб 400 грамм в день?

-Да.

-Вот и будешь возить покойников с П. (он жил во втором квартале). И начали мы работать. День поработали, на второй день выхожу на работу, (собирались мы в хозчасти колхоза – она была на углу, в хате, где жили Скибы, которых раскулачили, а хату забрали в колхоз), а напарника моего нет. Когда приходит завхоз Федот Махно и говорит мне:

- П. Василя не будет. У них сейчас был обыск и нашли Нюру Кириенкову, зарезанную. И еще нашли в цветочном горшке голову мальчика с их улицы, но с первого квартала. Они съели этого мальчика и Кириенкову Нюру. А у Нюры косы были длинные. Так они голову отрезанную Нюры

спрятали за зеркало, висевшее на стене, а косы и свесились из-за зеркала на стол. Так через те косы их поймали и забрали.

Люди, не способные на воровство и на всякие другие ухищрения, а также много семейные, вымерли почти все, целыми родами.

«Подвалы, погреба по улице Красной были забиты трупами, – свидетельствует старейший житель станицы Ф.А. Безверхий. – Мой сосед Германовский, повел к себе в хату и показал мне мертвых родителей – отца и мать, уже позеленевших, покрытых плесенью. Так он прямо в доливке – земляном полу, вырыл ямку, как смог, так их и похоронил. И Коваленко Кузьма, тракторист. Нема на работе день, два. Пошли к нему домой, а жинка вылезла и кажэ: «Вмэр». Так я його прямо у хати и закопала. Деркачку, ще живу, отвезли на Бакай, бросыли в яму. Дэ вона силы взяла, а до дому прылила. А потом ще у нас в бригади робыла кухаркою. А брата моего П. зылы в 33-м году. Одын брат був и того зылы...»

Специальные команды с арбами и коровами, использовавшимися в качестве тягловой силы, ходили по дворам, собирая трупы. За эту работу давали паек, а он давал временное право на жизнь: «Такою картину можно было наблюдать ежедневно и я, часто из кабинета коменданта станицы Ярошенко видел ее, – вспоминал комсомольский активист того времени И.Д. Варивода. – Трудно описать, как мы реагировали на этих «врагов народа». До нитки голые, как попало набросанные на гарбы: кто висел через драбины головою вниз, у кого руки висели до земли, кто одну или обе ноги задрал вверх – ооченелые, они совершали последний путь на цэгэльную, на Бакай. Там был раньше кирпичный завод, и глину брали из карьера. Бросали всех в эту братскую могилу. Возраст их был от младенцев, знавших только соску, до бородачей. Мужчин было больше. Бросали людей и живых еще, но таких что уже все равно дойдут, умрут...»

Более шести тысяч тружеников лишилась станица за страшный год. В архиве ФСБ хранится письмо в город Шахты красноармейцу Юрченко от родителей, проживавших в ст. Новодеревянковской, так и не попавшее к адресату:

«... Людей много мрет у нас с голоду, суток по 5 лежат, хоронить некому, люди голодные, ямы не выкапывают, очень мерзлая земля, хоронят в сараях, садах. Люди страшные, лица ужасные, глаза маленькие, а перед смертью опухоль спадает, становится желтой, заберется к кому-либо в дом и ложится умирать. Молодые девчата ходят, просят кусочек хлеба или огурца. Не знаем, что будет с нами, голодная смерть ждет...»

Дикий всплеск смертности в описываемый период, подтверждает и хроника смертей в Северо-Кавказском крае:

1932/1933 гг.

Август 11 675 чел.

Январь 17 693 чел.

Сентябрь 15 532 чел.

Февраль 25 049 чел.

Октябрь 11 685 чел.

Март 38 766 чел.

Ноябрь 12 992 чел.

Апрель 59 242 чел.

Декабрь 11 963 чел.

Май 60 038 чел.

По данным профессора И.И. Алексеенко, число умерших от организованного властями голода в станицах колеблется от 40% до 60%, а в отдельных местах и более. Население Староминского района, по материалам отчета РК ВКП(б) на 8-й районной партийной конференции (январь 1934 г.), сократилось с 76,7 тыс. человек в 1930 году до 52,0 тыс. чел. на 1 июня 1933 года.

«Мое поколение до самого конца верило в победу социализма, в светлое будущее, которое нам принесет коммунизм, – сокрушался И.Д. Варивода. – Как мы хотели мировой революции!.. Нам преподавали, что в одной стране построить коммунизм нельзя, нужна мировая революция, уничтожение капитализма. И тогда на земле будет рай. Охваченные единым порывом мы не замечали и не понимали, что если в первой фазе коммунизма колхозникам давали пшеничных отходов по 200 г на трудодень (в 1931 – 1932 гг.), а в 1932 и этого не стало и люди стали умирать по 100 – 150 человек в сутки, то что же будет при коммунизме?.. Могли ли мы предположить даже в дурном сне, что на месте чистых белых мазанок под камышом, дворов, покрытых зеленым ковром спорыша и запол-

ненных залившимся радостным смехом ребятишек, будут расти дурман, осот, будяк, лобода?»

Станица так и не оправилась от нанесенной раны. И сегодня, разбросанные по ней то тут, то там пустыри, безмолвно свидетельствуют о тяжелой поступи сталинского социализма. Утратившая окончательную веру в справедливость высшей власти, Новодеревянковская в последующие годы так никогда и не достигла численности населения доколхозного периода.

23 февраля 1933 года, Северо-Кавказский крайком ВКП(б) снял станицу

Новодеревянковскую с «черной доски». Были восстановлены органы местного управления, снят комендантский час и патрули, начало функционировать сельпо.

« ПРОТОКОЛ № 56 внеочередного заседания бюро Староминского райкома ВКП(б) С.К.К. от 25-го февраля 1933 года Присутствовали члены бюро тт. Игнатьев, Проскурин, Жмулин, Двукраев, Фомин, Калинин.

СЛУШАЛИ: О чернодосочной станице Новодеревянковской (Игнатьев).

ПОСТАНОВИЛИ: 1. В виду того, что станица Новодеревянковская решением Крайкома от 23/II снята с черной доски – предложить Совету немедленно восстановить прежде существовавший порядок в станице в отношении базара, торговли и проч.

2. Предложить всем районным организациям наравне со всеми станицами обслуживать и станицу Новодеревянковскую во всех отношениях.

3. Обязать ячейку, с/Совет широко разъяснить среди колхозников и единоличников постановление Крайкома от 23/II-33 г., добиваясь на основе его разъяснения повышения темпов сбора семян и подготовки к весеннему севу.»

В мае 1933 г. репрессивные меры по отношению к «саботажникам» хлебопоставок были отменены повсеместно и директивой ЦК ВКП(б) было предложено перейти к обычным методам «массово-политической работы». Жуткий вид имела станица летом 1933 года. Безмолвная тишина, дворы, улицы, заросли лебедой, лопухами выше человеческого роста и толщиной в молодое деревцо. Ни одного забора, хаты без дверей, без окон и без луток зияют пустыми глаз-

ницами. Колхозная жизнь в ту страшную зиму 1932 – 1933 гг., по сталинскому указу «от седьмого-восьмого», оставила людей даже без топлива.

Традиционными его видами в безлесных степных станицах были бадылья (сухие стебли) кукурузы, подсолнуха, кизяк (высохший навоз), в крайнем случае, солома. А печь в казачьей хате служила не только источником тепла – на ней же готовили пищу. Теперь все это топливо стало «социалистической собственностью», расхищение которой из колхоза оценивалось десятками годами лагерей или расстрелом. Голодных людей ждало еще одно наказание – холодом. Чтобы как-то избавиться от этой беды, люди шли на крайние меры: ломали сараи, амбары, огорожу, полы в домах, срывали в хатах умерших односельчан все, что могло поддержать огонь: рамы, окна, лутки, двери, разбирали крыши, крытые камышом.

Очень сильно пострадало станичное кладбище, на котором остались только немногие металлические кресты, да каменные надгробия зажиточных станичников. Деревья спилили, деревянные кресты растащили на топку. Мертвые продлевали жизнь живым.

На всю жизнь запомнил посещение своих родных в станице Новодеревянковской в 1933 году Николай Иванович Сахно:

«Все, что было во дворе, уже ничего не стало, где стоял сарай – пустое место, хата покосилась, похожа на свинарник. Камышовые сени поределели, окна маленькие, крыша камышовая вся сгнила, поросла зеленым грибом. Обошел кругом, постучал в окно. Мне открыли и не ожидали меня, расцеловали мать, брат и его жена, и детишки – мои племянники. Поговорили немного и улеглись спать. Я долго не спал и все думал, что так изменилось в худшую сторону? Жизнь в колхозе уже немного укрепилась, но сами колхозы еще слабые. Там, где я работал, в МТС в Азербайджане, там люди жили значительно лучше, чем здесь. Чем это объяснить?»

Утром я встал рано, спал на печке. Гляжу на них, мне жалко стало до глубины сердца смотреть на них. Постели нет, так, тряпки да рядюги грязные постланы. Брат оборванный, в тряпках ходит. Мать тоже во всем рваном, все износилось в лохотья, а купить негде и не за что. Колхоз

денег не давал, план хлебозаготовки еще не выполнен. Зерна дали немного на трудодень, а остальное, когда закончат вывозить хлебозаготовку, а вывезут и давать будет нечего. Потом мне стали снова рассказывать, кого выслали, кто умер с голоду, про товарищей и соседей. Все подробно рассказали, что произошло в станице за эти шесть лет. А раньше работали в колхозе, но на трудодни ничего не давали. Кто чего украдет, то и принесет кушать один раз в день. А переселенцы были на привилегированном положении – работать не работали, а паек получали. Муку, масло растительное, мясо, для топки солому им привозили на дом. А местным казакам ничего не давали, а так кто как умел, добывали сами».

Основной тягловой силой в хозяйствах по-прежнему оставались быки и лошади, и только в июле 1933 г. в МТС прибыли первые 30 колесных тракторов СТЗ.

Оставшиеся в живых, запуганные люди безропотно за «палочки» трудодней продолжали трудиться в колхозах, число которых теперь увеличилось до одиннадцати: в результате очередного разукрупнения появились новые колхозы им. XVII партсъезда, «Новый Строй», «Рот Фронт», «Красная Звезда». Колхозное строительство, превратившее труженика и бывшего хозяина земли в бессловесное забитое существо, лишенное права голоса, продолжительный рабочий день, зачастую без выходных и отпусков, отсутствие нормального снабжения повлекли за собой значительное ухудшение жизненного уровня станичников. Не было соли, сахара, керосина, мыла, обуви, одежды...

Приобрести ткань для шитья одежды было невозможно, да и не за что – за годы колхозного строительства деньги и ткани вывелись. Перешивали старое, если оно было или ходили в обносках. «Як жылы наши батькы при царях та царыцях, так бабы ходыли и у спидныцях, – с горькой иронией говорили казаки. – А як прыйшов Совет, так стало и сраке свет». Не было обуви, весну, лето и осень ходили босиком. Зимой и в ненастную погоду надевали постолы (зимой набивали соломой) – самодельные мокасины из куска сыромятной кожи, стянутой на щиколотке ремешком.

Колхозники по-прежнему не имели паспортов, не было ежемесячной оплаты за труд, отсутствовала какая-либо оплата в случае болезни. Основным мерилем труда в общем хозяйстве оставался трудодень.

*Сыдыть баба на рядни,
Та й считае трудодни:
Трудодень, трудодень, -
Дай хлиба хочь на день.*

Скудное питание со своего огорода, жизнь впроголодь, лишали сил. В лучшем положении находились те, у кого была в хозяйстве корова. Практически все, кто выжил, упоминали эту бессловесную, молчаливую труженицу, спасшую молоком не одну сотню обреченных на гибель людей. И она, конечно, как источник жизни голодных лет и символ благополучия, давно заслуживает памятника. *«Финансовое состояние всех колхозов Новодеревянковской МТС Староминского района тяжелое, – говорилось в секретном спецсообщении ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю «О предварительных итогах хозяйственного года и тенденциях к выходу из колхозов в некоторых районах» от 20 декабря 1933 г. – Колхозы имеют огромную задолженность, на все поступающие доходы госбанка накладывают аресты. По предварительным данным из 8 колхозов МТС только в половине может быть выдана денежная часть доходов колхозникам в сумме от 5 до 29 копеек на трудодень. В остальных колхозах на трудодень ничего не причитается».*

Трагическая страница голодной зимы 1932 – 1933 года, вошедшая в историю Кубани как «кулацкий саботаж», занимает особое место в череде тяжелых испытаний, выпавших на долю кубанского казачества в советский период. Трагедия казачьего края усугублялась тем, что официально голод не признавался. Помощь голодающим, как это было в 1922 году, не оказывалась.

Документы и воспоминания очевидцев тех событий убедительно показывают, что жители села (а в основной своей массе это были колхозники) фактически не считались за людей. Слухи о голоде объяснялись коммунистическими властями тем, что «кулацкие элементы» специально их распространяли и «в целях борьбы с Советской властью нарочно голодали и умирали».

Соккрытие происходивших страшных событий от мировой общественности, ярко продемонстрировали настоящее, а не прикрытое пропагандистской шелухой отношение власти к труженику-кормильцу. «Эта власть обрекла на смерть и уничтожение миллионы своих сограждан» – констатирует директор Государственного архива Российской Федерации доктор исторических наук профессор С.В. Мироненко.

А в 1937 году были найдены и «организаторы» голодомора. Ими оказались выполнявшие указания Сталина и Кагановича первые руководители Северо-Кавказского края Б.П. Шеболдаев, В.Ф. Ларин, М.М. Малинов. Обвиненные в организации голода в плодороднейшем крае России с целью поднять казаков на восстание против Советской власти, они, как руководители и активные участники «троцкистско - зиновьевской террористической и диверсионно-вредительской организации», были приговорены к расстрелу. Понес наказание и непосредственный руководитель умерщвления людей в станице – начальник политотдела Новодеревянковской МТС Зайцев.

Долгое время замалчивавшаяся тема голодомора на Кубани получила ныне свое звучание в многочисленных публикациях на страницах местной и центральной печати. И, может быть, не стоило еще раз, в годовщину печального «юбилея» останавливаться на ней, если бы не раздавались и сегодня голоса отдельных радетелей нашего недавнего прошлого: не было этого, все это выдумки, очернение советского прошлого. И это говорится уже после того, как Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 1992 года № 9-п было признано, что идеи Советской власти «привели к массовому геноциду населения страны 20-50-х годов, разрушению социальной структуры гражданского общества, чудовищному разжиганию социальной розни, гибели десятков миллионов безвинных людей!» Вот потому и представляют особую ценность воспоминания живых людей, свидетелей и участников тех давних событий. В них нет упоминаний ни о затаившихся белогвардейцах, ни об атаманах и уцелевших кулаках, якобы организовавших голод и пытавшихся с помощью международного капитала «расшатать устой советской власти». Не они – мифиче-

ские враги Советской власти, а уполномоченные самой властью представители несли людям голод и смерть.

Уничтожались не только люди, но и сама память о них: места братских захоронений (ямы, глиняные карьеры) никак не обозначались, а книги записей рождений и смертей уничтожались. Упоминание самого слова «голод» в документах было нежелательным, оно заменялось словом «продзатруднения»...

«Где она спит, казацкая слава?» – спрашивает писатель и публицист Петр Ткаченко. И отвечает: «Это – яма, котлован, траншея. Такие ямы есть, пожалуй, в каждой кубанской станице. Это ров 1933 голодного года... Он все еще зияет своим страшным зевом, словно ожидая новых жертв. Тут спит казацкая слава...»

Пришедшая восемьдесят лет назад на землю Кубани беда, навсегда изменила ход истории, стала самым тяжелым испытанием довоенного времени, выпавшим на долю простых тружеников-хлеборобов. «Голодомор не только физически уничтожал людей. Он должен был вызвать покорность и страх, – сказал в обращении к народу 24 ноября 2012 г., в канун Дня памяти жертв голодоморов, Президент Украины Виктор Янукович. – Наш долг – всегда нести в сердцах память о тех страшных событиях. Мы также должны сделать все для того, чтобы не допустить подобной трагедии в будущем». Преступление против собственного народа, правившего в 30-е годы режима, не должно быть забыто и ему нет прощения!

VI. КРАЕВЕДЕНИЕ И КРАЕВЕДЫ ПОУРУПЬЯ

*С.Н. Лукаш, И.А. Климушин,
И.Л. Левицкий*

**« Учитель, воспитай ученика...»
Вспоминая
Николая Ивановича Навротского**

Понятие «учитель», высоко поднятое в общественном сознании прошлых веков российской истории, с поправкой на наше прагматичное время покрылось нездоровыми наростами всеобщей ЕГЭзации, формализации, так называемых «образовательных услуг», тотальной нехватки времени и скудостью материальной оценки педагогического труда со стороны государства. Статус учителя в нашем обществе неоправданно низок. Весь педагогический процесс заострен на формальное натаскивание ребят на вариации ЕГЭ, оставляя главное в педагогике – душу и совесть ученика на откуп случайным обстоятельствам. Это уничтожающее и, по сути, ложное представление о миссии учителя в обществе необходимо менять, преобразовывать, восходя к истокам, к высоким идеалам российского учительства. Нужны образцы для подражания, образцы, прежде всего, духовной миссии учительства.

Для значительного числа армавирской молодежи второй половины XX столетия таким светочем-образцом был видный кубанский краевед, археолог, учитель истории Николай Иванович Навротский. Педагогический дар, магнетизм личности Николая Ивановича притягивали сотни армавирских мальчишек. Что может быть интереснее в отрочестве и ранней юности, чем туристические походы, песни у ночного костра, археологические разведки в горах и степях Северного Кавказа, раскопки древних скифских курганов, этнографические экспедиции, просто широкое познание реального мира в диалектике тысячелетних эпох? Нам, армавирским мальчишкам 60 – 80-х годов, посчастливилось пройти через эти приключения, начиная с десяти лет. Замечательно, что рядом, с такими же как мы пацанами, был не просто учитель – был

«ШЕФ», как любовно, шутя звали Николая Ивановича кружковцы Армавирского дворца пионеров. И только спустя десятилетия, когда перестройка и гласность смягчили официальную цензуру, фарисейскую мораль, узнали воспитанники Навротского о замечательных донских казачьих корнях Николая Ивановича, о репрессиях в его семье, о его ГУЛАГовском прошлом. Однако, всё по порядку!

22 мая 2013 года Навротскому Николаю Ивановичу – видному кубанскому краеведу, ученому-археологу, педагогу, воспитавшему сотни армавирских мальчишек и девчонок, исполнилось бы 93 года. Имя этого человека знакомо старшему и среднему поколению жителей Армавира. Знают его, прежде всего, как бессменного руководителя историко-краеведческого кружка и археологического музея при бывшем Дворце пионеров. Высокий, седовласый мужчина с крупными чертами лица, размеренной речью и низким тембром голоса, обладал несомненным даром притягивать к себе людей разных возрастов.

В наш прагматичный и довольно циничный век человека, к сожалению, стали мерить по степени богатства, власти, влияния, забывая о библейской истине, что все эти «ценности» бrenны и тленны, а вот память людская, воля, мысль, чувства, заложенные в сердца и души людей, могут жить вечно. Именно этими категориями и следует мерить личность Николая Ивановича. В его уникальный кружок приходили разные дети: здесь были и примерные отличники и отпетые уличные хулиганы, пятиклассники и студенты армавирских вузов и техникумов. В этом разновозрастном коллективе, спаянном единой целью постижения далекой и близкой истории своих предков, как в плавильном котле закалялись мальчишеские характеры, воспитывались достойные граждане своей страны. Н. И. Навротский был, что называется, «Учитель от Бога». Он нес не только знания – это были еще и смыслы, чувства, оценки прошлого, это было, в конечном счете, то уникальное мировоззрение, которое и отличало всех кружковцев.

События его жизни были таковы. Николай Иванович Навротский родился в городе Новочеркасске в 1920 году в семье ветеринарного врача. Воспоминания о своем детстве, Николай Иванович рассказывал, как ребенком наблюдал гигантские костры, которые устраивали красноармейцы и комсомольцы на Соборной площади у стен Войскового собора, в Новочеркасске, сжигая церковную утварь и иконы из разграбленных храмов. По окончании средней школы в 1938 году он поступил в Таганрогский государственный учительский институт на исторический факультет. Перед самой войной был направлен на работу в Дагестан в далекий горный аул. Работал завучем в неполной средней школе. Как часто случалось в те времена, по ложному обвинению, был репрессирован и направлен в НОРИЛЬЛАГ.

Учитель неохотно рассказывал о том времени. Следовать по этапу в норильские лагеря, его, осужденного по политической 58 статье, определили с уголовниками, от ножей которых Николая Ивановича спасло природное чувство юмора и коммуникабельность. Он вольно пересказывал безграмотным уголовным авторитетам любимые с детства рассказы Майн Рида, Фенимора Купера, Диккенса. Выдумывал истории о знаменитом сыщике Пинкертоне, когда заканчивался запас прочитанного. За это ему было предоставлено место у маленького окошечка, размером с книжку, в переполненном вагоне. Каждую остановку из состава выносили умерших от удушья и болезней людей. Находясь в лагере и работая в порту Дудинка, Николай Иванович встретился и подружился с профессорами археологии, востоковедения старой русской школы. Некоторые из них состоялись как ученые еще в царской России. Позже, когда мы все вместе обсуждали «Архипелаг ГУЛАГ» А.И.Солженицына, Николай Иванович готов был подписаться почти под каждой страницей этого труда. Уже, будучи на поселении, Николай Иванович встречался с женой маршала Тухачевского и родственниками других крупных репрессированных военачальников.

Жизнь продолжалась и в лагере. В Норильске Н.И. Навротский встретил свою любовь и будущую жену Людмилу Митрофановну. Вскоре, освободившись в 1952 го-

ду из заключения, он переезжает к жене в Армавир. Здесь продолжается, как и у миллионов других реабилитированных и восстановленных в правах советских людей, выживших в сталинских лагерях, его трудовая жизнь. Николай Иванович преподает историю в школах города.

С 1960 года начинается его активная деятельность в Армавирском Дворце пионеров и школьников. Вначале это выходы со школьниками за город в рамках экскурсий выходного дня, затем это полномасштабные археологические экспедиции по предгорьям Северного Кавказа, степной части Краснодарского, Ставропольского краев, Крыма. Открыты десятки древних поселений, городищ, стоянок человека древнекаменного века. Собран уникальный археологический материал, который становится основой народного историко-археологического музея при Дворце пионеров. На одном направлении научной деятельности Николая Ивановича хотелось бы остановиться подробнее. Это уникальные киммерийские, скифские и половецкие изваяния воинов, так называемые «каменные бабы», которые сегодня представлены в экспозиции Армавирского краеведческого музея. По своей полноте коллекция каменных изваяний, собранная Н.И. Навротским является наиболее значимой у нас в стране после знаменитого Эрмитажа.

С начала 70-х годов Н.И. Навротский регулярно получает от Академии наук так называемый «открытый лист», дающий право проводить раскопки древних памятников истории и культуры. Сотни ребят из историко-краеведческого кружка участвуют в раскопках древних курганов у станицы Бесскорбной, у хутора Ковалевского, в Горькой Балке и Камышевах, Форштате, на Тамани и других местах нашего края. Уникальные находки, обнаруженные в древних захоронениях эпохи бронзы, скифского времени, средневековья являются сегодня подлинными украшениями коллекции древностей Армавирского краеведческого музея. В это время Николай Иванович активно работает со светилами археологической науки того времени, в частности, с академиком П.Н.Шульцем, с доктором исторических наук С.А. Плетневой и др. Регулярно печатает свои статьи в журнале «Советская археология»

Перестройка и гласность, снявшие в конце 80-х годов занавес с гуманитарной мысли в стране, позволили по-новому раскрыться личности Николая Ивановича. Именно в это время Н.И. Навротский поведал нам, его ученикам, о своих замечательных казачьих предках, которые происходили из старых казачьих родов. Еще в 1960-х годах в семье Навротских хранились серебряная медаль за Полтавскую баталию и грамота 1720 года за подписью Императора Петра I. Этой медалью был награжден запорожский казак, войсковой старшина Наврод Бабешко. Со слов самого Николая Ивановича от имени Наврод и пошел род Навротских. Один из потомков Николая Ивановича в 1860-х годах, будучи генералом, был назначен наказным атаманом Сибирского казачьего войска. В семейном альбоме Николая Ивановича фото выпускников Новочеркасского казачьего кадетского корпуса, Новочеркасского юнкерского казачьего училища и выпускников Ставропольской офицерской школы.

Один из родственников Николая Ивановича в Первую мировую войну 1914 года командовал Волжским казачьим полком на Западном фронте. Будучи природным казаком, он был сторонником казачьего государства в конфедерации «Дон-Кубань-Терек», поэтому не присягнул ни белым, ни красным и трагически погиб в Новочеркасской тюрьме в 1918 году. Другой дядя Николая Ивановича, казачий сотник, выпускник одного из лучших кавалерийских училищ – Санкт-Петербургского Николаевского. На своих фото с Кавказского фронта, дядя подписывался «Ваш Наврод Бабешко», в память о своем славном предке. В 1920 году он покинул Крым вместе с белогвардейскими войсками Юга России. Со слов Николая Ивановича, его дядя оставил интереснейшие воспоминания о Персии и войне с Турцией, но все это было уничтожено в 1930-е годы.

Весной 1989 года в лаборатории-подвальчике при Армавирском краеведческом музее прошло первое заседание клуба по изучению истории и культуры кубанского казачества. Это была «тайная вечеря», где центральной фигурой был наш учитель, завещавший своим повзрослевшим ученикам возродить и сбечь казачество и его уникальную культуру. По праву Н.И.

Навротского вместе с первым городским атаманом

Т.А. Заводновым можно с уверенностью назвать «духовными предтечами» возрождения казачества в Армавире и Лабинском отделе ККВ. До конца своих дней Учитель нес свет и добро окружавшим его людям...

Судьбы Сергея Даниловича Мастепанова и Николая Ивановича Навротского во многом схожи. Оба природные казаки, оба прошли сталинские лагеря, оба выжили, не сломались и всю свою оставшуюся жизнь, озаренные своей духовной миссией, несли факел просветительства в общество.

«Учитель, воспитай ученика!» – в судьбе каждого из нас, бывших кружковцев Дворца пионеров и школьников, это не пустая фраза. В психологии есть термин «персонификация» – продолжение человеком, ушедшим в мир иной, себя в делах, мыслях, чувствованиях других, оставшихся на этом свете людей. Об этом говорил А.С.Пушкин: «Нет, весь я не умру...». Все мы, воспитанники Н.И. Навротского, чувствуем незримую духовную нить, объединяющую нас вместе с учителем. И хотя давно уже нет нашего наставника, каждый из его учеников несет частицу его нетленной души, его взглядов на мир, на отношения людей, а значит – каждый из нас в той или иной мере продолжает в своей жизни великое дело учительства.

Б.Н. Берендюков

**О.В. Веровенко –
армавирский краевед**

Имя краеведа Олега Вячеславовича Веровенко (1928 – 1991) мало знакомо современному историкам. Рано ушедший из жизни, он не оставил после себя крупных опубликованных работ, но его краеведческими публикациями в газете «Советский Армавир» в 1970 – 1980 годы зачитывались жители города Армавира.

Интересен и широк круг его краеведческих исканий – это и судьбы героев Великой Отечественной войны, и уникальные документальные материалы о знаменитых людях, чья жизнь была связана с историей нашего города, и исторические материалы,

содержащие хронологическое описание событий, происходивших в городе за период от его основания по 1990 год.

На основе этих материалов им были подготовлены к печати три объёмных сборника: «Очерки о возникновении и развитии Армавира», сборник «Поиски и находки краеведа», сборник документальных очерков «Мы этой памяти верны». Эти сборники, несмотря на положительные рецензии, не были приняты к печати краевым издательством.

Но начинал О.В. Веровенко свою краеведческую работу, будучи учителем литературы, с поиска и собирания народного фольклора, вернее, его части в виде пословиц, поговорок и загадок.

12 августа 1951 года в газете «Армавирская коммуна» на литературной странице была помещена небольшая публикация «О фольклоре», в ней сообщалось: «У группы студентов учительского института зародилась хорошая мысль – записывать устные рассказы, песни, сказы, частушки среди рабочих и колхозников. Первая такая попытка была осуществлена в каникулярные дни прошлого учебного года. <...> Устное народное творчество – явление огромной важности, и студенты сделают большое дело, если и впредь будут терпеливо собирать его. <...> Нет сомнения, что примеру учительского института последуют учащиеся армавирских техникумов, средних и семилетних школ».

Одним из зачинателей этого движения был и О.В. Веровенко, но его поиски были направлены не на поиск и записи материалов устного народного творчества у населения, а на поиск и систематизацию фольклорных материалов уже опубликованных на страницах различных книг, газет, журналов и других печатных изданий.

Олег Вячеславович в конце 40-х годов XX века обратил внимание на высказывание русских и советских писателей о влиянии фольклорного наследия народа на их творчество.

Он начинает собирать пословицы и поговорки, которые писатели, а это И.А. Крылов, А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, Н.А. Некрасов, М. Горький и многие другие, использовали в своих произведениях. Постепенно это увлечение переходит у него в поиск фольклорного материала как наро-

дов населяющих Россию, Советский Союз, так и зарубежные страны. Практически на все направляемые в библиотеки, музеи, архивы, редакции газет и журналов письма с просьбой выслать ему имеющиеся в их фондах пословицы и поговорки, он получал ответы и интересующие его материалы. В результате кропотливой работы им были подготовлены библиографические указатели изданий, содержащих пословицы и поговорки российских губерний, а также республик СССР. Один из таких библиографических указателей содержал сведения о пословицах народов Кавказа, которые были опубликованы в таких дореволюционных изданиях, как «Сборник сведений о кавказских горцах»[1], «Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа»[2].

Все собранные пословицы и поговорки, были систематизированы им как по регионам, так и в тематические подборки, например: о Родине («Жить - Родине служить», «Смело иди в бой: Родина стоит за тобой»), о Ленине и Сталине («Спасибо Ильичу – электричеством свечу», «Сталин скажет – дорогу покажет») и другие.

Отдельно выделены казачьи пословицы и поговорки, вот некоторые из них:

- Велика сарынь, да некого послать (Велика вольница, да не обучена).

- Хвалили, хвалили, да под гору свалили.

- Ноня (нынче) атаман, а завтра яман. (Сегодня богач, а завтра станет бедняк).

- Бог не без милости, казак не без счастья.

- Толкуй казак с бабою (Не говори о деле с человеком, его не понимающим).

- Помогите сироте чекмень пропить.

- Курица невелика птица, да пьёт, а казаку и Бог велел.

- Поп у церковь зовёт, а неумытый (чёрт) казака у духан прёт.

- Слава казачья, да жизнь собачья.

Есть и присказки:

- Пьяница с рюмочки начинает; выпил одну рюмку, пошибает думку: дай-ка выпью другую... Глядь, ан уж пью восьмую... Десятою поперхнулся, на двенадцатой споткнулся, двадцать пятая своё взяла, тридцатая и душу отняла.

К середине 60-х годов увлечение к фольклору у О.В. Веровенко ослабевает, и

он переходит к краеведческой работе, собирает материалы по истории города и края.

Отметим, что в это же время в верхних Кубани в небольшом посёлке, что в Карачаево-Черкесии, живёт учитель немецкого языка, увлекающийся собиранием и изучением пословиц и поговорок, учёный-самоучка Сергей Данилович Мастепанов (1913 – 2002). Просматривая архив О.В. Веровенко, нам не удалось обнаружить материалов подтверждающих знакомство этих двух увлечённых одной страстью людей, но близость территориальная позволяет предположить, что они знали друг о друге. Ведь Олег Вячеславович был знаком с такими известными кубанскими краеведами нашего региона, как Михаил Николаевич Ложкин (1910 – 1999) и Василий Николаевич Орёл (1928 – 1987), которые были знакомы с С.Д. Мастепановым и знали его как специалиста по пословицам и поговоркам.

В шестидесятые годы Олег Вячеславович начинает свою краеведческую деятельность. Он проводит поисковую работу по воссозданию истории чеканки армавирских монет в 1918 году, а результаты публикует в журнале «Советский коллекционер» № 3 за 1966 год.

С 1967 года О.В. Веровенко частый гость Армавирского телевидения, в программах которого выступает со своими краеведческими материалами в рубрике «Страницы культурной жизни».

Трудно рассказать в коротком сообщении про все интересные находки армавирского краеведа. В его архиве более двухсот папок с ценными материалами, в том числе подлинными документами. Более 300 очерков, эссе, заметок и рецензий опубликовано им в городских, районных газетах и журналах, как в крае, так и других регионах страны. Часть своих публикаций краевед подписывал псевдонимом О. Славин.

Неоценимая помощь была оказана Олегом Вячеславовичем при создании школьного краеведческого музея в школе № 8 (бывшая № 23), в которой он учился и куда передал многие свои исторические материалы.

Обладая огромным историческим материалом, О.В. Веровенко охотно делился

ими с кубанскими краеведами, оставив после себя добрую память.

Примечания:

1. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Изд-во Кавказского горского управления, 1868. Вып. I. С. 13 – 20, 71 – 72; Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. II. С. 33, 59 – 61.

2. Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис: Изд-во Управления Кавказского учебного округа. 1881. Вып. I. С. 43 – 54; Вып. II. [1882]. С. 85 – 91, 141 – 149; Вып. IV. [1884]. С. 313 – 314; Вып. X. [1890]. С. 1, 91, 256; Вып. XIII. [1892]. С. 124; Вып. XIV. [1892]. С. 153 – 155; Вып. XV. [1893]. С. 190 – 191; Вып. XVIII. [1894]. С. 51 – 53, 61 – 65; Вып. XIX. [1894]. С. 286 – 325; Вып. XXIV. [1898]. С. 1 – 211; Вып. XXVI. [1899]. С. 1 – 52; Вып. XXVII. [1900]. С. 141–144; Вып. XXXI. [1902]. С. 63 – 67; Вып. XXXII. [1903]. С. 39 – 62; Вып. XXXIV. [1904]. С. 34–88; . Вып. XXXVIII. [1908]. С. 44 – 46 и последующие выпуски СМОМПК.

А.М. Бровко, В.И. Казанков

Заметки об истоках краеведческой деятельности в ст. Бесскорбной

Термин «краеведение» закрепился в русском языке лишь в начале XX в. Содержание и смысл слова «краеведение» выражен в древнем славянском глагольном корне «ведать», то есть «знать». Любовь к своему краю без знаний о нём – пустой звук, как мертвы будут знания без любви к своей станице, своему городу, своему родному краю. Приобщение к истории своего родного края – необходимое условие для воспитания у подрастающего поколения гражданственности, нравственности и патриотизма. Именно благодаря краеведам, знатокам своей малой родины, мы узнаём о событиях прошлого, истоках народных традиций, о выдающихся людях, родившихся на нашей кубанской земле. Но, увы, мы не всегда знаем имена тех, кто по крупицам собирал и бережно сохранял для нас эти сведения.

Краеведение в Бесскорбной зародилось довольно давно. Имеются некоторые

устные сведения, что энтузиасты краеведческого дела, ещё в 20-х годах предыдущего столетия, были среди учителей педтехникума, бывшей учительской семинарии, и что кружок просуществовал, по-видимому, до самого закрытия педтехникума в 1933 году. Классическое краеведение не вписывалось в рамки оформлявшейся тогда тоталитарной системы, в политику, направленную на централизацию науки и всех сфер общественной жизни, поэтому к концу 1920-х – началу 1930-х годов оно было разгромлено. Заниматься краеведением в нашей стране на долгие годы стало опасно. Все эти ранние страницы советского краеведения на Кубани ещё ждут своих исследователей.

Начало «бескорбенского краеведения» можно смело связать с именем Евгения Владимировича Кокаева. Сын атамана В.А. Кокаева – **Евгений Владимирович Кокаев** прожил долгую и удивительную жизнь; на склоне лет, в 1963 году, он оставил записки – так называемые «тетради Кокаева». Сохранились и дошли до нас пока две машинописные копии, находящиеся сейчас в Армавирском краеведческом музее, но недавно нашёлся и рукописный вариант у родственников. Воспоминания охватывают события 1890-х годов, а также середины 1900-х. На фоне живого автобиографического повествования зримо предстают люди и события той эпохи, приводится немало любопытных подробностей. Отметим сразу, что хотя воспоминания Евгения Владимировича насыщены богатым фактическим материалом и позволяют более детально восстановить многие события тех далёких лет, по сути, это выполнение определенного заказа для советской власти, который был выгоден тогда, в той текущей политической ситуации. Несмотря на то, что Евгений Владимирович был свидетелем и даже непосредственным участником описываемых им событий, при внимательном ознакомлении с его воспоминаниями складывается впечатление, что значительные места в этих записках, мягко говоря, не совсем истина, а больше компромисс с советской властью, от этого страдает правдивость и достоверность его информации о прошлом. Поэтому назвать краеведом Евгения Владимировича, в полном смысле этого слова, трудно. Но тот факт, что в этой пер-

вой попытке дать определённое описание жизни станицы одним из главных побудительных мотивов его действий была любовь к Родине, подчеркнуть необходимо.

Учитывая своё не совсем пролетарское происхождение, и стремясь, видимо, доказать лояльность советской власти, Евгений Владимирович, в своих «тетрадах», много внимания уделяет нехарактерным, необычным и даже противоестественным для казачьего общества людям и событиям, но, наряду с небесспорными авторскими оценками того далёкого времени, очевидным достоинством «тетрадей» являются сведения, освещающие быт и повседневную жизнь станичников. Интересны выводы о семейных устоях и особенностях религиозного мировоззрения как казаков, так и иногородних. Интересные замечания по поводу взаимоотношений иногороднего населения с казаками. Хотя и скуповатым, но значимым материалом является и разносторонняя информация по медицинскому обслуживанию казаков, о санитарно - гигиенических условиях станичного быта, о конокрадстве, о землевладении и землепользовании. Упоминание об «электрической машине для гальванизации тела» очень интересно: получается, что физиотерапия (электрофорез) применялась уже тогда, даже в отдалённой станице! Особое и значительное место занимают в воспоминаниях такие бытовые реалии, как работы по благоустройству и улучшению санитарного состояния станицы, карантинных мерах. Некоторые эти детали до сих пор не потеряли актуальность и представляют большой интерес для нынешних «отцов» и «матерей» станицы. Мы узнаём, что малыми силами и почти без затрат была решена такая угроза станице, как обвалы и оползни кручи Урупа.

Воспоминания, что в какой-то мере естественно, грешат несовпадениями с реальными событиями – вызывают, например, сомнения сведения о пересечении В.А. Кокаева – отца и М.П. Бабыча. Кокаев был уволен из армии в 1889 году. По одним данным, он служил в Черноморском конном полку, по другим – во 2-м Кубанским пластунском батальоне, но, вероятно, это опечатка – во всех списках обер-офицеров встречается больше Черноморский полк.

М.П. Бабыч же с 1888 года командовал 4-м Кубанским пластунским батальо-

ном. Подразделения, как видим, у них абсолютно разные. Мало вероятно, чтобы манёврами, о которых пишет Е. Кокаев, руководил командир батальона, обычно для это применяют более высокую и обычно штабную должность.

Приезд Бабыча в 1906 году в Бесскорбную вообще быть не мог, даже теоретически – потому что в начале 1906 года он получает назначение на должность военного губернатора Карской области (ныне это Турция) и на Кубани его просто не было! Должность начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска генерал-майор М. П. Бабыч получил намного позже описываемых в мемуарах Кокаева событий – Высочайшим повелением представление было утверждено 8 февраля и предписано приступить к исполнению должности с 25 февраля 1908 года! Одновременно новый атаман получает еще одну царскую милость – чин генерал-лейтенанта.

В 1907 году, 8 июня, в Бесскорбную приезжал Наказной Атаман ККВ, Начальник Кубанской Области, генерал-лейтенант Н.И. Михайлов. Сравнивая записи Евгения Владимировича и данные из сборника, составленного Г.Т. Чучмаем, «Революционное движение на Кубани в 1905 – 1907 гг.». (Краснодар, 1956), где тоже упоминается Бесскорбная, невольно отмечаешь, что они поразительно похожи. При написании своих трудов эти авторы упускают одну существенную деталь: события эти происходили на Кубани и имели свои заметные особенности – здесь проживали казаки. Казачество Кубани не только не приняло серьезного участия в революционной борьбе, но активно использовалось правительством для ее подавления и на территории области, и в других регионах России. Даже выступления 2-го Урупского полка и некоторых пластунских батальонов не противоречат этому утверждению – главным их требованием было увольнение от полицейской службы, земельные вопросы при этом даже не поднимались. Казаки четко противопоставляли себя всем другим представителям, селившимся рядом с ними на казачьей земле. Земля испокон веков являлась яблоком раздора между людьми и даже родственниками. Об этом свидетельствуют межевые документы Кубанской областной чертежной –

казаки упорно отвоевывали в пользу станицы каждую десятину земли. Исходя из этого, утверждение о том, что между казаками и иногородними было «полное единодушие по всем вопросам», и особенно по земле, кажутся просто абсурдными, такого просто не могло быть, и последующая Гражданская война наглядно это доказала. Г.Т. Чучмай иногда слишком вольно подходил к интерпретированию источников.

Нашло в «тетрадах Кокаева» и отражение событий, связанных с празднованием 200-летия Кубанского казачьего войска 8 сентября 1896 года. Автор соединил это важное и грандиозное событие с таким отрицательным пороком повседневной жизни, как пьянство, забывая при этом, что этому увлечению подвержено было в большей степени не казачье население станицы. Чтобы рассеять это совершенно неточное представление, достаточно почитать статистику тех лет – пьянство было характерной чертой повседневного быта неказачьего элемента. Евгений Владимирович явно перегнул палку, пьянство для казака всегда считалось позором и всегда лечилось, как минимум, плетью. Это при большевиках, потом, так отмечали «7 ноября» и «1-е Мая», когда праздник превращался в сплошную, поголовную пьянку. Казаков втянули в пьянство как раз коммунисты и всякие «активисты», хлебавшие большевистскую «казенку».

«Лодка-плоскодонка», о которой упоминает Евгений Владимирович, проплавала до конца 1960-х и последнего «капитана», дядю Васю, народ ещё помнит. Разбушевавшийся однажды Уруп унёс её навсегда!

Комета, о которой поведал нам Евгений Владимирович, скорее всего это была комета Галлея, но было это не в 1904, а в 1910 году. Нашим дедушкам и бабушкам в 1910 году крупно повезло: комета прошла сравнительно близко от Земли – 22,5 миллиона километров! Гигантский ее хвост перечеркивал полнеба. Зрелище было весьма впечатляющим – комета сияла в небе во всей своей красе. Тогдашние астрономы подсчитали, что 19 мая, уже на отлете, комета словно помелом, пройдет своим хвостом по Земле. Астрологи предсказывали конец света. И этому поверили! «Погибнет ли Земля в текущем году?» – такой или

подобные такому заголовки украшали газеты 1910 года. В мае, накануне «столкновения» Земли с хвостом кометы, всеобщее волнение достигло апогея. Газеты публиковали душераздирающие сообщения из различных уголков земного шара: «Тысячи людей прощались со своими близкими и друзьями. Люди обращались к врачам с просьбой дать им противоядие от отравляющих газов, которые, как думали, должны были окутать Землю. В церквах круглосуточно шла служба. Школьники оставались дома, а тысячи рабочих не выходили на работу. Тревоги землян пробовали унять астрономы. В России с разоблачением грядущих кометных ужасов выступали многие известные ученые: С. К. Костинский, К. Д. Покровский, известный библиофил Н. А. Рубакин. Наступило 19 мая, комета промчалась, хвостиком махнула и... ничего не случилось.

Интересны и некоторые бытовые нюансы, в частности, касающиеся мыла. В начале XX века покупное мыло уже являлось неотъемлемой частью гигиены казака, но только как средство для очистки тела. Даже зажиточные люди не могли себе позволить стирать им белье. Мыло, как и другая продукция предпринимателя Эмиля Степановича Бодло (1838–1916), было качественным, и пользовалась большим спросом. Его и сегодня, спустя сто лет, можно встретить на аукционах! Головокружительного аромата тогда добивались благодаря добавлению 100%-х натуральных эфирных масел. Эта фирма, по сути, жива до сих пор: в 1919 г. она была национализирована, в советские годы не раз меняла свое название («Мак», «Московская парфюмерная фабрика № 3», Московская косметическая фабрика «Рассвет»), присоединяла новые производства, вошла в состав московского объединения «Свобода». Так что, то «подлое» мыло в бесскорбенских лавках, о котором рассказывает Евгений Владимирович, скорее всего подделка! Фирма «Бодло и Ко» специально выступала с предостережениями о подобных подделках!

Пытался Евгений Владимирович объяснить и происхождение топонима «Бесскорбная». Поведав нам предание, что название было дано станице по причине находки некой чудотворной (причем «злонамеренно» подкинутой священнослужите-

лями!) иконы на месте сооружения деревянной станичной церкви. Однако предание это сомнительно. Во-первых, оно отдает духом «воинствующего безбожия» послереволюционных лет, а, во-вторых, не очень-то и вяжется с фактами: церковь никогда не строилась одновременно с самим населенным пунктом. Эта дискуссия о происхождении названия станицы не утихает и в наши дни.

«Тетради Кокаева» были написаны в хрущёвский период, когда опять активно начала действовать атеистическая пропаганда, а Никита Сергеевич грозился в скором времени по телевизору показать последнего попа. Точная история написания «тетрадей» нам не известна – сам ли Евгений Владимирович проявил свой верноподданнический почин, или кто-то надоумил, но учитывая, что их бережно хранили в сельсовете, скорее всего, без курирования райкомовских инструкторов КПСС здесь не обошлось. Не за горами было и преддверие празднования 50-летия Октябрьского переворота. Именно в это время активизировались работы по изучению истории советского общества, написания новой истории и, для предания этим фальсификациям вида документов, – записки, написанные рукой сына бывшего атамана, были очень востребованы.

Для многих знакомство с краеведением начинается в краеведческом музее. Музей любого масштаба творят люди, и именно от энтузиастов, влюбленных в свой край, в свое дело, зависит, каким будет, и будет ли, музей. Неравнодушным человеком, благодаря которому в Бесскорбной появился такой музей, был **Иван Павлович Шутов**. Краеведы – это люди не только бесконечно любящие свою малую родину, но и стремящиеся сделать для нее что-то полезное. Есть реальные документы, относящиеся к началу 70-х годов, подтверждающие заслугу появления в Бесскорбной краеведческого музея именно Шутову И.П. Болезнь помешала его планам, его славное дело продолжил потом И.Д.Фоменко. Иван Павлович стоял у истоков ветеранского движения станицы, именно благодаря стараниям этого энтузиаста-одиночки началось активное возрождение фронтовой памяти – формирование поименного списка тех, кто не дошел несколько спасительных шагов до

Победы, погибших и не вернувшихся домой с полей сражений Великой Отечественной наших земляков. Этот не простой труд был завершён 7 ноября 1960 года. В этот день в станичном парке был торжественно открыт памятник погибшим воинам - бескорбенцам. Кажется, это был один из первых памятников в районе тем станичникам, кто не вернулся с фронтов Великой Отечественной войны. Подобных памятников и по стране ещё было не много.

Иван Павлович Шутов вёл обширную переписку с военкоматами и военными архивами, пешком исходил всю станицу, уточняя данные о погибших. Это были первые шаги к созданию «Книг памяти». Есть его заслуга и в появлении «Аллеи Памяти» в станичном парке, закладка которой состоялась ещё в 1975 году. Именно он налазил контакт со знаменитыми нашими земляками – генералом Г.В. Потоцким и контр-адмиралом К.И.Деревянко, сохранилась их обширная переписка.

Родился Иван Павлович Шутов в Бескорбной, в 1918 году. После окончания школы поступил в Военно-морское авиационно-техническое училище имени В.М. Молотова в г. Перми. После его окончания всю войну служил техником по вооружению. После Великой Отечественной войны повоевал ещё в Корее. С 1958 года он снова в Бескорбной; в 1958 – 1962 годах – председатель с/совета, в 1962 – 1968 годах – председатель сельпо, в 1968 – 1972 годах – заведует парткабинетом. 8 мая 1984 года Ивана Павловича не стало, он не дожидаясь один день до своего самого любимого праздника.

Примечательно, что его отец, тогда председатель станичного совета в Бескорбной, в далёком 1939 году имел отношение к восстановлению другого памятника – обелиска в честь 200-летию Кубанского казачьего войска, главного в Бескорбной, – разрушенного в 1920 году при подавлении восстания М.А.Фостикова.

У любого человека наступает в жизни такой момент, когда он задумывается, а что он оставит после себя другим людям. Иван Павлович Шутов был рядовой человек, делавший своё благородное дело и не думавший ни о славе, ни о материальной выгоде от своих занятий. Он любил свой край, свою Родину, и в наследство нам после себя

оставил добрую память. К сожалению, сегодня имя этого человека незаслуженно забыто в истории Бескорбной. Даже в экспозициях музея, в который он внес весомый вклад, практически нет о нём упоминаний. Публикация этого материала – пока лишь небольшое свидетельство того, что память о краеведе, патриоте и замечательном человеке возвращается к нам.

Создание станичного краеведческого музея неотделимо также от имени другого замечательного человека – фронтовика, учителя истории, коренного бескорбенца И.Д. Фоменко. **Иван Давыдович Фоменко**, как историк по образованию, более всех чувствовал необходимость создания станичного музея. Обладая неоспоримым авторитетом, он сумел убедить руководство станицы и колхоза в необходимости выделения помещения под краеведческий музей в новом, только что построенном Доме культуры. В бытность директором музея, Иван Давыдович собрал богатый краеведческий материал, оформил постоянные экспозиции по природе, заселению Бескорбной, боевой и трудовой доблести земляков. По крупицам собиралась и казачья тематика. Учитывая специфику советского времени, это было, конечно же, не так просто. За все годы работы в музее безусловным приоритетом для Ивана Давыдовича являлось безупречное выполнение своих обязанностей директора и хранителя в одном лице, направленность всей деятельности на сбор и сохранение исторических данных об истории Бескорбной. Стоить отметить также, что ещё во время работы в школе директором, он активно развивал туристическое краеведение. При нём практически круглый год организовывались экскурсии, походы и прогулки по памятным местам, как нашего края, так и за его пределами. Благодаря И.Д. Фоменко и учителю географии Г.И. Стаценко, состоялась поездка учеников школы №11 к первому нашему космонавту – Юрию Алексеевичу Гагарину. Многолетняя дружба связывала Ивана Давыдовича с известным отрадненским краеведом М.Н. Ложкиным. Это была настоящая дружба двух связанных единой целью и стремлением людей, которые без лишнего пафоса и помпезности воспитывали у молодых поколений любовь к отечеству и передавали это чувство другим своим соотечественникам.

Сегодня для нас, потомков и современников, как никогда важно знать и помнить имена этих замечательных и бескорыстных людей, открывавших нам историю нашей малой родины. Ведь не секрет, что одной из главных проблем нашего общества стал разрыв между поколениями. Революции, войны, социальные неурядицы – все это привело к тому, что преемственность поколений оказалась нарушенной.

Подавляющее большинство молодых людей сегодня попросту не знают, кем были их предки. Они не чувствуют себя наследниками тех, кто был до них, кто осваивал и возделывал эту землю. Не чувствуют своих корней. А ведь без корней ничего не растет: ни трава, ни лес, ни человек...

Е.В. Тёр

История села Пискуновского в судьбе краеведа Н.А. Герасименко

Исследуя сегодняшнее состояние кубановедения, у нас не принято отмечать имена тех краеведов-подвижников, которые в 1970 – 1980-е годы стояли у истоков создания станичных и поселковых музеев, организовывали переписку с известными земляками, собирали историко - этнографический материал о переломных этапах местной истории, делая это нередко на свой страх и риск.

К слову, о таких людях я и поведал в своей публикации в 2012 году [1]. Сейчас же хочется более подробно рассказать об одном из таких людей – Николае Андреевиче Герасименко (1923–1998), уроженце села Пискуновское Отрадненского района. Автора связывали с ним недолгие, но очень тёплые и доверительные отношения. Встретаться приходилось часто, но как-то быстро, мимолётно. Николай Андреевич приглашал к себе в гости. И летом 1998 года такая встреча состоялась. Н.А. Герасименко позвал в свою «вотчину» – поселковый музей. Много и подробно говорил о своей судьбе, которая была неразрывно связана с жизнью родного села, дорогих его сердцу единомышленниках.

Вот что он писал, например, в своих воспоминаниях: «Весной 1903 года на будущее поселение приехали три-четыре семьи из Украины, Черниговской губернии, как считалось, на вольные земли... Сначала из скошенных, буйных трав были сделаны шалаши, а потом рыли каждый землянки. Первыми поселенцами были Ценцера Трофим, Герасименко Мария, Пискуновы, Гамза Николай, Петрик, Цвинда Клим Маркович. Для окончательного выбора места на поселение старики вышеуказанных семей ходили в Черкесск и на Зеленчук, расспрашивали старейшин об этом месте, те подтвердили, что, сколько пасли табуны лошадей, никогда не было града на этом месте. С тех пор и до настоящего, т.е. 1990 года, никогда территория села и близлежащие посевы не повреждались градом» [2].

Николай Андреевич оставил воспоминания о событиях 1920 – 1930-х годов, о мучительных днях оккупации Отрадненского района немецкими захватчиками. Кстати, его самого тогда чуть не расстреляли фашисты. Парню удалось спасти еврейскую девушку Марию Роич, которую должны были вместе с партизанами казнить 14 октября 1942 года [3]. Долгое время он прятал её у себя, за что на него донёс сосед-полицай. Авраам Исаакович Роич, один из оставшихся в живых, позже сообщил: «...Мою сестру Марию спасал и прятал комсомольский вожак Герасименко Николай Андреевич» [4]. Потом Авраам Исаакович приезжал из Баку в гости к Николаю Андреевичу. Удивительно, но немцы Герасименко не расстреляли, так как был он сыном репрессированного. Оккупанты, демонстрируя свою «освободительную миссию от большевизма», данную категорию граждан старались не трогать, полагая, что это приведёт их со временем на службу в III Рейх. Вспоминая прошлое, Николай Андреевич поведал при встрече: «...Кто-то из соседей донёс, что я прячу кого-то в доме. Привели меня полицаи в комендатуру. Начали хлестать нагайкой с вшитым свинцом на её конце. Вначале было не больно. Я сидел, и плеть перехлёстывала через плечо, стегала прямо по спинке стула. А я гримасничал, делал вид, что мне больно. Немец увидел это, отошёл чуть назад и ударил со всей силы. Я увернулся, и тот ударил себя по ноге. Рассвирепев, комендант сбил меня

на пол, и все немцы стали меня бить ногами. Потом выволокли из комендатуры и поставили около старой стены. Закурили, передернули затворы винтовок. Было их четверо. А мне всё равно, так избили, что уже ничего и не понимал... И тут бежит мальчишка-переводчик, из наших немцев. Машет рукой, кричит, что комендант отменил расстрел».

Николай Андреевич показал стену старой кладки 1930-х годов, где его, избитого до полусмерти, должны были расстрелять оккупанты. Их он даже запомнил по именам. Уже после освобождения Н.А. Герасименко служил в истребительном батальоне, Красной Армии, работал в колхозе. Выйдя на пенсию, стал активно заниматься созданием музея, собирал историко - этнографический материал. Благодаря стараниям секретаря райкома КПСС Валентины Ивановны Морозовой и Михаила Николаевича Ложкина в Пискуновском сельском клубе было выделено две комнаты под краеведческий музей. Вооружившись диктофоном, встречался с односельчанами, собирал воспоминания о Гражданской войне на Кубани, событиях коллективизации, кошмарных 1932 – 1933 годах [5]. Его материалы легли в основу статьи о голоде 1933 года [6].

«...В 1933 году отец был осужден за неспасение хлеба в продразверстку к 7 годам лишения свободы. В нашей хате, в одной из комнат, была тюрьма, и до этапа отец сидел с другими осужденными от нас через стенку. Мы, оставшиеся пять человек с матерью, после того как у нас всё конфисковали, определились на русской печи. Когда забрали всё имущество и продукты питания, осталось, что было на нас да один ложник (*ложник* – самодельное тканное одеяло, легкое или подбитое ватой. – *Ред.*). На другой день пришел сосед-активист, потрянул детей с ложника и понес его домой. Наш плач и просьбы матери не помогли. Остался голый топчан из досок. Через 20 минут этот же Куцевол Степан вернулся и на окне забрал разбитый стакан с солью, унес домой, а еще через день нас выбросили на снег из своей хаты. <...> Со всеми жителями села поступали так же, так как к нам из Ставропольского края привезли спецпереселенцев. Наших селян вывезли где-то на Соловки. Большинство из них не вернулось,

умерли от голода. Нас, как раскулаченных, не пускали согреться даже близкие родственники. Бродя по улицам, нашли пустую хату, затопили русскую печь, сбились в кучу, стены начали таять, под нас стекала вода. На другой день к нам прибыли еще три семьи, таких же, как и мы...» [7].

Удивительно, что после всего пережитого, Н.А. Герасименко не таил зла на власть, участвовал во всех добрых начинаниях, в художественной самодеятельности, создал музей, а при нём картинную галерею. Был и в числе первых, кто организовывал местное казачье общество. Много общался с краеведами, школьниками.

Николай Андреевич много ездил по стране, каждый раз из поездки привозил от новых друзей исторические экспонаты. Переписывался с ветеранами войны. В одном из писем Николаю Андреевичу Герой Советского Союза Пашенко Иван Васильевич [8] писал: «Я прошу вспомнить самому о людях нашего села и написать обо всём, что помнишь о нашем босоногом детстве и до настоящего времени. Там остались и наши сверстники, и их надо попросить вспомнить свою молодость, а может, остались записи, фото, газеты прошлых времён и настоящего. Я думаю, что мы делаем хорошее дело, пока ещё есть память и живые пожилые односельчане – земляки. Нас помнят в Гусаровке, Благодарке, «Красном Знамени» и, конечно, в Пискуновке» [9].

Тогда, летом, мы договорились встретиться снова. Но через несколько месяцев его не стало – Николай Андреевич ушёл из жизни 14 декабря 1998 года [10].

В архиве Отрадненской телерадиокомпании «СКИТ» сохранилось интервью, в котором Н.А.Герасименко рассказывает о своей краеведческой деятельности, о людском равнодушии, непонимании многими его подвижнической деятельности по сохранению истории родного края, его культурного наследия. Оно актуально и сегодня.

Примечания:

1.Тёр Е.В. Продолжая традиции М.Н. Ложкина: некоторые страницы истории краеведения в Отрадненском районе //Вопросы истории Поурупья. Вып.І. Ильичёвское городище как памятник средневековой археологии и церковной архитектуры. Материалы краевой науч-

ной конференции, посвящённой 50-летию открытия и изучения Ильичёвского городища (станция Отрадная, 9-10 августа 2012 г.). Отрадная, 2012. С34 – 38.

2. Воспоминания Герасименко Николая Андреевича, рожд. 7 мая 1923г. Село Пискуновское Отрадненского района Краснодарского края. Машинопись.

3. *Фокин А.* Геноцид // Сельская жизнь. 1990.10 июля. №82(8452). С. 2.

4. *Тёр Е., Тёр В.* Мамочка, я не хочу умирать!// СКИТ. 1998. 9 декабря. №37(37).С. 4; *Тёр Е.В.* Печальный след в истории станиц Приурупья // Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа. Материалы 16-й всероссийской межвузовской конференции. Армавир, 2008.С. 57 – 58; *Филиппов С.К.* Не померкнет никогда: повести и рассказы. Краснодар, 2004. С.186 – 188.

5. *Тёр В.* Утоли-ка жажду, родничок. Записки о прошлом и настоящем Кубани. Краснодар, 2004. С. 59 – 64; *Тёр В.* Хранитель // Ярмарка Кубани. Краевая еженедельная газета. 2001. 6 – 12 декабря. №50(110). С. 2.

6. *Тёр Е.В.* Темнеет пепел нашего огня // СКИТ.1998. 23 декабря.39(39). С. 4.

7.Воспоминания Герасименко Николая Андреевича, рожд. 7 мая 1923г. Село Пискуновское Отрадненского района Краснодарского края. Машинопись.

8. *Власенко А.* Командир летающего танка // Кубанские новости. 2013. 11 июня. №101(5407). С. 6.

9. Письмо Пашенко Ивана Васильевича, Героя Советского Союза, к Герасименко Николаю Андреевичу от 14 апреля 1998г.

10. *Тёр Е.,Тёр В.* Памяти ветерана, краеведа // СКИТ. 1998.16 декабря. 39(39) С. 4.

Фото 1. В центре – Н.А. Герасименко; второй ряд: первая слева – Роич Мария. 1946г. (?)

Фото 2. Н.А. Герасименко и Герой Советского Союза И.В.Пашенко.

О.В. Андреева

Воспоминания об основателе Отрадненского краеведческого музея П.М. Галушко

С большим волнением я начинаю писать эти заметки о Петре Митрофановиче Галушко и Глафире Ильиничне Канарёвой.

Когда меня попросили это сделать, я растерялась, так как поняла, что я всю жизнь рассказываю своим родным, друзьям, коллегам об этих прекрасных людях, моих дедушке и бабушке, но никогда о них не писала.

Я так им благодарна за свое счастливое детство и помощь в выборе моего жизненного пути.

П.М. Галушко – это учитель с большой буквы, интеллигент, человек, обладавший разносторонними и глубокими знаниями и многогранным талантом: краевед, художник, скульптор, натуралист, музыкант-скрипач, неутомимый общественник: публицист, первый редактор районной многотиражной газеты, основатель Отраднен-

ского краеведческого музея и парка в центре станицы.

Огромную помощь и поддержку в издании этой статьи мне оказал С.Г. Немченко – председатель Отрадненского районного общества историков-архивистов. Буквально по крупицам собирал он в архиве и музее публикации П.М. Галушко в районных газетах «Советское казачество» и «Сельская жизнь» и статьи различных авторов о неугомонном краеведе-общественнике.

Обобщение С.Г. Немченко собранного им архивного материала – это тема отдельной интересной статьи: многогранный исторический срез повседневной жизни отрадненцев в 30-60 гг. прошлого века сможет раскрыться перед читателями.

Я же в своих заметках поделюсь личными впечатлениями о Петре Митрофановиче, каким он был в кругу семьи и близких людей.

Я, Андреева (Канарёва-Садовенко) Ольга Вадимовна, их внучка по отцовской линии. У дедушки в ст. Отрадной на ул. Курортной была большая усадьба. Дом сохранился до сих пор. Он был уютным, полуторазэтажным, нижняя его часть сложена из блоков местного известняка - ракушечника. Сад и огород выходили к р. Уруп. Часть участка Петр Митрофанович отдал под строительство дома моей маме и папе: Канарёвой Полине Федоровне и Канарёву Вадиму Ильичу. Время было трудное, послевоенное (я родилась в 1947 году).

Родители взяли ссуду и начали строить свой дом. Плотницкие работы отец делал сам, а кирпичики самана для дома родители месили сами в пойме Урупа. Первые готовые сохнувшие пирамидки самана смыл разлившийся Уруп. Пришлось начинать всё с начала.

Юность моих родителей и всех их сверстников опалена войной. Они родились в 1921 году, а в 1939 г. окончили среднюю школу. Мама уже училась в Новочеркасском политехническом институте (на химфаке), когда началась Великая Отечественная война. Она вернулась домой, а отец уже был в армии, в лётной части, служил в Забайкалье. В 1942 г. их перебросили в Монголию, а затем в Маньчжурию, когда Япония вступила в войну на стороне Германии. Отец рассказывал, что монголы очень хорошо помогали Советскому Союзу. Для

наших войск поставлялись мясные продукты и дубленки. В 1942 г. советские воинские части в Монголии, желая чем-то помочь воюющим в Сталинграде, отказались от своих лётных пайков. Как рассказывал отец, один раз в месяц им по воздуху сбрасывали мешки с крупой. Было голодно, но это никого не угнетало. Солдаты переживали, что находятся в тылу и стремились попасть на фронт.

Но им пришлось воевать на Дальнем Востоке. Тяжёлые бои начались в августе 1945 г. по прорыву мощных оборонительных укреплений японской Квантунской армии в тайге и труднопроходимых горах Б. Хингана, в захваченной Манчжурии.

В этих боях отец был ранен, домой с фронта вернулся в 1946 г. в звании старшины уже после окончания войны с Японией и боевыми наградами: медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Японией», «За победу над Германией».

Мама заочно училась в Краснодарском пединституте и преподавала в школе русский язык и литературу. Она очень любила детей, была замечательным педагогом. Ей присвоили звание «Отличник народного просвещения». Отец работал по сменам турбинистом на электростанции, которая была построена в Отрадной на отводном канале р. Уруп.

В это сложное для моих родителей время, заботу обо мне взяли на себя мои дедушка и бабушка.

Так как мы жили рядом, после школы я делала уроки дома, а остальное время была с ними.

Замечательный полуторазэтажный дом, построенный Петром Митрофановичем, располагался на склоне.

На верхнем этаже, войдя в дом, попадаешь на большую квадратную веранду. В тёплую погоду угловые деревянные щиты на веранде поднимались и прикреплялись к потолку.

Тогда на веранде целый день, от восхода до заката, светило солнце. В один проём был виден чудесный сад, подходящий к самой веранде. Казалось, что гроздь начавшей краснеть калины и ягоды спелой бордовой черемухи сами просятся к тебе в руки.

В другом проеме можно было любоваться горкой, склон которой был любовно

засажены ковром темно-синих «толкачиков» (мускарей, «мышинных гиацинтов»). Среди них живописно расположились ульи пасеки на красивых высоких колышках.

Затем взгляд притягивали клумбы, огибающие дом на фоне пышного сада.

На веранде было очень уютно. Стены украшали картины, написанные Петром Митрофановичем (со временем они менялись): портреты М.Ю. Лермонтова, Т.Г.Шевченко, Н.И. Пирогова, бюст И.А. Крылова. В дальнем углу висела вылепленная объемная цветная геоморфологическая карта. Дед очень любил рисовать масляными красками на овальных срезах деревьев миниатюрные пейзажи, которые украшали дом и веранду.

Для отдыха стояли широкие лавочки, большие пни, шезлонг из полосатой ткани, кушетка. Над красивым резным комодом висели чучела птиц, искусно изготовленные Петром Митрофановичем. Мне запомнились сова, ястреб и яркая щурка. На полу лежали козьи шкуры.

Летом на веранде принимали гостей. К бабушке и дедушке (в школе, до пенсии, она преподавала немецкий язык) приходили коллеги и много их бывших учеников. Интересные, душевные разговоры продолжались до вечера. Мне было так интересно их слушать. Раскрывался широкий мир, в который можно было попасть после окончания школы и ВУЗа. Надо было только хорошо учиться, чтобы выбрать профессию по душе.

А поздним вечером, после хлопотного дня, Петр Митрофанович любил играть на скрипке. Звучали произведения Чайковского, Моцарта, Глинки, чарующие украинские мелодии.

Общение с бабушкой, его занимательные рассказы о природе увлекли меня еще в детстве. В семейном альбоме сохранилась фотография, на которой я с двоюродным братом и сестрой в балке, спускающейся к Урупу, в скалах собираем кристаллы желтовато-прозрачного гипса и «добываем» «синюю», пластичную глину для лепки. Пластилина тогда еще не было.

Когда я училась в начальной школе (4-й класс), нам предложили написать сочинение на тему: «Кем вы хотите стать?». Я, не задумываясь, написала – «геологом». Потом пришла девушка-журналист из рай-

онной газеты, еще со мной беседовала. И, вдруг, совсем неожиданно для меня, эту заметку напечатали в газете и даже принесли мне деньги – первый в моей жизни заработок. Летом ждал еще один приятный сюрприз. Меня и еще 9 человек (лучших учеников) наградили поездкой в г. Новороссийск. Мы жили на Мысхако, на легендарной «Малой земле». Пограничники поставили нам большие палатки-шатры, кормили нас, показывали свою военную выучку, «задержание» нарушителя со служебной собакой. А прощальным вечером сверкали огни праздничного фейерверка на фоне звездного неба над Цемесской бухтой. Какое это было незабываемое зрелище для нас, впервые увидевших море.

Какие бы приморские города я потом в своей жизни ни увидела: Сочи, Сухуми, Ялта, Тамань, Керчь, Севастополь, Баку, Владивосток – Новороссийск и Геленджик навсегда остались моими самыми любимыми.

Начальная школа, в которой я училась в 1954 – 1957 гг. располагалась в станичном парке. Дети прекрасно в ней себя чувствовали. На переменах мы бегали и играли на лужайках парка.

Этим я тоже обязана Петру Митрофановичу. Чудесный парк был заложен по его проекту. Он принял самое деятельное участие в посадке первых деревьев. Особенно дедушка радовался разросшимся ажурным софорам (красивые, долговечные японские деревья, похожие на акацию).

Дома у деда стояли бутылки с настойкой стручков софоры для лечения суставов. Для поддержки сердца, бабушка и бабушка поднимались со мной на гору, высокий правый берег Урупа, чтобы собрать цветущий адонис (желтый лазорик, как мы называли его в детстве).

Теперь вернемся в дом Петра Митрофановича. Через веранду можно было пройти в бабушкину комнату с печью и большим столом, за которым бабушка много читала, писала письма, вязала кружевные салфетки, накидки на подушки и скатерти. Эти белоснежные ажурные изделия придавали дому особый уют. Над бабушкиной кроватью висела большая красивая картина с видом на предзимние берега р. Уруп.

В кабинете Петра Митрофановича главенствующее место занимали книги, в

солнечные окна заглядывали его любимые розы, на полках лежали образцы минералов. На рабочем столе почти всегда лежали рукописи. Кабинет украшала любимая его картина «Дорога на УЗОС при закате солнца». От неё веяло теплотой и покоем – цепочка розоватых кучевых облаков, отдыхающая над изумрудными склонами холмов.

Особую прелесть дому придавали яркие натюрморты, любовно написанные Петром Митрофановичем. На них сочными красками пылали каскады спелых вишен, раскалывались арбузы и дыни, фиолетовый туман окутывал пышные кисти сирени, нежились в искусно сделанных им самим деревянных рамках для картин спелые яблоки.

Когда в своем кабинете Петр Митрофанович погружался в свои рукописи, мы старались с бабушкой ему не мешать. Дед этого не любил. В жизни он был человеком весьма принципиальным. Если он был уверен в своей правоте, то всегда добивался своего. Много сил и умения убеждать людей в правоте своих идей пришлось ему приложить при создании краеведческого музея в станице Отрадной.

Вел он и нелегкую борьбу с рестораном, занявшим красивое здание в углу парка. Не удержусь и полностью приведу слова Петра Митрофановича: «Бойко заработала она [«Закусочная»]. Еще бы: таких удобств вряд ли где сыщешь: пей, закусывай, а откажут ноги – вались под куст и почивай в холодке» («Сельская жизнь». 1964 г. 14 мая, № 57). Силами общественности она была закрыта. Здесь был открыт книжный магазин с несколькими залами.

Отстоял Пётр Митрофанович территорию парка от строительства универмага и других торговых точек, места для которых было предостаточно и за пределами зеленых тенистых аллей, цветников и лужаек.

С веранды, по массивной деревянной лестнице спускались на нижний этаж дома, в кухню и подсобные помещения (кладовки, комната для керогазов с поднимающимся щитом для проветривания, потому что в них заливался керосин). Зимой в кухне топили печь. Иногда топили и летом, когда бабушка пекла свое фирменное печенье на густой сметане. Мне довелось рюмочкой вырезать кружки. Печенье долго не черствело. Всегда было чем угостить гостей во

время чаепития. А гости в этом доме бывали всегда.

Пётр Митрофанович и Глафира Ильинична отличались искренним гостеприимством.

Бабушка варила очень вкусный борщ с фасолью и свеклой, с зажаркой на душистом подсолнечном масле. Фирменным блюдом деда был тушеный кролик с маринованными сливами. Он с удовольствием готовил его сам, а мы с бабушкой занимались своими женскими делами в комнате на верхнем этаже.

В старом альбоме с семейными фотографиями я нашла эти стихи поэта А. Крестинского, которые сохранила моя мама. Пусть они останутся в заметках в память о Глафире Ильиничне, верной спутнице Петра Митрофановича:

Наши бабушки – молодые!
 Ничего, что они седые,
 Не беда, что у них морщины,
 Все равно они – молодчины!
 Подымаются на рассвете,
 Раньше всех людей на планете.
 Коренасты и круглолицы,
 Вяжут жаркие рукавицы,
 Вяжут свитер они пушистый,
 Варят утром чай душистый,
 И вдобавок,
 (попробуй, ну-ка!)
 Будят внучку они и внука...
 Как учились они ночами...
 А работой зарю встречали,
 А плясали они
 в присядку!
 А стреляли они
 в десятку!
 Из войны они выносили
 на плечах своих пол России.
 И об этом –
 скажу вам честно –
 Даже внукам
 не все известно.

Когда у деда на кухне все было готово к обеду, он толстой палкой стучал по балке, и мы с бабушкой спускались к столу.

Пётр Митрофанович и Глафира Ильинична были большими тружениками. Бабушка больше занималась огородом, дед – садом и кроликами. Он очень любил деревья, виноград, экспериментировал с при-

вивками. Возле колодца с «журавлем» росла груша, привитая на айве.

С северной стороны дома, возле кухни, им были посажены 2 дерева привитого культурного тутовника (шелковицы) с очень крупными фиолетовыми плодами. Их ели и добавляли в компот для цвета. Мой отец по утрам летом всегда приходил к деревьям полакомиться и полечить язу желудка. Пётр Митрофанович говорил, что китайские медики считают эти плоды панацеей от всех болезней.

Горка вдоль лестницы, спускающейся к кухне и колодцу, пряталась под вечнозеленым ковром барвинка с нежно-голубыми цветами. Они напоминали ему о любимой Украине.

Верхняя площадка двора перед домом вся была засажена цветами.

От калитки к дому вела дорожка, окаймленная россыпью белых, розовых и малиновых маргариток. Каждый летний день, перед вечером, мы с бабушкой их поливали.

Пётр Митрофанович рассказывал, что есть и дикорастущие маргаритки на лугах Европы. Мне всегда хотелось их увидеть. Когда я, еще в студенчестве, первый раз ехала из аэропорта Борисполь в Киев, то уже въезжая в этот необыкновенно красивый город, на склоне холма в изумрудной траве увидела веселые маргаритки. Но потом поняла, что они искусно посажены.

Но дикие маргаритки я всё же увидела в Чехии, возле старинного курортного городка Мариански Лазни. Этот город любил Гёте и часто там бывал.

Розами во дворе занимался сам Пётр Митрофанович. Их было много, разных и очень красивых. Перед входом на веранду выющиеся красные розы и высокие, плетистые, белые укрывали беседку со столом и лавочками. Это было любимое летнее место отдыха, как хозяев, так и гостей.

На лето в беседку выносили «царицу» комнатных растений – веерную пальму (хамропс) в большой кадке. Было у бабушки много и других комнатных цветов, за которыми она любовно ухаживала, изучала книги по цветоводству.

Тогда только появились разноцветные узумбарские фиалки, много возни было с цикламенами, в феврале всегда цвела изящная оранжевая кливия, свешивались из

красивого керамического горшка глянцево-зеленые листья лотосовидной бегонии.

Больше всего гостей привлекала клумба прямоугольной формы, она всех восхищала. Центральная часть клумбы, напоминавшая белую ажурную пену, из густо посаженных изящных белых нарциссов, по краям узкой полосой оттенялась дикорастущими алыми лазориками с ажурной листвой.

К первомайским праздникам яркое весеннее солнце раскрывало острые бутоны тюльпанов, на высоких кустах сирени густым темно-фиолетовым облаком распускались ароматные кисти цветов. Пётр Митрофанович и Глафира Ильинична для разведения сортовой сирени высаживали семена, так как культурная сирень практически не дает отростков. За цветами, оставленными на семена, всегда ухаживали, оберегая их от постороннего опыления.

Моя любимая бабушка, Глафира Ильинична, была общительным и доброжелательным человеком. Выйдя с ней из дома за продуктами в магазин, по пути, ненадолго, заходили к знакомым. Во время визита обязательно рассматривались цветы, которые были гордостью каждой хозяйки, шел обмен цветами и семенами.

Очень красивый дом и цветник был у семьи Немченко на ул. Пионерской. Кроме цветов там можно было еще полюбоваться диковинными для того времени птицами – павлинами, с переливающимся оперением и очень длинными узорчатыми хвостами, которые они свешивали с высокой перекладины, на которой сидели. На этой же улице, перед парком, жили Белецкие, бабушкины коллеги. Павел Сергеевич преподавал физику, а его супруга – химию. Павел Сергеевич был необыкновенно талантливым педагогом. Ему было присвоено звание «Заслуженный учитель». Самые сложные вопросы и задачи по физике он делал такими увлекательными, что физика стала моим любимым предметом. В политехническом институте однокурсники удивлялись, что я с интересом ждала экзамены по физике и все семестры сдавала их на «отлично».

Дольше всего мы с бабушкой задерживались в парке. Возле кинотеатра и памятника Ленину были разбиты красивые цветники. Их планировкой занимался Пётр Митрофанович еще при закладке парка. Ба-

бушка всегда беседовала с женщинами-цветоводами, которые содержали клумбы в идеальном порядке.

Кинотеатр «Заря» в те времена (50-е – 60-е гг.) был центром культурной жизни Отрадной. Зал кинотеатра днем был отдан детям, а вечером заполнялся взрослыми.

Был в нем и летний зал под открытым небом. Дедушка и бабушка брали меня туда с собой на вечерние сеансы. Я этим очень гордилась, так как детей туда одних не пускали. В дождливую погоду дед брал огромный зонт для себя и меня и отдельный для бабушки. Мы старались, по возможности, не пропустить интересный фильм. Билетёры и киномеханики нас не очень любили, так как мы приходили сразу втроём. Если ещё находилось несколько человек, то фильм надо было демонстрировать.

Ожидать чистое звездное небо по вечерам нам приходилось еще по одному необычному поводу.

Октябрь 1957 – запуск в СССР первого искусственного спутника Земли. В стране царил необыкновенный подъем. По радио передавали время пролёта спутника. Я с дедушкой и бабушкой, наши соседи выходили на «горку» возле дома. «Горка» – это остатки защитного вала, созданного еще при основании Отрадной.

И вот, на небе показывалась летящая по небосводу «звездочка». И дети, и взрослые с восторгом за ней наблюдали.

Даже не верится, что с того времени прошло уже больше 55 лет.

Домой мы возвращались вдоль аккуратно подстриженной густой зеленой изгороди из колючей глянцевой акации, защищавшей двор от пыли. За ней росли пышные кусты душистого жасмина бульдонежа с белыми шарами цветов. В нижней части двора, в тени кустов бузины, прятались лужайки ландышей. Пётр Митрофанович всегда говорил, что в саду обязательно должна расти бузина. Запах её цветов отпугивает бабочек-вредителей плодовых деревьев, а птицы в её кустах выют гнезда.

В самом дальнем углу сада белела высокая береза. Для Отрадной это было редкое в то время дерево. Бабушка рассказывала, что её нашли с маленьким корешком в дровах, которые тогда выписывали учителям, и дедушка её выхаживал, вырастил.

Под березой росла лужайка густой, мягкой травы.

Специально рисовать меня не учили. Когда-то наш школьный преподаватель рисования Синельщиков Василий Иванович дал задание нарисовать весенний пейзаж акварельными красками. Учитель он был строгий. Я выбрала для рисунка уголок дедушкиного сада с березой. Рисунок получился замечательный и Василий Иванович сказал, что сохранит его.

Жила в Отрадной и моя прабабушка, мама Глафиры Ильиничны – Фёкла Ивановна (на ул. Фрунзе). Двор у неё был просторный, светлый. Вдоль дорожек росли пушистые зеленые «веники». В доме была русская печь, в которой выпекались необыкновенно вкусные «пасхи». Больше я таких уже никогда не пробовала.

С Фёклой Ивановной жил племянник Глафиры Ильиничны – Валерий, отец которого погиб в 1942 году. Пётр Митрофанович и Глафира Ильинична постоянно им занимались. Он хорошо учился, увлекался фотографией. Почти все фотографии в нашем семейном альбоме сделаны им. В 1956 году он поступил в Новочеркасский политехнический институт.

Валерий Николаевич выбрал себе трудную мужскую профессию, связанную с освоением земных недр – горный инженер-электромеханик, специалист по горнодобывающим машинам.

После окончания института он работал на нескольких урановых рудниках. В 1973 г. защитил диссертацию с присвоением звания кандидат технических наук и занялся преподавательской деятельностью, был зам. декана в Краснодарском институте цветных металлов. В 1977 его пригласили на преподавательскую работу в Донбасс, в г. Стаханов, преподавателем, а затем деканом горно-механического факультета Украинской инженерно-педагогической академии, с 2001 г. – академик Международной Академии биосферных наук. Сейчас живет в г. Севастополе. Но в его душе навсегда сохранилась благодарная любовь к Фёкле Ивановне, Глафире Ильиничне, Петру Митрофановичу, Отрадной и родным предгорьям.

По его совету я поступила в 1965 г. на горно-геологический факультет Новочеркасского политехнического института и

навсегда осталась ему за это благодарна. Он трогательно оберегал меня во время вступительных экзаменов. В то время (1965 год) медалисты сдавали 2 вступительных экзамена (математику письменно и устно), а остальные абитуриенты – 5 экзаменов. Свои экзамены я сдала на «отлично» и вдруг не нашла себя в списке поступивших. У меня перехватило дыхание, и сразу мелькнула мысль: «Что же я теперь скажу Валерию?» Но все уладилось. Девочек поступило мало (нас было 3 в группе) и меня нечаянно в списке переименовали в Олега Вадимовича.

Пётр Митрофанович и Глафира Ильинична были людьми высоких духовных принципов, всегда помогали людям: и родственникам, и любым нуждающимся в помощи и участии.

В войну они взяли к себе Жанну, девочку из блокадного Ленинграда, выходили её, воспитали. В Отрадной она училась в школе, а потом уехала в Ленинград, когда нашла родственников.

Я видела Жанну уже взрослой, когда она приезжала к ним в гости. Для деда и бабушки, да и для всей нашей семьи это был праздник.

Потом Жанна привезла в Отрадную свою маленькую дочку Алену и попросила Петра Митрофановича и Глафиру Ильиничну присмотреть за ней. Дед и бабушка очень любили её, много с ней занимались, быстро научили читать и писать. Дед учил её рисовать. Помню, как бабушка как-то ворчала, что невозможно спокойно накормить ребенка. Принесла морковку, а «Пёничик» (так они звали Петра Митрофановича) сказал: «Морковка такая красивая, мы её вначале нарисуем, а потом уже съедем».

Потом Жанна забрала её в Ленинград. В школу с такой подготовкой она пошла раньше сверстников и писала дедушке и бабушке письма.

Я училась в институте на горно-геологическом факультете по специальности «Геология и разведка рудных месторождений» с большим удовольствием. У нас были прекрасные преподаватели, очень дружная студенческая группа. Со многими мы встречаемся, работаем и дружим до сих пор. Вот уже 40 лет мы с мужем (он тоже геолог, мой однокурсник) работаем в геологии. Сожалею, что уже не смогу рассказать Петру Митрофановичу о своей работе на

Урупском медном месторождении, которое находится в верховьях р. Уруп, примерно в 60 км от ст. Отрадной, если считать расстояние непосредственно по реке.

Петр Митрофанович умер летом 1972 г., а осенью мы с мужем поехали работать на геологоразведочный участок Урупского горно-обогатительного комбината (УГОК) в пос. Медногорский.

В.Н. Канарёв

Воспоминания о П.М. Галушко и его коллегам-учителям

Ко мне обратился С.Г. Немченко, земляк, председатель Общества историков-архивистов Отрадного района с просьбой написать свои воспоминания о Петре Митрофановиче Галушко, что я с удовольствием и делаю. Во-первых, хотя я не стал ни музыкантом, ни скульптором, ни художником, ни археологом, ни историком, ни садоводом, ни цветоводом, ни пчеловодом, ни общественным деятелем – это то, чем занимался Пётр Митрофанович, наверное, далеко не всё, и чем мог бы заняться я, что могло бы стать делом моей жизни. Но, тем не менее, в определённой степени я перенял у него творческий подход к любому делу, стремление бескорыстно доставлять удовольствие результатами своего труда близким и окружающим меня людям, любовь к малой родине.

Сбором материалов об истории казачьего края, о знаменитых земляках Пётр Митрофанович Галушко занимался столько, сколько я его знаю и, наверное, до того, как мы стали общаться. Последняя наша встреча с Петром Митрофановичем состоялась летом 1963 года. Я уже перевёлся на работу в Пятигорск из Жёлтых Вод (Украина), куда был направлен после окончания института в 1961г. на одно из закрытых предприятий. В Отрадную приехал на несколько дней, чтобы встретиться с родными, близкими, одноклассниками, а также посетить могилку своей любимой бабушки Канарёвой Фёклы Ивановны, умершей в сентябре 1961года, в возрасте 86 лет. Перед смертью она сделала наказ тёте Глаше, своей дочери: «Вальку на похороны не вызывать: он толь-

ко что приехал к месту работы – нечего срывать его; сообщить о смерти только спустя месяц». Об этом мне сообщил двоюродный брат Галушко Юрий Фёдорович в октябре письмом, вместе с прискорбным для меня известием. Последние годы с Юрой мы очень сблизились, учась в Новочеркасске: я в политехническом институте (НПИ), он – в инженерно - мелиоративном (НИМИ).

В эту встречу было видно, что Пётр Митрофанович очень рад видеться со мной, вначале подробно расспросил о моей работе. Когда я ему рассказал, какие вопросы приходится решать, и каково было моё изумление, когда я в первый раз увидел, спустившись в шахту, громадное сооружение, получившееся по моим рабочим чертежам, когда я ему показал чертежи общих видов стволопроходческой машины из технического задания на её разработку, на которое мне нужно было срочно дать отзыв, он удивлялся и с восхищением говорил, глядя на чертежи, по которым машина будет создаваться со временем, что это же большое техническое искусство.

Затем он предложил пройтись с ним до моста через Уруп. Улица Курортная, где находилась усадьба Петра Митрофановича, находилась недалеко от него. Взял меня под руку, и мы спокойным шагом пошли знакомой и такой близкой мне дорогой. Он мне рассказывал о музее, о новых данных по истории заселения предгорных станиц, об отрядненцах, пострадавших в годы сталинских репрессий, и судьбах некоторых участников Великой Отечественной войны.

В конце просил поговорить с Глафирой Ильиничной, которая на 15 лет моложе его (ему было уже 75 лет), но с годами становится всё более ревнивой. «Представляешь, Валя, только хлопнет калитка, а она вслед кричит, что опять, мол, к любовникам побежал, и это мне – человеку преклонного возраста». Честно говоря, в моём воображении Пётр Митрофанович и «любовница» понятия несовместимые. Это, конечно же, богатое воображение любимой тётки. У Петра Митрофановича было два понятия, к которым он относился со святостью: женщина и музей.

Глафира Ильинична у него была вторая жена, которую, как рассказывала моя бабушка, он по большой любви «увёл» от

своего коллеги-художника вместе с сыном Димой, моим двоюродным братом. Первая жена Петра Митрофановича умерла. Памятью о ней, как поведала мне однажды тётя Глаша, была клумба с красными лазоревыми цветами, посаженными им. Кстати, в дворах станичников я таких полевых цветов не видел. От первой жены у Петра Митрофановича было двое взрослых детей, разговоров о них у меня никогда не было с ним.

И совершенно случайно я узнал в 1956 году о первой любви его ранней молодости, которая жила в Новочеркасске. Перед отъездом для поступления в институт, он передал мне своё письмо, вложенное в пожелтевший конверт с адресом на его имя, и обратным адресом Новочеркасска и попросил меня попытаться найти адресата по указанному адресу, передать письмо и привет, причём сразу оговорился, что у него мало надежды на удачу. Я нашёл улицу и на ней двухэтажный особняк, встретился с адресатом письма, передал привет и конверт с письмом Петра Митрофановича. Меня приняла красивая немолодая женщина, очень вежливая, тактичная, внимательная. Прочитав, врученное мной письмо, попросила передать сердечный привет, пожелания здоровья и благополучия Петру Митрофановичу. И предложила, если я располагаю временем, выпить чаю. Я, конечно, согласился, так как представлял себе, как будет рад Пётр Митрофанович получить максимум информации о ней.

За чашкой хорошего чая она выразила своё большое сожаление о том, что жизнь развела их в ранней молодости из-за пустяка (она не уточнила какого), связанного с излишней принципиальностью Петра Митрофановича.

Впоследствии она вышла замуж за горного инженера. Однако в 1928 году он проходил по Шахтинскому делу, был арестован и расстрелян. Поднимала двух дочек, которые обе закончили консерваторию в Москве по классу фортепьяно. Долго концертировали, ездили по стране.

Потом обе преподавали, вышли замуж. Имеют детей. Старшая живёт в Москве, младшая с семьёй – с ней.

О Петре Митрофановиче она вспоминала с любовью и уважением к его поступ-

кам и решениям. Вот такая трогательная предыстория.

Во-вторых, жизнь – не те дни, что прошли, а те, что запомнились. Воспоминания о детстве, юности и ранней молодости всегда приятны, очень живы, ясны особенно в таком возрасте, как у меня (74года), что удивительно, так как просматривая по телевизору сегодня заинтересовавший фильм, на следующий день порой не помнишь, о чём он.

И хотя мне всегда, особенно в раннем детстве, Пётр Митрофанович казался очень строгим, и тётя Глаша почему-то поддерживала в нас, ребятах, своих и чужих, этот образ, взрослея я понял, что это был очень добрый и отзывчивый, позитивный человек, всегда готовый оказать помощь нуждающимся, заряжающий людей энергией созидания. Он часто обращался к людям, общественности, руководителям района за советом, за помощью по вопросам, волновавшим его и людей, активно подключался к их решению в качестве непосредственного организатора и исполнителя. Все его обращения были конкретны, тактичны. Это не были жалобы, сплетни, доносы, требования разобраться, наказать, характерные для некоторых людей в 30-60 годах XX века.

Недавно попало в интернете стихотворение неизвестного автора. Привожу его.

В одно окно смотрели двое...

Один увидел дождь и грязь,
Другой – листвы зелёной вязь,

Весну и небо голубое.

В одно окно смотрели двое...

Думаю, Пётр Митрофанович здесь – другой. А ведь жил он (годы его жизни 1886 – 1972) в очень трудное время, насыщенное как драматическими, так и героическими событиями страны и его народа: Первая мировая война (основной удар пришёлся на Россию), революции 1917 года, гражданская война 1918 – 1920 гг. (одна из самых кровавых и беспощадных войн), уничтожение казачества, раскулачивание, коллективизация, индустриализация страны, эмиграция и высылка людей в лагеря, массовые репрессии и расстрелы людей, Великая Отечественная война, послевоен-

ные годы восстановления разрушенной войной страны.

С юных лет Пётр Митрофанович работал учителем и этой профессии он остался верен всю жизнь. Просматривая список его публикаций в районной газете за небольшой промежуток времени (с 1952 по 1968 г.), составленных С.Г.Немченко, поражаешься, сколько разноплановых, добрых дел он сделал в так называемое свободное от основной (педагогической) работы время. Вот названия некоторых из них: «Нет заботы о краеведении» (1952), «Поговорим о скрипке» (1955), «Кости мастодонта на берегу Урупа» (1956), «Хороший коллектив детской самодеятельности» (1956), «Строго оберегать исторические ценности» (1956), «Певец из народа» (1956), «Больше внимания краеведению» (1957), «Патриоты своего района» (1957),

«Собирайте народные песни» (1957), «В защиту древних памятников» (1959), «Из прошлого Отрадной» (1961), «Интересная находка» (1968) и др. Если к этому добавить ещё и статьи о Петре Митрофановиче его благодарных земляков, то будет понятно, что круг интересов Петра Митрофановича очень широк. Он являлся инициатором и исполнителем в Отрадной многих серьёзных и полезных дел, в том числе и таких, как районный краеведческий музей и живописный уголок в центре Отрадной – парк культуры и отдыха. Он помог также обогатить экспонатами музеи городов Черкеска, Армавира, Краснодара.

Теперь, возможно, будет интересным описать периоды моего личного общения с Петром Митрофановичем <...>.

Впервые я стал косвенным участником выполнения поручения Петра Митрофановича, относящегося к истории казачества в нашем районе в 7 лет, в 1946 году, будучи в гостях у двоюродного брата Димы в станице Малотенгинской. В то время Диме с молодой женой Полей пригласили работать в местную школу. Поля вела уроки русского языка и литературы, а Дима – физвоспитания и исполнял обязанности пионервожатого. В этой станице жил, уже будучи в преклонном возрасте, бывший казачий атаман Байдин. Ни имени, ни отчества его не запомнил, так как все его величали в основном так. И он не обижался. Пётр Митрофанович попросил, чтобы Дима об-

ратился к атаману с просьбой поделиться воспоминаниями о жите-бытье казачества в годы его молодости, и о своей жизни. Так как и Дима, и атаман Байдин были заядлыми рыболовами, то лучшим местом для разговора могла быть совместная рыбалка. Однако, по определённым причинам, она не состоялась.

А случилось вот что. Совсем рядом с Малотенгинской протекала небольшая речка – Малый Тегинь, мелководная, но местами были ямы глубиной до метра, в которых водилась рыба. Одним из таких мест – была самая большая яма за так называемым Байдиным садом. В период атаманства Байдина на левом, крутом берегу реки была посажена лесополоса из колючей акации, которую в народе называли Байдин сад. У атамана эта яма была любимым местом рыбалки: и недалеко от дома, и всегда, что немаловажно, возвращался с рыбой, да и, наверное, любил это место, как память прошлых лет. Ловили рыбу хваткой, приманкой была макуха в марле, привязанная к сетке в хватке. Хватка была, как правило, квадратной формы с двумя дугами крестнакрест, к которым привязывался держак длиной 4-5 метров, с помощью которого она опускалась на дно.

Через каждые 30-40 минут хватка осторожно поднималась и вытаскивалась на берег с уловом от двух до десяти рыбок: пескари, головли, плотва, редко усачи. Всё зависело от удачи и везения. Обычно атаман приходил в ночное, в 6 – 7 часов вечера. Знал об этом и Дима. Поэтому мы пришли на место уже в 5 часов. Наша рыбалка была в разгаре, когда подошёл атаман. Дима был рад его приходу и предложил место рядом. Но, видимо, он предпочитал при ловле рыбы одиночество, отказался от предложения и попросил нас, как молодых, пройти вниз или вверх по реке до очередной ямы. Помятуя, что от добра, добра не ищут, и в рыбацком азарте (рыба ловилась хорошо), Дима наотрез отказался куда-то уходить, атаман рассердился и ушёл.

В этот вечер до часов 10 был отличный лов. Взошла луна. Стояла тихая светлая ночь, воздух был насыщен запахом степных трав. Видя, что я зеваю и очень хочу спать, Дима устроил мне импровизированную постель из своего пиджака и уложил спать. Не знаю, долго ли я спал, но

вдруг проснулся на руках у Димы, быстро бежавшего через Байдин сад. Спустя некоторое время мы были у дома, в котором Дима с Полей снимали комнату. Нас встретила встревоженная Поля и сразу же уложила меня спать. И только на следующий день я узнал, что случилось.

Атаман Байдин в 12 часов ночи спустился вниз по реке, разделся наголо, под берегом дошёл до нашей хватки, аккуратно влез в неё и начал подниматься. Держак задёргался, Дима схватил его спросонья обеими руками, пытаясь поднять хватку, и сразу же в лунном свете увидел голого старца, поднимающегося из хватки. Как он потом говорил: «Я ни в чёрта, ни в Бога не верил, но когда увидел этот «пейзаж», то первое мгновение замер, как сумасшедший схватил Вальку и рванул, что было сил к дому, к людям через сад, не чувствуя боли от раздражающих тело колючек акации».

Утром, после завтрака, мы пошли на колхозный ток, где обычно собирались мужики обменяться новостями. Диму с поцарапанным лицом встретили шутками: «Любовь ранит даже богов, Дима», «Любовь, Дима, может изменить человека до неузнаваемости» и т. п. Через некоторое время подошёл атаман Байдин, спросил: «Как рыбалка, Дима»? Тот что-то ответил, а он продолжал: «Ты приди ко мне, заведи хватку и ведро, рыбку я забрал себе за сохранность рыбацкого инвентаря».

На другой день мы были у атамана Байдина. Дима задавал ему много вопросов, в том числе на правах пострадавшего. Отвечал он обстоятельно, не торопясь с нами распрощаться, а особенно, когда начал рассказывать о годах своей молодости. Я запомнил немного: как бывал он в нарядах, так как «азияты» – так называли в Приурупье, по-старинке, горцев, проживающих поблизости, иногда шкодили: уводили лошадей и домашних животных.

Женщин, идущих к реке за водой или для стирки белья, обязательно сопровождал вооружённый казак, так как были кражи, особенно молодых девушек. Как потом оказалось, Пётр Митрофанович остался доволен полученной информацией от атамана Байдина.

В доме Петра Митрофановича я бывал часто, начиная с 5-6 лет. Каждый мой, как правило, продолжительный визит, часто

с ночёвкой, заканчивался тем, что тётка открывала свой «волшебный шкаф», где у неё, кроме всего прочего, лежали деньги, и на котором сверху восседал скульптурный бюст Ивана Андреевича Крылова работы Петра Митрофановича, извлекала из шкафа по одному рублю на конфеты и кино. Так было, пока я не достиг возраста 9 лет, а уже с 12 до 17 лет мне выделялось до 5 рублей.

С 9 до 12 лет мне пришлось жить в станице Псебай Краснодарского края – красивейшем месте в горах, тем не менее, я очень тосковал по Отрадной. По моей убедительной просьбе после окончания пятого класса я был отпущен к своей любимой бабушке. В детстве я всегда отвечал на вопрос родственников: «Как тебе живётся? – Хотелось бы ещё с бабушкой пожить». Добирался сам, на «перекладных», останавливая грузовые машины «голосованием», если они шли по маршруту: Псебай – Щедок – Мостовская – Лабинск – Курганная – Армавир – Отрадная (всего 350 – 400 км). Это был 1951 год, разгул бандитизма и воровства в регионе. В нашем районе после Армавира, начиная со станицы Советской, было относительно спокойно.

С бабушкой, матерью моего отца, Канарёва Николая Ильича, я жил с 21 июня 1941 года по август 1948 и с июня 1951 по июль 1956 г. Поступив в институт, на зимние и летние каникулы я обязательно приезжал в Отрадную – с 1957 по 1961 г. До сентября 1947 г. мы с бабушкой жили на улице Красной, но, продав свой большой дом, купили меньший по улице Фрунзе, 16.

Первое, запомнившееся мне, посещение дома Петра Митрофановича произошло в начале августа 1945 г. Бабушка попросила меня, отлежавшегося в течение двух дней после того, как я тонул в реке Уруп, отнести записку тёте Глаше. Меня вытащил из разбушевавшейся реки мужчина, ловивший багром проплывающие с большой скоростью деревья. В станице всегда было плохо с топливом, поэтому местное население старалось во время половодья реки в конце августа, которое начиналась от интенсивного таянья снега и льда в горах, запастись даровым топливом в виде стволов деревьев и кустов, выдираемых с корнями стремительно прибывающей водой.

Записку написал мой двоюродный брат Слава, который всю войну и послевоенные годы в основном жил с нами. Вот её содержание: «Тётя Глаша и Пётр Митрофанович, наш Валька тонул, ели откачали. Слава». В дом я зашёл со стороны кухни. Время было обеденное, поэтому Пётр Митрофанович, Глафира Ильинична и их приёмная дочь Шпаковская Жанна Александровна сидели за столом. Поздоровавшись, я передал записку тёте Глаше, которую она прочла вслух. Прервав возникшую паузу, Пётр Митрофанович попросил меня рассказать всё поподробнее.

После рассказа меня усадили за стол, и я продолжил трапезу вместе со всеми. После обеда в этот раз впервые Пётр Митрофанович предложил мне, как он выразился, познакомиться с его козами и кролями, которых он содержал в специально обустроенном месте, и рассказал об особенностях жизни этих животных. Возвращался я домой с литровой банкой мёда и двухлитровой банкой, как потом оказалось, сметаны. Содержимое двухлитровой банки мы ели из стаканов, с хлебом, так как думали, что это кислое молоко, которое хозяйки, державшие коров в Отрадной, умели прекрасно готовить. Кстати, у тёти Глаши была хорошая корова, которая летом давала 16 литров молока, часто нам передавали и масло коровье необыкновенной вкусноты.

Через несколько дней пришла Жанна, и расставила всё по своим местам: мы ели... сметану. Мёд был с пасеки Петра Митрофановича. Он был хорошим пчеловодом, сужу по тому, что на улицу я часто выходил с большим куском хлеба, намазанным сливочным маслом, а сверху мёдом.

Какая это была вкуснятина! Две сестры Самгины: Надька – старше меня на год и Веерка – младше на год, с которыми я дружил, присутствовали на этом празднике «живота» и часто, не без помощи призванного ими Бога (бабушка у них была верующим человеком), съедали большую часть «пирога».

Однажды, в начале июня 1947 года (мы уже жили на ул. Фрунзе, 16, недалеко от усадьбы Петра Митрофановича), я пришёл, когда он качал первый майский мёд. Мне стало интересно, и я поднялся к пасеке, которая стояла на склоне южной стороны усадьбы недалеко от дома, и состояла из 30

– 35 ульев. Три двойных улья у него стояли на веранде с лётками на наружной стороне стен веранды. Был прекрасный солнечный не жаркий день. В воздухе стоял густой медовый аромат цветущей акации и гул работающих пчёл. Пётр Митрофанович снимал верхнюю крышку очередного улья. Лицо его было закрыто сеткой, в руках он держал дымарь, которым подал несколько струй дыма сверху улья, после чего стал доставать рамки и отбирать те, где было много закрытых медовых сот, стряхивал в улей и дымом «смывал» пчёл, после чего нёс рамки к медогонке, которая стояла недалеко.

Я подошёл к нему, чтобы понаблюдать за процессом вблизи, получив два болезненных ужаления в щёку, и в руку, быстро ретировался вниз пасеки, где стояла медогонка. Пристроившись на корточках к одному из спокойных ульев, я стал ловить трутней, которых складывал в предварительно взятый коробок. На трутней хорошо ловились на рыбалке голавли.

Тётя Глаша попросила меня собрать красной смородины на вареники. С этим заданием я справился быстро, а через 40 минут я и Пётр Митрофанович были приглашены в виноградную беседку возле кухни на вареники со смородиной и свежим майским мёдом. А ещё был отдельно мёд с воском на любителя, который получался при вскрытии сот с мёдом на рамках. Впечатления, которые я получил от вареников с красной смородиной и свежим майским мёдом, осталось на всю жизнь – поистине царское блюдо! Память об этом, а также те знания, которые я получил по общению с пчёлами и Петром Митрофановичем на пасеке (а это было неоднократно) возвращали меня не единожды к мысли заняться на досуге пчеловодством.

Как-то живя на четвёртом этаже девятиэтажного дома, стоящего на окраине города Стаханова, в Луганской области, возле садов и полей, я планировал установить ульи в лоджии площадью 15 квадратных метров. Жена старательно отговаривала меня не делать этого, задавая один вопрос:

«Как ты представляешь жизнь соседей внизу и сверху. А если вылетит пчелиный рой и пристроится на балконе или в лоджии у соседей?»

Мои частые визиты в усадьбу П. М. Галушко были вызваны не только тем, что

там я проходил по многим вопросам хорошую школу жизни, (чем я становился старше, тем они были эффективнее в этом плане), но и потому, что там комфортно было и душе и телу: это был очень хлебосольный дом, и не только для меня, но и многих родственников, а также не одного поколения учеников Петра Митрофановича и Глафиры Ильиничны.

Тётя Глаша готовила вкусный кубанский борщ на ароматном постном масле, от которого можно было получать удовольствие и холодной зимой и жарким летом, так как он был одинаково вкусен и горячим и холодным.

Очень хороша была на этом же масле морковь с болгарским перцем, заправленная слегка поджаренным луком с томатным морсом или мелко порезанными помидорами. А какое наслаждение мы все испытывали в зимний день, когда Пётр Митрофанович приносил к столу сохранённый в омшанике свежий виноград.

Хочу отметить, что Пётр Митрофанович пчеловодством занимался на строгой научной основе. Он не только знал биологию отдельной пчелы, но и биологию пчелиной семьи. Медоносные пчёлы живут семьями, состоящими из нескольких десятков тысяч особей. Пчела вне семьи жить не может, она погибнет. Эти знания позволяли ему управлять размножением пчёл, получать от них большое количество мёда и воска, а также использовать их для опыления, в том числе и всех растений, произрастающих на землях приусадебного участка.

Очень ярко черты творческого отношения к делу проявились у него при проектировании и строительстве своей усадьбы, в заложенном им саде. Его любимой поговоркой было выражение: «Сам не поработаешь, природа не раскошелится». Усадьба состояла из двух половин: левобережной, расположенной на левом берегу бывшей искусственной протоки (рассказывают, что её сделали для сброса воды из станичной общественной бани на месте бывшего небольшого ответвления реки Уруп), условно назовём её садовой, правобережная – на правом берегу этой же протоки, назовём её огородной. В свою очередь, левобережную половину можно разделить на три части: южную садовую – с пасекой, центральную

– с домом, вспомогательными постройками и садом и северную садовую.

Впоследствии Пётр Митрофанович передал северную и южную садовые части и по одной трети огородной правобережной половины под строительство домов и ведение своих хозяйств соответственно семьям сына Глафиры Ильиничны – Диме и родной племяннице Галушко Галине Фёдоровне.

Дом был построен на пригорке таким образом, что с улицы выглядел одноэтажным, а со стороны протоки – двухэтажным, имел большое количество пристроек и отдельных строений: омшаник, столярная и слесарная мастерские, коровник, строения для содержания коз и кролей, хранения топлива, колодца, а также не большого, но глубокого закрывающегося бассейна для сбора с дома дождевой воды.

Со стороны улицы и по бокам левобережной половины усадьбы была густая живая изгородь высотой больше человеческого роста, что делало дом практически незаметным с улицы. Изгородь состояла из равно удалённых мощных стволов белой акации и какого-то другого типа акации, в промежутках между которыми густо переплелись ветви колючей гляндовой акации. Рядом с ней, с внутренней стороны, росли пышные кусты жасмина бульдонежа с белыми шарами цветов. Внизу левобережья, возле русла протоки, начиная с северной части, в начале стояли с расстоянием в 15 метров друг от друга три развесистых тополя со стволами в два человеческих обхвата, а далее росли с большими диаметрами стволов деревья белой акации до конца южной части. В промежутках этих деревьев были густые заросли бузины, калины, черёмухи, крыжовника, красной смородины, дикой вишни, в тени которых можно было весной найти ландыши.

Внизу южной части росла мной любимая белая берёза, посаженная Петром Митрофановичем, которой, после возвращения в 1951 году из Псебая, я посвятил свои первые стихи. Позднее, я опять вспомнил о ней, когда писал «Семь картинок воспоминаний», посвящённых моим родным и всегда близким мне станичникам.

Отраденский район Краснодарского края можно считать благоприятным для культивирования как овощных, так и пло-

дово-ягодных культур. Поэтому каждый год на огородной половине, где в основном хозяйничала Глафира Ильинична, а Пётр Митрофанович был консультантом по агрономическим вопросам и помогал выполнять тяжёлые физические работы, осуществлялась посадка картофеля, кукурузы, подсолнечника, прополка и сбор урожая. Мы с Жанной тоже не были в стороне и принимали участие в этих работах. А также помогали тётке Глаше в поливе грядок с редисом, свеклой, капустой, морковью, огурцами и помидорами и т.д.

С большим желанием тётя Глаша занималась цветами. Маргаритки, тюльпаны, нарциссы, сирень всегда радовали глаз и душу, посещающих их усадьбу. Пётр Митрофанович с удовольствием показывал и рассказывал о розах: плетистых, чайногибридных, ремонтантных, а также показывал гибриды выведенных им роз. Очень много времени уделял он заложенному им ранее саду фруктовых деревьев, посадкой и районированием которых он занимался всю свою жизнь.

В южной части, на пригорке, прекрасно плодоносили два дерева культурного абрикоса, который в Отрадной можно было встретить только у садоводов высокого класса. В саду также росло 5-6 сортов яблонь, 2 сорта груш, 3-4 сорта слив, айва, шелковица, вишня и обычные абрикосы. Особым вниманием пользовался у него виноград разных сортов.

Он полностью обвил виноградом две большие летние беседки, один ряд винограда проходил возле дома с западной стороны, три ряда длиной по 15 метров проходило с восточной стороны дома средней части усадьбы.

Теперь нельзя не сказать немного об увлечениях, доставляющих ему истинное наслаждение – живопись, скульптура и музыка. Внутри двух верхних комнат и на веранде висели прекрасные картины, написанные Петром Митрофановичем: портреты М. Ю. Лермонтова и Т. Г. Шевченко, «Дорога на УЗОС», натюрморты с различной тематикой, а также располагались скульптурные бюсты И. А. Крылова и Т. Г. Шевченко, последний лет 5 стоял на веранде, так как был в постоянной доработке, хотя, как сам признался мне потом Пётр Митрофанович, первый вариант был самый луч-

ший. Он с большой любовью относился к своему земляку, постоянно был в поисках своего взгляда на этого человека, изучал все репродукции портретов Шевченко других авторов на открытках, изучал новую литературу о нём.

Иногда на веранде он играл на скрипке. Если это было в моём присутствии, Пётр Митрофанович, прежде чем исполнять какое-то произведение, рассказывал мне о результатах своих последних поисков получения красивого звучания скрипки.

Он экспериментировал с местом установки «душки» в скрипке (есть такой элемент внутри скрипки), выбора соответствующего смычка, способов его держания и вождения по струнам.

Мастер-классы по игре на скрипке Пётр Митрофанович стал проводить со мной, так как видел во мне родственную душу с тех пор, как стал вести наш школьный скрипичный кружок. История его возникновения такова. Однажды, после очередного прослушивания его игры на скрипке, я предложил ему организовать и вести кружок в школе, что соответствовало возникшему у меня желанию научиться играть на скрипке. Ему эта идея понравилась. Я поговорил со своими одноклассниками. Володя Разнатов, Толик Скобцов, Тамара Ерёмкина с энтузиазмом приняли моё предложение. Пётр Митрофанович, согласовав вопрос с директором школы, через районную газету попросил райпотребсоюз завести в магазин «Культтовары» несколько скрипок определённых размеров, так как в магазинах района, как выяснилось, такой товар не завозился. С февраля 1954г. мы начали репетиции, а в октябре было наше первое выступление на районном смотре художественной самодеятельности школ, который проходил в зале Потребсоюза. Ведущей концерта нашей школы была гимнастка, десятиклассница Соболева Лариса, в которую я был (малыш-девятиклассник) безответно влюблён, так как не давал повода даже догадываться о моих чувствах. Но её присутствие добавляло мне, не скажу, чтобы вдохновения, но волнения точно. После того, как звонким голосом она объявила наш номер, в зале воцарилась на мгновение «гробовая тишина», после появления на сцене сразу четырёх учеников со скрипками, взорванная бурными аплодис-

ментами. Создавалось впечатление, что дальше можно было и не выступать, с другой стороны, мы почувствовали, какой грандиозный аванс нам выдали зрители. Не знаю, как другие, а я даже немного съёжился. А далее всё прошло как в тумане.

Таковыми же аплодисментами провожали нас и после номера. Наш квартет в составе Володи Разнатова, Тамары Ерёмкиной, Валерия Канарёва и Толика Скобцова исполнял русскую народную песню «Во поле берёзка стояла...», единственную пока в нашем репертуаре. Кто-то, видимо, из своих выкрикивал из зала «бис» и «браво». Но мы вышли, ещё раз поблагодарили публику и скромно удалились все в глубоком волнении.

Во время нашей игры Пётр Митрофанович из-за кулис виртуозно подыгрывал нам, так что 50% наших аплодисментов принадлежали чарующей музыке его скрипки, как ранее установила московская экспертиза, изготовленной учеником Страдивари.

В 9 классе я увлёкся мандолиной. Купил инструмент и вскоре сносно стал играть, по крайней мере, для собственной души. Музыку подбирал на слух, так как познания в нотной грамоте были слабые. Часто садился за домом в укромном месте и играл. Единственным моим слушателем был наш дворовый пёс Уголёк, имеющий чёрный окрас шерсти, за что и получил свою кличку. Видимо, у него был хороший слух и тонкий склад души, так как во время моей игры он жалобно мне подвывал. Свою жизнь я построил так, что не стал, к сожалению, продолжать заниматься ни мандолиной, ни скрипкой, ни живописью, ни скульптурой, но оказался страстным любителем музыки, живописи, скульптуры, за что благодарен Петру Митрофановичу.

Не могу не отметить здесь, что большинство учеников нашей школы, увлечённые спортом, музыкой, литературой, живописью и т. п. обязательно с удовольствием ходили в кружки по интересам, которые вели наши педагоги-коллеги Пётра Митрофановича, все в основном «асы» в своей профессии. Как говорят, талантливый человек в одном, талантлив во многом.

Хочется назвать дорогие нам, выпускникам 1956 года и, наверняка, выпуск-

никам более ранних и более поздних лет некоторые фамилии.

Алексей Сергеевич Колесник, бывший боевой лётчик, начавший работать в СШ №1 станицы Отрадной в 1951г. после окончания Краснодарского пединститута. Привожу выписку из Советского энциклопедического словаря 1988г. «Колесник Ал. Сер. (р.1922), сов. учитель математики ср. школы №1 (станция Отрадная, Краснодарского кр.) нар. учитель СССР (1985). Чл. КПСС с 1975. На пед. работе с 1951». «Народный учитель СССР» – очень редкое звание среди педагогов в то время, говорящее о высочайшем профессионализме его обладателя. А как он играл на мандолине! Я имел честь его слушать и восхищаться его музыкой.

Его жена, *Колесник Маргарита Николаевна*, окончившая институт и приехавшая в Отрадную в тот же год, что и Алексей Сергеевич, вела у меня математику. Наверное, без излишней скромности могу признаться, я был в числе лучших её учеников. Кроме того, однажды она преподала мне хороший урок порядочности. Когда ей, молодому педагогу на педсовете в школе, обсуждавшем представленных к золотым и серебрянным медалям выпускников, предложили прислушаться к мнению вышестоящей уважаемой районной организации и поставить одному из списка на золотую медаль ученику по циклу математических дисциплин «хорошо», чтобы исключить его из списка – она категорически и аргументированно отказалась. Это был поступок и в наших глазах, и в то время.

Кстати, к знаниям, которые я получил по двум предметам в школе: математике и немецкому языку, который вела моя тётя *Канарёва Глафира Ильинична*, с точки зрения их практического использования институтские занятия по этим предметам мало чего добавили.

Белецкий Павел Сергеевич – учитель физики, Заслуженный учитель РСФСР, в бывшем прекрасный футболист, нам ребятам было стыдно не знать физику, в общем-то, нелёгкий предмет.

Садовенко Иван Фёдорович – фронтовик, вёл у меня русский язык и литературу в 6–7 классах, Заслуженный учитель РСФСР. Всегда вспоминаю его поговорку, которой он отчитывал ученика с мягкой, доброй улыбкой на лице, когда тот говорил, что,

мол я думал – «Лошадь думает, у неё голова большая, а мы должны работать, работать и работать...»

Харланова Юлия Филипповна – учитель русского языка и литературы, ленинградка, хорошо была знакома с Анной Ахматовой. Какие удивительно содержательные, порой трагические, порой комические, тематические, посвящённые праздникам, представления нам учащимся и учителям показывал школьный драматический кружок, которым руководила Юлия Филипповна. Выявляла поэтические дарования среди учеников, любящих поэзию и читающих стихи, работала с ними. До сих пор помню, может не точно, стихи её ученика Юры Левина (семья его жила по соседству с Петром Митрофановичем), посвящённые нашему эмоциональному товарищу Пете Шепелеву:

Мысли с ней и о другом,
Взгляд – скользящий по окну.
А урок идёт,
А Петро ведёт
Носом по стеклу.

Наш энергичный и надёжный учитель физвоспитания *Анатолий Никифорович Изотов* вёл несколько секций для учеников в неурочное время. Исполнение сложных элементов в различных видах спорта всегда показывал сам. Все ученики сдавали успешно нормы БГТО, а многие и ГТО всех ступеней, воспитал многих разрядников в различных видах спорта. За все годы занятий ни одной серьёзной травмы не было у учеников.

А как не вспомнить *Смирнова Александра Николаевича*, учителя физики и астрономии. У меня он вёл в 10-м классе астрономию. Александр Николаевич Смирнов – ленинградец, один из первых лётчиков в России, а после революции – в РСФСР и СССР, генерал-лейтенант авиации, был военным атташе в Турции, много путешествовал в молодости, любил поэзию, прекрасно читал стихи, был хорошим рассказчиком, широкоплеч, блондин и вообще красивый настоящий мужчина в свои 72 года. Увлекательно вёл свой предмет, но наибольшее наслаждение мы получали от его рассказов о своей молодости и, слушая стихи в его исполнении. С его легкой руки

мы освоили тогда экзотический для нас, и, видимо, в районе, вид спорта – настольный теннис.

В 1956 году А.Н. Смирнова реабилитировали, он воссоединился с семьёй в Ленинграде. В 1959 году, будучи в Ленинграде, я, гуляя по аллеям парка им. С.М. Кирова, остановился перед стендом известных спортсменов-пенсионеров, увидел фотографию А.Н. Смирнова, под которой было написано: чемпион Ленинграда по настольному теннису.

Я, да и многие мои одноклассники, бесконечно благодарны *Посевину Дмитрию Ивановичу*, за наслаждение, которое мы получали на его уроках истории, за возможность ставить любые вопросы, получать на них убедительные ответы, за возможность и желание дискутировать на любые темы.

Когда я учился в 7-м классе, *Пётр Митрофанович Галушко* в школе организовал кружок лепки. Я попал в него в начале октября 1952 года. Перед кружком была поставлена задача сделать маски деда Мороза из папье-маше, зайчика, лисички, волка, медведя, петуха, кота, яблока, груши, вишни. Сначала по эскизам Петра Митрофановича их мы должны были вылепить из синей глины, основные правила работы с которой и лепки из неё предметов были рассказаны и показаны нам на занятиях, проходивших после уроков 2 раза в неделю в течение первого месяца. В начале ноября каждый из нас получил своё задание. Нас, постоянно ходивших на занятия, в это время осталось учеников 10. Мне выпало сделать маску зайчика.

С постоянной помощью Петра Митрофановича, каждый из нас лепил глиняную пресс-форму фигуры по эскизам, которые лежали перед нами. После чего, форму оклеивали в несколько слоёв бумагой, последние два слоя были из белой бумаги, остальные – из газетной. Всё сохло три дня, после чего маска снималась и раскрашивалась в соответствии с рисунком.

Окончательная доводка маски осуществлялась Петром Митрофановичем. Каждый из нас выступал на Новый год в соответствии со сценарием новогоднего праздника.

Встреча Нового 1953 года проходила в широком и длинном коридоре школы на первом этаже. На стенах зала-коридора с

обеих сторон висели изящные чучела различных птиц из коллекции Петра Митрофановича. Это была одна из запоминающихся встреч Нового года. Чучела изготавливал сам Пётр Митрофанович, и занятия этим приносило ему определённое удовольствие, но в этом я уже не участвовал.

Охотники, зная это, часто приносили ему подранков или убитых птиц. Подранков он передавал Глафире Ильиничне и Жанне, которые лечили их и содержали в большой кухне в цокольном этаже. После выздоровления птицы, как правило, улетали, но были и исключения. Помню, как «привязалась» к тётке Глаше сорока, которая, будучи абсолютно здоровой, могла улететь на 3-4 часа, а потом ко времени полива цветов прилетала, хватала в клюв конец длинной юбки тётки Глаши и так вместе с ней «курсировала» от бассейна, где бралась вода, к цветам, которые нужно было полить, и обратно.

Из убитых птиц Пётр Митрофанович делал чучела, которые хранились в специальном помещении, а часть была вывешена на веранде. Пётр Митрофанович прожил долгую жизнь – 86 лет. Говорят, что измерять человеческую жизнь годами, всё равно, что ценность книги измерять страницами, живописное полотно – квадратными метрами, скульптуру – килограммами. В жизни счёт другой и ценится иное: сделанное, пережитое, продуманное... Думаю, по этим критериям Пётр Митрофанович прожил несколько полноценных интересных человеческих жизней. И это стало возможным только при настоящей любви к своей малой родине – Отрадной и её людям, к своим родным и близким.

В.Н. Петров

**Историческая память:
сотворение и жизнь.
К событиям 9 – 10 августа 2012 г.
в Отрадненском районе
Краснодарского края,
посвященным 50-летию открытия
и изучения Ильичевского городища**

Историческая память – неотъемлемая сторона человеческой жизни, отдельной личности и человечества в целом. Ее нали-

чие обеспечивает существование настоящего и возможность будущего.

Как и все в нашей жизни, историческая память – сложный феномен. Ее содержание и ценностное значение определяется тем, почему и зачем, кем и как она создается, поддерживается в живом актуальном состоянии, насколько полно и бережно сохраняется.

Попробуем представить, в самых общих чертах, как образуется и живет историческая память. Согласитесь: это мы, взаимодействуя с другими людьми, создаем наш материальный мир, конструируем социальную действительность и тем самым создаем нашу жизнь каждый день, здесь и сейчас. В том виде, конечно, как и какой мы ее можем создать. Но неумолимый ко всему, что происходит с нашим участием, бег времени, превращает настоящее в прошлое, в то, чего уже нет. И всякий раз созданное нами и другими людьми «сегодня» на утро следующего дня, недели, месяца, года, столетия, тысячелетия становится «вчера». При этом все действительное и реально определенное, кажется, как карточный домик, рассыпается, превращается в руины и обломки, житейскую пыль, в то, что мы называем прошлым, а его остатки, наши знания и представления о нем – историей.

Сила человека в том, что он обладает высокоразвитой интеллектуальной памятью. Благодаря ей, из того, что создано «вчера», еще необходимо и творчески, инновативно воспроизводится «сегодня». Что называется по памяти о том, как это было «вчера», и с примеркой к тому, что будет «завтра». Другое же – исчезает без следа. Проще говоря, историческая память – это то, что осталось у личности и человечества от некогда действительного и настоящего в виде различного рода свидетельств. Для этого есть понятное всем нам определение – человеческая материальная и духовная культура. Именно в ней находит свое полное выражение историческая память, как застывший слепок со всего, что было, и живая, непрерывно изменяющаяся жизнь. Это то, что и как мы повторяем в наших действиях, отношениях, воплощаем в институты, в большие и малые общности людей.

Все это можно понять как часть исторической памяти, ее материальную и социальную составляющую, память предметно

осязаемую, овеществленную и социально объективированную. Но у исторической памяти есть и духовная субстанция. Это наше обыденное и научное сознание, отнесенное к прошлому, создаваемое житейской необходимостью и целенаправленными усилиями ученых, профессиональных историков, археологов, антропологов, представителей других отраслей наук о прошлом. Это поиски и находки, хранимые индивидуальной памятью отдельного человека и коллективной памятью, начиная с семейной и родовой, бесчисленного множества поколений человечества. Это то, что мы знаем и помним по поводу созданных человеком материальных предметов, его социального и духовного бытия, что живет постоянно в его сознании о фактах и событиях прошлого в виде устных преданий, письменных личных и формальных, обыденных и научных, печатных и виртуальных текстов, изображений.

Что мы ищем среди обломков и остатков прошлого, в этом «вчера»? А то, чему придаем значение и ценностный смысл «сегодня» и думаем, что это будет важно «завтра». А кто создает историческую память и как она транслируется? Давайте посмотрим на этот процесс, его участников и результаты в конкретном живом движении.

Вдалеке от больших и малых городов Краснодарского края, в стороне от больших станиц Отрадненского района, на берегах реки Кувы при впадении ее в мощный Уруп затерялся хутор Ильич. В 16 километрах от него, вверх по течению Урупа, раскинулась поросшая густым лесом гористая местность с высотами более 1000 метров над уровнем моря, с обрывистыми скалами по его берегам.

10 августа 2012 года. По дороге, сразу резко уходящей вверх, изобилующей крутыми подъемами и нелегкими спусками, навстречу палящему, почти полуденному солнцу, упорно преодолевая усталость и неудобства пути, пестрыми группами шествуют люди. Растянувшись на несколько километров, идут молодые и пожилые, мужчины и женщины, дети. Одни одеты по-походному, другие – в повседневном. Одни налегке, другие со съестными припасами для братской трапезы.

Это участники крестного хода и экскурсии, приуроченных к проведению краевой научной конференции «Ильичевское городище как памятник средневековой археологии и церковной архитектуры» [1]. Сама конференция состоялась в станице Отрадной днем раньше, то есть «вчера» и стала историческим событием Отрадненского районного, Краснодарского краевого, а по большому счету, всероссийского и международного масштаба. Сегодня же участники конференции и прихожане церкви Рождества Пресвятой Богородицы после утренней службы и литургии в честь Смоленской иконы Божьей Матери совершают ставший уже традиционным крестный ход.

Так, малоприметная точка на карте и то, что было здесь тысячу и более лет назад, стали местом и поводом по реконструкции, поддержанию, воспроизводству и развитию исторической памяти.

А чем же примечательно это место, кто и зачем создавал и сегодня стремится поддерживать память о том, что происходило здесь в исторической ретроспективе? У места есть историко-археологическое определение – «Ильичевское городище». У истоков того, что происходит сегодня, – научно-исследовательская деятельность Михаила Николаевича Ложкина. Человека-подвижника, человека-легенды, в 1950-х – 1970-х гг. школьного учителя и директора общеобразовательной восьмилетней школы в хуторе Ильич. Его имя чаще других звучало из уст участников конференции. «Теперь уже, в ином столетии, невозможно представить историю кубанской региональной культуры второй половины XX века без имени Ложкина» (С.Н. Малахов. От редактора // Сборник материалов конференции). И все потому, что именно он стал первооткрывателем Ильичевского городища, как затем выяснилось по результатам археологических раскопок, древнего, IX – XIII веков, поселения алан.

Другой, не менее значительный, вклад в открытие и презентацию Ильичевского городища обществу и научному миру совершен виднейшим археологом Кубани профессором Никитой Владимировичем Анфимовым. Именно он вместе с М. Н. Ложкиным в середине 1960-х гг. организовал и со студентами исторического факультета КГПИ им. 15-летия ВЛКСМ провел

три полевых сезона на Ильичевском городище. Тогда были раскопаны и расчищены фундаменты и остатки цоколей 3-х храмов, проведены раскопки древних погребений на прихрамовой территории, а также пещерных погребений в окрестностях городища и по берегам р. Кувы. Этими и последующими экспедициями, под руководством археологов из Краснодарского краеведческого музея В.Н. Каминского и И.В. Каминской, при консультативном участии археолога из Северной Осетии В.А. Кузнецова, здесь были обнаружены остатки пяти храмовых сооружений.

Вот тогда-то, по результатам проведенных раскопок, в исторической памяти появилось научно обоснованное и во многом доказанное предположение, что христианское вероучение в IX – XIII вв. широко распространялось и укреплялось в сознании населяющих Северо-Западный Кавказ народов. Аланы того времени, обращенные в христианскую веру язычники, создали в Ильичевском поселении своеобразный религиозный центр. Иначе как понять, что в ходе раскопок были обнаружены только культовые сооружения – христианские храмы, по архитектуре сходные с теми, что известны в Абхазии и Грузии.

Делая обзор происходящего во время проведения конференции, обратим внимание на наиболее существенные ее составляющие.

В научном содержании конференции достаточно органично сплелись два секционных направления: археология Ильичевского городища и тема казачества Поурупья в событийном и личностном исторических контекстах.

Несомненный научный интерес и ценность представляют доклады **В.А. Кузнецова** «М.Н. Ложкин и интерпретация церкви № 1 Ильичевского городища», **О.Н. Евсеевой** «Ильичевское городище – памятник истории и культуры федерального значения», **Н.Ф. Лысенко** «Древнее христианство Западного Кавказа», в которых приводятся доказательства принадлежности этого археологического памятника к аланской средневековой культуре и влиянии на нее абхазской и грузинской культур. Материалами, представляющими научный обзор археологических раскопок на Ильичевском городище, большой человеческой теплотой

от непосредственного участия в них и общения с М.Н. Ложкиным наполнен доклад **С.К. Филиппова** «М.Н. Ложкин и Н.В. Анфимов – первооткрыватели и исследователи Ильичевского городища».

Живой памятью исследования истории Ильичевского городища стали воспоминания участников археологических экспедиций 1967 – 1968 гг., тогда студентов исторического факультета КГПИ им. 15-летия ВЛКСМ, от имени которых на конференции выступил **В.Н. Петров** (Акулич Н.Е., Андруха С.И., Науменко Т.А., Петров В.Н., Петрова-Хорина Н.Н., Поверенная О.И. «Ильичевское городище-1968. Археологическая экспедиция в воспоминаниях ее участников»).

В значительно большей (24 участника) по объему части конференции представлены доклады и сообщения с обобщающим направлением «*Казачество Поурупья в исторических событиях XIX – XX вв.*». В этих оригинальных материалах нашли отражение самые разнообразные аспекты военной истории, личностных судеб, жизни, быта, культуры кубанского казачества. Прав редактор изданного сборника материалов конференции, когда в заключение предисловия пишет: «...героическая и одновременно трагическая история России не может никого оставить равнодушным! Все исследования объединяет одно: искренняя любовь к родной истории, стремление приблизиться к истине и донести правду истории до сознания соотечественников».

Замысел проведения конференции, его реализация и слаженная работа, четкая организация разнообразных по жанру конкретных событий в ее общей конструкции – все было обеспечено усилиями Отрадненского районного общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца во главе с его председателем **С.Г. Немченко**. Благодаря разуму, неиссякаемому энтузиазму, энергии, целеустремленности и непреклонной воле он стал, по настоящему живым мотором всего происходящего.

Не только своеобразным обрамлением, а местами и неотъемлемым содержанием конференции (и в этом смысле ее можно определить как христианскую), стали выступления, молитвы и молебны, проповеди православных священнослужителей: насто-

ятеля храма Рождества Пресвятой Богородицы станицы Отрадной протоиерея **Виктора Райша**, благочинного Отрадненского округа протоиерея **Анатолия Ложкина**, живое содержательное и духовное участие в ней клирика армянской апостольской церкви, настоятеля церкви Свв. Сака и Месропа (г. Краснодар) **отца Даниила Кукуяна**.

Деятельное, по большей части практическое участие в конференции, посвященной 50-летию открытия и изучения Ильичевского городища, приняли атаманы и казаки поурупских станиц, учителя общеобразовательных школ района: филологи, историки, географы.

Яркий и самобытный ансамбль «Казачий круг» из Москвы под руководством **Владимира Скунцева**, лауреат многих российских и международных фестивалей, наполнил официальную и досуговую части конференции запоминающимся эмоциональным колоритом казачьих фольклорных песенных и сценических постановок.

Актуальнейшим вопросом конференции в ходе ее подготовки, проведения и особенно как результат ее работы стал вопрос практический: как сохранить и развивать, поддерживать в цивилизованном состоянии, на уровне современных требований к археологическим памятникам то, что так бережно и любовно было обнаружено археологами и историками. Об этом, с переживанием боли от потерь и надеждой на благоприятные перспективы, говорили на конференции все участники в своих выступлениях, а также в специальных докладах **Г.Б. Романова** («Уруп и Приурупье в осетинском нартском эпосе») и **В.С. Слащёв** («Перспектива и польза создания Передовско-Ильичевского туристического кластера»). В резолюции конференции содержится обращение к местным и краевым властям обеспечить охрану и финансовую поддержку целостности и сохранности исторического памятника «Ильичевское городище».

Конференция состоялась. Прозвучали доклады и выступления, принята резолюция, изданы материалы. Участники побывали на месте исторических событий, превратившихся в исторический памятник – Ильичевском городище, где состоялись акафист

Пресвятой Богородице Одигитрии, водосвятный молебен и братская трапеза.

И благодаря всему этому историческая память оживает, становится неотъемлемой и очень значимой частью «сегодняшнего», неудержимо устремленного в «завтра». Совершенные здесь конкретными людьми, в конкретное время действия тоже стали историей, сотворенной нашей социальной энергией. Но разве все это – то, что мы снисходительно, частенько определяем «вчерашний день»? Нет же! По большей части история – не умершее настоящее. *Вчера* живет *сегодня* и будет жить *завтра*. Исторической памятью жив и силен человек!

Примечания:

1. См.: Вопросы истории Поурупья. Вып. I.: Ильичёвское городище как памятник средневековой археологии и церковной архитектуры. Материалы краевой научной конференции, посвящённой 50-летию открытия и изучения Ильичёвского городища (Станица Отрадная, 9-10 августа 2012 г.) / под. ред. С.Н. Малахова, С.Г. Немченко. Армавир: Издатель Шурыгин В.Е., 2012. – 300 с.

VII. Из историко-краеведческого наследия С.Д. Мастепанова

У древних стен

Давно мы уже собирались совершить экскурсию к замечательному памятнику древности — Шоанинскому храму. И вот, наконец, настал долгожданный день. Утром в школе собрались любители туризма и экскурсий, а в 9 часов мы были уже под скалой, недалеко от головы «сфинкса» — результата работы сил природы или же рук человеческих. Впрочем, в одном немецком сочинении я когда-то читал, что эти места еще за много столетий до нашей эры посетил египетский фараон. Возможно, египтяне и оставили после себя эту память, вырубив на вершине скалы подобие лежащего сфинкса. Правда, сейчас уже «нос» его отвалился. Но я хорошо помню, когда контуры «сфинкса» выглядели значительно рельефнее.

Отдохнув здесь, около устроенных из стальных тросов примитивных качелей, мы стали подниматься к площадке под «сфинсом». Подъем был трудным и утомительным, но через полчаса мы были уже на площадке. Отсюда взору открылся прекрасный вид на долину реки Кубань и лежащие внизу населенные пункты.

Здесь мы сделали маленькую передышку. А затем пошли в обход скалы на север, чтобы подняться на его вершину. Это был самый сложный участок пути. Еле-еле вскарабкались все на вершину и буквально повалились с ног от усталости.

Решено было сделать привал. Мы подкрепились, а затем, уже по склону горы отправились дальше. Пройдя около километра, немного южнее «Кольца-горы», начали спускаться по ущелью к селу Коста-Хетагурово. Правда, спуск в этом месте нами первоначально не планировался. Мы хотели пройти по горе к истокам речушки Шоаны, а затем уже спуститься вниз по ущелью мимо водопада к Шоанинскому храму. Но часть учеников, видимо, уставших более других, просила сократить маршрут.

Минут через 30-35 мы были уже в Шоанинском ущелье с северной стороны от скалы, на которой находится храм, и дви-

нулись вверх, на юго-запад. Этот путь тоже не из легких. Но зато очень интересный. Слева от нас высилась гигантская скала Шоана — подобия фантастических башен, пирамид и других столь же причудливых нагромождений.

Около часа пути по очаровательному — и мы внезапно вышли к западной стороне Шоанинской скалы, где у подножья и прилепился прекрасный памятник седой старины — Шоанинский храм, построенный в XII веке. Много интересного мог бы рассказать этот немой свидетель грозных исторических событий, которыми так богата наша область. Здесь был перекресток больших торговых путей. Один вел из Византии через Великую Диоскурию (Сухуми) и Клухорский перевал в древнюю столицу некогда могущественного государства алан — Хумару (по-гречески — Схемарис, по-арабски — Камрай), а отсюда вниз по Кубани на Великий Итиль (Волгу) и дальше — к россам. Другой путь шел из древнего города Мапы (в окрестностях Анапы) на восток, через Аланию в Хумару, а затем дальше на восток в сказочную Индию.

Шоанинский храм видел бесчисленные торговые караваны, полчища Тимура-завоевателя и других поработителей народов. Воинственные крики и гиканье сражающихся, торжественные песни победителей, проклятия побежденных, тоска угоняемых в неволю, крики отчаяния, слезы, земля и камни, обильно политые кровью, — все это ушло безвозвратно в прошлое, покрылось пылью, предано забвению. Лишь храм, безмолвный свидетель далекого прошлого, знает все радости и беды прошлого этих мест и молча, с упреком смотрит на нас, не очень-то бережно относящихся к памятникам старины.

Много существует прекрасных легенд и преданий об этом храме. Одну из них, опубликованную во Франции, Германии, Англии и других странах выдающимися европейскими учеными — путешественниками по Кавказу, такими как Фредерик Дюбуа де Монперэ, Потоцкий и другие, я и хотел бы привести.

Предание это говорит, что один из вождей франков (римлян) полюбил жену местного князя и попросил того уступить ее. Князь, боясь разгневаться вождем и тем самым погубить себя и свой народ, попросил дать ему несколько дней на раздумье. Тогда жена князя посоветовала своему мужу сделать так, как просит вождь, но с тем, чтобы он исполнил одно условие.

В назначенный день франки и кабардинцы собрались в Шоанинской церкви. Здесь после богослужения вождь франков и князь произнесли клятву. Затем князь объявил свое условие: он потребовал, чтобы франки удалились от них. И они были вынуждены это сделать в силу данной ими клятвы.

В этом предании, похожем скорее на легенду. Для нас важно отметить, что франки и кабардинцы собрались для клятвы в Шоанинском храме, как священном и почитаемом месте.

По свидетельству грузинского географа и историка XVIII в. Вахушти, в Шоанинском храме была кафедра хумаринского епископа византийской православной церкви.

Этот храм, насчитывающий свыше 800 лет, видел в своих стенах многих видных мировых ученых и путешественников. Так, в 1829 году его осмотрел и срисовал известный итальянский архитектор Иосиф Бернардацци, а еще раньше здесь были ученые Паллас, Клапрот и многие другие.

Долго осматривали мы этот замечательный памятник старины, много говорили о нем. Вспоминались слова Пушкина: «Уважение к минувшему — вот что отличает образованность от дикости...»

От храма наш путь лежал к Шоанинскому водопаду. Правда, Шоана сейчас маловодна, водопад не производит особо сильного впечатления. Но когда в речушке много воды, то зрелище, можно сказать, потрясающее. Представьте себе: бурный поток, разбиваясь с ревом о скалы и поднимающая водяную пыль, падает в глубокое ущелье, дна которого отсюда не видно. Высота водопада будет вероятно метров 25-30.

Усталые, но очень довольные, с массой впечатлений, уже к вечеру мы возвратились домой.

*Опубликовано: Ленинское знамя. 1973.
4 апреля*

И у нас на Бермамыте

Еще в дореволюционных учебниках по географии рассказывалось о так называемых «броккенских видениях». Печатались рисунки, изображающие эти «видения». При этом всегда подчеркивалось, что это явление природы можно наблюдать только в одном месте на земном шаре, а именно — на вершине горы Броккен в горном массиве Гарц, в Германии. С этой горой связано много народных легенд, как, например, легенда о шабаше ведьм в Вальпургиеву ночь.

Дело в том, что в небе, на облаках у горы Броккен возникает фигура гигантского человека, которая в точности повторяет движения наблюдающего или же группы наблюдающих. Наука объясняет это рефракцией (преломлением) лучей света в микроскопических кристаллах льда, которые иногда заполняют воздух в осенне-зимний период.

В 1964 году на земном шаре было обнаружено и второе место, где можно наблюдать такие же «видения». Это — гора Большой Бермамыт в Малокарачаевском районе, высотой в 2.652 метра. Но в отличие от Броккена наш Бермамыт имеет более богатый «репертуар»: помимо увеличенных «автопортретов» на небе иногда появляются самые фантастические картины: по безбрежным морским просторам белокрылыми птицами скользят странные корабли, в лазурной синеве купаются удивительные птицы, по берегам бродят неведомые животные. Иногда на этих пейзажах появляется и человек.

Гипотеза о мираже, выдвинутая учеными для объяснения этого весьма загадочного явления, не является достаточно убедительной, потому что мираж — это как бы приближение к наблюдателю реальных, обычных земных пейзажей, городов, морей и отдельных предметов. Здесь же, на Бермамыте, мы видим как бы телепередачи из царства сказок. На небе появляется изображение таких существ и предметов, каких нет на земле.

Что же это за явление? На этот вопрос еще предстоит ответить.

*Опубликовано: Ленинское знамя.
1974.15 февраля.*

Наш выдающийся земляк (к 110-летию со дня рождения М.И. Бруснева)

В историю революционного движения М.И. Бруснев вошел как организатор одного из первых в России социал - демократических кружков. Он впервые в России организовал в 1891 году празднование 1-го Мая (маевки). В науке он известен как полярный исследователь, чьим именем назван остров в море Лаптевых.

Михаил Иванович Бруснев родился в 1864 году в станице Сторожевой Зеленчукского района Карачаево-Черкесской автономной области в семье хорунжего Кубанского казачьего полка. С 1877 по 1885 год он учился в Ставропольской мужской гимназии, по окончании которой поступил в Петербургский технологический институт.

В революционном движении участвовал с 1881 года. В 1888 году Михаил Иванович устанавливает связь между студентами и рабочими, и из остатков разгромленных групп Благоева и Точисского создает в Петербурге около 20 кружков для подготовки пропагандистов из рабочих. Из этих кружков в 1889 году им была создана социал-демократическая организация, известная под названием «Группа Бруснева». По масштабам своей работы это была самая большая марксистская организация в России того времени. Она объединяла до 20-ти рабочих кружков, занятия в которых проводились по составленной М.И.Брусневым программе. Комитет организовал печатание воззваний и выпуск рукописной газеты.

Н.К. Крупская очень тепло отзывалась о своем руководителе и духовном учителе М.И.Брусневе, в одном из кружков которого она получила революционное воспитание. Вот что она писала: «Я знала Бруснева, в кружок которого входила... Бруснев был чрезвычайно умным и каким-то необыкновенно простым человеком, ушедшим в рабочее движение...».

В 1891 году Михаил Иванович окончил Петербургский технологический инсти-

тут. В это время он установил связь с группой «Освобождение труда», организованной Г.В.Плехановым в Женеве и принял в основу своей деятельности ее программу.

В 1892 году группа Бруснева руководила стачками на заводе Торнтонна и в Петербургском порту: организовала демонстрацию рабочих во время похорон публициста-демократа Н.В. Шелгунова.

Бруснев предпринял попытки соединить все разрозненные революционные группы в единую общероссийскую организацию, но в апреле того же года он и его соратники были арестованы.

Брусневская группа вела пропаганду марксизма в узком кругу передовых рабочих. И все же это была наиболее крупная и наиболее деятельная марксистская организация начального периода развития социал-демократии, подготовившая почву для создания В.И.Лениным «Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1895 год).

Сам М.И. Бруснев заслуженно пользовался любовью и уважением среди рабочих-кружковцев. Он был умелым руководителем и хорошим конспиратором. В его руках находились все нити пропагандистской деятельности группы.

Царские власти жестоко расправились с М.И. Брусневым. Несколько лет он томился в одиночной камере петербургской тюрьмы «Кресты». Из «Крестов» его перевели в Иркутскую тюрьму, где в течение двух месяцев как особенно важного государственного преступника держали в строгой изоляции, а затем в лютые сибирские морозы 12 января 1897 года отправили в далекий Верхоянск.

Как только Бруснев прибыл на место ссылки, за ним был установлен «гласный надзор полиции».

До наших дней сохранились скупые строки архивных документов, рассказывающих о жизни М.И.Бруснева в ссылке. Из ежегодных донесений местного исправника видно, что в Верхоянске, этом самом холодном месте страны, Бруснев занимался овощеводством: выращивал картофель, редис, огурцы. Своим примером он пропагандировал среди местных жителей навыки огородничества. Так завязывалось знакомство, а затем дружба с коренными жителями Севера.

По свидетельству Я.М.Свердлова: «Влияние ссылки на местную жизнь было многогранно. Сказалось ее влияние и на культуруности сибирского крестьянства...». И действительно, первые русские марксисты внесли значительный вклад в изучение производительных сил Сибири. Очень знаменательна в этом отношении научная деятельность М.И.Бруснева.

Когда в начале XX века Академия наук организовала «Русскую полярную экспедицию» для исследования Новосибирских островов и для окончательного разрешения вопроса о существовании легендарной «Земли Санникова», то для участия в ней был приглашен М.И.Бруснев в качестве инженера-геолога.

Экспедицию возглавил русский путешественник, геолог Э.В.Толль. На шхуне «Заря» он пробился к островам через льды трех морей Северного Ледовитого океана. Другая часть экспедиции — «вспомогательная», под руководством путешественника К.А. Волосовича сухопутным путем через Якутск и Устьянск должна была перебраться зимой на острова и здесь встретиться с Толлем.

М.И. Брусневу предстояло участвовать во «вспомогательной» экспедиции. Но местные власти долго не соглашались на выезд Бруснева из Верхоянска, и только когда Волосович дал письменное ручательство губернатору, что он несет личную ответственность «за возвращение поднадзорного Михаила Бруснева на место ссылки», тому разрешили принять участие в экспедиции.

Более двух лет посвятил Бруснев изучению Новосибирских островов. В вечных льдах на острове Ляховском с примитивным оборудованием проводил он буровые работы, составлял геологическое описание островов Новая Сибирь и Котельный, вел ежедневные метеорологические наблюдения. В ноябре 1901 года Бруснев вернулся с островов на материк.

Здесь Михаил Иванович вел метеорологические работы на побережье бухты Тикси, где для него участниками экспедиции была выстроена маленькая избушка, а летом 1902 года перебрался на каменистый остров в бухте и в течение нескольких месяцев вел наблюдения.

Этот остров был назван его именем и нанесен на географическую карту.

Осенью 1902 года с Новосибирских островов на материк не вернулось несколько членов экспедиции во главе с мужественным исследователем Севера геологом Толлем. Поиски пропавших возглавил Бруснев.

Подготовка спасательной экспедиции отняла много времени, так как не было возможности добыть корм для собак. Но все же 11 февраля 1903 года Бруснев выехал на пяти нартах с шестью товарищами на поиски Толля.

Перед отъездом он направил телеграмму в Петербург в Академию наук. В нескольких словах изложил план действий поисковой группы: «Если не встречу Толля в мае ни на острове Фадеевском, ни на островах Новой Сибири, — говорилось в телеграмме, — останусь летовать на острове Новая Сибирь... Из Устьянска выезжаем в начале февраля».

В неимоверно тяжелых условиях полярной зимы, через льды и торосы, в свирепые бураны, постоянно преследовавшие смельчаков, Бруснев и его товарищи перебрались на острова и в течение полутора месяцев вели тщательные поиски пропавших, но никаких признаков жилья и следов им не удалось обнаружить.

В конце марта Бруснев на собственный риск и страх на одной нарте сам предпринял героическое усилие — перебрался на самый северный остров Беннетта, преодолев огромные торосовые льды. Но, встретив неожиданное и непреодолимое препятствие — огромную полынью, тянущуюся на многие десятки километров, Бруснев вынужден был возвратиться назад. Только глубокой осенью, когда стало окончательно известно о гибели Толля и его товарищей, Бруснев возвратился на материк, а затем в Верхоянск.

К этому времени срок ссылки Бруснева истек, и он получил разрешение возвратиться в Петербург для обработки собранных материалов. В 1904 году в «Известиях Академии наук» эти материалы были изданы Брусневым отдельной книгой под названием «Отчеты о работах русской полярной экспедиции 1902-1904 годов».

После многолетних испытаний в тюрмах и ссылке, изрядно подорвавший

здоровье М.И. Бруснев не смог уже вернуться к активной революционной работе, но он всегда оказывал содействие и помощь революционерам, за что несколько раз был арестован царской охранкой.

Когда свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция М.И. Бруснева направляют на советскую и дипломатическую работу. С 1922 по 1929 год он трудится в Наркомторге: в Риге, Ковно, затем в Париже, а начале 30-х годов — в Ленинграде.

Умер Михаил Иванович Бруснев в 1937 году.

Опубликовано: Ленинское знамя. 1974. 11 июля.

Николай Григорьевич Петрусевич

Мало кому в нашей области известно имя Николая Григорьевича Петрусевича. Молодое поколение совершенно не знает, кто такой был Петрусевич и когда он жил. Лишь среди старшего поколения карачаевского народа Петрусевич известен под прозвищем «Зукку-пристоп» («Косой пристав»). Имя «Зукку-пристоп» пользуется среди народа таким уважением и почетом, каким вряд ли кто-либо другой пользовался. Старики-карачаевцы нередко отзываются о нем как о революционере, хотя он таковым, вероятно, и не был. Некоторые называют его даже «отцом карачаевского народа». «Зукку-пристоп» стало собирательным и нарицательным именем всего хорошего. С его именем связано много анекдотов, легенд, рассказов. Его имя с течением времени превращается в фольклорный образ.

Вряд ли кто другой сделал так много для народа нашей области, как Николай Григорьевич Петрусевич. Под его неустанной заботой карачаевцы новые земли и населили аулы: Джегутинский, Каменно-мостский, Тебердинский. С его именем связано развитие народного образования и основание медицинских и ветеринарных пунктов в горных аулах нашей области. При нем в Карачае была проведена земельная реформа, по которой безземельные были наделены землей. Он препятствовал захвату богачами общественных земель.

Н.Г.Петрусевич, сделавший так много для народа, его благосостояния и развития его культуры совершенно обойден наукой. Лишь старики хранят о нем светлую память под прозвищем «Зукку-пристоп», под настоящим именем он совсем неизвестен.

Занимаясь розыском материалов и сведений о Н.Г.Петрусевиче в библиотеке АН СССР, в архиве Русского географического общества и в других крупнейших книгохранилищах и архивах Советского Союза я обратил внимание на то, что сведений о Н.Г.Петрусевиче очень мало, притом почти все они стереотипны, отрывочны. Так, в частности, полностью отсутствовали сведения до назначения его начальником Эльбрусским округом, а также совершенно отсутствуют какие-либо иконографические материалы. Сопоставляя эти сведения, приходишь к мысли, что официальная печать, в силу каких-то соображений не заинтересована была дать полные биографические сведения о Н.Г.Петрусевиче, ограничиваясь в основном только сведениями после назначения его начальником Эльбрусского военного округа в 1865 году.

Однако, несмотря на неполноту собранных мною сведений, я все же решил обобщить их и сделать достоянием народа.

Николай Григорьевич Петрусевич, генерал-майор, родом из дворян, службу свою начал 16 июня 1856 года (по старому стилю) артиллерийским офицером; в 1863 году получил орден св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом; в конце 1865 года он в чине штабс-капитана был назначен начальником Эльбрусского военного округа, в состав которого входил весь карачай и аул Кумско-Абазинский.

Только что созданный в то время Эльбрусский военный округ состоял из сплошного карачаевского населения и не имел даже удобного места, в котором могло бы разместиться управление, а поэтому Петрусевич со всеми своими сослуживцами должен был занять заброшенный пост Николаевский, на высоком правом берегу Кубани, против станицы Красногорской, развалины башни которой сохранились и сейчас, и поселиться в простой казачьей хате, служившей некогда казармой. В этом же невзрачном помещении Николай Григорьевич принимал бывшего тогда Начальника Кубанской области графа Сумарокова-

Эльстона, посетившего округ в первый раз. Помещения этого давно уже нет.

Поэтому Николай Григорьевич, приняв начальство Эльбрусским округом, сразу же приступил к постройке резиденции окружного управления. Место это было избрано на 16 км выше Николаевского поста, где сейчас аул Новый Карачай, на месте бывшей здесь крепости, построенной под руководством ссыльного декабриста офицера Константина Густавовича Игельстрома в 1841 г. Вновь возведенные каменные корпуса составили правильный четырехугольник зданий, обращенных глухими стенами наружу. Строения эти получили название укрепления Хумаринского, по имени бывшей здесь прежде крепости; карачаевцы же называли это место Ак-Кала т.е. «Белая крепость» за то, что наружные стены крепости были оштукатурены известью и белели издали.

9-го января 1873 года он был произведен в полковники и переведен на должность Баталпашинского уездного начальника. В 1875 году Николай Григорьевич был отозван от этой должности и принял на себя, по желанию Великого Князя Наместника Кавказского, руководство экспедицией, назначенное для исследования сухих русел Аму-Дарьи. Поручение это было выполнено Н.Г.Петрусевичем самым блестящим образом; экспедиция под его началом произвела ряд важных научных изысканий. Случившийся после этого прорыв вод Аму-Дарьи по направлению к её старому руслу дал повод к новым исследованиям этой важной среднеазиатской реки. Результаты этого исследования были сообщены лично Н.Г.Петрусевичем Русскому географическому обществу, членом которого он являлся. За эти работы он был в 1879 году награжден Русским географическим обществом по отделению математической и физической географии серебряной медалью.

В 1879 году он был назначен начальником Закаспийского военного отдела и поселился в Красноводске, оставаясь в то время помощником М.Д.Скобелева; в 1880 г. числясь по полевой артиллерии, состоял в распоряжении Главнокомандующего Кавказской армией.

Произведенный в марте 1880 года в генерал-майоры за исследование сухих русел Аму-Дарьи, он принял в конце того же

года участие в экспедиции против ахалтекинцев и 23 декабря 1880 года (по старому стилю) был убит в бою при штурме крепости Геок-Тепе в полном расцвете сил.

Человек очень умный, горячо преданный своему делу, Н.Г. Петрусевич проявил во время своей службы в нашей области такую заботу о местном населении и такое гуманное отношение к нему, что, несмотря на пятилетний промежуток времени, прошедший со времени его ухода из нашей области, симпатии народа к нему были настолько крепки, что после известия о его смерти, к начальнику Кубанской области Н.Н. Кармалину одновременно поступили просьбы от карачаевцев и черкесов с абазинами о выдаче им разрешения похоронить Николая Григорьевича на принадлежащих им землях, причем расходы на перевозку тела из Закаспийского края, похороненного в Петрусевича Садах и устройства памятника как те, так и другие принимали на себя. Карачаевцы настаивали, чтобы им разрешили похоронить Петрусевича на карачаевских землях. Черкесы и абазины ходатайствовали, чтобы им разрешили похоронить Николая Григорьевича на черкесских или абазинских землях.

Начальник Кубанской области Н.Н. Кармалин, не находя возможным решить дело в чью-либо пользу, не оскорбляя чувств других, порекомендовал всем претендентам на прах Н.Г.Петрусевича похоронить его в Черкесске (быв. Баталпашинске), так как Н.Г.Петрусевич всем им одинаково дорог. 7-го января 1881 года, по предложению Н.Н.Кармалина в Войсковом соборе торжественно отслужена была панихида по Николаю Григорьевичу, на которой присутствовали многие из представителей гражданской и военной администрации края.

«Итак, ждем тебя доблестный герой закаспийских степей, товарищ и сослуживец. Пусть же этот уголок, в котором ты провел лучшие годы и вложил свой ум, душу и сердце, примет и успокоит твой прах, а гражданские подвиги твои и память народная да послужат нерукотворным памятником у твоей могилы», — писал корреспондент в заключение своего некролога о Н.Г.Петрусевиче.

24 апреля 1881 года в 7 вечера в Черкесск прибыл прах генерала Петрусевича.

Население встретило его весьма сочувственно, выразив добрую память покойнику. 25 апреля того же года состоялось отпевание и погребение праха генерала Н.Г. Петрусевича. Он был похоронен в западном углу теперешнего парка напротив Дома Советов. Над его могилой был сооружен памятник, но в 30-х годах 20-го столетия памятник и гроб с прахом покойного были убраны отсюда. Есть сведения, что прах его был увезен карачаевцами и похоронен где-то на карачаевских землях.

Не лишним будет напомнить еще слова некоторых высокопоставленных лиц о Н.Г.Петрусевиче: «Потеря такой светлой личности, как Н.Г.Петрусевич действительно незаменима: это был рыцарь правды и честности» (Наказной атаман Кубанского казачьего войска — «Кубанские областные ведомости», 1881. № 2).

«Смерть генерала Петрусевича есть тяжелая, едва ли заменимая потеря» (генерал М.Д. Скобелев).

Отличаясь безукоризненной честностью, Петрусевич строго сохранял и интересы казны и простого народа и на этой почве нажил себе немало врагов. Помимо своей служебной деятельности он находил время заниматься научными исследованиями. Он много содействовал успешной подготовке экспедиции Скобелева Ахал-Теке и, между прочим, исследовал северовосточные провинции Хоросана, смежные с ахал-текинским оазисом, что после взятия Геок-Тепе получило большое значение. Свои ученые труды и исследования Кавказа и Закаспийского края Петрусевич помещал в «Записках Кавказского отдела Русского географического общества».

В последние годы, будучи назначенным на пост начальника Закаспийского отдела, Николай Григорьевич и здесь нашел богатую почву для своих научных работ: он посвятил все свое свободное время изучению топографии и этнографии вверенного ему края и прилегающих к нему стран. Результатом этих работ явились три монографии, составившие XI книгу «Записок Кавказского отдела ИРГО: Туркмены между Узбоем и северными окраинами Персии», «Северо-восточные провинции Хоросана» и «Юго-восточное побережье Каспийского моря и дороги от него в Мерв». Кроме того, им написано еще несколько работ этногра-

фического характера, среди них посвященные нашей области «Борьба с леопардом») о схватке с леопардом в Старом Карачае», «Заметка о карачаевских адатах по долговым обязательствам».

Чрезвычайно верная характеристика на Николая Григорьевича была дана «Кубанскими областными ведомостями», которые, помещая известие о его смерти, писали, что служебная деятельность Николая Григорьевича сперва в должности начальника Эльбрусского округа, а потом Баталпашинского уездного начальника является выдающимся: примером беззаветной преданности делу, полного самопожертвования на пользу края и народа, заботы о котором всецело наполнили собою существование покойного. В сердце горцев Баталпашинского уезда безгранично веривших Николаю Григорьевичу, имя его пользуется таким глубоким уважением какого, вероятно, удостоиваются немногие».

Заканчивая свою статью, я выражаю надежду, что имя Николая Григорьевича Петрусевича будет извлечено из забвения и послужит стимулом для дальнейших исследований его жизни и деятельности. Чествуя память Николая Григорьевича, 85 лет со дня смерти которого исполнится 5 января 1965 года, мы тем самым отдаем должное его мудрому и гуманному правлению в нашей области. Его имя, по праву должно занять одно из первых мест в истории нашей области.

20.X.1963.

Мастепанов С.Д.,

учитель-краевед школы № 23.

Публикуется по машинописной копии.

Краткий исторический очерк поселка Шахта № 6 (с древнейших времен до настоящего времени)

Современный поселок Шахты № 6 расположен на территории древней Хумары, бывшей столицы некогда могущественного Аланского государства. Уже в глубокой древности здесь существовало поселение, что подтверждается сведениями античных историков и многочисленными ар-

хеологическими находками. Так, например, в огороде Мастепанова С.Д. на глубине 1,67 м было обнаружено погребение, в котором находились два глиняных кувшина. Эту могилу осматривала Татьяна Максимовна Минаева, главный археолог Ставропольского края, и по найденным предметам, а также по форме захоронения она определила, что могила относится к эпохе начала бронзового века, т.е., здесь уже 4 тыс. лет назад было поселение. Подобных захоронений в окрестностях поселка, а также и на территории поселка очень много. Правда, не все они относятся к одному периоду. Хронологически все захоронения как на территории поселка, так и в окрестностях его охватывают период с 2000 лет до н.э. до конца XVIII в. нашей эры. Следовательно, на основании археологических данных, определенно можно сказать, что на месте современного поселка Шахта № 6 существовало в течение 3800 лет другое поселение, которое впоследствии античные историки называли Хумарой.

В прошлом горные районы нашей области были густо заселены. Древняя Хумара являлась политическим и культурным центром Аланской державы. Она находилась в центре своей страны, а также на скрещивании двух важных в прошлом торговых путей. Один из них вел от Сухуми (Великих Диоскурий), через Клухорский перевал, по Теберде, а затем по Кубани, через Хумару и дальше на Волгу (Итиль). От Невинномысска отходили также другие пути к аланским городам, находившимся на месте города Ставрополя и его окрестностей.

Другой торговый путь вел от древней генуэзской колонии Мапа (Анапа), через нынешнюю станицу Саратовскую, далее через реки Белую, Лабу, на Уруп, а затем через нынешние станицы Сторожевую, Зеленчукскую, Кардоникскую, пос. им. Орджоникидзе (Шахта № 1), а затем по Маре в Кабарду и дальше в Дагестан – Азербайджан – Индию. Был еще один путь от Хумары в средневековый город Маджары, расположенный между рекой Буйвола и Кумой. Это был богатый золотоордынский город, разрушенный в конце XVIII в. разбойничьими полчищами хромого Тимура (Тамерлана), пришедшими сюда для грабежа и разбоя из Закавказья.

На всем пути от Мапы до Азербайджана генуэзцами были установлены дорожные камни-указатели, а также отдельные фактории и укрепления. Одним из таких укреплений-факторий являлось Хумаринское городище, находящееся на высоком плато на восток от аула Хумара.

Хумаринское укрепление было одним из наиболее мощных укреплений на Кавказе. Длина стены его составляла 2 км 100 м, толщина в некоторых местах составляла до семи метров. Оно имело не менее 10 башен, в укрепление был проведен глубоко под землей водопровод, вода в который поступала из-под Белой горы самотеком. Это укрепление защищало столицу с севера и востока, а также являлось в позднейшее время генуэзской торговой факторией.

По найденным здесь стрелам и по каменистым ядрам, находящимся внутри укрепления, Е.П.Алексеева определила, что укрепление было разрушено монголо-татарами в XIV в., вероятнее всего, Тимуром во время его карательного похода против непокорных аланов от Бештау до Эльбруса.

Хотя сейчас вопрос о постройке этого укрепления для местного населения, кажется, решен окончательно. Однако, все же определенно сказать, кто именно построил его – данных нет. Приведу, тем не менее, кое-какие материалы, имеющие прямое отношение к этому вопросу.

Так, например, побывавший здесь в 1899 году историк и этнограф А.Н.Дьячков-Тарасов сообщает, что в 1896 году он слышал от стариков-карачаевцев, что по преданиям здесь жил народ «там-лала», неведомо куда исчезнувший, что он-то и построил это укрепление. Быть может это и недалеко от истины. О том, что это укрепление строилось не итальянцами (венцианами или генуэзцами) говорит еще и тот факт, что вещественные доказательства говорят другое. Если бы итальянцы действительно строили это укрепление, то они уж, конечно, где-либо на камнях отразили бы это, но этого как раз и не наблюдается здесь. А, наоборот, здесь были обнаружены на каменных блоках рунические письмена.

С восточной стороны местность около укрепления легко доступна: здесь образуется естественный перешеек, отделяющий место укрепления от прилегающего к нему

плато. Здесь находится сейчас очень большой полуразрушенный Курган, названный нами «Холмом военачальника». Происхождение его искусственное. Производимые там Алексеевой Е.П. археологические раскопки показали, что он был сооружен из тесаных массивных камней, а кругом и сверху покрыт толстым слоем земли. Вероятно, на его вершине была башня, охраняющая подступ к стене, так как здесь наиболее легкое доступное место. Окружность этого холма у основания 600 м., наверху — около 100 м, высота его приблизительно 20 м. Площадь всей крепости внутри — около 30 гектаров. По рассказам жителей Хумары, подземный водопровод подавал воду еще при их памяти, но при ремонте дороги на восток от укрепления под землей были повреждены глиняные трубы водопровода.

В крепости снизу был также подземный ход. Стены укрепления в некоторых местах были двойные, с проходом между ними. Кроме того, по рассказам стариков, в северном углу укрепления были большие подвалы. Как в самой крепости, так и в окрестностях ее жители часто находили, да еще и сейчас находят разные предметы и памятники далекой старины. Так, например, по рассказам учителя Хумаринской школы Д.Х.Бесленеева, в крепости в подвалах были обнаружены большие слитки (круги) воска килограммов по 35-40, вероятно еще со времен гемузской торговли. В окрестностях имеется много других исторических памятников, связанных с жизнью здешних обитателей: загадочные бассейны, подвалы, подземные башни и т.д. Историк Карачая Е.Д. Фелицын, посетивший Хумару еще в прошлом веке, отметил на левом берегу Кубани против этого аула на территории нынешнего Кирпичного завода и аула Кумыш развалины древнего города.

Другое, правда, значительно меньшее укрепление, защищавшее столицу Аланского государства с запада, находилось на высоком плато выше балки Кара-Кент. Еще один комплекс укреплений находился в верховьях левого ущелья Кубрани, так называемое укрепление «Тамара». Кроме того, в верховьях Кубранской балки под Белой горой с востока на запад имелись еще глубокий ров и заградительный земляной вал. Вот, в основном, обнаруженный пока нами главный комплекс оборонных укреп-

лений, защищавших Древнюю Хумару, столицу Аланской державы. Вероятно же, что укреплений было больше, но семь веков времени и человеческая деятельность бесследно уничтожили многие из этих укреплений. И все же то, что еще сохранилось, дает нам хотя бы приблизительно представление о могуществе древней Хумары. В период своего наивысшего расцвета Хумара была большим городом, занимавшим огромную площадь от аула Сары-Тюз до Карачаевска включительно, по Кубани также и по впадающим в Кубань на этом отрезке мелким притокам с правой и левой сторон. И центр столицы, вероятно, находился от селения Коста-Хетагурово до сегодняшней Хумары. Это подтверждается особенно богатыми археологическими находками именно на этой территории. Вероятно здесь же и находилась царская резиденция. Так, например, около селения Коста-Хетагурово на высокой скале еще и сейчас стоит красивый храм, построенный в 1147 году. В 1829 году эту церковь увидел известный итальянский архитектор Иосиф Бернардацци. В своем докладе на имя начальника Кавказской области генерала Емануэля он писал, что «увидел храм, построенный по всем правилам архитектурного искусства: по плану собора Святой Софии в Константинополе, только меньшего размера. На территории поселка Шахты № 6 нами была обнаружена медная гробница, правда в слишком деформированном виде, переданная в Ставропольский краеведческий музей. По словам хозяина огорода Евренко Д., где была вырыта гробница, на том месте был целый комплекс погребальных сооружений с мавзолеем, памятниками, украшенными высеченными на каменных плитах и других предметах всевозможными изображениями и надписями, а также с подземным ходом, ведущим на восток от мавзолея. Все это дает основание предполагать, что это была, скорее всего, царская гробница или же, в крайнем случае, мавзолей какого-то выходца из высокопоставленного аристократического рода. К сожалению, все эти ценные вещественные свидетельства были варварски уничтожены владельцем огорода. Кроме того, здесь же мною, совместно с Т.М. Минаевой, было предположительно установлено место когда-то большого собора, где нашими учениками

был найден крест-энколпион и множество других крестов различных размеров и различных форм. И, в дополнение ко всем ранее сделанным открытиям на территории нашего поселка можно еще назвать открытие в прошлом году двух стел, воздвигнутых, вероятно, в ознаменование каких-то важных событий в жизни государства и установленных недалеко от царской резиденции, в центре, как это обычно практиковалось. О том, что древняя Хумара играла большую роль не только в жизни своего государства, но и в международной жизни, свидетельствуют латинские, греческие, арабские, персидские, грузинские и другие древние историки. По сообщениям античных писателей, сюда, в Хумару, древние греки ссылали своих политических преступников или политически нежелательных лиц, из которых с течением времени здесь образовалась культурная прослойка, положившая начало распространению христианства среди народов Северного Кавказа. Здесь, в Хумаре, была кафедра епископа Хумаринской епархии, находившаяся в религиозном подчинении у византийского патриарха. По сообщениям византийских историков, в первой половине VIII в. н.э. в Хумаре несколько лет прожил византийский император Лев Исавр. Из сохранившихся памятников древней аланской столицы Хумары остался лишь один наиболее замечательный храм, около селения Коста-Хетагурово, о котором я упомянул выше. Это великолепное архитектурное сооружение неоднократно осматривалось и описывалось как русскими, так и иностранными учеными и путешественниками. Кроме Иосифа Бернардацци, описание и рисунки этого храма помещены в сочинении французского путешественника и ученого Дюбуа де Монперэ в 6 томе его «Путешествий», изданных в Париже в 1843 году на французском языке, а также в записках другого французского путешественника – Жилля, изданных в Париже в 1858 году на французском языке.

Как было уже сказано выше, горные районы нашей области были густо заселены, о чем упоминают античные путешественники и ученые, побывавшие здесь в то время. Так, например, знаменитый арабский историк и путешественник X в. н.э. Масуди, посетивший Аланию, писал: «Царство его

(царя Алании) представляет непрерывный ряд поселений настолько смежных, что если кричат петухи, то им откликаются другие во всем царстве».

И Хумара, как центр Аланской державы, в период своего расцвета представляла собой довольно большой и оживленный город. Особенно же большое оживление царило в городе в праздничные дни и в дни прибытия больших торговых караванов из Византии, Руси и даже из далекой Индии (например, из Индии доставлялись раковины-каури, использовавшиеся и как украшения, и как деньги). Купцы продавали предметы вооружения, золотые и серебряные украшения, сосуды, бусы из полудрагоценных камней из Средиземноморья, стран Передней и Малой Азии, расписную глиняную посуду, роскошные ткани, художественные изделия из золота, серебра и бронзы, стеклянную и металлическую посуду, оружие, шлемы, панцири, украшения, а также вино и оливковое масло из Греции. Взамен этого купцы получали скот и продукты скотоводства — кожу, шерсть, мед, воск, меха, а больше всего рабов. Из рабов особенно ценились красивые девушки, которые шли на пополнение восточных гаремов султанов, падишахов и других высокопоставленных лиц и молодые сильные юноши — не только для тяжелой физической работы, но и для пополнения военных отрядов. Через Хумару проходил также «шелковый» караванный путь из Хорезма в Византию.

Здесь же, в Хумаре, были и свои оружейные мастерские, изготавливавшие преимущественно мечи, щиты, топоры, ножи, а также конскую сбрую, серпы и другие хозяйственные железные и деревянные предметы. Особенно большим спросом пользовалось оружие. Остатки одной из таких оружейных мастерских обнаружены в огороде С.Д. Мастепанова, автора настоящего очерка, где в развалинах плавильных печей было найдено много железного шлака.

Аланы, появившись на Северном Кавказе в I в. н.э. уже в V в. играли видную роль в международных отношениях. Так, царь алан Саорий (Сарозий, Сарой – 558-572 гг.) на всем протяжении своего правления проводил последовательную политику союза с Византией. Через Сарозия вели переговоры с Византией авары. Он пользовался большим влиянием и уважением, ему

вынуждены были оказывать почет послы тюркского завоевателя Турксанфа. В 572 г. Сарозий оказал помощь армянам в борьбе против Ирана. События, связанные с арабско-хазарскими войнами VIII – IX вв. затронули и Аланию. Царем алан в то время (VIII в.) был Итаз. Так же как и Сарозий, он был союзником Византии. Византийцы пытались направить силы алан против арабов и их союзников, в частности, авазгов / абхазцев. Эти попытки увенчались успехом. Византийский посол Лев уговорил алан выступить против правителей Абхазии.

В X в. влияние Византии в Алании еще более усилилось в связи с принятием аланами христианства. Память о политических и культурных связях с византийцами (римлянами-ромеями-румами) сохранилась в топонимике (например, название «Рим-гора») и в фольклоре народов Карачая. Особенно высокого политического и культурного уровня достигла Алания в X – XI вв. Стремление феодалов закрепить власть в своих руках привело к образованию Аланского раннефеодального объединения с чертами государственности. Письменные источники называют Аланию того времени «великой» державой, имевшей единого царя, значительные военные силы, столицу Маас и другие города. Одним из важнейших центров Алании была территория нынешней Карачаево-Черкесии, а именно Хумара и верховья реки Зеленчука. Здесь была резиденция аланских царей, в частности, Доргулеля Великого (XI в.) и Худдана (дедушки царицы Тамары, XII в.) Здесь находился центр Аланской митрополии, кафедральный собор, сосредоточены крупные города, проходили важнейшие торговые пути. Только по одной Кубани от современного Карачаевска до Черкесска ученые-археологи прошлого века Нарышкины, Фиркович, Фелицын и другие установили места около десяти больших городов. Много также было больших аланских городов и по другим рекам — по Зеленчукам, Кефаре, Урупу, Теберде и других местах. Аланский царь в случае необходимости мог создать народное ополчение в 30-40 тыс. человек. Но была и постоянная сила, на которую опирался царь — дружина, содержащаяся на средства, получаемые в качестве дани и на доходы от собственного имущества царя. О постоянных гарнизонах крепостей — до

тысячи человек и более, состоявших из дружинников, сообщает анонимный персидский автор X в. н.э. в «Книге границ мира» и другие источники. Царь имел свиту, состоявшую из крупных феодалов. Так, упоминание о свите царя Доргулеля Великого имеется в грузинских летописях. О значении аланских царей говорят династические браки: крупнейшие владыки той эпохи — византийские императоры, грузинские цари, русские князья женились на аланских царицах и считали такие браки вполне равноправными и даже весьма почетными и желательными. Так, например, сестра царя Доргулеля Великого царица Борена была замужем за грузинским царем Баграта IV (1027 – 1072), дочь аланского царя Худдана, царица Бурдухан (Бурдухан, мать царицы Тамары) была замужем за грузинским царем Георгием III (нач. XII в.). Особенно крепкие связи у Алании были с Грузией и Византией. Влияние Византии особенно усилилось еще в VI в. н.э. во время византийско-иранских войн. Аланские дружинники участвовали в этих войнах Византии и после VI в. — в X и в XI вв. и позже. За свою службу аланские воины получали плату золотом и богатыми подарками, например, так называемыми юстиниановскими поясами (по имени византийского императора Юстиниана Великого) с золотом и серебряными бляшками и пряжками — по типу найденного у ст. Преградной.

Наивысший расцвет Аланской державы представлен в нашем районе сохранившимися замечательными архитектурными памятниками, как Шоанинский храм, церковь аула Нижняя Теберда, построенные при аланском царе Худдане в 1171 г. К этому времени, вероятно, относятся и развалины «замка Тамары» в верховьях р. Кубрани.

Свидетельства былых связей Хумары с Византией служат также и многочисленные находки на территории пос. Шахты № 6 и Хумары различных предметов византийского происхождения. Так, например, учащимися найдено много металлических крестов различных размеров и различных форм. Два из них изучались известным ученым, специалистом по аланской проблеме, В.А.Кузнецовым. И оба по его определению, являются византийскими. Подобные кресты имеются лишь в Ватикане.

С конца XI в. власть аланских царей стала ослабевать. Усиление феодальных отношений приводило к усилению власти и увеличению богатства отдельных феодалов-князей, которые стали собирать дань только в свою пользу, не делясь с царем. Все это привело к распаду Аланской державы. В конце XII – начале XIII в. в Алании наступил период феодальной раздробленности. Посетивший в это время Аланию доминиканец Юлиан писал: «Здесь столько местечек, сколько князей, из которых никто не считает себя подчиненным другому. Здесь постоянная война князя с князем, местечко с местечком, во время пахоты все люди одного местечка, вооруженные вместе, отправляются в поле, вместе косят..., выходя за пределы своего местечка для рубки дров, идут все вместе вооруженные...»

И так все время: вооруженные, постоянно готовые к смертельной схватке. Единой Аланской державы уже не было, а были многочисленные аланские поселения, враждующие между собой постоянно. Лишь один день в неделю — в воскресенье, можно было ходить невооруженным где угодно, не боясь нападения. Даже злейшие враги могли встречаться друг с другом. И это правило никогда и никем не нарушалось. Если кому-либо крайне необходимо было в другие дни недели покинуть поселение, то он отправлялся в путь невооруженным, неся перед собой на высоком шесте крест. Если же нужно было проезжать по чужим владениям, то для этого надевали специальную одежду с нашитыми по бортам маленькими колокольчиками и по размерам бус, которые издавали мелодичный звон. Все это символизировало мирные намерения путника. И если в период объединения Алании города и поселки не были изолированы друг от друга, сообщение между ними было свободным и безопасным, то в период феодальной раздробленности люди, говорящие на одном языке, родственные между собой, стали опасны друг для друга больше, чем дикие звери. И не случайно, что возникшие в этот период городища Верхней Кубани упрятаны самой природой, изолированы друг от друга. Фортификационные же сооружения лишь дополняли защиту поселений, обеспечиваемую природой (как, например, Джаширин - Кала, Гиляч, Хумара и др.)

Итак, могучая Аланская держава распалась. А с севера в это время ползло на Аланию, закрывая весь небосклон с востока на запад, поднимаясь вверх, огромное облако пыли, озаряемое горевшими поселениями и стойбищами кипчаков. Это двигались, подобно хищным зверям, бесчисленные полчища жестоких и коварных монголо-татарских завоевателей.

Первый поход монголо-татар на Кавказ и Русь был совершен в 1222 – 1223 гг. Отряд монгольских войск, посланных Чингизханом из Средней Азии, прошел в Дагестан и с юга, по берегу Каспийского моря, вышел Предкавказье. Арабский историк Ибн-ал-Асир (1160-1237 гг.) описывает, как монголы, посеяв вражду между аланами и кипчаками, порознь разбили тех и других. Разбив русские войска на Калке (1223 г.) монголы возвратились в Азию по северному побережью Каспийского моря. Поход 1222 – 1223 гг. носил разведочный характер, он не привел еще к установлению господства монголов над народами Карачая. Разбитые в первом столкновении с монголо-татарами, низменные аланские князья с остатками своих подчиненных ушли в горы Карачая и обосновались на новых, более труднодоступных местах. Вероятно, после первого поражения, аланы воздвигли новую полосу укреплений, такие как Кызыл - Калининское, Адиухское и др.

О многолетней безуспешной осаде монголами аланских крепостей свидетельствует итальянский путешественник Плано Карпини. О безрезультатных попытках завоевателей подчинить своей воле население горной Алании, в том числе и Хумары, говорит и Гильом де Рубрук: «Черкесы, Аланы, Асы, — по его словам, — все еще борются против татар».

В 1235 г. монголы совершили второй поход. Внук Чингизхана Батый, или Бату, возглавил этот поход. На этот раз монголы вторглись в половецкие степи с севера. Сильное сопротивление завоевателям оказывали народы асут, серкесут и булгар, т.е. аланы, черкесы и болгары.

В 1233 –1239 гг. монголы предприняли поход на Центральный Кавказ против алан. В результате этого похода были захвачены в плен вожди покоренных народов — кипчакский Бачман, черкесский Тукбаш и асский Иджис.

Монголы заставляли алан, черкесов и другие завоеванные народы принимать участие в их военных походах. Впрочем, некоторые представители местной знати добровольно шли на службу и делали блестящую карьеру.

Народы Карачая героически сражались с монголо-татарами. Была выстроена цепь оборонительных сооружений, преграждавших монголам путь в горы. Возможно, именно в это время были построены некоторые башни, известные в Карачаево-Черкесии (над Хурзуком, между Жако и Красногорской и в других местах). О сильном сопротивлении народов Кавказа, в том числе алан и адыгов, говорят, прежде всего, источники, принадлежавшие самим монголам («Сокровенное сказание»). Китайская история монголов Юань-Ши свидетельствует о том, что монголы в течение многих лет не могли взять местные укрепленные пункты, в том числе аланский город Мецису, или как его называют иначе — Ма-Ас. В 1253 Вильгельм Рубрук писал, что монголы должны были держать свои военные отряды в постоянной боевой готовности, так как аланы выходили из гор и похищали их стада. Таким образом, население горного района нашей области продолжало упорную борьбу с монголо-татарскими захватчиками.

В конце XVI в. по Северному Кавказу огнем и снегом прошел среднеазиатский завоеватель Тимур-Ленг (Тамерлан). Разгромив в 1395 г. войска золотоордынского хана Тохтамышша, Тимур в 1396 г. прошел до Кубани. Земля горела под ногами воинов Тимура, так как черкесы подожгли траву в степи. Затем, по словам персидского историка XV в. Шереф-ад-Дина Йедди, Тимур провел свои войска к горе Эльбурз (Эльбрусу). Они вырубали леса и по просекам прокладывали дорогу: разоряли и сжигали населенные пункты, встречавшиеся на пути. Жителей убивали или уводили в плен. О многочисленных и труднодоступных крепостях аланов-асов в верховьях Кубани и ее горных притоках говорят цитированные выше персидские историки, современники Тимура, Низам-ад-дин Шами и Шерер-ад-дин-Йезди. В хрониках, составленных по поручению самого Тимура, они подробно описывают военные экспедиции, предпринятые знаменитым полководцем из Прику-

банья в сторону Эльбруса. После жестокой осады укрепленные поселения алан были разрушены ценою больших усилий и жертв. Особенно больших усилий и жертв потребовало взятие крепостей Кула и Тауса, пишет Шереф-ад-дин-Йезди. Под именем Тауса подразумевалась крепость Джаширинкала, а под крепостью Кула, вероятно, Хумара.

Итак, свыше 170 лет упорно сопротивлялась Алания с Хумарой монголо-татарам и отстаивала свою независимость. Но в 1396 г. она все же была захвачена Тимуром и разгромлена. Осада Хумаринской крепости < ... > здесь был подход к крепости. И хотя с этой стороны она имела особенно мощные укрепления, все же выдержать такой сильный натиск и огромное превосходство в силах не смогли; захватив крепость, монголы жестоко расправились с храбрыми защитниками. По словам стариков-хумаринцев, с северной стороны в западном углу были вскрыты огромные подвалы, забитые скелетами от истлевших трупов, вероятно, порубанных и сваленных туда монголо-татарами. Говорят еще, что когда были вскрыты эти подвалы, то оттуда вырвался такой удушливый воздух, что над входом невозможно было стоять от спёртого запаха.

Конец XIV в. был самым трагическим для аланского народа. Бывшая некогда могучая Аланская держава прекратила свое существование. 1400 лет аланы играли видную роль в мировой истории и теперь, после 170 лет героической борьбы, ее последние храбрые защитники были уничтожены, их города и села были в развалинах и под слоем пепла. Большая часть защитников была уничтожена, часть попала к монголо-татарам в качестве рабов, а некоторые даже добровольно перешли на военную службу к завоевателям. И лишь незначительная часть укрылась в труднодоступных дебрях Кавказских гор, или же ушла через горы в Грузию, в современную Южную Осетию.

Какова же причина поражения аланского народа и гибели их царства? Основная и самая главная причина — это феодальная раздробленность Алании перед нашествием столь опасного и грозного противника. Если бы это произошло во времена Доргулея Великого, то монголо-татарское нашествие для Алании не представля-

ло бы никакой опасности, и нашествие было бы отражено. Монголо-татарам пришлось бы попросту убраться куда-либо от границ Алании. Ведь, несмотря на весьма благоприятные для своей завоевательной политики условия – в частности, раздробленность Алании на множество самостоятельных княжеств, монголо-татарам все же пришлось затратить 170 лет, чтобы окончательно покорить Аланию. Ведь даже из письменных источников известно, что в то время как одни князья упорно защищали свои города и местечки, другие же отсиживались в своих укреплениях в надежде, что завоеватели, понеся большие потери при штурме чужих укреплений, ослабеют настолько, что не смогут успешно штурмовать его укрепления. А некоторые князья, как было уже сказано выше, даже со своими воинами переходили к монголо-татарам на службу, так как те давали им хорошее вознаграждение, и не без умысла – перешедшие на их сторону аланы хорошо знали местность, условия ведения войны в горах, и занимались переманиванием своих соотечественников на сторону завоевателей. Все это подрывало единство аланского народа и его моральные устои, которые, в конечном счете, привели к гибели Алании.

С падением Хумары, с падением последних оплотов Алании некогда богатый и густонаселенный край — территория бывшей Алании от Черного моря до Каспийского, превратилась в пустыню. Города и поселки лежали в развалинах, покрывались наносами земли и порастали травой и деревьями. В степях и в горах, получив полную свободу, размножались дикие звери, хищные и травоядные: волки, медведи, зубры, шакалы, гиены, пантеры, леопарды, олени, лисы, зайцы. Развелось также много змей, гадюк, удавов и др. пресмыкающихся. В реках и озерах появилось очень много дикой водоплавающей птицы, а также рыб. В скалах, в травах и камышах было много голубей, беркутов, орлов и другой птицы, ведь охотиться на них было некому. Степи поросли густыми и высокими травами, с гор на равнины надвигались кустарниковые и лесные заросли. Полноводнее стали реки. И путешествие по нашим местам было тогда столь же опасным, как и по саваннам Африки и в тропических лесах: опасность подстерегала отовсюду.

Завоеватели ушли, и свыше двух сот лет хозяевами здесь были дикие звери да стихийные силы природы. Но вот мало-помалу на свободные пустынные земли стали собираться и селиться уцелевшие от монголо-татарского нашествия племена. С запада в нашу область, а именно в верховья рек Большого Зеленчука, Кефара, Бежгона и Урупа, начали уже с XIV в. принимать выселившиеся из Закавказья абхазские племена – абазины. В это время с нижней Кубани в северо-западную часть нашей области стали переселяться бесленеи. И, наконец, в 30 – 40-е годы XVII в. вниз по Кубани от современного Карачаевска поселились ногайские аулы. Привольно зажили на богатых плодородных землях новые пришельцы. Но уже в 1736 году калмыцкий хан Дондук-Омбо вместе со своим сыном Галдан-Нармой вступает с огромным войском в наш район. С дикой жестокостью монгольских завоевателей калмыки огнем и мечом превращают этот вновь расцветший уголок в сплошное кладбище: все поселения разрушаются ими и сжигаются, мужское население поголовно, от грудных детей до стариков, вырезается, а женское уходит в рабство. И опять все стало пустынно. Все стало достоянием диких зверей. Лишь два кладбища на восточном склоне горы около пос. Шахты № 6 остались нам в наследство от бывших здесь ногайских аулов.

Обладея прекрасными географическими, природными и экономическими условиями, а также своим важным стратегическим положением, так как находился на пересечении крупных международных путей, Карачаевский район на протяжении своей многовековой истории являлся ареной бесконечных войн за право владения им. Последовательное вторжение в нашу область скифов, гуннов и разных сарматских племен оставило после себя многочисленные археологические памятники в виде курганов, могильников, полуразрушенных башен, оборонительных рвов и т.д. На развалинах скифской кочевой державы образовалось впоследствии Аланское государство, которое пытались подчинить своему влиянию Византия и Персия. В конце XIV в. Алания, как государство, пало под натиском монголо-татар, но ее богатые земли остались «яблоком раздора» теперь уже

между Турцией и Россией. Особенно острая борьба протекала с конца XVII в. Во всех этих войнах Россия по отношению к народам Карачая играла более прогрессивную роль, так как она стояла на более высоком культурном и научном уровне, чем Турция. Хотя намерения России и были, в основном, колониальными, но все же с присоединением народов нашей области к России происходило приобщение этих народов к европейской культуре и науке. Владычество Турции ничего не могло дать народам кроме средневекового мусульманского фанатизма, произвола и невежества.

И вот, в 1768 году, началась вторая русско-турецкая война, которая продолжалась до 1774 года и закончилась поражением Турции. 10 (21) июля 1774 года в деревне Кючук-Кайнарджи на правом берегу Дуная, на территории современной Болгарии, был подписан известный впоследствии Кючук-Кайнарджийский мирный договор. По этому договору, государственная граница между Россией и Турцией на Кавказе проходила в нашем районе от аула Каменномостского вниз по Кубани: правая сторона отошла к России, а левая — к Турции; а именно, к России отошли [территории, на которых располагались] — современный аул Каменномостский, Шахта № 11, Новый Карачай, Шахта № 6, Хумара, Сары-Тюз, и далее до Черного моря; к Турции — [территории, на которых располагались] современные г. Карачаевск, с. Коста-Хетагурово, Шахты № 1, Кумыш, ст. Красногорская и т.д. В том же году русская граница была перенесена на Кубань. Первоначально русским правительством предполагалось построить на Кубани, в пределах нашей области, опорные укрепления: одно — у Каменного моста, так как это было наиболее удобное место для переправы в Турцию, и место самое важное в стратегическом отношении, так как вверх по Кубани жили еще карачаевцы, у которых находили покровительство и защиту все перебежавшие границу. С этой стороны всегда можно было ожидать нападения на русскую границу. Другое место укрепления предполагалось построить на месте нынешнего Черкесска. От Карачая граница проходила по Маре до Кисловодска.

Турецкое правительство не желало примириться с поражением во второй войне

с Россией, когда оно было вынуждено уступить России Крым и часть Кавказа. И, подстрекаемое Англией, Пруссией, Швецией, правительство Турции 12 августа 1787 года объявила России войну. В той войне Турция пыталась и надеялась вернуть все ранее потерянные территории, в частности — на Кавказе захватить полностью все Закавказье, а также все Северное Предкавказье. С этой целью на Кубань была переброшена большая армия под начальством турецкого генерала высшего ранга, трехбунчужного Сераскера Батал-Паши. Батал-Паша намеревался поднять против русских все кавказские народы и уничтожить все русское население. Но его планы потерпели крах. В 1789 году Батал-паша прибыл из Турции к бесленевцам, куда должна была прибыть турецкая армия. Здесь же из закубанцев формировались ополчения в помощь туркам. 22 сентября 1790 г. Батал-паша со всем турецким войском и закубанцами выступил от бесленевцев, перешел Уруп, Зеленчук и Кубань близ устья реки Джегонас (около ст. Усть-Джегутинской) и направился к Кабарде. Кубанская пограничная полоса оказалась в большой опасности: турки могли осуществить свой план, а именно, поднять против русских все местное население, пройти в Кабарду и уничтожить все русские завоевания. Русские войска в это время были растянуты по всей пограничной полосе от Каменного Моста на Кубани (а. Каменномостский) до Черного моря, а поэтому и не смогли задержать Батал-Пашу на границе. Перейдя Кубань между ст. Усть-Джегутинской и Черкесском, вся турецкая армия остановилась на отдых около Черкесска.

По приказу Главнокомандующего Кавказской армией графа де Вельмена, всем разрозненным кавказским военным соединениям было строго предписано срочно выступить на соединение к Кабарде и уже совместными силами дать Батал-Паше генеральное сражение. Русский генерал-майор Иван Иванович Герман, очень талантливый, лично храбрый полководец, находясь ближе всех к туркам, решил, не дожидаясь даже подхода генерал-майора Булгакова со своими войсками, дать туркам сражение, так как знал, что «промедление смерти подобно». И вот, 30 сентября 1790 г., на месте нынешнего Черкесска произо-

шло генеральное сражение между русскими войсками и турецкими, хотя турок и было в 6 раз больше, русские все же нанесли туркам жестокое поражение. Все 36 турецких орудий, все знамена, а также и сам главнокомандующий турецкой армией Батал-Паша были захвачены русскими. Турецкая армия частью погибла в битве, а частью утонула в Кубани при паническом бегстве, часть была перебита черкесами и абазинами. Так закончилась эта турецкая эпопея. Хотя государственная граница между Россией и Турцией была установлена по Кубани еще в 1774 г., однако продолжительные войны не давали возможности укрепить границу. И только спустя 30 лет, т.е. в 1804 г., было построено Баталпащинское укрепление (на месте современного Черкесска) и др. небольшие укрепления в верховьях Кубани, как, например, старое Хумаринское на месте современной Шахты № 6. Каких-либо других укреплений, например, где сейчас проживает Михеенко и Филько К.С., в углу юго-западной оконечности пос. Шахты № 6, а также других гражданских поселений в это время на месте современного поселка Шахты № 6, Хумары, так и вообще по Кубани от Каменного Моста до Невынномысска не было. Известно только, что здесь, по левую сторону Кубани, т.е. на турецкой стороне, одно время были абазинские аулы. Словом, эти места в то время считались наиболее дикими и опасными. Пограничная служба здесь считалась у военных наказанием. Не случайно декабрист-офицер, инженер военной фортификации, Константин Густавович Игельстром, приговоренный царским правительством в 1826 году к смертной казни, замененной впоследствии пожизненным заключением, был переведён для отбытия наказания сюда, в старое Хумаринское укрепление. И ему было поручено руководить постройкой новой Хумаринской крепости (в а. Новый Карачай) и устройством дорог (например, Мышиная тропа, тропа за аулом Хумарой и др.). Для характеристики наших мест того времени, считаю интересным привести здесь кое-какие выдержки из описания военного инспектора высшего ранга первой половины XIX в. Вот что он писал: «Спросите про Хумаринское укрепление — даже в Кисловодске расскажут вам столько страшного, что, пожалуй, подумаете, будто

действительно укрепление это на краю света, в месте опасном, климате вредном, в вечных туманах и дождях. Несмотря на это, мне нужно было там быть непременно...

Укрепление Хумаринское... имеет вид параллелограмма с двумя башнями, на которых чугунные орудия большого калибра анфилируют четыре фаса укрепления и далеко обстреливают Кубань и ущелье Тебердинское и другие, тут сходящиеся. Гарнизон в укреплении состоит из одной роты, пехоты и команды казаков, занимающий также посты и пикеты по дороге и вверх по Кубани до Каменного Моста, который служит единственным переходом через реку нашим отрядам, посылаемым нередко для наказания закубанских хищников. Мост этот, находящийся от укрепления в восьми верстах, защищен башнею с орудием при небольшой команде. Чтобы пройти через мост каждый должен предъявить пропуск (билет).

По прибытии вечерней зори в укреплении, вышли секреты в известные места по Кубани, где река мелка: случается, что смелые хищники, покушающиеся переплыть Кубань ночью на коне, падают под пулями секретов укрепления станиц и постов, ограждающих ночью Кубань на всем протяжении. Потом заперли ворота, и вместе с темнотою в укреплении наступила тишина: на башне, где я стоял, ходил часовой и тлеет вечно горящий фитиль у пушек, заряженных картечью; временами долетали до меня из оборонительной казармы смех и рассказы солдат...

...Я смотрел еще амбразуру башни по ущелью, хотел еще раз разглядеть профиль церкви, или огни в ней разложенные, как это часто бывает, кочующими горцами, но все напрасно: скалы и башни слились с черными тучами, совершенно омрачившими ночное небо. Вдруг вижу, засверкали над Кубанью в разных местах огоньки, как будто открылась перестрелка, но гула выстрелов не слышно: потом опять воспламенился целый шар и распался искрами по направлению реки. Странно, подумал я, берега эти и без того обагрены кровью, еще столь оптически обманчивы: сколько тут нужно осторожности молодому солдату!

Я подозвал часового артиллериста к амбразуре и спросил его, видит ли огни по Кубани?

– “Это не огни, Ваше благородие”.
– “А что же это?”
– “Наш змей летает, Ваше благородие”.

– “Какой Ваш змей, откуда?”

– “Да он, бывало, прежде вылетит из под той церкви, что за Тебердой, прилетит к Кубани и рассыплется мелкими искрами по берегам: а теперь его подметили вон там под скалой...”

...Вверх по правому берегу реки, по дороге мы заехали в небольшое поселение, называемое Подкамнем. Там живет горный чиновник и офицер, начальник военно-рабочей и арестантской команд. Помещением им служат сакли, у которых три стены образуют бока углублений береговых кубанских скал. Здесь копи каменного угля... Офицер принял нас радушно, попотчевал кубанскую форелью и малиной, которой здесь большое изобилие: мы осмотрели шахту и имеющийся здесь план... Из Подкамня мы прибыли к башне, составляющей мостовое укрепление, которое вместе с тем есть последнее в этой линии...

Предмостная башня выстроена из камня, в три этажа, и окружена глубоким ровом с подъемным мостом. В среднем этаже казармы с амбразурами кругом, которые служат также окнами и закрыты стеклами. Ниже окон кругом нары; в верхнем этаже одно медное орудие среднего калибра на лафете, которое удобно и скоро можно направлять куда угодно. От башни каменный мост через Кубань. Здесь Кубань сжата в каменных берегах своих, но за мостом река расширяется, отчего кажется, будто она здесь образует водопад. Переехав мост, мы повернули направо, по течению реки, и миновали какие-то древние надгробные памятники; они вида конического, наподобие мелких мечетей, и считаются магометанскими; большое количество растущей здесь конопля свидетельствует о прежнем поселении этого места...»

Здесь я немного забежал вперед, чтобы было более понятно, что представляли эти места даже в начале XIX в., но в описываемое время этих укреплений еще не существовало — они были построены несколько позже.

За время длительной Кавказской войны было выдвинуто немало различных планов покорения горцев Кавказа. Наиболее

гуманным из них был план известного генерала Н.Раевского, рассчитанный на установление дружественных связей с горцами и развитие с ними торговли. Однако он не получил практического осуществления.

План генерала Емануеля, представленный графу Паскевичу в 1828 г., предусматривал создание новых, основных и резервных оборонительных линий, увеличение казачества за счет крестьян и горцев с одновременным покорением карачаевцев. Этот план, в основном, был одобрен царским правительством, но выполнение его по различным причинам долгое время практически не осуществлялась.

В осуществлении намеченного плана командование приняло решение окончательно подчинить карачаевцев, живущих у истоков реки Кубань, у самого подъема Кавказского хребта.

Карачаевское общество формально давно считало себя под властью русского государства. Но фактически Карачай не был связан с Россией. В последнее время стали часто приезжать послы от турецкого султана с настойчивым предложением присоединиться к Турции. Кроме того, в Карачае находили себе безопасное убежище все враждебно настроенные к России элементы. Таким образом, Карачай в любое время мог превратиться в опасный плацдарм для антирусских выступлений. Он также имел важное стратегическое значение для Турции в борьбе с Россией на Кавказе, так как через него проходили дороги, связывающие Северный Кавказ с Закавказьем и Закубанье с Кабардой.

Поэтому формальная связь и зависимость Карачая от России не могли удовлетворить царское правительство. Становилось очевидным, что Карачай может попасть в полную зависимость от Турции. Это создало бы серьезную опасность для России в выполнении намеченных планов по овладению Кавказом вообще и с Закубаньем, в частности. Требовались решительные меры по предотвращению дальнейшего их сближения. В связи с этим русское командование на Кавказе решило покончить с формальной зависимостью карачаевского народа и окончательно утвердить власть России над ними. Первым сигналом такой опасности было принятие карачаевцами присяги Турции и выдача ей атаманов в 1826 г.

В октябре 1828 г. в старом Хумаринском укреплении, на территории пос. Шахта № 6, стали концентрироваться воинские части, прибывающие сюда из различных кавказских укреплений под главное командование генерала Емануеля. Генерал Емануель отлично понимал, что взять Карачай, двигаясь вверх по Кубани от укрепления Каменного Моста невозможно из-за отсутствия не только хорошей дороги, но и даже тропинки. Карачаевцы тоже были твердо убеждены в своей неприступности. Поэтому генерал Емануель избрал другой план вступления в Карачай, а именно: когда все воинские части, предназначенные для похода в Карачай, собрались к старому Хумаринскому укреплению и прилегающим к нему равнинам, генерал Емануель отрядил меньшую часть своей армии в укрепление Каменный Мост, в задачи которого входило, с одной стороны, преградить возможность нападения на укрепление с запада закубанцами. Но самая главная цель этих воинских частей заключалась в том, чтобы своими энергичными попытками проникнуть в Карачай со стороны крепости, усыпить бдительность карачаевцев и убедить их в том, что русские именно хотят пройти в Карачай с этой стороны. Поэтому они только наблюдали из своих укрепленных позиций за действием русских, которые вырубали лес, корчевали пни, стараясь проложить дорогу, и посмеивались над «глупостью» русских. Большая же часть русских войск, с пушками и обозами, выступила ночью из старого Хумаринского укрепления вверх по балке Кубань, где соединилась с частью войск, выступившей из Кисловодской крепости. В то время, пока карачаевцы беспечно наблюдали за действиями русских отрядов в укреплении Каменный Мост, русская армия под командованием генерала Емануеля прошла по горам к устью реки Худес в верховьях Кубани. Это был район, лежащий в непосредственной близости от центра Карачая – аулов Карт-Джурта, Учкулана и Хурзука. Появление здесь русских войск для карачаевцев было как гром среди ясного неба, которое сопровождалось громом русских орудий. 20 октября 1828 года здесь произошло крупное и единственное сражение с карачаевцами, длившееся с раннего утра до позднего вечера и, несмотря на героическое сопротивление,

закончившееся поражением карачаевцев. В своем донесении военному министру Чернышеву генерал Емануель 30 октября 1828 г. указывал, что «“Фермопилы Северного Кавказа взяты”»... и оплот карачаевцев у подошвы Эльбруса для всех горских народов, враждебных против России... разрушен». На следующий день, 21 октября, русские войска подошли к аулу Карт-Джурт. Из аула, навстречу им, выступила депутация карачаевских старшин во главе с Исламом Крымшамхаловым, который произнес знаменательную речь: «До настоящего времени Карачай был верным подданным Турции, но Турция нам ничем не помогла, не поддержала нас в такую тяжелую пору, как война с Россией, оставила нас в беде. Отныне мы ничего не хотим иметь с ней. Отныне мы переходим в подданство России и всегда будем верны России, как были до этого верны Турции».

23 октября 1828 г. было подписано соглашение, по которому карачаевцы обязывались: не принимать никаких враждебных России лиц; вернуть русских пленных и захваченный ими скот; в залог своей верности дать аманатов из четырех знатных фамилий, в том числе из семьи Крымшамхаловых; задерживать враждебные России черкесские и иные войска, а сами, если не в состоянии это делать, то сообщать русскому командованию о таких передвижениях.

Русское командование обязывалось по реке Куме и в крепости Хохандуковской учредить для карачаевцев меновый двор, где бы они могли приобретать предметы первой необходимости: хлеб, соль, железо, ткани и др. В 1829 г. из Карачая были выведены последние русские войска. В Карачае было установлено самоуправление, жители аулов, расположенных далеко в горах, почти не принимали участие в Кавказской войне и считались «мирными горцами». В политическом обзоре за 1841 г. указывалось, что это «народ трудолюбивый... податями не обложены, повинностей не несут и совершенно спокойны». Отдельные попытки агентов толкнуть карачаевцев на войну с русскими, как правило, были безуспешны. Попытки антирусских выступлений карачаевцев после 1828 г. были сравнительно мелкими фактами на общем фоне тяжелой и длительной Кавказской войны. Даже в оценке официальных властей таким

фактам не придавалось особого значения. В донесении начальнику Кавказской линии в 1854 г. сообщалось, что «с 1828 г. карачаевцы остаются нам преданными и пользуются выгодами спокойного своего быта, весьма неохотно смотрят на возмутителей».

Карачай был окончательно присоединен к России, что объективно имело для него положительное значение. Был положен конец захватническим устремлениям Турции в этом районе, прекращалась обременительная дань кабардинским князьям, устанавливалась более тесная связь с экономикой и культурой соседних районов — черкесов, ногайцев, абазинцев и русских.

После присоединения Карачая к России русское командование на Кавказе приступило к планомерному укреплению границы. Уже в 1829 г. под руководством декабриста — офицера-фортификатора началось строительство новой Хумаринской крепости (современный аул Новый Карачай) недалеко от пограничного укрепления, а в 1842 г. закончено было строительство более крепкого укрепления, чем существовавшее здесь до этого у Каменного Моста (в ауле Каменноостском). Одновременно с укреплением границы русское правительство приступило к планомерной колонизации пограничной полосы. Несколько раньше, а именно в 1825 г., были основаны пограничные станицы — Невинномысская, Беломечетская и Баталпашинская.

Однако с присоединением Карачая Турция не могла примириться. Несколько раз она пыталась возмутить Карачай и предписывала Шамилю втянуть его в «священную войну» (газават) против русских. Попытки Шамиля объединить усилия западных и восточных горцев в борьбе против русских под общим зеленым знаменем газавата не имели успеха. Два его наиба, Хаджи-Мухамед и Сулейман-Эфенди, не нашли поддержки среди закубанцев и фактически были изгнаны из Карачая. Сулейман-Эфенди в 1845 г. предпринял поход в Карачай, но был разбит русскими войсками, расположенными в Хумаринской крепости, и, боясь расправы Шамиля за свои неудачи, перешел на русскую сторону и стал открытым его противником. Еще в 1844 г., в своем ответе на прокламации главнокомандующего русскими войсками Нейгарда, призывавшего не слушать Шамиля, карачаевцы

писали: «Шамиль не принадлежит нам. Не в наших он землях, и не наши у него люди, и мы ничего общего с ним не имеем. Как бы этот Шамиль не был грозен, все же бог грознее и могущественнее. Мы совершенно далеки от него и не хотим вмешиваться в его дело».

Третий наиб Шамиля Мухаммед-Амин, пытавшийся вовлечь Карачай в газават, тоже не имел успеха. Сопrotивление колониальному гнету со стороны горцев-карачаевцев, черкесов, ногайцев и абазинцев — велось помимо мюридизма. Больше того, вместе с русскими войсками они часто выступали против отрядов мюридов. В письме Кавказского наместника М.С. Воронцова А.П. Ермолову 5 мая 1846 г. сообщалось, что во время новых активных выступлений Шамиля и его обращении за помощью к различным народам Северного Кавказа «карачаевцы ему решительно сказали, что будут драться до последнего и не пустят его через свои земли». И далее сообщалось, что, вообще, все надежды Шамиля на народы правого фланга (т.е. на карачаевцев, черкесов, ногайцев, абазинцев) и, между ними, надежды тех, которые ждали его..., все эти надежды пропали...» В 1858 г. была сделана попытка антирусского выступления небольшой частью карачаевцев во главе с кади-эфенди — Магомедом Хубиевым — ставленником Мухаммеда-Амина, наиба Шамиля на Западном Кавказе. Несмотря на то, что антирусская агитация Хубиева не дала результатов, и основная масса карачаевцев отказалась выступить против России, на Карачай все же была наложена тяжелая контрибуция в 20 тыс. рублей.

Создание новых укреплений и казачьих станиц в Закубанском крае было органически связано с переселением значительной части горских народов — черкесов, ногайцев и абазинцев. Так было начато переселение черкесов и бесленевцев из бассейна рек Уруп, Большого и Малого Тегиней на земли Большого и Малого Зеленчуков, под непосредственное управление специально созданного Тохтамышевского приставства с центром в ст. Баталпашинской. Это было методическое и упорное наступление на горские народы, направленное на постепенный раскол сил непокоренных племен и

лишавшее их возможности организованного сопротивления.

Попытка Мухаммед-Амина — ставленника Шамиля на Западном Кавказе, помешать переселению черкесов в указанный район была пресечена русскими войсками, подтянутыми к тому времени к Урупу. Затем началось переселение с 1833 г. до конца 50-х гг. На Малом и Большом Зеленчуках, в результате переселения черкесов и бесленевцев, появились следующие аулы: Хахандуковский (ныне Алибердуковский), Атлескеровский (Жако), Касаевский (Хабез), Атажукинский (Зеюко), Боташевский (Малый Зеленчук), Клычевский (Псаучья-Дахе) — по берегам Малого Зеленчука. На Большом Зеленчуке возникли аулы Докшуковский (Вако-Жиле), Тазартуковский (Эрсакон) и в Кубранской балке, в восточной части современного лепрозория — Абуковский (Старо-Хумаринский). Все вновь населенные аулы именовались по фамилиям их владельных князей. Ввиду незначительного количества официальных материалов по дальнейшей истории местности пос. Шахты № 6 и его окрестностей, описание дано с привлечением народных преданий и рассказов, собранных в 1957 году Краеведческим кружком Красногорского школьного музея среди жителей а. Хумара. Под моим непосредственным руководством, специально, черкесской группой учащихся (руководитель группы Дзамыхов Борис) производился сбор сведений. Эти устные свидетельства не противоречат официальным данным.

Как было уже сказано выше, первоначально аул поселился на месте нынешнего Кубранского лепрозория под защитой Старого Хумаринского укрепления, которое находилось на том месте, где сейчас проживают Михеенко, Кравченко, Фильковы, Большовы.

«Первыми поселенцами были большей частью рабы, бежавшие сюда из рабства со всех сторон, и здесь они обзавелись хозяйством и даже начали откупаться от рабства. Кто был уже свободен, тот имел свое, хотя и небольшое хозяйство, получал землю. Земледелием занимались, но больше — скотоводством. Первоначально возделывали только кукурузу, картофель и уже позже — овес, а затем и пшеницу. Разводили лошадей, крупный рогатый скот и овец

кабардинской породы. Пахали на восьми волах. Урожай убирали вручную. Те, которые имели даже по 200 голов крупного рогатого скота и по 400 и более овец, ходили грязными, питались плохо. Были они большими любителями хороших лошадей, дорогого оружия и золотых украшений. В праздничные и свободные дни они снаряжались и на своих лучших конях выезжали на джигитовку, состязались в храбрости и ловкости, скакали на лошадях. Но место, где они первоначально поселились, было неудачное. Часто проходили большие ливни, маленькая речушка Кубрань уносила скот и даже дома. Один из таких ливней был незадолго до переселения их отсюда на свободное место нынешней Хумары. Этот ливень унес в Кубань 11 коров, 12 телок и одного пастуха. Когда первоначально кабардинцы поселились на Кубани, то на левом берегу Кубани было два аула. Следы этого аула были видны незадолго до поселения там рабочих. Другой аул находился на месте нынешнего кирпичного завода, около Кумыша. Жили там народность — «казаны», которые говорили на татарском языке, похожем на карачаевский. Куда они потом делись — неизвестно.

Там, где располагается пещерный городок, жила народность «испэ». Как говорят старики, они были малы ростом, скот у них был тоже мелкий. Какова их дальнейшая судьба — неизвестно. На месте нынешней Шахты № 6 стояли русские отряды. А еще раньше на этом месте жили «христиане». Были они высокого роста. Это доказывает то, что в могилах находили длинные скелеты, а один из них был в длину 2,62 м. Кроме того, в могилах находились серебряные кресты, рядом со скелетами — кинжалы, шары с рукоятками. Сверху могилы закрывались плитами, а поверх были нагромождены холмы из камней. Христиане жили также и на месте нынешней Хумары, что видно из сохранившихся там высоких камней с высеченным крестом. На востоке от Хумары есть развалины древней крепости. Посреди крепости был родник, вода в который поступала через искусственный подземный водопровод, длиной около 2,5 км. Были еще там подземные ходы наверх, в крепость, которая была обнесена вокруг каменной стеной, фундамент которой виден еще и сейчас.

Внизу крепости были маленькие разрушенные каменные домики. Были здесь также и подвалы разные, но уже полуразрушенные и засыпанные. Вблизи от Хумары, на восток, в недоступных скалах имеются замурованные пещеры. По рассказам стариков – это гробницы. Там хоронили покойников, чтобы их не могли достать дикие звери.

Так как прибывало много бедных из Кабарды, а места на Кубрани было мало, а также беспокоили частые наводнения, то абуковцы задумали переселиться в другое, более удобное и безопасное место. И скоро для этого представился случай.

У старого князя Абукова было два сына — Кушук и Алий. Алий находился за границей у казанов, а Кушук был в дружеских отношениях с русскими военными. Казаны часто переходили через Кубань с Алием и грабили кабардинцев. Русские военные защищали кабардинцев. Однажды казаны с Алием перешли через Кубань и стали перегонять на левый берег кабардинский скот, но здесь вмешались русские, завязалась перестрелка между русскими и кабардинцами с одной стороны и казанам с другой. Алий пытался подойти к брату Кушуку и убить его. Но ему не удалось этого сделать: пуля не попала в цель, она прошла по груди Кушука и оставила шрам. После этой схватки казаны вынуждены были удалиться к себе за Кубань. Русский командир решил, что казаны больше не попытаются перейти на правый берег Кубани и напасть на кабардинцев, и он дал согласие кабардинцам переселиться на место нынешней Хумары. Итак, кабардинцы, прожив на Кубани 24 года, стали в 1848 году переселяться на новое место, на место современной Хумары. А в 1849 г. с Кубрани переселились в Хумару и остальные, из оставшихся на Кубрани. Тогда де и русские отряды ушли на Дон подавлять бунт.

Между аулами казанов часто происходили междоусобицы. В результате этого казанов осталось всего 7 семей, которые тоже скоро куда-то ушли.

В Хумаре первыми поселились Темировы, Гукемуховы, Дзамыховы и Ешеровы. Затем поселились Цаговы, Джегутановы, Дугужева, а после них стали поселяться и другие.

Главная улица называлась Абуковской: впоследствии часть жителей отсюда переселилась за Хабез, где и образовался аул, названный Малым Абуковским аулом.

Богатые, такие как Абуковы. Ешеровы и Дзамыховы и некоторые другие построили себе большие дома. Жили между собой дружно. Они поддерживали связь с другими черкесскими аулами. Теперь хумаринцы уже дружили с осетинами и карачаевцами. Часто устраивали совместные скачки и джигитовки.

Все жители имели свои земельные участки для пастбищ, сенокоса и для посева. Некоторые кабардинцы даже торговали в своих лавочках. Скота было много. У кого было 4 коровы, тот считался нищим. У некоторых, как например у Тлепсеруковых, было свыше 1500 голов овец, 900 голов крупного рогатого скота и 300 лошадей. Скот они пасли сами. Если кому не доставало в семье пастухов, тот нанимал его на стороне. Лето платили одну корову или 10 рублей деньгами. Хозяин одевал, обувал и кормил нанятого пастуха.

Первое время чувствовался острый недостаток соли. Соль привозили торговцы и продавали ее за скот и другие продукты животноводства. Денег тогда кабардинцы не знали.

Чем же закончилась распря между братьями, князьями Абуковым Алием, сторонником враждебно настроенных против русских горских племен Закубанья, и Кушуком, дружившим с русскими? Однажды возле мечети, из-за пустяка, поссорились и подрались Цагов Мудар и Дугужев П. Ночью Цагов пошел и сжег амбар Дугужева. За это его посадили в Баталпашинскую тюрьму. Алий Абуков заступился за Цагова и поехал в Баталпашинскую ходатайствовать об освобождении Цагова. Вечером Кушук, подговоренный Дугужевым, поехал вслед за Алием в Баталпашинскую тюрьму. По дороге он встретился с Алием, который уже с успехом возвращался оттуда. Цагов должен был приехать после. Кушук, спросив как дела Цагова, выстрелил в Алия. И убил его. Ночью его привезли в Хумару на линейке и поставили линейку с запряженными лошадьми над Кубанью немного ниже сегодняшнего сельсовета. Утром девушка Темирова, когда пошла за водой на Кубань, увидела стоящую там линейку с уби-

тым Алием. Тогда она пришла в Хумару и рассказала об этом всем. Так погиб Алий. Спустя некоторое время Кушук был в ст. Баталпашинской, и ему нужно было перебраться через Кубань, которая в это время была очень большая от частых проливных дождей в горах. Мост на Кубани был снесен водой, но ниже Баталпашинский мост был еще цел. Когда Кушук хотел переправиться через Кубань верхом, то женщины, стоявшие там, на берегу, кричали ему, чтобы он спустился вниз по Кубани и переехал по мосту. Но Кушуку стыдно было показать себя перед женщинами трусом, так как он был князем. На нем кроме черкески и оружия еще была бурка. Когда он въехал в воду, то его снесло с лошади. Лошадь встала на дыбы и ударила его копытами, и он пошел ко дну. А через несколько дней нашли его тело.

Таковы исторические сведения о Хумаре XIX в., собранные черкесской группой краеведческого кружка Красногорской школы-интерната.

Непосредственно же на территории пос. Шахты № 6 никакого поселения после ногайских аулов до 1938 года, кроме Старого Хумаринского укрепления, не было.

Несколько слов о развитии промышленности в Карачаевском районе вообще и, в частности, в пос. Шахты № 6. Горы нашего района богаты полезными ископаемыми. Об этом было известно уже в глубокой древности. Так, еще генуэзцы вывозили отсюда серебро, а возможно и сами руководили добычей его. Об этом говорят исследователи Карачая, это же подтверждается открытием древних мест добычи руды и орудий производства. Затем, со времен захвата Кавказа Турцией, добыча полезных ископаемых, как и вообще все культурное развитие в нашем районе, приходит в упадок.

Только после окончательного присоединения нашего района к России начала развиваться горная промышленность.

Честь открытия каменноугольных залежей в нашем районе принадлежит итальянскому архитектору Иосифу Бернардацци, вызванному из Швейцарии бывшим начальником Кавказской области генералом Емануелем для устройства Кавказских минеральных вод. В 1829 г. Бернардацци, посетив Шоанинскую церковь, заметил у подшвы горы обнаженный слой каменного

угля. О своем открытии он сделал доклад генералу Емануелю. Но военное время не позволило сразу же приступить к разработке угля. Лишь в 1840 г. в Ставрополь, на ярмарку, было доставлено по новой устроенной К. Игельстромом дороге 80 пудов (1,33 т.) хумаринского угля. В 1846 г. при бывшем наместнике Кавказском князе Воронцове, было приступлено к промышленной разработке и добыче угля на территории Маркопи и Шахты № 11, где в то время был небольшой поселок «Подкамнем». Уголь добывали военно-рабочая и арестантская команды; помещением им служили сакли, у которых три стены образовывали бока в углублении береговых кубанских скал. В том же году, для исследования каменноугольных месторождений на Кубани, был отправлен горный инженер Райнеке. Произведенные им изыскания послужили надолго руководящими указаниями при разработке каменного угля в данной местности. Райнеке указал, между прочим, на пласт, толщиной в 11 с лишком вершков, находящийся на месте нынешней шахты № 11, на протяжении более 50 саженей. Это так называемый Воронцовский рудник. В нем и еще в двух местностях, находящихся по правому берегу Кубани, в близком расстоянии от этого укрепления, казна начала производить разработку каменного угля, которого в первый год из трех мест добыто только 19071 пуд. (312,64 т.). Но добыча стала все больше увеличиваться, так что в три года, с 1846 по 1849 г. было добыто 290.368 пудов (около 4840 тонн). Затем, в 1849г. разработка каменноугольных месторождений на Кубани была передана на 12 лет купцу Крутицкому. Разработка угля компанией Крутицкого производилась, главным образом, в Воронцовском руднике. Там были устроены две штольни и 8 шахт. Шахты располагались без всякого определенного порядка и служили для более удобной выемки на поверхность земли лежащего вблизи угольного пласта, а поэтому, когда дальнейшая добыча в какой-нибудь шахте делалась затруднительною, то она тотчас оставлялась, а вблизи ее закладывалась другая. О количестве добытого Крутицким угля не имеется точных сведений; горный инженер Ф.Г.Кошкуль определял, что ежегодная добыча составляла не менее 90.000 пудов, и что, следовательно, в

течение 12-ти лет добыто 1.080.000 пудов угля (около 17784 т.). Итак, в первое 15-летие разработки Кубанского каменного угля добыто его в общей сложности около 1.400 000 пудов (22.950 тонн).

Затем кубанские каменноугольные месторождения снова поступили в ведение казны. Разработка угля производилась под наблюдением горного инженера Пиленко. Прекратив разработку угля на правом берегу Кубани, он приступил к разработке его на обоих берегах Каракента. За пять лет (с 1861 по 1866 г.) добыто 802.109 пудов.

В 1866 году Пиленко взял на откуп Каракентский рудник на 10 лет. Конечно, добыча угля производилась там патриархальным способом, каким она производилась при Крутицком. При Пиленко на Каракентском руднике существовало пять штолен. Они представляли собою довольно просторные галереи в 2,5 аршина вышиною и 3 аршина шириною. Добыча угля производилась преимущественно зимою; на лето шахтеры уходили на лучше оплачиваемые полевые работы. Зимою в шахтах было до 150 рабочих, получающих сделную плату от 17 до 20 рублей за кубическую сажень в 500 пудов весом. Заработок одного человека составлял от 15 до 38 рублей в месяц. До 1874 г., когда уголь каменный употреблялся только для отопления казенных зданий, ежегодная добыча его достигала до 170.000; но с открытием Ростовско-Владикавказской железной дороги добыча его в последующие два года (1874 и 1875 гг.) возросла до 400.000 пудов (6.556) в год. На месте пуд угля обходился в 7 коп. доставка его в Невинномысск, на станцию от рудника, обходилась от 7 до 14 коп за куб (за 110 верст пути). В Невинномыске уголь продавался по 19 коп. за пуд. Перевозкой угля занимались ногайцы, абазинцы и кабардинцы, населявшие аулы по Малому Зеленчуку: промысел этот давал им ежегодно от 15 до 20 тыс. рублей

С 1875 г. угольные шахты перешли к Утякову, который добывал уголь в Хумаре и др. местах. Было время, когда его шахты давали в год до 1 000 000 пудов (16360 тонн угля). Но затем донецкий уголь, вследствие своей, более дешёвой цены, вытеснил кубанский уголь, и добыча его пришла в упадок.

Несколько слов о разработке серебро-свинцовых месторождений в нашем районе. Геологи, производившие исследования в верховьях Кубани, в том числе и проф. Мушкетов, обнаружили, что горные хребты, около впадения р. Худеса в Кубань, представляют мощные пласты фельзит-порфира, в которых проходят значительные жилы серебро-свинцовой руды, а также цинковой. Особенно значительные залежи в балке Тахтаул-Чалган.

Разработка жил производилась здесь с очень древних времен. Более правильная разработка началась тогда, когда в эти места явился инженер-технолог Томашевский, который 9 апреля 1891 г. заключил с представителями всего Карачаевского общества контракт. В силу этого контракта, Томашевский получил на 99 лет исключительное право разработки рудных богатств Карачая за ежегодную аренду. В 1893 году Н.Экку и Томашевскому было разрешено образовать акционерное общество под названием «Эльбрус» для эксплуатации так называемого Кубано-Худесского месторождения серебро-свинцовых руд, с передачей Томашевскому всех прав и имущества новоучрежденного общества.

Учредители собрали акционерный капитал (до 500 тыс. рублей), построили Индышский серебро-свинцовый рудообогащительный завод верстах в 10 ниже устья р. Худеса, около впадения Индыша в Кубань. Завод работал от энергии Кубанской проведенной воды, добываемой при помощи турбины. Руда добывалась в балке Тахтаул-Чалган на Худесе, где также было возведено много заводских построек. На Индыше была выстроена прекрасная лаборатория, строился электрический завод электролиза цинка: машины выписывали из-за границы. Свинцовую руду отправляли для переплавки во Францию.

4 мая 1894 г. Правление общества «Эльбрус» приняло имущество от Томашевского; в 1895 г. завод работал, как следует. В 1896 г. начались финансовые затруднения, а в 1897 г. завод окончательно прекратил свою деятельность вследствие недостатка средств. Акционеры имели в руках небольшой капитал — около 500 тыс. рублей. Между тем дело было начато слишком широко — были возведены большие постройки и т.п. Впрочем, кроме всего

этого, дело погубило главным образом вследствие отсутствия близкой железной дороги: до ближайшей железнодорожной станции — Невинномысской от Индышского завода — 130 км. Общество «Эльбрус» должно было на свой счет исправить и сделать проезжую дорогу от Хумары до самого Карт-Джурта, что обошлось недешево, потому что, прежде в этих местах, можно было проехать только верхом. На этой дороге было произведено много подрывных работ. Но даже когда исправили эту дорогу, оказалось, что перевозка от Индыша до Невинномысской слишком дорога и слишком затруднительна, так как приходилось отправлять по несколько тысяч пудов одновременно, при том несмотря ни на какое время года. Именно суточный выпуск свинца и т.п. предполагался около 3000 пудов ежедневно (около 50 т). Перевозка на лошадях на протяжении 130 км обходилась очень дорого. Поэтому общество задумало проложить дорогу с Индыша прямо на Кисловодск — тут было бы всего около 70 км. Почти половина дороги уже была проложена (обошлась около 50.000 руб.), но средства у Общества иссякли, и все дело рухнуло.

Историк Карачая В.М.Сысоев писал в 1913 году: «Вероятно, Худесские рудники оживут и разработка свинцовых руд будет производиться в широких размерах только тогда, когда осуществится постройка железной дороги от ст. Невинномысской до Сухуми, по долине Теберды. Тогда от Худеса до железной дороги будет не более 30 верст. До проведения железной дороги никакое общество не может иметь выгоды от разработки этих рудников, так как подвозка материалов будет ложиться слишком большим расходом.

Что касается до богатства рудой, то по предварительным подсчетам только в четырех жилах насчитывали до 195.000 куб. сажени рудоносной массы (считая на глубину до 100 саж.), определяя, что в 1 куб.сажени содержится 281 пуд чистого свинца и 13 фунтов серебра (вес у куб. сажени рудной массы — 1700 пудов), в то время как самым богатым в мире месторождением свинца считалось до этого Брукенгильское (в Австралии), содержащее 260 пудов чистого свинца в 1 куб. сажени жильной массы. Таким образом, в Ходес-

ском руднике руда содержала на 21 пуд свинца больше в 1 куб. сажени. Кроме того, она содержала еще 13 фунтов серебра. Кроме жильной массы, иногда попадаются цинковые куски с прекрасными правильными кристаллами на поверхности, что, кажется, считается большой редкостью.

Рудные жилы имеют различную толщину — от нескольких вершков до 3-х аршин и выходят на различной высоте от поверхности воды в реке.

Существование рудных масс отмечено в очень многих местах: на реке Индыше, Джаланколе, Дауте, Учкулане, но более всего на Худесе и Кубани.

Управление завода, имея ввиду свои надобности, произвело поиски каменного угля и нашло в окрестностях завода много выходов каменного угля прекрасного качества и значительной мощности».

В июле 1898 г. рудник «Эльбрус» посетил историк и этнограф Карачая А.Н. Дьячков-Тарасов. Он писал: «Грустные чувства и мысли возбуждают эти шахты и штольни, построенные по всем правилам инженерного искусства, полотно неоконченной надземной железной дороги, электрический завод, где цинк должен был осаждаться на пластинках, через которые пропускался ток.

Был здесь и телефон, проведенный за 10 верст от индышского рудообогатительного завода, где руда, добытая на Тохтаулчолгане, перерабатывалась и упаковывалась. Этот завод мог перерабатывать до 4000 пудов в сутки. Для шахтеров, кузнецов и слесарей был введен 8-ми часовой рабочий день. Всего здесь работало около 2000 чел. Для выплавки металлов проводились серьезные приготовления по добыче каменного угля, огнеупорной и простой глины и выделке кирпичей, по заготовке строительного камня, извести, леса. На рудниках была лучшая на Северном Кавказе лаборатория, прекрасный минералогический кабинет, множество построек».

По словам Сысоева, в 1895 – 1896 гг. «жизнь здесь была ключом. Электрический свет заливал горные долины, было светло, жизнерадостно. Но предприятие рухнуло, и исчез этот живой уголок. Остались только заколоченные наглухо здания заводов, рудников, но и их постепенно разрушает время, непогода и рука».

Так обстояло дело с промышленностью в нашем районе в дореволюционное время. На месте современного поселка Шахты № 6 после уничтожения ногайских аулов калмыцким ханом Дондук-Омбою до 1938 г. никаких поселений не было, кроме старого Хумаринского укрепления. После упразднения этого укрепления здесь были Хумаринские поля. В 1938 году здесь впервые открыта Шахта № 6, которая находилась метрах в 20-ти на восток от бани. Первое время уголь поднимали из колодца на поверхность бадьей, при помощи ворота. Тогда же было построено несколько маленьких зданий около современной конторы, а на месте современного поселка были Хумаринские поля. Затем шахтоуправление к постройке домов для рабочих (дома № 1,2 из 3). В 1941 году здесь было открыто ФЗУ, которое занималось подготовкой шахтеров. Здесь обучалось около 40 человек. Первое время столовая и магазин находились в том здании, где сейчас спортзал шахтоуправления, затем столовая была переведена в здание, где сейчас хозяйственный магазин, там был кинотеатр и клуб. Затем, после войны, в 1946 г. шахтоуправление начало выделять участки для индивидуальных построек. Первыми начали строиться по Советской улице от одноэтажного дома Шахтоуправления, а затем, и на остальной части поселка. С 1942 г. по 1948 год здесь работали военнопленные немцы: жили они в том, старом, сейчас полуразрушенном здании, находящимся рядом со спортзалом, на углу. При выплавке металлов производились серьезные приготовления по добыче каменного угля, огнеупорной и простой глины и выделке кирпичей, по подготовке строительного камня. Заканчивая исторический обзор Карачаевского района вообще и пос. Шахты № 6, в частности, следует сказать, к каждому месту мы с полным основанием можем применить знаменитые слова, высеченные на памятнике в Фермопилах: «Остановись, путник: ты попираешь прах героев!» На протяжении многовековой героической истории здесь каждый клочок земли обильно полит кровью.

Знать героическое прошлое своих родных мест, гордиться подвигами наших предков, любить свои места — вот основ-

ные условия для воспитания истинного патриотизма.

Краткий хронологический указатель событийной истории нашей области

2000 лет до н.э. — на месте пос. Шахты № 6 существовало поселение.

VII – VI вв. до н.э. в северо-восточной части от нынешнего Хумаринского городища было поселение.

VII – III вв. до н.э. — проникновение скифов в нашу область.

IV – III до н.э. — сарматский период в Карачае.

65 г. до н.э. — римский полководец Юлий Аквила в союзе с царем аорсов Эвионом осадил и разрушил город Успе (Аспе) выше ст. Зеленчукской.

I – XI вв. н.э. — аланский период в Карачае.

Конец IV в. н.э. — нашествие гуннов и заселение горных мест Карачаевского района аланами, вытесненными гуннами с предгорий Кавказа.

IV – V вв. до н.э. — на реке Гиляч (выше Карачаевска, по Кубани) было уже большое аланское поселение.

V в. н.э. — в Алании царствовал Ос-Багатар.

709 г. н.э. — в Хумаре жил византийский император Лев Исавр III.

VII – VIII вв. н.э. — проникновение болгар в Карачаевский район (около замка Тамары).

888 г. до н.э. — в Алании царствовал Багатар.

Конец X – начало XI в. — в Алании царствовал Урдуре.

X – XII вв. — на Северном Кавказе существовала могучая Аланская держава, столица которой большой и богатый город Маас (находился в верховьях Большого Зеленчука или же в Хумаре, точно не установлено, по Масуди).

Конец XI в. — в Алании царствовал Дургулель Великий, при котором Аланская держава достигла своего наивысшего могущества.

2-я пол. XII в. — в Хумаре царствовал Худдан (дед царицы Тамары по матери).

1171 г. н.э. — построен Шоанинский храм на горе около с. Коста-Хетагурово

(возможно даже в царствование Худдана). Приблизительно в это же время построен и Тебердинский храм.

1184 г. — начало царствования царицы Тамары, дочери грузинского царя Георгия III и аланской царицы Бурдухан, родом из Хумары.

XI – XIII вв. — проникновение кипчаков в нашу область.

XII – XIII вв. — период феодальной раздробленности в Алании.

1237 г. н.э. — в Алании царствовал Инджис.

1395 –1396 гг. — Тамерлан проходит от Пятигорска до Эльбруса и разоряет по пути все укрепления в городе (Хумаринское на р. Гиляч, Джашарин-Кала в верховьях Кубани).

XIII – XIV вв. — образование древней Карачаево-балкарской народности.

Между X и XIII вв. — образование древней абазинской народности.

XIV – XVII вв. — заселение абазинами территории нашей области с Юго-Запада.

XIV – XV вв. — заселение адыгами территории нашей области.

Конец XIV – середина XV в. — образование ногайской народности.

30-40-е гг. XV в. — заселение территории пос. Шахты № 6 ногайцами.

XVII в. — распространение ислама среди адыгов и абазин.

XVIII в. — распространение ислама среди карачаевцев.

1723 г. — переселение части абазин с Баксана на Кубань.

1736 г. — калмыцкий хан Дондук-Омбо разрушил и уничтожил ногайские поселения на месте пос. Шахты № 6.

1774 г. — перенесение русской границы на Кубань.

30 сентября 1790 г. — генерал Герман разорил 50-тысячную армию турок и их союзников под командованием Батал-паши, на месте современного Черкесска.

1804 г. — постройка Баталпашинского, Старо-Хумаринского и других укреплений в верховьях Кубани.

1824 – 1825 гг. — основание Баталпашинской, Беломечетской и Невинномысской станиц.

1828 г. построено Эрсаконское укрепление.

1829 г. — известный итальянский архитектор Иосиф Бернардацци открыл залежи угля на месте нынешней Шахты № 1.

С 1833 г. до конца 50-х гг. — на Малом и Большом Зеленчуках в результате переселения черкесов, основаны следующие аулы: Хахандуковский (ныне Алибердуковский), Атлекеровский (Жако), Касаевский (Хабез), Атажукинский (Зеюко), Баташевский (Малый Зеленчук), Клычевский (Псаучья-Дахе) — по берегам Малого Зеленчука; на Большом Зеленчуке — Докшуковский (Зако-Жиле), Тазартуковский (Бесленей, Берслановский (Инжичишхо) и Абатовский (Эрсакон).

1840 г. — в ауле Кечев (ныне уже не существует, находился на Большом Зеленчуке выше ст. Исправной) родился видный абазинский писатель, этнограф и публицист Адильгирей Кешев (псевдоним «Каламбий»). С 1868 г. по день своей смерти (1872 г.) был главным редактором единственной во Владикавказе газеты «Терские ведомости».

1841 г. — закончено строительство Новой Хумаринской крепости (а ауле Новый Карачай) под руководством офицера-декабриста К.Г. Игельстрома, вблизи бывшего казачьего поста «Окаянный».

1843 г. — закончено строительство пограничного укрепления около Каменного Моста (а. Каменноостский) на Кубани, последнего укрепления в пограничной береговой полосе: Невинномысск – Усть-Невинской пост – Усть-Невинский редут – Открытый редут – Беломечетинская крепость – Ямал-Джалгинский пост – Кубанский редут – пост Жмурин – Баталпашиинское укрепление – Усть-Тахтамышевский потст – Черноморский пост – Усть-Джегутинский пост – Учкульский пост – Ямановский редут – Верхне-Николаеское (Красногорское) укрепление. Наблюдательный пост — Хумаринский пост – Хумаринская крепость – пост Окаянный – пост под Камнем – укрепление Каменного Моста.

1846 г. — на месте Шахты № 11 основан шахтерский поселок «Под Камнем» и начата разработка каменного угля, там же, в Воронцовском руднике, под руководством инженер-полковника Лихачева.

1848 г. — начало переселение аула Абуковского (Хумара) на современное его

место с Кубрани, где он просуществовал 24 года.

1849 г. — закончено строительство Надеждинского укрепления (в ст. Сторожевой) и укрепление около Каменного моста на р. Большой Зеленчук, выше ст. Исправной.

Ноябрь 1846 г. — в Ставрополе родился Михаил Федорович Фроленко, выдающийся русский революционер-народник, человек исключительной силы воли и необыкновенной судьбы, прошедший в казематах Алексеевского ределина и Шлиссельбургской крепости 21 год и 8 месяцев. Детские годы провел в поселке «Под Камнем» (Шахта № 11), где его отец был служащим на Шахте. Умер в 1938 г.

1858 г. — населены станицы Исправная и Сторожевая.

1859 г. — населены станицы Кардоникская и Зеленчукская.

1869 г. — населена станица Преградная.

1861 г. — населены станицы Усть-Джегутинская и Красногорская.

1861 г. — начало разработки угля на Каракенте инженером Пиленко.

13 января 1861 — в станице Сторожевой в казачьей офицерской семье родился выдающийся деятель рабочего движения в России, организатор одной из первых в России социал-демократических групп, идейный руководитель и учитель Н.К.Крупской, ученый и полярный исследователь — Михаил Иванович Бруснев, именем которого назван остров в Северном Ледовитом океане. Умер в 1937 г.

1868 г. — основан аул Верхняя Теберда.

1870 г. — основаны аулы Каменно-мостский, Сентинский (Нижняя Теберда) и Дурхум (с. Коста-Хетагурово).

1873 г. — в ауле Зеюко родился выдающийся черкесский ученый-фольклорист, лингвист, этнограф, просветитель Паго Тамбиев.

1875 г. — начало разработки угля в Хумаре Утяковым.

1875 г. — основан аул Верхняя Мара.

1877 г. — казачий генерал Бабиц совершил со своими войсками героический переход из ст. Кардоникской через Марухский перевал и освободил от турок город Сухум.

1878 – 79 гг. — открытие горских школ в аулах Мансуровском, Учкулане и Теберде.

23 декабря 1880 г. — убит при штурме крепости Геок-Тепе в Средней Азии генерал-майор Н.Г.Петрусевиц, действительный член МРГО, бывший начальник Баталпашинского отдела, много сделавший для развития экономики и культуры нашей области.

24 апреля 1881 г. (по ст. стилю) — в Баталпашинскую (г. Черкесск), по просьбе местного населения, перевезен прах Н.Г.Петрусевица и похоронен в северо-западном углу теперешнего парка, напротив Дома Советов, где ему и был поставлен в последствии мраморный памятник.

1883 г. — населен аул Джегутинский.

1887 г. — в ауле Верхняя Теберда родился Саид Магомедович Халилов, выдающийся политический деятель Карачая, окончил в 1906 г. Ставропольскую гимназию с золотой медалью, как выдающийся ученик был зачислен студентом Санкт-Петербургского университета. Весной 1918 г. возглавлял Карачаевскую делегацию в работе Учредительного съезда Советов Баталпашинского отдела (в ст. Отрадной), был предательски убит в мае 1921 г.

1889 г. — на Международной Парижской промышленной выставке в скачках и джигитовках принимали участие черкесы Эрсаконского аула: Казим Коблев и Хатрах Патов и абазины Клычевского аула: Татаршаов и Тамбиев, где они заняли призовые места.

1891 г. — открытие Эльбрусского серебро-свинцового рудника.

1891 г. — в ауле Хурзук родился герой гражданской войны в Карачае Тукал Дударыкович Алиев. Погиб в мае 1920 г. при выполнении оперативного задания Северо-Кавказского ревкома.

1891 – 1892 гг. — в эти годы на Эльбурском руднике работал Коста Леванович Хетагуров.

17 марта 1892 г. — в ст. Баталпашинской родился герой Гражданской войны на Северном Кавказе Яков Филиппович Балахонов.

1 августа 1895 г. — родился видный политический деятель Карачая, один из организаторов Советской власти на Северном

Кавказе и ученый Умар Д. Алиев, погиб в 1937 г.

1895 г. — закончено строительство Военно-Сухумской дороги от Теберды до Сухуми инженерами А.Делем и А. Суходаевским.

1896 г. — в ауле Карт-Джурт родился Карачайлы Ислам (псевдоним Хубиева Ислама Абдул-Каримовича), карачаевский журналист, литературовед, этнограф и общественный деятель. Погиб в 1944 г.

1899 г. — в ст. Кардоникской родился Григорий Анисимович Федосеев известный советский писатель, произведения которого переведены почти на все языки, выдающийся исследователь неизученных мест на Дальнем Востоке и землепроходец, именем которого названы перевал в Саянах, вершины некоторых гор и другие географические объекты. Умер в 1968 г.

1905 г. — родился Иосиф Иосифович Лаар, герой Советского Союза. С 1937 г. жил в Черкесске. Погиб в Великой Отечественной войне.

1906 г. — в селе Георгиево-Осетинском (с. Коста-Хетагурово) умер великий осетинский поэт, художник и общественный деятель Коста Хетагуров.

1908 г. — в Старом Карачае начал работать учителем в медресе, возвратившийся из Каира, из знаменитого на арабском Востоке университета Аль-Азхар, великий ученый-энциклопедист всего русского и зарубежного Востока Али Каяев, написавший более 200 работ по астрономии и физике, географии и этнографии, по литературе и истории, языку и фольклору, философии и религии. Он был наиболее выдающимся ученым мусульманского Востока XX в.

1909 г. — населен аул Воронцово-Карачаевский (Новый Карачай) выходцами из аула Хурзук (в кол. 100 дворов).

1911 г.— город Черкесск соединен железной дорогой с Невинномысском.

1911 г. — выступление шахтеров Хумаринской угольной шахты.

1918 г. — установление Советской власти в Карачаево-Черкессии.

1922 г. — Постановлением ВЦИК была образована Карачаево-Черкесская автономная область.

1923 г. — Михаил Иванович Калинин встретился в Кисловодске в исполкоме Ма-

ло-Карачаевского округа с Карачаевской делегацией во главе с членом ВЦИК с председателем облисполкома тов. Курджиевым, где М.И.Калинин фотографировался с карачаевцами и черкесами.

1926 г. — заложен город Микоян-Шахар (Карачаевск).

1926 г. — выделение из Карачаево-Черкесской области Карачая в самостоятельную Карачаевскую авт. область.

1934 г. — в г. Карачаевске, в здании бывшего облисполкома, перед работниками областного актива на совещании выступал выдающийся деятель болгарского и международного движения и вождь рабочего класса Болгарии Георгий Михайлович Димитров, приехавший в Советский Союз после знаменитого Лейпцигского процесса по обвинению его в поджоге Рейхстага.

1936 г. — Постановлением ВЦИК Совета Народных Комиссаров РСФСР Тебердинский заповедник (местного назначения) был объявлен высокогорным государственным заповедником.

1938 г. — начало основания пос. Шахты № 6.

1957 г. — восстановление Карачаево-Черкесской автономной области.

15.XII.1971г.

Мастепанов С.Д.

Публикуется впервые по машинописной копии.

Почему я хочу побывать в Индии

Приступая к изложению своих познаний об Индии, я был поставлен перед дилеммой: описать более подробно какую-либо одну сторону Индии, или же более кратко, но по нескольким аспектам. Я выбрал последнее. Думаю, что будет гораздо целесообразнее за счет полноты высказать здесь кое-какие свои мысли и впечатления по некоторым вопросам истории и культуры народов Индии. И как бы ни было для меня нежелательным, но все же пришлось оставить вне поля зрения многонациональную литературу народов Индии, как тему очень емкую: ограничиться лишь простым перечислением названий произведений и имен писателей нецелесообразно, так как

механическое перечисление мало чего дает для освещения темы.

Индия расположена между Гималаями и Индийским океаном. На севере она граничит с КНР, Кашмиром, Непалом, Бутаном и Сиккимом, на северо-востоке — с Пакистаном и Бирмой, также и на северо-западе — с Пакистаном. С востока она омывается Бенгальским заливом, с юга — Индийским океаном, с запада — Аравийским морем. К Индии относятся также Андаманские и Никобарские острова в Бенгальском заливе, Лаккадивские острова на юго-востоке Аравийского моря. Общая площадь Индии составляет около 3-х миллионов кв.км. с населением свыше 450 млн. человек.

Индия — одно из самых древнейших государств Азии, насчитывающее около 5 тыс. лет своего существования. Излагать более подробно ее многовековую историю не представляется возможным, но наиболее яркие этапы следует отметить.

Период с 2500 по 1500 до н.э. характеризуется расцветом культуры Хараппы в Северо-Западной Индии. В X – VII вв. до н.э. на севере Индии происходит процесс складывания рабовладельческих государств. В 327 г. до н.э. в Индию вторглись полчища Александра Македонского. С 322 до 185 до н.э. в Магадхе правила династия Маурья, создавшая величайшую и наиболее могущественную из многочисленных индийских империй. 269 – 232 гг. до н.э. — период правления в Индии царя Ашоки, величайшего и известнейшего из правителей Индии и одного из величайших царей мировой истории. При нем буддизм стал господствующей религией в империи Ашоки и ревностно распространялся за ее пределами. Ашока очень много сделал для упорядочения законодательства, выразившегося в общем смягчении сурового правосудия. Он заявил, что все подданные — его дети, и не раз порицал местных правителей за то, что они недостаточно старательно следовали этому положению. Ашока энергично поддерживал учение об ахимсе (непричинении вреда людям и животным), которое тогда быстро распространялось среди верующих всех сект, запретил жертвоприношение животных и урегулировал убой животных для еды, категорически запретив убивать некоторые из видов. Он гордился

тем, что заменил охотничьи экспедиции — традиционную забаву индийских царей — паломничеством к буддийским святыням и свел потребление мяса во дворце до ничтожных размеров.

Таким образом, пример Ашоки способствовал распространению вегетарианства в Индии. Среди осуществленных им важных социальных мероприятий Ашока упоминает об улучшении коммуникаций: о посадке вдоль дорог плодовых деревьев, дающих путникам тень и пищу, о сооружении колодцев и устройстве гостиниц для отдыха утомленных путешественников. Он поощрял разведение лекарственных трав, которые наряду с другими снадобьями, предоставлялись людям и животным. Чтобы быть уверенным, что его реформы проводятся в жизнь, он создал новый класс чиновников — «служителей праведности» (джарма-махатров), которые, получая указания непосредственно из столицы, были обязаны расследовать дела во всех провинциях, поощрять добрые отношения между людьми и удостоверяться, что местные власти проводят новую политику.

При всем своем ревностном отношении к буддизму Ашока не отличался узостью взглядов. Он не раз заявлял, что все секты достойны уважения, и дарил специальные пещеры адживикам, которые были главными соперниками буддистов. Его отношения с буддийским духовенством, скорее всего, носили эрастианский характер (т.е. определялись правом государства вмешиваться во внутренние дела религиозных сект), поскольку он без долгих раздумий предписывал, какие именно отрывки из писания община должна была особенно усердно изучать, наказывал местных чиновников следить за тем, чтобы недостойных буддийских монахов изгоняли из общины. Именно в период правления Ашоки буддизм из индийской секты начал превращаться в мировую религию. При нем в Паталипутре был созван великий собор буддийского духовенства, который окончательно зафиксировал палийский канон, после чего были разосланы миссионеры по всей Индии и за ее пределы.

Словом, Ашока был великим реформатором-гуманистом Древней Индии. Все его законодательство представляет собой эдикты, выгравированные на скалах и ко-

лоннах, разбросанных по территории всей Индии. Все вместе они составляют единственный в своем роде памятник великому царю.

Эдикты эти частично напоминают указы ранних Ахеменидов, но по содержанию сильно отличаются, например, от большинства надписей Дария I, прославляющих императора, перечисляющих все его победы и подвластные ему народы и племена. Надписи Ашоки — официальные государственные эдикты и указания чиновникам и подданным. Их первоначальный текст составлял, очевидно, сам император.

Основным содержанием реформы Ашоки было человеколюбие во внутреннем управлении и отказ от агрессивных войн. Традиционную политику территориальных захватов он заменил победой дхармы (т.е. праведности). Правда, о политике Ашоки высказываются противоречивые суждения. Его критики обвиняют Ашоку в том, что он погубил империю Маурьев либо своим противодействием брахманам, либо тем, что своим гуманизмом ослабил воинственный дух правящих сословий. Думается, что эти обвинения необоснованны, поверхностны. Скорее всего, причина распада империи Маурьев заключается в том, что Ашока слишком опередил свою эпоху, а последующие правители Маурьев, наследовавшие престол в течение 47 лет после смерти Ашоки, не могли достигнуть тех высот ума и гуманизма, какими обладал Ашока. Эти правители были всего лишь царственными пешками и никаких положительных следов в истории Индии не оставили. Из надписей на скалах и колоннах возникает яркий образ человека, по своим личным качествам намного опередившего свое время. И недаром Индийская республика использовала изображение капители колонны Ашоки как государственную эмблему.

После падения империи Маурьев миролюбивая политика Ашоки вскоре была забыта, хотя семена гуманизма и миролюбия глубоко укоренились в сердцах и характере простых индейцев. Цари снова обратились к завоевательным походам, которые древние авторитеты в области политической мысли объявляли нормальной деятельностью государства. В целом, история Индии послемаурьевского периода — это история междоусобной борьбы местных

династий за господство. Политическое единство Индии было утеряно почти на 2 тысячи лет. С 1526 г. н.э. до 1858 г. в Индии правила династия Великих Моголов. В 1690 г. англичане основали Калькутту, а в 1858 г. они окончательно покорили Индию и превратили ее в свою колонию. В 1950 г. Индия объявлена республикой. Таковы основные исторические вехи Индии.

Индия представляет собой многонациональное государство. Население ее говорит на языках индоевропейских, дравидийских, дардских, мон-кхмер, мунда, тибето-китайских. В Индии насчитывается более 170 языков. Точное число индийских языков неизвестно, так как не все языки хорошо изучены. Английский востоковед Дж. А.Гривсон (1851 – 1941) в своем девяти томном труде «Лингвистический обзор Индии» (1903 – 1930) дал схематическое описание 179 языков и 544 диалектов Индии. Фактически же количество языков и диалектов, вероятно, несколько больше. 13 языков развились в национальные языки. Большинство же языков Индии остались бесписьменными. К индийской ветви индоевропейских языков относятся: хинди, бенгальский, урья, ассамский, пенджабский, гуджаратский, синдхи, маратхи, западный пенджабский, бихари, раджастан. Эти языки распространены в Северной Индии, а в Гималаях, относящихся к этой же ветви — языки непали, зап. пахари, кашмирский, кохистани. Все эти языки в научной литературе называются также новоиндийскими. На них говорят более 2/3 населения Индии. К дравидийским языкам, распространенным в Южной Индии относятся тамильский, телугу, каннара и малайямы. Сюда же причисляются также ряд языков горных и лесных племен Центральной Индии (гонд, реджмахал, кхонд и др). К дардским языкам относится ряд гималайских диалектов, распространенных на крайнем северо-западе Индии. Это — кховари (называемый также читрали или арнийя), на котором говорит население феодального княжества Читрал, кухистани, имеющий три диалекта — майси, гарви и торвали и распространенный в Кухистане (верховья р. Сват), шина — язык неселения местностей Гор, Чилпс, Дарел и Тангир — в верховьях р. Инда.

Правда, современная наука считает термин «дардский» устаревшим, так как он

объединяет мало сходные между собой народности. Языки мунда распространены главным образом в округе Ранчи (штат Бихар) — гористой местности частично покрытой джунглями. К ним относятся мундари, сантали, хо, курку, кхария, савара, гадаба и др. Языки мон-кхмер и тибето-китайские распространены в Северо-Восточной Индии.

История индийских языков охватывает период свыше 4 тыс. лет. Древнейшие памятники индийского языка обнаружены в долине р. Инда при раскопках городов Мохенджо-Даро и Хараппы в 20-х гг. XX в. Язык этих надписей с трудом поддается дешифровке. Цивилизация долины р. Инда датируется серединой 3-го тысячелетия до н.э. В середине 2-го тысячелетия до н.э. в Индию вторгаются разрушившие культуру Мохенджо-Даро и Хараппы племена, говорившие на диалектах древнейшего из индоевропейских языков — ведийского. Таким образом, ведийский язык считается самым древним из известных науке языков Индии. В настоящее время этот язык, как и санскрит, является мертвым языком. На этом языке создана древнейшая литература Индии, получившая название ведической литературы. Она состоит из трех основных групп памятников: 1) веды, или самхита, 2) брахманы и 3) араньяки и упаншады. Эти три раздела известны в индийской научной литературе под именем «Шрусти», т.е. «услышанные» (от бога). К этим трем группам памятников примыкают произведения, называемые «смрити» (что значит «запомненные»), считающиеся уже не божественным откровением, а делом рук человеческих: веданги (или сутры) и упаведы. Веды состоят из четырех сборников — Ригведа, или Веда священных гимнов, Самаведа, или Веда песен, Яджурведа — Веда жертвенных изречений и формул и Атхарваведа — Веда жреческих изречений или заклинаний. Важнейшая из самхит — Ригведа. Она содержит 1028 гимнов (сукта, написанных разными стихотворными размерами и разделенная на 10 книг, или мандал). Богатство изобразительных средств (обилие синонимов, эпитетов, художественных образов и т.п.) и большое разнообразие стихотворных размеров этой самхиты заставляют предполагать наличие предшествующей длительной литературной традиции, не дошедшей

до нас. Ригведа является сборником гимнов самого различного содержания. Главное место в ней занимают молитвы славословия божествам. Единого общепризнанного главы богов Ригведа не знает.

Атхарваведа заметно отличается от Ригведы. Гимны Атхарваведы носят характер заклинаний. Боги Атхарваведы носят те же имена, что и боги Ригведы, но весьма отличны по своему характеру: они борются не с могучими демонами, а с демонами болезни. Самаведа и Яджурведа мало оригинальны. Большинство содержащихся в них гимнов взято из Ригведы. Они расположены в порядке, которого требует ритуал различных жертвоприношений.

Вторым по древности языком Индии является санскрит — древнеиндийский литературный язык. Термин «санскрит» означает: «отделанный, совершенный, правильный (грамматически)», т.е. язык образованного общества и литературы, в отличие от термина «пракриты» — «естественный, народный», которыми в древности обозначались народные диалекты и говоры, представлявшие более позднюю, т.н. среднеиндийскую стадию развития языка и достигшие статуса литературных языков позднее санскрита. Санскритский язык складывался, развивался и шлифовался приблизительно на протяжении тысячи лет. На нем была создана богатейшая литература древности, например величайшие памятники «Махабхарата», «Рамаяна», памятники фольклора, обретшие литературную форму «Панчатантра», «Брихаткатха», «Веталапанхавиньшати», «Шукасаптити» и др. На санскрите созданы всемирно известные драмы Калидасы, лирика Бхартрихари и Амару, прозаические произведения Баны и Дандина. Наиболее ранними представителями санскритской литературы были поэт и драматург Ашвахоша и драма Бхаса. Но уже к концу 1-го тысячелетия до н.э. он стал мертвым языком, непонятным для простого народа. Следующими языками по их значению являются пракриты — среднеарийские диалекты и литературные языки, бывшие в употреблении приблизительно с середины 1-го тысячелетия до н.э. до середины 2-го тысячелетия н.э. Несомненно, на пракритах с самого начала существовала значительная устная литература в стихах и прозе. Возможно, что основные сюжеты великих эпических

поэм «Махабхараты» и «Рамаяны» были первоначально изложены на пракритах и позже обработаны жреческой и воинской кастами на санскрите. Впоследствии из пракритов развились современные литературные языки многих народов Индии.

Художественная культура Индии, возникшая в глубокой древности, является одной из наиболее значительных и своеобразных культур народов Азии. Индийское искусство отличается богатством и пластической выразительностью образов, смелостью творческой фантазии, сложностью и многообразием композиций, мастерской передачей движений и чувств. Развиваясь в условиях рабовладельческого и феодального общества, испытывая давление кастового строя, брахманистской, буддийской и мусульманской религий, а позже — гнет английского империализма, искусство Индии, все же не утратило глубокого самобытного характера: оно правдиво отражало жизнь и представления народа.

Художественные памятники эпохи первобытнообщинного строя (пещерные рисунки, изображающие охотничьи сцены и др. времени палеолита и неолита) открыты в Декане и на юге Индии. Искусство ранне-рабовладельческого общества, сходное с шумерским (Месопотамия), процветало в 3-м тысячелетии до н.э. в бассейне Инда. Оно явилось основой позднейшего искусства Индии. Раскопками, начатыми в 1921 г. в Мохенджо-Даро, Хараппе и др. были открыты городские постройки из кирпича и скульптура (изображающая животных, людей и божеств), расписная керамика, ювелирные изделия.

Искусство Индии достигло расцвета с образованием рабовладельческого государства династии Маурья (ок.322 – 185 до н.э.). Дворец царя Ашоки в Паталипутре имел три тысячи помещений, расположенных одно за другим, в которых были каменные и деревянные, обвитые золотыми виноградными лозами колонны: монументальность форм сочеталась с роскошью отделки. На фасадах дворцов чередовались обычно балконы и арки, повторяющие образцы народного деревянного зодчества. Статуи людей и божеств («Якша») отличались неподвижностью поз, монументальностью и мощностью тяжеловесных форм. В мелкой пластике из терракоты народное творчество, более сво-

бодное от условностей создало жизненные и меткие образы людей.

Распространение буддизма при Ашоке вызвало строительство официальных культовых сооружений «Ступа», пещерных храмов, а также монолитных столбов «стамбха» и др. «Ступы», вначале простые и монументальные, имели вид полусферы, возведенной на барабане; наверху хранилась погребальная урна и возвышался стержень с «зонтами» («Ступа» в Санчи III в. до н.э.) «Стамбха», поставленные при Ашоке увенчанные символами буддизма с высеченными на стволе указками, достигали 50 т. Веса и свыше 15 м высоты («Стамбха» в Лаурья, ок. 242 – 232 до н.э. и др). В «стамбха» наглядно выразилось подчинение придворного искусства Ашоки задачам распространения буддизма и прославления государства. Третий вид монументальных сооружений — пещеры. Из небольших и простых пещер Ашоки развились буддийские и пещерные храмы «чайтья», имевшие вид продолговатого зала с двумя рядами колонн, в закругленном конце против входа помещался «ступа» («чайтья» в Кондане, Питалкхоре, Бедсе, Аджанте и др.).

Наиболее знаменитыми храмами являются: храм Дхармараджаратха в Мамаллапуре (VII в.), храм Кайласантха в Элуре (VIII в.), храм Раджарани в Бхуванешваре (ок. 1000-1150, мавзолей Тадж-Махал в Агре (1632-1650), минарет Кутуб-минар в Дели (ок.1200), Гопурам (надвратная башня) Большого храма в Мадуре (XVII в.), зал аудиенций Диван-и-Ам в Дели (XVII в.), дворец Бир Сенг-Дева в Датии (ок.1620), фрески из Аджанты (VII в.), «Львиная капитель» из Сарнатха (V в. н.э.) и многие другие.

Древнюю Индию не случайно называют страной мудрецов и мыслителей. Такая характеристика, несомненно, связана с высоким уровнем развития индийской науки, философии и духовной культуры еще в далеком прошлом. Уже на заре цивилизации в Индии к знанию относились с особым уважением, более того, почитанием: достижение его объяснялось целью человеческой жизни. В знаменитом буддийском сочинении «Джаммападе» сказано: «Даже боги завидуют мудрым. Если кто-нибудь говорит и делает с истинным знанием, то за ним следует счастье, как неот-

ступная тень». Через века пронесли индийцы память о создателях оригинальных философских систем и научных школ — математиках, астрономах, грамматиках; «великими мудрецами» нарекали они своих выдающихся мыслителей, ученых писателей и поэтов. Даже те науки или знания, которые не полностью признаются европейскими учеными, или же совершенно отвергаются, поражают нас своей монументальностью.

Поистине колоссальным было воздействие этой древнейшей цивилизации на общечеловеческую культуру. Огромный интерес к философии, религии, литературе и искусству Индии проявляли В. Шиллер, И.В.Гете, Г. Гейне, Т. Манн, Кант, Гегель, Шеллинг, Шопенгауэр, П.Б. Шелли, В.Гюго, Р.Роллан, А.Франс, В.А.Жуковский, В.Г.Белинский, К.Д.Бальмонт, И.Бунин, В.Верещагин, Н.Рерих, Л.Н.Толстой и многие другие.

В течение длительного времени объективная оценка вклада индийцев в мировую культуру серьезно затруднялась неразработанностью проблем конкретной истории страны, а также господством предвзятых и ненаучных взглядов. Впервые письменные древнеиндийские памятники стали известны на Западе в конце XVIII в. Европейцев буквально потряс открывшийся перед ними мир. Но естественное чувство восхищения в ряде случаев уступало место «суперкритицизму», нередко приводившему к превратным суждениям об Индии, ее истории и культуре. Внимание исследователей, прежде всего, сосредоточилось на религии и мифологии, а философские и научные оставались вне поля их зрения. В Европе утвердилось представление о «созерцательности», «пассивности», «застойности» индийской культуры. Такое утверждение, по нашему мнению, исходит из первоначального впечатления от знакомства с индийской культурой: ведь форма познается раньше, чем ее содержание. Конечно, большая доля правды в таких оценках все же есть. Жизненное кредо индийцев «вначале была мысль» захватило все сферы их бытия. Чрезмерное развитие спокойной мысли стало преобладающим. В конечном счете, жизненный практицизм был побежден мыслью. Философские и религиозные размышления поднялись на такую высоту,

какой практическая деятельность не могла достичь. Словом, доминанция мысли над практицизмом выразилась в создании монументальных философских и религиозных систем, в величайших памятниках литературы и культуры, в системе йогов с одной стороны и с другой — создала непреодолимый барьер для развития точных и технических наук. И чем глубже индийская философия умозрительно познала мир, тем непреодолимее создавался барьер для практического применения накопленных знаний для развития технических наук. Древняя и средневековая культура Индии достигла таких вершин, как ни один народ в мире. Но в силу преобладания мысли над практическим ее воплощением, она, естественно, не смогла преодолеть этот барьер. Этим, в основном, по моему мнению, и можно объяснить тот факт, что Индия, достигшая к средневековой таких вершин познания, не заняла в научном и техническом отношениях ведущего места в современном мире. Конечно, долгое господство персов, тюрков, монголов и англичан отрицательно сказалось на развитии наук (преимущественно точных и технических), но оно не было, вероятно, основной причиной отставания индийской технической мысли. И современной Индии, ставшей на путь самостоятельного развития, предстоит преодолеть этот барьер путем сочетания глубокой мысли с ее практическим применением.

Возможно, такой ход рассуждений и выводы из них покажутся неправильными. Но давайте, для примера, возьмем опыт США. Не так давно Соединенные Штаты отмечали двухсотлетний юбилей своего существования. Срок, конечно, для истории государства очень маленький. И все-таки США за этот срок стали одним из самых могущественных государств мира. Так что же способствовало такому быстрому развитию этого государства? Чтобы понять это, необходимо вспомнить из каких элементов складывалось это государство. Первыми колонистами США были не философы и мыслители, не религиозные деятели, не поэты, не художники и музыканты, а исключительно люди действия, не размышлявшие о методах и средствах, о гуманизме и божественных началах. США не могут похвалиться своими великими философами, поэтами, музыкантами, художниками, гума-

нистами. Ведущим принципом всей их жизни был девиз: «В начале было дело». И этот принцип в своем историческом развитии стал доминирующим. Первым колонистам приходилось вести жестокую борьбу за свое существование как с природой, так и с людьми и такими же алчными деятелями из своей же среды, как и они сами: ведь им нужно было не только выжить в этой борьбе, но и подчинить себе все то, что только окажется в их силах. Ведь все эти пионеры, в своей основной массе и были именно людьми такого пошиба. И философия, поэзия и прочие моральные ценности для них были не только ненужными критериями, а наоборот — они были их врагами, так как сдерживали их алчность и ненасытную жажду приобретений и накоплений.

Что же касается религии индийцев, то, как уже кратко упоминалось выше, Индия является колыбелью буддизма. Религия подчинила себе здесь все сферы жизни народа. Зародившись еще в глубокой древности из примитивных представлений о мире, индийская религия начала складываться в более стройную систему к концу 2-го тысячелетия до н.э. — в ведическую религию. В своем дальнейшем развитии ведическая религия прошла через брахманизм, и в V в. до н.э. возникло новое наиболее гуманное религиозное учение — буддизм, получившее во время царствования Ашоки право государственной религии. Не имея возможности осветить более подробно все этапы развития, хочу немного остановиться на взаимосвязях религий Индии с философией.

По ряду исторических причин религии и философия Индии развивались в сложном взаимодействии друг с другом, испытывали противоречивые взаимовлияния. Религия и философия играли, да и сейчас еще продолжают играть главную роль в жизни народов Индии. Трудно найти такой народ, где религия и философия так тесно переплетались бы между собой, что четких границ между ними установить почти невозможно, и где бы религия была столь живуча. Такое положение, вероятно, обусловлено тем, что религия, зародившись еще на заре человечества, постоянно должна была приспособливаться к современным ей понятиям и представлениям, а отсюда — и ее модификация: от примитивных представле-

ний — к более философски обоснованным. Такую задачу могли выполнять только большие мыслители, и они выполняли ее безупречно. Древние мудрецы — апологеты божественного — всю силу своей мысли направляли в одну точку: философски доказать примат своих религиозных понятий. Нужно еще иметь в виду и существование в Индии многочисленных религиозных и философских школ и течений, которые постоянно находились между собой в своеобразном соревновании. И каждая из них старалась философски доказать свое превосходство над другими. И вот такое бескровное, мирное соревнование способствовало развитию гуманистического мышления, ставшего главным в морали индийца. Именно этим обстоятельством, по моему мнению, и можно объяснить создание народами Индии величайших художественных творений, непревзойденных литературных шедевров, величайших философских систем. Словом, индийская культура в полном ее объеме, со времени первого знакомства европейцев с Индией до настоящего времени, не перестает восхищать и удивлять весь мир. И, вероятно, пока существует человечество, почитание и изучение индийской культуры всегда будет иметь величайшее значение для всех народов.

Подводя итог всему сказанному мною об Индии, необходимо выделить несколько главных моментов. Примат мысли над всеми другими факторами на протяжении всей истории народов Индии способствовал созданию глубоко гуманного общества, почти полностью лишённого какой-либо агрессивности (ведь Индия почти никогда не вела завоевательных войн, а только оборонительные). Отставание же технических и вообще практических наук от гуманитарных, можно надеяться, будет ликвидировано в недалеком будущем. Начало этому уже заложено — и неплохое.

21.12.1977.

С.Д. Мастепанов

Публикуется впервые по рукописи

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГПА – Армавирская государственная педагогическая академия

АНО – Автономное некоммерческое объединение

АОАМООР – Архивный отдел Администрации муниципального образования Отрадненский район.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края

ГА КЧР – Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей

ЗТОЛКС – Записки Терского общества любителей казачьей старины

КГИАМЗ – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына

КГУКИ – Краснодарский государственный университет культуры и искусств

КубГУ – Кубанский государственный университет

КЧГПУ – Карачаево-Черкесский государственный педагогический университет

КЧИГИ – Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований

КЧНИИИСФ – Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики

КЧМЗ – Карачаево-Черкесский музей-заповедник

НИЦ – Научно-исследовательский центр

НТШ – Наукове товариство імені Шевченка

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РА – Российская археология

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

РГВА – Российский государственный военный архив

РАЕ – Российская академия естествознания

РОИА – Российское общество историков-архивистов

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

УЗАНИИ – Учёные записки Адыгейского научно-исследовательского института

ЦГАРСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания

ЦДНИКК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Ольга Вадимовна – краевед
(г. Медногорск, КЧР)

Астежеева Айшат Маевна – к. филол. н.,
доцент КЧИГИ (г. Черкесск)

Байрамкулова Аминат Ахматовна – к.и.н.,
учёный секретарь Карачаево-Черкесского
института гуманитарных исследований
(КЧИГИ) при Правительстве КЧР (г. Чер-
кесск)

Берендюков Борис Николаевич – краевед,
подъесаул ККВ, член правления Лабинско-
го отдела ККВ, член совета Фонда культу-
ры кубанского казачества «Линеец» (г. Ар-
мавир)

Бондаренко Владимир – иерей, преподава-
тель Екатеринодарской духовной семина-
рии, штатный священник монастыря «Все-
царица» (г. Краснодар)

Бровко Александр Михайлович – краевед
(ст. Бесскорбная)

Власкина Татьяна Юрьевна – зав. музеем
казачества и этнографии Южного научного
центра РАН (г. Ростов-на-Дону)

Гедыгушева Татьяна Хаучьяновна – к.
пед.н., доцент, зав. кафедрой математиче-
ских и естественно-научных дисциплин Ка-
рачаево-Черкесского филиала Московского
финансово-промышленного университета
«Синергия» (г. Черкесск)

Голованова Светлана Александровна –
д.и.н., профессор кафедры истории России
Армавирской государственной педагогиче-
ской академии (г. Армавир)

Голубев Лазарь Эрвандович – к.и.н., веду-
щий археолог РГУ «Государственная ин-
спекция по охране, эксплуатации и рестав-
рации объектов культурного наследия КЧР»
(г. Черкесск)

Дейневич Александр Васильевич – краевед,
член Союза журналистов России (ст. Ново-
деревянковская Краснодарского края)

Емельянов Никита Олегович – студент 2
курса исторического факультета СПбГУ
(г. Санкт-Петербург)

Емельянов Олег Борисович – к.и.н., доцент
(г. Георгиевск)

Засухин Роман Валерьевич – к.и.н., заведу-
ющий отделом новой и новейшей истории
Армавирского краеведческого музея
(г. Армавир)

Заубидова Ирина Хасамбиевна – замести-
тель директора - главный хранитель РГБУ
«Государственный Карачаево-Черкесский
историко-культурный и природный музей-
заповедник» (г. Черкесск)

Ионова Сара Хасанбиевна – д. филол. н.,
заведующая отделом КЧИГИ (г. Черкесск)

Казанков Владимир Иванович – краевед
(ст. Бесскорбная)

Канарёв Валерий Николаевич – к.т.н., до-
цент. Академик Международной Академии
биосферных наук (г. Севастополь, Украина)

Карданова Ася Хусиновна – к.и.н., доцент,
ведущий научный сотрудник отдела исто-
рии и археологии Карачаево-Черкесской
Республики КЧИГИ (г. Черкесск)

Климушин Игорь Анатольевич – краевед,
член совета Фонда культуры кубанского
казачества «Линеец»

Коровин Александр Анатольевич – к.и.н.,
доцент, профессор РАЕ (ст. Отрадная)

Корсакова Наталья Александровна – стар-
ший научный сотрудник КГИАМЗ (г. Крас-
нодар)

Кравцова Светлана Леонидовна – зав. от-
делом археологии Ставропольского госу-
дарственного музея-заповедника им. Г.Н.
Прозрителева и Г.К. Пправе (г. Ставрополь)

Кратова Наталья Васильевна – к.и.н., до-
цент, зам. директора КЧИГИ по науке
(г. Черкесск)

Левицкий Игорь Леонидович – член совета
Фонда культуры кубанского казачества
«Линеец»

Ложкина Ольга Анатольевна – историк-
краевед, преподаватель православного при-
хода храма Успения Пресвятой Богородицы
(с. Успенское Успенского района Красно-
дарского края)

Лукаш Сергей Николаевич – д. пед. н., про-
фессор Армавирской государственной пе-
дагогической академии, директор Красно-
дарского краевого общественного фонда
культуры кубанского казачества «Линеец»
(г. Армавир)

Лукошкина Екатерина Валерьевна – сту-
дентка информационно-библиотечного фа-
культета КГУКИ (г. Краснодар)

Малахова Анастасия Сергеевна – к.и.н.,
специалист отдела магистратуры Армавир-

ской государственной педагогической академии (г. Армавир)

Мамчуева Фатима Османовна – к.филол.н., старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора народов Карачаево-Черкесской Республики КЧИГИ (г. Черкесск)

Матвеев Олег Владимирович – д.и.н., профессор кафедры дореволюционной отечественной истории КубГУ, главный научный сотрудник НИЦ традиционной культуры Государственного научно-творческого учреждения «Кубанский казачий хор» (г. Краснодар)

Немченко Гарий Леонтьевич – известный русский писатель, публицист, переводчик, общественный деятель, член Союза писателей с 1964 г., Лауреат премии ВЦСПС и Союза писателей СССР, премий имени Николая Островского, «Казачий златоуст», «Образ», имени Пушкина, Заслуженный работник культуры Республики Адыгея, автор около 50 книг прозы (г. Москва)

Немченко Сергей Гариевич – краевед, председатель Отрядненской районной организации РОИА (ст. Отрядная)

Орёл Лариса Гавриловна – краевед (г. Краснодар)

Пелих Алексей Леонидович – д.и.н., профессор кафедры всеобщей и региональной истории АГПА, директор Армавирского механико-технологического техникума (г. Армавир)

Пелих Валентина Михайловна – к. филол. н., доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Армавирской государственной педагогической академии (г. Армавир)

Петров Владимир Николаевич – д. социолог. н., профессор кафедры социологии КубГУ (г. Краснодар)

Петрова-Хорина Нианила Николаевна – к. филол. н., профессор кафедры журналистики и издательского дела Кубанского социально-экономического института (г. Краснодар)

Пылков Олег Сергеевич – к.и.н., старший преподаватель кафедры философии, культурологии и социально-гуманитарных дисциплин АГПА (г. Армавир)

Русанов Константин Викторович – краевед (г. Харьков, Украина)

Савенко Сергей Николаевич – к.и.н., директор Пятигорского краеведческого музея, Заслуженный работник культуры РФ (г. Пятигорск)

Самовтор Сергей Владимирович – к.и.н., главный специалист ГКУ «Государственный архив Краснодарского края», председатель первичной организации РОИА ГКУ «Государственный архив Краснодарского края» (г. Краснодар)

Слуцкий Аркадий Иосифович – к. пед. н., профессор кафедры общего библиографоведения и книговедения Краснодарского государственного университета культуры и искусств (г. Краснодар)

Соловьёва Наталья Георгиевна – к.и.н., доцент, старший научный сотрудник отдела истории и археологии КЧИГИ (г. Черкесск)

Строкун Лариса Михайловна – ведущий библиограф информационно - библиографического отдела Краснодарской краевой юношеской библиотеки им. И.Ф. Вараввы (г. Краснодар)

Телепень Сергей Валерьевич – к.и.н., доцент Мозырского государственного педагогического университета (г. Мозырь, Белоруссия)

Темирова Раиса Хасановна – к. филол. н., зав. сектором кабардино-черкесского языка КЧИГИ (г. Черкесск)

Тёр Виктор Васильевич – Заслуженный журналист России (ст. Ленинградская)

Тёр Евгений Викторович – к.и.н., зам. директора по воспитательной работе средней общеобразовательной школы №13 ст. Ленинградская, председатель Ленинградской районной организации РОИА (ст. Ленинградская)

Филиппов Станислав Кириллович – писатель, член Союза российских писателей, Заслуженный работник культуры Кубани (г. Краснодар)

Хабекирова Хабиба Адамеевна – к.и.н., старший научный сотрудник отдела этнографии КЧИГИ (г. Черкесск)

Хужева Людмила Корнеевна – к. филол. н., доцент КЧИГИ (г. Черкесск)

Чумаченко Виктор Кириллович – к. филол. н., профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы КГУКИ, председатель Кубанского отделения НТШ (г. Краснодар)

Шевченко Василий Васильевич – инженер (г. Киев, Украина)

Шенкао Маргарита Башировна – заместитель директора КЧИГИ по общим вопросам (г. Черкесск)

Шишканова Антонина Викторовна – к. филол. н., доцент, Заслуженный деятель науки КЧР, Заслуженный деятель высшего образования, ведущий научный сотрудник отдела языков КЧИГИ (г. Черкесск)

Якубов Виталий Васильевич – научный сотрудник Лабинского музея истории и краеведения им. Ф.И. Моисеенко (г. Лабинск)

Отраденские историко-краеведческие ЧТЕНИЯ

Выпуск I

Материалы региональной научной конференции,
посвящённой 100-летию со дня рождения
Сергея Даниловича Мастепанова

*Ответственный редактор С.Н. Малахов,
составитель С.Г. Немченко*

Издательско-полиграфическое предприятие:
ИП Шурыгин Виталий Евгеньевич
г. Армавир, ул. Каспарова, 7. Тел.: (86137) 7-56-96, (928) 2954-928.
E-mail: vitalii_shurygin@mail.ru

Подписано в печать: 23.08.2013 г. Формат 60x90/8.
Гарнитура Times. Бумага офсетная. Тираж 218 экз.
Печать трафаретная цифровая. Усл.печ.л. 38,8. Уч.изд.л. 39,3.